А. М. Придикъ.

Шестая рѣчь Исея.

Изслѣдованія въ области
аттической генеалогіи и аттическаго
гражданскаго права.

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu
11910

TARTU ÜLIKOOLI
RAAMATUKOGU

Посвящаю памяти

дорогой, незабвенной

матери.

ВВЕДЕНІЕ.

Habent sua fata libelli. И наша диссертація, какъ говорится, можетъ спѣть про это свою пѣсенку. По окончаніи магистерской диссертаціи мы сначала приступили къ труду исторіографическаго содержанія, затѣмъ начали обработывать документы касающіеся отпущенія рабовъ на волю, а наконецъ задумали написать подробную исторію и систему аѳинскаго гражданскаго права. Ни одного изъ задуманныхъ нами трудовъ, однако, не удалось окончить. Въ первомъ и третьемъ случаяхъ мы еще не успѣли и собрать всего матеріала, какъ уже появились сочиненія посвященныя тѣмъ же предметамъ. Что же касается втораго случая, то мы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отъ своего новаго коллеги А. В. Никитскаго, только что прибывшаго въ Юрьевъ, узнали, что онъ обработываетъ эту же матерію и что у него кромѣ всего собраннаго имъ матеріала есть еще множество неизданныхъ документовъ, списанныхъ имъ самимъ въ Дельфахъ и въ разныхъ другихъ мѣстностяхъ Греціи. При такого рода обстоятельствахъ пришлось отказаться отъ всѣхъ этихъ работъ и приступить къ новому труду. Мы, однако, успѣли настолько заинтересоваться аѳинскимъ гражданскимъ правомъ, что, найдя по прочтеніи преобъемистаго сочиненія французскаго юриста Beauchet, что оно за нѣкоторыми

лишь исключеніями mutatis mutandis больше ничего какъ весьма полезная компиляція, мы рѣшились не бросать этой интересной темы, а отложивъ ее только на нѣкоторое время, покамѣстъ обработать нѣкоторыя части этой матеріи въ нѣсколько иномъ видѣ. Для диссертаціи, именно, матерія эта послѣ появленія въ свѣтъ упомянутаго сочиненія по разнымъ причинамъ оказалась неудобной. Всѣ сочиненія, посвященныя изложенію вопросовъ греческаго гражданскаго права, какъ извѣстно, отличались полнымъ отсутствіемъ всякой системы; лучшимъ образцомъ такого безсистемнаго сочиненія можетъ служить извѣстное руководство Hermann-Thalheim'a, въ которомъ авторы расплываются въ частностяхъ, не объединенныхъ никакой общей мыслью. Этому неестественному и ненормальному положенію дѣлъ нужно было разъ на всегда положить конецъ и мы намѣревались привести весь этотъ неупорядоченный и разбросанный матеріалъ въ стройную систему. Beauchet опередилъ насъ. Такъ какъ здѣсь не пришлось придумать какой-нибудь новой системы, а просто примѣнить къ греческому праву систему римскаго права и зависящихъ отъ него современныхъ правъ, то само собою разумѣется, что попытка Beauchet должна была съ перваго же пріема увѣнчаться успѣхомъ. Въ частностяхъ, конечно, онъ могъ ошибиться и дѣйствительно ошибся, такъ какъ не обратилъ должнаго вниманія на нѣкоторые моменты, по отношенію къ которымъ греческое право существенно отличается отъ всѣхъ остальныхъ правъ [1]) — но въ общемъ новая

1) Такъ напр. онъ раздѣлилъ свое четырехтомное сочиненіе на слѣдующіе три отдѣла: droit de famille (т. I и II), droit de propriété (т. III) и droit des obligations (т. IV), но говоритъ о рабахъ во второмъ томѣ (droit de famille), между тѣмъ какъ извѣстно, что по понятіямъ древнихъ Грековъ рабъ считался вещью (κτῆμα) и поэтому о рабахъ слѣдовало говорить въ третьемъ томѣ и т. п.

систематическая обработка этого предмета съ чисто внѣшней стороны была бы вполнѣ излишней: намъ пришлось бы только исправлять ошибки предшественника. Что же касается, съ другой стороны, самого изложенія, то сочиненіе это, какъ мы уже замѣтили, компиляція. Авторъ весьма подробно излагаетъ всѣ мнѣнія, произнесенныя другими учеными за или противъ того или другого воззрѣнія. Такъ какъ многое уже съ нѣкоторыхъ поръ можетъ считаться общепринятымъ, то намъ пришлось бы повторять то, что уже подробно резюмировано въ этомъ сочиненіи. Во всѣхъ остальныхъ и довольно многочисленныхъ случаяхъ, въ которыхъ мы не могли бы соглашаться съ воззрѣніями Beauchet, намъ пришлось бы критически разбирать мнѣнія этого ученаго — или, точнѣе, его источниковъ, такъ какъ новыхъ, собственныхъ воззрѣній въ этомъ сочиненіи весьма мало —, такъ что наше сочиненіе въ концѣ концовъ походило бы скорѣе на рецензію на сочиненіе Beauchet, чѣмъ на самостоятельное сочиненіе. Новая обработка этой матеріи, какъ мы ниже увидимъ, является настоятельной потребностью, но, на нашъ взглядъ, въ виду всего вышеизложеннаго врядъ ли можетъ считаться удобной темой для докторской диссертаціи. Поэтому, какъ уже было нами замѣчено, мы отложили эту работу на нѣкоторое время и приступили къ детальной обработкѣ этой матеріи съ нѣсколько иной точки зрѣнія.

Извѣстно, что къ числу важнѣйшихъ источниковъ принадлежатъ рѣчи аттическихъ ораторовъ, въ особенности рѣчи Исея, частныя рѣчи Демосѳена и приписанныя послѣднему т. н. псевдо-демосѳеновскія рѣчи. Какую важную роль играютъ эти рѣчи видно изъ того обстоятельства, что всѣ научныя сочиненія, посвященныя аттическому гражданскому праву, переполнены цитатами изъ упомянутыхъ рѣчей. Однако не слѣду-

етъ предполагать, что всѣ авторы подробно изучили эти рѣчи. Напротивъ — цитаты эти обыкновенно просто заимствуются у предшественника и такимъ образомъ, такъ сказать, по наслѣдству переходятъ съ Сидора да на Ивана. Добросовѣстные ученые также обыкновенно довольствуются тѣмъ, что открываютъ упомянутаго оратора и прочитываютъ данный параграфъ или нѣсколько параграфовъ, или въ самомъ благопріятномъ случаѣ пробѣгаютъ всю рѣчь. Если бы всѣ рѣчи были обработаны въ родѣ нашей диссертаціи, то отъ такого отношенія къ дѣлу большаго вреда быть не могло. Но въ томъ то и дѣло, что наша диссертація представляетъ первую попытку такого монографическаго изслѣдованія отдѣльной рѣчи. Покуда не будутъ такимъ образомъ подробно изслѣдованы всѣ вышеупомянутыя рѣчи, авторы по прежнему будутъ строить неправильные выводы вслѣдствіе того, что будутъ или вносить то, чего вовсе не содержится въ источникѣ или неправильно толковать выраженія источника, такъ какъ не изучили его цѣликомъ. Что добросовѣстный ученый долженъ стараться дѣлать выводы не на основаніи отдѣльно взятыхъ выраженій, а въ зависимости отъ мѣста и значенія ихъ въ общей связи — общепризнано, однако, къ сожалѣнію, не особенно многіе соблюдаютъ этого похвальнаго правила. Такое монографическое изслѣдованіе, правда, невозможно безъ точнаго знанія какъ вообще греческаго и остальныхъ гражданскихъ правъ, такъ и остальныхъ источниковъ. Но одно не исключаетъ другого. Такое явленіе вообще замѣчается во всѣхъ историческихъ наукахъ. Чтобы написать напр. Исторію Греціи, нужно предварительно тщательно и монографически изучить исторію каждаго изъ многочисленныхъ греческихъ государствъ въ отдѣльности; но чтобы быть въ состояніи написать такую монографію, нужно сначала осно-

вательно ознакомиться съ общегреческой исторіей и съ аналогичными явленіями въ другихъ греческихъ государствахъ. Для этого нужно, конечно, имѣть общія сочиненія по греческой исторіи, но только не слѣдуетъ забывать, что всѣ сообщенные въ такихъ сочиненіяхъ результаты останутся до тѣхъ поръ нѣкоторымъ образомъ проблематичными, пока не будутъ основаны на тщательномъ изученіи каждаго государства въ отдѣльности. Равнымъ образомъ такія общія сочиненія à la Beauchet, разумѣется, весьма полезны, но считать ихъ послѣднимъ словомъ науки до тѣхъ поръ будетъ невозможно, пока всѣ источники — какъ надписи, такъ и рѣчи — не будутъ тщательно и подробно изслѣдованы въ отдѣльности. Такое монографическое изслѣдованіе составляетъ condicio sine qua non всѣхъ отраслей нашей науки. Отъ составителя общаго сочиненія по данному предмету такого кропотливаго труда, конечно, ожидать нельзя — въ противномъ случаѣ онъ никогда не могъ бы окончить своего сочиненія, такъ какъ монографическое изслѣдованіе всѣхъ источниковъ не подъ силу одному человѣку. Но что такія монографіи крайне необходимы, въ этомъ, кажется, и сомнѣнія быть не можетъ. Мы надѣемся, что и нашъ трудъ подтвердитъ правильность этого воззрѣнія.

На основаніи вышеизложенныхъ мотивовъ мы рѣшились приступить къ подробному изслѣдованію рѣчей Исея, такъ какъ въ нихъ затрагиваются почти всѣ вопросы гражданскаго права. Тщательно собравъ весь матеріалъ и предварительно изучивъ какъ греческое, римское и современныя гражданскія права, такъ и всѣ вышеупомянутыя рѣчи Исея, Демосѳена и Псевдо-Демосѳена, мы приступили къ монографической обработкѣ отдѣльныхъ рѣчей Исея. Начали мы съ шестой рѣчи, одной изъ интереснѣйшихъ этого знаменитаго

аѳинскаго оратора и адвоката, прославившагося именно своими рѣчами, произнесенными по дѣламъ о наслѣдствѣ (κληρικοὶ λόγοι). Шестая рѣчь заинтересовала насъ, однако, не только потому, что сюжетъ ея интересенъ и что въ ней сохранилось весьма много цѣннаго матеріала для возстановленія аттическаго гражданскаго, въ особенности семейнаго и наслѣдственнаго права — рѣчь эта заинтересовала насъ также потому, что содержитъ цѣлый рядъ весьма трудныхъ и запутанныхъ вопросовъ, имѣющихъ отчасти даже первостепенную важность. Множество ученыхъ, изучавшихъ аттическое гражданское право, поломало голову надъ этими запутанными вопросами, но врядъ ли одинъ изъ этихъ вопросовъ можетъ сегодня считаться окончательно рѣшеннымъ, т. е. нѣтъ еще такого рѣшенія, которое могло бы считаться общепринятымъ. Этой, именно, рѣчью мы намѣревались сначала заняться, а затѣмъ хотѣли еще прибавить смотря потому одну или нѣсколько рѣчей. Противъ ожиданія матеріалъ, доставляемый шестой рѣчью, оказался до того обширнымъ и богатымъ, что пришлось ограничиться одной этой рѣчью.

Обратимся теперь къ источникамъ, которыми мы могли воспользоваться при составленіи настоящаго труда. Источники эти придется раздѣлить на двѣ категоріи: на филологическіе и на юридическіе. Дѣленіе это не слѣдуетъ понимать такъ, какъ будто бы мы отличали сочиненія, написанныя филологами, отъ сочиненій, составленныхъ юристами. Такое дѣленіе было бы вполнѣ неестественно, тѣмъ болѣе, что юристы написали также сочиненія чисто филологическаго содержанія, и наоборотъ. Къ первой категоріи мы причисляемъ всѣ изданія и переводы рѣчей Исея и комментарій Шёманна, ко второй всѣ сочиненія, посвященныя вопросамъ аттическаго гражданскаго права,

хотя бы они и были написаны филологами. Начнемъ съ первой категоріи.

Среди важнѣйшихъ греческихъ авторовъ нѣтъ, быть можетъ, другого, котораго такъ мало обработывали, издавали, переводили, изучали и читали, какъ именно Исея. Всѣ попытки немногихъ ученыхъ, посвятившихъ такъ или иначе свое время изученію этого автора, возбудить въ остальныхъ ученыхъ и читающей публикѣ интересъ къ этому интересному автору, оставались тщетными. Чѣмъ объяснить это странное явленіе? Мы думаемъ, что единственно возможнымъ и мыслимымъ объясненіемъ можетъ служить только слѣдующее: рѣчи Исея нельзя было ни читать, ни издавать, ни переводить безъ точнаго знанія аттическаго гражданскаго права, а много ли есть филологовъ, для которыхъ эта трудная и запутанная матерія не была бы terra incognita? Вотъ почему рѣчи Исея не читались, да и теперь не читаются въ гимназіяхъ и университетахъ, и почему имя Исея такъ рѣдко встрѣчается въ библіографическихъ указателяхъ, какъ напр. въ извѣстной Bibliotheca philologica classica.

Такъ какъ мы въ предлагаемомъ изслѣдованіи интересовались главнымъ образомъ содержаніемъ этой рѣчи, а текстъ прибавили только по совѣту нѣкоторыхъ друзей и товарищей, то мы не станемъ подробно критиковать прежнихъ изданій рѣчей этого оратора. Мы и не имѣемъ въ виду дать новой его рецензіи. Послѣ тщательныхъ сличеній важнѣйшихъ рукописей, сдѣланныхъ въ прежнія времена Беккеромъ и Добсономъ, а въ новѣйшее время Шенклемъ и Бюрманномъ, такая рецензія врядъ ли могла бы дать особенно много новыхъ результатовъ. Если къ тому еще прибавить, что въ ближайшемъ будущемъ появится изданіе знаменитаго Бласса, то новая рецензія врядъ ли могла бы считаться вполнѣ цѣлесообразной. Достаточно бу-

детъ, поэтому, вкратцѣ указать только важнѣйшія изданія и переводы; болѣе подробныя библіографическія указанія мы намѣреваемся дать въ Приложеніи I.

О старыхъ изданіяхъ мы здѣсь распространяться не станемъ, такъ какъ они сегодня никакого значенія болѣе не имѣютъ и такъ какъ о нихъ все болѣе или менѣе важное можно найти у Шёманна (praefatio, стр. VII сл.); изъ прежнихъ изданій мы назовемъ лишь J. J. Reiske, Oratores Graeci vol. VII Lipsiae 1773. Всѣ эти изданія уже потому для насъ особеннаго значенія не имѣютъ, что не имѣли возможности воспользоваться рукописью A. Эта рукопись (codex Crippsianus A, saec. XIII; она находится въ Британскомъ музеѣ: Burney 95, plut. CLXD) была куплена въ Аѳонскомъ монастырѣ Ватопедѣ и въ началѣ прошлаго (XIX) столѣтія поступила въ Британскій музей. Важность ея была уже тогда замѣчена, но что всѣ наши рукописи были списаны съ этой, именно, рукописи, этого тогда никто еще не подозрѣвалъ. Jm. Bekker (Oratores Attici vol. III, Oxford 1822), G. Dobson (Oratores Attici vol. IV, London 1828), G. Schoemann (Isaei orationes XI, Gryphiswaldiae 1831), Baiter & Sauppe (Oratores Attici fasc. III, Turici 1840), C. Müller (Oratores Attici, Paris 1847 vol. I), C. Scheibe (Isaei orationes, Lipsiae 1860) всѣ воспользовались этой рукописью; но всѣ они приписывали не менѣе важное значеніе и остальнымъ рукописямъ и пользовались ими какъ самостоятельными источниками, между тѣмъ какъ онѣ на самомъ дѣлѣ для насъ никакого значенія не имѣютъ. Изданія Беккера, Шёманна, Зауппе и Шейбе весьма важны, такъ какъ въ нихъ находится множество цѣнныхъ конъектуръ; но такъ какъ основа была не совсѣмъ прочная, то не удивительно, что многіе результаты въ концѣ концовъ оказались не менѣе шаткими. Если изданіе Шёманна теперь еще служитъ настольной книгой, то

этимъ онъ обязанъ исключительно своему комментарію. Другого комментарія нѣтъ и по этому всѣмъ волей-неволей приходится пользоваться имъ. Мы и не думаемъ умалять важности этого сочиненія. Напротивъ — это чудный комментарій, который не только въ свое время могъ считаться образцовымъ, но который и сегодня еще не утратилъ своего значенія. Однако не слѣдуетъ забывать, что съ тѣхъ поръ прошло уже болѣе 70 лѣтъ, что наука наша, въ особенности во второй половинѣ прошлаго столѣтія, сдѣлала значительный шагъ впередъ, такъ какъ имѣла возможность пользоваться новымъ матеріаломъ и новыми источниками, недоступными и неизвѣстными Шёманну при появленіи этой книги. Сочиненіе Мейера и Шёманна Der Attische Process было въ свое время преважнымъ сочиненіемъ; но врядъ ли оно пользовалось бы сегодня такимъ большимъ авторитетомъ, еслибы не было подновлено Липсіусомъ. Но чтобы не казалось, что мы собираемся γλαῦχ' Ἀθήναζε φέρειν, мы не станемъ подробно доказывать, какъ далеко мы съ тѣхъ поръ ушли въ наукѣ. Достаточно будетъ указать на то, что къ 1831 году успѣлъ появиться только первый томъ Corpus'a Inscr. Graecarum Бёка; сколько послѣ этого найдено преважныхъ документовъ (указываемъ, кромѣ аттическихъ, напр. также на такъ называемое гортинское право, которое при возстановленіи аттическаго гражданскаго права играетъ не менѣе важную роль), сколько появилось изслѣдованій въ области толкованія документовъ, вставленныхъ въ рѣчи аттическихъ ораторовъ, сколько прибавилось новыхъ свѣдѣній по государственному устройству Аѳинъ по открытіи въ 1891 году Ἀθηναίων πολιτεία Аристотеля, какая существенная разница между новѣйшими изслѣдованіями, посвященными изученію аттическаго гражданскаго права и резюмированными въ толстомъ, четырехтомномъ сочиненіи

Бошэ, и жиденькими брошюрами и трактатами и случайными замѣчаніями временъ Шёманна — каждому спеціалисту и безъ того хорошо извѣстно. Вслѣдствіе этого не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что комментарій Шёманна, не смотря на всѣ хорошія качества его, не можетъ не считаться нѣсколько устарѣлымъ и что онъ, поэтому, также нуждается въ обновленіи. Обновленіемъ этого комментарія, хотя въ совершенно другомъ видѣ, является наша диссертація и слѣдующіе затѣмъ выпуски того-же труда. Матеріалъ нами уже собранъ для всѣхъ рѣчей.

Итакъ всѣ прежнія изданія потому не могли считаться образцовыми, что пренебрегли двумя фундаментальными правилами и основами всякой разумной филологической критики: они, во-первыхъ, не воспользовались тщательно сдѣланными сличеніями рукописи A, a, во-вторыхъ, не потрудились уяснить себѣ въ точности, въ какомъ именно отношеніи другъ къ другу находятся различныя рукописи Исея. Рукопись A [1]) была впервые тщательно сличена въ 1881 году одновременно двумя учеными, Шенклемъ и Бюрманномъ. H. Schenkl опубликовалъ результаты своего сличенія въ журналѣ Wiener Studien III 1881, стр. 195—208 „Die Ueberlieferung der Reden des Isaeus im Codex Crippsianus.“ H. Buermann сличилъ эту рукопись дважды, сначала въ 1881 году независимо отъ Шенкля, а затѣмъ въ слѣдующемъ году онъ провѣрилъ свое сличеніе, пользуясь при этомъ сличеніемъ Шенкля. Результаты были имъ опубликованы въ журналѣ Hermes XVII 1882 стр. 385 сл. и XIX 1884 стр. 325 сл. („Zur

1) Ср. также статьи В. К. Ернштедта въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1879 т. 202 сл. „Объ основахъ текста Андокида, Исея, Динарха, Антифонта и Ликурга“; о рукописи A онъ подробно говоритъ въ т. 202 стр. 116 сл. Ср. также Antiphontis orationes ed. V. Jernstedt, СПБ. 1880 praef. стр. XXVII сл.

Textkritik des Isaios") и въ изданіи рѣчей Исея „Isaei orationes ed. H. Buermann, Berlin 1883" (ср. также praefatio къ этому изданію). Бюрманъ первый доказалъ, что кромѣ рукописи Ambrosianus Q, содержащей, впрочемъ, только первыя двѣ рѣчи, всѣ остальныя рукописи никакого значенія не имѣютъ, такъ какъ онѣ всѣ списаны съ A, такъ что A является, такимъ образомъ, нашимъ единственнымъ источникомъ. Характеръ этой рукописи, всѣ ея достоинства и всѣ многочисленныя недостатки, весьма хорошо изложены Бюрманомъ. Что же касается сличенія этой рукописи, то слѣдуетъ замѣтить, что самоувѣренность, съ которой онъ утверждаетъ „cum proxima aestate denuo librum inspexerim, quae aliter ac reliqui enotavi, rectius me legisse confido", не вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Такой спеціалистъ, какъ Блассъ (Bursian's Jahresber. т. 30, 1882, стр. 237), счелъ себя обязаннымъ замѣтить по поводу сличенія Шенкля слѣдующее: „Enthält eine sehr genaue und sorgfältige Collation des Crippsianus. Wir sind seitdem durch Buermann's Collation noch weiter unterrichtet worden; Buermann hat seine erste Vergleichung mit Hinzuziehung der Schenkl'schen nochmals nach dem Originale revidiert. Gleichwohl möchte Schenkl's Arbeit immer noch nicht völlig entbehrlich gemacht worden sein, da an den corrigirten Stellen der Handschrift die Lesung des Ursprünglichen oft sehr zweifelhaft ist. Während B. im wesentlichen nur 2 corrigirende Hände unterscheidet, von denen er die eine für möglicherweise identisch mit der des Schreibers der Handschrift hält, ist Schenkl in seinen Unterscheidungen viel subtiler, vgl. seine Bemerkungen zu V 39. 42 S. 197. 201 f., an welchen Stellen B. nur den corr. 1 erkennt. Falsche Identificirung der Hände ist in der That bei solchen Correcturen ebenso leicht möglich wie falsche Unterscheidung". Такъ какъ Блассъ по отношенію къ Исею самъ не читалъ этой

рукописи, а по отношенію къ Антифонту (ср. Jernstedt l. c. стр. XXX bis terve selectos locos obiter inspexit Frid. Blass) не разъ ошибся (ср. Ернштедтъ l. c. т. 202, стр. 122 сл.) и такъ какъ сдѣланное Ернштедтомъ сличеніе (ср. Jernstedt l. c. „denique ego a. 1876 Andocidem Isaeum etc. contuli ad editiones Teubnerianas") не опубликовано, то лѣтомъ 1898 года мы съѣздили въ Лондонъ и сличили всѣ мѣста, гдѣ Шенкль и Бюрманъ расходятся въ своихъ чтеніяхъ. Такъ какъ этихъ спорныхъ мѣстъ было не мало и намъ, притомъ, пришлось присоединяться то къ Шенклю то къ Бюрману, то было бы весьма неудобно здѣсь сообщить результаты нашего сличенія. Но такъ какъ эти результаты понятнымъ образомъ будутъ интересовать читателей предлагаемаго труда, то мы намѣреваемся опубликовать означенные результаты въ Приложеніи II. Послѣ этой краткой дигрессіи вернемся опять къ изданію Бюрмана. Изданіе это всецѣло основано на рукописи A. Но въ этой рукописи, какъ уже было нами замѣчено, не мало погрѣшностей, такъ что издатель обязательно долженъ прибѣгать къ конъектурамъ и разнымъ другимъ цѣлебнымъ средствамъ. Бюрманъ въ этомъ отношеніи обнаружилъ такую осмотрительность и осторожность, которой не могутъ похвастаться его изслѣдованія въ области греческаго права; въ своемъ изданіи онъ по мѣрѣ возможности одинаково воздерживается какъ отъ насильственнаго искаженія текста, такъ и отъ чрезмѣрной осторожности. Догадки его подчасъ даже весьма остроумны. Что касается чужихъ конъектуръ, то онъ обыкновенно къ нимъ относится съ такою же осторожностью и предусмотрительностью, какъ къ своимъ собственнымъ. Что не смотря на то и въ этомъ изданіи встрѣчаются такія поправки или такой консервативизмъ, съ которыми согласиться нельзя, и что выборъ чужихъ конъектуръ не всегда удаченъ, что

сличеніе его не совсѣмъ точно — это можетъ удивить только того, кому неизвѣстно, что errare humanum est. Если такимъ образомъ подвести общій итогъ всему сказанному, то нельзя не согласиться съ тѣмъ, что изданіе Бюрмана несомнѣнно лучшее изъ появившихся до сихъ поръ изданій. Что въ ближайшемъ будущемъ ожидается изданіе Бласса, уже было нами выше замѣчено.

Что касается переводовъ, то и въ этомъ случаѣ мы указываемъ на Приложеніе I, гдѣ читатель найдетъ подробное обозначеніе заглавій. На латинскій языкъ рѣчи Исея были переведены Reiske и C. Müller'омъ; переводъ Müller'a не особенно отличается отъ перевода Reiske. На англійскій языкъ рѣчи Исея перевелъ W. Jones London 1779 with prefatory discourse, notes crit. and hist. and a commentary. Этого перевода въ Юрьевѣ нѣтъ. Такъ какъ книга эта устарѣла, то мы въ 1898 году въ Берлинѣ въ королевской библіотекѣ списали только комментарій, которымъ, поэтому, могли воспользоваться въ Юрьевѣ при обработываніи нашей рѣчи; и комментарій, впрочемъ, значительно устарѣлъ. Schoemann перевелъ рѣчи Исея на нѣмецкій языкъ. Переводъ этотъ появился въ 1830 году, стало быть за годъ до появленія вышеупомянутаго комментарія, но тѣмъ не менѣе еще не особенно устарѣлъ. Что же касается французскихъ переводовъ, то переводъ аббата Auger ровно ничего не стоитъ. Въ 1875 году юристъ E. Caillemer перевелъ девятую рѣчь (*περὶ τοῦ Ἀστυφίλου κλήρου*) и снабдилъ ее краткимъ комментаріемъ. Въ 1876 году филологъ L. Moy, въ своей докторской диссертаціи, озаглавленной Étude sur les plaidoyers d' Isée, резюмируя содержаніе рѣчей Исея, обыкновенно почти дословно передавалъ слова этого оратора, и весьма часто просто переводилъ его; переводъ этотъ, правда, часто довольно свободенъ, но содержаніе во всякомъ

случаѣ передается вполнѣ точно. Наконецъ остается еще указать на новѣйшій переводъ юриста Дареста: Les plaidoyers d' Isée traduits en français avec arguments et notes par R. Dareste avec la collaboration de B. Haussoullier, Paris 1898. Оссулье филологъ, и тотъ и другой пользуются большою извѣстностью, поэтому отъ этой совмѣстной работы извѣстнаго юриста съ извѣстнымъ филологомъ можно было смѣло ожидать важныхъ результатовъ. На самомъ же дѣлѣ ожиданія наши не оправдались: мы открыто сознаемся, что, прочитавши эту книгу, мы были нѣсколько разочарованы. Перевести эти рѣчи было не трудно, такъ какъ переводчики могли воспользоваться остальными переводами, въ особенности хорошимъ переводомъ Шёманна. Не удивительно, поэтому, что книга эта заключаетъ въ себѣ хорошій, легко понятный и большею частью довольно точный переводъ этихъ рѣчей; введенія и примѣчанія съ юридической точки зрѣнія большей частью также удовлетворительны. Но что касается филологической стороны этой книги, то нужно сознаться, что съ этой точки зрѣнія ее нельзя не назвать довольно посредственной. Оссулье, очевидно, весьма небрежно прочелъ переводъ Дареста, какъ видно изъ многихъ примѣровъ, приведенныхъ нами въ предлагаемой диссертаціи. До какой степени небрежно Оссулье относился къ взятому на себя труду, явствуетъ уже изъ одного того обстоятельства, что, „la traduction“, какъ переводчики сами замѣчаютъ, „a été faite sur le texte donné par Scheibe, Leipzig, Teubner, 1860“. Дарестъ могъ, конечно, не знать новѣйшаго изданія. Но что филологъ не воспользовался новѣйшимъ и притомъ лучшимъ критическимъ изданіемъ, просто непростительно. Многихъ ошибокъ не было бы въ этомъ переводѣ, еслибы они воспользовались изданіемъ Бюрмана. Итакъ оказывается, что сносныхъ переводовъ

есть два (переводы Шёманна и Дареста), но что ни одинъ изъ нихъ не можетъ считаться вполнѣ удовлетворительнымъ, первый потому, что съ тѣхъ поръ прошло уже болѣе 70 лѣтъ, а второй вслѣдствіе небрежности Оссулье. Никому не совѣтуемъ полагаться единственно на одинъ изъ этихъ переводовъ: нужно непремѣнно и повсюду сличать эти переводы съ греческимъ оригиналомъ.

Перейдемъ теперь къ юридическимъ источникамъ т. е. къ такимъ источникамъ, въ которыхъ говорится объ аттическомъ гражданскомъ правѣ. Мы здѣсь, разумѣется, не можемъ да и не намѣреваемся привести и разбирать всѣ сочиненія, посвященныя этому предмету, не потому, что ихъ имѣется безсмѣтное количество — аттическое гражданское право до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не особенно интересовало ученыхъ — но потому что нѣкоторыя сочиненія (какъ напр. Meier-Schoemann-Lipsius „Der Attische Process“, Hermann-Thalheim „Griechische Rechtsalterthümer“ и т. п.) и безъ того каждому ученому хорошо извѣстны, такъ что и словъ тратить по пустому не стоитъ, другія же не такъ важны, чтобы имъ удѣлять особое мѣсто въ общемъ введеніи. Заглавія важнѣйшихъ сочиненій мы приведемъ въ Приложеніи I. Здѣсь мы сначала дадимъ краткую, общую характеристику всѣхъ трудовъ, посвященныхъ изученію аттическаго гражданскаго права, а затѣмъ прибавимъ нѣсколько словъ по поводу двухъ новѣйшихъ трудовъ.

Изученіе греческаго права несравненно труднѣе изученія римскаго права. Основнымъ источникомъ для изученія римскаго права, какъ извѣстно, служитъ сборникъ права, составленный при императорѣ Юстиніанѣ и извѣстный подъ названіемъ Corpus iuris civilis. Чтобы изучать римское право, достаточно настолько ознакомиться съ латинскимъ языкомъ, чтобы быть въ

состояніи читать этотъ сборникъ. Къ тому чтеніе этого сборника значительно облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что появилось и теперь еще появляется безчисленное количество болѣе или менѣе подробныхъ руководствъ, въ которыхъ вся матерія изложена до того подробно и наглядно, что ознакомиться съ содержаніемъ римскаго права можно и безъ знанія латинскаго языка. Мы говоримъ — ознакомиться, не больше, ибо научное изученіе и преподаваніе этого предмета безъ знанія латинскаго языка невозможно и немыслимо. Наука не признаетъ никакихъ посредниковъ и т. н. Eselsbrücken [1]), она требуетъ, чтобы всякій обязательно былъ въ состояніи самъ пользоваться источниками. Кто этого требованія исполнить не можетъ, того нельзя назвать ученымъ.

Это, именно, обстоятельство — незнаніе или, точнѣе, недостаточное знаніе греческаго языка было причиной тому, что юристы такъ мало изучали греческое право. Греческаго corpus iuris нѣтъ. Все, что намъ извѣстно о греческомъ правѣ, почерпнуто изъ рѣчей аттическихъ ораторовъ, изъ греческихъ надписей и изъ замѣтокъ греческихъ схоліастовъ, лексикографовъ и грамматиковъ. Чтобы быть въ состояніи изучать греческое право, нужно весьма хорошо и основательно знать греческій языкъ, такъ какъ на современные языки переведены только упомянутыя рѣчи, да и переводы эти далеко не совсѣмъ точны. Но одно точное знаніе греческаго языка также еще не особенно много помогаетъ. Чтобы быть въ состояніи вполнѣ точно и вѣрно понимать и толковать упомянутыя рѣчи, надписи и замѣтки, нужно быть филологомъ. Неудиви-

1) Нѣмцы, какъ извѣстно, этимъ словомъ обозначаютъ всякое пособіе, съ помощью котораго устраняется необходимость самостоятельной работы со стороны учащихся.

тельно, поэтому, что греческое право долгое время обработывалось исключительно филологами. Однако это послѣднее обстоятельство понятнымъ образомъ имѣло и свои невыгодныя стороны. Филологи знали столь же мало о юриспруденціи, сколько юристы о греческой филологіи. И вмѣсто того, чтобы возстановить государственное право, уголовное право, гражданское право и т. д., они нанизывали одну замѣтку за другой на одну нитку и весь этотъ конгломератъ замѣтокъ, не объединенныхъ ни единствомъ плана, ни общей идеей и не приведенныхъ въ систему, называли древностями. Филологія безъ древностей, повидимому, немыслима. Куда не посмотришь, все древности да древности, государственныя, правовыя, частныя, богослужебныя, сценическія и военныя древности. Когда это мы наконецъ дойдемъ до того, что избавимся отъ этихъ неизбѣжныхъ, примитивныхъ и неестественныхъ древностей и начнемъ говорить о правахъ государственномъ, уголовномъ, гражданскомъ, о сценическомъ искусствѣ, о военномъ дѣлѣ и т. д.! Чтобы осуществить это желаніе, придется отказаться отъ всѣхъ теперешнихъ руководствъ и составить новыя, систематическія сочиненія. Но развѣ такое требованіе можетъ считаться несправедливымъ? Мы этого не думаемъ, напротивъ — мы не понимаемъ, къ чему напр. постоянно переиздаются и обновляются руководства Hermann'a; къ чему нашивать на ветхую ткань новыя заплаты, если можно лучше написать новое, самостоятельное, систематическое сочиненіе?

Итакъ юристы, за нѣкоторыми лишь исключеніями, пренебрегали этимъ предметомъ, а филологи невѣрно принимались за дѣло. Между тѣмъ дѣло можетъ пойти на ладъ только тогда, когда юристы и филологи согласятся дружно подавать другъ-другу руку и общими силами примутся за обработку этой трудной матеріи.

Ошибки и промахи будутъ, конечно, встрѣчаться у тѣхъ и у другихъ, такъ какъ изъ юриста всетаки не выйдетъ настоящій филологъ и наоборотъ — ибо, чтобы сдѣлаться таковымъ, понадобилось бы не мало времени —, но представители той или другой науки не должны забывать, что errare humanum est и что поэтому надо снисходительно относиться къ ошибкамъ, сдѣланнымъ представителями чужой науки. Когда мы приступили къ обработыванію предлагаемой диссертаціи, мы, какъ уже было нами замѣчено, предварительно по мѣрѣ возможности изучили греческое, римское и нѣкоторыя современныя права. Сдѣлали ли и мы въ своей диссертаціи ошибки и промахи, судить, конечно, не намъ. Но если юристы найдутъ такіе промахи, то просимъ ихъ благосклонно относится къ нашему труду, помня, что errare humanum est и что мы на поприщѣ юриспруденціи автодидакты; in dificillimis et voluisse sat est.

Въ новѣйшее время, впрочемъ, положеніе, въ которомъ находилось изученіе греческаго гражданскаго-права, значительно улучшилось благодаря именно тому обстоятельству, что юристы наконецъ опомнились и энергично принялись за обработываніе этой интересной, но трудной матеріи. Во Франціи, правда, юристы принялись за это дѣло уже гораздо раньше: Dareste, Caillemer, Perrot, Barilleau, Guiraud обогатили нашу литературу рядомъ весьма интересныхъ и важныхъ монографій. За ними потомъ послѣдовали нѣмецкіе и австрійскіе юристы, напр. H. F. Hitzig, Schulin, Hruza, Mitteis и др. Съ другой стороны филологи старались не отставать отъ юристовъ и пользуясь идеями, высказанными юристами, они одарили науку не менѣе важными и интересными трудами. Имена такихъ ученыхъ, какъ напр. Fustel de Coulanges и Foucart во Франціи, Buermann, Haf-

ter, Lipsius, Philippi, Schulthess, Thalheim и др. въ Германіи, всѣмъ филологамъ и юристамъ, занимавшимся этимъ предметомъ, хорошо извѣстны. Почва такимъ образомъ была нѣкоторымъ образомъ хорошо подготовлена, и если не мало еще оставалось работы, то всетаки настало время систематически обработать и объединить весь этотъ богатый, но разбросанный матеріалъ. Подобная работа, помимо разныхъ другихъ выгодъ, могла имѣть большой успѣхъ и въ томъ отношеніи, что ознакомляла постороннихъ лицъ съ достигнутыми до сихъ поръ результатами и могла привлечь новыхъ сотрудниковъ, вслѣдствіе разныхъ мнимыхъ и фактическихъ трудностей до сихъ поръ по возможности избѣгавшихъ соприкосновенія съ этой интересной матеріей.

Первую попытку такой систематизаціи греческаго или, точнѣе, аттическаго гражданскаго права представляетъ сочиненіе французскаго юриста Ludovic Beauchet, Histoire du droit privé de la république athénienne Paris 1897, т. I: LIII + 541 стр.; т. II: 552 стр.; т. III: 747 стр.; т. IV: 575 стр.; всего, стало быть, 2468 страницъ большаго формата in 8^0! Всѣ эти четыре тома появились одновременно въ 1897 году. Если съ этимъ сочиненіемъ сравнить 183 страницы извѣстнаго руководства Hermann-Thalheim'a, то читателю будетъ еще яснѣе, до какой степени подробно изложена эта матерія у Beauchet. Каковы же достоинства этого сочиненія? Такъ какъ трудъ этотъ неоднократно уже критиковался — указываемъ главнымъ образомъ только на важнѣйшія рецензіи, а именно слѣдующія три: R. Dareste, въ Journal des savants 1897 стр. 338—349 и 393—404; H. F. Hitzig, въ Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte т. XVIII, Romanistische Abtheilung, Weimar 1897, стр. 146—196; B. Keil, въ Berliner philologische Wochenschrift 1899 (XIX) стр. 979—991 —, такъ

какъ мы, далѣе, сами уже коснулись этого сочиненія въ самомъ началѣ этого введенія и такъ какъ намъ, наконецъ, неоднократно придется критиковать Beauchet въ самой диссертаціи, то мы здѣсь можемъ удовольствоваться двумя-тремя словами. Сочиненіе это, какъ уже было нами замѣчено, больше ничего, какъ подробная, добросовѣстная и безпристрастная компиляція. Лучшаго сопоставленія достигнутыхъ до сихъ поръ результатовъ и придумать нельзя. Въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, нельзя не похвалить автора. Единственная опасность, въ этомъ отношеніи, состоитъ только въ томъ, что нѣкоторые менѣе добросовѣстные ученые перестанутъ обращаться къ источникамъ Beauchet и будутъ довольствоваться тѣмъ, что резюмировано этимъ авторомъ. Что же касается научной стороны этого сочиненія, то авторъ заслуживаетъ меньшей похвалы. Диспозиція, какъ мы видѣли, за нѣкоторыми лишь исключеніями, безупречна: но тутъ важна только сама идея, такъ какъ группировать весь матеріалъ mutatis mutandis по примѣру римскихъ Institutiones было не трудно, такую работу могъ столь же хорошо сдѣлать любой филологъ. Отъ юриста же можно и нужно было ожидать, что онъ всѣ разбираемые здѣсь вопросы значительно подвинетъ впередъ. Между тѣмъ мы затрудняемся назвать хоть одинъ вопросъ, о которомъ можно было бы сказать, что изложеніе Beauchet представляло бы шагъ впередъ. Beauchet рабски зависитъ отъ своихъ предшественниковъ или, точнѣе, отъ своего ближайшаго предшественника. Опровергая мнѣнія другихъ ученыхъ онъ не только пользуется исключительно доводами и возраженіями того ученаго съ которымъ соглашается, но даже рабски пользуется его диспозиціей, такъ что характеръ этого сочиненія совершенно измѣняется, смотря по тому, пользуется ли онъ въ данномъ случаѣ сочиненіями либо Schul-

thess'a, либо Hruza, либо Hitzig'a и т. д. Равнымъ образомъ, какъ онъ счелъ возможнымъ, не измѣнивши ни слова, цѣликомъ перепечатать свою статью „De la polygamie et du concubinat à Athènes въ Nouvelle revue historique de droit français et étranger 1895 и отдѣльно Paris 1896, онъ въ первомъ томѣ идетъ по стопамъ юриста Hruza (семейное право) и филолога Hafter'a (епиклеры), во II томѣ: филологовъ Schulthess'a (опека) и младшаго Foucart'a (отпущеніе на волю), въ III томѣ: юристовъ Hitzig'a (ипотечное право) и Schulin'a (духовное завѣщаніе) и филологовъ Meier - Schoemann - Lipsius (стр. 600 сл. = Att. Process стр. 605 сл.) и т. д. Если авторы эти пользуются надписями, то и у него цитуются надписи; если другіе авторы, какъ напр. Hruza, не пользуются надписями, то для него надписи какъ будто и не существуютъ; если же авторы, которыми онъ воспользовался, пользовались надписями, но сочиненія ихъ сами уже устарѣли, то и у Beauchet встрѣчаются такія цитаты, которыя невольно заставляютъ читателей улыбаться, ср. напр. т. II стр. 6 сл., гдѣ родосскія надписи цитуются по Foucart'y Inscr. inéd. de Rhodes и Corp. inscr. Graec. Boeckh'a, между тѣмъ какъ въ 1895 году появилось отличное изданіе Hiller'a von Gaertringen: Inscriptiones Graecae insularum maris Aegaei I. Inscr. insul. Rhodi etc. У Schulthess'a особая глава (гл. VII), озаглавленная „Vormundschaftsklagen". Въ исторіи гражданскаго права не мѣсто говорить о процессахъ и такъ какъ остальные источники о процессахъ не говорятъ, то и у Beauchet въ остальныхъ частяхъ этого сочиненія о процессахъ не говорится. Schulthess, который говорилъ вообще объ опекѣ надъ малолѣтними и котораго, поэтому, интересовали также процессы, возникавшіе по дѣламъ объ опекѣ, съ полнымъ правомъ прибавилъ эту главу. Beauchet же, который, какъ мы видѣли, о

процессахъ не говоритъ, не смотря на то перенялъ всю эту седьмую главу Schulthess'a. Что Beauchet, далѣе, до того рабски зависитъ отъ своихъ предшественниковъ, что, резюмируя ихъ мнѣнія, обыкновенно почти дословно пользуется ихъ же словами, въ особенности, если это французы — объ этомъ намъ пришлось неоднократно говорить въ самой диссертаціи. Если къ этому еще прибавить, что новыхъ, самостоятельныхъ идей и мнѣній въ этомъ сочиненіи почти нѣтъ, то нельзя не согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, которое мы себѣ составили въ 1897 году по прочтеніи этого сочиненія и которое теперь можетъ считаться общепринятымъ, что книга Beauchet никогда не утратитъ своего значенія, такъ какъ болѣе удобной справочной книги и пожелать нельзя, но что, съ другой стороны, сочиненіе это нельзя назвать ни исторіей гражданскаго права — такъ какъ постепенное развитіе отдѣльныхъ учрежденій автора нисколько не интересуетъ —, ни систематическимъ изложеніемъ этой матеріи — такъ какъ авторъ до того расплывается въ частностяхъ и до того увлекается воспроизведеніемъ и опроверженіемъ чужихъ мнѣній (при помощи чужихъ же мнѣній), что читатель подчасъ просто не знаетъ, къ чему именно клонится его аргументація. Еслибы книга Beauchet была короче и авторъ строго формулировалъ какъ мнѣнія остальныхъ ученыхъ, такъ и свое собственное мнѣніе, то въ результатѣ вышло бы несравненно болѣе полезное сочиненіе.

Намъ остается еще вкратцѣ остановиться на другомъ сочиненіи: O. Müller, Untersuchungen zur Geschichte des attischen Bürger- und Eherechts, въ Jahrbücher für classische Philologie, Supplement XXV, Leipzig 1899, стр. 661—866. Такъ какъ и объ этомъ сочиненіи неоднократно приходилось говорить въ нашей диссертаціи, то здѣсь можно удовольствоваться краткой ха-

рактеристикой этого сочиненія. Müller въ 1895 году (ср. Neue Philologische Rundschau XV 1895 № 26 стр. 415) самъ указалъ на это сочиненіе и при этомъ случаѣ сказалъ: „Die herrschende Lehre ist revisionsbedürftig, sie harrt einer unbefangenen, mit streng histor.-philol. Methode geführten Untersuchung". Можно ли примѣнить эти слова къ упомянутому сочиненію Мюллера? Что на поприщѣ правъ гражданскаго и семейнаго не мало оставалось спорныхъ вопросовъ, не подлежитъ сомнѣнію, такъ что въ этомъ отношеніи сочиненіе его нельзя назвать безполезнымъ или лишнимъ. Что касается, далѣе, метода изслѣдованія, то методъ этотъ дѣйствительно можетъ быть названъ строгимъ историко-филологическимъ методомъ, такъ какъ онъ строго различаетъ отдѣльные періоды и, начиная съ IV вѣка, о которомъ мы, понятнымъ образомъ, имѣемъ болѣе точныя свѣдѣнія, мало по малу путемъ обратныхъ заключеній углубляется въ болѣе древнія времена. Диспозиція его слѣдующая: I: Die Zeit nach 403; III: 411—403; IV: 451—411; V: Vor 451 (508—451, c. 581—508, 632—c. 581). Если же спросить, дѣйствительно ли сочиненіе его можно назвать безпристрастнымъ и дѣйствительно ли изслѣдованіе ведется безъ всякихъ предвзятыхъ мнѣній, то на нашъ взглядъ, этого нельзя сказать объ этомъ сочиненіи. Безпристрастнымъ сочиненіе это, напримѣръ, нельзя назвать потому, что Мюллеръ, который неоднократно говоритъ о тѣхъ же вопросахъ, какъ и Beauchet, ни разу не цитуетъ его, не смотря на то, что сочиненіе Мюллера появилось два-три года спустя. Что же касается предвзятыхъ мнѣній, то таковыхъ не мало, и притомъ эти предвзятыя мнѣнія именно и являются фундаментами всѣхъ конструкцій и теорій Мюллера. Такъ напр. онъ увѣренъ, что словомъ νόθος исключительно обозначается дитя, происшедшее отъ брака Аѳинянина съ чужестранкой. Если отвергнуть

это толкованіе — а въ неправильности этого толкованія сомнѣваться нельзя —, то отъ множества остроумныхъ конструкцій ровно ничего не остается. Или Мюллеръ, далѣе, приписываетъ важное значеніе 411 году и слѣдующему затѣмъ періоду 411—403. На самомъ дѣлѣ 411 годъ является вполнѣ проблематичнымъ и опредѣленъ имъ путемъ довольно сомнительной аргументаціи. Здѣсь не мѣсто подробно останавливаться на этомъ вопросѣ, такъ какъ въ нашей рѣчи не говорится ни о правѣ гражданства, ни о V столѣтіи, поэтому мы только вкратцѣ укажемъ на то, что онъ на этомъ шаткомъ фундаментѣ строитъ всевозможныя остроумныя, но не менѣе шаткія гипотезы. Что касается труднаго и запутаннаго вопроса о бигаміи или законномъ конкубинатѣ — о чемъ въ диссертаціи придется подробно говорить — то Мюллеръ полагаетъ, что этотъ ларчикъ просто открывается; однако, ключъ, которымъ онъ вездѣ пользуется (расторженіе предшествующаго брака), на самомъ дѣлѣ самая обыкновенная ѳомка. Такимъ образомъ можно устранять какія угодно трудности. Нужно, однако, отдать автору справедливость и сознаться, что въ его сочиненіи и не мало такихъ результатовъ, съ которыми нельзя не соглашаться. Вообще въ этомъ сочиненіи много новыхъ, самостоятельныхъ и интересныхъ идей, которыя, если имъ и не удалось рѣшить всѣхъ проблемъ, по крайней мѣрѣ имѣли ту выгоду, что освѣтили эти спорные вопросы съ разныхъ новыхъ сторонъ и этимъ не мало способствовали разъясненію этихъ вопросовъ. Рѣшать эти проблемы придется теперь другимъ ученымъ. На сколько онѣ соприкасаются съ нашей рѣчью, и мы со своей стороны потрудились принести свою лепту. Удалось ли намъ рѣшить тотъ или другой спорный вопросъ, судить, конечно, не намъ.

Пора уже, однако, приступить къ толкованію на-

шей рѣчи. Мы еще разъ повторяемъ, что избрали эту рѣчь потому, что въ ней множество весьма трудныхъ и запутанныхъ, но далеко еще не рѣшенныхъ вопросовъ. Фактъ этотъ, на первый взглядъ, можетъ показаться страннымъ. На самомъ же дѣлѣ онъ не можетъ удивить того, кому извѣстно, какою, по правдѣ сказать, скудостью, проблематичностью и неясностью отличаются наши источники по отношенію къ аттическому гражданскому праву. Остановимся, напримѣръ, на данной рѣчи Исея. Исей подробно и обстоятельно излагаетъ все дѣло и поэтому, казалось бы, не могло бы быть никакого сомнѣнія. Однако ни Исея, ни другихъ древнихъ ораторовъ — не исключая, конечно, и Демосѳена — нельзя сравнивать съ современными адвокатами. Вотъ что замѣчаетъ по этому поводу вышеупомянутый Beauchet[1]): „c'est avec une réserve extrême que l'on peut user de ces discours composés par des logographes qui, malgré leur talent, n'hésitaient à speculer sur l'ignorance des juges, à dénaturer au besoin les dispositions de loi qu'ils invoquaient, ou tout au moins à les paraphraser tellement pour les besoins de la cause . . . . qu'il est presque impossible, sous l'étalage d'une argumentation suspecte et intéressée, de discerner la veritable disposition de la loi. . . . Nous ne pouvons donc utiliser qu'avec une grande discrétion les documents ou les renseignements que les orateurs nous fournissent, et nous devons toujours craindre de tomber dans quelque piège destiné aux héliastes.“ Однако то, что Бошэ здѣсь сообщаетъ о толкованіи законовъ, равнымъ образомъ относится и къ изложенію самого предмета иска. Какими хитростями и уловками пользовались древніе Аѳиняне для пріобрѣтенія открывшагося богатаго на-

1) Ср. Beauchet, l. c., I, préface, стр. XXXI сл.

слѣдства, явствуетъ изъ многихъ рѣчей древнихъ ораторовъ. Весьма типично, въ этомъ отношеніи, то, что сообщаетъ Исей въ четвертой рѣчи *περὶ τοῦ Νικοστράτου κλήρου* §§ 7 сл. Когда умеръ Никостратъ, разсказываетъ Исей, то откуда ни возьмись явились всевозможные просто неимовѣрные претенденты на оставленное умершимъ имущество. Люди, которыхъ онъ при жизни никогда не зналъ и не видалъ, явились въ черной траурной одеждѣ и съ остриженными въ знакъ печали волосами и, выдавая себя за родственниковъ покойнаго (напр. за сыновей, усыновленныхъ по духовному завѣщанію, за внуковъ, двоюродныхъ братьевъ и т. п.) требовали его имущества; другіе, со своей стороны, ссылались на разные документы, на основаніи которыхъ они считали себя законными наслѣдниками; нѣкій Аминіадъ требовалъ наслѣдства для трехлѣтняго ребенка, называя его сыномъ Никострата, между тѣмъ какъ послѣдній лѣтъ десять тому назадъ уѣхалъ изъ Аѳинъ и болѣе уже туда не возвращался; двое, наконецъ, выдавали Никострата за своего вольноотпущенника и какъ патроны его считали себя въ правѣ пріобрѣсти его наслѣдство. Въ §§ 11 сл. данной рѣчи Исей поэтому требуетъ, чтобы въ Аѳинахъ былъ изданъ новый законъ, въ силу котораго человѣкъ, уличенный въ домогательствѣ наслѣдства путемъ происковъ, долженъ былъ заплатить сумму, равную той, которую онъ намѣревался получить по наслѣдству. Такой законъ, однако, не былъ изданъ и обстоятельства эти нисколько не измѣнились. Можно даже съ большой вѣроятностью смѣло утверждать, что и самъ Исей, не смотря на вышеизложенное предложеніе, при случаѣ нисколько не совѣстился излагать данное дѣло въ пользу своего кліента.

Наше весьма незавидное положеніе усложняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что у насъ болѣе нѣтъ

рѣчей, произнесенныхъ противниками. Поэтому мы не въ состояніи по отношенію къ рѣчамъ древнихъ ораторовъ примѣнять общепринятое правило „audiatur et altera pars“, мы не въ состояніи съ помощью рѣчей противной стороны провѣрять показанія авторовъ сохранившихся рѣчей, ни относительно точности приводимыхъ ими законовъ, ни относительно самого изложенія предмета иска и предшествующихъ данному процессу событій. При такихъ обстоятельствахъ, конечно, не удивительно, что ученые такъ сильно расходятся въ своихъ воззрѣніяхъ на многіе запутанные и трудные вопросы.

Въ нашемъ изложеніи мы будемъ придерживаться слѣдующей диспозиціи. Сначала мы ознакомимся съ событіями, предшествовавшими этому процессу и съ предметомъ даннаго иска (Глава I); затѣмъ мы постараемся опредѣлить все то, что намъ извѣстно о личностяхъ, о которыхъ говорится въ этомъ процессѣ (Глава II); послѣ этого мы перейдемъ къ подробному разбору всѣхъ трудныхъ и запутанныхъ вопросовъ, которыхъ, какъ уже было нами замѣчено, не мало въ шестой рѣчи Исея (Глава III); въ заключеніе мы прибавимъ нѣсколько экскурсовъ и приложеній (Глава IV) и текстъ этой рѣчи съ критическимъ аппаратомъ.

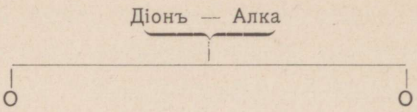
ГЛАВА I.

Содержаніе шестой рѣчи Исея и предметъ даннаго иска.

Приступая къ пересказу событій, предшествовавшихъ нашему процессу, мы еще разъ повторяемъ, что нашимъ единственнымъ источникомъ служитъ рѣчь Исея и что поэтому мы, къ сожалѣнію, не въ состояніи провѣрить достовѣрность этого разсказа. Однако, не смотря на то, мы всетаки считаемъ себя въ правѣ замѣтить, что въ шестой рѣчи если и не всѣ частности, то по крайней мѣрѣ главнѣйшіе пункты этого разсказа безъ всякого сомнѣнія носятъ на себѣ печать правдивости и достовѣрности. Для бо́льшей наглядности и ясности мы, впрочемъ, предпошлемъ родословную таблицу, которая, однако, будетъ состоять изъ двухъ отдѣльныхъ частей или таблицъ, такъ какъ семейство Алки, на нашъ взглядъ, не находилось ни въ какомъ родствѣ съ семействомъ Евктемона; не лишнимъ считаемъ, далѣе, замѣтить, что по общепринятому обычаю и мы знакомъ „О“ обозначаемъ сына, а знакомъ „△“ дочь.

I.

II.



(Кліенты противниковъ, утверждающихъ, что это сыновья Евктемона).

Евктемонъ, богатый Аѳинянинъ, былъ женатъ на дочери нѣкоего Миксіада и имѣлъ отъ нея пятеро законнорожденныхъ дѣтей, а именно трехъ сыновей — Филоктемона, Ергамена и Гегемона — и двухъ дочерей, изъ которыхъ одна вышла за мужъ за Хэрея, а другая за Фаностратa.

Послѣ многолѣтней и счастливой семейной жизни, Евктемонъ, находясь уже въ преклонныхъ лѣтахъ, вдругъ влюбился въ публичную женщину, называвшуюся Алкой, которая такъ хорошо съумѣла опутать своими сѣтями и обольстить этого добродушнаго старичка, что онъ въ концѣ концовъ бросилъ свою семью и переѣхалъ къ ней на квартиру. Эта особа, которую онъ уже до этого сдѣлалъ управляющей одного изъ его наемныхъ домовъ въ Керамикѣ и экономкой находившагося въ этомъ домѣ трактира, конечно не безъ умысла старалась обворожить этого дряхлаго старичка, къ которому она, само собою разумѣется, никакой любви питать не могла. Привлекши его къ себѣ на квартиру и устранивъ такимъ образомъ всѣхъ ближайшихъ родственниковъ Евктемона, которые понятнымъ образомъ всячески старались образумить своего дорогаго мужа и родителя, Алка вскорѣ послѣ того сдѣлала значительный шагъ впередъ. Она уговорила Евктемона узаконить ея старшаго сына [1]). Евктемонъ былъ до того плѣненъ ею, что пренебрегая узами родства и предпочитая сына публичной женщины своимъ собственнымъ законнымъ дѣтямъ, рѣшился внести ея старшаго сына въ списки своей фратріи какъ своего собственнаго.

---

1) На самомъ дѣлѣ она домогалась не узаконенія, а усыновленія, такъ какъ отъ Евктемона у нея дѣтей не было: оба сына были прижиты ею въ ея прежнемъ сожитіи съ вольноотпущенникомъ Діономъ. Разница между узаконеніемъ и усыновленіемъ, какъ извѣстно, та, что узаконяются собственныя незаконнорожденныя дѣти узаконяющаго — каковыхъ у Евктемона, если принять во вниманіе его старческій возрастъ, понятнымъ образомъ быть не могло — усыновляются же чужія дѣти, будь они законнорожденныя или незаконнорожденныя.

Однако этому воспротивились его родственники. Такъ какъ двухъ сыновей, Ергамена и Гегемона, уже не было болѣе въ живыхъ, то охранять интересы семьи пришлось одному Филоктемону. Старанія послѣдняго увѣнчались успѣхомъ. Фраторы отказались записать мальчика въ списки фратріи и узаконеніе ребенка такимъ образомъ не состоялось.

Евктемонъ, впрочемъ, не смотря на то, нисколько не упалъ духомъ. Не достигши такимъ образомъ своей цѣли, онъ придумалъ другой, повидимому болѣе надежный способъ, чтобы все-таки добиться узаконенія сына Алки. Онъ обручился съ сестрою Аѳинянина Демократа. Филоктемонъ и остальные родственники, конечно, очень хорошо понимали, что въ предстоящемъ съ нею брачномъ сожитіи Евктемонъ по старости лѣтъ ни въ какомъ случаѣ не могъ прижить дѣтей. Но такъ какъ, съ другой стороны, вся эта процедура безъ всякого сомнѣнія была затѣяна единственно для того, чтобы создать новыхъ наслѣдниковъ — въ этомъ случаѣ, конечно, подкидышей, число которыхъ притомъ могло рости съ каждымъ годомъ — и этимъ нанести вредъ Филоктемону, то послѣдній по совѣту своихъ родственниковъ покорился необходимости и совершилъ съ отцомъ слѣдующую мировую сдѣлку: бракъ съ сестрою Демократа не состоялся, старшій сынъ Алки былъ внесенъ въ списки фратріи какъ собственный сынъ Евктемона и получилъ въ наслѣдство имѣньице.

Вскорѣ послѣ того Филоктемонъ былъ убитъ въ морскомъ сраженіи при Хіосѣ. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи онъ усыновилъ и назначилъ своимъ наслѣдникомъ своего племянника Хэрестрата, сына его сестры, вышедшей за мужъ за Фанострата; это духовное завѣщаніе было имъ отдано на сохраненіе другому зятю, Хэрею. Евктемонъ же сообщилъ своимъ зятьямъ Фанострату и Хэрею, что во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній намѣревается укрѣпить за сыномъ Алки вышеупомянутое имѣніе и составилъ въ присутствіи ихъ надлежащее духовное завѣщаніе, которое вслѣдъ затѣмъ было отдано на сохраненіе одному изъ его родственниковъ, Пиѳодору. Два года послѣ того умеръ и Хэрей.

Такъ какъ по смерти Филоктемона у старика Евктемона болѣе не было законныхъ сыновей, то Андроклъ и Антидоръ, близкіе родственники послѣдняго — по всей вѣроятности племянники —, задумали присвоить себѣ его имущество. Не видя однако никакой возможности достигнуть своей цѣли безъ посторонней помощи, они вошли въ сношеніе съ Алкой и составили

съ нею заговоръ противъ Евктемона и его законныхъ наслѣдниковъ. Въ сущности роль Алки была весьма незавидная. Какъ любовница Евктемона она, конечно, могла требовать отъ этого дряхлаго старика, влюбленнаго въ нее по уши, все что ей было угодно, и въ этомъ отношеніи ея содѣйствіе было просто неоцѣнимо. Но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Андроклъ и Антидоръ пользовались ею только какъ средствомъ для достиженія своихъ корыстолюбивыхъ цѣлей, по достиженіи которыхъ они несомнѣнно по той или другой вымышленной ими причинѣ безъ всякихъ церемоній устранили бы какъ ее, такъ и ея сыновей.

Первымъ дѣломъ ихъ было уговорить Евктемона отмѣнить прежнее духовное завѣщаніе какъ весьма невыгодное для дѣтей Алки, при чемъ они указывали на то, что послѣ смерти Евктемона все недвижимое имущество достанется его дочерямъ и ихъ дѣтямъ, а не сыновьямъ Алки; если же онъ превратитъ свое недвижимое имущество въ наличныя деньги, то онъ этимъ вполнѣ обезпечитъ дѣтей Алки. Евктемону, конечно, это чрезвычайно понравилось, такъ какъ онъ, какъ мы видѣли, совершенно разошелся со своей семьею. Онъ немедленно отправился къ Пиѳодору и потребовалъ выдачи духовнаго завѣщанія. Пиѳодоръ смекнулъ въ чемъ дѣло и отказался удовлетворить его желаніе. Дѣло это, поэтому, было представлено въ судъ. Представъ предъ судъ Пиѳодоръ заявилъ, что нисколько не отказывается возвратить духовное завѣщаніе, но что это можетъ состояться только законнымъ порядкомъ, а именно — въ присутствіи обоихъ свидѣтелей т. е. Фанострата и Хэрея; а такъ какъ Хэрея болѣе нѣтъ въ живыхъ, то онъ считаетъ себя въ правѣ выдать духовное завѣщаніе только тогда, когда для оставшейся за Хэреемъ дочери будетъ назначенъ опекунъ и если ни тотъ, ни Фанострать не предъявятъ никакихъ претензій противъ выдачи духовнаго завѣщанія. Къ этому мнѣнію присоединился и первый (епонимный) архонтъ, предсѣдательствовавшій при разборѣ этого дѣла. Тогда Евктемонъ публично заявилъ, что не признаетъ болѣе своего духовнаго завѣщанія и удалился. Бо́льшая же часть его недвижимаго имущества была мало по малу распродана Андрокломъ и Антидоромъ.

Однако они этимъ нисколько не удовольствовались. Черезъ нѣкоторое время они придумали новый планъ. Они отправились къ епонимному архонту и сообщили ему, что сыновья Алки были усыновлены покойными сыновьями Евктемона, одинъ изъ нихъ

Гегемономъ [1]), а другой Ергаменомъ и, выдавая себя за опекуновъ этихъ дѣтей, требовали, чтобы имѣнія, состоящія въ опекѣ, немедленно были сданы въ аренду. Архонтъ исполнилъ ихъ желаніе, означенныя имѣнія были предложены на откупъ и Андроклъ съ Антидоромъ сами старались взять ихъ въ аренду. Еслибъ это имъ удалось, то и эта часть Евктемонова имущества сдѣлалась бы ихъ достояніемъ. Но къ счастію нѣкоторые изъ присутствующихъ сообщили объ этомъ родственникамъ Евктемона, которые немедленно явились и открыли судьямъ глаза. Отдача въ аренду такимъ образомъ не состоялась и Евктемонъ удержалъ за собою эти имѣнія, которыя, по словамъ Исея, не равнялись даже половинѣ его прежняго имущества: все остальное было продано, а вырученныя деньги находились въ рукахъ этихъ пройдохъ.

Наконецъ на девяносто шестомъ году отъ роду умеръ Евктемонъ, однако смерть его нисколько не избавила его семьи отъ козней этихъ пройдохъ. Наглость ихъ высказалась немедленно въ томъ, что они его семьѣ ничего не сообщили о его смерти, а поскорѣе убрали все оставшееся за нимъ движимое имущество въ сосѣдній домъ, въ которомъ жилъ въ то время Антидоръ. Когда же на другой день семья случайно узнала о случившемся и явилась къ Алкѣ, то они не впустили ихъ и сказали имъ, что все, что относится къ похоронамъ Евктемона, до нихъ ничуть не касается. Равнымъ образомъ они воспрепятствовали имъ также въ обыскѣ квартиры Антидора. Съ большимъ трудомъ семьѣ къ вечеру наконецъ удалось проникнуть въ квартиру усопшаго.

Но этимъ козни заговорщиковъ не ограничились — они осмѣлились даже сдѣлать попытку, не удастся ли имъ на основаніи судебнаго приговора (т. е. повидимому законнымъ путемъ) добиться наслѣдства Евктемона.

Единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ могъ считаться только Хэрестратъ, усыновленный Филоктемономъ. По аѳинскимъ законамъ сыновья и ихъ дѣти относительно наслѣдства имѣли

---

1) Въ рукописи читается Φιλοκτήμονος, что очевидно превратно. Мы съ Бурманомъ одобряемъ блестящую конъектуру Saupp̈e, Symbolae ad emendandos oratores atticos, Goett. 1873, стр. 10 сл. = Ausgew. Schriften, Berlin 1896, стр. 681 сл., ибо въ § 36 ясно сказано ἀπογράφουσι τῷ παίδε πρὸς τὸν ἄρχοντα ὡς εἰσποιήτω τοῖς τοῦ Εὐκτήμονος υἱέσι τοῖς τετελευτηκόσιν. Филоктемона, правда, во время процесса также не было въ живыхъ, но Saupp̈e совершенно правъ, что къ нему слова эти ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть относимы.

преимущество передъ дочерьми. Такъ какъ изъ сыновей Евктемона сначала умерли Ергаменъ и Гегемонъ, то нѣкоторое время единственнымъ наслѣдникомъ могъ считаться одинъ Филоктемонъ; когда же наконецъ и тотъ умеръ (всѣ трое умерли бездѣтно), то законными наслѣдниками могли считаться не сестры ихъ, а напротивъ Хэрестратъ, усыновленный Филоктемономъ и поэтому пользующійся всѣми правами законнорожденнаго сына. Въ этомъ отношеніи, стало быть, дѣло о наслѣдствѣ Евктемона не могло подлежать ни малѣйшему сомнѣнію.

Однако это обстоятельство нисколько не смущало Андрокла и Антидора. Какъ шатки были, съ одной стороны, ихъ доводы, и съ какою они, съ другой стороны, дѣйствовали предусмотрительностью, явствуетъ изъ того, что они, чтобы ни въ какомъ случаѣ не проиграть процесса, рѣшились выступить противъ Хэрестрата съ двоякой интригой. Эта остроумная тактика помимо разныхъ несомнѣнныхъ выгодъ имѣла, однако, и свою ахиллесову пяту — обѣ интриги были діаметрально противоположны другъ другу, одна исключала другую. Единственный моментъ, встрѣчающійся въ той и другой интригѣ, это фундаментъ, на которомъ основывались ихъ происки. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ они, именно, утверждали, что Филоктемонъ, во-первыхъ, никакого завѣщанія не составилъ, а, во-вторыхъ, и не могъ составить, такъ какъ при жизни отца онъ никакого не имѣлъ права завѣщать кому бы то ни было отцовское имущество. На этомъ, именно, фундаментѣ основывались обѣ интриги.

Андроклъ, несомнѣнно старшій братъ Антидора, который пронырливостью превосходилъ остальныхъ конкуррентовъ Хэрестрата и притомъ, очевидно, былъ главою этого заговора, попытался было присвоить одному себѣ все наслѣдство. Ссылаясь на то, что Филоктемонъ духовнаго завѣщанія не составилъ и что ни старикъ Евктемонъ, ни сыновья его по себѣ сыновей не оставили, онъ утверждалъ, что наслѣдство должно достаться вдовѣ Хэрея какъ дочери-наслѣдницѣ, а самъ, какъ ближайшій родственникъ требовалъ ея руки, чтобы такимъ образомъ получить все наслѣдство [1]).

Однако эта интрига вдругъ показалась ему почему-то либо невыгодной, либо не особенно надежной — во всякомъ случаѣ

1) Въ толкованіи спорнаго § 46 мы вполнѣ расходимся съ остальными учеными. См. ниже Гл. III § 3, гдѣ мы постарались подробно мотивировать и доказать это новое толкованіе.

онъ теперь счелъ болѣе удобнымъ дѣйствовать сообща съ Антидоромъ. Они стали утверждать, что сыновья Алки не ея дѣти, а законнорожденные сыновья Евктемона, прижитые имъ, будто бы, въ бракѣ съ его мнимой законной супругой Каллиппой, дочерью нѣкоего Лемносскаго уроженца Пистоксена. А такъ какъ это законные сыновья Евктемона, то кромѣ нихъ, доказывали они, другихъ законныхъ наслѣдниковъ и быть не могло. Себя же Андроклъ и Антидоръ называли опекунами этихъ малолѣтнихъ законныхъ сыновей Евктемона. И въ этомъ второмъ случаѣ они оспаривали подлинность Филоктемонова духовнаго завѣщанія.

Вторая интрига была несомнѣнно выгоднѣе первой. Они и здѣсь, какъ и въ первомъ случаѣ, получили бы все наслѣдство, еслибъ выиграли процессъ. Но между тѣмъ, какъ при первой интригѣ въ случаѣ, еслибъ они проиграли процессъ, дѣло этимъ бы и кончилось, вторая интрига доставляла еще ту выгоду, что еслибъ эти дѣти противъ ожиданія почему-то не были признаны законными дѣтьми Евктемона, они могли отказаться отъ второй интриги и опять избрать первую.

Однако вся эта тактика имѣла, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, свою ахиллесову пяту, заключающуюся въ томъ, что и та и другая интрига до того противорѣчили другъ другу, что противной сторонѣ на основаніи этого именно противорѣчія не трудно было доказать полную неосновательность ихъ требованій и шаткость ихъ доводовъ. Ибо еслибъ эти сыновья Алки въ самомъ дѣлѣ были законными сыновьями Евктемона, то на какомъ же основаніи Андроклъ, не смотря на то, что былъ ихъ опекуномъ, въ первомъ случаѣ намѣревался совершенно обойти ихъ и присвоить себѣ наслѣдство, требуя руки вдовы Хэрея? Если эти дѣти были законными сыновьями Евктемона, то дочери его ни въ какомъ случаѣ не могли быть дочерьми-наслѣдницами. Если же, съ другой стороны, это были дѣти Алки, а не Евктемона — какъ это отлично доказывается въ нашей рѣчи —, то на какомъ основаніи они во второмъ случаѣ старались лишить дочерей Евктемона подобающаго имъ законнаго наслѣдства? И какъ, наконецъ, можно было объяснить, что въ одномъ случаѣ они объ этихъ мальчикахъ ни слова не говорили, въ другомъ выдавали ихъ за законныхъ сыновей Евктемона, а въ третьемъ (см. выше) утверждали, что мальчики эти были усыновлены Гегемономъ и Ергаменомъ? Этихъ противорѣчій не могла не замѣтить партія Хэрестрата (см. въ особенности §§ 46 и 56 сл.). Андроклъ, слѣдовательно, не смотря на свою хитрость, самъ, оче-

видно, отпилилъ сукъ, на которомъ онъ сидѣлъ. Однако это уже относится къ судебному рѣшенію — а судебнаго рѣшенія мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, а можемъ только догадываться, каковъ былъ исходъ этого процесса.

Что же касается предмета даннаго иска, то нужно еще замѣтить, что Андроклъ тогда, когда Хэрестратъ по смерти Евктемона хотѣлъ судебнымъ порядкомъ быть утвержденнымъ въ правахъ наслѣдованія, вошелъ въ судъ съ діамартиріей т. е. хотѣлъ посредствомъ свидѣтельскихъ показаній доказать, что дѣло не подлежитъ суду, такъ какъ Евктемонъ оставилъ по себѣ законныхъ сыновей, а Филоктемонъ умеръ безъ завѣщанія. Хэрестратъ же со своей стороны подалъ противъ этого протестъ и обвинилъ своихъ противниковъ въ лжесвидѣтельствѣ (ψευδομαρτυριῶν). Дѣло, по которому была произнесена наша шестая рѣчь, есть именно эта δίκη ψευδομαρτυριῶν.

Въ этой рѣчи Хэрестрату надлежало доказать слѣдующіе два пункта: 1) что Филоктемонъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи дѣйствительно усыновилъ его и 2) что эти мальчики ничуть не законные сыновья Евктемона, а просто сыновья публичной женщины Алки и ея любовника Діона. Хэрестратъ, впрочемъ, по своей молодости и неопытности не самъ произнесъ эту рѣчь, а ограничился нѣсколькими вступительными словами; нашу рѣчь — сочиненную Исеемъ, но произнесенную не имъ самимъ — говорилъ одинъ изъ лучшихъ друзей Хэрестрата[1]).

---

1) Объ Аѳинскихъ защитникахъ или адвокатахъ (συνήγοροι) см. Meier-Schoemann-Lipsius Att. Process, стр. 920 сл. Если тяжущійся полагалъ, что своею рѣчью не достигнетъ желанной цѣли, то въ концѣ рѣчи, съ дозволенія судей, вызывалъ одного или нѣкоторыхъ изъ своихъ друзей (преимущественно людей краснорѣчивыхъ, свѣдущихъ въ законахъ или знатныхъ), чтобы тѣ заступились за него (συνηγορεῖν, συνηγορία, συνήγοροι). Такая συνηγορία могла состоять либо въ краткомъ эпилогѣ, либо въ подробномъ изложеніи нѣкоторыхъ пунктовъ; нерѣдко, впрочемъ, такая συνηγορία превращалась въ главную рѣчь (какъ напр. наша VI рѣчь и IV рѣчь Исея), а тяжущійся довольствовался нѣкоторыми словами, въ которыхъ объявлялъ, что чувствуетъ себя неспособнымъ защищать самого себя. Однако не смотря на то упомянутые συνήγοροι всячески стараются оправдать свое появленіе предъ судомъ и поэтому ссылаются либо на дружеское отношеніе къ своему кліенту (напр. наша VI рѣчь), либо на свою ненависть къ противнику, либо на какую-нибудь другую уважительную причину, чтобы не навлечь на себя подозрѣніе, будто они дозволили себя подкупить, что не только считалось гнуснымъ, но и было запрещено законами подъ страхомъ наказанія.

ГЛАВА II.

Вопросы аттической прозопографіи.

Въ предъидущей главѣ мы изложили событія, предшествовавшія этому процессу и опредѣлили предметъ иска. Обратимся теперь къ нашей второй задачѣ, а именно — постараемся по возможности опредѣлить все то, что намъ извѣстно о личностяхъ, о которыхъ говорится въ данномъ процессѣ.

1. Евктемонъ. Объ Евктемонѣ кромѣ того, что сообщается въ шестой рѣчи Исея и что выше вкратцѣ изложено, почти ничего не извѣстно. Luzac [1]) отожествляетъ его съ соименнымъ эпонимнымъ архонтомъ 408/7 г. = Ol. 93,1 [2]) и пишетъ между прочимъ слѣдующее: „Quum autem ex Isaei oratione appareat, Euctemona illum, de quo agit, inter locupletissimos et insigniores cives fuisse atticos, aetas autem viri in haec tempora cadat, probabili conjectura eundem fuisse archonta existimo. Quippe Euctemon annum aetatis implevit nonagesimum sextum; caussa de haereditate illius ac Philoctemonis acta est paulo post prioris mortem. . . .[3]). Ergo in

1) См. J. Luzac, Lectiones Atticae. De διγαμίᾳ Socratis dissertatio, Lugduni 1809, стр. 55 сл., прим. 13. Къ этому мнѣнію присоединился Friedrich, Bemerkungen zu Isaios, Gymnasialprogramm, Darmstadt 1875, стр. 8.

2) Friedrich l. c. ошибочно пишетъ Ol. 94,1. Впрочемъ, такъ какъ въ 404/3 г. = Ol. 94,1 была такъ называемая ἀναρχία и такъ какъ Фридрихъ самъ ссылается на Luzac'a, то это, очевидно, только либо описка, либо опечатка.

3) Четырнадцатый параграфъ нашей рѣчи даетъ намъ возможность совершенно точно опредѣлить дату этого процесса. Въ означенномъ § 14 сообщается, что съ начала сицилійской экспедиціи т. е. съ архонтства Аримнеста прошло уже 52 года. А такъ какъ Аримнестъ былъ архонтомъ въ 416/5 году = Ol. 91,1, то нашъ процессъ состоялся либо въ 365/4, либо въ

medio vitae cursu, 48 vel 50 annos natus [1]), Euctemo, de quo agitur, aetatisque adeo in flore erat eodem illo anno, quo Euctemon archon . . . . memoratur".

Спрашивается, однако, имѣлъ ли Luzac право отожествлять этихъ обоихъ Евктемоновъ? Положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, разумѣется, дать нельзя. Съ одной стороны можно замѣтить, что Евктемонъ (какъ мы ниже увидимъ) дѣйствительно принадлежалъ къ числу знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ гражданъ, что родъ его былъ приписанъ къ одному изъ важнѣйшихъ демовъ — Кефисіи, что возрастъ его, какъ мы видѣли, также нисколько не препятствовалъ ему въ занятіи этой должности, и что поэтому — при полномъ молчаніи Исея — противъ его архонтства, безспорно, никакихъ уважительныхъ причинъ привести нельзя. Но развѣ этого достаточно? Нужно-же, съ другой стороны, откровенно сознаться, что и доказать по крайней мѣрѣ правдоподобность его архонтства никакъ нельзя. Имя Εὐκτήμων встрѣчается до того часто въ Аѳинахъ — какъ въ литературѣ, такъ и въ декретахъ —, что было-бы въ методическомъ отношеніи непозволительно на основаніи вышеприведенныхъ пустыхъ предположеній отожествлять этихъ обоихъ Евктемоновъ[2]). Онъ могъ быть архон-

---

364/3 году, смотря потому, включенъ ли Исеемъ самый годъ архонтства Аримнеста или нѣтъ. Мы лично предпочитаемъ вторую возможность: рѣчь эта, на нашъ взглядъ, произнесена въ 364/3 г. = Ol. 104,1.

1) Если это былъ нашъ Евктемонъ, то онъ, очевидно, былъ въ 408/7 г. нѣсколько старше. Такъ какъ этотъ процессъ состоялся немедленно послѣ его смерти или по крайней мѣрѣ не особенно долго спустя, то Евктемонъ, очевидно, умеръ приблизительно въ 366 или 365 г. А такъ какъ ему при смерти было 96 лѣтъ отъ-роду, то онъ родился около 461 года. Въ 408/7 г. ему, слѣдовательно, было приблизительно 52 или 53 года отъ-роду.

2) При этомъ случаѣ да будетъ намъ позволено указать на странную особенность index'a къ Диттенбергеровой Sylloge inscriptionum graecarum (vol. III. Lipsiae 1901). Въ означенномъ index'ѣ приводятся сначала Nomina virorum et mulierum (стр. 3—123). Каждое отдѣльное лицо занимаетъ особую строку, такъ напр. на стр. 47 перечисляются: Εὐκτήμων Ἀθηναῖος ἄρχων 54,5. 188,1. 197,13. 16. Εὐκτήμων Ἀθηναῖος ναοποιός 140,74. 96. Εὐκτήμων Ἀθηναῖος φυλῆς Πανδιονίδος 530,1. Εὐκτήμων Ἀφιδναῖος 638,9. Εὐκτήμων (Βατῆθεν) 611,5. Εὐκτήμων Πτελεάσιος 606,44. Такъ какъ эти имена находятся, какъ мы видѣли, каждое на особой строкѣ, то здравый разсудокъ требуетъ, чтобы и на первой строкѣ была упомянута только одна личность. Однако при повѣркѣ выходитъ не то, ибо оказывается, что изъ упомянутыхъ цитатъ первая (54,5) относится къ вышеприведенному архонту 408/7 г. = Ol. 93,1, между тѣмъ какъ остальныя двѣ цитаты (188,1 и 197,13.16) относятся къ архонту 299/8 г. = Ol. 120,2. Такая контаминація встрѣчается у Диттенбергера и въ другихъ

томъ 408/7 г., но былъ ли онъ имъ въ самомъ дѣлѣ — никакъ нельзя доказать. Вопросъ этотъ, поэтому, долженъ оставаться открытымъ. Мы же лично того мнѣнія, что отожествлять этихъ особъ нельзя.

Евктемонъ, какъ уже было нами замѣчено, принадлежалъ къ числу знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ Аѳинскихъ гражданъ. Знатность его рода подтверждается, во-первыхъ, тѣмъ, что одна изъ его дочерей вышла за-мужъ за Фанострата, о знатности и богатствѣ котораго еще рѣчь впереди; далѣе сообщается (§ 38), что онъ подвергся наиболѣе обременительнымъ литургіямъ (τὰ μέγιστα ὑμῖν λειτουργεῖν) и наконецъ въ § 10 указывается на то, что съ его семейными обстоятельствами хорошо знакомы не только его родственники и фратеры — которымъ, разумѣется, все это должно было быть извѣстно —, но и бо́льшая часть демотовъ [1]).

Что-же касается его богатства, то Исей говоритъ объ этомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Важнѣйшее мѣсто находится въ § 38, гдѣ сообщается, что у Евктемона и Филоктемона было столько имущества, что несмотря на то, что они оба неоднократно подвергались наиболѣе обременительнымъ литургіямъ, они не только ничуть не тронули своего капитала и ничего не продали изъ своего имущества, но даже были въ состояніи сберегать часть своихъ постоянныхъ доходовъ и этимъ все болѣе и болѣе увеличивать свое имущество. Такъ какъ по нѣкоторымъ другимъ мѣстамъ Исея и одному мѣсту Демосѳена [2]) извѣстно, что владѣлецъ имущества въ два таланта еще не подвергался литургіямъ, а что нужно было для этого имѣть по крайней мѣрѣ 3 таланта, то minimum опредѣлить не трудно. Но этотъ minimum для насъ никакого значенія не имѣетъ, такъ какъ мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ богатымъ; а такъ какъ онъ, не смотря на

случаяхъ, напр. на стр. 35 Διοκλῆς Ἀθηναῖος ἄρχων и т. п. На нашъ взглядъ въ точномъ index'ѣ — а Диттенбергеръ, несомнѣнно, претендуетъ на точность — такія контаминаціи совершенно непростительны, тѣмъ болѣе, что по этому поводу нѣтъ никакой оговорки.

1) см. § 10: „Πάντες οἱ προσήκοντες ἴσασι καὶ οἱ φράτερες καὶ τῶν δημοτῶν οἱ πολλοί.“ Dareste Les plaidoyers d' Isée, Paris 1898 стр. 110 переводитъ неточно: „c'est ce que savent tous les parents et presque tous les membres de la phratrie et du dème,“ какъ будто οἱ πολλοί относилось и къ фратерамъ!

2) ср. Isae or. III π. τ. Πύρρου κλ. § 80 и or. XI π. τ. Ἁγνίου κλ. § 40, и Demosth. or. XXVII κατ' Ἀφόβου Α § 64.

то, что неоднократно подвергался наиболѣе обременительнымъ литургіямъ, какъ мы видѣли, не только не разорился, но литургіи эти даже нисколько не препятствовали увеличенію его имущества — между тѣмъ какъ литургіи, какъ извѣстно, часто доводили до нищеты даже людей зажиточныхъ — то нужно предполагать, что Евктемонъ, несомнѣнно, принадлежалъ къ числу весьма состоятельныхъ Аѳинскихъ гражданъ. Однако мы къ счастью не нуждаемся въ такихъ догадкахъ, такъ какъ нѣкоторыя мѣста нашей рѣчи даютъ намъ возможность нѣсколько точнѣе опредѣлить его имущество. Но такъ какъ подробный разборъ этихъ мѣстъ отвлекъ бы насъ отъ сюжета этой главы, то мы подробнѣе будемъ говорить объ этомъ въ слѣдующей главѣ (Гл. III. § 2), а здѣсь удовольствуемся замѣткой, что недвижимое имущество Евктемона приблизительно равнялось по крайней мѣрѣ 10 талантамъ = 15,000 рублямъ; что-же касается его движимаго имущества, то этого, конечно, никогда не удастся опредѣлить.

Наконецъ можно еще замѣтить, что Евктемонъ, которому при смерти было 96 лѣтъ отъ-роду, подъ конецъ жизни сдѣлался до того дряхлымъ и хилымъ, что не могъ даже вставать съ постели (§ 35: ὁρῶντες γὰρ τὸν Εὐκτήμονα κομιδῇ ἀπειρηκότα ὑπὸ γήρως καὶ οὐδὲ τῆς κλίνης ἀνίστασθαι δυνάμενον).

2. Жена Евктемона. Что касается жены Евктемона, то мы только знаемъ, что это была дочь нѣкоего Миксіада, также изъ дема Кефисіи, все остальное — даже имя ея — покрыто мракомъ неизвѣстности. Сколько ей было лѣтъ — также нельзя точно опредѣлить. Изъ нашей рѣчи мы только узнаемъ, что она пережила не только своихъ 3 сыновей, но и мужа, которому при смерти, какъ мы видѣли, было 96 лѣтъ. Не смотря на это полное отсутствіе точныхъ датъ мы, однако, всетаки еще въ состояніи хоть приблизительно опредѣлить ея лѣта. Мы видѣли, что единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ могъ считаться только внукъ Евктемона — Хэрестратъ, усыновленный Филоктемономъ. Объ этомъ Хэрестратѣ сообщается въ § 60, что онъ, не смотря на свою молодость, былъ уже тріерархомъ, хорегомъ и гимназіархомъ [1]). Говорится это о времени процесса, стало быть оно относится къ 364 году. Чтобы быть въ состояніи исправлять

1) § 60. „οὗτοσὶ δὲ Χαιρέστρατος τηλικοῦτος ὢν τετριηράρχηκε, κεχορήγηκε δὲ τραγῳδοῖς, γεγυμνασιάρχηκε δὲ λαμπάδι.“

эти литургіи, ему, конечно, должно было быть по крайней мѣрѣ 20 лѣтъ отъ-роду. А такъ какъ, далѣе, здѣсь говорится о 3 литургіяхъ, а никто, обыкновенно, не подвергался ни 2 литургіямъ въ одинъ годъ, ни одной два года сряду, то съ наступленія 20-лѣтняго возраста прошло приблизительно 6 лѣтъ, т. е. онъ достигъ 20-лѣтняго возраста не позже 370 года и, стало быть, родился не позже 390 г.[1]). Чтобы родить его законнымъ образомъ, мать его — дочь Евктемона — должна была выйти за-мужъ за Фаностратa не позже 391 года. Сколько ей было тогда лѣтъ — точно опредѣлить нельзя, такъ какъ въ Греціи бывали нерѣдки случаи браковъ съ 14-ти или 15-лѣтними дѣвочками; но такъ какъ эти случаи не могли считаться, да и не считались вполнѣ нормальными, на что указываютъ Гесіодъ и Платонъ[2]), требующіе нѣсколько болѣе зрѣлаго возраста, то мы, вѣроятно, не очень ошибимся, если предположимъ, что ей при вступленіи въ бракъ было приблизительно 19 лѣтъ отъ-роду, такъ что она родилась круглымъ числомъ около 410 года. У Евктемона и его жены было, какъ мы видѣли, 5 дѣтей. Въ какомъ порядкѣ они родились — конечно неизвѣстно. Но если мы предположимъ, что бракъ жены Евктемона съ послѣднимъ состоялся въ 415 году, то это, на нашъ взглядъ, не можетъ считаться особенно неправдоподобнымъ. Если теперь, наконецъ, еще предположить, что и ей при вступленіи въ бракъ было приблизительно 20 лѣтъ, то она родилась около 435 года. Въ 365 году, т. е. за годъ до процесса и при смерти мужа, ей было, стало быть, по крайней мѣрѣ 70 лѣтъ отъ роду[3]). Вычисленныя нами суммы, разумѣется, весьма проблематичны. Но мы за точными цифрами и не гнались. Для насъ

---

1) Бывали, конечно, и такіе случаи, гдѣ одно и то-же лицо исполняло либо по двѣ литургіи въ одинъ годъ, либо по одной нѣсколько лѣтъ сряду; но это, разумѣется, исключенія и само собою разумѣется, что такихъ исключеній обобщать нельзя.

2) см. Hesiod. ἔργα καὶ ἡμέραι, v. 695 сл. и Platon. Πολ. V. p. 400 E: μέτριος χρόνος ἀκμῆς τὰ εἴκοσιν ἔτη γυναικί, ἀνδρὶ δὲ τὰ τρίακοντα. Platon. Νόμοι VI 785 B. γάμου δὲ ὅρον εἶναι κόρῃ μὲν ἀπὸ ἑκκαίδεκα ἐτῶν εἰς εἴκοσι — κόρῳ δὲ ἀπὸ τριάκοντα μέχρι τοῦ πέντε καὶ τριάκοντα.

3) Для бо́льшаго удобства и для ясности сопоставимъ исчисленныя нами минимальныя даты:

не позже 435 г. родилась жена Евктемона.
около 415 г. она вышла за него за-мужъ.
„ 410 г. родилась ея дочь, жена Фаностратa.
„ 391 г. дочь эта вышла за-мужъ за Фаностратa.

совершенно достаточно хоть приблизительно опредѣлить minimum ея лѣтъ, такъ какъ при чтеніи этой рѣчи и при разборѣ такихъ вопросовъ, какъ напр. о ея мнимомъ разводѣ, невольно забываешь, сколько ей было лѣтъ.

Что бракъ ея съ Евктемономъ не былъ впослѣдствіи расторгнутъ — объ этомъ еще рѣчь впереди (см. Гл. III. § 4).

3. Ергаменъ и Гегемонъ. Изъ сыновей Евктемона Ергаменъ и Гегемонъ — по всей вѣроятности младшіе сыновья его — никакой роли не играютъ. По крайней мѣрѣ въ нашей рѣчи о нихъ сообщается только то, что оба умерли не оставивъ по себѣ дѣтей [1]). Одно только ясно, что ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя считать малолѣтними. Въ §§ 36 и 44 сообщается, что Андроклъ и Антидоръ утверждали, что сыновья Алки были ими усыновлены, по Аѳинскимъ же законамъ усыновитель долженъ былъ быть совершеннолѣтнимъ, т. е. ему должно было быть не менѣе 18 лѣтъ. Если-бы, стало-быть, Ергаменъ и Гегемонъ при смерти были несовершеннолѣтними, то Андроклъ и Антидоръ никогда-бы не могли приписать имъ усыновленія дѣтей Алки. Точнѣе возрастъ ихъ опредѣлить нельзя.

4. Филоктемонъ. Филоктемонъ, очевидно, старшій сынъ Евктемона. Выдающуюся роль, которую онъ играетъ въ этомъ процессѣ, нельзя, однако, приписывать первородству, такъ какъ Аѳинскому законодательству чуждо постановленіе о правѣ первородства [2]) — роль эта объясняется совершенно просто тѣмъ

не позже 390 г. родился Хэрестратъ.

въ 364 г. по смерти Евктемона и при инструкціи этого процесса ему было по крайней мѣрѣ 26 лѣтъ отъ роду.

1) § 6. Τὼ μὲν οὖν ἀδελφώ (т. е. братья Филоктемона), ὥ περ αὐτῷ ἐγενέσθην, ἄμφω ἄπαιδε ἐτελευτησάτην.

2) Въ Аѳинахъ всѣ законнорожденные сыновья (а при отсутствіи таковыхъ и ихъ дѣтей — всѣ законнорожденныя дочери) пользовались касательно наслѣдства одинаковыми правами, ср. Isae. VI § 25 τοῦ νόμου κελεύοντος ἅπαντας τοὺς γνησίους ἰσομοίρους εἶναι τῶν πατρῴων. См. Herrmann-Thalheim griech. Rechtsaltertümer 1895, стр. 62; L. Beauchet l. c. III. стр. 450 сл. E. Caillemer Droit de succession, Paris 1879, стр. 30 сл. P. Guiraud La propriété foncière en Grèce, Paris 1893, стр. 230. — Dareste Les plaidoyers d'Isée. Paris 1898, стр. 114 переводитъ вышеупомянутыя слова слѣдующимъ образомъ: la loi veut que tous les enfants légitimes prennent chacun une part égale des biens paternels?" Кому хорошо извѣстенъ Аѳинскій законъ: „Κρατεῖν τοὺς ἄρρενας καί τοὺς ἐκ τῶν ἀρρένων" (Isae. VII 20), т. е.

обстоятельствомъ, что остальные сыновья, какъ мы видѣли, умерли преждевременно и не оставили по себѣ дѣтей. Когда онъ родился и сколько ему было лѣтъ при смерти — точно опредѣлить нельзя. Но если наши вышеприведенныя исчисленія вѣрны т. е. если мать его родилась около 435 года, то Филоктемонъ родился приблизительно около 414 года, такъ что при смерти ему было около 40 лѣтъ, что, на нашъ взглядъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ тому впечатлѣнію, которое мы получаемъ при чтеніи нашей рѣчи.

О Филоктемонѣ мы знаемъ немного больше, чѣмъ о предъидущихъ лицахъ. Такъ напр. сообщается въ § 9, что онъ ἕως ἔζη τοιοῦτον πολίτην ἑαυτὸν παρεῖχεν, ὥστε διὰ τὸ ὑφ' ὑμῶν τιμᾶσθαι ἄρχειν ἀξιοῦσθαι т. е. онъ занималъ разныя государственныя должности [1]), но какія именно — неизвѣстно. Далѣе сообщается въ § 5, что онъ былъ женатъ (на комъ — неизвѣстно), но дѣтей онъ въ бракѣ не прижилъ (ἐκ μὲν τῆς γυναικὸς ᾗ συνῴκει οὐκ ἦν παιδίον οὐδέν) и поэтому усыновилъ своего племянника Хэрестрата μὴ ἔρημον καταλίπῃ τὸν οἶκον. Усыновленіе это было совершено

кому извѣстно, что ближайшими наслѣдниками въ Греціи являлись одни только сыновья съ ихъ дѣтьми, а не также дочери, и что только при отсутствіи сыновей и ихъ дѣтей наслѣдство переходило къ дочерямъ (ср. также Гл. III § 3), тотъ, быть-можетъ, пойметъ, что слово enfants должно быть здѣсь понято въ весьма широкомъ смыслѣ. Кому-же это неизвѣстно — и, по всей вѣроятности, не всѣ, а можетъ быть и большинство читателей этого перевода не будутъ принадлежать къ этой категоріи — тотъ на основаніи этого перевода означеннаго мѣста можетъ заключить, что по Аѳинскимъ законамъ всѣ дѣти относительно наслѣдства пользовались одинаковыми правами. Такихъ двусмысленныхъ выраженій слѣдуетъ строго избѣгать въ переводахъ.

1) Dareste l. c. переводитъ это мѣсто совершенно невѣрно: „qui, tant qu'il a vécu, s'est montré assez bon citoyen pour mériter votre estime au point d'être jugé digne d'être archonte (sic!). Haussoullier, сотрудникъ Дареста, очевидно весьма небрежно просмотрѣлъ переводъ послѣдняго, ибо въ противномъ случаѣ онъ не могъ не замѣтить, что ἄρχειν здѣсь не = „быть архонтомъ", а просто = „занимать должности" какъ и вѣрно переводится Шёманномъ „Staatsämter bekleiden". Весь контекстъ этого мѣста не допускаетъ другого толкованія. Притомъ такой переводъ этого мѣста не можетъ не навести читателей — неспеціалистовъ, для которыхъ именно назначенъ этотъ переводъ Дареста, на мысль, что здѣсь говорится объ эпонимномъ архонтствѣ, между тѣмъ какъ объ этомъ ни въ какомъ случаѣ думать нельзя; намъ хорошо извѣстны всѣ архонты — эпонимы второй половины V в. и первой половины IV в., но въ числѣ ихъ нѣтъ ни одного Филоктемона

посредствомъ духовнаго завѣщанія, въ которомъ было сказано, что Хэрестратъ долженъ былъ сдѣлаться наслѣдникомъ только въ томъ случаѣ, если у самого Филоктемона отъ своей супруги не будетъ дѣтей (§ 7. καὶ ἔγραψεν οὕτως ἐν διαθήκῃ, εἰ μὴ γένοιτο αὐτῷ παιδίον ἐκ τῆς γυναικός, τοῦτον κληρονομεῖν τῶν ἑαυτοῦ). Это завѣщаніе было имъ составлено однажды, когда онъ отправлялся въ походъ, но точнѣе дату этого происшествія опредѣлить нельзя, такъ какъ по § 5 онъ неоднократно былъ и всадникомъ и тріерархомъ (πολέμου δ' ὄντος ἐκινδύνευε καὶ ἱππεὺς στρατευόμενος καὶ τριήραρχος πολλάκις ἐκπλέων) [1]).

На одной изъ этихъ экспедицій онъ наконецъ умеръ см. § 27, ὁ Φιλοκτήμων τριηραρχῶν περὶ Χίον ἀποθνήσκει ὑπὸ τῶν πολεμίων и § 9 ἐτελεύτησε μαχόμενος τοῖς πολεμίοις. Здѣсь совершенно точно опредѣляется мѣсто, гдѣ онъ погибъ. Но о какой здѣсь говорится экспедиціи или войнѣ? Къ сожалѣнію въ нашей рѣчи просто говорится πολέμου ὄντος и къ этому прибавляется, что она продолжалась нѣкоторое время и велась какъ на морѣ, такъ и на сушѣ (ἱππεὺς στρατευόμενος καὶ τριήραρχος πολλάκις ἐκπλέων); наконецъ еще упоминается Хіосъ. На основаніи однихъ этихъ данныхъ было бы не особенно легко точно опредѣлить эту войну. Но въ этомъ же самомъ § 27 разсказывается, что вскорѣ послѣ смерти Филоктемона состоялась морская экспедиція Тимоѳея (Φανόστρατος ἐκπλεῖν ἔμελλε τριηραρχῶν μετὰ Τιμοθέου). Тимоѳей, какъ извѣстно, въ тѣ времена, о которыхъ здѣсь говорится, предпринялъ двѣ морскія экспедиціи, въ 375 и 373 гг. [2]), такъ что означенная

---

1) A. Martin. Les cavaliers Athéniens, Paris 1886, стр. 315 совершенно вѣрно замѣчаетъ: „Il y a des citoyens qui sont tantôt trierarques et tantôt cavaliers; les citoyens riches ne sont pas chaque année triérarques; les années où ils ne sont pas soumis à cette liturgie, ils tombent sous l'obligation du service militaire, comme tous les citoyens; ils peuvent alors être enrôlés soit comme hoplites, soit comme cavaliers". Послѣднее, впрочемъ, не тожественно. Чтобы служить всадникомъ, какъ извѣстно, нужно было принадлежать къ классу всадниковъ, нужно было далѣе имѣть столько средствъ, чтобы быть въ состояніи содержать лошадь, годную къ военной службѣ (ἱπποτροφία, считавшаяся, впрочемъ, также литургіей), и нужно было, наконецъ, удовлетворительно выдержать смотръ всадникамъ (δοκιμασία) см. Aristot. Ἀθ. πολ. гл. 49. И эти обстоятельства, стало быть, обнаруживаютъ, что Филоктемонъ принадлежалъ къ болѣе зажиточнымъ гражданамъ.

2) Экспедиція 377 г., гдѣ Тимоѳей дѣйствовалъ вмѣстѣ съ Хабріемъ, мало вѣроятна, такъ какъ тогда главную роль игралъ еще Хабрій и экспедиція эта, слѣдовательно, врядъ-ли была бы просто названа экспедиціей Тимоѳея.

экспедиція Фанострата должна очевидно относиться либо къ 375, либо къ 373 г. Какая же это война, которая велась одновременно на морѣ и на сушѣ? Блассъ [1]) полагаетъ, что это очевидно Ѳиванская война 378—371 гг. Мы считаемъ это мнѣніе весьма правдоподобнымъ, такъ какъ другой болѣе подходящей одновременной экспедиціи нѣтъ. Если же это предположеніе вѣрно, то тѣмъ болѣе нельзя думать объ экспедиціи Тимоѳея въ 377 году. Напротивъ — мы того мнѣнія, что такъ какъ въ § 5 говорится ἱππεὺς στρατευόμενος καὶ τριήραρχος πολλάκις ἐκπλέων и въ § 27 замѣчается, что экспедиція Тимоѳея состоялась нѣкоторое время послѣ смерти Филоктемона, то нельзя съ Блассомъ оставлять вопросъ открытымъ, а нужно прямо утверждать, что тутъ можетъ бытъ рѣчь только объ экспедиціи 373 года. Неяснымъ остается такимъ образомъ только упоминаніе Хіоса, такъ какъ нигдѣ не упоминается сраженіе, происшедшее около этого острова во время этой войны; притомъ Хіосцы въ это время были лучшими и самыми надежными союзниками Аѳинянъ. Мѣсто это, поэтому, можно только понимать такъ, что около этого острова произошло столкновеніе Аѳинянъ съ какимъ-то непріятелемъ, но ни въ какомъ случаѣ не съ Хіосцами [2]).

Наконецъ о Филоктемонѣ извѣстно еще все то, что разсказывается въ нашей рѣчи объ отношеніяхъ его къ Евктемону и старшему сыну Алки (см. Гл. I). О томъ, имѣлъ ли онъ собственное имущество, рѣчь еще впереди (см. Гл. III § 3).

5. Хэрей и его семейство. Одна изъ дочерей Евктемона вышла за-мужъ за нѣкоего Хэрея. Кто былъ этотъ Хэрей — въ нашей рѣчи нигдѣ не говорится. Jones l. c. полагаетъ, что „Chaereas, who married the daughter of Euctemon, might have been the son of Archestratos, whose actions are recorded by the historian (т. е. Ѳукидидомъ въ VIII книгѣ)“. Но спрашивается, можно ли отожествлять этихъ обоихъ Хэреевъ? Если это въ самомъ дѣлѣ сынъ Архестрата, то онъ въ 411 г. командовалъ государ-

1) F. Blass, Att. Beredsamkeit, II², Lpz. 1892 стр. 549 прим. 1.

2) W. Jones, The speeches of Isaeus, London 1779 стр. 160 къ словамъ Philoctemon was slain at Chios замѣчаетъ слѣдующее: „most probably in one of the engagements mentioned by Thucydides in his 8 book“. Однако мнѣніе это не требуетъ и опроверженія, такъ какъ трудъ Ѳукидида, какъ извѣстно, обрывается на 411 году, а происшествія, описываемыя въ нашей рѣчи, относятся къ 70-тымъ годамъ IV вѣка.

ственнымъ кораблемъ Πάραλος, а въ 410 году былъ стратегомъ при Кизикѣ [1]). О нашемъ же Хэреѣ мы узнаемъ въ § 29 только то, что онъ умеръ около двухъ лѣтъ послѣ Филоктемона [2]) т. е. около 371 года. Чтобы занимать какую нибудь государственную должность, ему должно было быть не менѣе тридцати лѣтъ; но чтобы онъ немедленно былъ избранъ стратегомъ и командовалъ государственнымъ кораблемъ весьма невѣроятно. Въ 411 г. ему, стало быть, должно было быть по крайней мѣрѣ около 35 лѣтъ. Слѣдовательно, если это тотъ самый Хэрей, то ему въ 371 г. при смерти было около 75 лѣтъ, что намъ кажется довольно таки невѣроятнымъ. Доказать, конечно, нельзя ни того ни другого, но въ нашей рѣчи нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, что мы имѣемъ дѣло съ такимъ старикомъ; женѣ его было приблизительно 40 лѣтъ отъ-роду, такъ что мужъ ея — если допустить это отожествленіе — былъ бы почти вдвое старше ея, что само по себѣ, конечно, возможно, но въ нашей рѣчи, на нашъ взглядъ, не особенно вѣроятно. Поэтому мы не считаемъ возможнымъ присоединиться ко мнѣнію Джонса.

Что касается дѣтей, то въ § 6 говорится, что сыновей у нихъ не было, не смотря на долгое сожительство, а была у нихъ всего только одна дочь, имя которой также неизвѣстно (см. § 32) [3]).

О Хэреѣ, далѣе, сообщается, что духовное завѣщаніе, составленное Филоктемономъ, было послѣднимъ отдано ему на храненіе. Наконецъ можно еще упомянуть, что по смерти Хэрея Андроклъ захотѣлъ жениться на его вдовѣ, какъ на дочери-наслѣдницѣ, о чемъ, впрочемъ уже была рѣчь. Что же касается

---

1) См. Pauly-Wissowa s. v. Chaireas и приведенныя тамъ мѣста изъ Ѳукидида и Діодора.

2) Мы видѣли, что Филоктемонъ умеръ около 373 г. Въ томъ же § 27 разсказывается далѣе, что Евктемонъ немного спустя сообщилъ своимъ зятьямъ, что намѣревается посредствомъ духовнаго завѣщанія укрѣпить за сыномъ Алки имѣніе (см. Гл. I). Фанострать находился уже на кораблѣ, чтобы отплыть вмѣстѣ съ Тимоѳеемъ, а Хэрей провожалъ его. Поэтому Евктемонъ явился на корабль и составилъ тамъ завѣщаніе. Это произошло въ 373 г. Въ § 29 Исей затѣмъ продолжаетъ: „κειμένου δὲ τοῦ γραμματείου σχεδὸν δύ' ἔτη καὶ τοῦ Χαιρέου τετελευτηκότος.

3) Просто непонятно, какимъ образомъ Blass, Att. Ber. II², стр. 548 могъ жену Хэрея назвать „verwittwete und kinderlose Schwester des Philoktemon," между тѣмъ какъ въ § 6 говорится: „τοῖν δὲ ἀδελφαῖν τῇ μὲν ἑτέρᾳ ᾗ ὁ Χαιρέας συνῴκει οὐκ ἦν ἄρρεν παιδίον οὐδὲ ἐγένετο πολλὰ ἔτη συνοικούσῃ", а въ § 32: „τοῦ δὲ Χαιρέου — θυγάτηρ ἦν μία"!

ея тогдашняго возраста, то при отсутствіи хоть одной точной даты положительнаго отвѣта дать нельзя. По всей вѣроятности ей было тогда, какъ мы уже замѣтили, приблизительно около 40 лѣтъ.

6. Фанострать. Другая дочь Евктемона вышла за-мужъ за Фанострата. Объ этомъ семействѣ мы имѣемъ несравненно больше свѣдѣній. Фанострать, безъ всякого сомнѣнія, принадлежалъ къ знатнѣйшимъ и богатѣйшимъ Аѳинскимъ гражданамъ. Въ началѣ VI рѣчи συνήγορος Хэрестрата говоритъ слѣдующее: „ὅτι μὲν πάντων οἰκειότατα χρῶμαι Φανοστράτῳ τὲ καὶ Χαιρεστράτῳ τουτῳί, τοὺς πολλοὺς οἶμαι ὑμῶν εἰδέναι“; изъ этихъ словъ очевидно слѣдуетъ, что какъ Фанострать и сынъ его Хэрестратъ, такъ и συνήγορος ихъ, произносящій эту рѣчь, были людьми знатными и пользовались широкою извѣстностью. Что они были людьми весьма богатыми явствуетъ изъ § 60, гдѣ сообщается, что еще до 364 года (т. е. до нашего процесса) Фанострать былъ уже 7 разъ тріерархомъ, исправлялъ и всѣ остальныя литургіи и притомъ такъ хорошо, что одержалъ множество побѣдъ; Хэрестратъ, какъ мы ниже увидимъ, не смотря на свою молодость, былъ уже тріерархомъ, хорегомъ и гимназіархомъ, а младшій братъ его также уже былъ хорегомъ. Отецъ и сынъ, притомъ, принадлежали къ числу трехсотъ богатѣйшихъ гражданъ и исправно платили всѣ налоги (§ 60: καὶ τὰς εἰσφορὰς εἰσενηνόχασιν ἀμφότεροι πάσας ἐν τοῖς τριακοσίοις).

Изъ упомянутыхъ 7 тріерархій, которыя Фанострать исправлялъ до 364 года, одна точнѣе опредѣляется въ § 27, гдѣ сообщается, что послѣ смерти Филоктемона Φανόστρατος ἐκπλεῖν ἔμελλε τριηραρχῶν μετὰ Τιμοθέου καὶ ἡ ναῦς αὐτῷ ἐξώρμει Μουνυχίασι. Эта экспедиція Тимоѳея и тріерархіи Фанострата относятся, какъ мы выше видѣли, къ 373 году [1]). Такъ какъ Тимоѳей въ озна-

1) C. Rehdantz, Vitae Iphicratis Chabriae Timothei Atheniensium, Berlin 1845, стр. 124, прим. 15 b почему-то относитъ эту экспедицію Тимоѳея и тріерархію Фанострата къ 367 году, см. также A. Schaefer, Demosthenes und seine Zeit, 2 изд. I Leipzig 1885 стр. 97 и прим. 1, гдѣ онъ присоединяется ко мнѣнію Редантца. Мы, однако, считаемъ это вполнѣ невозможнымъ. Еслибы здѣсь дѣйствительно шла рѣчь объ экспедиціи 367 года, то Хэрей, который по § 29 умеръ два года послѣ этого происшествія, скончался бы, слѣдовательно, въ 365 году, а процессъ, какъ мы знаемъ, состоялся въ 364 году. Такимъ образомъ мы должны были бы предположить, что все, что случилось съ Евктемономъ послѣ смерти Хэрея, все что онъ вмѣстѣ

ченномъ году посѣтилъ Θракію, Македонію, Θессалію и разные кикладскіе острова, то и Фаностратъ, очевидно, побывалъ тамъ-же[1]).

Кромѣ этихъ 7 тріерархій намъ извѣстна еще одна тріерархія, которую онъ исправлялъ послѣ 364 года. Въ аттической надписи C. I. A. II n. 794 b мы читаемъ слѣдующее: ταῦτα μὲν ὄντα ἐν τοῖς νεωρίοις καὶ ἐκπεπλευκότα καὶ ὀφειλόμενα παρελάβομεν. ἀπὸ τούτων τάσδε τῶν τριήρων τῶν ὑπαιθρίων παροδοθεισῶν καὶ ἐκ τῆς ὑπερορίας κατακομισθεισῶν ἠναγκάσαμεν τοὺς [τρι]η[ρ]άρχους ἐπισκ[ε]υάσα[ντ]ας τῇ πόλε[ι] ἀ[ποδοῦναι τὰς] ναῦς. Затѣмъ слѣдуютъ разныя имена, а на стр. 75—77 мы читаемъ: Ἡγεμόνη. τριήραρχοι |Φανόστρατος Κηφισι(εύς)|, Νικίας Ἐροιάδης. Этотъ Фаностратъ, о которомъ говорится въ этомъ морскомъ документѣ, несомнѣнно нашъ Фаностратъ, такъ какъ онъ также принадлежалъ къ дему Кефисіи, а 356/5 г., къ которому Кёлеръ совершенно вѣрно относитъ эту надпись[2]), еще яснѣе показываетъ, что нельзя не отожествлять этихъ обоихъ Фаностратовъ. Нашъ Фаностратъ, стало быть, принялъ участіе въ снятіи осады съ острова Самоса, осажденнаго отпавшими отъ Аѳинъ союзниками.

На его кораблѣ, называвшемся, какъ видно изъ надписи, Ἡγεμόνη, кромѣ него находился еще другой тріерархъ, Νικίας Ἐροιάδης. Годъ передъ этимъ (357) по предложенію Періандра (см. Ps.-Demosth. or. 47, § 21) учрежденныя въ 377 году симморіи были, какъ извѣстно, распространены также на тріерархіи, такъ что вмѣсто прежнихъ синтріерархій теперь встрѣчаются симморіи и синтеліи. Однако не смотря на это новое учрежденіе, имѣющее

съ Андрокломъ и Антидоромъ предпринялъ противъ Хэрестрата, далѣе смерть его и всѣ дальнѣйшія происки этихъ обоихъ пройдохъ и наконецъ инструкція этого процесса — все это произошло въ краткій промежутокъ времени отъ 365 до 364 года. Это до того невѣроятно, что отъ этого мнѣнія рѣшительно нужно отказаться. Кому же этотъ доводъ покажется мало обоснованнымъ, тому совѣтуемъ внимательно прочесть VI рѣчь и мы вполнѣ убѣждены, что онъ присоединится къ нашему мнѣнію. Мы того мнѣнія, что данная экспедиція безъ всякого сомнѣнія состоялась въ 373 году.

1) См. Schaefer l. c. I. стр. 58 сл.

2) см. U. Köhler Athen. Mitth. VI стр. 30 сл. и C. I. A., l. c. „Catalogus navium sexaginta iussu curatorum navalium reparatarum, quam classem anno altero belli socialis Iphicrate et Timotheo ducibus deductam esse Diodorus XVI 21 tradit," поэтому онъ и утверждаетъ, что „titulum necessario referendum esse ad annum Ol. 106, 1 (356/5 a. Chr.) J. Kirchner Prosopographiae Atticae specimen Berlin 1890 стр. 12 безъ всякой оговорки приписываетъ эту надпись 353/2 году, но на этой очевидно невѣрной датировкѣ останавливаться не стоитъ.

законную силу (Dem. l. c. ὁ νόμος ὁ τοῦ Περιάνδρου), вначалѣ, по крайней мѣрѣ, встрѣчаются и исключенія, т. е. встрѣчаются по прежнему синтріерархи или даже просто тріерархи [1]), такъ что синтріерархія Фанострата и Никія насъ удивить не можетъ.

По поводу этой надписи да будетъ намъ позволено прибавить еще замѣтку. Мы видѣли выше, что у Исея VI § 27 сообщается, что Фаностратъ ἐκπλεῖν ἔμελλε τριηραρχῶν μετὰ Τιμοθέου, а въ нашей надписи говорится, какъ мы видѣли, о морской экспедиціи, состоявшейся Ipicrate et Timotheo ducibus". Въ обоихъ случаяхъ, да и притомъ единственныхъ, о которыхъ мы знаемъ хоть кой-какія подробности, Фаностратъ былъ тріерархомъ, а Тимоѳей главнокомандующимъ. Это совпаденіе, конечно, можетъ быть совершенно случайнымъ, такъ какъ два случая еще ничего не доказываютъ, тѣмъ болѣе, что Тимоѳей одинъ изъ важнѣйшихъ полководцевъ этихъ временъ. Но если вспомнить, что и тотъ и другой принадлежали къ числу знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ Аѳинянъ, то полагаемъ, что насъ не станутъ обвинять въ неосновательности, если мы предположимъ, что обоихъ, по всей вѣроятности, связывала тѣсная дружба и что Фаностратъ по возможности старался быть тріерархомъ подъ начальствомъ своего друга Тимоѳея.

Какой-то Фаностратъ упоминается, далѣе, еще въ 54 рѣчи Демосѳена (κατὰ Κόνωνος), гдѣ въ § 7 разсказывается, какъ нѣкій Аристонъ, человѣкъ молодой и состоятельный, однажды вечеромъ гулялъ на рынкѣ съ однимъ изъ своихъ сверстниковъ, Фанострато мъ изъ дема Кефисіи [2]). Здѣсь на нихъ напала пьяная компанія: Кононъ со своимъ сыномъ Ктесіемъ и еще четырьмя товарищами. Между тѣмъ, какъ одинъ изъ послѣднихъ напалъ на Фанострата и не давалъ ему возможности помогать своему другу Аристону, остальные напали на Аристона, содрали съ него одежду, бросили его въ уличную грязь и такъ отдубасили его, что онъ долгое

---

1) ср. напр. Ps.-Demosth. or. 47, § 78, далѣе Demosth. κατὰ Τιμοκράτους и Isae. VII περὶ τοῦ Ἀπολλοδώρου κλήρου § 38, гдѣ говорится: „ὁ πατὴρ αὐτοῦ — τριεραρχῶν τὸν πάντα χρόνον διετέλεσεν, οὐκ ἐκ συμμορίας τὴν ναῦν ποιησάμενος ὥσπερ οἱ νῦν (т. е. съ 357 г.; VII рѣчь произнесена около 353 года), ἀλλ' ἐκ τῶν αὐτοῦ δαπανῶν, οὐδὲ δεύτερος αὐτὸς ὤν (т. е. синтріерархомъ) ἀλλὰ κατὰ μόνας."

2) Dem. or. 54, 7: „χρόνῳ δ' ὕστερον οὐ πολλῷ περιπατοῦντος, ὥσπερ εἰώθειν, ἐσπέρας ἐν ἀγορᾷ μου μετὰ Φανοστράτου τοῦ Κηφισιέως, τῶν ἡλικιωτῶν τινός. κ. τ. λ.

время пролежалъ въ постели и чуть-чуть не лишился жизни. Kirchner l. c. стр. 12 отожествляетъ этого Фанострата съ нашимъ, однако намъ это отожествленіе кажется весьма невѣроятнымъ. Дата этой рѣчи, правда, неизвѣстна и мнѣнія ученыхъ значительно расходятся [1]). Здѣсь, конечно, не мѣсто вступать въ подробный разборъ этихъ разногласящихъ мнѣній. Но даже если мы присоединимся къ ранней и притомъ болѣе всего правдоподобной датировкѣ Шефера и Бласса, то всетаки остается одинъ моментъ, который не представляетъ возможности отожествлять этихъ обоихъ Фанстратовъ. Въ § 7, какъ мы видѣли, Аристонъ называетъ Фанострата своимъ сверстникомъ, а изъ § 1 явствуетъ, что Аристонъ еще человѣкъ молодой [2]). Сколько ему приблизительно было лѣтъ, нигдѣ не говорится; но такъ какъ въ § 44 Аристонъ самъ замѣчаетъ, что былъ уже тріерархомъ, то въ 356 году ему непремѣнно было болѣе двадцати лѣтъ. Если бы мы, поэтому, въ крайнемъ случаѣ даже допустили, что ему было около 30 или 35 лѣтъ, то онъ всетаки не могъ бы считаться ровесникомъ нашего Фанострата, старшій сынъ котораго по нашимъ исчисленіямъ не могъ родиться позднѣе 390 года, и которому, поэтому, самому въ 364 г. было приблизительно болѣе 50 лѣтъ. Поэтому остаются только двѣ возможности: или дата 54 рѣчи Демосѳена невѣрно опредѣлена т. е. рѣчь эта произнесена гораздо раньше (но для такой датировки, во-первыхъ, нѣтъ никакихъ данныхъ, а, во-вторыхъ, она потому вполнѣ невозможна, что рѣчь эта несомнѣнно написана Демосѳеномъ, который родился въ 384 году т. е. приблизительно тогда, когда по нашимъ исчисленіямъ Исееву Фанострату было столько же лѣтъ, сколько при произнесеніи 54 рѣчи Демосѳенову Фанострату) или нашего Фанострата нельзя отожествлять съ тѣмъ Фанстратомъ, о которомъ говорится въ 54 рѣчи Демосѳена. Имя Фанострата такое обыкновенное и встрѣчается такъ часто какъ въ литературныхъ, такъ и документальныхъ памятникахъ, что изъ

1) Такъ напр. Clinton пріурочиваетъ ее къ 343 году, Sandys и Paley (Select private orations of Demosthenes II Cambridge 1896 стр. LXIII и 241 сл.) къ 341 г., а Schaefer (Demosth. III 2 Abtheilung Lpz. 1858 Beilage VI 8 стр. 251 сл.) и Blass (Att. Bereds. III 1² Lpz. 1893 стр. 457) къ 356 году.

2) См. Dem. 54 § 1: „συμβουλευόντων δέ μοι καὶ παραινούντων μὴ μείζω πράγματ' ἢ δυνήσομαι φέρειν ἐπάγεσθαι, μηδ' ὑπὲρ τὴν ἡλικίαν ὧν ἐπεπόνθειν ἐγκαλοῦντα φαίνεσθαι, οὕτως ἐποίησα κτλ.

этой соименности еще ничего не слѣдуетъ. Гораздо важнѣе, конечно, то обстоятельство, что и тотъ и другой принадлежали къ дему Кефисіи. Однако вышеприведенные доводы исключаютъ всякую возможность отожествленія этихъ обоихъ Фаностратовъ. И наконецъ, неужели въ демѣ Кефисіи, одномъ изъ важнѣйшихъ и значительнѣйшихъ Аѳинскихъ демовъ, не могли одновременно существовать два Фаностратa?

У Фаностратa и его жены было два сына: старшій назывался Хэрестратомъ, имя **младшаго сына** неизвѣстно. Мы знаемъ о немъ только то, что ему въ 364 году было болѣе 20 лѣтъ, такъ какъ въ § 60 о немъ сообщается слѣдующее: „νῦν δὲ καὶ ὁ νεώτερος οὑτοσὶ χωρηγεῖ μὲν τραγῳδοῖς, εἰς δὲ τοὺς τριακοσίους ἐγγέγραπται καὶ εἰσφέρει τὰς εἰσφοράς“.

7. Хэрестратъ. Хэрестратъ, въ пользу котораго написана и произнесена VI рѣчь Исея, — старшій сынъ Фаностратa и одной изъ дочерей Евктемона. О немъ мы имѣемъ довольно много свѣдѣній и свѣдѣнія эти, къ счастію, отличаются гораздо большей точностью нежели тѣ, которыми мы располагали по отношенію къ остальнымъ лицамъ. Что касается его возраста, то мы уже выше имѣли случай изъяснить, что ему въ 364 году было по крайней мѣрѣ 26 лѣтъ отъ роду (см. стр. 44 сл.) или — что гораздо вѣроятнѣе этой минимальной цифры — круглымъ числомъ приблизительно 30 лѣтъ. Это явствуетъ изъ § 60, гдѣ, какъ мы видѣли, сообщается, что онъ въ 364 году не смотря на свою молодость (τηλικοῦτος ὤν) уже τετριηράρχηκε, κεχορήγηκε τραγῳδοῖς и γεγυμνασιάρχηκε λαμπάδι; здѣсь можно еще, кстати, замѣтить, что всѣ перечисленныя нами литургіи принадлежали именно къ числу самыхъ обременительныхъ, такъ какъ издержки на нихъ были весьма значительны. Однако деньги не играли никакой роли въ его жизни, такъ какъ тамъ же сообщается, что какъ отецъ такъ и сынъ (ἀμφότεροι) τὰς εἰσφορὰς εἰσενηνόχασιν πάσας ἐν τοῖς τριακοσίοις, а впослѣдствіи и младшій сынъ, какъ мы видѣли, былъ причисленъ къ числу 300 богатѣйшихъ гражданъ.

Что касается этихъ литургій, то мы о его хорегіи и гимназіархіи ничего не знаемъ. О его тріерархіи, напротивъ, говорится въ § 1, гдѣ мы читаемъ слѣдующее: „ὅτε γὰρ εἰς Σικελίαν ἐξέπλει τριηραρχῶν Χαιρέστρατος διὰ τὸ πρότερον αὐτὸς ἐκπεπλευκέναι προῄδειν πάντας τοὺς ἐσομένους κινδύνους, ὅμως δὲ δεομένων τούτων καὶ συνεξέπλευσα καὶ συνεδυστύχησα καὶ ἑάλωμεν εἰς τοὺς πολεμίους“. Здѣсь намъ придется нѣсколько дольше

остановиться, такъ какъ это мѣсто весьма спорное и очевидно испорчено. Мы только что видѣли, что Хэрестратъ не смотря на свою молодость былъ уже тріерархомъ, хорегомъ и гимназіархомъ. А такъ какъ со временъ сицилійской экспедиціи прошло уже 52 года [1]), то совершенно ясно, что здѣсь въ § 1 объ этой сицилійской экспедиціи, состоявшейся во время архонства Аримнеста (415), и рѣчи быть не можетъ. Остаются, поэтому, только 4 возможности: 1) или имя Хэрестрата испорчено, или 2) здѣсь говорится о какой-нибудь другой сицилійской экспедиціи, или 3) слово Σικελίαν испорчено и должно быть замѣнено какимъ-нибудь другимъ именемъ, или наконецъ 4) слова εἰς Σικελίαν должны считаться позднѣйшей вставкой. Если исключить вторую возможность, которая не нашла защитниковъ (не смотря на то, что слова εἰς Σικελίαν читаются во всѣхъ изданіяхъ) и въ самомъ дѣлѣ весьма невѣроятна, такъ какъ намъ о какой-нибудь другой сицилійской экспедиціи ничего не извѣстно — то всѣ остальныя въ самомъ дѣлѣ были предложены учеными. Посмотримъ, которая изъ нихъ болѣе вѣроятна.

Что касается первой возможности, то нужно замѣтить, что чтеніе рукописей Z и L (Ald.) Μενέστρατος вм. Χαιρέστρατος никакого значенія не имѣетъ, такъ какъ не подлежитъ никакому сомнѣнію (см. наше Введеніе стр. 15), что всѣ рукописи Исея (исключая Ambrosianus Q, въ которой сохранились только I и II рѣчи Исея) списаны съ рукописи Crippsianus A, которая, стало-быть, для рѣчей III—XI должна считаться нашимъ единственнымъ источникомъ. Чтеніе Μενέστρατος, поэтому, для насъ имѣетъ только значеніе конъектуры, а конъектуру эту мы должны назвать весьма неудачной, какъ это хорошо доказалъ Шёманнъ (стр. 322 сл.). Ибо, еслибъ нашъ ораторъ дѣйствительно 52 года тому назадъ съ нѣкимъ Менестратомъ участвовалъ въ морской экспедиціи, то долженъ же былъ теперь изъяснить судьямъ, какъ этотъ Менестратъ приходился въ родствѣ Фанострату и Хэрестрату. Между тѣмъ имя это встрѣчается исключительно здѣсь въ § 1, а здѣсь о немъ ничего не говорится. Притомъ было бы чрезвычайно странно, еслибы ораторъ, чтобы доказать свою дружбу, ссылался на происшествіе, случившееся 52 года тому назадъ — не говоря уже о томъ, что нашему оратору въ такомъ случаѣ

1) См. § 14: „τῇ μὲν γὰρ στρατιᾷ, ἀφ' οὗ ἐξέπλευσεν εἰς Σικελίαν, ἤδη ἐστὶ δύο καὶ πεντήκοντα ἔτη, ἀπὸ Ἀριμνήστου ἄρχοντος, см. стр. 41 прим. 3.

было бы около 80-ти лѣтъ [1]). Шейбе, правда, нисколько не удивляется этому необыкновенному возрасту заступника (см. praef. стр. XXIX и Comm. critica de Isaei orationibus, Dresden 1859, стр. 33, прим. 2), мы же присоединяемся ко мнѣнію Шёманна и находимъ, что 80-лѣтнему человѣку „συνηγορίας officium vix convenire videtur". Конъектура Φανόστρατος (вм. Χαιρέστρατος), впервые предложенная Reiske, а затѣмъ одобренная Dobree, Scheibe и Kayser'омъ, невозможна не только на основаніи вышеизложенныхъ соображеній, но и потому, что слова ὅμως δὲ δεομένων τούτων συνεξέπλευσα κτλ. очевидно относятся къ Фанострату и Хэрестрату, послѣдній, стало-быть, опять находился бы въ такомъ возрастѣ, къ которому нельзя было бы отнести слова τηλικοῦτος ὤν, см. Buermann, Hermes XIX (1884) стр. 364. Итакъ и первую возможность нужно совершенно устранить.

Обратимся теперь къ четвертой возможности. Шёманнъ рекомандовалъ выбросить слова εἰς Σικελίαν, такъ какъ слова эти, по его мнѣнію, были когда-то приписаны на поляхъ оригинала, а затѣмъ включены въ самый текстъ; приписаны же они были однимъ изъ читателей, который, не находя здѣсь точнаго обозначенія, о какой, именно, говорится экспедиціи, отожествилъ ее съ Сицилійской экспедиціей 415 г, о которой говорится въ §§ 13 и 14. Приписка эта, правда, совершенно превратная. Но если вспомнить что англійскій филологъ Taylor (XVIII стол.) замѣтилъ [2]): „ceterum ex h. l. constat hanc causam tenente bello Peloponnesiaco, haud multo post cladem in Sicilia acceptam, actam fuisse", не смотря на то, что въ § 14 ясно говорится, что съ тѣхъ поръ прошло уже 52 года, то эта приписка насъ удивить не можетъ. Блассъ (l. c. II[2] стр. 549, прим. 1) присоединяется ко мнѣнію Шёманна и замѣчаетъ:

---

1) Шёманнъ не совсѣмъ точно пишетъ: „plus quam septuagenarium". Еслибы это была экспедиція 415-го года, то съ тѣхъ поръ прошло 52 года; чтобы быть въ состояніи принимать участіе въ экспедиціяхъ ему по крайней мѣрѣ должно было быть не менѣе 20-ти лѣтъ отъ роду; далѣе онъ самъ говоритъ: διὰ τὸ πρότερον αὐτὸς ἐκπεπλευκέναι προῄδειν πάντας τοὺς ἐσομένους κινδύνους — все это ясно показываетъ, что ему было бы во всякомъ случаѣ около 80-ти лѣтъ.

2) Шёманнъ напрасно сомнѣвается, слѣдуетъ ли эти слова приписывать Taylor'у или Reiske. У Reiske ясно сказано „adscripserat Taylor"; его собственная же датировка помѣщена въ скобкахъ [у Reiske, впрочемъ, опечатка: читай Ol. 106, 1 см. Ol. 164, 1] ср. притомъ его замѣчаніе къ § 14 прим. 37 (стр. 129).

„Denn da Ch. nur einmal erst Trierarch gewesen (60), so ist ὅτε ἐξέπλει τριηραρχῶν Χαιρ. hinreichend bestimmt". Само по себѣ мнѣніе это могло бы считаться довольно вѣроятнымъ, тѣмъ болѣе, что извѣстно, что рукописи наши изобилуютъ всякаго рода приписками (см. Buermann, Hermes XIX 1884, стр. 349 сл.). Однако какъ Шёманнъ, такъ и Блассъ совершенно упустили изъ виду, что послѣ выписанныхъ выше словъ немедленно слѣдуетъ: διὰ τὸ πρότερον αὐτὸς ἐκπεπλευκέναι προῄδειν πάντας τοὺς ἐσομένους κινδύνους, что переводчиками понимается въ томъ смыслѣ, что ораторъ до этого уже самъ былъ въ данной мѣстности [1]). Если же здѣсь нарочно указывается на данную мѣстность, то названіе оной въ предыдущихъ словахъ отсутствовать не могло. Четвертая возможность, слѣдовательно, столь же мало вѣроятна, какъ и первыя двѣ.

Остается, стало-быть, исключительно третья возможность, заключающаяся въ томъ, что испорчено только слово Σικελίαν. Предъидущія соображенія наши ясно показываютъ, что слово это непремѣнно должно быть замѣнено какимъ-нибудь другимъ собственнымъ именемъ. На этомъ основаніи и конъектура Buermann'a (l. c. стр. 364) ἐν ἡλικίᾳ ὤν вм. εἰς Σικελίαν не можетъ быть одобрена. Онъ ссылается, впрочемъ, на § 6 II рѣчи Исея, однако мѣсто это ничего общаго съ нашимъ мѣстомъ не имѣетъ [2]). Какое же, однако, здѣсь могло быть имя собственное? Вейссенборнъ (Allgemeine Encyclopädie von Ersch und Gruber, II Section, Theil 24, Leipzig 1845, стр. 296) предложилъ цѣлыхъ три конъектуры. Двѣ конъектуры относятся къ одному и тому же событію, а именно къ неудачной борьбѣ между Аѳинянами и Македонянами за Амфиполь во времена Птолемея Алорита (368—365) и Пердикки III (365—360); основываясь на этомъ предположеніи онъ желалъ бы читать εἰς Μακεδονίαν или εἰς Ἀμφίπολιν, хотя самъ сознается,

„1) Quippe qui iam antea eadem expeditione defunctus essem" (Reiske); „Weil ich selbst früher dorthin geschifft war" (Schoemann); „pour y être allé déjà moi-même" (Dareste). Только Leon Moy (Étude sur les plaidoyers d' Isée, Paris 1876 стр. 206) парафразируетъ эти слова слѣдующимъ образомъ: „l'orateur, qui avait déjà navigué". Хотя грамматически, конечно, возможно и то и другое толкованіе, самый смыслъ заставляетъ насъ предпочитать первое, въ пользу котораго говорятъ и слова προῄδειν πάντας τοὺς ἐσομένους κινδύνους. Во всякомъ же случаѣ Шёманнъ понималъ это мѣсто такъ и не имѣлъ, поэтому, права выбрасывать эти слова.

2) Ἐκδόντες τοίνυν τὰς ἀδελφὰς καὶ ὄντες αὐτοὶ ἐν ἡλικίᾳ ἐπὶ τὸ στρατεύεσθαι ἐτραπόμεθα, καὶ ἀπεδημήσαμεν μετὰ Ἰφικράτους εἰς Θράκην.

что конъектуры эти довольно рискованныя. Третья конъектура „εἰς Θεσσαλίαν“ относится къ вспомогательному отряду (30 кораблей), который Аѳиняне въ 368 г. отправили [1]) въ Ѳессалію къ тиранну Александру Ферейскому. Однако не смотря на рискованность первыхъ двухъ конъектуръ, онъ ихъ всетаки считаетъ болѣе правдоподобными. Признаемся, мы далеко не можемъ согласиться съ Вейссенборномъ. Конъектура εἰς Θεσσαλίαν уже потому невѣроятна, что слова διὰ τὸ πρότερον αὐτὸς ἐκπεπλευκέναι никакъ не могутъ быть согласованы съ Ѳессаліей, такъ какъ до этого никакой другой аналогичной Ѳессалійской экспедиціи не было. Конъектуры εἰς Μακεδονίαν и εἰς Ἀμφίπολιν палеографически вполнѣ невозможны, одобряющій эти конъектуры долженъ, поэтому, предположить, что какой-нибудь читатель архетипа умышленно вмѣсто этихъ словъ написалъ Σικελίαν. Конъектура εἰς Μακεδονίαν помимо того и потому совершенно превратна, что война эта оффиціально называлась иначе, см. C. I. A. II 55 (= Ditt. Syll² n. 102; Michel Rec. n. 96) v. 8 sg. τὸν πόλεμον τὸν πρὸς Χαλκιδέας καὶ πρὸς Ἀμφίπολιν. Равнымъ образомъ и Demosth. in Aristocr. (XXIII) 149 говоритъ: Τιμόθεον δ' ἐπ' Ἀμφίπολιν καὶ Χερρόνησον ἐξεπέμψατε στρατηγόν. Наконецъ извѣстно, что война эта, если Македоняне и были конкурентами Аѳинянъ, не была направлена противъ Македонянъ, а противъ самихъ Амфиполитянъ. Что же касается исторической подкладки конъектуры εἰς Ἀμφίπολιν, то она можетъ казаться болѣе правдоподобной, ибо противъ Амфиполя было послано нѣсколько безуспѣшныхъ экспедицій [2]), такъ что ораторъ, повидимому, могъ

1) Случилось это въ 368 г., а не въ 366, какъ полагаетъ Вейссенборнъ, см. литературу этого вопроса у R. v. Scala, Staatsverträge des Altertums I, Lpz. 1898, n. 157, стр. 151 сл.; ср. кромѣ того A. Schaefer Demosthenes und seine Zeit, I² стр. 93 сл. (Leipzig 1885).

2) См. A. Schaefer Demosthenes u. seine Zeit, въ особ. II² и прим. 1. Онъ цитируетъ мѣсто изъ Schol. ad Aeschin. II 31, на которое ссылается и Вейссенборнъ. Интересна, однако, вся схолія. Она начинается со словъ: ἠτύχησαν Ἀθηναῖοι ἐννάκις περὶ τὰς Ἐννέα καλουμένας ὁδούς [ниже онъ сообщаетъ, что τὰς δὲ Ἐννέα ὁδοὺς Ἄγνων συνοικίσας Ἀθηναῖος ἐκάλεσεν Ἀμφίπολιν] и затѣмъ перечисляетъ эти неудачныя экспедиціи. Вейссенборнъ ссылается на восьмую экспедицію, о которой сообщается слѣдующее: ὕστερον ἐκπεμφθεὶς ὑπὸ Τιμοθέου Ἀλκίμαχος ἀπέτυχεν, αὐτοῦ παραδόντος αὐτὸν θραξίν, ἐπὶ Τιμοκράτους Ἀθήνησιν ἄρχοντος (Ol. 104, 1 = 364, 3). См. объ этой экспедиціи: W. Judeich, Kleinasiatische Studien, Marburg 1892, стр. 277 и прим. 1. и Ю. Белохъ, Ист. Греціи пер. М. Гершензономъ, II Москва 1899, стр. 218 сл.

сказать διὰ τὸ πρότερον αὐτὸς ἐκπεπλευκέναι. Не смотря на то и эта конъектура намъ кажется мало удовлетворительной. Вейссенборна побудило выбрать восьмую экспедицію какъ сама дата происшествія, такъ и упоминаніе о томъ, что Алкимахъ сдался Θракійцамъ. Мы съ этимъ согласиться не можемъ. Что касается, вопервыхъ, даты (Ol. 104,1 = 364, 3), то извѣстно, что наша рѣчь произнесена въ 365/4 или 364/3 г., объ этой экспедиціи, стало-быть, уже само по себѣ думать нельзя. Мы, по крайней мѣрѣ, не считаемъ возможнымъ, чтобы и экспедиція и взятіе въ плѣнъ (ἑάλωμεν εἰς τοὺς πολεμίους см. стр. 63 сл.) и освобожденіе и инструкція всего процесса — все это могло состояться въ продолженіи 364/3 года. Если мы, далѣе, вспомнимъ, что рѣчь, быть можетъ, была произнесена уже въ 365/4 году, что седьмая экспедиція состоялась приблизительно лѣтъ сорокъ тому назадъ [1]), такъ что слова оратора διὰ τὸ πρό-

1) Даты 5, 6 и 7 неудачныхъ экспедицій неизвѣстны, да и не были извѣстны автору данной схоліи, такъ какъ онъ не прибавилъ здѣсь имени архонта-эпонима, какъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ см. напр. выше стр. 59 прим. 2. О седьмой экспедиціи онъ сообщаетъ слѣдующее: ἕβδομον ὅτε Πρωτόμαχος ἀπέτυχεν, Ἀμφιπολιτῶν αὐτοὺς παραδόντων τοῖς ὁμόροις Θρᾳξίν. Такъ какъ восьмая состоялась въ 364/3, а четвертая въ 422/1 (ἐπὶ ἄρχοντος Ἀλκαίου), то ясно только одно то, что седьмая случилась между этими годами, но когда именно — неизвѣстно. Мнѣнія ученыхъ, поэтому, расходятся. Одни полагаютъ, что это несчастіе непосредственно предшествовало 8-му, см. напр. Grote History of Greece, vol. X London 1869 стр. 62: „These — occurrences are unknown. We may perhaps suppose them to refer to the period when Iphikrates was commanding the forces of Athens in these regions from 368—365"; Boehnecke Demosthenes, Lykurgos, Hyperides I Berlin 1864 стр. 219 прим. 1, и др. Другіе оставляютъ вопросъ открытымъ, напр. Clinton Fasti Hellenici, vol. II, Oxford 1841 (third edition), Appendix 9, стр. 320; G. Hirschfeld у Pauly-Wissowa s. v. Amphipolis и др. C. Rehdantz, Vitae Iphicratis, Chabriae, Timothei Atheniensium, Berlin 1845 стр. 152, напротивъ, полагаетъ, что V, VI и VII экспедиціи состоялись во время „medii et extremi belli Peloponnesiaci. Мы полагаемъ, однако, что дату этого происшествія можно приблизительно опредѣлить. Единственная возможность точной датировки заключается въ имени Πρωτόμαχος. Имя это — повидимому весьма обыкновенное — на самомъ дѣлѣ встрѣчается чрезвычайно рѣдко. Для вышеозначеннаго времени намъ извѣстенъ только одинъ Протомахъ, а именно стратегъ 406-го года (см. Xen. Hell. I 5, 16; 6, 30, 33; 7, 1 и Diod. XIII 74; 101), который послѣ сраженія при Аргинузскихъ островахъ вмѣстѣ съ Аристогеномъ не возвратился въ Аѳины, сознавая грозящую имъ опасность. Послѣ 406-го г. т. н. седьмое ἀτύχημα, стало-быть, случиться не могло. Но съ другой стороны оно случилось и не раньше или по крайней мѣрѣ не много раньше этого года. Къ этому самому Протомаху мы относимъ и надпись C. I. A.

τερον αὐτὸς ἐκπεπλευκέναι врядъ ли могутъ быть относимы къ седьмой экспедиціи, если, далѣе, обратить вниманіе на то, что весь контекстъ: „ὅτε ἐξέπλει τριηραρχῶν Χαιρ. — ὅμως συνεξέπλευσα καὶ συνεδυστύχησα καὶ ἑάλωμεν εἰς τοὺς πολεμίους“ не звучитъ такъ, какъ будто они только что вернулись домой — то конъектура Вейссенборна лишается всякой правдоподобности. Можно, наконецъ, еще прибавить, что Амфиполь не морской городъ, что Хэрестратъ, будучи тріерархомъ, не могъ покидать своего корабля и поэтому не могъ принимать участія въ битвахъ, состоявшихся на сушѣ, а мѣсто наше, напротивъ, можетъ быть понимаемо только въ томъ смыслѣ, что Хэрестратъ вмѣстѣ со своимъ кораблемъ попалъ въ плѣнъ — то врядъ ли кто-нибудь станетъ отожествлять эту экспедицію съ амфиполитанской.

Какая же экспедиція, послѣ этого, еще мыслима? Положительнаго отвѣта на это, конечно, дать нельзя. Отвѣтъ былъ бы несравненно легче, еслибы мы знали точную дату данной экспедиціи или еслибы напр. въ морскихъ документахъ этого времени встрѣтилось имя Хэрестрата. Имя его, правда, встрѣчается въ одномъ морскомъ документѣ C. I. A II 2 800 b 43, гдѣ упоминается Χαιρεστράτου Κηφι(σιέως) συμ(μορία). Что это нашъ Хэрестратъ, въ этомъ и сомнѣнія быть не можетъ (см. стр. 64 сл.), но къ сожалѣнію документъ этотъ, какъ мы увидимъ, позднѣе нашей рѣчи, такъ что и эта надпись намъ никакой помощи оказать не можетъ. Но неужели Вейссенборнъ исчерпалъ всѣ возможности? Мы этого не находимъ, что и постараемся доказать.

Вейссенборнъ мѣстность, куда была предпринята данная экспедиція, почему-то искалъ исключительно въ восточныхъ моряхъ и прилегающихъ къ нимъ странахъ. Признаемся, намъ это совершенно непонятно. Если искать какую-нибудь выдающуюся Аѳинскую морскую экспедицію этой эпохи и притомъ такую экспедицію, къ которой можно было также отнести слова нашего оратора διὰ τὸ πρότερον αὐτὸς ἐκπεπλευκέναι, то невольно прихо-

---

II 2 n 959 a 15 („Catalogus nautarum“), гдѣ упоминается Πρωτόμαχος Κηφ(σιεύς), τριήραρχος. U. Koehler полагаетъ, что „titulus initio saeculi quarti non multo recentior, siquidem est recentior“. Подчеркнутыя нами слова ясно показываютъ, что и самъ Koehler сомнѣвался въ вѣрности своей датировки. Мы того мнѣнія, что надпись эта должна быть отнесена ко времени до назначенія Протомаха стратегомъ т. е. до 406 года, такъ какъ послѣ этого года онъ тріерархомъ быть не могъ.

дится думать о военныхъ дѣйствіяхъ Тимоѳея и Ификрата въ Іонійскомъ морѣ (375—371). Да и опредѣленную мѣстность найти не трудно, такъ какъ по своей важности сами, такъ сказать, напрашиваются Корцирскія смуты и тѣсно связанныя съ ними операціи эскадръ вышеозначенныхъ стратеговъ. На частностяхъ мы здѣсь, конечно, останавливаться не можемъ, такъ какъ событія эти всѣмъ хорошо извѣстны. Экспедиція это, стало-быть, была предпринята въ Корциру, но изъ этого, конечно, ничуть не слѣдуетъ, что постигшее ихъ несчастіе (συνεδυστύχησα καὶ ἐάλωμεν εἰς τοὺς πολεμίους) случилось именно около Корциры, такъ какъ ораторъ здѣсь обозначаетъ только цѣль экспедиціи. Что экспедиція эта состоялась во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ, въ этомъ мы не находимъ никакого затрудненія. Нигдѣ, вѣдь, не говорится, что экспедиція эта только что окончилась; а если уже вычитывать изъ словъ ὅτε γὰρ ἐξέπλει τριηραρχῶν обозначеніе времени — что мы, впрочемъ, считаемъ вполнѣ непозволительнымъ —, то слова эти скорѣе указываютъ на бо́льшій промежутокъ времени. Притомъ возрастъ его также никакихъ трудностей не представляетъ. Мы видѣли, что въ 364 ему было около 30 лѣтъ и что онъ не смотря на свою молодость исправлялъ разныя литургіи, въ томъ числѣ и тріерархію, которая упоминается на первомъ мѣстѣ. Въ концѣ 70-хъ годовъ ему было, стало-быть, болѣе 20 лѣтъ. Молодой Демосѳенъ также немедленно сдѣлался тріерархомъ. Наконецъ укажемъ еще на одинъ аналогичный случай, который самъ по себѣ, конечно, никакой доказательной силы не имѣетъ, но который въ совокупности съ остальными соображеніями не безъинтересенъ, а быть можетъ даже и не лишенъ возможности подкрѣпить нашу гипотезу. Одновременно съ нашей рѣчью (364/3) молодой, двадцатилѣтній Демосѳенъ произнесъ свою первую рѣчь (or. XXVII in Aphob. A), въ которой онъ обвиняетъ своего опекуна Афоба въ томъ, что онъ, вмѣсто того, чтобы жениться на матери Демосѳена, какъ это требовалось въ духовномъ завѣщаніи Демосѳенова отца, присвоилъ себѣ приданое и, проживши нѣкоторое время въ Демосѳеновомъ домѣ, отправился въ Корциру въ качествѣ тріерарха, см. § 14: καὶ ἐπειδὴ εἶχεν (sc. τὴν προῖκα), ἐκπλεῖν μέλλων εἰς Κέρκυραν τριήραρχος κτλ.

На основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній мы, стало-быть, полагаемъ, что и въ § 1 нашей рѣчи слѣдуетъ читать: ὅτε γὰρ εἰς Κέρκυραν ἐξέπλει τριηραρχῶν Χαιρέστρατος. Что же касается происхожденія искажающей текстъ погрѣшности

„Σικελίαν“, то произвольное исправленіе какимъ-нибудь читателемъ тутъ, конечно, столь же допустимо, сколько и во всѣхъ остальныхъ вышеупомянутыхъ случаяхъ. Но въ такомъ предположеніи, быть можетъ, и нѣтъ никакой надобности, такъ какъ и въ палеографическомъ отношеніи конъектура эта не представляетъ особенныхъ трудностей, хотя мы, конечно, нисколько не отрицаемъ, что она не одна изъ легчайшихъ.

Слѣдующія затѣмъ слова: „διὰ τὸ πρότερον αὐτὸς ἐκπεπλευκέναι προῄδειν πάντας τοὺς ἐσομένους κινδύνους относятся къ адвокату, который вмѣсто Хэрестрата произнесъ эту рѣчь. Слова эти особенныхъ трудностей не представляютъ. За то не совсѣмъ ясны слова καὶ συνεξέπλευσα καὶ συνεδυστύχησα καὶ ἑάλωμεν εἰς τοὺς πολεμίους. Спрашивается, именно, къ кому относятся предлоги συν = и множ. число ἑάλωμεν? Въ словахъ, непосредственно предшествующихъ нашимъ, говорится ὅμως δὲ δεομένων τούτων, и слова эти безъ всякого сомнѣнія относятся къ Фанострату и Хэрестрату. Но къ кому относятся наши слова? Слѣдуетъ ли понимать σύν = αὐτῶ sc. Χαιρεστράτῳ, или = αὐτοῖς = вышеупомянутому τούτων? Reiske (стр. 120) оставляетъ этотъ вопросъ открытымъ, въ комментаріи Шёманна и въ монографической литературѣ мѣсто это обходится молчаніемъ. Какъ неясно, однако, это предложеніе для ученыхъ, видно изъ различныхъ переводовъ этихъ словъ. Такъ нпр. Reiske переводитъ: „una cum illis captus ab hostibus“; Schoemann: „theilte seine Unfälle; L. Moy парафразируетъ: „l'accompagna, fut fait prisonnier avec lui“; Dareste и Haussoullier: „je partis pourtant avec eux, à leur prière, j'ai partagé leur infortune“. Кто же изъ нихъ правъ? Точнаго отвѣта мы, конечно, ожидать не можемъ. Грамматически возможно и то и другое, или быть можетъ даже скорѣе αὐτοῖς вслѣдствіе предыдущаго τούτων. Но по смыслу мы далеко предпочитаемъ αὐτῷ, хотя, впрочемъ, точныхъ доводовъ для подтвержденія того или другого мнѣнія привести нельзя. Побуждаютъ же насъ избрать αὐτῷ слѣдующія субъективныя соображенія. Вопервыхъ, въ началѣ этого предложенія говорится ὅτε ἐξέπλει τριηραρχῶν Χαιρέστρατος, Хэрестратъ, стало-быть, былъ либо единственнымъ, либо главнымъ тріерархомъ этого корабля. Мы, поэтому, не считаемъ возможнымъ, чтобы отецъ Хэрестрата, Фанострать, который, какъ мы видѣли, до этого процесса самъ 7 разъ былъ тріерархомъ, былъ только синтріерархомъ или даже находился подъ властью своего сына, какъ командира корабля. Далѣе весь контекстъ, по нашему

мнѣнію, также требуетъ, чтобы мы подразумѣвали только сына. Но доказать этого мы, конечно, не въ состояніи [1]).

Изъ нашей рѣчи мы узнаемъ о Хэрестратѣ еще то, что дядя его, Филоктемонъ, не имѣя собственныхъ дѣтей, усыновилъ его въ своемъ духовномъ завѣщаніи (§§ 3 сл.) съ тѣмъ, чтобы онъ сдѣлался его наслѣдникомъ, если у него самого не будетъ дѣтей (§ 7 εἰ μὴ γένοιτο αὐτῷ παιδίον ἐκ τῆς γυναικός, τοῦτον κληρονομεῖν τῶν ἑαυτοῦ). Филоктемонъ, какъ мы видѣли, умеръ, не оставивъ по себѣ дѣтей, такъ что на основаніи этого духовнаго завѣщанія — подлинность котораго, впрочемъ, оспаривается противниками Хэрестрата — Хэрестратъ былъ de facto единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ не только Филоктемона, но и Евктемона. Филоктемонъ, сынъ Евктемона, умеръ какъ мы видѣли, нѣсколькими годами раньше своего отца. Не смотря на то Хэрестратъ заявилъ желаніе быть утвержденнымъ въ правахъ наслѣдованія не въ моментъ открытія Филоктемонова наслѣдства т. е. немедленно послѣ смерти Филоктемона, а нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти Евктемона. Объясненіемъ этого страннаго факта мы, однако, займемся въ слѣдующей главѣ (см. Гл. III § 3).

Вотъ все, что мы узнаемъ о Хэрестратѣ изъ нашей рѣчи. Однако этимъ наши свѣдѣнія о немъ еще не исчерпаны, ибо во второмъ томѣ C. I. A. находятся двѣ надписи (C. I. A. II 800 b и II 1177), изъ которыхъ вторая несомнѣнно относится къ нашему Хэрестрату; но и первая безъ всякого сомнѣнія можетъ быть отнесена къ нему.

Въ C. I. A. II 800 b v. 41—43 мы читаемъ слѣдующее: Αἰαντεία, ἐπισκε(υῆς) δεο(μένη) |Λυσικλέους ἔργον,| Χαιρεστράτου

---

1) Ἐάλωμεν εἰς τοὺς πολεμίους. Выраженіе это употреблено брахилогически въ смыслѣ εἰς τοὺς πολεμίους πεσόντες ἑάλωμεν. У Исея оно еще разъ встрѣчается въ VII p. § 8 ληφθέντος εἰς τοὺς πολεμίους, см. Plat. Πολιτεία V p. 468 A εἰς τοὺς πολεμίους ἁλόντα и замѣтку G. Stallbaum'a по поводу этихъ словъ (Plat. Dialog. ed. G. Stallbaum, vol. III 1). Такая же брахилогія, впрочемъ, встрѣчается и у Ксенофонта см. Hell. I 1, 23 гдѣ сообщается, что письмо, посланное въ Спарту, было перехвачено и доставлено въ Аѳины: εἰς Λακεδαίμονα γράμματα πεμφθέντα ἑάλωσαν εἰς Ἀθήνας = ἁλόντα ἐκομίσθησαν εἰς Ἀθήνας; см. далѣе Herod. VI 100 οἱ μὲν γὰρ αὐτῶν ἐβουλεύοντο ἐκλιπεῖν τὴν πόλιν ἐς τὰ ἄκρα τῆς Εὐβοίης = ἐκλιπεῖν τὴν πόλιν καὶ φυγεῖν ἐς τὰ ἄκρα, или VIII 50 ἐμπρήσας Θεσπιέων τὴν πόλιν αὐτῶν (sc. Θεσπιέων) ἐκλελοιπότων ἐς Πελοπόννησον и т. п. См. объ всемъ этомъ Kühner-Gerth Ausf. Gramm. d. gr. Sprache, Theil II[3] Band I § 447 B.

Κηφι(σιέως) συμ(μορία). Надпись эта, какъ видно, морской документъ; вырѣзана она была около 350 года. Хотя отчество Хэрестрата здѣсь не упоминается, то не можетъ быть сомнѣнія, что здѣсь говорится о нашемъ Хэрестратѣ, такъ какъ середина IV столѣтія какъ нельзя лучше согласуется съ тѣмъ, что мы знаемъ о немъ. Тутъ, кстати, само по себѣ напрашивается одна замѣтка. Изъ предыдущихъ изложеній явствуетъ, какъ часто Фаностратъ и сынъ его Хэрестратъ были тріерархами. При разборѣ этихъ отдѣльныхъ случаевъ въ ясныхъ чертахъ обрисовывается исторія этого института. Мы видимъ, какъ они сначала одни исправляютъ эту литургію; затѣмъ въ 356/5 г. Фаностратъ исправляетъ ее вмѣстѣ съ Никіемъ (C. I. A. II 794 b), здѣсь, стало-быть, они оба завѣдывали однимъ кораблемъ, взаимно ими снаряженнымъ (συντριηραρχία). Въ нашемъ документѣ, наконецъ, корабль Αἰαντεία снаряженъ не однимъ Хэрестратомъ или взаимно съ однимъ синтріерархомъ, а цѣлой симміріей. Такъ какъ симмірія эта называется симміріей Хэрестрата, то онъ, очевидно, былъ ея гегемономъ т. е. стоялъ во главѣ ея. Это высокое положеніе, которое онъ здѣсь занимаетъ, также ясно показываетъ, что это можетъ быть только нашъ Хэрестратъ.

Второй документъ находится въ C. I. A. II 1177 [1]). Это вотивная надпись, вырѣзанная около середины IV вѣка (medio saeculo IV vel paullo post). Объ этой надписи Köhler замѣчаетъ слѣдующее: „superest catalogus hominum decem a singulis tribubus electorum cum scribis duobus et subscriptio artificis, qui opus confecit. Quodnam collegium fuerit, a quo monumentum dedicatum est, quum dedicatio perierit, coniectura adsequi non possumus“. Первыя десять именъ насъ здѣсь не интересуютъ. Затѣмъ слѣдуютъ:

11. Χαιρέστρατος Φανοστράτου Κηφισιεὺς ἐγραμμά[τευε].
Ἰοφῶν Σοφοκλέους ἐκ Κολωνοῦ ὑπογραμματε[ύς].
Λεωχάρης ἐπόησε.

---

1) Надпись эта напечатана также у E. Loewy Inschr. griech. Bildhauer n. 77 и Ch. Michel Recueil d'inscr. grecques n. 1030. Послѣдній замѣчаетъ слѣдующее: „Nous avons revu le texte sur un estampage que nous devons à l'obligeance de M. Ad. Wilhelm“. Почему имъ сдѣлана эта замѣтка — неясно, ибо единственное отступленіе отъ текста Кёлера состоитъ въ томъ, что Мишелемъ пропущена третья строка (Καλλικρατίδης Καλλικράτους Στειρι[εύς]), что конечно ни въ какомъ случаѣ нельзя приписывать эстампажу Вильгельма; это доказывается, впрочемъ, и тѣмъ, что строка Λυσανίας и т. д. у него также считается пятой строкой, между тѣмъ какъ у него предшествуютъ всего только три строки.

Что это нашъ Хэрестратъ въ этомъ, конечно, ни малѣйшаго сомнѣнія быть не можетъ. Какъ видно изъ надписи, онъ былъ секретаремъ этой коллегіи, состоявшей изъ 10 членовъ, избранныхъ по одному изъ каждой филы. У Хэрестрата былъ, далѣе, письмоводитель (ὑπογραμματεύς), а именно Іофонтъ, сынъ Софокла изъ дема Κολωνός. Это конечно не сынъ знаменитаго поэта Софокла, а его правнукъ т. е. сынъ его внука Софокла младшаго, сына старшаго Іофонта [1]). Хэрестратъ, стало быть, γραμματεύς этой коллегіи, а Іофонтъ его ὑπογραμματεύς.

Въ этомъ краткомъ и повидимому совершенно ясномъ предложеніи de facto почти столько же трудностей, сколько словъ. По общераспространенному мнѣнію, основанному главнымъ образомъ на древнихъ, но, къ сожалѣнію, весьма скудныхъ и не особенно ясныхъ и достовѣрныхъ источникахъ, секретари (γραμματεῖς) — за исключеніемъ лишь 3 секретарей, перечисленныхъ Аристотелемъ (Ἀθ. πολ. 54,3) — принадлежали къ числу незнатныхъ и менѣе состоятельныхъ гражданъ; что же касается письмоводителей (ὑπογραμματεῖς), то ихъ причисляютъ къ служителямъ, исполнявшимъ низшія служебныя обязанности и получавшимъ

1) J. Penndorf. De scribis reipublicae Atheniensium, Leipziger Studien XVIII Heft 1 (1897) стр. 187 прим. 2 называетъ его сыномъ знаменитаго Софокла (filius celeberrimi Sophoclis). Еслибъ Пендорфъ потрудился открыть любое руководство по греческой литературѣ (но собственно говоря онъ какъ Dr. phil. долженъ былъ это знать и безъ руководства), то нашелъ бы, что Софоклъ умеръ въ 406/5 году, а сынъ его Іофонтъ писалъ трагедіи и одержалъ нѣсколько побѣдъ еще при жизни отца; такъ напр. достовѣрно извѣстно, что въ 428 году онъ одержалъ побѣду на драматическомъ состязаніи. А такъ какъ наша надпись вырѣзана, какъ и онъ самъ говоритъ, „medio saeculo IV“, то этому старшему Іофонту тогда былъ бы по крайней мѣрѣ 100 лѣтъ отъ роду. Что онъ при такихъ обстоятельствахъ „medio saeculo IV vel paullo post“ не могъ быть письмоводителемъ — этого, конечно, и Пендорфъ не сталъ бы утверждать, еслибъ обратилъ вниманіе на эти даты. Но Пендорфъ, повидимому, вообще не обращаетъ должнаго вниманія на даты. На слѣдующей страницѣ (188) мы читаемъ слѣдующее: „Noli tamen inde, quod tertio demum saeculo subscriba in titulis invenitur, concludere eum antea non fuisse. An Demosthenes Aeschini subscribae dignitatem adsignare potuit, si talis omnino non exstabat?“ Это просто изумительно. Невольно спрашиваешь себя, къ чему все это, коли на предъидущей страницѣ онъ самъ говоритъ о надписи вырѣзанной „medio saeculo IV“? — Итакъ Пендорфъ могъ бы самъ сообразить, что это правнукъ celeberrimi Sophoclis. Но въ добавокъ первый издатель этой надписи Sauppe въ Nachr. d. k. Gesell. d. Wiss. Göttingen 1865 стр. 254) совершенно вѣрно замѣтилъ, что это младшій Іофонтъ. Статья эта цитируется въ C. I. A., но Пендорфъ, очевидно, ея въ рукахъ не имѣлъ.

за это отъ казны жалованье, почему они и выбирались изъ людей бѣднѣйшаго класса и притомъ не только изъ числа бѣднѣйшихъ гражданъ, но даже изъ метойковъ и вольноотпущенниковъ. Спрашивается, поэтому, какъ согласовать это мнѣніе съ нашей надписью и съ тѣмъ что намъ извѣстно о Хэрестратѣ и Іофонтѣ? Хэрестратъ, какъ мы видѣли, принадлежалъ къ числу самыхъ знатныхъ и самыхъ богатыхъ гражданъ, онъ, стало-быть, никогда-бы не сдѣлался секретаремъ, еслибы эта должность имѣла такое второстепенное значеніе. Что же касается Іофонта, то мы конечно не знаемъ, каковы были его денежныя обстоятельства; но что касается его знатности, то мы считаемъ вполнѣ немыслимымъ, чтобы онъ занималъ должность простаго канцелярскаго служителя и получалъ за это минимальное жалованье наравнѣ съ другими служителями. Эту трудность нельзя устранять такъ просто, какъ это дѣлаетъ упомянутый уже Пендорфъ [1]). Мы должны для этого найти правдопобное и удовлетворительное объясненіе, а это только возможно тогда, когда предварительно будетъ рѣшенъ вопросъ, о какой здѣсь именно говорится коллегіи.

Кёлеръ, какъ мы видѣли, оставляетъ этотъ вопросъ открытымъ, такъ какъ, „quum dedicatio perierit“, вопроса этого рѣшить нельзя. На нашъ взглядъ положеніе наше ничуть не такое безнадежное. Какъ видно изъ надписи, это списокъ десяти чиновниковъ, избранныхъ по одному изъ каждой филы, съ ихъ секретаремъ и его письмоводителемъ. Такъ какъ въ Аѳинахъ почти всѣ должности исполнялись коллегіями, состоящими обыкновенно изъ 10 членовъ, избранныхъ по одному изъ каждой филы, то изъ одного этого обстоятельства, конечно, еще ничего нельзя было бы заключить. Но то обстоятельство, что должность секретаря занимаетъ здѣсь такая знатная и состоятельная особа, исключаетъ всѣ коллегіи кромѣ одной, которую мы сейчасъ назовемъ. Ибо, такъ какъ здѣсь говорится о коллегіи, состоящей изъ 10 членовъ и такъ какъ, поэтому, должность секретаря здѣсь нельзя отожествить съ однимъ изъ 3 важнѣйшихъ упомянутыхъ у Аристотеля секретарей, то по исключеніи всѣхъ этихъ возможностей остается только одна коллегія, съ которой какъ нельзя лучше можно согласовать все то, что явствуетъ изъ нашей надписи, а именно —

1) См. Penndorf l. c. стр. 187 прим. 2: „hoc munus —, quod vile vulgo putatum est. Ceterum aliquando (C. I. A. II 1177 medio saeculo IV.) collegio decemvirorum subscriba fuit Ἰοφῶν Σοφοκλέους ἐκ Κολωνοῦ, filius celeberrimi Sophoclis“.

коллегія одиннадцати (οἱ ἕνδεκα). Объ этой коллегіи, какъ извѣстно, Pollux VIII 102 сообщаетъ слѣдующее: οἱ ἕνδεκα: εἷς ἀφ' ἑκάστης φυλῆς ἐγίνετο καὶ γραμματεὺς αὐτοῖς συνηριθμεῖτο. Lipsius [1]), правда, замѣчаетъ слѣдующее: Die Nachricht des Pollux, dass ihrer eigentlich zehn waren, je einer aus einem Stamme, dazu aber ihr Schreiber als der Elfte gerechnet wurde, steht mit dem, was sonsther über die Stellung der Amtsschreiber bekannt ist, in Widerspruch". Но такъ какъ всѣ остальные ученые одобряютъ показаніе Поллукса и Липсіусъ даже самъ, очевидно, отказался отъ своего прежняго мнѣнія [2]), то на этомъ, конечно, и останавливаться не стоитъ, тѣмъ болѣе, что вопросъ о положеніи аѳинскихъ секретарей, не смотря на цѣлый рядъ статей и диссертацій, посвященныхъ исключительно этому вопросу, все еще не можетъ считаться рѣшеннымъ, что и явствуетъ, между прочимъ, изъ нашей надписи. Итакъ не подлежитъ сомнѣнію, что коллегія одинадцати состояла изъ 10 + 1 члена, изъ которыхъ первые 10 выбирались по одному изъ каждой филы, а 11-тый изъ любой филы. Что οἱ ἕνδεκα послѣ архонтовъ считались важнѣйшимъ судебнымъ начальствомъ въ Аѳинахъ, да и вообще принадлежали къ числу самыхъ важныхъ должностныхъ лицъ, до того извѣстно, что можно удовольствоваться простымъ упоминаніемъ этого факта. Секретарь ихъ, какъ дѣйствительный и непремѣнный членъ этой коллегіи, конечно занималъ такую же преважную должность, какъ и остальные коллеги. Именно то обстоятельство, что эти одиннадцать всегда дѣйствуютъ и вездѣ упоминаются всѣ вмѣстѣ (οἱ ἕνδεκα) ясно показываетъ, что этого секретаря нельзя сравнивать съ остальными секретарями.

О кругѣ дѣятельности одинадцати мы здѣсь, конечно, распространяться не будемъ. Что же касается ихъ секретаря, который насъ здѣсь спеціально интересуетъ, то мы на основаніи надписи, опубликованной въ C. I. A. II 811 c., можемъ еще опредѣлить одну изъ его спеціальныхъ обязанностей [3]). Содержаніе

1) См. Meier-Schoemann-Lipsius Att. Process, стр. 81. Мнѣніе Липсіуса было одобрено Тумзеромъ см. Hermann-Thumser Staatsaltertümer I 2 стр. 568 прим. 13.

2) См. Schoemann-Lipsius, Griechische Alterthümer I[4] 1897 стр. 445 прим. 3.

3) См. C. I. A. II 811 c, v. 103 сл., въ особенности же 130 сл.; ср. также Böckh Urkunden über das Seewesen des attischen Staates, Berlin 1840 стр. 534 сл. и 212 сл.

этого декрета Böckh опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „Kephisodorus blieb als Schatzmeister das hölzerne Geräth zu zehn Trieren schuldig und sein Bruder Sopolis sollte, ohne Zweifel als Erbe, dieses abliefern. Letzterer wird deshalb — vor Gericht gestellt, wo die Vorsteher der Werfte den Handel einleiten, und der Beklagte wird in mehr als das Doppelte verurtheilt. — Da sein ganzes Vermögen aufgezeichnet worden (ἡ οὐσία ἀπογέγραπται δημοσία εἶναι ἅπασα), so muss es in Folge des Rechtshandels den gesetzlichen Folgen gemäss zur Einziehung bestimmt worden sein, um daraus die Busse zu gewinnen. Die Apographe hatte Polyeuktos gemacht —. Indessen wurde das Vermögen des Verurtheilten nicht wirklich eingezogen, sondern Polyeuktos liess ihm nach, die Busse selber zu zahlen und dafür sein Vermögen zu behalten —. Demgemäss tilgte dann Sopolis gleich einen Theil der Schuld mit dem Werthe der zu seinem Vermögen gehörigen Ruderhölzer, welche auf den Werften des Staates waren". — Затѣмъ въ надписи (стр. 130 сл.) приказывается, чтобы секретарь одиннадцати вычеркнулъ ту сумму, которую казначей получилъ отъ Сополида (καὶ τὸγ γραμματέα τῶν ἕνδεκα ἀπαλεῖψαι ἀπὸ τοῦ ὠφλημένου Σωπόλιδι ἀργυρίου, ὅτι ἂν ἀποφάνῃ αὐτῷ ὁ ταμίας παρειληφ[ώς]). Если же онъ этого не сдѣлаетъ т. е. если ὁ γραμματεὺς τῶν ἕνδεκα μὴ ἀπαλείψῃ ἀπὸ τοῦ ὀφλήματος τοῦ Σωπόλιδος τὸ γιγνόμενον τῶν κωπέων κατὰ τὰ ἐψηφισμένα τῇ βουλῇ, то онъ долженъ заплатить казнѣ 30 драхмъ, а Сополиду и его родственникамъ сумму равную той, которую государство получило отъ Сополида и которая секретаремъ одинадцати не была внесена въ счетную книгу. Вотъ содержаніе этого интереснаго декрета. Мы видимъ, что одиннадцать, которые, какъ извѣстно, завѣдывали конфискаціей имуществъ, имѣли списки всѣхъ государственныхъ должниковъ съ точнымъ обозначеніемъ суммъ должныхъ каждымъ изъ нихъ. Секретарь одиннадцати, какъ явствуетъ изъ этого декрета, подъ страхомъ собственнаго наказанія долженъ былъ точно вносить всѣ суммы, уплачиваемыя должниками, что и называется вычеркиваніемъ долга или части долга изъ долговой книги (ἀπαλεῖψαι). И изъ этого, стало-быть, явствуетъ, какую важную и отвѣтственную должность занималъ секретарь одиннадцати. Послѣ этого нѣтъ никакой причины удивляться тому обстоятельству, что Хэрестратъ, человѣкъ знатный и состоятельный, занималъ должность секретаря.

Что же касается Іофонта, то мы, къ сожалѣнію, ничего положительного изъ упомянутыхъ нами 2 надписей не узнаемъ. Однако мы думаемъ, что послѣ всего вышеупомянутаго позволи-

тельно будетъ предположить, что такъ какъ секретарь одиннадцати занималъ вполнѣ исключительное положеніе, то и помощникъ его (ὑπογραμματεύς) по всей вѣроятности не принадлежалъ къ категоріи простыхъ служителей, тѣмъ болѣе, что онъ оффиціально подписалъ этотъ декретъ [1]). Но даже еслибы и этотъ ὑπογραμματεύς былъ простымъ служителемъ, то въ этомъ ничего удивительнаго видѣть нельзя, такъ какъ и у насъ члены знатныхъ семействъ иногда занимаютъ нижайшія должности. Однако не смотря на то всетаки не слѣдуетъ забывать, что такое мнѣніе о помощникахъ секретарей главнымъ образомъ основывается на изрѣченіи Демосѳена, которому въ этомъ случаѣ вѣрить нельзя, такъ какъ онъ говоритъ объ Эсхинѣ, котораго онъ, какъ извѣстно, старался всячески умалять.

8. Андроклъ и Антидоръ. О происках какъ Андрокла такъ и Антидора приходилось уже неоднократно говорить, такъ что все что относится къ этому процессу, мы повторять не станемъ. Для насъ здѣсь важнѣе вопросъ, какъ они приходились Евктемону, Филоктемону и Хэрестрату. Въ нашей рѣчи, къ сожалѣнію, точнаго показанія нѣтъ и поэтому положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ дать нельзя. Неудивительно, поэтому, что и мнѣнія ученыхъ относительно этого пункта расходятся. Между тѣмъ какъ Schoemann и Моу называютъ ихъ просто „ein paar Verwandte“, „Euctemonis cognati“, „certains parents brouillés avec le reste de la famille“, они же по отношенію къ браку, который Андроклъ хотѣлъ заключить со вдовою Хэрея какъ дочерью-наслѣдницею, называютъ Андрокла ближайшимъ родственникомъ, „als nächster Verwandter“, „ut proximo cognato“, „fort proche parent sans doute“, „à titre de plus proche parent“. Blass, напротивъ, того мнѣнія, что Андроклъ „ein entfernterer Verwandter des Erblassers“. Одинъ только Dareste не видитъ здѣсь никакой трудности и безъ всякой оговорки называетъ ихъ двоюродными братьями Евктемона (ses cousins). Которое изъ этихъ мнѣній болѣе всего правдоподобно?

Въ нашей рѣчи три момента, которые хоть сколько нибудь могутъ способствовать разрѣшенію этого вопроса, а именно, во-первыхъ, та важная роль, которую эти господа играютъ въ этомъ

1) См. C. I. A. II 1177, гдѣ о секретарѣ Хэрестратѣ, какъ о коллегѣ одиннадцати, говорится ἐγραμμά[τευε], между тѣмъ какъ Іофонтъ подписался въ имен. падежѣ: ὑπογραμματε[ύς].

процессѣ; во-вторыхъ, то обстоятельство, что они называютъ себя опекунами дѣтей Алки, которыхъ они выдаютъ за законныхъ дѣтей Евктемона и, наконецъ, то обстоятельство, что Андроклъ намѣревается жениться на вдовѣ Хэрея какъ дочери-наслѣдницѣ. Начнемъ съ послѣдняго момента какъ болѣе всего удобнаго.

Чтобы имѣть право жениться на дочери-наслѣдницѣ Андроклъ въ самомъ дѣлѣ долженъ былъ быть ближайшимъ родственникомъ не ея, а завѣщателя т. е. Евктемона [1]). А такъ какъ по Аѳинскимъ законамъ въ этомъ случаѣ ближайшими родственниками считаются братъ завѣщателя, а при отсутствіи таковаго его сынъ т. е. племянникъ завѣщателя, то можно было бы просто заключить, что Андроклъ либо братъ, либо племянникъ Евктемона. Однако de facto рѣшеніе этого вопроса нисколько не такъ просто, такъ какъ при отсутствіи племянниковъ призывались другіе родственники (сынъ сестры завѣщателя, дядя завѣщателя, сынъ дяди и т. д.), которые по отсутствіи упомянутыхъ родственниковъ въ силу самихъ обстоятельствъ превращались въ ближайшихъ родственниковъ. Поэтому на этотъ вопросъ положительнаго отвѣта дать нельзя. Приблизительно, конечно, можно опредѣлить степень ихъ родства. Dareste называетъ ихъ двоюродными братьями Евктемона (ses cousins), въ такомъ случаѣ это были бы сыновья его дяди. Намъ эта догадка кажется весьма невѣроятною, такъ какъ сыновья дяди находятся, какъ мы видѣли, на пятомъ мѣстѣ и поэтому нужно было бы предположить отсутствіе всѣхъ остальныхъ болѣе близкихъ родственниковъ, что, конечно, совершенно проблематично; но кромѣ того оно и потому невѣроятно, что Евктемону при смерти было 96 лѣтъ отъ-роду. Сколько же нужно предположить лѣтъ для этихъ двоюродныхъ братьевъ? Нельзя же этимъ интригантамъ, дѣйствовавшимъ такъ энергично, приписывать старческій возрастъ? А какъ двоюродные братья Евктемона они должны же были быть довольно преклонныхъ лѣтъ. Это обстоятельство исключаетъ, впрочемъ, и ту возможность, что здѣсь идетъ рѣчь о братѣ Евктемона. Такимъ образомъ мы приходимъ къ тому заключенію, что здѣсь рѣчь идетъ о ближайшихъ послѣ брата Евктемона родственникахъ т. е. о племянникахъ Евктемона и двоюродныхъ,

1) Такъ какъ въ III гл. § 3 намъ придется подробнѣе говорить объ эпиклерахъ т. е. дочеряхъ-наслѣдницахъ, то здѣсь мы можемъ удовольствоваться совершенно аподиктическими указаніями.

стало-быть, братьяхъ Филоктемона и его сестеръ, супругъ Хэрея и Фанострата. Были ли эти племянники сыновья брата или сестры Евктемона — рѣшить, конечно, невозможно, но первое намъ кажется болѣе вѣроятнымъ. Во всякомъ случаѣ въ томъ предположеніи, что Андроклъ и Антидоръ племянники Евктемона и двоюродные братья его дѣтей, нельзя, кажется, найти ничего неправдоподобнаго.

Что касается втораго момента т. е. того обстоятельства, что они называютъ себя опекунами дѣтей Алки, выдаваемыхъ ими за законныхъ дѣтей Евктемона, то къ исполненію опекунскихъ обязанностей призывались въ Аѳинахъ также ближайшіе родственники, а именно прежде всего совершеннолѣтній братъ, затѣмъ дядя съ отцовской стороны, далѣе дядя по матери и наконецъ двоюродные братья. Совершеннолѣтняго брата у сыновей Алки, какъ мы навѣрное знаемъ, небыло; о дядѣ само по себѣ здѣсь конечно, думать можно, но вышеприведенныя причины исключаютъ и эту возможность. Такимъ образомъ мы и здѣсь приходимъ къ тому же результату, что это племянники Евктемона и мнимые двоюродные братья сыновей Алки.

Что же касается перваго пункта, то имъ какъ племянникамъ Евктемона и двоюроднымъ братьямъ его дѣтей было, конечно, чрезвычайно досадно, что это значительное наслѣдство ускользало отъ нихъ, тѣмъ болѣе что, какъ говорится въ § 59 и не опровергается произносящимъ эту рѣчь, Андроклъ намѣревается указать на то, что онъ бѣдный человѣкъ (αὐτὸς δὲ πένης). Это нѣкоторымъ образомъ подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что Антидоръ, какъ явствуетъ изъ § 39 [1]), собственнаго дома не имѣлъ; то же самое, по всей вѣроятности, можно также утверждать по отношенію къ Андроклу.

Такимъ образомъ этотъ вопросъ рѣшенъ по крайней мѣрѣ приблизительно. Но этимъ рядъ вопросовъ еще не исчерпанъ. Андроклу и Антидору не приписывается въ нашей рѣчи одинаковаго значенія. Антидоръ, какъ видно изъ нашего изложенія (см. стр. 35 сл.) — хотя мы объ этомъ еще не имѣли случая говорить, играетъ совершенно второстепенную роль. Мы узнаемъ только то (§ 39), что онъ жилъ на квартирѣ въ домѣ, находящемся возлѣ того дома, въ которомъ жили Алка и Евктемонъ,

---

1) Ср. § 39: εἰς τὴν ὁμότοιχον οἰκίαν, ἣν ᾤκει μεμισθωμένος εἰς τούτων, Ἀντίδωρος ἐκεῖνος. О наемныхъ домахъ см. ниже гл. III § 2.

и что по смерти Евктемона вещи послѣдняго были поспѣшно перенесены на квартиру Антидора. Далѣе намъ только еще извѣстно (см. выше стр. 38 сл.), что Андроклъ при второй интригѣ дѣйствовалъ сообща съ Антидоромъ. Въ нашей рѣчи кромѣ этихъ двухъ мѣстъ встрѣчается только имя Андрокла и въ § 55 даже утверждается, что изъ всѣхъ родственниковъ онъ одинъ былъ въ союзѣ съ Алкой [1]). Чѣмъ объяснить это различное положеніе обоихъ? Можно, конечно, предположить, что Андроклъ былъ умнѣе Антидора и пронырливостью превосходилъ его, и что онъ поэтому былъ главою всего заговора. Но быть можетъ для этого есть еще другое, болѣе очевидное объясненіе. Мы видѣли, что какъ относительно дочери-наслѣдницы, такъ и опеки рѣчь шла о ближайшемъ родственникѣ, оба же они не могли быть таковымъ. Поэтому стоитъ только предположить, что Андроклъ старшій братъ — и все это различіе объясняется совершенно естественно. Что онъ притомъ могъ быть и de facto былъ пронырливѣе брата — само собою разумѣется.

Теперь остается еще только рѣшить вопросъ, кто подалъ діамартирію, оба ли брата взаимно или только одинъ Андроклъ? И относительно этого пункта мнѣнія ученыхъ расходятся. Но такъ какъ для рѣшенія этого вопроса нужно было бы подробнѣе остановиться на этой діамартиріи, то мы и въ этомъ случаѣ ссылаемъ на слѣдующую главу [2]).

9. Пиѳодоръ. О Пиѳодорѣ говорится въ §§ 28, 31 и 32, гдѣ (какъ мы видѣли въ I главѣ стр. 35 сл.) разсказывается, какъ Евктемонъ отдалъ ему на сохраненіе духовное завѣщаніе, которое Пиѳодоръ впослѣдствіи совершенно справедливо отказался возвратить, такъ какъ не одобрялъ козней этихъ пройдохъ.

Этотъ Пиѳодоръ называется въ § 28 просто родственникомъ Евктемона (προσήκοντι αὐτῷ). Какъ онъ ему приходился — неизвѣстно. Kirchner [3]) отожествляетъ нашего Пиѳодора съ тѣмъ Пиѳодоромъ изъ дема Кефисіи, который упоминается въ C. I. A. II 80 Ob. v. 54 и 55: Ἡγεμονία, ἐ[πισκε(υῆς) δεο(μένη)] | Πυθοδώρου Κη[φι(σιέως) συμ(μορία)]. Какъ видно, это тотъ самый морской документъ, вырѣзанный около 350 года, въ которомъ на стр.

1) См. § 55: „τῶν συγγενῶν μόνος μετὰ τῆς Ἀλκῆς ἐκείνης τούτῳ καὶ τοῖς ἄλλοις συνεπιβουλεύσας τοῖς τοῦ Εὐκτήμονος χρήμασι τοιαῦτα διεπράξατο.

2) См. Гл. III § 3.

3) Ср. J. Kirchner Prosopographiae Atticae specimen, Berlin 1890, стр. 11.

41—43 упоминается Χαιρεστράτου Κηφισέως συμμορία. Не смотря на то, что отчество не упомянуто, мы сочли возможнымъ отожествить обоихъ Хэрестратовъ, такъ какъ въ пользу этого отожествленія говорили нѣкоторые другіе моменты. У Пиѳодора также не прибавлено отчества. Но такъ какъ имя Πυθόδωρος весьма распространенное, а другихъ какихъ бы то ни было моментовъ нѣтъ, то на основаніи одного только δημοτικόν нельзя, конечно, съ точностью отожествлять этихъ обоихъ Пиѳодоровъ. Съ другой стороны, однако, нельзя и придумать никакихъ серьезныхъ возраженій, такъ что и мы лично всетаки считаемъ возможнымъ присоединиться къ этому отожествленію Кирхнера, тѣмъ болѣе, что надпись эта относится приблизительно ко времени этого процесса: она вырѣзана около 15 лѣтъ послѣ произнесенія нашей рѣчи.

10. Каллиппа. О Каллиппѣ, дочери Пистоксена, о которой разсказывается въ §§ 13—16, что Евктемонъ, будучи ея опекуномъ, женился на ней и прижилъ въ этомъ бракѣ 2 сыновей, ничего не извѣстно. Очень возможно, что особа эта только вымышлена противниками, такъ какъ нашъ ораторъ доказываетъ, что упомянутые сыновья — дѣти Алки, и что противники, утверждающіе, что это законные сыновья Евктемона, сначала не могли назвать имени и отчества матери, затѣмъ назвали ее просто жительницей острова Лемноса[1]), въ слѣдующій же разъ прибавили, что имя ея Καλλίππη и что она дочь Пистоксена, ὡς ἐξαρκέσον, говоритъ Исей, εἰ ὄνομα μόνον πορίσαιντο τὸν Πιστόξενον. Когда же ихъ спросили, кто этотъ Пистоксенъ и живъ ли онъ или нѣтъ, то они сообщили, что онъ умеръ 52 года тому назадъ во время сицилійской экспедиціи. Ораторъ нашъ доказываетъ, что все это не только весьма подозрительно, но и вполнѣ невозможно[2]) и что въ добавокъ ни родственники Евктемона, ни

1) Шёманнъ въ своемъ изданіи Исея стр. 329 замѣчаетъ слѣдующее: Lemnum insulam — habitarunt Attici κληροῦχοι —, quos Atticam civitatem retinuisse constat —. Potuit igitur Lemnia mulier viro Atheniensi legitimis nuptiis juncta esse —. Lemniam autem pupillorum suorum matrem adversarii propterea finxisse videri debent, ut cum aliqua probabilitatis specie cognatum eius neminem Athenis esse contenderent, qui testis produci posset; fortassis etiam ut non Athenis sed Lemni nuptias inter eam et Euctemonem contractas et filios istos natos esse simularent."

2) Подробнѣе объ этой мнимой опекѣ мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ см. Гл. III § 4 II.

его рабы никогда не видали такой Каллиппы и ничего не знаютъ объ этой опекѣ и о ея бракѣ съ Евктемономъ, между тѣмъ какъ противники со своей стороны отказывались подвергнуть рабовъ своихъ пыткѣ. Такъ какъ все это ораторомъ подтверждается свидѣтельскими показаніями и разными — къ сожалѣнію не сохранившимися — документами, то и мы считаемъ себя въ правѣ утверждать, что такой особы никогда не было и что все, что сообщается о ней, только вымышлено противной партіей, тѣмъ болѣе, что далѣе ясно доказывается, что все что случилось при внесеніи старшаго сына Алки въ списки фратріи было бы немыслимо, еслибы какъ онъ такъ и младшій братъ его были законными сыновьями Евктемона [1]).

11. Сестра Демократа Афиднейскаго (Δημοκράτους Ἀφιδναίου ἀδελφή). Объ этой особѣ кромѣ того, что сообщается въ §§ 22 сл., ничего не извѣстно. Въ означенныхъ параграфахъ разсказывается, какъ мы уже видѣли (см. стр. 35), что Евктемонъ, когда Филоктемонъ не далъ ему внести старшаго сына Алки въ списки фратріи, задумалъ жениться на ней и поэтому обручился съ нею. Однако бракъ этотъ не состоялся, такъ какъ Филоктемонъ струсилъ и дозволилъ внести сына Алки въ списки фратріи.

О братѣ ея, **Демократѣ Афиднейскомъ,** мы знаемъ немного больше. Но такъ какъ онъ въ этомъ процессѣ, повидимому, никакой особенной роли не игралъ, то мы удовольствуемся ссылкой на Шефера [2]), который между прочимъ называетъ его ораторомъ „der durch derben und nicht immer edlen Witz oftmals anstiess, gelegentlich aber so recht die Wahrheit traf“.

---

1) Чрезвычайно странную замѣтку мы встрѣчаемъ у F. Caccialanza Rivista di storia antica V 1900 стр. 263 сл., гдѣ говорится, что Евктемонъ „ha avuto prima da Callippe due figli e poi va ad abitare con la medemisa, che ha preso il nome di Alce“. Такъ какъ авторъ ссылаетъ въ другомъ мѣстѣ на статью, которая должна появиться въ ближайшемъ будущемъ, а здѣсь не приводитъ ни малѣйшаго доказательства, то придется, конечно, обождать появленія этой статьи. Но уже само по себѣ это мнѣніе до того дико, что оно и опроверженія не стоитъ. Въ нашей рѣчи нѣтъ ни одного момента, оправдывающаго такое отожествленіе этихъ особъ, напротивъ — все что мы только что видѣли о Каллиппѣ дѣлаетъ такое отожествленіе совершенно невозможнымъ. Поэтому весьма интересно, какія это онъ приведетъ доказательства.

2) См. A. Schaefer, Demosth. u. seine Zeit, II² стр. 193 и прим. 2 и III 8, 7.

Мы сказали выше, что онъ повидимому никакой роли въ этомъ процессѣ не игралъ. Въ этой рѣчи, правда, о немъ ничего не сообщается. Но такъ какъ она называется его сестрой и по аттическому закону не могла дѣйствовать самостоятельно, т. е. безъ посредства своего опекуна (κύριος), то онъ, быть можетъ, былъ ея опекуномъ, такъ какъ извѣстно, что по смерти отца опекуномъ незамужней женщины былъ ея старшій братъ. Изъ того обстоятельства, что она здѣсь называется по брату, а не по отцѣ, конечно еще не должно слѣдовать, что отца ея не было въ живыхъ и что братъ ея поэтому былъ ея опекуномъ, такъ какъ возможно и такого рода объясненіе, что отецъ ея ничѣмъ не прославился и никто его можетъ быть и не зналъ, между тѣмъ какъ братъ ея какъ ораторъ пользовался нѣкоторою извѣстностью. Первое, однако, намъ кажется болѣе вѣроятнымъ. Если же мы не ошибаемся и если онъ дѣйствительно былъ ея опекуномъ, то конечно упомянутое обрученіе не могло состояться безъ него, такъ какъ согласіе его было необходимо.

Перейдемъ теперь къ т. н. семейству Діона, которое черезъ посредство Алки вошло въ интимныя сношенія съ Евктемономъ и этимъ причинило семейству послѣдняго столько хлопотъ и непріятностей.

12. Діонъ. О Діонѣ говорится только въ § 20. Мы узнаемъ изъ этого параграфа, что это былъ вольноотпущенникъ (ἄνθρωπος ἀπελεύθερος), вошедшій въ связь съ Алкой, которая впослѣдствіи утверждала, что отецъ ея сыновей — Діонъ (ἐξ οὗ ἔφη ἐκείνη τούτους γεγονέναι). Діонъ, какъ разсказывается, не оспаривалъ этого, и воспитывалъ ихъ такъ, какъ будто бы это были его собственныя дѣти (καὶ ἔθρεψεν αὐτοὺς ὁ Δίων ὡς ὄντας ἑαυτοῦ). Нашъ ораторъ, стало быть, того мнѣнія, что хотя и Діонъ признавалъ ихъ своими, происхожденіе этихъ дѣтей отъ него de facto могло считаться довольно сомнительнымъ, чего, конечно, никто оспаривать не станетъ. Но такъ какъ Діонъ самъ не отрицалъ происхожденія этихъ дѣтей отъ этого сожительства съ Алкой, то они во всякомъ случаѣ оффиціально должны были считаться его дѣтьми.

Однако его сожительство съ Алкой продолжалось не особенно долго, ибо нѣкоторое время спустя онъ учинилъ какой-то проступокъ, заслуживающій наказанія и поэтому спасся въ Сикіонъ (χρόνῳ δὲ ὕστερον ζημίαν εἰργασμένος καὶ δείσας ὑπὲρ αὐτοῦ ὑπεχώρησεν εἰς Σικυῶνα). Какой это былъ проступокъ — опредѣ-

лить нельзя, тѣмъ болѣе, что мы и не знаемъ, чѣмъ онъ до этого занимался, ибо сдѣлавшись вольноотпущенникомъ онъ долженъ же былъ какъ-нибудь зарабатывать себѣ средства къ пропитанію. Предположеніе, что можетъ быть она содержала его, потому невозможно, что здѣсь, какъ мы видѣли, ясно говорится что онъ ἔθρεψεν αὐτοὺς (дѣтей) ὡς ὄντας ἑαυτοῦ.

13. Алка. Объ этой публичной женщинѣ, о которой намъ уже неоднократно приходилось говорить, Исей въ §§ 19 сл. сообщаетъ слѣдующія не безъинтересныя свѣдѣнія. У Евктемона, разсказываетъ онъ, была вольноотпущенница, которая была наемщицей принадлежавшаго ему въ Пиреѣ наемнаго дома; въ этомъ домѣ, между прочимъ, находилась бордель, содержательницей которой состояла та-же вольноотпущенница [1]). Въ числѣ дѣвицъ, находившихся въ этой бордели, была также Алка, которая, какъ говоритъ ораторъ, большинству изъ присутствующихъ по всей вѣроятности была хорошо извѣстна (ἣν καὶ ὑμῶν οἶμαι πολλοὺς εἰδέναι).

До сихъ поръ все ясно. Все же остальное, что затѣмъ тамъ-же о ней сообщается, до того запутано, что врядъ ли когда либо и кому либо удастся окончательно разрѣшить всѣ загадки, заключающіяся въ этихъ предложеніяхъ. Самое внимательное изслѣдованіе этихъ предложеній особенной пользы не оказываетъ, ибо чѣмъ внимательнѣе мы взвѣшиваемъ каждое слово и чѣмъ энергичнѣе мы стараемся вникнуть въ связь и послѣдовательный ходъ этого разсказа, тѣмъ запутаннѣе становятся эти загадки. Но если и намъ, быть можетъ, не удастся окончательно разрѣшить всѣ загадки, то мы всетаки считаемъ себя обязанными по крайней мѣрѣ точно формулировать всѣ тѣ проблемы, которыя насъ смущаютъ.

Исей пишетъ: τούτων μίαν ἐκτήσατο ᾗ ὄνομα ἦν Ἀλκή. Слова τούτων μίαν относятся къ непотребнымъ женщинамъ (παιδίσκας), находившимся въ этой бордели. Но кто такое ἐκτήσατο Алку? Евктемонъ или его вольноотпущенница? Вопросъ этотъ мы находимъ уже у Шёманна, который пишетъ слѣдующее: „Euctemo an ejus insularis? Hanc intelligi jubet orationis tenor; re tamen ipsa non sua sed patroni pecunia istas puellas comparasse atque aluisse videtur, ut illiberali quaestui lenonio, quem ipse Euctemo exercere nullo modo poterat, libertinae nomen praetextum sit.“

1) Ср. объ этомъ также Гл. III § 2.

Шёманнъ, стало быть, особенныхъ трудностей въ этихъ словахъ не находитъ.

На нашъ взглядъ, однако, эти слова ничуть не такъ ясны, какъ это полагаетъ Шёманнъ. Онъ утверждаетъ, что „hanc intelligi jubet orationis tenor“, но неужели это такъ? Въ предъидущемъ предложеніи было сказано, что вольноотпущенница Евктемона παιδίσκας ἔτρεφε, у нея было, стало быть, нѣсколько публичныхъ женщинъ, которыя составляли ея собственность, либо фактическую, либо — какъ это полагаетъ Шёманнъ — только фиктивную, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ ихъ хозяйномъ былъ бы de facto Евктемонъ. Если же эти женщины въ какомъ бы то ни было отношеніи составляли ея собственность, то какъ же можно толковать эти слова такъ, какъ это дѣлаютъ Шёманнъ и всѣ переводчики т. е. утверждать, что τούτων μίαν ἐκτήσατο = „Unter Diesen hatte sie Eine; elle en acheta une; puellas meretrices alebat, et in his unam; puellas alebat meretrices, inter easque unam“? Слово ἐκτήσατο, которое само по себѣ, конечно, можетъ означать любой родъ пріобрѣтенія, здѣсь исключительно означаетъ куплю, такъ какъ ниже говорится ἡ Ἀλκὴ ὠνηθεῖσα. Какой же, слѣдовательно, смыслъ толковать это мѣсто такимъ образомъ: изъ этихъ женщинъ она купила себѣ одну по имени Ἀλκή? Если она παιδίσκας ἔτρεφε, то само собою разумѣется, что эти женщины были ею пріобрѣтены. Форма ἐκτήσατο, далѣе, также довольно странная и необыкновенная. Еслибы это слово дѣйствительно равнялось простой фразѣ „среди нихъ была одна по имени Алка“, то было бы сказано либо ἐν δὲ τούτοις μία ἦν, либо τούτων μίαν ἐκέκτητο. Далѣе при обычномъ толкованіи, на нашъ взглядъ, остается совершенно непонятнымъ, почему тутъ нарочно указывается на то, что вольноотпущенница Евктемона ἐκτήσατο ее и что она ὠνηθεῖσα πολλὰ ἔτη находилась въ этой бордели. Вѣдь и остальныя публичныя женщины были пріобрѣтены ею и находились въ той же бордели. Это указываніе на куплю должно, поэтому, имѣть совершенно другое значеніе. Неужели Шёманнъ правъ, когда утверждаетъ, что „hanc intelligi jubet orationis tenor“? Мы, напротивъ, полагаемъ, что всѣ упомянутые моменты и весь контекстъ заставляютъ насъ думать о самомъ Евктемонѣ, а не о его вольноотпущенницѣ, т. е. мы того мнѣнія, что Евктемонъ ἐκτήσατο ее [1]).

1) Аналогичный случай разсказывается у Ps.-Dem. or. 59 (κατὰ Νεαίρας) § 29, съ тою лишь разницею, что тамъ 2 любовника покупаютъ одну жен-

При такомъ толкованіи этого мѣста устраняется, на нашъ взглядъ, рядъ трудностей. Вольноотпущенница Евктемона была содержательницей дома терпимости; публичныя женщины находившіяся въ этомъ домѣ, составляли ея собственность. Среди этихъ женщинъ была нѣкая Алка, которая понравилась Евктемону и поэтому была куплена имъ у вольноотпущенницы. При такомъ толкованіи ни τούτων, ни ἐκτήσατο трудностей не представляютъ. Это толкованіе подтверждается притомъ слѣдующими соображеніями. Мы читаемъ, что αὕτη δὲ ἡ Ἀλκὴ ὠνηθεῖσα πολλὰ ἔτη καθῆστο ἐν οἰκήματι. Между тѣмъ какъ при обычномъ толкованіи ὠνηθεῖσα никакого смысла не имѣетъ, мы теперь въ состояніи объяснить это мѣсто совершенно просто и правдоподобно. Ораторъ указываетъ на то, что Алка, не смотря на то, что была куплена Евктемономъ (ὠνηθεῖσα), долгое время оставалась по прежнему въ этомъ непотребномъ домѣ.

Евктемонъ, стало быть, купилъ у своей вольноотпущенницы Алку для того, чтобы она была исключительно его любовницей, но взять ее изъ этого дома и нанять для нея особое помѣщеніе онъ еще не рѣшался — не рѣшался потому, что въ то время ему еще не хотѣлось опозорить своего имени, своей репутаціи и своей семьи. У Исея ясно излагается градація его отношеній къ Алкѣ. Сначала онъ покупаетъ ее, но оставляетъ ее у вольноотпущенницы; затѣмъ онъ назначаетъ ее управляющей домомъ въ Керамикѣ, и отправляется туда первоначально подъ предлогомъ, что хочетъ получить съ нея плату за наемъ дома; мало по малу онъ остается у нея все дольше и дольше, а въ концѣ концовъ совершенно покидаетъ свою семью и переѣзжаетъ на квартиру Алки.

Мы полагаемъ, что при такомъ толкованіи и τούτων μίαν ἐκτήσατο и ὠνηθεῖσα κτλ. совершенно ясны. Еслибы прежніе толкователи были правы, то оставалось бы также непонятнымъ, какимъ образомъ Евктемонъ познакомился съ нею, такъ какъ въ такомъ случаѣ слова τὴν δ' ἄνθρωπον ταύτην, τὴν Ἀλκήν, καθίστησιν Εὐκτήμων ἐπιμελεῖσθαι τῆς ἐν Κεραμεικῷ συνοικίας не находились бы ни въ малѣйшей естественной связи съ предъ-

---

щину: „μετὰ ταῦτα τοίνυν αὐτῆς γίγνονται ἑρασταὶ δύο, — οἳ ἐπειδήπερ πολυτελὴς ἦν ἡ Νικαρέτη τοῖς ἐπιτάγμασιν, —, κατατιθέασιν αὐτῆς τιμὴν τριάκοντα μνᾶς τοῦ σώματος τῇ Νικαρέτῃ, καὶ ὠνοῦνται αὐτὴν παρ' αὐτῆς νόμῳ πόλεως καθάπαξ αὐτῶν δούλην εἶναι". Ср. тамъ-же § 20: „ἣν μὲν οὖν ἕκαστος αὐτῶν ἐκτήσατο καὶ ὡς ἠλευθερώθησαν ἀπὸ τῶν πριαμένων αὐτὰς παρὰ τῆς Νικαρέτης κ. τ. λ.

идущимъ. Евктемону, конечно, не могло прійти въ голову ни съ того, ни съ другого назначить любую публичную женщину управляющей вышеупомянутымъ домомъ: онъ долженъ былъ уже до этого находиться въ связи съ нею, а на такую связь нѣтъ ни малѣйшаго намека, если мы присоединяемся къ толкованію другихъ ученыхъ. Въ пользу нашего толкованія можно привести также тотъ аргументъ, что Алкѣ врядъ ли удалось бы уговорить Евктемона внести ея старшаго сына въ списки фратріи какъ своего собственнаго, еслибы она не вошла съ нимъ въ интимную связь еще до зачатія. Итакъ мы того мнѣнія, что Евктемонъ купилъ ее у вольноотпущенницы, чтобы этимъ сдѣлать ее своей любовницей, но взять ее изъ бордели онъ первоначально не находилъ удобнымъ и поэтому оставилъ ее тамъ же.

Не менѣе запутано и то, что затѣмъ о ней разсказывается: „αὕτη δὲ ἡ Ἀλκὴ ὠνηθεῖσα πολλὰ μὲν ἔτη καθῆστο ἐν οἰκήματι, ἤδη δὲ πρεσβυτέρα οὖσα ἀπὸ μὲν τοῦ οἰκήματος ἀνίσταται, διαιτωμένῃ δὲ αὐτῇ ἐν τῇ συνοικίᾳ συνῆν ἄνθρωπος ἀπελεύθερος — Δίων ὄνομα αὐτῷ κτλ. т. е. тутъ разсказывается, что она, пробывъ довольно долго ἐν οἰκήματι и состарѣвшись, вышла ἀπὸ τοῦ οἰκήματος и живя въ этомъ наемномъ домѣ сдѣлалась любовницей нѣкоего Діона, которому она родила, по ея словамъ, 2 сыновей.

Значеніе слова οἴκημα трудностей не представляетъ, такъ какъ хорошо извѣстно, что οἴκημα въ связи съ καθῆσθαι означаетъ непотребный домъ или комнату (номеръ) въ такомъ домѣ и, стало быть, равняется слову πορνεῖον[1]); Алка въ этомъ домѣ, какъ мѣтко выражается Исей въ другомъ мѣстѣ (см. or. III περὶ

---

1) См. Harpocrat. s. v. οἴκημα „ἀντὶ τοῦ πορνεῖον“. Гарпократіонъ, почему-то, цитируетъ только Эсхина ἐν τῷ κατὰ Τιμάρχου (§ 74), между тѣмъ какъ наше мѣсто также хорошо иллюстрируетъ значеніе этого слова. У Исея, впрочемъ, мы читаемъ καθῆστο ἐν οἰκήματι, между тѣмъ какъ обыкновенно вмѣсто этого говорится ἐπ' οἰκήματος, см. напр. Herodot. II 121 и 126, Aeschin. l. c., Platon. Charmid. p. 163 B, Dinarch. I 23. Ср. также J. H. H. Schmidt Synonymik der griechischen Sprache, II Leipzig 1878 стр. 522 сл.: „οἴκημα ist immer der bestimmte, ordentlich eingerichtete Raum, in dem man wohnt, aber eben so wohl das einzelne Zimmer — als das ganze Haus“. На стр. 523 сл. онъ между прочимъ указываетъ на то, что всѣ спеціальныя значенія этого слова, которыя приводятся во всѣхъ словаряхъ, (напр. бордель и т. п.) обязаны своимъ существованіемъ единственно фантазіи лексикографовъ, такъ какъ „nur der bestimmte Zusammenhang jene Beziehungen an die Hand giebt, in anderen Fällen ausdrückliche nähere Bestimmungen das Wort determinieren“.

τοῦ Πύρρου κλήρου §§ 15 и 16) была, стало-быть, ἑταίρα τοῦ βουλομένου или ἦν κοινὴ τῷ βουλομένῳ [1]). Точно также и хорошо извѣстно, что слово συνοικία означаетъ наемный домъ, въ которомъ многіе живутъ по найму [2]).

Но если значеніе этихъ словъ само по себѣ совершенно ясно, то этого нельзя сказать относительно всего содержанія этого предложенія. Какое соотношеніе существовало напр. между упомянутыми οἴκημα и συνοικία? Шёманнъ довольствуется краткой замѣткой: „videtur lupanar in ipsa illa συνοικίᾳ fuisse". Что бордель эта находилась въ упомянутомъ наемномъ домѣ Евктемона, не подлежитъ сомнѣнію, такъ что Шёманнъ вмѣсто videtur fuisse могъ просто написать fuit. Но развѣ этой замѣткой исчерпываются всѣ трудности? Шёманнъ, очевидно, не вдумался какъ слѣдуетъ въ это мѣсто, ибо въ противномъ случаѣ онъ не могъ не замѣтить трудностей, заключающихся въ словахъ Исея.

Исей разсказываетъ, что она πολλὰ ἔτη находилась въ борделѣ (καθῆστο ἐν οἰκήματι), потомъ выбыла (ἀνίσταται) ἀπὸ τοῦ οἰκήματος, а затѣмъ онъ продолжаетъ: „διατωμένῃ δὲ αὐτῇ ἐν τῇ συνοικίᾳ συνῆν ἄνθρωπος ἀπελεύθερος — Δίων ὄνομα αὐτῷ". Что онъ этимъ хочетъ сказать и какъ нужно понимать эти слова? Онъ говоритъ сначала объ οἴκημα, а затѣмъ о συνοικία, такъ что совершенно естественно возникаетъ вопросъ, тожественны ли у него здѣсь эти выраженія т. е. относятся ли слова διαιτωμένῃ ἐν τῇ συνοικίᾳ еще къ тому времени, когда она находилась ἐν οἰκήματι, или же Исей сообщаетъ здѣсь новый фактъ, т. е. разсказываетъ, что Алка по выбытіи изъ этого οἴκημα стала жить ἐν τῇ συνοικίᾳ? Рѣшеніе этого вопроса въ высшей степени важно, такъ какъ отъ этого рѣшенія зависитъ одновременно и рѣшеніе многихъ другихъ вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ этимъ, какъ нпр. составляло ли это οἴκημα только часть этой συνοικία или вся эта συνοικία служила борделью? измѣнилось ли ея положеніе по выбытіи изъ бордели и въ какомъ, именно, отношеніи? Гдѣ и когда она сдѣлалась любовницей Діона? Имѣла ли она одновременно двухъ любовниковъ, или Евктемонъ смѣнилъ исчезнувшаго почему-то Діона? Почему она выбыла изъ бордели? и т. д.

---

1) См. также Ps.-Dem. κατὰ Νεαίρας § 20: ἠργάζετο τῷ σώματι μισθαρνοῦσα τοῖς βουλομένοις αὐτῇ πλησιάζειν; § 23: ἐμισθάρνει τῷ βουλομένῳ ἀναλίσκειν.

2) См. напр. Aeschin. I 124: „ὅπου μὲν γὰρ πολλοὶ μισθωσάμενοι μίαν οἴκησιν διελόμενοι ἔχουσι, συνοικίαν καλοῦμεν, ὅπου δ' εἷς ἐνοικεῖ, οἰκιάν". См. также Schmidt, Synonymik l. c. стр. 516 сл.

Шёманнъ, какъ мы видѣли, вопросовъ этихъ совсѣмъ не касается, другихъ же комментаріевъ нѣтъ. Что же касается переводчиковъ, то Reiske, C. Müller и Dareste отожествляютъ слова οἴκημα и συνοικία; такъ нпр. Dareste переводитъ это мѣсто такимъ образомъ „Elle n'était déjà plus jeune lorsqu'elle sortit de sa cellule. Pendant qu'elle était dans cette maison, elle eut pour amant etc.". Léon Moy[1]), напротивъ, переводитъ это мѣсто совершенно иначе: „puis, n'étant plus assez jeune, elle quitta sa cellule, et vécut dans la maison. C'est alors qu'elle connut un affranchi nommé Dion etc." Шёманнъ, очевидно, того же мнѣнія, такъ какъ употребленные имъ знаки препинанія и нарѣчія не допускаютъ другого толкованія: „Diese Alke diente, nachdem sie gekauft worden war, viele Jahre als Freudenmädchen; als sie aber älter geworden war, verliess sie dieses Gewerbe, und während sie nun in dem Miethhause lebte, hielt sich ein freigelassener Kerl zu ihr, Namens Dion etc.". Такимъ образомъ мы находимъ у переводчиковъ два совершенно противоположныхъ другъ другу толкованія этого мѣста. Это разногласіе объясняется тѣмъ, что и это мѣсто такое запутанное, что врядъ ли когда нибудь удастся окончательно устранить всякое сомнѣніе. Мы со своей стороны постараемся посредствомъ обстоятельной интерпретаціи взвѣсить все, что говоритъ за и противъ каждаго мнѣнія, а затѣмъ изложимъ свое субъективное воззрѣніе.

Въ §§ 19 и 20 слово συνοικία встрѣчается 3 раза, а οἴκημα 2 раза, при чемъ слова эти употребляются въ слѣдующемъ порядкѣ: συνοικία, 2 раза οἴκημα и 2 раза συνοικία. Въ первомъ и послѣднемъ случаяхъ[2]) слово συνοικία исключительно означаетъ наемный домъ; съ другой стороны во второмъ и третьемъ случаяхъ οἴκημα, какъ мы видѣли, равняется слову πορνεῖον. Какое, однако, значеніе имѣетъ второй случай употребленія слова συνοικία немедленно послѣ двойнаго οἴκημα? Такъ какъ въ двухъ случаяхъ συνοικία означаетъ наемный домъ, то и здѣсь, конечно, другое значеніе немыслимо. Поэтому остаются только двѣ возможности: или бордель занимала весь наемный домъ, такъ что въ этомъ случаѣ οἴκημα и συνοικία здѣсь вполнѣ синонимны, или кромѣ бордели въ этой συνοικία находились и другія квартиры и Алка, по выбытіи изъ бордели, стала жить въ одной изъ этихъ квартиръ.

---

1) Ср. наше Введеніе, стр. 17 сл.

2) Послѣдній т. е. пятый случай слѣдующій: τὴν δ' ἄνθρωπον ταύτην, τὴν Ἀλκήν, καθίστησιν Εὐκτήμων ἐπιμελεῖσθαι τῆς ἐν Κεραμεικῷ συνοικίας κτλ.

Которая изъ этихъ возможностей болѣе правдоподобна?

Начнемъ со второй возможности, такъ какъ мы лично считаемъ ее мало вѣроятной. Еслибы сторонники этого мнѣнія были правы, то Алка, очевидно, перестала бы быть простой гетерой, зависящей отъ содержательницы публичныхъ женщинъ, а захотѣла жить по своей полной волѣ и поэтому выбыла изъ бордели и стала жить особнякомъ въ томъ же домѣ. Это мнѣніе, однако, намъ кажется невозможнымъ. Мы видѣли, что Евктемонъ купилъ ее для себя, но оставилъ ее еще нѣкоторое время въ бордели. Можно, конечно, предположить, что онъ потомъ далъ ей особую квартиру въ этомъ домѣ, и это предположеніе само по себѣ могло бы даже казаться весьма вѣроятнымъ. Но если обратить вниманіе на то, что въ такомъ случаѣ Діонъ сдѣлался бы ея любовникомъ лишь съ тѣхъ поръ, когда она уже жила особнякомъ именно благодаря любезности Евктемона, то предположеніе это въ значительной степени лишается правдоподобности. Можно, конечно, возразить, что бывали же такіе случаи, что двое нанимали или покупали одну гетеру, которая, поэтому, принадлежала имъ обоимъ и которой они пользовались поперемѣнно, напр. Ps.-Dem. κατὰ Νεαίρας § 26: „μετὰ ταῦτα — ἑρασταὶ γίγνονται καὶ Ξενοκλείδης ὁ ποιητὴς καὶ Ἵππαρχος ὁ ὑποκριτής, καὶ εἶχον αὐτὴν μεμισθωμένοι“ и § 29, гдѣ мы читаемъ слѣдующее: „Μετὰ ταῦτα τοίνυν αὐτῆς γίγνονται ἑρασταὶ δύο, Τιμανορίδας τε ὁ Κορίνθιος καὶ Εὐκράτης ὁ Λευκάδιος, οἳ — κατατιθέασιν αὐτῆς τιμὴν τριάκοντα μνᾶς τοῦ σώματος τῇ Νικαρέτῃ, καὶ ὠνοῦνται αὐτὴν παρ᾽ αὐτῆς νόμῳ πόλεως καθάπαξ αὐτῶν δούλην εἶναι. καὶ εἶχον καὶ ἐχρῶντο ὅσον ἠβούλοντο αὐτῇ χρόνον“. Однако мѣста эти нельзя сравнивать съ нашимъ мѣстомъ, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ говорится о людяхъ болѣе или менѣе равныхъ другъ другу по отношенію къ сословію — въ нашемъ же случаѣ одинъ изъ нихъ — Евктемонъ, принадлежалъ, какъ мы видѣли, къ числу самыхъ знатныхъ и зажиточныхъ аѳинскихъ гражданъ, а другой — Діонъ, называется нашимъ ораторомъ просто ἄνθρωπος ἀπελεύθερος и къ этому прибавляются только слова Δίων ὄνομα αὐτῷ. Мыслимо ли, чтобы Евктемонъ и этотъ вольноотпущенникъ, который съ оттѣнкомъ презрѣнія называется ἄνθρωπος, дѣйствовали заодно, т. е. имѣли бы оба одну и ту-же любовницу? Мы, признаемся, считаемъ это немыслимымъ. Возможно, конечно, и такого рода предположеніе, что Евктемонъ ничего не зналъ о томъ и нисколько не подозрѣвалъ, что Алка безъ его вѣдома вошла въ интимныя сношенія съ Діономъ. Однако и это предположеніе намъ кажется весьма невѣроятнымъ,

ибо словомъ συνῆν здѣсь означается, повидимому, что-то въ родѣ сожительства; далѣе, на нашъ взглядъ, она не могла скрыть отъ Евктемона, что родила Діону двухъ сыновей, а Діонъ со своей стороны, врядъ ли повѣрилъ бы ей, что это его собственныя дѣти, и не воспитывалъ бы ихъ ὡς ὄντας ἑαυτοῦ, еслибы она была спеціальной любовницей Евктемона. Такимъ образомъ мы опровергли, на нашъ взглядъ, всѣ доводы, которые можно было бы привести въ пользу второй возможности, т. е. въ пользу того, что Алка по выбытіи изъ бордели стала жить въ одной изъ квартиръ, находившихся въ этой συνοικία и тогда только познакомилась съ Діономъ.

Остается, поэтому, только первая возможность, состоящая въ томъ, что οἴκημα и συνοικία здѣсь вполнѣ синонимны, такъ какъ либо весь этотъ наемный домъ служилъ борделью, либо слово οἴκημα здѣсь означаетъ только отдѣльную комнату этой бордели, а слово συνοικία поставлено здѣсь вмѣсто бордели единственно потому, что въ этомъ домѣ кромѣ бордели никакой другой квартиры не было. Вся путаница ничуть не произошла отъ неясности словъ „διαιτωμένῃ δὲ αὐτῇ ἐν τῇ συνοικίᾳ“, а напротивъ отъ вставки „ἤδη δὲ πρεσβυτέρα οὖσα ἀπὸ μὲν τοῦ οἰκήματος ἀνίσταται“. Такъ какъ въ этомъ предложеніи, какъ мы видѣли, нельзя установить прогресса, т. е. нельзя доказать, что словами καθῆστο, ἀνίσταται, διαιτωμένῃ и συνῆν и тѣсно связанными съ ними существительными описываются 4 различныхъ, прогрессивныхъ фазиса, то ясно, что слова ἤδη δὲ — ἀνίσταται только вставка, а все остальное относится къ одному и тому же времени, т. е. къ пребыванію ея въ бордели.

Но противъ этого можно возразить, мыслима ли и возможна ли здѣсь подобнаго рода вставка? Можно даже еще увеличить число вопросовъ, напр. кѣмъ предпринята эта вставка, Исеемъ ли или однимъ изъ читателей? Встрѣчаются ли такія вставки у Исея? Какъ объяснить тѣсную связь (μὲν-δὲ, μὲν-δὲ) между этой вставкой и остальными частями этого предложенія?

Вставка эта, кѣмъ бы она ни была предпринята, вставлена здѣсь совсѣмъ не кстати, ибо если бы ея не было, то значеніе остальныхъ частей предложенія было бы совершенно ясно. Виновникъ этой вставки очевидно хотѣлъ посредствомъ антиципаціи предварительно сообщить здѣсь, что Алка впослѣдствіи выбыла изъ этой бордели, но антиципація эта, признаемся, весьма неудачная, такъ какъ слѣдующія затѣмъ слова получаютъ совер-

шенно другой смыслъ, по крайней мѣрѣ при чтеніи этихъ словъ; при произнесеніи этой рѣчи ораторъ могъ, конечно, произнести эти слова такъ, что слушатели не могли быть въ сомнѣніи, какъ понимать это предложеніе.

Чтобы быть въ состояніи разрѣшить вышеупомянутые вопросы, обратимъ наше вниманіе на внѣшнюю форму и на содержаніе этой вставки: „ἤδη δὲ πρεσβυτέρα οὖσα ἀπὸ μὲν τοῦ οἰκήματος ἀνίσταται“. Первыя слова ἤδη δὲ πρεσβυτέρα οὖσα относятся къ предъидущимъ словамъ πολλὰ μὲν ἔτη καθῆστο ἐν οἰκήματι, авторъ этой вставки, стало быть, хотѣлъ обратить вниманіе на то, что она впослѣдствіи выбыла изъ этой бордели. Такъ какъ это говоритъ ораторъ въ судебной рѣчи, то выраженію „ἤδη πρεσβυτέρα οὖσα“, конечно, особеннаго вѣса придавать нельзя, тѣмъ болѣе, что это говоритъ адвокатъ враждебной партіи.

Какъ вѣрно и безпристрастно толковать это мѣсто мы можемъ заключить изъ вышеупомянутой 59-ой рѣчи Псевдо-Демосѳена (κατὰ Νεαίρας), гдѣ въ § 18 сл. разсказывается, что Никарета, такая же вольнопущенница, какъ и наша особа, и занимавшаяся тѣмъ же ремесломъ, пріобрѣла 7 дѣвицъ, которыхъ она выдавала за своихъ дочерей, чтобы побольше получать платы отъ ихъ любовниковъ, впослѣдствіи же „ἐπειδὴ τὴν ἡλικίαν ἐκαρπώσατο αὐτῶν ἑκάστης, συλλήβδην καὶ τὰ σώματα ἀπέδοτο ἁπασῶν ἑπτὰ οὐσῶν κτλ.“, т. е. когда она порядочно высосала ихъ, покуда онѣ были въ цвѣтѣ лѣтъ, она взяла да и гуртомъ продала всѣхъ этихъ 7 увядшихъ красотокъ. Равнымъ образомъ и у Исея πρεσβυτέρα совершенно очевидно относится главнымъ образомъ не къ возрасту Алки, а напротивъ къ ея увядшей нѣкоторымъ образомъ красотѣ. Авторъ, стало-быть, говоритъ, что по наступленіи этого момента Алка выбыла изъ бордели. Но такъ какъ все, что онъ затѣмъ о ней разсказываетъ, относится, какъ мы видѣли, ко времени ея пребыванія въ бордели, то слова ἤδη δὲ πρεσβυτέρα οὖσα — ἀνίσταται такая очевидная вставка, что если они написаны самимъ Исеемъ, то должны быть помѣщены между двойнымъ тире, если же это только вставка какого-нибудь читателя, находившаяся первоначально на поляхъ, то слова эти должны быть исключены изъ текста.

Рѣшить этотъ вопросъ весьма трудно. Не подлежитъ, правда, сомнѣнію, что смыслъ былъ бы несравненно болѣе хорошій, если бы этихъ словъ здѣсь не было; далѣе хорошо извѣстно, что въ

текстъ Исеевыхъ рѣчей вкрались многія вставки[1]) — но слова чисто внѣшнимъ образомъ столь прочно связаны съ предъидущими и слѣдующими затѣмъ словами, что предполагаемому нами вставщику пришлось бы приписать чрезмѣрную заботливость и осторожность при припаиваніи этой вставки. Мы находимъ, именно, здѣсь двойное противоположеніе посредствомъ μὲν-δέ: πολλὰ μὲν ἔτη καθῆστο ἐν οἰκήματι, ἤδη δὲ πρεσβυτέρα οὖσα ἀπὸ μὲν τοῦ οἰκήματος ἀνίσταται, διατωμένῃ δὲ αὐτῇ ἐν τῇ συνοικίᾳ κτλ. Болѣе всего поражаетъ насъ второе μὲν (ἀπὸ μὲν τοῦ οἰκήματος ἀνίσταται). Почему оно здѣсь употреблено?

У Исея, правда, хотя и весьма рѣдко, но всетаки встрѣчаются такія антитезы, посредствомъ μὲν-δέ напр. I 23 „τοὺς μὲν τηλικαῦτα μέλλοντας ἐκ τοῦ πράγματος κερδαίνειν, ὥσπερ ζημιωθησομένους, φυλάξασθαι τὴν διακονίαν, Κλεώνυμον δ' ὑπὲρ τῆς τούτων ὠφελείας τοσαύτην ποιήσασθαι σπουδὴν ὥστε Ποσειδίππῳ μέν, ὅτι κατημέλησεν, ὀργισθῆναι, Διοκλέους δὲ ταὐτὰ πάλιν εἰς τὴν ὑστεραίαν δεηθῆναι"; или I 33 „ἡμῖν μέν, οἷς οἰκειότατα ἐχρῆτο, οὕτως ποιεῖν ὥστε μηδὲ λόγον ὑπολείψειν, τούτοις δέ, ὧν τισιν καὶ διάφορος ἦν, σκοπεῖν ὅπως ἅπασαν βεβαιώσει τὴν οὐσίαν; καὶ τούτους μὲν νῦν περὶ πλείονος ποιεῖσθαι ταύτης ὑπαρχούσης τῆς ἔχθρας, ἡμᾶς δὲ τοσαύτης οἰκειότητος καὶ φιλίας γενομένης πειρᾶσθαι μᾶλλον κακῶς ποιεῖν".

Однако эти антитезы нельзя сравнивать съ нашей. Мы умышленно выписали эти мѣста потому такъ подробно, чтобы этимъ указать на огромную разницу между ними и нашимъ мѣстомъ. Изъ выписанныхъ нами мѣстъ, именно, явствуетъ, что Исей, если употреблялъ антитезы, то всегда строго располагалъ отдѣльныя части этихъ антитезъ; расположеніе словъ, конечно, не такъ строго, какъ нпр. у Горгія или Исократа, но всетаки антитезы у него совершенно ясны и отдѣльныя части такъ отдѣлены другъ отъ друга, что никакого сомнѣнія возникнуть не можетъ и всякій комментарій излишенъ.

У насъ совершенно другое. Первое противопоставленіе (πολλὰ

---

1) Ср. H. Buermann, Zur Textkritik des Isaios въ журналѣ Hermes, XIX 1884 стр. 349 сл.: „Dass fremdartige Zusätze aller Art in unseren Isaiostext eingeschlichen sind, ist bei einer verhältnissmässig so jungen Handschrift wie A selbstverständlich. Ich unterscheide erklärende Zusätze, Varianten und Interpolationen". Доказательства можно найти у Buermann'a. Очень легко возможно, что и наше мѣсто такой же „erklärender Zusatz", но точно доказать этого, къ сожалѣнію, нельзя.

μὲν ἔτη καθῆστο ἐν οἰκήματι и ἤδη δὲ πρεσβυτέρα οὖσα ἀπὸ τοῦ οἰκήματος ἀνίσταται, правда, совершенно ясно, но за то второе совершенно превратно. Во-первыхъ, второе μὲν не находится въ особой части, но вставлено во вторую часть первой антитезы, такъ что эта часть является одновременно и второй частью первой и первой частью второй антитезы, что весьма странно и довольно невѣроятно. Во-вторыхъ, все это противопоставленіе въ высшей степени странное. Для бо́льшей наглядности мы попробуемъ передать это предложеніе по-русски, при чемъ мы „μὲν-δὲ“ передадимъ черезъ „правда-но“, такъ какъ эти слова, на нашъ взглядъ, приблизительно соотвѣтствуютъ тому значенію, которое мы здѣсь находимъ въ греческомъ текстѣ. Итакъ здѣсь говорится слѣдующее: „Послѣ того какъ она была куплена, она пробыла правда нѣкоторое время въ бордели, но, состарѣвшись, выбыла, правда, изъ этой бордели, но покуда она тамъ жила, она была любовницей Діона“. Это такъ дико, такъ нелѣпо, что мы не можемъ себѣ представить, чтобы эти слова въ такомъ видѣ были написаны самимъ Исеемъ.

Далѣе мы еще разъ обращаемъ вниманіе на то, что повтореніе слова οἴκημα здѣсь въ высшей степени странно и неблагозвучно (καθῆστο ἐν οἰκήματι — ἀπὸ τοῦ οἰκήματος ἀνίσταται), тѣмъ болѣе, что немедленно слѣдуетъ слово συνοικία, которое, какъ мы видѣли, вполнѣ синонимно въ этой связи. Можно, далѣе, указать также на то обстоятельство, что въ этомъ предложеніи есть еще другія слова, поставленныя между двойнымъ тире (а именно Δίων ὄνομα αὐτῷ), и что поэтому довольно невѣроятно, чтобы въ этомъ безъ того уже не особенно ясномъ предложеніи были двѣ части, помѣщенныя, такъ сказать, въ скобкахъ.

Однако достаточно и этихъ доказательствъ. Мы полагаемъ, что поступаемъ не особенно радикально и насильственно, если утверждаемъ, что слова ἤδη δὲ πρεσβυτέρα οὖσα — ἀνίσταται вставлены позднѣйшимъ интерполяторомъ. Если же они противъ ожиданія всетаки написаны Исеемъ, то мы того мнѣнія, что по крайней мѣрѣ второе μὲν должно быть совершенно исключено изъ текста, а остальныя слова эти должны быть поставлены между скобками.

Вотъ наше субъективное воззрѣніе. Математически доказать правдоподобность этого воззрѣнія ни мы, ни кто-либо другой, конечно, не будетъ въ состояніи. Мы, напротивъ, даже увѣрены, что многіе по прежнему будутъ одобрять прежнее воззрѣніе. Осуждать ихъ за это мы, конечно, не въ правѣ, такъ какъ при

запутанности этого предложенія общаго согласія понятнымъ образомъ ни требовать, ни достигнуть нельзя.

Итакъ Евктемонъ купилъ Алку, но оставилъ ее пока въ бордели, гдѣ она вошла въ интимныя сношенія также съ Діономъ. Когда начались эти интимныя сношенія съ послѣднимъ, до знакомства ли съ Евктемономъ т. е., точнѣе, до того времени, когда она была имъ куплена, или позднѣе — доказать нельзя. Купля эта, очевидно, была произведена скрытно, и поэтому мыслимо, что Діонъ объ этомъ ничего не зналъ и не шутя принималъ этихъ мальчиковъ за своихъ дѣтей. Одно по крайней мѣрѣ ясно, а именно то обстоятельство, что Евктемонъ и Діонъ были ея любовниками одновременно, ибо въ противномъ случаѣ она не могла бы сначала утверждать, что это дѣти Діона, а затѣмъ утверждать то-же самое и по отношенію къ Евктемону.

По исчезновеніи Діона Евктемонъ взялъ Алку совсѣмъ къ себѣ, сдѣлавши ее управляющей домомъ въ Керамикѣ и экономкой находившагося въ этомъ домѣ трактира [1]). Сюда онъ приходилъ сначала, какъ разсказываетъ Исей, только для полученія платы за наемъ квартиръ, находящихся въ этомъ домѣ. Мало по малу онъ сталъ все дольше и дольше оставаться у нея, пока онъ наконецъ окончательно не разсорился со своей семьей и совершенно переселился къ ней. Этого то она, очевидно, только и ожидала и желала. О ея интригахъ и козняхъ мы здѣсь распространяться не будемъ, такъ какъ все это подробно изложено въ I главѣ. Что же касается причинъ, побуждающихъ ее строить такія козни, то она сама кромѣ матеріальныхъ выгодъ никакой другой пользы изъ этого извлечь не могла. Но она соблюдала въ этомъ случаѣ главнымъ образомъ не свои интересы, а интересы своихъ сыновей, которымъ она непремѣнно какимъ бы то ни было образомъ хотѣла доставить полноправное гражданство. Что она Евктемономъ была отпущена на волю явствуетъ между прочимъ изъ того, что, во-первыхъ, Діонъ не могъ признать дѣтей, рожденныхъ отъ нея, своими, еслибы она была рабыней, такъ какъ въ такомъ случаѣ ея дѣти были бы рабами ея господина [2]), а во-вторыхъ, управленіе домами обыкновенно и не

1) Объ этомъ домѣ см. ниже Гл. III § 2.

2) Въ Аѳинахъ, какъ извѣстно, дѣти раба и рабыни дѣлались также рабами того господина, которому принадлежали ихъ родители. Дѣти же свободнаго человѣка и рабыни слѣдовали сословію матери.

безъ основательныхъ причинъ поручалось вольноотпущеннымъ, а не рабамъ [1]).

Съ этимъ воззрѣніемъ, повидимому, не вяжется то, что сообщается о ней въ §§ 49 и 50: „ἡ δὲ τούτων μήτηρ, οὕτως ὁμολογουμένως οὖσα δούλη κτλ.“. Однако это больше ничего, какъ мнимое противорѣчіе, какъ было уже совершенно вѣрно замѣчено Шёманномъ (см. его комментарій стр. 345): „Δούλη autem cum contemptu dicitur, quum tamen libertina sit, sed in servitute nata, et libertate indigna. Eodem fere modo apud Lysiam Agoratus (or. XIII § 64) δοῦλος καὶ ἐκ δούλων dicitur, qui non solum liber, sed civis erat, licet iniuria, ut orator quidem videri vult. Ceterum a nonnullis δούλων appellatione etiam libertinos comprehensos esse docet Athenaeus VI 93 p. 267 b.“. То же самое мы встрѣчаемъ и у Римлянъ см. нпр. Cic. pro Sexto Roscio Amerino § 140, гдѣ о вольноотпущенникѣ Хризогонѣ говорится servi nequissimi вмѣсто liberti, а въ § 141 liberti servolique. Этотъ моментъ, стало быть, никакого значенія не имѣетъ. Столь же неважно и другое обстоятельство, также, повидимому, противорѣчащее нашему воззрѣнію. Въ этихъ же параграфахъ, именно, сообщается, что она, не имѣя ни малѣйшаго права войти въ храмъ богинь Деметры и Персефоны и принимать участіе въ праздникѣ Θесмофорій, ἐτόλμησεν συμπέμψαι τὴν πομπὴν καὶ εἰσελθεῖν εἰς τὸ ἱερὸν καὶ ἰδεῖν ἃ οὐκ ἐξὸν αὐτῇ. Извѣстно, что участвовать въ этомъ праздникѣ могли исключительно аѳинскія гражданки, и притомъ не всѣ, а только замужнія и приличныя. Объ Алкѣ же здѣсь замѣчается не только то, что она δούλη, но также, что она ἅπαντα τὸν χρόνον αἰσχρῶς βιοῦσα т. е. жила неприлично. И это обстоятельство, слѣдовательно, не говоритъ противъ того, что она была отпущена на волю. Относительно же происшествія, на которое намекаетъ ораторъ, можно только замѣтить, что фактъ этотъ дѣйствительно случился, такъ какъ Исей въ подтвержденіе ссылается на постановленіе совѣта (§ 50 ὡς δὲ ἀληθῆ

1) Ср. G. Foucart, De libertorum conditione apud Athenienses, Paris 1896 стр. 73, гдѣ мы между прочимъ читаемъ слѣдующее: „Eam enim curam servis si mandassent, quidquid illi peccassent aut aeris alieni contraxissent, id omne in dominos recidebat“. Вольноотпущенные же сами должны были отвѣчать за свои проступки, при чемъ со стороны господина имъ также угрожала опасность, на которую указываетъ и Foucart: „Liberto semper ante oculos obversabatur metuenda illa defectionis actio in qua non solum de pecunia sed de libertate agebatur.

λέγω, ἐκ τῶν ψηφισμάτων γνώσεσθε ἃ ἐψηφίσατο ἡ βουλὴ περὶ αὐτῆς); подробности, къ сожалѣнію, покрыты мракомъ неизвѣстности.

Итакъ Евктемонъ несомнѣнно отпустилъ ее на волю и этимъ изъ ея господина превратился, стало-быть, въ ея патрона (προστάτης). Какъ вольноотпущенница Алка сама, понятнымъ образомъ, гражданкой сдѣлаться не могла. Первоначально ей очевидно либо еще не пришло на умъ доставить дѣтямъ право гражданства, либо это дѣйствительно были дѣти, прижитыя въ сожитіи съ Діономъ — во всякомъ случаѣ она сначала выдавала ихъ за дѣтей послѣдняго, а какъ дѣти вольноотпущенника они, конечно, не могли пользоваться правами гражданства. Когда же Діонъ исчезъ, то Алка, побуждаемая, очевидно, Андрокломъ и Антидоромъ — которые сами, какъ мы видѣли, соблюдали не столько ея интересы сколько свои собственные — стала уговаривать Евктемона внести ея старшаго сына въ списки фратріи. Мы видѣли уже въ I главѣ, что не смотря на всѣ контръ-мины Филоктемона внесеніе мальчика въ списки фратріи Евктемона всетаки состоялось. Старшій сынъ ея, слѣдовательно, сталъ пользоваться правами гражданства какъ мнимый законный сынъ Евктемона [1]).

14. Сыновья Алки. Обращаясь теперь къ сыновьямъ Алки мы должны предварительно вкратцѣ коснуться древняго введенія (ὑπόθεσις) къ нашей рѣчи, такъ какъ тамъ говорится не о двухъ сыновьяхъ, а только объ одномъ сынѣ и одной дочери [2]). Что это вздоръ, разумѣется, было уже замѣчено Шёманномъ, который совершенно вѣрно пишетъ: „Hoc quoque manifesto falsum. Duos enim filios fuisse docet § 26 [3]); filiae nusquam mentio fit". Но какъ объяснить возникновеніе этой ошибки? Автору этой ὑπόθεσις такой чепухи, на первый взглядъ, приписывать нельзя, такъ какъ въ нашей рѣчи не только въ § 26, но и въ другихъ мѣстахъ говорится исключительно о братьяхъ (см. нпр. § 4 ἀδελφούς). Ошибку эту, поэтому, мы были бы склонны приписывать либо какому-нибудь переписчику, не разобравшему окончанія

1) Объ этомъ внесеніи старшаго сына Алки въ списки фратріи Евктемона ср. также Гл. III § 1.

2) Ср. l. c. ὑπόθεσις: „καὶ τοῦτον καὶ τὴν ἀδελφὴν αὐτοῦ νόθους γεγονέναι φάσκοντες".

3) Ср. § 26: „τὸν μὲν πρεσβύτερον τοῖν παίδοιν ἐπὶ ῥητοῖς εἰσήγαγε, τοῦ δὲ νεωτέρου ἤδη γεγονότος οὐδὲ λόγον ἐποιεῖτο ζῶντος Φιλοκτήμονος".

(ибо вмѣсто τὴν ἀδελφήν слѣдуетъ только читать τὸν ἀδελφόν и смыслъ получается отличный, такъ какъ въ нашей рѣчи главную роль играетъ старшій сынъ), либо какому-нибудь читателю или разсудительному переписчику, который изъ непосредственно слѣдующихъ за этой фразой словъ, τὸν δὲ νόμον διαγορεύειν νόθῳ καὶ νόθῃ μὴ εἶναι ἀγχιστείαν" заключилъ, что здѣсь говорится о братѣ и сестрѣ. Разсудительные переписчики, читатели и грамматики приносили въ прежнія времена такой же вредъ, какой теперь приносятъ такіе-же наборщики или неопытные составители копій съ древнихъ надписей. Но если принять въ соображеніе, что въ этой ὑποθέσις безъ того не мало превратнаго (см. ниже стр. 96 прим. 1), то авторъ этой чепухи и авторъ этой ὑπόθεσις по всей вѣроятности тожественны.

О томъ, какъ мальчики эти одною изъ этихъ сторонъ приписывались Діону и Алкѣ, а другою Евктемону и Каллиппѣ, о томъ, какія Алка и ея совѣтчики, Андроклъ и Антидоръ, строили козни, чтобы доставить этимъ мальчикамъ гражданство и спорное наслѣдство — обо всемъ этомъ мы распространяться не станемъ, такъ какъ объ этомъ все болѣе или менѣе важное сообщено уже выше. Мы видѣли тамъ между прочимъ, что мальчики эти сыновья Алки и по всей вѣроятности Діона, но второе понятнымъ образомъ весьма трудно опредѣлить. Здѣсь намъ придется остановиться на нѣкоторыхъ болѣе спеціальныхъ вопросахъ.

I. Сколько имъ было лѣтъ отъ-роду? Въ § 14 ораторъ указываетъ на то, что старшему изъ этихъ мальчиковъ въ то время, когда состоялся этотъ процессъ (т. е. въ 364 году), было „οὔπω ὑπὲρ εἴκοσιν ἔτη". Lipsius (Leipziger Studien XVI 1894 стр. 164) и переводчики понимаютъ это мѣсто въ такомъ смыслѣ, что ему тогда еще не было двадцати лѣтъ („er hatte das zwanzigste Jahr noch nicht überschritten"; n'a pas encore vingt ans"). Philippi (Beiträge z. Geschichte des attischen Bürgerrechts, Berlin 1870, стр. 92, прим. 36) и Moy (Étude sur les plaid. d' Isée, Paris 1876, стр. 208) напротивъ полагаютъ, что ему въ 364 году было какъ разъ двадцать лѣтъ. Однако Филиппи, который такъ рѣшительно пишетъ: „Zur Zeit der Verhandlung ist dieser 20 Jahre alt", самъ продолжаетъ: „Dass beide Kinder noch nicht Demoten sind, folgt abgesehen von § 64. 65 daraus, dass sie noch unter Vormundschaft stehen". Для насъ рѣшительно непонятно, какъ Филиппи могъ сопоставить эти два исключающихъ другъ-друга положенія. Филиппи совершенно правъ, если говоритъ, что опека надъ ними

еще не прекратилась. Объ этомъ свидѣтельствуютъ главнымъ образомъ §§ 36, 57 и 58, но и остальныя части рѣчи безъ этого предположенія непонятны [1]). Если же Андроклъ и Антидоръ были ихъ опекунами и опека надъ ними, стало-быть, не прекратилась, то они ни въ какомъ случаѣ не были совершеннолѣтними, ибо опека, какъ извѣстно, прекращалась съ достиженіемъ совершеннолѣтія т. е. 18 лѣтняго возраста. Это, очевидно, понималъ такъ и Филиппи, такъ какъ онъ вѣдь также говоритъ, что мальчики эти не были демотами, Аристотель (Ἀθ. πολ. гл. 42) же говоритъ, что Аѳиняне ἐγγράφονται δ' εἰς τοὺς δημότας ὀκτωκαίδεκα ἔτη γεγονότες и κἂν τις δόξῃ νεώτερος ὀκτωκαίδεκα ἐτῶν εἶναι, ζημιοῖ τοὺς δημότας τοὺς ἐγγράψαντας. И то и другое обстоятельство, стало-быть, ясно доказываютъ, что старшему изъ этихъ мальчиковъ въ 364 году еще не могло быть 18 лѣтъ отъ-роду, не говоря уже о 20 лѣтъ.

Но какъ же послѣ этого объяснить то обстоятельство, что въ § 14 говорится, что старшему въ 364 году было οὔπω ὑπὲρ εἴκοσιν ἔτη — показаніе, которое, какъ мы видѣли, всѣ ученые понимаютъ въ такомъ смыслѣ, что ему тогда было 20 лѣтъ отъ-роду? На нашъ взглядъ между этими двумя обстоятельствами нѣтъ никакого противорѣчія, мнимое противорѣчіе возникло только благодаря невниманію тѣхъ ученыхъ, которые до сихъ поръ высказались по поводу этого мѣста. Если внимательно прочесть все предложеніе, то оказывается, что оратору и въ голову не пришло точно опредѣлить возрастъ старшаго мальчика. Онъ здѣсь совсѣмъ не говоритъ объ этомъ мальчикѣ, а напротивъ о Каллиппѣ, и старается доказать, что показаніе противной партіи, будто бы Пистоксенъ, уѣзжая въ 415 году въ Сицилію, передалъ свою дочь Каллиппу Евктемону и назначилъ его ея опекуномъ и что она, находясь подъ опекой послѣдняго, родила ему этихъ сыновей, ложное, такъ какъ Каллиппа въ то время, когда родился старшій мальчикъ, не могла болѣе находиться подъ опекой послѣдняго. При этомъ случаѣ онъ долженъ былъ, конечно, коснуться и возраста этого старшаго мальчика. При такомъ косвенномъ упоминаніи — тѣмъ болѣе въ судебной рѣчи, когда ни ораторъ, ни слушатели не расположены рѣшать сложныя ариѳметическія задачи —, употребляются, конечно, круглыя числа. Такое круглое число мы должны установить и въ этомъ

1) Ср. объ этой опекѣ надъ ними также ниже Гл. III § 4 II.

параграфѣ. Экспедиція состоялась въ 415 году, мальчику въ 365 или 364 году круглымъ числомъ 20 лѣтъ отъ-роду, Каллиппѣ, стало быть, въ 385 году было круглымъ числомъ 30 лѣтъ (πλείω ἢ τριάκοντα ἔτη совершенно очевидно такое же неопредѣленное, круглое число; на слѣдующей строкѣ онъ называетъ ее τριακοντοῦτις т. е. тридцатилѣтней) — такія круглыя числа и ораторъ и слушатели могли легко вычислять въ умѣ, а ораторъ и безъ точныхъ цифръ достигъ своей цѣли, такъ какъ тридцатилѣтняя Каллиппа, конечно, не могла имѣть опекуна [1]). Если же мы такимъ образомъ нашли, что числа здѣсь не точныя, а только апроксимативныя, то и слово οὔπω ὑπὲρ εἴκοσιν ἔτη получаетъ совершенно другой смыслъ, а именно: „онъ былъ моложе 20-ти лѣтъ“. Насколько моложе — изъ однихъ этихъ словъ угадать нельзя. Но если сопоставить этотъ результатъ съ вышеупомянутымъ фактомъ, что мальчики эти еще не достигли 18 лѣтняго возраста, то и наше мѣсто не исключаетъ возможности такого толкованія.

Итакъ старшій сынъ Алки въ 364 году былъ нѣсколько моложе 18-ти лѣтъ. Сколько, однако, было лѣтъ младшему сыну? Въ § 26 мы читаемъ, что когда Евктемонъ записалъ старшаго мальчика въ списки фратріи, младшій уже родился (τὸν μὲν πρεσβύτερον τοῖν παίδοιν ἐπὶ ῥητοῖς εἰσήγαγε, τοῦ δὲ νεωτέρου ἤδη γεγονότος κτλ.). Стоитъ, поэтому, только опредѣлить время записанія старшаго мальчика въ списки фратріи Евктемона, и минимальный возрастъ младшаго мальчика будетъ извѣстенъ. Въ § 27 ораторъ разсказываетъ, что черезъ нѣкоторое время послѣ смерти Филоктемона, когда Фанострат намѣревался принять участіе въ морской экспедиціи Тимоѳея, Евктемонъ еще до отплытія судна составилъ духовное завѣщаніе, въ которомъ укрѣпилъ за старшимъ сыномъ Алки то имѣніе, которое послѣднему было даровано при внесеніи въ списки фратріи. Такъ какъ здѣсь говорится объ экспедиціи Тимоѳея, состоявшейся въ 373 году (см. выше стр. 49), то младшій сынъ родился непремѣнно нѣкоторое время до 373 года, въ 364 году ему было, стало-быть, по крайней мѣрѣ 10 лѣтъ.

II. Второй вопросъ, равнымъ образомъ не безъинтересный, слѣдующій. Schulthess [2]) утверждаетъ, что мальчики эти присут-

---

1) Ср. объ этомъ также Гл. III § 4 II.

2) См. O. Schulthess, Vormundschaft nach attischem Recht, Freiburg 1886, стр. 115 сл. L. Beauchet l. c. томъ II, стр. 219 по своему обыкно-

ствовали какъ на предварительномъ слѣдствіи, т. е. инструкціи этого процесса (ἀνάκρισις), такъ и на окончательномъ разборѣ этого дѣла въ день засѣданія суда, т. е. въ тотъ день, когда была произнесена VI рѣчь Исея. Что мальчики эти въ послѣднемъ случаѣ присутствовали на судѣ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, такъ какъ ораторъ неоднократно указываетъ на нихъ [1]). Что же касается перваго случая, то Schulthess, на нашъ взглядъ, изъ § 12 вычиталъ то, чего безъ предубѣжденія никто вычитать не можетъ. Онъ пишетъ: „dort wird erzählt, wie die Mündel von der Gegenpartei ausgefragt wurden nach dem Namen ihrer Mutter und nach ihrer Abstammung, wie sie aber keine Antwort geben konnten, auch dann nicht, als der die ἀνάκρισις leitende Archon sie zum Sprechen aufforderte".

Чтобы доказать, какъ превратно это толкованіе Schulthess'a, разберемъ сами данныя слова Исея. Ораторъ говоритъ: ὅτε γὰρ αἱ ἀνακρίσεις (т. е. предварительное слѣдствіе) ἦσαν πρὸς τῷ ἄρχοντι καὶ οὗτοι (т. е. Андроклъ и Антидоръ какъ опекуны этихъ мальчиковъ) παρακατέβαλον ὡς ὑπὲρ γνησίων τῶνδ' (т. е. этихъ мальчиковъ, присутствующихъ теперь на судѣ во время произнесенія нашей рѣчи) Εὐκτήμονος ὄντων, ἐρωτώμενοι (это можетъ относиться исключительно къ вышеупомянутымъ οὗτοι, т. е. къ опекунамъ, а никакъ не къ мальчикамъ) ὑφ' ἡμῶν τίς εἴη αὐτῶν (т. е. этихъ мальчиковъ) μήτηρ καὶ ὅτου θυγάτηρ οὐκ εἶχον (т. е. опекуны) ἀποδεῖξαι, διαμαρτυρομένων ἡμῶν καὶ τοῦ ἄρχοντος κελεύοντος ἀποκρίνασθαι κατὰ τὸν νόμον (и это, конечно, относится къ опекунамъ). Для насъ рѣшительно непонятно, какъ Schulthess могъ такъ ошибочно передать содержаніе этого предложенія. Единственное слово, указывающее на этихъ мальчиковъ (τῶνδ'), относится не къ предварительному слѣдствію, а къ настоящему окончательному разбору этого дѣла, всѣ же остальныя выраженія относятся исключительно къ опекунамъ. Такимъ образомъ изъ этого мѣста нельзя выводить заключеніе, что несовершеннолѣтніе обыкновенно при-

---

венію до того рабски зависитъ отъ Schulthess'a, что мы удовольствуемся этой простой цитатой. Оригиналъ и въ этомъ случаѣ гораздо интереснѣе копіи.

1) Schulthess l. c. стр. 116 цитируетъ только § 10 (υἱὸν εἶναι γνήσιον τοῦτον) и этимъ вызываетъ въ читателѣ предположеніе, что это единственное мѣсто, изъ котораго можно вывести такого рода заключеніе, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ наша рѣчь переполнена такими намеками на ихъ присутствіе, см. напр. непосредственно послѣ 10-го параграфа §§ 11, 12, 14, 20 и т. д., и т. д. (οἵδε, τῶνδε, τούτων, τούτους и т. п.).

сутствовали на предварительномъ слѣдствіи. А такъ какъ у Schulthess'а другого доказательства нѣтъ, то вопросъ этотъ пока еще долженъ оставаться открытымъ.

Есть, правда, одинъ моментъ, который, повидимому, даетъ намъ возможность разрѣшить этотъ вопросъ нѣсколько точнѣе. На предъидущей страницѣ (114) Schulthess говоритъ о § 8 IV рѣчи Исея (περὶ τοῦ Νικοστράτου κλήρου), гдѣ разсказывается, что нѣкій Аминіадъ для подачи жалобы явился къ архонту съ мнимымъ трехлѣтнимъ сыномъ Никострата. Подробности этого факта сами по себѣ насъ здѣсь, конечно, нисколько не интересуютъ. Но если обратить вниманіе на то, что этотъ мальчикъ присутствовалъ при подачѣ жалобы, а сыновья Алки на судѣ, то по аналогіи можно, конечно, предположить, что они съ такимъ же правомъ могли и присутствовать на предварительномъ слѣдствіи. Но если Schulthess на стр. 113 выводитъ изъ этого обстоятельства такого рода заключеніе, что „die Mündel bei der Klagestellung zum Archon oder der sonst zuständigen Behörde mitgenommen wurden, und dass sie auch bei der ἀνάκρισις und der eigentlichen Processverhandlung zugegen waren, wenn auch vielleicht ihre Anwesenheit bei der letzteren nicht durchaus notwendig war", если онъ, стало быть, полагаетъ, что только на судѣ ихъ присутствіе, быть можетъ, было не особенно необходимымъ, въ другихъ упомянутыхъ имъ случаяхъ, слѣдовательно, было обязательнымъ, то онъ, на нашъ взглядъ, сильно ошибается. О необходимости и въ первомъ и послѣднемъ случаяхъ и рѣчи быть не можетъ, а для втораго случая, какъ мы видѣли, нѣтъ даже ни одного прямого доказательства, на основаніи котораго можно было бы съ увѣренностью утверждать, что дѣти могли присутствовать на предварительномъ слѣдствіи.

Мы полагаемъ, слѣдовательно, что присутствіе дѣтей не было запрещено и практиковалось, должно быть, довольно часто, но ни въ какомъ случаѣ не требовалось ни обычаемъ, ни законами [1]).

III. Обратимся теперь къ третьему вопросу. Даже при не

---

1) Schulthess стр. 116 замѣчаетъ совершенно вѣрно: „Dass das (т. е. присутствіе дѣтей) nichts Aussergewöhnliches ist, geht daraus hervor, dass der Sprecher der Rede daran keine weitere Bemerkung knüpft, die er sonst dem Gegner gewiss nicht erspart hätte", но его заключеніе (стр. 114): „wesshalb wir berechtigt sind hierin den gewöhnlichen Brauch zu erkennen", не особенно правдоподобно.

особенно внимательномъ чтеніи этой рѣчи нельзя не замѣтить того страннаго обстоятельства, что то упоминаются оба мальчика, то только старшій изъ нихъ, то — когда говорится о мнимыхъ опекунахъ — упоминается одинъ только Андроклъ, то оба опекуна, Андроклъ и Антидоръ [1]). Чѣмъ объяснить эту странную путаницу?

Фридрихъ (Bemerkungen zu Isaios, Darmstadt 1875 стр. 17 сл.; см. также стр. 13 сл.) предлагаетъ слѣдующее толкованіе: „Ich denke mir — diese Diamartyrie so: Androkles hat als Vormund des ältesten dessen Aechtheit auf Grund jener Einführung in die Phratrie beschworen; denn diese war ja hauptsächlich beweisend, wenn sie unter normalen Verhältnissen zu Stande gekommen. Das Schriftstück, in dem das ἐπὶ ῥητοῖς und das Genauere stand, war nicht mehr da, nur die Phratoren konnten die Einführung nicht leugnen, wenn sie vielleicht auch jetzt einsahen, dass sie hintergangen waren. Antidorus hatte vielleicht den zweiten Alkesohn als γνήσιος bezeugt. Jedenfalls wäre es auffallend, wenn diese geriebenen Leute ihre Sache dadurch verdorben hätten, dass sie jene Einführung des ältesten nicht für diesen allein ausbeuteten, sondern den jüngeren, dessen Aechtheit doch schon schwerer zu beweisen war, mit hereinzogen. Der Redner freilich spricht mit Vorliebe von zweien, um den Richtern zu bedenken zu geben, mit welcher Kühnheit Androkles und Genossen behaupten, beide seien ächt, da doch anerkanntermassen nur der älteste und der nur bedingt, in die Phratrie eingeführt worden sei“ [2]).

Съ этимъ толкованіемъ Фридриха мы, однако, согласиться не можемъ. Откуда онъ заимствовалъ странное и невѣрное пред-

---

1) Авторъ упомянутой уже ὑπόθεσις (см. стр. 90 сл.) опять отличился. Онъ пишетъ: „ὄντος Ἀντιδώρου γνησίου παιδὸς Εὐκτήμονι“ т. е. полагаетъ, что Антидоръ не опекунъ, а старшій сынъ Алки! Нѣсколько ниже онъ, далѣе, замѣчаетъ, что „ἄδηλον εἰ γνήσιοί εἰσιν οἱ περὶ Ἀντίδωρον“ т. е. Антидоръ и его б р а т ь я! Если, наконецъ, еще вспомнить, что онъ въ предъидущихъ строкахъ говорилъ о сынѣ Алки и его сестрѣ (τοῦτον καὶ τὴν ἀδελφὴν αὐτοῦ), то ясно, что авторъ этой ὑπόθεσις имѣлъ такія смутныя понятія обо всемъ, что касается сыновей Алки, что тутъ и по пустому словъ тратить не стоитъ.

2) Мы потому такъ подробно и дословно выписали это мѣсто изъ статьи Фридриха, что эта программа Дармштадтской гимназіи врядъ ли найдется въ какой-нибудь библіотекѣ. Ея нѣтъ даже въ нашей университетской библіотекѣ, не смотря на то, что нашъ университетъ издавна получаетъ въ обмѣнъ заграничныя университетскія и школьныя программы. Мы пользуемся собственнымъ экземпляромъ.

ставленіе, что Андроклъ былъ опекуномъ старшаго сына, а Антидоръ младшаго, и что Антидоръ, быть можетъ, доказалъ законность происхожденія втораго сына Алки — для насъ рѣшительно непонятно. Но мы не считаемъ удобнымъ вступать въ подробный разборъ толкованія Фридриха, а немедленно перейдемъ къ изложенію собственнаго мнѣнія, при чемъ намъ, конечно, придется говорить и о гипотезахъ Фридриха.

Почему въ нѣкоторыхъ случаяхъ или точнѣе — въ большинствѣ случаевъ упоминается одинъ только Андроклъ, а въ другихъ случаяхъ Андроклъ и Антидоръ? Объ этомъ мы уже говорили на стр. 72 сл., гдѣ мы замѣтили, что Андроклъ былъ старшимъ братомъ Антидора и притомъ превосходилъ его пронырливостью. Такъ какъ онъ не только считался, но и въ самомъ дѣлѣ былъ главою заговора, то не удивительно, что Исей обыкновенно называетъ его одного. Антидоръ долженъ былъ довольствоваться весьма незавидной ролью карточнаго болвана. Фридриху, очевидно, показалось немыслимымъ, чтобы Андроклъ одновременно былъ опекуномъ и того и другого мальчика, чтобы Антидоръ равнымъ образомъ былъ опекуномъ обоихъ мальчиковъ и чтобы не смотря на то Исей обращалъ главное вниманіе на Андрокла. Мы, признаться, въ этомъ ничего немыслимаго не находимъ. Но чтобы не быть голословными приведемъ по крайней мѣрѣ одинъ аналогичный примѣръ [1]). Между тѣмъ какъ у Plut. Alcib. 1 (τοῦ δὲ Ἀλκιβιάδου Περικλῆς καὶ Ἀρίφρων οἱ Ξανθίππου — ἐπετρόπευον) и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ ясно говорится, что братья Периклъ и Арифронъ были опекунами сыновей Клинія, Алкибіада и Клинія, въ другихъ мѣстахъ (цитаты можно найти у Schulthess'a) упоминается одинъ только Периклъ напр. Περικλέα τὸν Ξανθίππου, ὃν ὁ πατὴρ ἐπίτροπον κατέλιπέ σοι καὶ τῷ ἀδελφῷ. Изъ послѣдняго мѣста, конечно, ничуть не слѣдуетъ, что Периклъ былъ единственнымъ опекуномъ сыновей Клинія, такъ какъ одинъ Периклъ называется единственно потому, что его всѣ Греки хорошо знали, между тѣмъ какъ имя Арифрона врядъ ли кому-либо было извѣстно. То-же самое мы замѣчаемъ и въ нашей рѣчи, такъ какъ и въ этомъ случаѣ Андроклъ былъ болѣе выдающимся изъ обоихъ опекуновъ.

Этотъ результатъ нашъ подтверждается, впрочемъ, и слѣдующими соображеніями. При предварительномъ слѣдствіи про-

1) Ср. основательное изложеніе этого случая у O. Schulthess'a Vormundschaft nach attischem Recht, стр. 56 сл.

тивная сторона подала діамартирію (διαμαρτυρία), т. е. посредствомъ свидѣтельскихъ показаній доказывала, что дѣло о спорномъ наслѣдствѣ совсѣмъ не подлежало суду. Эту діамартирію могли, конечно, подать либо Андроклъ и Антидоръ сообща, либо одинъ изъ нихъ и въ такомъ случаѣ, разумѣется, Андроклъ. Но чтобы и тотъ и другой каждый отдѣльно подали по діамартиріи — конечно немыслимо. Не смотря на это неоспоримое соображеніе въ нашей рѣчи то читается διεμαρτύρησεν или т. п. (т. е. Андроклъ; это единственное число встрѣчается въ большинствѣ случаевъ), то διεμαρτύρουν, διεμαρτύρησαν κτλ. И въ этомъ случаѣ, стало быть, совершенно ясно, что Исей обращается къ одному Андроклу какъ къ главѣ этого заговора, не смотря на то, что діамартирія была подана и тѣмъ и другимъ.

Второе соображеніе, какъ видно, болѣе неопровержимо; оно притомъ и само по себѣ интересно, такъ какъ оно даетъ намъ возможность разрѣшить и первый изъ вышеупомянутыхъ вопросовъ. Въ нашей рѣчи, какъ мы видѣли, упоминаются то оба мальчика, то только старшій изъ нихъ. Что всѣ догадки Фридриха не только вполнѣ напрасны, но и превратны, очевидно явствуетъ изъ § 26: „οὓς (т. е. сыновей Алки) σὺ (т. е. Андроклъ) νῦν διαρρήδην μεμαρτύρηκας γνησίους εἶναι καὶ κληρονόμους τῶν Εὐκτήμονος. Ταῦτα τοίνυν ὡς ἀληθῆ λέγω, ἀναγίγνωσκε τὰς μαρτυρίας“ [1]). Не менѣе ясно и то, что говорится въ § 59 „διαρρήδην μαρτυρήσας γνησίους τοὺς παῖδας εἶναι“, § 17 „οἵτινες οὓς γνησίους διεμαρτύρησαν εἶναι καὶ κληρονόμους κτλ.“, § 43 „διεμαρτύρουν ὡς ὑπὲρ γνησίων“ и т. п. Какъ можно послѣ этого утверждать, что это только обычная ораторская уловка? Неужели ораторъ въ такомъ случаѣ употребилъ бы слово διαρρήδην и произнесъ бы съ такою непоколебимою увѣренностью слова „ταῦτα ὡς ἀληθῆ λέγω, ἀναγίγνωσκε τὰς μαρτυρίας“. Въ діамартиріи были, стало-быть, упомянуты оба сына Алки. Но чѣмъ объяснить то странное обстоятельство, что иногда упоминается одинъ только старшій сынъ, какъ напр. § 10 προσδιεμεμαρτύρηκεν υἱὸν εἶναι γνήσιον Εὐκτήμονος τοῦτον, § 46 μεμαρτύρηκε δ' Εὐκτήμονος υἱὸν εἶναι γνήσιον, § 51 πότερον δεῖ τὸν ἐκ ταύτης τῶν Φιλοκτήμονος εἶναι κληρονόμον и т. п.?

Старшій сынъ Алки, какъ мы видѣли, былъ самимъ Евктемономъ внесенъ въ списки фратріи не смотря на всѣ попытки

---

1) Оба мальчика упоминаются въ §§ 4, 11—14, 17, 20, 21, 25, 26, 30, 36, 43—45, 49, 56—59, 64, 65, старшій же сынъ одинъ въ §§ 10, 23—25, 27, 46, 51.

Филоктемона предотвратить этотъ крайне нежелательный фактъ. Относительно же младшаго сына мы читаемъ въ § 26 слѣдующее: „διὰ τί τὸν μὲν πρεσβύτερον τοῖν παίδοιν ἐπὶ ῥητοῖς εἰσήγαγε, τοῦ δὲ νεωτέρου ἤδη γεγονότος οὐδὲ λόγον ἐποιεῖτο ζῶντος Φιλοκτήμονος οὔτε πρὸς αὐτὸν ἐκεῖνον οὔτε πρὸς τοὺς οἰκείους“. Изъ этихъ словъ мы, къ сожалѣнію, не особенно много узнаемъ. Что младшій сынъ при жизни Филоктемона не былъ внесенъ въ списки фратріи, послѣ этихъ словъ, конечно, не можетъ подлежать сомнѣнію. Однако отъ установленія одного этого факта мы особенно большой пользы не имѣемъ, такъ какъ ни самый фактъ, ни непосредственно проистекающіе изъ него проблемы не могутъ считаться удобопонятными. Почему, спрашивается, Евктемонъ ввелъ только старшаго сына Алки? Потому, что онъ боялся сопротивленія со стороны Филоктемона? Но если тотъ, чтобы спастись отъ грозящихъ ему бо́льшихъ бѣдствій, оффиціально согласился признать старшаго мальчика законнымъ сыномъ Евктемона, то младшій мальчикъ подавно долженъ былъ считаться таковымъ. Какую роль въ этомъ случаѣ могла играть смерть Филоктемона — непонятно. Что случилось, далѣе, послѣ смерти Филоктемона? Былъ ли этотъ мальчикъ тогда внесенъ въ списки фратріи, и если да, то кѣмъ именно и когда? Въ діамартиріи, какъ мы видѣли, оба мальчика выдавались за законнорожденныхъ сыновей Евктемона. Въ § 44, далѣе, разсказывается, что Андроклъ и Антидоръ πρὸς μὲν τὸν ἄρχοντα ἀπέγραψαν αὐτοὺς ὡς ὄντας τὸν μὲν Ἡγήμονος τὸν δὲ Ἐργαμένους, т. е. они явились къ архонту и записали этихъ мальчиковъ какъ дѣтей, усыновленныхъ братьями Филоктемона, Гегемономъ и Ергаменомъ. А такъ какъ хорошо извѣстно, что усыновить можно было только законнорожденнаго гражданина [1]), то младшій сынъ Алки въ то время несомнѣнно также былъ внесенъ въ списки фратріи Евктемона.

Кто его внесъ, самъ ли Евктемонъ или послѣ его смерти Андроклъ и Антидоръ, точно опредѣлить, конечно, нельзя, такъ какъ объ этомъ ни слова не говорится. Предположеніе Фридриха, что одинъ Антидоръ совершилъ это, намъ кажется весьма невѣроятнымъ. Если это сдѣлали мнимые опекуны, то во всякомъ случаѣ сообща, а никакъ не отдѣльно. Мы лично скорѣе распо-

1) Ср. VII рѣчь Исея (περὶ τοῦ Ἀπολλοδώρου κλήρου) § 16: „ἔστι δ' αὐτοῖς νόμος ὁ αὐτός, ἐάν τέ τινα φύσει γεγονότα εἰσάγῃ τις ἐάν τε ποιητόν, ἐπιτιθέναι πίστιν κατὰ τῶν ἱερῶν ἢ μὴν ἐξ ἀστῆς εἰσάγειν καὶ γεγονότα ὀρθῶς καὶ τὸν ὑπάρχοντα φύσει καὶ τὸν ποιητόν“.

ложены думать, что мальчикъ этотъ былъ внесенъ еще при жизни Евктемона либо самимъ Евктемономъ, либо по его старости однимъ изъ этихъ просто образцовыхъ родственниковъ-опекуновъ. Въ пользу нашего предположенія, быть-можетъ, говоритъ и § 26, въ которомъ, какъ мы видѣли, читается довольно странная замѣтка: „τοῦ δὲ νεωτέρου ἤδη γεγονότος οὐδὲ λόγον ἐποιεῖτο ζῶντος Φιλοκτήμονος οὔτε πρὸς αὐτὸν ἐκεῖνον οὔτε πρὸς τοὺς οἰκείους. Почему тутъ такъ знаменательно указывается на то, что Евктемонъ ни слова не упомянулъ объ этомъ мальчикѣ покуда Филоктемонъ былъ живъ? Еслибы тутъ было сказано, что мальчикъ этотъ родился еще при жизни Филоктемона, то мѣсто это не содержало бы ничего поразительнаго. Но такъ какъ слова ζῶντος Φιλοκτήμονος можно относить исключительно къ λόγον ἐποιεῖτο, то смерть Филоктемона должна была имѣть какое-то важное значеніе. Единственно мыслимое значеніе то, что Евктемонъ немедленно послѣ смерти Филоктемона ввелъ и этого мальчика, такъ какъ онъ дальнѣйшаго сопротивленія со стороны своихъ ближайшихъ родственниковъ не опасался. Еслибы же упомянутыя слова этого значенія не имѣли, то вмѣсто ζῶντος Φιλοκτήμονος было бы просто сказано, что Евктемонъ никому „никогда (οὐδέποτε)“ не сообщилъ ни слова объ этомъ мальчикѣ. Мы, правда, нисколько не отрицаемъ, что здѣсь говорится только о „λόγον ἐποιεῖτο“, а не о внесеніи. Но такъ какъ уже само по себѣ весьма вѣроятно, что самъ Евктемонъ внесъ его — тѣмъ болѣе, что послѣ смерти Евктемона было слишкомъ мало времени для этого и само внесеніе тогда по всей вѣроятности было бы сопряжено съ различными трудностями — и такъ какъ выписанныя нами слова противополагаются внесенію старшаго сына (τὸν πρεσβύτερον — εἰσήγαγε), такъ что слова λόγον ἐποιεῖτο, быть можетъ, по смыслу равняются предъидущему εἰσήγαγε, то мы не думаемъ, чтобы наше предположеніе можно было назвать слишкомъ рискованнымъ.

Итакъ мы того мнѣнія, что оба мальчика были внесены въ списки фратріи Евктемона, и внесены имъ самимъ, старшій при жизни Филоктемона, а младшій по смерти послѣдняго. Впрочемъ, если это такъ, то почему же ораторъ называетъ обыкновенно только старшаго сына? Положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, конечно, дать нельзя, но мы лично того мнѣнія, что отдѣльное упоминаніе какъ Андрокла такъ и старшаго сына Алки не только можно, но и нужно объяснять вполнѣ аналогичнымъ образомъ. Андроклъ, какъ мы видѣли, выдвигался на

первый планъ потому, что былъ главою заговора. Старшій же сынъ Алки играетъ въ нашей рѣчи такую важную роль по всей вѣроятности потому, что онъ одинъ былъ внесенъ, такъ сказать, оффиціально съ согласія Филоктемона, какъ представителя ближайшихъ родственниковъ Евктемона, хотя это согласіе, впрочемъ, было вынуждено у Филоктемона весьма гадкой уловкой.

Итакъ наше мнѣніе вкратцѣ слѣдующее: Оба мальчика были Евктемономъ внесены въ списки фратріи, старшій при жизни Филоктемона, младшій послѣ его смерти. Съ другой стороны и Андроклъ и Антидоръ оба сообща были либо мнимыми, либо дѣйствительными опекунами этихъ мальчиковъ. Если же въ нашей рѣчи на первый планъ выдвигается изъ опекуновъ Андроклъ, а изъ мальчиковъ старшій, то это объясняется совершенно просто тѣмъ обстоятельствомъ, что Андроклъ былъ не только главою заговора, но и болѣе пронырливымъ и опаснымъ противникомъ. Что же касается старшаго мальчика, то его внесеніе, повидимому, одно имѣло вполнѣ оффиціальный характеръ. Это выдѣленіе, такимъ образомъ, больше ничего, какъ реторическій пріемъ нашего оратора, не основанный ни на какихъ-либо вѣскихъ, фактическихъ данныхъ. Изъ выдѣленія одного мальчика и одного опекуна выводить какія нибудь другія заключенія на нашъ взглядъ невозможно.

15. Συνήγορος Хэрестрата. Теперь остается еще сказать нѣсколько словъ объ адвокатѣ (συνήγορος), который произнесъ нашу рѣчь вмѣсто самого Хэрестрата. Такъ какъ мы уже имѣли случай говорить объ этомъ адвокатѣ (см. нпр. стр. 40 и прим. 1), то мы можемъ здѣсь удовольствоваться краткимъ повтореніемъ того, что уже выше было нами подробно изложено. Объ этомъ адвокатѣ говорится только въ вступленіи (§§ 1 и 2), гдѣ сообщается, что онъ былъ лучшимъ другомъ какъ Фанострата, такъ и Хэрестрата, и что это обстоятельство по всей вѣроятности большинству изъ присутствующихъ хорошо было извѣстно, изъ чего мы, какъ уже извѣстно, заключили, что адвокатъ, очевидно, пользовался такою же извѣстностью, какъ и вышеупомянутые зажиточные люди. Далѣе сообщается, что дружба между нимъ и этими людьми была до того велика, что онъ не смотря на то, что уже до этого принималъ участіе въ какой-то кампаніи, уговоренный этими людьми принялъ участіе и въ упомянутой въ § 1 кампаніи (см. стр. 55 сл.), при чемъ

имѣлъ несчастіе попасть въ плѣнъ вмѣстѣ съ Хэрестратомъ. Другихъ свѣдѣній объ адвокатѣ, произнесшемъ шестую рѣчь Исея, мы не имѣемъ.

Вотъ все, что намъ извѣстно о личностяхъ, о которыхъ говорится въ шестой рѣчи Исея. Перейдемъ теперь къ подробному разбору всѣхъ трудныхъ и запутанныхъ вопросовъ, заключающихся въ этой рѣчи.

ГЛАВА III.

Изслѣдованія въ области аттическаго гражданскаго права.

§ 1.

Внесеніе старшаго сына Алки въ списки фратріи Евктемона (мнимая легитимація).

Въ предъидущей главѣ мы постарались доказать, что не только старшій, но и младшій сынъ Алки были Евктемономъ внесены въ списки фратріи. Но такъ какъ это внесеніе младшаго сына опредѣлено нами только по догадкѣ — хотя и весьма правдоподобной — и такъ какъ оно въ нашей рѣчи почти никакой роли не играетъ, то мы здѣсь будемъ говорить исключительно о старшемъ сынѣ. Внесеніе младшаго сына насъ здѣсь нисколько не интересуетъ уже потому, что разъ Евктемону удалось внести одного мальчика, то внесеніе другого могло считаться простой формальностью.

Мальчикъ, о внесеніи котораго говорится въ шестой рѣчи Исея, былъ, какъ мы видѣли, сыномъ вольноотпущенника Діона и вольноотпущенницы Алки. Фактъ этотъ, правда, сообщается нашимъ ораторомъ т. е. противникомъ Алки, но тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію. Если же это такъ, то спрашивается, какимъ же образомъ Евктемонъ могъ внести такого мальчика въ списки своей фратріи? Чтобы найти вѣрное рѣшеніе этого чрезвычайно труднаго и запутаннаго вопроса, мы сначала исключимъ все то, что совершенно очевидно должно считаться невозможнымъ и немыслимымъ.

Во-первыхъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что Евктемонъ его ни въ какомъ случаѣ не могъ внести какъ сына

Діона и Алки. Какъ сынъ вольноотпущенника и вольноотпущенницы онъ принадлежалъ къ классу метойковъ, по аѳинскимъ же законамъ въ списки фратрій вносились исключительно законнорожденныя дѣти гражданъ, см. Isae. or. VII 16: ἔστι δ' αὐτοῖς νόμος — ἐπιτιθέναι πίστιν κατὰ τῶν ἱερῶν ἢ μὴν ἐξ ἀστῆς εἰσάγειν καὶ γεγονότα ὀρθῶς. Isae. or. VIII 19: ὀμόσας κατὰ τοὺς νόμους τοὺς κειμένους ἢ μὴν ἐξ ἀστῆς καὶ ἐγγυητῆς γυναικὸς εἰσάγειν. Andocid. περὶ τῶν μυστηρίων 127: λαβόμενος τοῦ βωμοῦ ὤμοσεν ἢ μὴν τὸν παῖδα ἑαυτοῦ εἶναι γνήσιον. Demosth. or. 57 πρὸς Εὐβουλίδην § 54: ὁ πατὴρ — ὀμόσας τὸν νόμιμον τοῖς φράτερσιν ὅρκον εἰσήγαγέ με, ἀστὸν ἐξ ἀστῆς ἐγγυητῆς αὑτῷ γεγενημένον. Ps.-Demosth. or. 59 κατὰ Νεαίρας § 60: εἶναι αὐτοῦ υἱὸν ἐξ ἀστῆς γυναικὸς καὶ ἐγγυητῆς κατὰ τὸν νόμον. Въ постановленіяхъ фратріи Демотіонидовъ (C. I. A. II n. 841 b. и IV 2 n. 841 b = Ditt. Syll.[2] n. 439, Michel Recueil n. 961) также читается: ὅρκος μαρτύρων ἐπὶ τῇ εἰσαγωγῇ τῶν παίδων. μαρτυρῶ ὃν εἰσάγει ἑαυτῷ υἱὸν εἶναι τοῦτον γνήσιον ἐκ γαμετῆς (строки 107 сл.). Объ этомъ, стало-быть, и рѣчи быть не можетъ.

На основаніи этихъ же выписанныхъ нами мѣстъ точно также невозможно, чтобы Евктемонъ при внесеніи мальчика выдавалъ его за своего собственнаго сына, прижитаго въ бракѣ съ Алкой. Алка, какъ мы видѣли, не была гражданкой (ἀστή) и поэтому, слѣдовательно, не могла быть супругой γυνὴ ἐγγυητή Евктемона, такъ какъ по аѳинскимъ законамъ въ законный бракъ могли вступать только аѳинскій гражданинъ съ гражданкой либо аѳинской, либо такого города, которому была дарована эпигамія. Это явствуетъ, впрочемъ, и изъ другого вполнѣ аналогичнаго случая. Въ рѣчи Ps.-Demosth. κατὰ Νεαίρας (or. 59) § 118 ораторъ опровергаетъ мыслимыя возраженія противниковъ. Они можетъ быть скажутъ, говоритъ онъ, что Неэра гражданка и его законная супруга. Но вѣдь свидѣтельскими показаніями подтверждено, что она была рабыней Никареты и гетерой. Но, продолжаетъ онъ, они быть можетъ совсѣмъ не назовутъ ее его женой, а скажутъ, что она была просто его наложницей. Однако и это невозможно, ибо дѣти ея внесены въ списки фратріи, а дочь вышла за-мужъ за аѳинскаго гражданина, изъ чего ясно слѣдуетъ, что она считалась его законной женой[1]). Ораторъ,

1) „Θαυμάζω δ' ἔγωγε τί ποτε καὶ ἐροῦσι πρὸς ὑμᾶς ἐν τῇ ἀπολογίᾳ. πότερον ὡς ἀστή ἐστι Νέαιρα αὐτηί καὶ κατὰ τοὺς νόμους συνοικεῖ αὐτῷ; ἀλλὰ μεμαρτύρηται ἑταίρα οὖσα καὶ δούλη Νικαρέτης γεγενημένη. ἀλλ' οὐ γυναῖκα εἶναι

стало быть, указываетъ на то, что она какъ прежняя рабыня и какъ гетера не могла сдѣлаться законной женой аѳинскаго гражданина, и не можетъ, слѣдовательно, имѣть законнорожденныхъ дѣтей, и что, поэтому, ея дѣти должны быть исключены изъ списковъ и лишены правъ гражданства, она сама снова обращена въ рабство, а Стефанъ подвергнутъ денежной пенѣ. См. тамъ-же § 17: τοῦ νόμου — ὃς οὐκ ἐᾷ τὴν ξένην τῷ ἀστῷ συνοικεῖν — οὐδὲ παιδοποιεῖσθαι. Алка, поэтому, не могла считаться его законной женой, а дѣти ея не могли считаться законнорожденными [1]). И эта вторая возможность, стало быть, немыслима.

Но можетъ быть Евктемонъ выдавалъ ее не за супругу, а за наложницу? И эта возможность немыслима. Еслибы онъ этого мальчика выдавалъ за сына своей наложницы, то мальчикъ этотъ не могъ считаться законнорожденнымъ, такъ какъ по аѳинскимъ законамъ законнорожденными считались исключительно тѣ дѣти, которыя происходили отъ законнаго брака аѳинскаго гражданина съ аѳинской гражданкой или уроженкой такого города, которому была дарована эпигамія. Мальчикъ этотъ, поэтому, въ этомъ случаѣ считался бы незаконнорожденнымъ (νόθος) и Евктемонъ, слѣдовательно, не могъ бы внести его въ списки своей фратріи.

Однако многіе ученые отрицаютъ послѣднее обстоятельство [2]). Они полагаютъ, что въ Аѳинахъ равно какъ и въ Римѣ было возможно улучшать положеніе незаконнорожденныхъ дѣтей по-

---

αὐτοῦ, ἀλλὰ παλλακὴν ἔχειν ἔνδον; ἀλλ᾽ οἱ παῖδες ταύτης ὄντες καὶ εἰσγγμένοι εἰς τοὺς φράτερας ὑπὸ Στεφάνου, καὶ ἡ θυγάτηρ ἀνδρὶ Ἀθηναίῳ ἐκδοθεῖσα, περιφανῶς αὐτὴν ἀποφαίνουσι γυναῖκα ἔχοντα".

1) O. Müller Fl. Jahrb. Suppl. 25 (1899) стр. 716 полагаетъ, что еслибы Алка была гражданкой, то Евктемонъ, вмѣсто того чтобы обручиться съ сестрой Демократа, обручился бы съ Алкой. Намъ, по правдѣ сказать, это воззрѣніе кажется чрезвычайно страннымъ. Еслибы она была просто вольноотпущенницей или иностранкой (ξένη), то это противопоставленіе гражданки и не-гражданки могло бы считаться правдоподобнымъ. Здѣсь же положеніе дѣла совершенно иное. Алка была прежде гетерой и занималась этимъ ремесломъ не частнымъ и тайнымъ образомъ, а публично въ домѣ терпимости и пользовалась нѣкоторою извѣстностью (§ 19: ἣν καὶ ὑμῶν οἶμαι πολλοὺς εἰδέναι). При такихъ обстоятельствахъ мы не думаемъ, чтобы Евктемонъ, человѣкъ знатный и зажиточный, женился на ней, даже еслибы она была гражданкой.

2) См. Gans, Erbrecht стр. 318 сл. Schoemann, Isaei orat. стр. 336. Schoemann-Lipsius, Gr. Alt. I⁴ стр. 377. Meier-Schoemann-Lipsius, Att. Process. стр. 529 сл. van den Es, De jure familiarum apud

средствомъ узаконенія (legitimatio). Какъ видно изъ цитированной нами литературы вопросъ этотъ принадлежитъ къ числу самыхъ спорныхъ и поэтому и намъ придется остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе.

Оставимъ сначала въ сторонѣ доводы, приведенные вышеупомянутыми учеными и ознакомимся предварительно съ актомъ узаконенія незаконнорожденныхъ дѣтей какъ въ римскомъ правѣ, такъ и въ важнѣйшихъ и интереснѣйшихъ для насъ правахъ русскомъ, остзейскомъ и нѣмецкомъ. Начнемъ съ современныхъ правъ.

Разница между усыновленіемъ и узаконеніемъ, какъ мы видѣли (см. стр. 34 прим. 1), состоитъ въ томъ, что усыновляются только чужія дѣти (законныя или незаконныя), узаконяются же исключительно собственныя незаконнорожденныя дѣти. Въ нашемъ русскомъ правѣ, которое всѣмъ читателямъ, конечно, хорошо извѣстно, есть два способа узаконенія: черезъ послѣдующій бракъ и по Высочайшему указу. Узаконенныя дѣти считаются законными и пользуются всѣми правами таковыхъ. Разница между обоими способами узаконенія состоитъ въ томъ, что въ первомъ случаѣ узаконеніе обратной силы не имѣетъ и что поэтому таковыя дѣти считаются законными лишь со дня сочетанія бракомъ ихъ родителей, между тѣмъ какъ во второмъ случаѣ узаконеніе можетъ имѣть обратную силу, если въ Высочайшемъ указѣ законность будетъ отнесена не къ фиктивному, а къ настоящему моменту рожденія даннаго ребенка. То-же самое мы встрѣчаемъ и въ Остзейскомъ правѣ, см. томъ III ст. 173, 174 и 1873. Въ современномъ нѣмецкомъ правѣ (см. Bürgerliches Gesetzbuch für das deutsche Reich, ст. 1719—1740) также эти два спо-

---

Athenienses, стр. 77 сл. R. Zimmermann, De nothorum Athenis condicione, Diss. Berlin 1886, стр. 9 сл. Hermann-Thalheim, Rechtsalt. стр. 8. Hermann-Thumser, Staatsalt. I 2 стр. 328 и 449. Busolt, Alt.[2] стр. 202. Busolt, Gr. Gesch. III 1 стр. 338. Латышевъ, Греч. древн. I[3] стр. 207 и 209. Szanto, Wochenschrift für klass. Philol. 1900 стр. 566 сл.

Ср. напротивъ: E. Platner, Beiträge z. Kenntniss des att. Rechts, Marburg 1820, стр. 119 сл. A. Philippi, Beiträge z. Gesch. d. att. Bürgerrechts Berlin 1870, стр. 82 сл. Friedrich, Bemerkungen zu Isaios, Darmstadt 1875, стр. 14. H. Buermann, Fleck. Jahrb. Suppl. IX 1878, стр. 619 сл. E. Caillemer, Le droit de succession légitime à Athènes, Paris 1879, стр. 27 сл. Gilbert, Staatsalt. I[2] стр. 211. L. Beauchet, l. c. I 525 сл. и 534 сл. H. F. Hitzig, Zeitschrift für Rechtsgeschichte XVIII 1897, стр. 159. O. Müller, Fleck. Jahrb. Suppl. 25 (1899) 711—719.

соба узаконенія: Legitimation durch nachfolgende Ehe (ст. 1719—1722) и Ehelichkeitserklärung (durch eine Verfügung der Staatsgewalt; ст. 1723—1740). Главная разница между этими двумя способами состоитъ между прочимъ въ томъ, что 1) во второмъ случаѣ обязательно требуется согласіе либо самого узаконяемаго, либо его матери или опекуна (если узаконяемый моложе 21 года), между тѣмъ какъ въ первомъ случаѣ согласіе ребенка не обязательно, 2) въ томъ, что во второмъ случаѣ узаконенный — который, какъ и въ первомъ случаѣ, считается законнымъ сыномъ узаконяющаго — не вступаетъ въ свойство съ родственниками отца; въ свойство съ послѣдними вступаютъ только потомки узаконеннаго; 3) въ первомъ случаѣ, какъ и въ русскомъ правѣ, узаконеніе обратной силы не имѣетъ (см. G. Planck, Bürgerl. Gesetzbuch, Lief. 11, viertes Buch, Berlin 1900 стр. 375 прим. III къ ст. 1719).

Обратимся теперь къ римскому праву, у котораго, какъ мы увидимъ, съ незначительными лишь измѣненіями заимствованы современныя постановленія.

Въ римскомъ правѣ было три законныхъ способа узаконенія: 1) legitimatio per subsequens matrimonium, 2) leg. per rescriptum principis, 3) leg. per oblationem curiae [1]). Первый способъ (per subsequens matrimonium) состоялъ въ послѣдующемъ вступленіи въ бракъ родителей узаконяемаго [2]). Второй способъ (per rescriptum principis, т. е. по указу императора) допускался тогда, когда бракъ между родителями по какой-либо причинѣ былъ или сталъ невозможнымъ и когда у просителя не было законныхъ дѣтей; прошеніе подавалось отцомъ или, въ случаѣ его смерти и если онъ въ духовномъ завѣщаніи выразилъ свое желаніе узаконить своихъ дѣтей, означенными дѣтьми [3]). Третій случай (per oblationem curiae), котораго нѣтъ въ современныхъ правахъ, состоялъ

---

1) О мнимомъ четвертомъ способѣ узаконенія (legitimatio per nuncupationem см. Windscheid, Lehrbuch der Pandekten III[8], Frankfurt a. M. 1901 стр. 89, прим. 7.

2) Кромѣ извѣстныхъ руководствъ ср. также слѣдующія монографіи: H. Wolf, Die legitimatio per subsq. matrimonium, Braunschweig 1881. R. Hinrichsen, Die Legit. durch nachfolgende Ehe, Göttingen 1894. P. Vogels, Zur gemeinrechtlichen Lehre von der Legit. durch nachfolgende Ehe, Erlangen 1897. F. Kückhoven, Die römisch-rechtlichen Grundsätze der legit. per subsq. matrimonium, Erlangen 1898.

3) Такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ къ прошенію прилагалось духовное завѣщаніе, то этотъ способъ узаконенія иногда называется legitimatio

въ томъ, что узаконяющій „предлагалъ", „подносилъ" своихъ незаконнорожденныхъ дѣтей куріи того города, въ которомъ родился ребенокъ, т. е. вносилъ незаконнорожденнаго сына въ списки декуріоновъ (ordo decurionum), а незаконнорожденную дочь выдавалъ замужъ за декуріона. Этотъ третій способъ введенъ съ чисто фискальными цѣлями. Положеніе декуріоновъ въ позднѣйшихъ римскихъ городскихъ общинахъ было весьма жалкое. Начиная съ III стол. послѣ Рожд. Хр. муниципальные сенаты (ordo decurionum, decuriones) превратились въ учрежденія для взысканія податей; а такъ какъ недоимки взыскивались съ декуріоновъ, которые со своимъ имуществомъ ручались за представленіе въ срокъ податныхъ окладовъ, то неудивительно, что декуріоны всячески старались уклоняться отъ тяготы этой повинности. Одинъ изъ способовъ поощренія къ занятію муниципальныхъ должностей состоялъ именно въ этой legitimatio per oblationem curiae.

Остается еще прибавить нѣсколько словъ объ условіяхъ и послѣдствіяхъ этихъ трехъ способовъ узаконенія.

Условія были слѣдующія: a) первый и второй способы узаконенія допускались исключительно для дѣтей, прижитыхъ въ конкубинатѣ (т. н. liberi naturales); всѣ остальныя незаконнорожденныя дѣти, будь они spurii, adulterini или incestuosi, не могли быть узаконены. Посредствомъ третьяго же способа [1]) могло быть узаконено любое незаконнорожденное дитя. b) При всѣхъ трехъ способахъ узаконенія обязательно согласіе узаконяемаго, въ особенности въ первыхъ двухъ случаяхъ, такъ какъ дѣти конкубины съ момента рожденія считались лицами своевластными (sui iuris). c) При первомъ способѣ (per subs. matrimonium) требуется, чтобы 1) узаконяющій не имѣлъ ни законной супруги, ни другой конкубины и 2) чтобы бракъ между узаконяющимъ и его конкубиной былъ возможенъ (matrimonium legibus non interdictum), т. е. чтобы въ бракъ не обращались ни кровосмѣсительныя, ни прелюбодѣйныя связи.

Что же касается послѣдствій узаконенія, то они были слѣдующія: a) въ первыхъ двухъ случаяхъ узаконенныя дѣти считаются законнорожденными и пользуются всѣми правами таковыхъ

---

per testamentum. Однако это названіе неточно, такъ какъ въ этомъ случаѣ нельзя говорить о пріобрѣтеніи отцовской власти, а напротивъ о способѣ пріобрѣтенія наслѣдства. О второмъ способѣ ср. также A. Bigeon, De la légitimation par acte du souverain (Thèse), Paris 1897.

1) См. Windscheid, l. c. III стр. 87, § 522, прим. 1.

(nihil a legitimis differentes), они считаются поэтому также родственниками узаконившаго ихъ. Въ третьемъ же случаѣ узаконенные не считались родственниками отцовскихъ родственниковъ, b) узаконяющій пріобрѣтаетъ отцовскую власть надъ узаконенными, c) узаконеніе не имѣетъ обратной силы, т. е. усыновленный считается законнымъ ребенкомъ и родственникомъ отцовскихъ родственниковъ только со дня узаконенія и поэтому нпр. не имѣетъ права на наслѣдство, открывшееся въ семействѣ узаконяющаго до момента узаконенія.

Вотъ важнѣйшія свѣдѣнія объ узаконеніи по римскому праву. Однако прежде чѣмъ приступить къ разбору вопроса, было ли въ Аѳинахъ также возможно узаконеніе незаконнорожденныхъ дѣтей, мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе читателей на два весьма важныхъ момента. Если исключить третій способъ узаконенія, который, какъ мы видѣли, возникъ въ позднѣйшія времена (онъ введенъ императоромъ Ѳеодосіемъ II въ V стол. послѣ Р. Хр.) по совершенно исключительнымъ причинамъ, то узаконять можно было только дѣтей конкубинъ (liberi naturales). Конкубинатъ, какъ извѣстно, былъ учрежденъ императоромъ Августомъ [1]) и представлялъ вполнѣ законную форму сожитія съ такими женщинами, съ которыми по какимъ либо причинамъ соціальнаго или нравственнаго характера нельзя было вступать въ законный бракъ. Но не смотря на законность этого сожитія дѣти, прижитыя въ конкубинатѣ, по прежнему считались незаконнорожденными и ни въ чемъ не отличались отъ остальныхъ незаконныхъ дѣтей. Положеніе ихъ измѣнилось только впослѣдствіи, когда христіанская вѣра сдѣлалась господствующею. Христіанскіе императоры, начиная съ перваго христіанскаго императора Константина, не скрывали своего отвращенія къ конкубинату, идущему въ разрѣзъ съ основными ученіями христіанской вѣры и поэтому стремились къ уничтоженію его. Между прочимъ императорами Константиномъ, Зенономъ и Юстиніаномъ былъ изданъ рядъ законовъ объ узаконеніи дѣтей, прижитыхъ въ конкубинатѣ, при чемъ со времени Константина могли быть узаконены только дѣти, родившіяся до изданія сего закона, между тѣмъ какъ со временъ Юстиніана было совершенно безразлично,

1) См. P. Meyer, Der römische Konkubinat, Diss. Berlin 1895 стр. 24 сл. (гл. II § 7). Эта диссертація, впрочемъ, составляетъ только $^1/_6$ часть монографіи, появившейся въ томъ-же году и подъ тѣмъ-же заглавіемъ у Тейбнера въ Лейпцигѣ, но этой книги въ Юрьевѣ, къ сожалѣнію, нѣтъ.

родились ли означенныя дѣти до или послѣ изданія этого закона. Упомянутые два момента, стало-быть, слѣдующіе: законный конкубинатъ учрежденъ только въ I стол. послѣ Р. Хр., а узаконеніе дѣтей, прижитыхъ отъ конкубината, сдѣлалось возможнымъ не раньше IV стол. послѣ Р. Хр., да и то только благодаря христіанской вѣрѣ. Узаконеніе, поэтому, чисто христіанское учрежденіе, вызванное чувствомъ жалости къ судьбѣ невинныхъ дѣтей.

Мыслимо ли послѣ этого узаконеніе въ древнемъ греческомъ правѣ? Мы и теперь еще оставляемъ въ сторонѣ доводы вышеупомянутыхъ ученыхъ и спрашиваемъ только теоретически, мыслимо ли само по себѣ узаконеніе въ Греціи въ IV вѣкѣ до Р. Хр.? На этотъ вопросъ, на нашъ взглядъ, нельзя не отвѣтить отрицательно. Въ Греціи не было тѣхъ условій, которыя повлекли за собою учрежденіе какъ законнаго конкубината, такъ и узаконенія, въ Греціи, поэтому, и не было ни того, ни другого, не было далѣе, какъ извѣстно, никакого названія для узаконенія, не было и никакихъ слѣдовъ ни въ литературныхъ, ни въ эпиграфическихъ памятникахъ, ни въ т. н. гортинскомъ правѣ. Косвеннымъ доказательствомъ можетъ, далѣе, послужить то обстоятельство, что ни римскимъ авторамъ, ни римскому доконстантиновскому праву не извѣстенъ институтъ узаконенія. Изъ всего этого уже a priori явствуетъ, что въ греческомъ правѣ объ узаконеніи и рѣчи быть не можетъ. Мы просто не понимаемъ, какимъ это образомъ упомянутые, отчасти даже выдающіеся ученые могли переносить это чрезвычайно позднее и притомъ христіанское учрежденіе на греческую территорію и на IV вѣкъ до Р. Хр., тѣмъ болѣе что нѣтъ никакихъ хоть мало-мальски удовлетворительныхъ поводовъ къ этому, не говоря уже о точныхъ доказательствахъ. Да, наконецъ, какой же родъ узаконенія былъ бы мыслимъ? Узаконенія per rescriptum principis и per oblationem curiae въ Греціи вѣдь немыслимы. Остается, стало-быть, только legitimatio per subsequens matrimonium. Но въ единственномъ случаѣ, гдѣ бы можно было думать объ этомъ родѣ узаконенія (т. е. въ нашей VI рѣчи Исея, см. ниже) и этотъ родъ немыслимъ, такъ какъ Евктемонъ, еслибы женился на этой особѣ, не обвѣнчался бы съ дочерью Демократа.

Но тутъ, быть можетъ, насъ спросятъ: неужели у упомянутыхъ ученыхъ не было никакихъ болѣе или менѣе правдоподобныхъ поводовъ къ этому, неужели такіе ученые какъ Schoemann, Lipsius, Busolt и др. просто выдумали все это? Посмотримъ поэтому, каковы доводы этихъ ученыхъ. Мы однако не считаемъ

удобнымъ отдѣльно резюмировать всѣ мнѣнія, высказанныя упомянутыми учеными за или противъ узаконенія, тѣмъ болѣе что сочиненія ихъ легко доступны и притомъ у Beauchet и Müller'a можно найти удовлетворительныя резюмэ какъ мнѣній этихъ ученыхъ, такъ и рѣчей, на которыхъ они основываются.

Теорія узаконенія основывается единственно на четырехъ рѣчахъ аттическихъ ораторовъ (Andocides or. 1 περὶ τῶν μυστηρίων §§ 124 сл., Demosth. or. 39 и 40 πρὸς Βοιωτόν passim и наша VI рѣчь Исея) и на 37-ой главѣ Плутарховой біографіи Перикла. Всѣ эти мѣста, однако, ровно ничего не доказываютъ. Смутить можетъ уже одно то обстоятельство, что всѣ эти мѣста далеко не признаются всѣми защитниками этой теоріи и что какъ разъ тѣ мѣста, которыя одними учеными считаются весьма сомнительными, другимъ ученымъ, напротивъ, служатъ единственнымъ основаніемъ этой теоріи. Между тѣмъ какъ напр. Lipsius у Meier-Schoemann'a (Att. Process) признаетъ только доводы, извлеченные изъ рѣчей Андокида и Демосѳена, а по поводу VI рѣчи Исея замѣчаетъ: „Fraglich aber ist überhaupt, ob Legitimation vorliegt т. е. въ этой рѣчи“ [1]), другіе (напр. Gans) напротивъ основываются преимущественно на VI рѣчи Исея и даже Beauchet, противникъ этой теоріи, замѣчаетъ (I стр. 528 сл.): „Le seul plaidoyer qui, à notre avis, puisse fournir un argument d'un certain poids en faveur de la théorie de la légitimation, est le discours d' Isée sur la succession de Philoctémon“. Такое странное разногласіе между сторонниками одной и той же партіи всегда уже a priori весьма подозрительно. Въ нашемъ случаѣ оно объясняется совершенно просто тѣмъ, что ни одинъ изъ приведенныхъ ими доводовъ доказательной силы не имѣетъ.

У Плутарха l. c., гдѣ разсказывается, что Аѳиняне συνεχώρησαν ἀπογράψασθαι τὸν νόθον (т. е. сына Перикла и Аспасіи, который былъ nothus ex peregrina) εἰς τοὺς φράτορας ὄνομα θέμενον τὸ αὑτοῦ [1]), совсѣмъ не говорится объ узаконеніи. Suidas s. v.

---

1) При этомъ случаѣ да будетъ намъ позволено указать на слѣдующій курьезъ. Lipsius тамъ-же (стр. 532 прим. 141) очевидно нечаянно вмѣсто für einen ehelichen Sohn des Euktemon написалъ Philoktemon. Müller, который такъ основательно изучилъ и разобралъ всѣ эти вопросы, на стр. 715 сл. привелъ и эти слова Lipsius'a, не исправивъ этой ошибки и не доглядѣвши того обстоятельства, что о законномъ сынѣ Филоктемона никто не говорилъ и не могъ говорить.

1) Ср. Philippi l. c. стр. 93, Buermann l. c. стр. 622 сл., Beauchet l. c. стр. 532, Müller l. c. стр. 820.

δημοποίητος сообщаетъ, что Аѳиняне по смерти законнорожденныхъ сыновей Перикла даровали гражданскія права незаконному сыну Перикла отъ Аспасіи. Какъ гражданинъ мальчикъ этотъ конечно 1) считался человѣкомъ, происшедшимъ ἐξ ἀστῆς καὶ ἐγγυητῆς, а 2) обязательно долженъ былъ быть внесеннымъ въ списки филы, дема и фратріи. Внесеніе такого мальчика въ списки фраторовъ конечно не можетъ быть названо узаконеніемъ. У Плутарха фактъ этотъ сообщенъ коротко и неясно. Но даже еслибы это предположеніе было невѣрно, то это мѣсто всетаки ничего бы не доказывало, такъ какъ это совершенно единичный случай, который можно только объяснять единственно привилегированнымъ положеніемъ Перикла. Цитированный нами (стр. 104) законъ исключаетъ всякую другую возможность.

Въ упомянутыхъ рѣчахъ Андокида и Демосѳена также не говорится о незаконнорожденныхъ дѣтяхъ. Какъ Каллій у Андокида, такъ и Мантій у Демосѳена вступили въ законный бракъ, первый съ Хрисіадой [1]), а второй съ Плангоной [2]). Дѣти ихъ были слѣдовательно законнорожденныя (γνήσιοι), такъ что и въ этихъ случаяхъ объ узаконеніи и рѣчи быть не можетъ.

Остается поэтому исключительно наша VI рѣчь Исея, о которой теперь придется подробнѣе говорить. Содержанія мы, впрочемъ, повторять не станемъ въ виду того, что оно подробно изложено въ первой главѣ. Такъ какъ мы здѣсь говоримъ объ усыновленіи, то спрашивается прежде всего, есть ли въ этой рѣчи указаніе на то, что Евктемонъ узаконилъ сына Алки? Gans указываетъ на то, что Евктемонъ вноситъ своего незаконнорожденнаго сына въ списки фратріи не смотря на то, что у него есть

---

1) Имени этой особы точно опредѣлить нельзя. Въ рукописяхъ читается Χρυσιάδης, что очевидно испорчено. Reiske поэтому читалъ Χρυσίδος; Sauppe, Blass и другіе издатели Χρυσιάδος; Jernstedt въ своемъ изданіи Антифонта, С.-Петербургъ 1880 стр. XXI, Χρυσίλλης, что одобрилъ Lipsius, Andocidis orat. Lipsiae 1888. Трудно сказать, что лучше: Χρυσιάδος или Χρυσίλλης. Въ палеографическомъ отношеніи и то и другое одинаково легко возможно. Мы предпочли здѣсь Χρυσιάδος не потому, что оно намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, но потому, что это имя вошло во всѣ вышеупомянутыя сочиненія. Еслибы мы здѣсь стали говорить о Хрисиллѣ, то изъ этого, быть можетъ, могли бы возникнуть недоразумѣнія. Будь эта форма въ рук. Crippsianus A, то и мы, нисколько не колеблясь, читали бы Χρυσίλλης.

2) См. объ этомъ Beauchet l. c. стр. 527 сл.; Müller l. c. стр. 714 сл. и 809 сл.

законныя дѣти. А такъ какъ по аттическимъ законамъ усыновленіе было только возможно при отсутствіи законныхъ дѣтей и выраженія ποίησις, ποιεῖσθαι и ποιητός здѣсь не встрѣчаются, то упомянутое внесеніе только и можетъ быть названо узаконеніемъ. Meier и Schoemann полагаютъ, что незаконнорожденныя дѣти, мать которыхъ была гражданкой, могли быть узаконяемы съ согласія родственниковъ. Алка, однако, не была гражданкой, а только вольноотпущенницей. Шёманнъ, поэтому, предполагаетъ, что Евктемонъ ничего не сказалъ фраторамъ о томъ, что Алка мать этого мальчика, а фраторы сами ничего объ этомъ не знали. Hermann - Thalheim, Hermann - Thumser, Zimmermann и Es полагаютъ, что съ согласія родственниковъ - наслѣдниковъ всѣ незаконнорожденныя дѣти могли быть узаконены, но только ἐπὶ ῥητοῖς т. е., какъ они говорятъ, съ извѣстными ограниченіями относительно правъ на наслѣдство. Шулинъ [1]), Бузольтъ и Латышевъ смѣшиваютъ узаконеніе съ усыновленіемъ; послѣдній устанавливаетъ только одну разницу, а именно упомянутое ἐπὶ ῥητοῖς, которое онъ, впрочемъ, также толкуетъ нѣсколько иначе, говоря, что это значитъ: „съ извѣстными ограниченіями, особенно относительно правъ на наслѣдство“, т. е. онъ устанавливаетъ еще какія-то другія, неопредѣленныя ограниченія, но какія именно — къ сожалѣнію, не сообщаетъ [2]).

Мы не станемъ отдѣльно опровергать упомянутыя мнѣнія, не потому, что они уже опровержены вышеупомянутыми противниками теоріи узаконенія, но потому, что они совершенно просто опровергаются цитованными на стр. 104 клятвой и закономъ нпр. Isae. or. VIII 19 ὀμόσας κατὰ τοὺς νόμους τοὺς κειμένους ἢ μὴν ἐξ ἀστῆς καὶ ἐγγυητῆς γυναικὸς εἰσάγειν. Buermann (стр. 622), поэтому, совершенно вѣрно замѣчаетъ слѣдующее: „Eine Einführung, wie sie Isaios schildert, war widergesetzlich; es gehörte ein Meineid dazu, um sie in's Werk zu setzen; der Vertrag von dem der Redner spricht, kann nur als ein Vertrag von rein privater Natur

1) cf. Schulin, Das griechische Testament, Basel 1882, стр. 19 и прим. 50.

2) Мы уже выше замѣтили, что между узаконеніемъ и усыновленіемъ значительная разница. Узаконяются, именно, собственныя незаконнорожденныя дѣти, усыновляются же чужія дѣти. Какъ можно усыновить собственнаго ребенка?! На стр. 207 Латышевъ выражается нѣсколько осторожнѣе, говоря объ „особомъ юридическомъ актѣ, равняющемся усыновленію“; на 209 стр., напротивъ, онъ говоритъ совершенно опредѣленно: „νόθοι могли быть записываемы только въ случаѣ усыновленія ихъ отцомъ“.

zwischen Vater und Sohn betrachtet werden: es muss also auch hinsichtlich der νόθοι ex cive sein Bewenden dabei behalten, dass sie auf rechtlichem Wege in die Phratrien nicht eingeführt, d. h. nicht legitimirt werden konnten".

Итакъ Евктемонъ не могъ внести этого мальчика, если выдавалъ его за незаконнорожденнаго. Называлъ ли онъ матерью Алку т. е. не-гражданку, выдавалъ ли онъ ее за гражданку, (какъ нѣкоторые полагаютъ, но что немыслимо, такъ какъ ее какъ публичную женщину по словамъ оратора почти всѣ Аѳиняне хорошо знали), или называлъ ли онъ матерью этого мальчика какую-нибудь другую женщину-гражданку — это не составляло никакой разницы. Какъ незаконнорожденнаго его ни какимъ законнымъ образомъ нельзя было внести въ списки фратріи. Если же это такъ — а въ правильности этого вывода сомнѣваться нельзя — то не остается ни одного довода въ пользу мнимаго узаконенія. Института узаконенія въ греческомъ правѣ, сталобыть, небыло. Но мы идемъ еще дальше и утверждаемъ, что такого института въ греческомъ правѣ и быть не могло и что никакія новѣйшія открытія не ознакомятъ насъ когда-нибудь съ такимъ институтомъ [1]).

Если же такимъ образомъ Евктемонъ не могъ внести незаконнорожденнаго сына, то можно предположить, что онъ его выдавалъ за законнорожденнаго. Однако и отъ этой возможности намъ придется отказаться. Отъ кого же онъ происходилъ, чтобы быть законнымъ сыномъ Евктемона? Отъ той законной супруги, отъ которой происходили Филоктемонъ и его братья и сестры, онъ ни въ какомъ случаѣ не происходилъ: этого нельзя утвер-

---

1) Мимоходомъ можно еще замѣтить слѣдующее. Мы видѣли, что по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ узаконеніе было возможно съ согласія родственниковъ-наслѣдниковъ. Müller (стр 717) по поводу этого мнѣнія совершенно вѣрно замѣчаетъ: Hätte Euctemon den Sohn der Alke nur mit Einwilligung des Philoktemon einführen können, so hätte es zu einer solchen Scene (т. е. событіе, описанное въ § 22 нашей рѣчи: см. объ этомъ ниже) gar nicht kommen können. Denn darüber, ob Philoktemon die Einführung gestatten würde, musste der Einführende sich doch vorher vergewissern, zumal er in Unfrieden von seiner Familie geschieden war". Далѣе, что касается сдѣлки ἐπὶ ῥητοῖς, на которую ссылаются тѣ же ученые, то немыслимо, чтобы такая частная сдѣлка была въ состояніи сдѣлать недѣйствительнымъ законъ, строго запрещающій вносить въ списки фратріи незаконнорожденныхъ дѣтей. Ср. впрочемъ Bürgerl. Gesetzbuch § 1724: „Die Ehelichkeitserklärung kann nicht unter einer Bedingung oder einer Zeitbestimmung erfolgen.

ждать, да и никто этого и не утверждаетъ. Но какая же это была другая законная супруга?

Gilbert (стр. 512) полагаетъ, что Евктемонъ утверждалъ, „dass dieser Sohn von einer mit ihm früher verheiratheten Bürgerin abstamme". Но это чистый вздоръ. Мы видѣли во второй главѣ (см. стр. 44 сл.), что этому мальчику въ 364 году еще не было 18-ти лѣтъ, между тѣмъ какъ Филоктемонъ и его братья и сестры уже были люди взрослые, были женаты и вышли за-мужъ, а у одной сестры былъ взрослый сынъ, которому по крайней мѣрѣ было 26 лѣтъ отъ-роду. Можно ли послѣ этого утверждать что сынъ Алки происходилъ отъ брака Евктемона съ женщиной, на которой онъ былъ женатъ до брака съ матерью Филоктемона?!

Buermann (стр. 621 сл.) утверждаетъ, что у Евктемона другой законной супруги не было, но что у него была законная конкубина и что мальчикъ этотъ, прижитый въ законномъ конкубинатѣ, считался законнорожденнымъ и могъ, поэтому, быть внесенъ въ списки фратріи. Однако и эта возможность немыслима, такъ какъ въ Аѳинахъ законнаго конкубината небыло [1]).

Beauchet предполагаетъ (стр. 531), что этотъ мальчикъ происходилъ отъ брака съ Аѳинской гражданкой Каллиппой [2]), на которой Евктемонъ, по его мнѣнію, женился послѣ расторженія брака съ матерью Филоктемона. И это предположеніе весьма необдуманное. Во-первыхъ, нигдѣ не говорится, что первый бракъ Евктемона былъ расторгнутъ; что же касается мнѣнія Beauchet, что расторженіе брака будто явствуетъ изъ того обстоятельства, что Евктемонъ вторично женился, то мы ниже увидимъ [3]), что и это воззрѣніе ложное. Во-вторыхъ, нигдѣ также не говорится, что Евктемонъ матерью этого мальчика назвалъ Каллиппу. Такое предположеніе просто немыслимо послѣ того, что разсказывается въ §§ 12—16 [4]). Противники никогда бы не назвали ее сначала жительницей острова Лемноса, а впослѣдствіи Каллиппой, дочерью Пистоксена, еслибы еще Евктемонъ внесъ этого мальчика въ списки фратріи какъ сына Каллиппы.

Platner, Philippi и Müller, наконецъ, полагаютъ, что фраторы были обмануты Евктемономъ; фраторы, на ихъ взглядъ, очертя

1) См. объ этомъ ниже Гл. III § 4 I.
2) О Каллиппѣ ср. Гл. II 10, стр. 74 сл.
3) Ср. Гл. III § 4 I.
4) См. выше стр. 74 сл.

голову, повѣрили ему, что это его законный сынъ, и повѣрили тѣмъ болѣе, что Филоктемонъ во второй разъ не воспротивился этому, не смотря на то, что наслѣдство вслѣдствіе этого внесенія уменьшалось. И это мнѣніе весьма странное. У фраторовъ, какъ извѣстно, были списки, въ которые вносились законныя супруги и дѣти. Если поэтому Евктемонъ явился въ собраніе фраторовъ и заявилъ желаніе внести законнорожденнаго сына, то фраторы обязаны были спросить его, кто мать этого сына и провѣрить по спискамъ, дѣйствительно ли онъ женатъ на такой-то особѣ. Далѣе, они обязаны были спросить его, почему онъ такъ поздно вноситъ этого мальчика, между тѣмъ какъ ему слѣдовало явиться въ ближайшія послѣ рожденія Апатуріи (см. ниже). Это позднее внесеніе не могло не казаться весьма подозрительнымъ. Но если мы даже допустимъ, что фраторы поступили небрежно и зря повѣрили Евктемону, человѣку знатному и зажиточному, то этимъ трудности еще нисколько не устраняются. Филоктемонъ воспротивился внесенію и внесеніе, поэтому, не состоялось. Еслибы Евктемонъ былъ правъ, то онъ, конечно, не успокоился бы, а подалъ бы апелляціонную жалобу на сына и, разумѣется, достигъ бы своей цѣли. Но онъ этого совсѣмъ не сдѣлалъ. Онъ обручился съ сестрой Демократа и такимъ образомъ достигъ того, что Филоктемонъ согласился на мировую сдѣлку. Эта мировая сдѣлка и предшествующее этому обрученіе съ другой женщиной ясно показываютъ, что Евктемонъ, желая внести этого мальчика, затѣвалъ неладное дѣло. Послѣ совершенія этой сдѣлки онъ вторично представилъ этого мальчика и теперь внесеніе состоялось. Мыслимо ли, чтобы фраторы послѣ всѣхъ предъидущихъ инцидентовъ очертя голову повѣрили Евктемону? Müller, правда, говоритъ: „Die Phrateren aber dachten: wenn der Sohn, der durch die Einführung um die Hälfte seines Vermögens kommt, zugiebt, jener ist γνήσιος, so muss es wohl so sein, und gestatteten die Einführung“, но такое легкомысленное довѣріе (тѣмъ болѣе послѣ упомянутыхъ инцидентовъ) просто неимовѣрно.

Такимъ образомъ и со мнѣніемъ этихъ ученыхъ нельзя согласиться. Изъ предъидущаго изложенія, наконецъ, также явствуетъ, что Евктемонъ матерью этого мальчика не могъ назвать никакую другую законную жену. Въ § 10 сл. нашей рѣчи мы читаемъ слѣдующее: „τὴν μητέρα αὐτῶν, ἣν ἔγγημεν ὁ Εὐκτήμων, Μειξιάδου Κηφισιῶς θυγατέρα, πάντες οἱ προσήκοντες ἴσασι καὶ οἱ φράτερες καὶ τῶν δημοτῶν οἱ πολλοί, καὶ μαρτυρήσουσι ὑμῖν. ὅτι δ' ἄλλην τινὰ ἔγγημε γυναῖκα, ἐξ ἧς τινος οἵδε αὐτῷ ἐγένοντο, οὐδεὶς

τὸ παράπαν οἶδεν οὐδ' ἤκουσε πώποτε ζῶντος Εὐκτήμονος. καίτοι τούτους εἰκὸς πιστοτάτους εἶναι νομίζειν μάρτυρας" (ср. также § 16). Его законная жена была, стало-быть, хорошо извѣстна какъ родственникамъ, такъ и фраторамъ и многимъ демотамъ. Мыслимо ли, чтобы эта мнимая вторая законная жена никому не была не извѣстна? Далѣе, еслибы это въ самомъ дѣлѣ былъ сынъ этой мнимой особы, то онъ былъ бы законнорожденнымъ ребенкомъ. Къ чему въ такомъ случаѣ упомянутыя ограниченія (ἐπὶ ῥητοῖς)? Почему, далѣе, сынъ не былъ внесенъ въ первомъ году? Всего этого не могли не замѣтить фраторы, а такъ какъ при внесеніи требовалась упомянутая клятва, то они сейчасъ же уличили бы его въ клятвопреступленіи.

Итакъ законнымъ образомъ Евктемонъ мальчика этого никакъ не могъ внести въ списки фраторовъ, такъ какъ онъ его не могъ назвать ни сыномъ вольноотпущенницы Алки, ни какой-нибудь другой наложницы, ни какой бы то ни было другой законной супруги. Какая же послѣ этого еще остается возможность? Единственно слѣдующая: мальчикъ этотъ былъ внесенъ въ списки фраторовъ незаконнымъ образомъ, но непремѣнно съ вѣдома фраторовъ.

Но мыслимо ли или возможно ли это, чтобы въ Аѳинахъ, не смотря на существованіе упомянутаго закона и упомянутой клятвы, было возможно съ вѣдома фраторовъ незаконнымъ образомъ вносить въ списки фратрій незаконнорожденныхъ дѣтей? Если вспомнить, что Евктемонъ принадлежалъ къ знатному и зажиточному роду, игравшему немаловажную роль въ Аѳинахъ, то уже само по себѣ легко было бы возможно, чтобы фраторы, если сами родственники-наслѣдники ничего не имѣли противъ этого, въ угоду ему или подкупленные имъ какимъ бы то ни было способомъ[1]), смотрѣли на такое незаконное внесеніе сквозь пальцы. Такія явныя нарушенія законныхъ постановленій встрѣчаются повсюду. Несмотря на то, мы не стали бы такъ рѣшительно на-

1) Подкупить такую многолюдную корпорацію непосредственно было, конечно, не особенно легко и удобно. У каждой фратріи были, однако, свои святилища, свои празднества и т. п. Если, поэтому, Евктемонъ пожертвовалъ какую нибудь сумму или какія-нибудь вещи въ пользу упомянутыхъ святилищъ или празднествъ, и пожертвовалъ съ тѣмъ, чтобы достигнуть цѣли своихъ желаній, то фраторы, разумѣется, могли считаться имъ подкупленными. Изъ Ps.-Demosth. or. 44 (см. ниже), однако, явствуетъ, что было также возможно подкупить одного только фратора.

стаивать на упомянутомъ незаконномъ внесеніи, если бы у насъ не было хоть косвенныхъ доказательствъ.

Среди Демосѳеновыхъ рѣчей находится и рѣчь πρὸς Λεωχάρην (or. XLIV), въ которой трактуется такой-же сюжетъ, какъ и въ нашей VI рѣчи Исея; но сюжетъ этотъ трактуется такъ плохо и такъ неумѣло, что рѣчь эта ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть написана самимъ Демосѳеномъ [1]). Въ § 41 этой рѣчи говорится также объ одномъ, хотя и не совсѣмъ аналогичномъ, но во всякомъ случаѣ также незаконномъ внесеніи въ списки фратріи: ораторъ разсказываетъ, что Леостратъ „πείσας ἕνα τινὰ τῶν φρατέρων ἐνέγραψεν (sc. Λεωχάρην) εἰς τὸ φρατερικὸν γραμματεῖον“ [2]).

Можно было бы, далѣе, привести многочисленные примѣры изъ рѣчей аттическихъ ораторовъ, въ которыхъ говорится о состоявшихся или о предстоящихъ внесеніяхъ въ списки фратрій, оспариваемыя противниками какъ незаконныхъ. Но такъ какъ эпиграфическіе документы болѣе надежный матеріалъ нежели пристрастныя показанія ораторовъ, то мы удовольствуемся однимъ эпиграфическимъ доказательствомъ.

Въ знаменитой аттической надписи, содержащей постановленія фратріи Демотіонидовъ [3]), въ первомъ декретѣ (строки 9 сл.)

---

1) См. Blass, Att. Beredsamkeit, III 1² Leipzig 1893 стр. 568 сл.

2) Другой случай незаконнаго внесенія приводится Фробергеромъ, см. H. Frohberger, Ausg. Reden des Lysias, III 1871, стр. 32. Въ Лисіевой or. XXX κατὰ Νικομάχου § 2 мы читаемъ слѣдующее: „ὅτι μὲν τοίνυν ὁ πατὴρ ὁ Νικομάχου δημόσιος ἦν, καὶ οἷα νέος ὢν οὗτος ἐπετήδευσε, καὶ ὅσα ἔτη γεγονὼς εἰς τοὺς φράτερας εἰσήχθη, πολὺ ἂν ἔργον εἴη λέγειν“. Отецъ Никомаха былъ сначала государственнымъ рабомъ (δημόσιος). Когда же онъ впослѣдствіи былъ принятъ въ число гражданъ, онъ какъ вновь пожалованный гражданинъ (δημοποίητος), по мнѣнію Фробергера, былъ внесенъ только въ филу и демъ, а въ фратрію могли попасть только сыновья, родившіеся послѣ дарованія отцу гражданскихъ правъ. А такъ какъ Никомахъ родился до этого пожалованія, то отецъ очевидно добился того, „dass eine wenig gewissenhafte Phratrie sich bereit finden liess, den im Stande der Unfreiheit erzeugten Sohn trotzdem in ihre Mitte aufzunehmen“. Однако съ Фробергеромъ согласиться нельзя, такъ какъ хорошо извѣстно и подтверждается многочисленными надписями, что вновь пожалованные граждане вносились не только въ списки филы и дема, но обязательно также въ списки фратріи, такъ что всѣ предположенія Фробергера невѣрны.

3) См. C. I. A. II 2, 841b и IV 2, 841b; Dittenberger, Syll. II² n. 439; Michel, Recueil n. 961 и указанную Диттенбергеромъ и Мишелемъ литературу. Ср. также нашу рецензію на сочиненіе G. de Sanctis'a „Ἀτθίς“ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, т. 333 (январь 1901) стр. 237 сл.

приказывается произвести провѣрку списковъ этой фратріи (διαδικασία), чтобы очистить ее отъ лицъ, незаконно внесенныхъ въ эти списки. „ὃς δ' ἂν δόξῃ μὴ ὢν φράτηρ εἰσαχθῆναι, ἐξαλειψάτω τὸ ὄνομα αὐτοῦ ὁ ἱερεὺς καὶ ὁ φρατρίαρχος ἐκ τοῦ γραμματείου τοῦ ἐν Δημοτιωνιδῶν καὶ τοῦ ἀντιγράφου. ὁ δὲ εἰσαγαγὼν τὸν ἀποδικασθέντα ὀφειλέτω ἑκατὸν δραχμὰς ἱερὰς τῷ Διὶ τῷ Φρατρίῳ и т. д.“ Можно, наконецъ, еще указать на аналогичную провѣрку списковъ демотовъ (διαψήφισις τῶν δημοτῶν), которая, какъ извѣстно, производилась ради исключенія лицъ, незаконнымъ образомъ вкравшихся въ число полноправныхъ гражданъ и многочисленные процессы, возникшіе по этому поводу [1]).

Принимая во вниманіе упомянутыя косвенныя доказательства нельзя не согласиться съ тѣмъ, что предполагаемое нами незаконное внесеніе, состоявшееся съ вѣдома фраторовъ, не можетъ считаться немыслимымъ или невозможнымъ. Мало того, приведенные нами доводы противъ законнаго введенія и упомянутыя косвенныя доказательства заставляютъ насъ предположить, что въ нашемъ случаѣ другой возможности внесенія и представить себѣ нельзя. Вслѣдствіе того мы еще разъ утверждаемъ, что сынъ Алки съ вѣдома фраторовъ незаконнымъ образомъ былъ внесенъ въ списки той фратріи, къ которой принадлежалъ самъ Евктемонъ [2]).

Но этимъ рядъ вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ этимъ внесеніемъ, еще не исчерпанъ. Рѣшеніе этихъ новыхъ вопросовъ важно и интересно не менѣе предъидущаго.

Въ § 22 мы читаемъ: „ἐπειδὴ δὲ οὔθ' ὁ υἱὸς αὐτῷ Φιλοκτήμων συνεχώρει οὔθ' οἱ φράτερες εἰσεδέξαντο, ἀλλ' ἀπηνέχθη τὸ κούρειον, ὀργιζόμενος ὁ Εὐκτήμων κ. τ. λ.“. Что это значитъ: „ἀπηνέχθη

---

1) См. Meier-Schömann-Lipsius, Att. Process, стр. 437 сл. (γραφὴ ξενίας) и извѣстные учебники греческихъ государственныхъ древностей.

2) Мимоходомъ и безъ малѣйшаго доказательства предположеніе это было уже высказано Beauchet I стр. 534 сл. Beauchet ссылается на Ciccotti p. 68. Сочиненіе E. Ciccotti, La famiglia nel diritto attico, Torino 1886, у насъ въ Юрьевѣ не имѣется и мы, поэтому, не были въ состояніи опредѣлить, приведены ли въ этой книгѣ какія-нибудь доказательства. Мы, впрочемъ, не особенно сожалѣли, что этой книги въ рукахъ не имѣли, такъ какъ O. Schultheß въ своей рецензіи на это сочиненіе (см. „Wochenschrift für klassische Philologie V 1888 стр. 1396—1401) доказалъ, что въ этомъ сочиненіи самостоятельнаго новаго или хорошаго нѣтъ, что оно написано небрежно, поверхностно и коротко (всего 125 страницъ, въ 8°) и безъ точнаго знанія греческаго языка, что цитаты имъ не провѣрены и т. д.).

τὸ κούρειον“ ? Такъ какъ значеніе слова κούρειον весьма спорное, то мы, чтобы рѣшить нашъ вопросъ и чтобы изъяснить безсмылицу, заключающуюся въ упомянутыхъ словахъ, должны предварительно опредѣлить, какая разница между μεῖον и κούρειον, и когда приносилась та и другая жертва [1]).

Относительно значенія словъ μεῖον и κούρειον мнѣнія ученыхъ значительно расходятся. Tarbell, Gilbert, Lipsius и Sanctis [2]) того мнѣнія, что κούρειον относится къ мальчикамъ, а μεῖον къ дѣвочкамъ, а Санктисъ сверхъ того еще утверждаетъ, что представленіе мальчиковъ могло производиться въ любое время, но во всякомъ случаѣ до внесенія ихъ въ списки демотовъ. Въ этихъ положеніяхъ, однако, нѣтъ ни одного вѣрнаго пункта.

Авторы эти, во-первыхъ, съ увѣренностью утверждаютъ, что μεῖον относится къ дѣвочкамъ, какъ будто-бы это не подлежало никакому сомнѣнію и ссылаются даже на постановленія Демотіонидовъ. Что μεῖον и κούρειον ни въ какомъ случаѣ не тожественны, это послѣ открытія надписи, содержащей постановленія фратріи Демотіонидовъ, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, ибо B v. 2 sq. говорится ἄγειν τὰ μεῖα καὶ τὰ κούρεια и A v. 53 также вѣрно дополнено ἄγειν τὰ[μεῖα καὶ τὰ κούρει]α, и наконецъ, въ началѣ надписи они также строго различаются: ἱερώσυνα τῷ ἱερεῖ διδόναι τάδε· ἀπὸ τοῦ μείου . . . ἀπὸ τοῦ κουρείου . . . О тожественности, значитъ, и рѣчи быть не можетъ. Но на какомъ основаніи Липсіусъ изъ этого выводитъ слѣдующее заключеніе (стр. 165): „Zugleich aber folgt, dass das κούρειον bei der Einführung von Knaben, das μεῖον also (? sic!) bei der Einführung von Mädchen dargebracht wurde“ ? Намъ этотъ выводъ непонятенъ;

---

1) Послѣдній вопросъ былъ нами уже изслѣдованъ въ вышеупомянутой рецензіи на сочиненіе Санктиса. Но такъ какъ напечатанныя тамъ изложенія были заимствованы нами отсюда (какъ и было нами замѣчено тамъ же на стр. 237), такъ какъ, далѣе, изложенія эти здѣсь весьма важны, и такъ какъ, наконецъ, по всей вѣроятности не особенно многимъ извѣстно, что въ этой рецензіи находится подробный разборъ этого важнаго вопроса, то мы помѣщаемъ здѣсь эти изложенія въ томъ видѣ, въ которомъ они первоначально были нами написаны. Въ рецензіи изложенія наши въ нѣкоторыхъ несущественныхъ пунктахъ нѣсколько измѣнены, но это было вызвано самимъ характеромъ рецензіи на одно опредѣленное сочиненіе. Все что относится къ § 22 нашей рѣчи въ рецензіи понятнымъ образомъ было нами выпущено; мы удовольствовались простой ссылкой на этотъ трудъ (см. l. c. стр. 245).

2) См. Tarbell Papers of the American school at Athens V 1892 стр. 173 прим. 12; Gilbert Staatsalt. I² 1893, стр. 213 сл. прим. 3; Lipsius Leipziger Studien XVI 1894 стр. 163 сп.; Sanctis Ἀθίς, Roma 1898 стр. 67 сл.

развѣ онъ единственно возможный, и неужели онъ не нуждается въ доказательствахъ? По нашему мнѣнію этотъ выводъ превратенъ, и такая интерпретація совершенно невозможна, ибо: 1) уже само по себѣ было бы странно, что вездѣ говорится τὰ μεῖα καὶ τὰ κούρεια, что, стало быть, вездѣ сначала упоминались дѣвочки, а затѣмъ только мальчики, что совершенно несовмѣстимо съ воззрѣніями древнихъ[1]); 2) въ нашей надписи нигдѣ ни слова не говорится о дѣвочкахъ, а совершенно естественно только о мальчикахъ, ср. A v. 18 sq. ὃς δ'ἂν δόξῃ μὴ ὢν φρατὴρ εἰσαχθῆναι, ἐξαλειψάτω τὸ ὄνομα αὐτοῦ; A v. 22 τὸν ἀποδικασθέντα; B v. 51 sq. μαρτυρῶ ὃν εἰσάγει ἑαυτῷ υἱὸν εἶναι τοῦτον γνήσιον; говорится, значитъ, только о мальчикахъ, слѣдовательно и μεῖα и κούρεια непремѣнно должны относиться исключительно къ мальчикамъ, какъ вѣрно было уже замѣчено, напримѣръ, Тумзеромъ; 3) позволяемъ себѣ обратить вниманіе читателя еще на одинъ важный моментъ: еслибъ μεῖον относилось къ дѣвочкамъ, а κούρειον къ мальчикамъ, какъ же тогда объяснить, что въ надписи A v. 26 sq. говорится τὴν δὲ δίαδικασίαν τὸ λοιπὸν εἶναι τῷ ὑστέρῳ ἔτει ἢ ᾧ ἂν τὸ κούρειον θύσῃ, и B v. 60 ἀπογράφεσθαι τῷ πρώτῳ ἔτει ἢ ᾧ ἂν τὸ κούρειον ἄγῃ τὸ ὄνομα κτλ., значитъ, тамъ, гдѣ говорится о діадиказіи, дѣвочки совсѣмъ не упоминаются? Нѣтъ, эта интерпретація совершенно невѣрная, изъ постановленій фратріи Демотіонидовъ, напротивъ, совершенно ясно слѣдуетъ, что μεῖον ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отнесено къ дѣвочкамъ.

Если же какъ κούρειον, такъ и μεῖον относятся къ мальчикамъ, и при томъ они ничуть не тожественны, какъ явствуетъ изъ нашей надписи, то спрашивается, въ чемъ же состояла разница между ними? Келеръ, Зауппе, Р. Шелль, Тумзеръ, Бузольтъ, Тепфферъ, Виламовицъ и др. понимаютъ эту разницу такъ, какъ она отлично формулирована у Зауппе (de phratriis atticis, II, Göttingen 1890, стр. 10): „satis comprobatum esse censeo pueros pariter atque puellas minoribus hostiis oblatis receptos esse, deinde vero pueros, cum pubescerent, denuo ad phraterum sacra venisse et cum comis suis hostias maiores Jovi obtulisse, puellas, cum fere matrimonio iuncto in aliam phratriam vel in aliam certe

1) Ср. также статью O. Müller'a въ Fleck. Jahrb. Suppl. XXV. Миллеръ говоря на стр. 757 сл. также о нашей надписи, одновременно съ нами во многихъ отношеніяхъ пришелъ къ тѣмъ же результатамъ, какъ и мы въ упомянутой уже рецензіи.

manum transirent, phratriae paternae non iam curae fuisse". Это мнѣніе, которое подтверждается Поллуксомъ (VIII 107): φράτορες· εἰς τούτους τούς τε κόρους καὶ τὰς κόρας εἰσῆγον καὶ εἰς ἡλικίαν προελθόντων ἐν τῇ καλουμένῃ κουρεώτιδι ἡμέρᾳ ὑπὲρ μὲν τῶν ἀρρένων τὸ κούρειον ἔθυον, ὑπὲρ δὲ τῶν θηλειῶν τὴν γαμηλίαν, было Липсіусомъ сначала одобрено, а затѣмъ энергично отвергнуто [1]). Новѣйшее мнѣніе Липсіуса не можетъ, однако, считаться вѣрнымъ.

Мы только что видѣли, что 1) μεῖον и κούρειον не тожественны, и 2) что и то и другое относится къ мальчикамъ. Если же это такъ, то изъ этого 3) неминуемо слѣдуетъ, что обѣ жертвы ни въ какомъ случаѣ не приносились въ продолженіе одного и того же года. Уже само названіе μεῖον (менѣе важная жертва), далѣе разница между жертвенными сборами въ пользу жрецовъ (ἱερεώσυνα τῷ ἱερεῖ διδόναι τάδε· ἀπὸ τοῦ μείου κωλῆν, πλευρόν, οὖς, ἀργυρίου ||| · ἀπὸ τοῦ κουρείου κωλῆν, πλευρόν, οὖς, ἐλατῆρα χοινικιαῖον, οἴνου ἡμίχουν, ἀργυρίου |–.), далѣе то обстоятельство, что μεῖον всегда ставится впереди (τὰ μεῖα καὶ τὰ κούρεια), затѣмъ двукратное отдѣльное упоминаніе жертвы κούρειον, и наконецъ и то обстоятельство, что третій день Апатурій называется κουρεῶτις — всѣ эти обстоятельства ясно показываютъ, что μεῖον менѣе важная жертва. Поэтому 4) совершенно ясно, что μεῖον навывалась та жертва, которая приносилась въ ближайшія послѣ рожденія Апатуріи; при этомъ само собою разумѣется, да и при томъ подтверждается вышеупомянутой цитатой изъ Поллукса, что μεῖον приносилось безразлично при первомъ представленіи какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ. Далѣе, такъ какъ μεῖον приносилось въ первомъ году, а двѣ аналогичныя жертвы въ продолженіе одного и того же года совершенно немыслимы, то 5) точно также совершенно ясно, что жертва κούρειον приносилась въ болѣе позднемъ году.

До сихъ поръ все было ясно, да и не трудно было доказать. Что μεῖον приносилось въ первомъ году, а κούρειον въ болѣе позднемъ, не подлежитъ, стало-быть, никакому сомнѣнію. Теперь только начинаются трудности, ибо спрашивается: когда же именно приносилась жертва κούρειον? Нельзя ли точнѣе опредѣлить этотъ болѣе поздній годъ? Поллуксъ l. c. говоритъ: καὶ εἰς ἡλικίαν προελθόντων . . ὑπὲρ μὲν τῶν ἀρρένων τὸ κούρειον ἔθυον, ὑπὲρ δὲ

1) См. Lipsius у Meier-Schömann, der attische Process, Berlin, 1887, стр. 542, прим. 165, и въ Leipziger Studien, XVI 1894, стр. 163 сл.

τῶν θηλειῶν τὴν γαμηλίαν. На основаніи этой цитаты вышеупомянутые ученые утверждаютъ, что κούρειον приносилось при представленіи возмужалыхъ юношей (cum pubescerent). Противники этого мнѣнія ссылаются на то, что Поллуксъ во второй части этой цитаты (ὑπὲρ δὲ τῶν θηλειῶν τὴν γαμηλίαν), очевидно, ошибся, тачъ какъ γαμηλία приносилась не отцомъ, а мужемъ новобрачной, и ничего общаго съ введеніемъ дѣтей не имѣла. Однако такое заключеніе въ методическомъ отношеніи не допустимо, такъ какъ изъ неточности второй части этой цитаты еще нисколько не слѣдуетъ, что и первая часть непремѣнно превратна. Эту вторую часть при томъ не особенно трудно объяснить, ибо намъ кажется, что это, повидимому, простая вставка либо самого Поллукса, либо одного изъ читателей, прибавленная, такъ сказать, въ скобкахъ. Что же касается цѣли, которую имѣлъ въ виду интерполяторъ, то и ее не трудно опредѣлить: въ первой части цитаты упоминаются мальчики и дѣвочки, во второй только юноши. Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, могущихъ возникнуть изъ этой недомолвки, интерполяторъ отъ себя прибавилъ, что κούρειον у дѣвицъ замѣщалось гамеліей, т. е. новобрачная при вступленіи въ бракъ выбывала изъ отцовской фратріи и приписывалась къ фратріи своего мужа, который при этомъ случаѣ приносилъ жертву и давалъ пирушку. Цитата изъ Поллукса, слѣдовательно, ничуть не можетъ считаться подозрительной. Однако, такъ какъ и первая часть этой цитаты (εἰς ἡλικίαν προελθόντων) оспаривается многими учеными, то постараемся теперь при помощи другихъ доводовъ доказать вѣрность и точность упомянутыхъ словъ Поллукса.

Этимологія слова κούρειον (κούρειον несомнѣнно нужно производить отъ κείρειν, κουρά = стричь, стрижка) подтверждаетъ наше вышеупомянутое заключеніе, что жертва эта приносилась въ болѣе позднемъ году, но нисколько не способствуетъ болѣе точному опредѣленію этого года.

Несравненно больше способствуютъ намъ къ достиженію желаемой цѣли слѣдующія соображенія. Если о годѣ рожденія, какъ мы только что видѣли, и рѣчи быть не можетъ, то можно было бы подумать о годѣ совершеннолѣтія, ибо двукратное представленіе было бы вполнѣ немыслимо, еслибъ второе слѣдовало вскорѣ послѣ перваго и не было пріурочено къ извѣстному возрасту. Такой произволъ, о которомъ здѣсь думаетъ Санктисъ (ordinariamente si fa nel primo anno d'età del bambino, ma può anche essere rimandata; ad ogni modo deve farsi prima che l'iscrizione

nella lista del demo), и опроверженія не стоитъ. Что же касается упомянутаго „извѣстнаго возраста", то Никитскій въ своей статьѣ о дельфійскихъ Лавіадахъ [1]), говоря о даратахъ, совершенно вѣрно замѣчаетъ: „очевидно, здѣсь имѣется въ виду такой моментъ, наступленіе котораго можно напередъ разсчитать, пріурочить къ извѣстному году, — это . . . вѣроятно моментъ или совершеннолѣтія, или извѣстнаго возраста индивидуума, когда послѣдній долженъ былъ представиться собравшимся на праздникъ Лавіадамъ съ цѣлью допущенія къ участію въ общемъ культѣ и общественныхъ дѣлахъ". Однако о совершеннолѣтіи — въ Аѳинахъ, по крайней мѣрѣ — тутъ думать нельзя. Въ Аѳинахъ, какъ говоритъ Аристотель (Ἀθ. πολ., гл. 42) ἐγγράφονται εἰς τοὺς δημότας ὀκτωκαίδεκα ἔτη γεγονότες· ὅταν δ' ἐγγράφωνται, διαψηφίζονται περὶ αὐτῶν ὀμόσαντες οἱ δημόται, πρῶτον μὲν εἰ δοκοῦσι γεγονέναι τὴν ἡλικίαν τὴν ἐκ τοῦ νόμου, κἂν μὴ δόξωσι, ἀπέρχονται πάλιν εἰς παῖδας. . . μετὰ δὲ ταῦτα δοκιμάζει τοὺς ἐγγραφέντας ἡ βουλή, κἂν τις δόξῃ νεώτερος ὀκτωκαίδεκα ἐτῶν εἶναι, ζημιοῖ τοὺς δημότας τοὺς ἐγγράψαντας. Было бы уже само по себѣ въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно странно, еслибъ параллельно съ этой ἐγγραφὴ εἰς τοὺς δημότας (т. е. εἰς τὸ ληξιαρχικὸν γραμματεῖον) и слѣдующей затѣмъ δοκιμασία, совершеннолѣтніе въ томъ же самомъ году совершенно аналогичнымъ образомъ вводились во фратріи (εἰσαγωγὴ εἰς τοὺς φράτορας), подвергались такъ называемой διαδικασία и затѣмъ вносились въ φρατερικὸν γραμματεῖον. Это, значитъ, уже само по себѣ было бы весьма невѣроятно. Постановленія же Демотіонидовъ ясно показываютъ, что это не только невѣроятно, но даже невозможно, ибо A. v. 26 sq. предписывается: τὴν δὲ διαδικασίαν τὸ λοιπὸν εἶναι τῷ ὑστέρῳ ἔτει ἢ ᾧ ἂν τὸ κούρειον θύσῃ τῇ κουρεώτιδι Ἀπατουρίων, т. е. διαδικασία эта должна состояться только по истеченіи года послѣ жертвы κούρειον, при чемъ ὅπως ἂν εἰδῶσι οἱ φράτερες τοὺς μέλλοντας εἰσάγεσθαι было приказано (B. v. 59 sq.) ἀπογράφεσθαι. . . τὸ ὄνομα πατρόθεν καὶ τοῦ δήμου καὶ τῆς μητρὸς πατρόθεν καὶ τοῦ δήμου πρὸς τὸν φρατρίαρχον, τὸν δὲ φρατρίαρχον ἀπογραφαμένων ἀναγράψαντα ἐκτιθέναι ὅπου ἂν Δεκελειεῖς προσφοιτῶσι κτλ. Если къ этому развѣ еще прибавить, что въ этой надписи вездѣ говорится περὶ τῆς εἰσαγωγῆς τῶν παίδων,

1) См. А. В. Никитскій, Дельфійскіе Лавіады, II, Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1898, т. 319, октябрь, отд. класс. филол., стр. 16.

то послѣ всѣхъ этихъ доводовъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что о совершеннолѣтіи здѣсь думать нельзя.

Какой же, послѣ этого, еще остается опредѣленный моментъ „извѣстнаго возраста“? Между рожденіемъ и совершеннолѣтіемъ есть одинъ только моментъ, наступленіе котораго точно опредѣлено, а именно наступленіе такъ называемой ἥβη. Изъ I. Bekker, Anecdota Graeca, I, p. 255, 15 s. v. ἐπὶ διετὲς ἡβῆσαι· τὸ γενέσθαι ἐτῶν ὀκτωκαίδεκα, ἵνα ἥβη ἡ τὸ ἑκκαίδεκα ἐτῶν γενέσθαι. τὸ δὲ οὖν ἐπὶ διετὲς ἡβῆσαι ἐστι τὸ γενέσθαι ἐτῶν ἄλλων δυοῖν μετὰ τὴν ἥβην, и другихъ мѣстъ уже A. Boeckh, De ephebia Attica dissertatio prima, стр. 139 [1]) совершенно вѣрно догадался о томъ, какъ слѣдуетъ понимать слова Поллукса εἰς ἡλικίαν προελθόντων: „qua professione primum esse pubertatem sive ἥβην declaratam tonsasque comas probabile est“. Это мнѣніе было одобрено многими учеными [2]), другіе напротивъ соглашались съ Шеферомъ, который на основаніи своихъ исчисленій наступленія совершеннолѣтія оратора Демосѳена утверждалъ, что совершеннолѣтними въ Аѳинахъ назывались мальчики по достиженіи семнадцатилѣтняго возраста, что поэтому ἥβη начиналась цѣлымъ годомъ раньше, т. е. съ пятнадцатилѣтняго возраста, такъ какъ о совершеннолѣтнихъ говорилось, что они ἐπὶ διετὲς ἡβῆσαν [3]). Однако толкованіе Шефера опровергается Аристотелемъ (Ἀθ. πολ. 42), гдѣ, какъ мы уже видѣли, совершенно ясно говорится: ἐγγράφονται δ' εἰς τοὺς δημότας ὀκτωκαίδεκα ἔτη γεγονότες, и еще яснѣе: κἄν τις δόξῃ νεώτερος ὀκτωκαίδεκ' ἐτῶν εἶναι, ζημιοῖ τοὺς δημότας τοὺς ἐγγράψαντας. Послѣ этого не подлежитъ никакому сомнѣнію, что мальчики, достигшіе такъ называемой ἥβη, достигали шестнадцатилѣтняго возраста [4]).

---

1) См. Prooemium semestris aestivi a. 1819 = Kleine Schriften, IV, стр. 137 сл.

2) Ср. напримѣръ, Schoemann, Isaei orationes, Gryphiswaldiae 1831, стр. 393 (or. VIII de Cironis hereditate, § 31); Hermann-Thumser, Griech. Staatsalterthümer, II, стр. 457 сл.; Hermann-Thalheim, Griech. Rechtsalterthümer, 1895[4], стр. 12 сл.; Van den Es, de iure familiarum apud Athenienses, стр. 113—121; L. Beauchet, Histoire du droit privé de la république Athénienne, II, Paris 1897, стр. 107—115, и др.

3) См. A. Schaefer, Der Eintritt der Mündigkeit nach attischem Recht; статья эта напечатана въ „Demosthenes und seine Zeit“, III, 2, стр. 19 сл. — см. также, напримѣръ, Busolt, Gr. Staatsalterthümer[2], стр. 213 и Gilbert, Griech. Staatsalt. I[2], стр. 218.

4) Кстати можно здѣсь прибавить, что и въ такъ называемомъ гор-

Если ἥβη означаетъ шестнадцатилѣтній возрастъ, если далѣе у Поллукса словами εἰς ἡλικίαν προελθόντων обозначается ἥβη [1]), если, наконецъ, какъ говоритъ Поллуксъ, εἰς ἡλικίαν προελθόντων ἐν τῇ καλουμένῃ κουρεώτιδι ἡμέρᾳ ὑπὲρ τῶν ἀρρένων τὸ κούρειον ἔθυον, то совершенно ясно, что второе представленіе, связанное съ жертвой κούρειον, совершалось по достиженіи шестнадцатилѣтняго возраста. Sapienti sat. Однако Липсіусъ и его спутникъ Санктисъ не того мнѣнія. На стр. 163 сл. l. c. Липсіусъ щеголяетъ двумя доводами, которые по его мнѣнію рѣшаютъ весь этотъ вопросъ въ его пользу. Онъ сначала указываетъ на постановленія Демотіонидовъ, гдѣ B 58 сл. говорится: ὅπως δ' ἂν εἰδῶσι οἱ φράτερες τοὺς μέλλοντας εἰσάγεσθαι, ἀπογράφεσθαι τῷ πρώτῳ ἔτει ἢ ᾧ ἂν τὸ κούρειον ἄγῃ τὸ ὄνομα κτλ. Шелль [2]) уже совершенно вѣрно указалъ на то, что прежнее толкованіе: τῷ πρώτῳ ἔτει = τῷ προτέρῳ ἔτει вполнѣ невозможно, такъ какъ это „vulgär und in sicheren Beispielen erst aus nachchristlicher Zeit zu belegen". Вслѣдствіе этого толкованіе „за годъ до жертвы κούρειον" сдѣлалось немыслимымъ, и оставалась, повидимому, единственная возможность — толковать τῷ πρώτῳ ἔτει = „въ первомъ году отъ роду", стало быть, одновременно съ μεῖον. Что это мнѣніе Липсіуса совершенно невѣрно и невозможно — явствуетъ изъ вышеизложеннаго. Вѣрное толкованіе этого мѣста было предложено Бюрманномъ и Диттенбергеромъ [3]), изъ которыхъ

тинскомъ правѣ совершенно аналогичнымъ образомъ различается возмужалый (ἡβίων) отъ совершеннолѣтняго (ἁρμεύς), и по всей вѣроятности (хотя этого точно доказать нельзя) и здѣсь фигурируютъ тѣ же года, шестнадцатый и восемнадцатый. И въ Дельфахъ мы встрѣчаемъ ἐπὶ διετὲς ἡβῆσαι, см. Aeschin., or. III in Ctesiph. § 122.

1) Ἡλικία можетъ, конечно, имѣть и простое значеніе „возрастъ"; но обыкновенно, т. е. въ большинствѣ случаевъ, оно означаетъ зрѣлый возрастъ, возмужалость, а въ упомянутой цитатѣ изъ Поллукса о простомъ значеніи „возрастъ" и думать нельзя, слова εἰς ἡλικίαν προελθόντων могутъ только означать опредѣленный возрастъ, а это именно и есть ἥβη.

2) См. R. Schoell, l. c., стр. 10, прим. 2.

3) См. Buermann, Berliner philol. Wochenschrift 1889; Tarbell, l. c. стр. 187 сл.; Dittenberger, Sylloge l. c. прим. 48. Упомянутый журналъ въ Юрьевѣ, къ сожалѣнію, имѣется только съ 1890 года, такъ что мы не могли опредѣлить, все ли заимствовалъ Диттенбергеръ у Бюрманна; отсутствіе точнаго обозначенія страницы объясняется тѣмъ-же обстоятельствомъ. Диттенбергеръ самъ, однако, совершенно очевидно не имѣлъ въ рукахъ этого журнала. На стр. 37 мы читаемъ, правда, слѣдующую цитату: H. Buermann, „Berl. phil. Woch. 1889 Febr. 16 et 29", но эта, именно, цитата и обнаружила

послѣдній пишетъ: „Quare malo πρῶτον ἔτος non priorem annum intellegere sed proximum, collato τρίτῳ ἔτει μετὰ τὰ Μηδικά similibusque locutionibus. Sic sane ante ἤ desideratur adverbium comparativum. Sed ea breviloquentia neutiquam aliena est a Graecorum usu, ut etiam Latini sic nudum quam pro postea quam usurpant. Neque vero πρότερον ἤ, sed ὕστερον ἤ intellegendum est cum Buermanno, siquidem v. 27 dictum est, annuo demum post κούρειον oblatum spatio probationem et receptionem fieri. Quid igitur attinebat, integro biennio ante eam nomina publice proscribere? Similiter ἡ πρώτη ἐκκλησία dicitur de ea quae proxima habebitur, et τῷ πρώτῳ ἐνιαυτῷ 'anno proximo' est Leg. Gortyn. IV, 4". Вотъ толкованіе, въ которомъ мы нуждались; оно, притомъ, ясно показываетъ, какъ сильно ошибаются Липсіусъ и Санктисъ. Что же касается второго довода, то Липсіусъ на стр. 164 ссылается на нашъ § 22

это обстоятельство. Кто, спрашивается, цитируетъ журнальную статью по днямъ и мѣсяцамъ? Цитируются, вѣдь, обыкновенно страницы, или въ крайнемъ случаѣ номера или тетради, но ни въ какомъ случаѣ не дата появленія даннаго номера! Единственное мыслимое и возможное исключеніе — текущій годъ, но въ 1900 году 1889 годъ, конечно, не могъ считаться текущимъ. Изъ этого обстоятельства ясно слѣдуетъ, что Диттенбергеръ самъ не видалъ этого журнала, а заимствовалъ эту цитату изъ сочиненія, появившагося въ 1889 году. Одно такое сочиненіе мы въ состояніи обозначить. Статья Tarbell'a появилась, правда, въ сборникѣ, изданномъ въ 1892 году, но статья эта была написана въ мартѣ 1889 года (см. стр. 188: „March 12, 1889), она написана, стало быть, только мѣсяцъ спустя послѣ появленія Бюрманновой статьи, Tarbell поэтому и могъ цитировать: „Berl. phil. Woch. 1889 Feb. 16 und 23". Но есть еще другое обстоятельство ясно показывающее, что Диттенбергеръ статьи Бюрманна въ рукахъ не имѣлъ. У него читается: „Febr. 16 et 29"! Журналъ Berliner philol. Wochenschrift, какъ уже явствуетъ изъ самого заглавія, выходитъ еженедѣльно (по субботамъ), поэтому цифры 16 и 29 немыслимы, такъ какъ продолженіе очевидно появилось въ слѣдующемъ номерѣ (см. Tarbell: 23), а разница между 16 и 29 = 13, значитъ не выходитъ и двухнедѣльный срокъ. Но это еще не все. 1889 годъ не могъ быть високоснымъ годомъ, 29-ое февраля поэтому немыслимо! У Диттенбергера это обстоятельство насъ, впрочемъ, удивить не можетъ, такъ какъ оно встрѣчается у него сплошь да рядомъ. Ср. нпр. нашу статью въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1901, Іюль стр. 37 = Commentationes Nikitinianae. СПБ. 1901 стр. 172 и А. В. Никитскій, Изслѣдованія въ области греческихъ надписей, Юрьевъ 1901 стр. 163 прим. 1. Michel въ этомъ отношеніи гораздо самостоятельнѣе и добросовѣстнѣе: онъ и здѣсь цитируетъ „Berl. phil. Woch. 1889 p. 225 s. et p. 258 s." Мы, впрочемъ, не удѣлили бы столько мѣста этому само по себѣ неважному обстоятельству, еслибы не сочли нужнымъ еще разъ убѣдительно совѣтовать читателю не полагаться безусловно на Диттенбергера и его мнимую непогрѣшимость.

VI рѣчи Исея, но это мѣсто ровно ничего не доказываетъ; однако это мы постараемся доказать нѣсколько ниже.

Теперь намъ остается еще прибавить нѣсколько косвенныхъ доказательствъ для подтвержденія нашихъ положеній. Извѣстно, что условіемъ пользованія правами гражданства между прочимъ являлось и участіе въ культахъ и религіозныхъ обрядахъ данной фратріи и въ совершеніи опредѣленныхъ жертвъ. Далѣе также извѣстно, что не только аѳиняне, но и всѣ остальные греки имѣли обыкновеніе связывать каждый болѣе важный моментъ въ жизни даннаго гражданина съ религіознымъ празднествомъ. Поэтому уже a priori разумѣлось бы само собою, что возмужалость и тѣсно связанное съ нею собственное, самостоятельное участіе въ жертвахъ и празднествахъ фратріи и пользованіе вытекающими изъ этого участія правами, т. е. одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ жизни каждаго аѳинянина, непремѣнно соединялись съ религіознымъ празднествомъ. Такія религіозныя празднества въ Греціи, какъ извѣстно, обыкновенно состояли изъ двухъ частей, а именно изъ предшествующей жертвы и изъ слѣдующей затѣмъ веселой пирушки.

Что, во-первыхъ, касается жертвы, то изъ всего вышеизложеннаго ясно слѣдуетъ, что это именно и было такъ называемое κούρειον. Апатуріи были праздникъ чисто семейный [1]). Мы видѣли уже, что новорожденныхъ представляли фраторамъ и вносили въ соотвѣтствующіе списки, при чемъ приносилась жертва μεῖον. Мы узнаемъ, далѣе, изъ Платона [2]), что въ этотъ день аѳиняне брали съ собой своихъ несовершеннолѣтнихъ сыновей — въ указанномъ Платономъ случаѣ мальчику, напримѣръ, было десять лѣтъ отъ роду — и заставляли ихъ между прочимъ рецитировать отрывки изъ читанныхъ въ школѣ поэтовъ, дабы фраторы могли убѣдиться въ успѣхахъ, оказанныхъ ими въ продолженіе истекшаго года. Несовершеннолѣтніе мальчики такимъ образомъ ежегодно присутствовали на этомъ семейномъ праздникѣ, но самостоятельнаго участія въ жертвахъ и празднествахъ

1) См. подробности, напримѣръ, у Aug. Mommsen'a, Feste der Stadt Athen im Alterthum, Leipzig, 1898, стр. 323—349.

2) Cp. Platon. Timaeus, p. 21 B: ἐγὼ δὲ μάλιστα δεκέτης· ἡ δὲ Κουρεῶτις ἡμῖν οὖσα ἐτύγχανεν Ἀπατουρίων, τὸ δὴ τῆς ἑορτῆς σύνηθες ἑκάστοτε καὶ τότε ξυνέβη τοῖς παισίν· ἄθλα γὰρ ἡμῖν οἱ πατέρες ἔθεσαν ῥαψῳδίας· πολλῶν μὲν οὖν δὴ καὶ πολλὰ ἐλέχθη ποιητῶν ποιήματα, ἅτε δὲ νέα κατ' ἐκεῖνον τὸν χρόνον ὄντα τὰ Σόλωνος πολλοὶ τῶν παίδων ᾄσαμεν.

какъ этого, такъ и остальныхъ религіозныхъ празднествъ они, конечно, принимать не могли. Все это совершенно измѣняется въ моментъ возмужалости: въ ближайшія Апатуріи юноша вторично представляется фраторамъ, приносится жертва κούρειον, онъ вписывается въ соотвѣтствующіе списки и съ этихъ поръ дѣлается самостоятельнымъ фраторомъ, т. е. пользуется всѣми правами и исполняетъ всѣ религіозныя обязанности остальныхъ фраторовъ. Эти обычаи, на что Шелль совершенно вѣрно указываетъ [1]), совершенно аналогичны лютеранской конфирмаціи; посредствомъ конфирмаціи лютеране приблизительно около того же (т. е. какъ и въ Аѳинахъ) шестнадцатаго года отъ роду дѣлаются полноправными членами лютеранской церкви и только съ этихъ поръ могутъ причащаться Святыхъ Таинъ. Точно также и въ Аѳинахъ религіозная сторона этого акта была несомнѣнно первоначальная, и лишь только впослѣдствіи къ этому присоединилась и гражданская сторона [2]).

Относительно же упомянутой веселой пирушки мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія [3]): Photius οἰνι[α]στήρια· σπονδὴ τῷ Ἡρακλεῖ ἐπιτελουμένη ὑπὸ τῶν ἐφήβων πρὶν ἀποκείρασθαι. Athen. XI, 494 f. οἰνιστήρια· οἱ μέλλοντες ἀποκείρειν τὸν σκόλλυν ἔφηβοι, φησὶ Πάμφιλος, εἰσφέρουσι τῷ Ηρακλεῖ μέγα ποτήριον πληρώσαντες οἴνου, ὅ καλοῦσιν οἰνιστήριαν καὶ σπείσαντες τοῖς συνελθοῦσι διδόασι πίνειν. Hesych. οἰνιστήρια· Ἀθήνησιν οἱ μέλλοντες ἐφηβεύειν, πρὶν ἀποκείρασθαι τὸν μαλλόν, εἰσέφερον Ἡρακλεῖ μέτρον οἴνου καὶ σπείσαντες τοῖς συνελθοῦσιν ἐπεδίδουν πίνειν· ἡ δὲ σπονδὴ ἐκαλεῖτο οἰνιστήρια. Pollux III, 52 ἡ δὲ ὑπὲρ τῶν εἰς τοὺς φράτορας εἰσαγομένων παίδων οἴνου ἐπίδοσις οἰνιστήρια ἐκαλεῖτο. VI, 22 ἡ δὲ οἰνίστρια οἴνου δόσις ὑπὲρ τῶν

1) Ср. R. Schoell, l. c., стр. 7: „Mit diesem Akt, den man unserer Confirmation vergleichen kann".

2) См. А. В. Никитскій, l. c, стр. 15: Обычай приношенія даратъ и пр., какъ и μεῖα и κούρεια въ Аѳинахъ, существовалъ, конечно, гораздо раньше, чѣмъ съ этими, первоначально исключительно религіозными, актами связано было веденіе списковъ фратеровъ, и термины остались прежними, хотя впослѣдствіи часто главное значеніе имѣла не религіозная, а гражданская сторона дѣла. И у насъ постоянно говорится: „крестины, окрестить, повѣнчаться, бракъ" и т. д., хотя нерѣдко заинтересованныя лица думаютъ не столько о религіозной, сколько о гражданской сторонѣ дѣла, т. е. заботятся главнымъ образомъ о томъ, чтобы сдѣланы были надлежащія записи, и въ „метрикахъ" слѣдятъ скорѣе за датой рожденія, чѣмъ крещенія.

3) См. Comicorum Atticorum fragmenta ed. Th. Kock, vol. I, Lipsiae 1880, стр. 293 frg. 135 (Eupolis).

παίδων ἐν τοῖς φράτερσιν. Всѣ эти цитаты ясно показываютъ, что тутъ говорится именно о нашемъ праздникѣ. Фотій, Аѳеней и Гесихій называютъ этихъ мальчиковъ ἔφηβοι, οἱ μέλλοντες ἐφηβεύειν, а Поллуксъ „εἰσαγομένων παίδων“ или „παίδων“. Далѣе говорится объ ἀποκείρασθαι, ἀποκείρειν, а κούρειον, какъ мы видѣли, также происходитъ отъ κείρειν. Затѣмъ говорится о μέτρον οἴνου, οἴνου ἐπίδοσις или δόσις и т. д., да и при томъ оно называется οἰνιστήρια или οἰνίστρια, въ постановленіяхъ же Демотіонидовъ въ самомъ началѣ ясно приказывается: Ἱερεώσυνα τῷ ἱερεῖ διδόναι τάδε· ἀπὸ τοῦ κουρείου κωλῆν, πλευρὸν, οὖς, ἐλατῆρα χοινικιαῖον, οἴνου ἡμίχουν, ἀργυρίου |–. Наконецъ у Поллукса также ясно говорится εἰς τοὺς φράτορας εἰσαγομένων παίδων οἴνου ἐπίδοσις ктл. или ἐν τοῖς φράτερσιν.

Итакъ Тарбелль, Гильбертъ, Липсіусъ и Санктисъ сильно ошибаются. Санктисъ даже не удовольствовался этимъ, а попробовалъ развить далѣе мысль Липсіуса. Онъ пишетъ на стр. 68: „Il sacrifizio che s'offriva ai φράτερες in occasione di nozze aveva il nome speciale di γαμηλία. Ma siccome l'iscrizione dei Demotionidi fissando le competenze del sacerdote in ordine ai sacrifizi dei φράτερες parla non di γαμηλία, ma solo di μεῖον e di κούρειον, è chiaro che μεῖον doveva indicare qualunque sacrifizio offerta per una donna, figlia o sposa, alla fratria“. Это странное разсужденіе можетъ служить лучшимъ доказательствомъ того, какъ небрежно и поверхностно Санктисъ изучалъ постановленія Демотіонидовъ. Вся надпись совершенно очевидно трактуетъ исключительно περὶ τῆς εἰσαγωγῆς τῶν παίδων (A 18 сл., B 10 сл.: Νικόδημος εἶπε· τὰ μὲν ἄλλα κατὰ τὰ πρότερα ψηφίσματα ἃ κεῖται περὶ τῆς εἰσαγωγῆς τῶν παίδων καὶ τῆς διαδικασίας, 22 сл., 47, 50 сл.: ὅρκος μαρτύρων ἐπὶ τῇ εἰσαγωγῇ τῶν παίδων· μαρτυρῶ ὃν εἰσάγει ἑαυτῷ υἱὸν εἶναι τοῦτον γνήσιον ἐγ γαμετῆς, 56 сл.: Μενέξενος εἶπεν· δεδόχθαι τοῖς φράτερσι περὶ τῆς εἰσαγωγῆς τῶν παίδων τὰ μὲν κατὰ τὰ πρότερα ψηφίσματα, ὅπως δ' ἂν εἰδῶσι οἱ φράτερες τοὺς μέλλοντας εἰσάγεσθαι, ἀπογράφεσθαι ктл.) γαμηλία тутъ, значитъ, ни къ селу, ни къ городу. Санктисъ, очевидно, полагаетъ, что наша надпись отрывокъ изъ подробнаго устава фратріи Демотіонидовъ, и поэтому приписываетъ здѣсь фраторамъ всѣ тѣ полномочія, которыя онъ нашелъ въ любомъ руководствѣ греческихъ древностей.

Установивъ такимъ образомъ точное значеніе словъ μεῖον и κούρειον обратимся теперь къ § 22 нашей рѣчи, послужившему, какъ мы видѣли, Липсіусу доводомъ противъ нашего мнѣнія, и по-

смотримъ, дѣйствительно ли въ упомянутомъ параграфѣ говорится о жертвѣ κούρειον?

Мы видѣли во II главѣ (стр. 91 сл.), что старшему сыну Алки, о введеніи котораго говорится въ § 22, въ 364 году еще не было 18-ти лѣтъ. Мы видѣли, далѣе (см. l. c. стр. 48 сл.), что Филоктемонъ умеръ около 373 года. Упомянутое внесеніе, стало-быть, состоялось до 373 года и мальчику, поэтому, въ то время было около 7 или 8 лѣтъ. Мы видѣли, наконецъ, что κούρειον приносилось исключительно по достиженіи шестнадцатилѣтняго возраста. Изъ всего этого ясно слѣдуетъ, что о κούρειον въ § 22 и рѣчи быть не можетъ. Если здѣсь вообще было упомянуто названіе жертвы — что въ высшей степени невѣроятно, то это могло быть только μεῖον. Жертва μεῖον, правда, приносилась въ ближайшія послѣ рожденія Апатуріи. Но если эта жертва по какой-нибудь причинѣ не была принесена въ означенный срокъ, т. е. если ребенокъ по какой-нибудь причинѣ не былъ представленъ въ установленный для этого срокъ и если потомъ разрѣшалось наверстать упущенное представленіе, то не трудно предположить, что тогда и приносилась упущенная жертва μεῖον. Во всякомъ случаѣ такое представленіе равнялось первому законному представленію, а никакъ не второму. О κούρειον, стало-быть, и рѣчи быть не можетъ.

Но въ § 22 вѣдь ясно читается „ἀπηνέχθη τὸ κούρειον“? Какъ же тутъ быть? Липсіусъ самъ очень хорошо знаетъ, что это „die einzige Rednerstelle, an der das κούρειον genannt ist, während sonst der allgemeine Ausdruck ἱερεῖον gebraucht wird (стр. 164)“. Эти слова даже не совсѣмъ точны, такъ какъ изъ этой формулировки можно было бы заключить, что слово κούρειον, быть можетъ, встрѣчается у другихъ авторовъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ какъ μεῖον, такъ и κούρειον въ греческой литературѣ впервые встрѣчаются у позднѣйшихъ лексикографовъ и схоліастовъ. Слова эти, правда, упоминаются также въ упомянутой аттической надписи, содержащей постановленія фратріи Демотіонидовъ. Но не смотря на то, что постановленія эти относятся къ первой половинѣ IV вѣка до Р. Хр., изъ этого для литературы еще ничего не слѣдуетъ, такъ какъ между законными постановленіями, въ которыхъ обязательно употребляются termini technici и литературнымъ и обиходнымъ языками большая разница. Если же такимъ образомъ доказано, что слова эти въ литературномъ языкѣ не встрѣчаются, а вмѣсто нихъ всегда употребляется общее выраженіе ἱερεῖον, то не подлежитъ ника-

кому сомнѣнію, что и въ § 22 нашей рѣчи слѣдуетъ читать ἱερεῖον.

Однако такъ какъ эта конъектура нѣкоторымъ, быть можетъ, покажется слишкомъ рискованной, то мы постараемся еще болѣе обосновать ее. Въ 43 рѣчи Ps.-Demosth. πρὸς Μακάρτατον, въ аналогичномъ случаѣ, мы въ § 14 читаемъ слѣдующее: „καὶ οἱ φράτερες ὦ ἄνδρες δικασταὶ οἱ τουτουὶ Μακαρτάτου, οἱ ἄριστα εἰδότες περὶ τοῦ γένους, ὁρῶντες αὐτὸν μὲν τοῦτον οὐ θέλοντα κινδυνεύειν οὐδ' ἀπάγοντα τὸ ἱερεῖον ἀπὸ τοῦ βωμοῦ, εἰ μὴ προσηκόντως εἰσήγετο ὁ παῖς οὑτοσὶ κτλ.; ср. также тамъ же § 82: „οὑτοσὶ δὲ Μακάρτατος φανερᾷ ψήφῳ ἐψηφίσατο ὀρθῶς εἰσάγεσθαι Εὐβουλίδῃ υἱὸν τὸν παῖδα τουτονί, οὐκ ἐθελήσας ἅψασθαι τοῦ ἱερείου οὐδ' ἀπαγαγεῖν ἀπὸ τοῦ βωμοῦ ὑπεύθυνον αὑτὸν ποιήσας. Мы полагаемъ, что аналогія между ἀπηνέχθη τὸ κούρειον у Исея и ἀπάγοντα τὸ ἱερεῖον и ἅψασθαι τοῦ ἱερείου οὐδ' ἀπαγαγεῖν κτλ. у Псевдо-Демосѳена до того очевидна, что безъ малѣйшаго сомнѣнія и въ нашемъ случаѣ слѣдуетъ читать ἱερεῖον вмѣсто κούρειον [1]). Слово κούρειον либо отмѣтка на поляхъ, записанная какимъ-нибудь читателемъ, желавшимъ пощеголять своей мнимой ученостью или начитанностью, и вкравшаяся впослѣдствіи въ текстъ, либо текстъ тутъ просто испорченъ, въ каковомъ случаѣ въ словѣ κούρειον слѣдовало бы видѣть скверную конъектуру какого-то позднѣйшаго читателя или переписчика [2]).

Что же касается самого факта унесенія жертвы съ алтаря, то упомянутые примѣры (другихъ, къ сожалѣнію, нѣтъ) ясно показываютъ, что это не произвольный, самовластный поступокъ данныхъ лицъ, но что такое унесеніе жертвы имѣло, такъ сказать, законное основаніе. Ибо если кому-нибудь хотѣлось протестовать противъ внесенія кого-либо въ списки фратріи, то законный порядокъ очевидно былъ слѣдующій: протестующій приближался къ алтарю, дотрогивался до жертвы и либо самъ уносилъ ее, либо требовалъ ея унесенія, но во всякомъ случаѣ при этомъ заявлялъ, что οὐ προσηκόντως εἰσάγεται ὁ παῖς οὑτοσί.

1) Какая путаница встрѣчается также у тѣхъ авторовъ, которые имѣютъ вѣрныя понятія о κούρειον, явствуетъ изъ упомянутой статьи Müller'a стр. 759 сл. Не смотря на то, что Мюллеръ также утверждаетъ, что κούρειον приносилось по достиженіи 16-лѣтняго возраста, онъ всетаки употребляетъ слово κούρειον, когда говоритъ о представленіи 7-лѣтняго сына Алки!

2) О погрѣшностяхъ и ошибкахъ, встрѣчающихся въ рукописи Crippsianus A см. H. Buermann, Hermes XIX 1884 стр. 325 сл. Ср. также выше нашу стр. 86 и прим. 1.

Послѣ такого протеста внесеніе было возможно только послѣ отмѣны этого протеста либо путемъ гражданскаго судопроизводства, либо посредствомъ мировой сдѣлки. Къ такому судопроизводству относятся и слова, употребленныя Псевдо-Демосѳеномъ l. c.; онъ тамъ приводитъ мотивы, которые побудили Макартата не убрать жертвы, а именно: „οἱ φράτερες — ὁρῶντες αὐτὸν — οὐ θέλοντα κινδυνεύειν“ и „ὑπεύθυνον αὑτὸν ποιήσας“, Макартату, стало-быть, почему-то очевидно не хотѣлось тягаться. Негативные обороты „οὐ θέλοντα κινδυνεύειν οὐδ' ἀπάγοντα τὸ ἱερεῖον“ и „οὐκ ἐθελήσας ἅψασθαι τοῦ ἱερείου οὐδ' ἀπαγαγεῖν“ — къ чему онъ, стало-быть, имѣлъ полное право — притомъ вполнѣ подтверждаютъ наше положеніе, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ законнымъ поступкомъ.

Теперь остается еще сказать нѣсколько словъ по поводу вышеупомянутаго выраженія „ἐπὶ ῥητοῖς“. Такъ какъ узаконенія въ Греціи не было и такъ какъ сынъ Алки былъ внесенъ въ списки фратріи незаконнымъ образомъ, то словамъ ἐπὶ ῥητοῖς, разумѣется, никакого законнаго значенія приписывать нельзя. Сдѣлка между Евктемономъ и его сыномъ Филоктемономъ имѣла вполнѣ частный характеръ и не имѣла, слѣдовательно, никакого законнаго основанія. Алка, какъ мы видѣли, хотѣла своему сыну доставить гражданскія права и установленную закономъ долю наслѣдства, ибо еслибы сынъ ея былъ внесенъ въ списки фратріи и такимъ образомъ признанъ законнымъ сыномъ Евктемона, то онъ по закону получилъ бы столько же, сколько и Филоктемонъ, ср. § 25: „τοῦ νόμου κελεύοντος ἅπαντας τοὺς γνησίους ἰσομοίρους εἶναι τῶν πατρῴων“. Филоктемонъ, разумѣется, съ этимъ согласиться не могъ. Но такъ какъ Евктемонъ грозилъ другимъ, болѣе надежнымъ образомъ добыть себѣ другихъ законныхъ наслѣдниковъ, то Филоктемонъ по совѣту своихъ родственниковъ согласился на частную мировую сдѣлку. Сдѣлка эта состояла въ томъ, что Филоктемонъ пересталъ протестовать противъ внесенія, а Евктемонъ завѣщалъ сыну Алки всего одно только имѣніе (χωρίον ἓν δόντα). Что сдѣлка эта имѣла вполнѣ частный характеръ, явствуетъ также изъ того обстоятельства, что условія эти оставались незаписанными до смерти Филоктемона, такъ какъ въ § 27 разсказывается, что Евктемонъ послѣ смерти Филоктемона πρὸς τοὺς κηδεστὰς εἶπεν ὅτι βούλοιτο τὰ πρὸς τὸν υἱὸν οἱ πεπραγμένα γράψας καταθέσθαι. Наконецъ частная сдѣлка, заключенная съ тѣмъ, чтобы сдѣлать возможнымъ незаконное внесеніе, конечно ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться законной.

Здѣсь можно было бы кстати остановиться еще на одномъ интересномъ вопросѣ. Еслибы внесеніе сына Алки не состоялось, то онъ какъ νόθος разумѣется не получилъ бы гражданскихъ правъ. Но каково было бы въ такомъ случаѣ его положеніе по отношенію къ наслѣдству? Существовала ли въ IV вѣкѣ въ Аѳинахъ законная доля, которая непремѣнно должна была поступать къ незаконнорожденнымъ (т. н. νοθεῖα или τὰ νοθεῖα χρήματα) или незаконнорожденныя дѣти ничего не получали? Однако объ этомъ вопросѣ будетъ удобнѣе говорить ниже при разборѣ разныхъ вопросовъ, относящихся къ наслѣдству и духовному завѣщанію (см. ниже § 3). Здѣсь мы можемъ удовольствоваться краткой замѣткой, что онъ какъ незаконнорожденный получилъ бы всего только 1000 драхмъ (приблизительно 250 рублей).

§ 2.

Имущество Евктемона.

Въ предъидущихъ главахъ мы видѣли[1]), что Евктемонъ очевидно принадлежалъ къ числу не только весьма знатныхъ, но и весьма зажиточныхъ аѳинскихъ гражданъ. Мы видѣли, далѣе, путемъ какихъ происковъ домогались его наслѣдства съ одной стороны его племянники Андроклъ и Антидоръ, а съ другой стороны Алка и ея дѣти, и какъ вслѣдствіе этихъ домогательствъ возникъ этотъ процессъ. Изъ § 2 нашей рѣчи можно, затѣмъ, еще заключить — впрочемъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, очевидно безъ малѣйшаго основанія —, что даже для Фаностратa и Хэрестратa пріобрѣтеніе этого наслѣдства было настоятельною потребностью. При такихъ обстоятельствахъ было бы, конечно, интересно узнать нѣкоторыя подробности объ этомъ пресловутомъ имуществѣ Евктемона. Но прежде чѣмъ приступить къ разбору этого интереснаго вопроса, мы постараемся очистить Фаностратa и Хэрестратa отъ подозрѣнія въ корыстолюбивой страсти къ наживѣ.

Въ § 2 мы читаемъ слѣдующее: „ὁ γὰρ ἀγὼν οὐ μικρὸς αὐτοῖς, ἀλλὰ περὶ τῶν μεγίστων“. Выписанныя нами слова находятся въ вступленіи.

---

1) Ср. въ особенности стр. 43 сл.

По Квинтиліану[1]), какъ извѣстно, ораторъ въ вступленіи долженъ стараться сдѣлать слушателя не только benevolum и docilem, но и attentum, вниманіе же судей онъ можетъ привлечь тѣмъ, что указываетъ на важность даннаго процесса. Вотъ почему произнесены и наши слова. Но если и ясно, съ какою реторическою цѣлью произнесены эти слова, то этого, на нашъ взглядъ, нельзя сказать о фактическомъ значеніи этихъ словъ. Правда, еслибы это была простая фраза — что, конечно, само по себѣ возможно —, то на этихъ словахъ не стоило бы и останавливаться. Однако, на нашъ взглядъ, слова эти не могутъ быть названы простой фразой, тѣмъ болѣе, что Исей въ своихъ вступленіяхъ такъ скупъ на слова. Посмотримъ, поэтому, нельзя ли какъ нибудь опредѣлить фактическое значеніе этихъ словъ?

Ораторъ сообщаетъ, что этотъ процессъ οὐ μικρὸς αὐτοῖς, ἀλλὰ περὶ τῶν μεγίστων. Кто эти αὐτοῖς, о которыхъ здѣсь говорится? Какъ въ грамматическомъ отношеніи, такъ и по смыслу это могутъ быть только отецъ и сынъ: Фанострать и Хэрестратъ (см. § 1: Φανοστράτῳ τε καὶ Χαιρεστράτῳ τουτῳί. δεομένων τούτων. § 2: διὰ τὸ χρῆσθαι τούτοις. καὶ τούτοις τὰ δίκαια γενήσεται). Но если, стало быть, ясно, къ кому относятся эти слова, то съ другой стороны не такъ то ясно, почему здѣсь говорится также объ отцѣ? Хэрестратъ, какъ мы видѣли, былъ усыновленъ Филоктемономъ, а усыновленіе, какъ извѣстно уничтожало всякую связь между роднымъ отцомъ и сыномъ. На какомъ же основаніи здѣсь говорится также объ отцѣ, что и для него этотъ ἀγὼν οὐ μικρὸς, ἀλλὰ περὶ τῶν μεγίστων?

Можно возразить, что Хэрестратъ, какъ мы ниже увидимъ (см. гл. III § 3), былъ усыновленъ по завѣщанію, и поэтому могъ сдѣлаться наслѣдникомъ только посредствомъ иска о наслѣдствѣ (ἐπιδικασία); а такъ какъ противниками оспаривалась подлинность духовнаго завѣщанія и упомянутаго въ немъ усыновленія, то Хэрестрату было сначала необходимо доказать подлинность этого документа (что онъ и старается доказать въ этой рѣчи), такъ что покуда дѣло это не было рѣшено, онъ еще могъ считаться сыномъ Фанострата и исходъ этого дѣла могъ также интересовать отца.

Мы, однако, считаемъ эту возможность мало вѣроятной и

---

1) См. R. Volkmann. Die Rhetorik der Griechen und Römer, 2-oe изданіе, Leipzig 1885, стр. 128 сл.

не думаемъ, чтобы слова οὐ μικρός и περὶ τῶν μεγίστων имѣли эгоистическое, чисто матеріалистическое значеніе, т. е. мы не думаемъ, чтобы отецъ или сынъ ради какихъ-нибудь чисто матеріалистическихъ цѣлей добивались этого наслѣдства. Какъ явствуетъ изъ нашей рѣчи, они были люди пребогатые [1]), Фаностратъ былъ 7 разъ тріерархомъ, исправлялъ и всѣ остальныя литургіи и притомъ такъ хорошо, что одержалъ множество побѣдъ; Хэрестратъ, не смотря на свою молодость, былъ уже тріерархомъ, хорегомъ и гимназіархомъ, а младшій братъ его также уже былъ хорегомъ; всѣ трое притомъ принадлежали къ числу трехсотъ богатѣйшихъ гражданъ и исправно платили всѣ налоги (см. стр. 51 сл.). Для такихъ богатыхъ и знатныхъ гражданъ наслѣдство Филоктемона, какъ бы оно ни было велико, не могло имѣть такого значенія, чтобы ихъ хорошій другъ въ этой рѣчи публично заявилъ, что этотъ ἀγὼν οὐ μικρὸς αὐτοῖς, ἀλλὰ περὶ τῶν μεγίστων. Если эти слова, поэтому, не пустая фраза, — что мы считаемъ вполнѣ невозможнымъ —, то они должны имѣть совершенно другое значеніе.

Надо вспомнить, какъ настоятельно и старательно Аѳиняне заботились о томъ, чтобы домъ ихъ не осиротѣлъ, имя не вымерло и связанныя съ родомъ sacra не прекратились. У старика Евктемона было, какъ мы видѣли, 3 сына и 2 дочери: сыновья умерли, не оставивъ по себѣ дѣтей, изъ дочерей одна вышла замужъ за Хэрея, но имѣла отъ него только дочь, вторая же вышла за-мужъ за нашего Фаностратa и у нихъ было, какъ мы видѣли, 2 сына: Хэрестратъ и его младшій братъ. Такимъ образомъ у старика Евктемона не оставалось ни одного сына, который могъ бы продолжать его родъ, послѣ его смерти домъ его, стало-быть, долженъ былъ вымереть. Это было конечно весьма нежелательно, поэтому Филоктемонъ усыновилъ своего племянника Хэрестратa, а отецъ Хэрестратa, конечно, столь же искренно желалъ, чтобы домъ этотъ не вымеръ. Вотъ почему онъ такъ интересовался исходомъ этого процесса. Но это еще не все. Противники Хэрестратa требовали, чтобы наслѣдство это было дано малолѣтнимъ мнимымъ сыновьямъ Евктемона отъ Алки, опекуномъ которыхъ они называли самихъ себя. На самомъ же дѣлѣ, какъ доказываетъ нашъ ораторъ, это только подкидыши, такъ какъ это незаконнорожденные сыновья Алки и Діона. Еслибы, стало

1) Ср. въ особенности стр. 51 сл.

быть, Хэрестратъ проигралъ процессъ, то онъ не лишился бы только наслѣдства Филоктемона (что для него, какъ мы видѣли, было не особенно важно), но домъ Евктемона и Филоктемона на самомъ дѣлѣ вымеръ бы такимъ образомъ, а наслѣдство попало бы въ руки сыновей публичной женщины. Этого, конечно, ни Фанострать ни Хэрестратъ, какъ ближайшіе родственники, допустить не могли. Вотъ почему здѣсь говорится, что этотъ процессъ для нихъ οὐ μικρὸς, ἀλλὰ περὶ τῶν μεγίστων. Они никакъ не могли поступить иначе. Исей, стало быть, не употребилъ здѣсь избитой, пустой фразы — дѣло это было на самомъ дѣлѣ весьма серьезное.

Обратимся теперь къ разбору вышеупомянутаго вопроса. Въ нашей рѣчи, къ сожалѣнію, нѣтъ ни одного точнаго указанія или намека на стоимость Евктемонова имущества, такъ что мы уже напередъ должны отказаться отъ мысли опредѣлить ее — хоть приблизительно — столь же точно, какъ напр. стоимость оставшагося послѣ Демосѳенова отца наслѣдства[1]). Въ § 33, правда, приводятся суммы, за которыя Андрокломъ и Антидоромъ были проданы нѣкоторые предметы, входившіе въ составъ Евктемонова имущества. Но помимо того, что вырученныя ими суммы врядъ ли вполнѣ соотвѣтствовали дѣйствительной цѣнности этихъ предметовъ, общій итогъ вырученныхъ ими денегъ равнялся, какъ мы ниже увидимъ, только тремъ талантамъ съ небольшимъ (σύμπαντα δὲ πλείονος ἢ τριῶν ταλάντων). Къ этой суммѣ можно развѣ еще прибавить землю, подаренную Евктемономъ сыну Алки (§ 23: χωρίον ἕν). Стоимость этой земли, правда, не сообщается и поэтому и мы, конечно, ея опредѣлить не можемъ, тѣмъ болѣе, что стоимость аттическихъ земель была весьма различная (см. ниже). Но такъ какъ дареніе этой земли является результатомъ сдѣлки между Евктемономъ и Филоктемономъ, совершенной ради удовлетворенія и выдѣленія старшаго сына Алки, то наше предположеніе, что общій итогъ вышеупомянутыхъ трехъ съ небольшимъ талантовъ и стоимости этой земли равнялся приблизительно 4 талантамъ, очевидно не можетъ считаться очень рискованнымъ. Еслибы эта сумма не находилась ни въ какой связи съ послѣдующими изложеніями оратора, то изъ этого, конечно, ничего бы не слѣдовало. Но въ § 38 говорится, что отъ перво-

1) Ср. O. Schultheß, Die Vormundschaftsrechnung des Demosthenes, Frauenfeld 1899 и цитированную тамъ литературу.

начальнаго имущества Евктемона не сохранилось и половины (μηδὲ τὰ ἡμίσεα εἶναι λοιπά) и всѣ доходы прекратились (καὶ τὰς προσόδους ἁπάσας ἠφανίσθαι). Такъ какъ о другихъ продажахъ или растратахъ нигдѣ ничего не говорится [1]) — ибо еслибы оратору были бы еще извѣстны такіе факты, то онъ, разумѣется, не упустилъ бы удобнаго случая упомянуть и объ этихъ уловкахъ — то выходитъ, что стоимость всего имущества равнялась только приблизительно 6—7 талантамъ.

Эта ничтожная сумма — уже сама по себѣ по отношенію къ Евктемону немыслимая — дѣлается еще болѣе невѣроятной, если мы обратимъ вниманіе на то, что въ томъ-же § 38 только что было сообщено нашимъ ораторомъ, а именно: „οὕτω πολλὴν οὐσίαν ἐκέκτητο Εὐκτήμων μετὰ τοῦ υἱέος Φιλοκτήμονος, ὥστε ἅμα τε τὰ μέγιστα ὑμῖν λειτουργεῖν ἀμφοτέρους τῶν τε ἀρχαίων μηδὲν πραθῆναι τῶν τε προσόδων περιποιεῖν, ὥστε ἀεί τι προσκτᾶσθαι“. Человѣкъ, который имѣлъ столько денегъ, что не смотря на многократное исполненіе самыхъ обременительныхъ литургій не только ни разу не тронулъ своего капитала, но даже имѣлъ возможность откладывать кое-что изъ доходовъ, получаемыхъ имъ отъ этого капитала, такъ что его основной капиталъ росъ съ каждымъ годомъ, мы говоримъ — такой человѣкъ не могъ имѣть всего только 6 талантовъ. Такъ какъ съ капиталовъ въ тѣ времена среднимъ числомъ получали по 12 % (ἐπὶ δραχμῇ) [2]), то проценты съ означенныхъ 6 талантовъ равнялись 5040 драхмамъ. Что же касается литургій, то тріерархія, какъ извѣстно, стоила никакъ не менѣе 40 минъ и не болѣе таланта (т. е. 60 минъ), стало-быть среднимъ числомъ 50 минъ = 5000 драхмъ; порядочная хорегія стоила 2000, 3000, 5000 драхмъ и т. д. А такъ какъ здѣсь говорится, что Евктемонъ и Филоктемонъ были въ состояніи τὰ μέγιστα ὑμῖν λειτουργεῖν, то это, именно, означаетъ, что они не только часто исполняли литургіи, но исполняли самыя обременительныя литургіи и, разумѣется, при этомъ не жалѣли средствъ какъ изъ тщеславія, такъ и для того, чтобы не осра-

1) Въ §§ 36 и 37, правда, говорится о другой уловкѣ и къ этому прибавляется, что еслибы эта уловка удалась, то отъ всего имущества ничего бы не осталось (ἀπωλώλει ἂν ἅπασα ἡ οὐσία). Но такъ какъ тамъ-же разсказывается, что эта уловка не удалась, то она здѣсь, конечно, никакой роли не играетъ.

2) См. въ особенности G. Billeter, Geschichte des Zinsfusses im griechisch-römischen Alterthum, Leipzig 1898, стр. 10 сл.

миться передъ зятемъ Фанострaтомъ, о которомъ сообщается въ § 60, что онъ τὰς λειτουργίας ἁπάσας λελειτούργηκε καὶ τὰς πλείστας νίκας νενίκηκεν. Если же Евктемонъ, стало-быть, напр. на одну тріерархію тратилъ по крайней мѣрѣ 5000 драхмъ, а проценты съ капиталовъ не превышали 5040 драхмъ, то мы не понимаемъ, какимъ образомъ ораторъ могъ сказать, что онъ не только не трогалъ капитала, но даже откладывалъ кое-что изъ процентовъ, тѣмъ болѣе, что ему кромѣ издержекъ на литургіи нужно же было израсходывать не мало денегъ и на пропитаніе самого себя и семейства.

Къ этому можно еще прибавить слѣдующія косвенныя доказательства. Въ 340 г., какъ извѣстно, по предложенію Демосѳена былъ изданъ законъ, на основаніи котораго изъ числа состоятельныхъ гражданъ имѣющіе не менѣе 10-ти талантовъ должны были снаряжать по 1 кораблю, имѣющіе 20 талантовъ — по 2 корабля, болѣе же 2 кораблей никто даже изъ состоятельнѣйшихъ людей не былъ обязанъ ставить; кто же не имѣлъ 10 талантовъ, тотъ съ остальными менѣе богатыми гражданами соединялся въ т. н. синтеліи, т. е. соединялся съ другими не особенно зажиточными членами одной и той же симміріи съ тѣмъ, чтобы совокупность ихъ капиталовъ составляла 10 талантовъ и этимъ давала имъ возможность сообща ставить 1 корабль. Десять талантовъ составляли, стало-быть, минимальный размѣръ состоянія, нѣкоторымъ образомъ значительнаго. Далѣе, отецъ Демосѳена въ 376 г. оставилъ по себѣ имущество, равнявшееся приблизительно 14 талантамъ; опекуны Демосѳена внесли этого мальчика въ первый податной классъ, къ которому принадлежали 300 состоятельнѣйшихъ гражданъ и гдѣ податной капиталъ (τίμημα) составлялъ 5-ую часть фактическаго состоянія. Капиталъ, оставленный отцомъ Демосѳена, стало-быть, считался значительнымъ, но именно то обстоятельство, что Демосѳенъ такъ часто и такъ настойчиво сообщаетъ, что платилъ столько же сколько Тимоѳей сынъ Конона и другіе богатѣйшіе граждане (εἰσφέρειν, ὅσονπερ Τιμόθεος ὁ Κόνωνος καὶ οἱ τὰ μέγιστα κεκτημένοι τιμήματα εἰσέφερον), ясно указываетъ на то, что сумма эта нисколько не считалась особенно высокой. Тимоѳей, одинъ изъ самыхъ богатыхъ аѳинскихъ гражданъ, никогда въ подобномъ случаѣ не указалъ-бы на Демосѳена. Капиталъ Демосѳена, стало-быть, также чуть ли не равнялся минимальному размѣру, предполагавшемуся у членовъ перваго податного класса. Затѣмъ въ XI рѣчи Исея (περὶ τοῦ Ἀγνίου κλήρου) ораторъ говоритъ, что противникъ безъ малѣйшаго осно-

ванія выдаетъ его за человѣка богатаго, такъ какъ у него безъ малаго всего только 4 таланта, между тѣмъ какъ Стратоклъ, отецъ противника, оставилъ по себѣ 8 талантовъ. Нигдѣ не говорится, что противникъ или отецъ его вслѣдствіе этого принадлежали къ числу состоятельнѣйшихъ гражданъ, въ § 39 только указывается на то, что на эти деньги можно было дать приличное приданое каждой изъ четырехъ дочерей Стратокла и что противникъ не смотря на то еще могъ считаться богатымъ человѣкомъ (ὥστε καὶ τὰς θυγατέρας ἐξ αὐτῶν διαθεῖναι καλῶς καὶ τὸν παῖδα ἐκ τῶν λοιπῶν μηδὲν ἧττον εἶναι πλούσιον), при чемъ, конечно, не слѣдуетъ забывать, что приличное приданое среднимъ числомъ равнялось 1 таланту. Дикэогенъ [1]) получалъ ежегоднаго дохода 80 минъ, капиталъ его, стало-быть, равнялся приблизительно 11 талантамъ (= 12 %), но не смотря на то, онъ называется просто „πλούσιος“. Фэниппъ [2]) имѣлъ 15 талантовъ, но не смотря на то, Böckh, извѣстный знатокъ этихъ вопросовъ, говоритъ: „Wer soviel hatte, konnte schon für ziemlich reich gelten“, значитъ только „ziemlich reich“, не больше. „Viele Athener“, продолжаетъ онъ затѣмъ, „waren indess bei weitem begüterter“ и указываетъ на людей, имѣвшихъ 30, 40, 50, 60, 70 и 100 талантовъ; Каллій, о которомъ говорили, что онъ πλουσιώτατος Ἀθηναίων (Plut. Aristid. 25) имѣлъ около 200 талантовъ, а Епикрату (Harpocr. s. v. Ἐπικράτης) даже приписывали имущество въ 600 талантовъ.

Если съ этими датами сравнить то, что въ вышеупомянутомъ § 38 было сообщено объ имуществѣ Евктемона, то не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что имущество Евктемона ни въ какомъ случаѣ не могло равняться всего только 6—7 талантамъ, и что поэтому слова „ὥστε τῶν ἀρχαίων μηδὲ τὰ ἡμίσεα εἶναι λοιπά κτλ.“ больше ничего какъ простая фраза, часто встрѣчающаяся въ рѣчахъ аттическихъ ораторовъ, нисколько не стѣснявшихся преспокойно произносить такую явную ложь [3]).

1) Ср. Isae, or. V περὶ τοῦ Δικαιογένους κλήρου, § 35.

2) См. A. Boeckh, Staatshaush. I³, стр. 562 сл.

3) Ср. O. Schulthess. Vormundschaftsrechnung des Demosthenes стр. 2 сл., который о Демосѳенѣ сообщаетъ то-же самое. Ср. въ особенности стр. 11 прим. 1: „Ich habe mich lange gesträubt, diesen für Demosthenes keineswegs schmeichelhaften Schluss zu ziehen, sehe aber keine andere Möglichkeit, den Widerspruch zu erklären, als die Annahme bewusster Täuschung“. Равнымъ образомъ уже до Schulthess'a судили о Демосѳенѣ Böckh „absichtliche Unwahrheit“ и Büchsenschütz „Die Angaben sind dort sehr bedenklich“.

Евктемонъ, стало-быть, ни въ какомъ случаѣ не имѣлъ менѣе 10 талантовъ, а по всей вѣроятности даже несравненно больше. Точнѣе опредѣлить эту сумму, однако, нѣтъ никакой возможности.

Однако тутъ насъ, быть можетъ, спросятъ, почему мы такъ подробно остановились на этомъ вопросѣ, если общеизвѣстно, что аттическіе ораторы, не исключая и Демосѳена, не стыдились лгать, если этого требовали либо ихъ собственные интересы (какъ напр. въ упомянутомъ Демосѳеновомъ искѣ по дѣлу объ отцовскомъ наслѣдствѣ), либо интересы кліентовъ, для которыхъ ими были написаны данныя рѣчи. Сколь справедливымъ само по себѣ ни казалось бы это возраженіе, мы въ нашемъ случаѣ справедливости этого возраженія признать не можемъ. Нельзя стричь всѣхъ подъ одну гребенку. Duo quum faciunt idem, non est idem. Мы не должны забывать, что кліенты нашего оратора принадлежали къ числу знатнѣйшихъ аѳинскихъ гражданъ, были причислены къ 300 богатѣйшимъ гражданамъ и по всей вѣроятности были богаче Евктемона. Можно ли при такихъ обстоятельствахъ предположить, что люди эти прибѣгли къ такой низкой и пошлой лжи? Рѣчь эта, правда, не произносится ни Фаностратомъ, ни Хэрестратомъ; однако мы видѣли, что другъ ихъ, произнесшій эту рѣчь, былъ такимъ же извѣстнымъ, знатнымъ и состоятельнымъ человѣкомъ, какъ и они сами, такъ что обстоятельства отъ этого нисколько не измѣняются, тѣмъ болѣе, что онъ въ § 17 говоритъ слѣдующее: „ἴσως μέν ἐστιν ἀηδὲς Φανοστράτῳ, ὦ ἄνδρες, τὰς Εὐκτήμονος συμφορὰς φανερὰς καθεστάναι· ὀλίγα δ' ἀναγκαῖον ῥηθῆναι, ἵν' ὑμεῖς τὴν ἀλήθειαν εἰδότες ῥᾷον τὰ δίκαια ψηφίσησθε“. Семейству Фаностратa, стало-быть, было въ высшей степени непріятно и досадно, что всѣ эти довольно скандальныя домашнія обстоятельства, которыя на ихъ взглядъ не должны были сдѣлаться гласными, обсуждались здѣсь публично. Такая деликатность свойственна только людямъ приличнымъ и образованнымъ. И эти деликатные люди обманываютъ судей! Это предположеніе столь дико, что о немъ не стоило бы и говорить. И не смотря на дикость этого предположенія, оно всетаки единственно возможное. Какое же мыслимо другое объясненіе? Мы открыто сознаемся, что мы другого не знаемъ. Если же это такъ, то мы приходимъ къ тому изумительному заключенію, что въ Аѳинахъ даже люди знатные и приличные при случаѣ безъ зазрѣнія совѣсти въ видахъ личной выгоды преувеличивали нѣкоторые факты и этимъ обманывали судей. Такія преувеличенія

мы встрѣчаемъ сплошь да рядомъ. Демосѳенъ[1]), напримѣръ, сообщаетъ подробную опись всего имущества, оставшагося по смерти отца. Если сложить всѣ суммы, то общій итогъ равняется 13 талантамъ и 46 минамъ (= 82,600 драхмамъ), Демосѳенъ же преспокойно говоритъ, что всего было 14 талантовъ (= 84,000 драхмъ); ему можетъ быть хотѣлось округлить эту сумму, но развѣ можно sans façon набавить цѣлыхъ 14 минъ (1400 драхмъ)? „Wie würde man heutzutage", восклицаетъ Schulthess, „wo wir doch mit viel grösseren Summen zu rechnen gewohnt sind, den Processgegner ansehen, der einen Posten von 82,600 Drachmen der Einfachheit halber zu seinen Gunsten auf 84,000 Drachmen erhöhen würde?" Онъ правъ. Древніе очевидно смотрѣли на это нѣсколько иначе, поэтому и мы должны свыкнуться съ мыслью, что нашъ ораторъ, который въ общемъ производитъ впечатлѣніе человѣка вполнѣ надежнаго, въ этомъ отношеніи не отличается отъ своихъ современниковъ. Чтобы доказать этотъ на первый взглядъ повидимому не особенно правдоподобный фактъ, мы должны были подробнѣе доказать, что упомянутое показаніе нашего оратора невозможно и немыслимо.

Итакъ мы, къ сожалѣнію, должны отказаться отъ мысли, хотя бы и приблизительно опредѣлить стоимость Евктемонова имущества. Обратимся, поэтому, теперь къ разбору тѣхъ движимостей и недвижимостей, которыя согласно показаніямъ или намекамъ нашего оратора входили въ составъ Евктемонова имущества. Однако мы должны сначала оговориться. Мы употребили здѣсь современныя понятія и выраженія „движимость" и „недвижимость". Греческіе лексикографы, правда, также говорятъ о различіи между движимыми и недвижимыми вещами (ἔπιπλα и οὐσία ἔγγειος), при чемъ они къ послѣднимъ, какъ явствуетъ изъ самого названія, причисляли только поземельныя имущества. Однако это различіе, очевидно, образовалось только подъ вліяніемъ римскаго права, такъ какъ до обращенія Греціи въ римскую провинцію слова эти нигдѣ не имѣютъ упомянутаго значенія. Классическіе авторы, напротивъ, говорятъ о совершенно другомъ различіи. У нихъ постоянно встрѣчаются выраженія: οὐσία φανερά и οὐσία ἀφανής, они, стало быть, различаютъ между „явными" и „неявными" вещами. Какія-же однако вещи принадлежали къ явнымъ или неявнымъ? Лексикографы утверждаютъ, что ἀφανὴς

1) Ср. Schulthess l. c. стр. 2 сл.

μὲν ἡ ἐν χρήμασι καὶ σώμασι[1]) καὶ σκεύεσι, φανερὰ δὲ ἡ ἔγγειος, такъ что это, повидимому, только другія названія для движимыхъ и недвижимыхъ вещей. Но такъ какъ это показаніе лексикографовъ никакъ не вяжется съ тѣмъ, что мы читаемъ въ рѣчахъ аттическихъ ораторовъ, а послѣдніе какъ современники должны были лучше знать и понимать значеніе этихъ словъ, то это толкованіе лексикографовъ никакой цѣны не имѣетъ. Однако при внимательномъ изученіи рѣчей аттическихъ ораторовъ получается изумительный результатъ, заключающійся въ томъ, что ораторы ничуть не связывали съ этими названіями всегда одни и тѣ же понятія.

Мы, разумѣется, не станемъ здѣсь разбирать примѣры, почерпнутые изъ рѣчей другихъ ораторовъ[2]), а остановимся только на рѣчахъ Исея. Можно было бы a priori предположить, что по крайней мѣрѣ одинъ и тотъ же авторъ не измѣняетъ себѣ въ пониманіи значенія этихъ словъ. Оказывается, однако, что на самомъ дѣлѣ это предположеніе не оправдывается. Въ VIII рѣчи (περὶ τοῦ Κίρωνος κλήρου) § 35 мы читаемъ Κίρων γὰρ ἐκέκτητο οὐσίαν, затѣмъ упоминаются пашня (ἀγρός), дома (οἰκίαι), рабы (ἀνδράποδα) и домашняя утварь и мебель (ἔπιπλα), а въ заключеніе говорится, что σύμπαντα δὲ ὅσα φανερὰ ἦν, πλέον ἢ ἐνενήκοντα μνῶν. Этой οὐσία φανερά противопоставляются δανείσματα οὐκ ὀλίγα, ἀφ' ὧν ἐκεῖνος τόκους ἐλάμβανε т. е. деньги данныя въ займы и приносящія ему проценты; эти ссуды, стало-быть, при-

1) Σώματα обыкновенно употребляется только о рабахъ, но здѣсь оно очевидно обозначаетъ и животныхъ.

2) Ср. Beauchet l. c. III 13 сл. и 5 сл., гдѣ цитирована и вся литература этого вопроса, такъ что намъ здѣсь приводить ея не стоитъ; не упомянута статья Thalheim'a у Pauly-Wissowa s. v. ἀφανὴς οὐσία. Тутъ кстати можно привести примѣръ хорошо показывающій, до какой степени Beauchet рабски зависитъ отъ своихъ предшественниковъ. Для сравненія мы воспользуемся сочиненіемъ P. Guiraud, La propriété fonçière en Grèce, Paris 1893.

Guiraud стр. 173.

„Ce ne sont pas simplement les immeubles qui constituent l'ουσία φανερά, ce sont aussi les meubles, et l'οὐσία ἀφανής ne comprend que les capitaux. A vrai dire même, celle-ci ne comprend pas tous les capitaux. Une somme d'argent, une créance peuvent à volonté être ostensibles ou non".

Beauchet III стр. 15.

„On ne peut donc dire que les immeubles seuls constituent l'οὐσία φανερά: celle-ci comprend également des meubles, et l'οὐσία ἀφανής ne renferme que des capitaux. L'οὐσία ἀφανής ne comprend même pas tous les capitaux, car une somme d'argent, une créance, peuvent, suivant les cas, être ostensibles ou non".

числяются имъ къ неявному имуществу (οὐσία ἀφανής)[1]). Въ § 30 нашей VI рѣчи мнимые опекуны этихъ мальчиковъ говорятъ Евктемону: τῆς γὰρ φανερᾶς οὐσίας οὐδένα κύριον ἔσεσθαι τελευτήσαντος Εὐκτήμονος ἄλλον ἢ τὰς θυγατέρας καὶ τοὺς ἐκ τούτων γεγονότας· εἰ δὲ ἀποδόμενός τι τῶν ὄντων ἀργύριον καταλίποι, τοῦτο βεβαίως ἔξειν αὐτούς, тутъ ораторомъ противопоставляются οὐσία φανερά = вещи, проданныя ими впослѣдствіи и упомянутыя въ § 33, и οὐσία ἀφανής = ἀργύριον т. е. вырученныя ими деньги. Въ XI рѣчи περὶ τοῦ Ἁγνίου κλήρου §§ 42 сл. ораторъ называетъ двѣ пашни, два дома, 60 овецъ, 100 козъ, верховую лошадь, разную домашнюю утварь, съѣстные припасы и наконецъ деньги, какъ данныя въ займы (χρέα ἐπὶ τόκοις ὀφειλόμενα), такъ и наличныя (ἔτι δὲ ἔνδον ἐννακοσίας δραχμάς. πρὸς δὲ τούτοις — ὀφλήματα εἰσπεπραγμένα). Затѣмъ онъ продолжаетъ: καὶ οὔπω λέγω περὶ τῶν ἄλλων, ἃ κατελείφθη μὲν οὗτοι δ' οὐκ ἀποφαίνουσιν, ἀλλὰ τὰ φανερὰ καὶ τὰ ὑπὸ τούτων ὁμολογούμενα.

Мы видимъ, стало-быть, что въ первомъ случаѣ къ οὐσία ἀφανής причислялись деньги, данныя въ займы, во второмъ случаѣ наличныя деньги, полученныя за проданныя вещи, въ третьемъ же случаѣ и тѣ и другія причислялись къ οὐσία φανερά, неявными же вещами (οὐσία ἀφανής) назывались вещи или деньги, припрятанныя данными лицами[2]). Во всѣхъ трехъ случаяхъ, значитъ, другое значеніе. Какъ тутъ быть? Единственно вѣрное толкованіе можно заключить изъ третьяго примѣра. Словами „οὐσία ἀφανής“ не обозначается спеціально ни одинъ изъ упомянутыхъ родовъ денегъ, а вообще каждая вещь, каждое имущество припрятанное и такимъ образомъ скрываемое владѣльцемъ. А такъ какъ домъ, пашню и т. п. (т. е. другими словами — недвижимое имущество) припрятать нельзя, то ясно, что къ οὐσία ἀφανής могло принадлежать только движимое имущество, но конечно не всякое движимое имущество, а только то, которое въ данномъ

1) Ср. аналогичный примѣръ у Demosth. or. 38 πρὸς Ναυσίμαχον § 7: „ἐγὼ δ' οἶδ' ἀκούων ὅτι τὴν οὐσίαν — ἅπασαν χρέα κατέλιπον, καὶ φανερὰν ἐκέκτηντο μικράν τινα.

2) Такое же причисленіе денегъ къ φανερὰ οὐσία мы находимъ напр. также у Ps.-Demosth. XLVIII κατὰ Ὀλυμπιοδώρου § 12: „ἀργύριον δ' εἴ τι κατέλιπεν ὁ Κόμων φανερὸν — τοῦθ' ἅπαν σχεδόν τι ἀνηλώθη εἴς τε τὴν ταφὴν κτλ.“ Demosth. XXVIII κατ' Ἀφόβου Β § 3: „ὁ πατὴρ τήν τ' ἄλλην οὐσίαν καὶ τέτταρα τάλαντα καὶ τρισχιλίας φανερὰς ἐποίησεν“.

случаѣ владѣлецъ по какимъ-нибудь причинамъ скрывалъ. Вотъ почему въ одномъ случаѣ деньги, данныя въ займи или наличныя, причислялись къ οὐσία ἀφανής, а въ другомъ къ οὐσία φανερά. Но и недвижимое имущество и вообще всякая φανερὰ οὐσία могли быть превращены въ οὐσία ἀφανής напр. посредствомъ продажи, ссуды, даренія и т. п. Такая манипуляція, которая обозначалась выраженіями τὴν οὐσίαν ἀφανῆ καταστῆσαι, οὐσίαν φανερὰν ἐξαργυρίζειν, ἀποκρύπτεσθαι τὴν οὐσίαν, τὰ ὄντα ἀφανίζειν и т. п., производилась обыкновенно тѣми, которые желали освободиться отъ обязанности исполнять литургіи, платить прямыя подати, лишить кого-нибудь нѣкоторой части наслѣдства и т. п. ср. напр. Ps.-Lysias XX ὑπὲρ Πολυστράτου § 23: „καὶ ἐξὸν αὐτῷ τὴν οὐσίαν ἀφανῆ καταστήσαντι μηδὲν ὑμᾶς ὠφελεῖν, εἵλετο μᾶλλον συνειδέναι ὑμᾶς, ἵνα — εἰσφέροι τε τὰς εἰσφορὰς καὶ λειτουργοίη. Demosth. XXVIII κατ' Ἀφόβου β' § 3 οὐκ ἀποκέκρυπται τὴν οὐσίαν, ἀλλὰ χορηγεῖ καὶ τριηραρχεῖ καὶ τὰς ἄλλας λητουργίας λητουργεῖ (ср. также упомянутый § 30 нашей рѣчи). Противоположная манипуляція обозначается выраженіемъ φανερὰ τὰ ὄντα καταστῆσαι ср. напр. Isae. or. VII περὶ τοῦ Ἀπολλοδώρου κλήρου § 39: φανερὰ τὰ ὄντα καταστήσας ὑμῖν, ὅσα προστάττοιτε, πάνθ' ὑπηρέτει φιλοτίμως. Итакъ значеніе словъ οὐσία φανερά и ἀφανής, на нашъ взглядъ, можетъ считаться вполнѣ яснымъ. Въ нашей рѣчи (§ 30) ораторъ, стало-быть, также говоритъ о такой ἀφάνισις имущества, которое такимъ образомъ изъ φανερὰ οὐσία превратилось въ οὐσία ἀφανής. Если мы хорошо запомнимъ эту разницу между οὐσία φανερά и ἀφανής, то отъ употребленія современныхъ выраженій „движимости и недвижимости", на нашъ взглядъ, никакія недоразумѣнія произойти не могутъ.

Послѣ этой предварительной замѣтки перейдемъ теперь къ разбору вышеупомянутаго вопроса: какія недвижимости и движимости входили въ составъ Евктемонова имущества?

Начнемъ съ § 33, гдѣ ораторомъ перечисляются имущества, проданныя племянниками Евктемона, Андрокломъ и Антидоромъ: „ἀποδίδοται ἀγρὸν μὲν Ἀθμονοῖ πέντε καὶ ἑβδομήκοντα μνῶν Ἀντιφάνει, τὸ δ' ἐν Σηραγγίῳ βαλανεῖον τρισχιλίων Ἀριστολόχῳ· οἰκίαν δὲ ἐν ἄστει τεττάρων καὶ τετταράκοντα μνῶν ὑποκειμένην ἀπέλυσε τῷ ἱεροφάντῃ. ἔτι δὲ αἶγας ἀπέδοτο σὺν τῷ αἰπόλῳ τριῶν καὶ δέκα μνῶν, καὶ ζεύγη δύο ὁρικά, τὸ μὲν ὀκτὼ μνῶν τὸ δὲ πεντήκοντα καὶ πεντακοσίων δραχμῶν, καὶ δημιουργοὺς ὅσοι ἦσαν αὐτῷ. σύμπαντα δὲ πλείονος ἢ τριῶν ταλάντων, ἃ ἐπράθη διὰ ταχέων πάνυ τελευτήσαντος

Φιλοκτήμονος". Проданы ими были, стало-быть, слѣдующія имущества [1]):

1.	Земля въ демѣ Аѳмонѣ, проданная Антифану за 75 m.	7500 d. =	1875,00 p.
2.	Баня въ мѣстечкѣ Серангіи, проданная Аристолоху за 3000 d. . .	3000 d. =	750,00 p.
3.	Домъ въ городѣ, подъ который іерофантъ взялъ у Евктемона 44 m., а впослѣдствіи выкупилъ за ту-же сумму	4400 d. =	1100,00 p.
4.	Стадо козъ съ пастухомъ, проданныя вмѣстѣ за 13 m.	1300 d. =	325,00 p.
5.	Двѣ пары запряженныхъ муловъ		
	a) проданная за 8 m.	800 d. =	200,00 p.
	b) проданная за 550 d.	550 d. =	137,50 p.
6.	Всѣ рабы-ремесленники	?	?
		17550 d. =	4387,50 p.

Цѣна, за которую были проданы означенные рабы-ремесленники, къ сожалѣнію, не обозначена. Ораторъ, правда, сообщаетъ что продавцы всего на всего выручили болѣе трехъ талантовъ. Сумма всѣхъ вышеозначенныхъ предметовъ — за исключеніемъ

---

1) Такъ какъ у Исея упоминаются то мины то драхмы, то мы всѣ суммы раздробили въ драхмы. Кромѣ того мы еще обозначили стоимость этихъ имуществъ въ рубляхъ и копѣйкахъ. Точно опредѣлить нынѣшнюю стоимость древнихъ монетъ, конечно, нельзя, поэтому и не удивительно, что мнѣнія ученыхъ расходятся. Такъ напр. нѣкоторые говорятъ, что талантъ равнялся приблизительно 1415 рублямъ, мина = 24 рублямъ, драхма = 24 копѣйкамъ; другіе полагаютъ, что талантъ приблизительно = 1500 рубл., мина = 25 рубл., драхма = 25 коп., третьи думаютъ, что талантъ = 1575 руб., мина = $26^1/_4$ руб., драхма = $26^1/_4$ коп. и т. д. Мы одобрили второе предположеніе (см. Böckh, Staatshaush. I³ стр. 23) не потому, что считаемъ это предположеніе безусловно вѣрнымъ, а потому, что при этомъ исчисленіи получаются круглыя числа. Притомъ мы прибавили стоимость въ рубляхъ единственно потому, чтобы дать читателямъ хоть нѣкоторое представленіе о приблизительной стоимости этихъ имуществъ. Точнаго представленія числа эти сами по себѣ всетаки дать не могутъ, такъ какъ жизнь въ древности была дешевле и цѣны вещамъ были несравненно ниже теперешнихъ. Поэтому не велика бѣда, еслибы суммы эти въ дѣйствительности были нѣсколько выше или ниже фактическихъ. Наконецъ обращаемъ вниманіе читателей еще на слѣдующія сокращенія: t = таланты, m = мины, d = драхмы, p = рубли.

рабовъ-ремесленниковъ — равняется, какъ мы видѣли, 17550 драхмамъ = 2 t. 55 m. 50 d., чтобы получить по крайней мѣрѣ 3 таланта нужно, стало-быть, еще прибавить $4^1/_2$ m. = 4 m. 50 d. Но ораторъ говоритъ, что они выручили болѣе 3 талантовъ, они получили, слѣдовательно, за рабовъ-ремесленниковъ болѣе $4^1/_2$ минъ, но сколько именно — опредѣлить нельзя, такъ какъ ни количество, ни качества, ни ремесла этихъ рабовъ не извѣстны [1]).

Обратимся теперь къ остальнымъ предметамъ, упомянутымъ въ этомъ спискѣ. Не лишнимъ считаемъ, однако, обратить вниманіе читателей еще разъ на то обстоятельство, что деньги, вырученныя продавцами, врядъ ли вполнѣ соотвѣтствовали дѣйствительной стоимости этихъ предметовъ. Цицеронъ (de officiis III 12, 51), правда, справедливо говоритъ, что продавецъ, quoniam vendat, velle quam optume vendere. Но это можно, конечно, только сказать объ обыкновенной продажѣ, не вызванной какими-нибудь чрезвычайными обстоятельствами, другими словами, когда продажа эта не къ спѣху. Когда же, какъ въ нашемъ случаѣ, имущество это было продано сломя голову (ἐπράθη διὰ ταχέων πάνυ τελευτήσαντος Φιλοκτήμονος), то продавецъ, разумѣется, не получилъ дѣйствительной стоимости или pluris multo, quam se venditurum putarit (Cic. l. c. III 13, 54). Имъ хотѣлось поскорѣе обратить означенную οὐσία φανερά въ ἀφανής, поэтому они несомнѣнно и не торговались до слезъ. Суммы эти, слѣдовательно, имѣютъ для насъ только аппроксимативное значеніе.

---

1) Reiske сильно ошибся. Онъ пишетъ: „poterat πολλῷ πλείονος dicere — imo ὀλίγου τεττάρων ταλάντων —. Summae enim istae consummatae conficiunt tria talenta, 45 minas hoc est 4 talenta, minus 15 minis". W. Jones. The speeches of Isaeus стр. 160 сл. уже замѣтилъ эту ошибку: „The text is extremely clear, but Reiske's note gives me infinite trouble; nor can I yet comprehend by what method of computation he made the whole sum rise to four talents, wanting fifteen minas. He was not, forsooth, with all his learning, a great arithmetician". H. Wallon, Histoire de l'esclavage dans l'antiquité, I² Paris 1879 стр. 475 также ошибся на 50 драхмъ: „La fortune totale est portée à plus de 3 talents; l'énumération des différentes parties dont elle se compose donne 2 talents 55 mines; mais il reste des esclaves ouvriers dont le nombre n'est point marqué et dont le prix peut être contenu dans les limites de 5 à 20 mines". Такъ какъ общій итогъ равнялся 2 t. 55 m. 50 d., то минимальная цѣна не 5, а $4^1/_2$ мины. Что же касается максимальной цѣны (20 m.), то мы видѣли, что у насъ нѣтъ ни какихъ данныхъ для опредѣленія этой суммы. Какую бы мы ни придумали сумму, ни одна не могла бы казаться болѣе или менѣе фантастической другой. Фантазія же съ наукой ничего общаго не имѣетъ.

1. На первомъ мѣстѣ въ спискѣ фигурируетъ земля въ демѣ Аѳмонѣ, проданная нѣкоему Антифану за 75 минъ. Аѳмонъ, одинъ изъ важнѣйшихъ аттическихъ демовъ, былъ причисленъ къ филѣ Κεκροπίς (впослѣдствіи къ филѣ Ἀτταλίς, учрежденной въ 200 г. до Р. Хр.) и находился въ равнинной части Аттики [1]); страна эта и въ древности была чрезвычайно плодородна и изобиловала главнымъ образомъ не только виноградными садами [2]), но несомнѣнно и оливковыми рощами. Что касается стоимости этой пашни, то мы лучше всего будемъ въ состояніи судить о ней, если сравнимъ ее съ извѣстными намъ цѣнами другихъ аттическихъ земель [3]), а именно: 60 d., $1^1/_2$ m., $2^1/_2$ m., 5 m., 10 m., 20 m., 30 m., 45 m., 48 m., 50 m., 1 t., 1 t. 10 m., 1 t. 15 m., 1 t. 20 m., 1 t. 40 m., 2 t., 2 t. 30 m., самая дешевая, стало-быть, стоила всего только 15 рублей, а самая дорогая 3750 рублей. Изъ приведенныхъ нами суммъ мы видимъ, во-первыхъ, что разница въ цѣнѣ была весьма значительная. Болѣе высокія цѣны зависѣли, конечно, отъ мѣстоположенія и качествъ данной земли т. е. отъ ея близости къ городу, отъ плодородности, отъ находящихся на ней строеній и т. д. Земля, оцѣненная въ 1 талантъ, считалась уже довольно значительной, ибо въ противномъ случаѣ, какъ справедливо говоритъ Бёкъ, Исей (or. VIII περὶ τοῦ Κίρωνος κλήρου § 35) не написалъ бы слѣдующей фразы: „ἀγρὸν Φλυῆσι, καὶ ταλάντου ῥᾳδίως ἄξιον". Такъ какъ наша земля

---

1) См. A. Milchhöfer, „Untersuchungen über die Demenordnung des Kleisthenes" въ Abhandlungen der Berliner Akademie 1892 Anhang стр. 30; Р. Леперъ, „Къ вопросу о димахъ Аттики", въ Журн. Мин. Нар. Просв. т. 289 сент. 1893 стр. 82 и 146; A. Milchhöfer и W. Judeich у Pauly-Wissowa, Realencycl. s. v. Attika стр. 2197 и 2229. Ср. также карты, приложенныя къ этимъ статьямъ. (Аѳмонъ въ триттіи VII с). Демъ Ἄθμονον находился въ плодородной мѣстности нынѣшней деревни Μαρούσι въ двухъ верстахъ къ югу отъ дема Кефисіи (находившемся на мѣстѣ нынѣшней Кефисіи) и всего въ $9^1/_2$ верстахъ отъ города Аѳинъ. Эта страна сегодня славится преимущественно своими знаменитыми оливковыми рощами, см. Neumann-Partsch, Physikalische Geographie von Griechenland, Breslau 1885 стр. 414 сл., Baedeker, Griechenland 1893 [3] стр. 123, но и виноградниковъ тамъ много см. Baedeker l. c.

2) См. напр. Aristoph. Εἰρήνη, v. 190: „Τρυγαῖος Ἀθμονεύς, ἀμπελουργὸς δέξιος" ср. Neumann-Partsch, l. c. стр. 436. Что и у Евктемона были виноградники, явствуетъ, быть можетъ, изъ § 20, однако объ этомъ рѣчь еще впереди.

3) Ср. Böckh, Staatshaush. I [3] стр. 79 сл.; Büchsenschütz, Besitz u. Erwerb, стр. 82 сл.; Guiraud, la propriété fonçière en Grèce стр. 392 сл.

стоила 75 минъ = 1 талантъ и 15 минъ, и такъ какъ продавцы, очевидно, не получили за нее дѣйствительной цѣны, то земля эта можетъ считаться довольно значительной, что подтверждается съ другой стороны тѣмъ, что земля эта, какъ мы видѣли, находилась въ равнинной т. е. плодородной части Аттики, вблизи города и изобиловала виноградными и, по всей вѣроятности, и оливковыми садами. Однако суммы эти, во-вторыхъ, важны еще въ другомъ отношеніи. Если одна изъ самыхъ дорогихъ земель, насколько намъ извѣстно, стоила всего только $2^1/_2$ таланта, а земля, оцѣненная въ 1 талантъ, уже считалась значительною, то ясно, что аѳинскія земли, какъ совершенно вѣрно говоритъ Guiraud „n'ont jamais une étendue considérable“ или „ont toujours une assez faible superficie“. Этотъ результатъ подтверждается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что на подобіе того какъ учрежденныя Клисѳеномъ филы состояли изъ разбросанныхъ по всей Аттикѣ демовъ, и земли, входившія въ составъ имущества зажиточныхъ аѳинскихъ гражданъ, насколько намъ извѣстно, никогда не составляли одно сплошное цѣлое, а напротивъ также были разбросаны по всевозможнымъ странамъ Аттики. Такъ напр. въ XI рѣчи Исея (περὶ τοῦ Ἁγνίου κλήρου § 42) разсказывается, что Стратоклъ имѣлъ имущества въ демахъ Θρῖα (триттія VI b), Μελίτη (VII a) Ἐλευσίς (VIII b) [1]; въ § 44 той же рѣчи ораторъ говоритъ, что у него есть имущество въ демахъ Οἰνόη (VIII b или IX b) [2] и Πρόσπαλτα (V c). Точно также и у нашего Евктемона была земля въ Аѳмонѣ (VII c), баня въ мѣстечкѣ Серангіи въ Пиреѣ (VIII a), домъ тамъ же въ Пиреѣ (VIII a), домъ въ Керамикѣ (V a) и еще по крайней мѣрѣ два дома въ городѣ и

1) Такъ какъ эти общепринятые знаки нѣкоторымъ изъ читателей, быть можетъ, не понятны, то обращаемъ вниманіе на то, что римскими цифрами обозначаются филы въ оффиціальномъ порядкѣ (I Ἐρεχθηίς, II Αἰγηίς, III Πανδιωνίς, IV Λεοντίς, V Ἀκαμαντίς, VI Οἰνηίς, VII Κεκροπίς, VIII Ἱπποθοωντίς, IX Αἰαντίς, X Ἀντιοχίς), а буквами a b c три округа, на которые Аттика была раздѣлена со временъ Клисѳена (a = т. н. городской округъ, b = береговой округъ, c = срединный округъ). Изъ этихъ цифръ и буквъ, стало-быть, видно, къ какимъ филамъ и округамъ принадлежали эти демы и гдѣ ихъ нужно искать на вышеупомянутыхъ картахъ; у Pauly, впрочемъ, на приложенной картѣ нѣтъ этихъ знаковъ.

2) Существовали въ Аѳинахъ два одноименныхъ дема „Οἰνόη“, одинъ въ филѣ Ἱπποθοωντίς, а другой въ филѣ Αἰαντίς. Schoemann въ своемъ переводѣ стр. 220 полагаетъ, что здѣсь говорится о Гиппоѳонтидской Ойноѣ. Но такъ какъ онъ не привелъ ни малѣйшаго доказательства, то вопросъ этотъ долженъ оставаться открытымъ.

земля, мѣстоположеніе которыхъ опредѣлить нельзя. Его имущество было, стало-быть, столь же разбросано. Это раздробленіе весьма характеристично для Аттики. „Le trait caractéristique d'un pays de grande culture", совершенно справедливо замѣчаетъ Guiraud, „est la tendance qu'ont les propriétaires à grouper leurs biens en un même lieu, de manière à constituer une exploitation d'un seul tenant —. Partout, au contraire, où la propriété est éparpillée, on peut affirmer hardiment que le sol est très morcelé".

2. Затѣмъ упоминается баня въ мѣстечкѣ Серангіи. Мѣстечко это, упомянутое также Лисіемъ въ рѣчи κατ' Ἀνδροτίωνος и Аристофаномъ въ комедіи Γεωργοί (и та и другая не сохранились), по показаніямъ древнихъ лексикографовъ находилось въ Пиреѣ [1]). Это опредѣленіе, нельзя не признаться, довольно неопредѣленное. Не удивительно поэтому, что вопросъ этотъ, заинтересовалъ географовъ и топографовъ [2]). Такъ какъ ни въ одномъ изъ сохранившихся источниковъ (см. Wachsmuth II l. c.) нѣтъ указанія на мѣстоположеніе Серангія, то остается только возложить надежду на этимологію этого имени. Σηράγγιον или Σηράγγειον [3]), которое древніе производили отъ нѣкоего Серанга, будто основавшаго это мѣстечко (κτισθεὶς ὑπὸ Σηράγγου· ἔστι δὲ αὐτοῦ καὶ ἡρῷον), въ дѣйствительности несомнѣнно обязано своимъ названіемъ характеру мѣстности, такъ какъ слово σηράγγιον уменьшительное, образованное отъ σῆραγξ „пещера въ скалѣ". Ваксмутъ поэтому справедливо говоритъ: „der Name deutet auf

1) Ср. напр. Harpocrat, s. v. χωρίον τι τοῦ Πειραιῶς οὕτω ἐκαλεῖτο.

2) Ср. въ особенности Bursian, Geographie von Griechenland I стр. 269; Wachsmuth, Stadt Athen I стр. 316 прим. 5 и II 1 стр. 175 прим. 3; G. Hirschfeld, Berichte der sächs. Gesell. d. Wiss. zu Leipzig, philol. hist. Cl. XXX (1878) стр. 29; Curtius und Kaupert, Karten von Attika, Blatt II a u Erläuternder Text, Heft I стр. 61 (Milchhöfer); ср. того-же Milchhöfer'a у Baumeister'a Denkmäler I стр. 162 (онъ цитируетъ тамъ, впрочемъ, свою статью „Peiraieus" во II томѣ, однако мы тамъ тщетно искали какую-нибудь замѣтку по поводу локализаціи мѣстечка Серангія).

3) Которая изъ этихъ формъ вѣрнѣе — рѣшить нельзя. Новѣйшіе ученые обыкновенно предпочитаютъ вторую. У древнихъ авторовъ — по крайней мѣрѣ въ рукописяхъ — встрѣчаются и та и другая форма, такъ что на основаніи одного этого довольно ненадежнаго матеріала было бы опасно опредѣленно высказываться за или противъ той или другой формы. Кстати можно тутъ-же замѣтить, что у Ваксмута (II l. c.) вмѣсто Cobet Mnemosyn. III S. 533 слѣдуетъ читать 133; у Cobet'a, впрочемъ, только читается: „Σηραγγίῳ: lege Σηραγγείῳ".

ein durch Höhlen zerrissenes Felsterrain hin". Гдѣ же въ Пиреѣ такая мѣстность?

Бурзіанъ полагалъ, что такъ можетъ быть назывался большой полуостровъ, находившійся между гаванями Пиреемъ и Зеей; однако полуостровъ этотъ несомнѣнно назывался Ἀκτή и притомъ характеръ этой мѣстности также совсѣмъ не подходитъ. Несравненно правдоподобнѣе предположеніе Гиршфельда (стр. 29): „Deutet der Name „auf ein durch Höhlen zerrissenes Felsterrain", so passt nur das Ufer zwischen Zea und Munychia"; мнѣніе это было одобрено Мильхгёферомъ (Erl. Text l. c.), который на картѣ такъ обозначилъ западную часть означеннаго берега. Предположеніе это еще нѣсколько подтверждается древней схоліей къ поговоркѣ Ἐκ Σηραγγίου· τόπος καὶ οὗτος τοῦ Πειραιῶς, ἐν ᾧ οἱ κακοῦργοι ἐκρύπτοντο[1]); къ этой поговоркѣ слѣдуетъ также отнести слова „ἐπὶ τῶν πονηρῶν καὶ κακοήθων λέγεται", которыя служатъ объясненіемъ ряда аналогичныхъ поговорокъ. Если Серангій считался притономъ всевозможныхъ мошенниковъ и вообще людей подозрительныхъ, то очевидно этимологія этого имени и мѣстоположеніе этого мѣстечка вѣрно нами опредѣлены. Мы, поэтому, полагаемъ, что Ваксмутъ совершенно напрасно оставляетъ этотъ вопросъ открытымъ и даже не упоминаетъ объ этой гипотезѣ Гиршфельда и Мильхгёфера.

Нельзя, далѣе, также согласиться съ тѣмъ, что кромѣ того еще у Ваксмута (l. c. II стр. 175) сообщается объ этой банѣ: „Im Uebrigen lässt sich denken, dass dieser blühenden und vielbesuchten Stadt (т. е. Пирей) es an allem Komfort, den die Zeit erlaubte, nicht gefehlt haben wird. Nur gelegentlich erfahren wir hievon dies oder jenes. Wiederholt wird ein Bad mit einem Heroon im Serangeion erwähnt". Въ этихъ словахъ по крайней мѣрѣ три ошибки. Во-первыхъ, немыслимо, да и нигдѣ не говорится, чтобы баня эта была соединена со святыней героя Серанга. Вся означенная мѣстность называлась Σηράγγιον и если у лексикографовъ говорится ἔστι δὲ αὐτοῦ καὶ ἡρῶον, то изъ этого нисколько не слѣдуетъ, что святыня эта была соединена съ баней. Ваксмутъ, правда, этого быть можетъ и не хотѣлъ сказать, но въ такомъ случаѣ онъ выразился чрезвычайно неловко. Во-вторыхъ, упомянутый уже характеръ этой мѣстности,

1) См. Ch. Graux, Revue de philologie II 1878 стр. 222 и Wachsmuth l. c. II 1 стр. 175 прим. 3.

считавшейся даже притономъ мошенниковъ, несомнѣнно не даетъ намъ права предполагать, что здѣсь находилась одна изъ комфортабельныхъ или комфортабельнѣйшая пирейская баня. Ваксмутъ самъ говоритъ „nur gelegentlich erfahren wir hievon dies oder jenes“. Изъ одного того обстоятельства, что въ сохранившейся литературѣ упоминается только эта баня, ровно ничего не слѣдуетъ. Наши источники до того скудны и упоминанія о Серангійской банѣ до того совершенно случайныя, что никакихъ заключеній изъ этого выводить нельзя. Ваксмутъ, кажется, приписываетъ особую важность тому обстоятельству — и въ этомъ заключается его третья ошибка —, что баня эта неоднократно (wiederholt) упоминается. На самомъ дѣлѣ это совсѣмъ не такъ. Баня эта упоминается всего только три раза, которыя притомъ легко сводятся къ одному только случаю, а именно къ нашему мѣсту (Isae. VI 33). Уже Бёкъ совершенно справедливо замѣтилъ, что Алкифронъ по всей вѣроятности заимствовалъ эту баню у Исея [1]), что же касается Гесихія, то его замѣтка „Σηράγγιον· βαλανεῖον“ во-первыхъ неточна, такъ какъ Σηράγγιον не названіе бани, а цѣлой мѣстности, а во-вторыхъ совершенно ясно, что Гесихій т. е. его источники заимствовали это либо у Исея, либо у Алкифрона, что, какъ мы видѣли, безразлично. Упомянутыя неоднократныя упоминанія сводятся, стало-быть, къ одному только случаю, да и притомъ совершенно случайному, ибо еслибы племянники Евктемона не продали этой бани и нашъ ораторъ не упомянулъ бы объ этомъ въ своей рѣчи, то мы ничего бы не знали о Серангійской банѣ. Жители Пирея (dieser blühenden und vielbesuchten Stadt, какъ говоритъ Ваксмутъ) были по всей вѣроятности столь же избалованы, какъ и сами Аѳиняне, и поэтому врядъ ли купались въ этомъ захолустьѣ. На пирэйскомъ полуостровѣ несомнѣнно были и другія, по мѣстоположенію болѣе удобныя и комфортабельныя бани.

Итакъ баня Евктемона была продана нѣкоему Аристолоху за 3000 драхмъ = 30 минъ. Къ сожалѣнію это единственная баня, цѣна которой съ точностью опредѣлена. Въ V рѣчи Исея (περὶ τοῦ Δικαιογένους κλήρου § 22 сл.), правда, также говорится о банѣ, но цѣна тамъ не обозначена; ее можно только опредѣлить по догадкѣ на основаніи того, что тамъ о ней сообщается. Дикэогенъ II оставилъ по себѣ между прочимъ также баню. Дикэогенъ III,

1) Ср. Böckh edit. стр. 339: „Ceterum τὸ ἐν Σηραγγίῳ βαλανεῖον ab Isaeo mutuatus est Alciphro epist. III 43“.

усыновленный послѣднимъ, обѣщался передать ее сестрамъ и племянникамъ умершаго, но не сдержалъ своего слова, а продалъ ее или отдалъ ее въ закладъ нѣкоему Микіону. Сестры же и племянники покойнаго, желая вступить во владѣніе наслѣдствомъ, спровадили Микіона вонъ, полагаясь на то, что Дикэогенъ не нарушитъ своего слова; но Микіонъ подалъ на нихъ жалобу (несомнѣнно δίκη ἐξούλης), а Дикэогенъ укрѣпилъ за Микіономъ эту баню, сестры же и племянники были приговорены къ уплатѣ 40 минъ. Такъ какъ въ такого рода процессахъ отвѣтчикъ въ случаѣ проигрыша присуждался къ уплатѣ суммы, равной цѣнѣ спорнаго предмета, то баня очевидно стоила 40 минъ [1]). Баня Евктемона была, стало-быть, приблизительно на 10 минъ (= 250 рубл.) дешевле Дикэогеновой; однако не слѣдуетъ забывать, что при поспѣшной продажѣ продавцы, по всей вѣроятности, не по-

1) Ср. Böckh, Staatshaush. I[3] стр. 85; Büchsenschütz, Besitz und Erwerb стр. 85 сл.; G. A. Leist, Der attische Eigenthumsstreit im System der Diadikasien, Jena 1886 стр. 53 сл.; Meier-Schoemann-Lipsius, Att. Proc. стр. 722 сл.; Hermann-Thalheim, Rechtsalt.[4] стр. 133; Beauchet, III стр. 401 сл. — Мы привели литературу этого вопроса потому такъ подробно, что Dareste, Les plaidoyers d' Isée, стр. 101 утверждаетъ совершенно другое: „Le créancier hypothécaire ainsi dessaisi de son gage avait contre l'auteur du trouble l'action ἐξούλης qui entraînait l'épobélie, c'est-à-dire la condamnation à une obole par drachme, c'est-à-dire au sixième de la demande, contre le demendeur qui perdait son procès. Dans l'affaire des bains, Micion obtint 40 mines d'épobélie. Les bains valaient donc quatre talents. On voit par là combien la succession de Dicéogène était opulente". Мы не понимаемъ, какъ это Dareste и его сотрудникъ Haussoullier могли написать такую чепуху. Откуда они взяли, что эпобелія примѣнялась при дѣлахъ ἐξούλης? Въ источникахъ объ этомъ ровно ничего не говорится. Meier-Schoemann-Lipsius l. c стр. 949 сл. сопоставили всѣ немногочисленныя дѣла, въ которыхъ по всей вѣроятности примѣнялась эпобелія (уплата одного обола съ драхмы т. е. шестой части данной суммы, такъ какъ драхма дѣлилась на 6 оболовъ), но дѣла ἐξούλης совершенно справедливо тамъ не упомянуты. Не смотря на то у Дареста это говорится такъ, какъ будто бы это не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію. Но это еще не все. Дарестъ утверждаетъ, что баня эта поэтому стоила 4 таланта! Уже одно это число должно было бы уяснить Дареcту, что его субъективное мнѣніе объ эпобеліи вполнѣ ошибочно. Домъ богатаго банкира Пасіона стоилъ всего только 100 минъ ($1^2/_3$ таланта, ср. Demosth. or. 45 κατὰ Στεφάνου Α § 28), болѣе дорогіе дома нигдѣ не упоминаются — и вдругъ Дарестъ утверждаетъ, что частная баня стоила цѣлыхъ 4 таланта! Дикэогенъ, правда, былъ богатъ, но тѣмъ не менѣе это ни въ какомъ случаѣ не возможно. Баня нашего Евктемона, человѣка весьма богатаго, также стоила всего только 30 минъ. Изъ этого мѣста, стало-быть, ясно слѣдуетъ, что эпобелія при дѣлахъ ἐξούλης не примѣнялась.

лучили дѣйствительной стоимости этой бани, такъ какъ они, очевидно, старались поскорѣе сбыть ее. Дѣйствительная разница между этими двумя банями была по всей вѣроятности не такъ велика.

Если, впрочемъ, сравнить эти суммы съ цѣнами жилыхъ строеній, то оказывается, что 30 и 40 минъ весьма значительныя суммы, такъ какъ одинъ изъ домовъ Евктемона стоилъ приблизительно 44 мины, а домъ Дикэогена въ Керамикѣ стоилъ столько же, сколько и баня (= 40 минъ, см. § 26), поэтому можно заключить, что стоимость частной бани врядъ ли когда-либо превышала означенныя суммы. Однако при сравненіи цѣны бани съ цѣной жилого дома не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ означенную стоимость бани всегда включалось и устройство бани т. е. всѣ приспособленія для купанья, такъ что стоимость самого зданія была соразмѣрно ниже. Сколько приблизительно стоило такое устройство — опредѣлить нельзя, тѣмъ болѣе, что мы даже не въ состояніи точно опредѣлить, кто именно пользовался этой баней. Греческія бани, какъ извѣстно, дѣлились на общественныя (δημόσια) и частныя (ἴδια или ἰδιωτικά), послѣднія же опять дѣлились на такія, которыми пользовались исключительно хозяева, и такія, которыми за опредѣленную плату могли пользоваться и посторонніе люди, ср. напр. Plut. Demetr. 24 τέλος δὲ φεύγων τὰς παλαίστρας καὶ τὸ γυμνάσιον εἴς τι βαλανεῖον ἰδιωτικὸν ἐφοίτα λουσόμενος. Наша баня, разумѣется, βαλανεῖον ἰδιωτικόν, но кто ею пользовался — неизвѣстно. Если же обратить вниманіе на то, что у Евктемона, какъ мы ниже увидимъ, было много заведеній, приносившихъ ему хорошую прибыль, то мы, конечно, скорѣе будемъ склонны думать, что и въ этой банѣ слѣдуетъ видѣть такое же промышленное предпріятіе, тѣмъ болѣе, что баня эта находилась внѣ города въ незначительномъ мѣстечкѣ дема Пирея.

Нашу послѣднюю замѣтку не слѣдуетъ, однако, понимать такъ, какъ будто мы думали, что еще во времена Евктемона въ Аѳинахъ было запрещено строить бани въ предѣлахъ городской черты [1]). Замѣтка Аѳенея до того коротка и неопредѣленна, что

1) Ср. Athen. I 32 p. 18 b: „προσφάτως δὲ καὶ τὰ βαλανεῖα παρῆκται, τὴν ἀρχὴν οὐδὲ ἔνδον τῆς πόλεως ἐόντων εἶναι αὐτά“. Kaibel (Athenaei Naucratitae Dipnosophistarum libri XV, vol. I Lipsiae 1887, praefatio) доказалъ, что это сочиненіе Аѳенея прошло слѣдующіе фазисы: Авторъ самъ написалъ свое сочиненіе въ 30 книгахъ, изъ этого сочиненія было впослѣдствіи сдѣлано

никакихъ заключеній изъ нея выводить нельзя. Къ какимъ именно временамъ относятся выраженія „недавно (προσφάτως)“ и „первоначально“, поэтому, остается покрыто мракомъ неизвѣстности.

Αἰεὶ δ' ἡμῖν δαίς τε φίλη κίθαρίς τε χοροί τε
εἵματα τ' ἐξημοιβὰ λοετρά τε θερμὰ καὶ εὐναί

говоритъ уже Алкиной у Гомера (Odyss. VIII 248 сл.); просвѣщенные Фэаки купались, стало-быть, ежедневно. Мы знаемъ, однако, что еще во времена Платона и Демосѳена λοῦσθαι ἐν βαλανείῳ, въ особенности если это случалось часто, считалось признакомъ изнѣженности и роскошества, и Платонъ [1]) напр. находитъ, что это подобаетъ старческому возрасту; остальнымъ же людямъ разрѣшается купаться только послѣ утомительнаго труда, упражненія или путешествія, для того чтобы освѣжиться и отдохнуть; равнымъ образомъ въ Аристофановыхъ облакахъ Δίκαιος λόγος (v. 991) совѣтуетъ юношѣ (Фидиппиду) βαλανείων ἀπέχεσθαι, Ἄδικος же λόγος (v. 1044 сл.) совѣтуетъ юношѣ не слушаться того, ὅστις σε θερμῷ φησι λοῦσθαι πρῶτον οὐκ ἐάσειν, а затѣмъ обращается къ Δίκαιος λόγος съ вопросомъ: „καίτοι τίνα γνώμην ἔχων ψέγεις τὰ θερμὰ λουτρά;“ на что получаетъ слѣдующій отвѣтъ: „ὅτιὴ κάκιστόν ἐστι καὶ δειλὸν ποιεῖ τὸν ἄνδρα“. Но именно то обстоятельство, что Δίκαιος λόγος (представитель стариннаго міровоззрѣнія и старинныхъ обычаевъ) находитъ нужнымъ, такъ настоятельно предостерегать юношу отъ этого, показываетъ намъ, что въ то время бани вошли въ моду. Это заключеніе въ добавокъ еще подтверждается слѣдующими затѣмъ словами:

ΔΙΚ. ΛΟΓ. ἐγὼ μὲν οὐδέν' Ἡρακλέους βελτίον' ἄνδρα κρίνω.
ΑΔ. ΛΟΓ. ποῦ ψυχρὰ δῆτα πώποτ' εἶδες Ἡράκλεια λούτρα;
καίτοι τίς ἀνδρειότερος ἦν; ΔΙΚ. ΛΟΓ. ταῦτ' ἐστί, ταῦτ' ἐκεῖνα,
ἃ τῶν νεανίσκων ἀεὶ δι' ἡμέρας λαλούντων
πλῆρες τὸ βαλανεῖον ποιεῖ κενὰς δὲ τὰς παλαίστρας.

извлеченіе въ 15 книгахъ, изъ этого же извлеченія было наконецъ составлено другое извлеченіе, также въ 15 книгахъ, но въ весьма сокращенномъ видѣ. Оригиналъ не сохранился, отъ перваго извлеченія не сохранились первыя 2 книги и начало третьей, второе извлеченіе сохранилось цѣликомъ. Первыя двѣ книги и начало третьей дошли, слѣдовательно, до насъ только въ сокращенномъ извлеченіи, остальныя же книги и въ томъ и въ другомъ извлеченіи. Легко, поэтому, возможно, что въ указанномъ мѣстѣ у Аѳенея въ оригиналѣ были болѣе подробныя извѣстія объ интересующемъ насъ запрещеніи.

1) Ср. Plat. Νόμοι VI p. 761 c: „τοῖς γέρουσι γεροντικὰ λουτρὰ θερμά“.

Изъ этого, конечно, еще не слѣдуетъ, что въ тѣ времена уже было разрѣшено строить бани въ самомъ городѣ. Однако мы думаемъ, что если бани до того вошли въ моду, что превратились въ увеселительныя мѣста, гдѣ собиралась молодежь и всякіе праздношатающіеся люди сообщали другъ-другу новости дня и проводили время въ забавахъ, если бѣдные приходили зимою сюда, чтобы согрѣться или ночевать, и если, наконецъ, вошло въ обыкновеніе купаться до обѣда, то несомнѣнно нѣкоторыя бани находились по крайней мѣрѣ около самого города. Это предположеніе подтверждается слѣдующими фактами. Гарпократіонъ s. v. Ἀνθεμόκριτος: Ἰσαῖος ἐν τῷ πρὸς Καλυδῶνα (frg. 83 Sauppe) „τό τε βαλανεῖον τὸ παρ' Ἀνθεμοκρίτου ἀνδριάντα", τουτέστι πρὸς ταῖς Θριασίας πύλαις; баня эта находилась за Дипиломъ, такъ какъ Plut. Per. 30 сообщаетъ, что Анѳемокритъ былъ похороненъ παρὰ τὰς Θριασίας πύλας, αἳ νῦν Δίπυλον ὀνομάζονται. Въ надписи C. I. A. IV 53 a (= Dittenberger Syll. II² n. 550; Michel, Recueil n. 77) v. 37 τῶν πυλῶν αἳ ἐπὶ τὸ Ἰσθμονίκου βαλανεῖον ἐκφέρουσι; здѣсь говорится о т. н. Сунійскихъ воротахъ [1]). Другая баня упоминается въ C. I. A. II n. 1056: Ἀθηνᾶς τέλμα πρὸς ταῖς [πύλαις] ταῖς παρὰ τὸ Διοχάρο[υς] βαλανεῖον, они находились стало-быть, за Діохаровыми воротами [2]). Такимъ образомъ всѣ документально извѣстныя аѳинскія бани находились, правда, внѣ города, но около самыхъ воротъ. Слѣдовательно, если мы выше сказали, что въ банѣ Евктемона по всей вѣроятности слѣдуетъ видѣть что-то въ родѣ промышленнаго предпріятія и при этомъ указали на мѣстоположеніе этой бани, то мы этимъ хотѣли сказать, что богатый Евктемонъ врядъ ли для самого себя и для своего семейства построилъ бы или купилъ бы баню въ этомъ захолустьѣ. Ps.-Xen. Ἀθην. πολ II 10 разсказываетъ, что богатые люди — какъ и у насъ — имѣли купальныя комнаты у себя дома. Такія же комнаты были несомнѣнно и у Евктемона и его родственниковъ. Баня въ Серангіи была, стало-быть, построена для постороннихъ людей.

---

1) Ср. Lolling, Topographie von Athen у Iw. Müller'a Handbuch III стр. 305 прим. 2 и 3. Обо всѣхъ приведенныхъ нами аѳинскихъ воротахъ и баняхъ кромѣ Lolling'a l. c. ср. кстати также Milchhöfer у Baumeister'a, Denkmäler I стр. 175 и 182; Wachsmuth, Stadt Athen II 1 Leipzig 1890 стр. 227 сл.

2) Къ этому можно еще, кстати, прибавить баню на островѣ Делосѣ (Marmor Sandwicense, Ditt. Syll. I² 86; Michel, Rec. n. 577, v. 142 сл.) τὸ βαλανεῖον τὸ Ἀρ[ίσ]τωνος ἐμ πεδίῳ.

Сколько такое заведеніе могло доставлять дохода, конечно, опредѣлить нельзя. Плата за входъ въ баню была, какъ извѣстно, самая ничтожная. Въ извѣстной надписи изъ города Анданіи [1]), на 107-ой строкѣ, мы читаемъ, что агораномъ долженъ былъ слѣдить за тѣмъ, ὅπως οἱ θέλοντες [βαλανεύ]ειν ἐν τῷ ἱερῷ μὴ πλεῖον πράσσοντι τοὺς λουομένους δύο χαλκῶν (2 χαλκ. = $^1/_4$ обола = 1 копѣйка); у Аѳенея VIII p. 351 f. разсказывается, что и въ Фазелидѣ съ чужестранцевъ брали больше, чѣмъ съ гражданъ (ἦν γὰρ νόμος πλείονος λούειν τοὺς ξένους), платившихъ приблизительно столько же, сколько и въ Анданіи; у Лукіана и Алкифрона упоминается плата (ἐπίλουτρον), равнявшаяся 2 оболамъ (= 8 коп.) [2]). Что всегда и вездѣ взималась плата, явствуетъ изъ того, что по словамъ Аристофана (Νεφέλαι 835 сл.) Сократъ и его ученики потому никогда не купались, что были слишкомъ скупы и бережливы (ὑπὸ τῆς φειδωλίας). Деньги эти получалъ банщикъ (βαλανεύς) въ которомъ слѣдуетъ, очевидно, видѣть арендатора или завѣдующаго баней; кромѣ банщика упоминаются его помощники, которые прислуживали купающимся, т. н. παραχύται или λουτροχόοι [3]). У Евктемона были, стало-быть, въ этой банѣ рабы, которые исправляли должность этихъ помощниковъ. Однако рабы эти, очевидно, не были проданы вмѣстѣ съ баней, такъ какъ о нихъ здѣсь не говорится, между тѣмъ какъ ниже приводится „стадо козъ съ пастухомъ проданныхъ вмѣстѣ за 13 минъ". Были ли рабы эти включены въ число рабовъ-ремесленниковъ, ремесла и стоимость которыхъ, какъ мы видѣли, не обозначены — опредѣлить нельзя, хотя намъ это, впрочемъ, кажется довольно невѣроятнымъ.

---

1) Ср. Dittenberger, Sylloge II² n. 653: Michel, Recueil n. 694; Sauppe, Die Mysterieninschrift von Andania, Abh. d. Gött. Gesell. d. Wiss. VII 1859 стр. 261 сл. = Ausgew. Schriften Berlin 1896 стр. 261 сл.

2) Въ епидаврской надписи Ditt. Syll. II² 804 v. 13 сл. (= Wilamowitz Isyllos стр. 116 сл.) мы, правда, читаемъ: „καὶ ἀττικὴν δοῦναι τῷ βαλανεῖ" т. е. одну драхму (= 25 коп.). Однако не слѣдуетъ забывать, что здѣсь говорится о леченіи больнаго, а у посѣтителей лечебныхъ заведеній — въ особенности у пріѣзжихъ — несомнѣнно и въ древности всячески выманивали деньги.

3) О греческихъ баняхъ вообще ср. въ особенности Becker-Göll, Charikles III стр. 98 сл. См. также Hermann-Blümner, Griechische Privatalterthümer стр. 210 сл.; Iw. Müller, Griech. Privatalterthümer (Handbuch IV 1, 2²) стр. 132 сл.; Daremberg-Saglio, Dictionnaire I стр. 648 сл.; Pauly-Wissowa, Real-Encyclopädie s. v. Bäder.

3. Въ спискѣ далѣе упоминается „домъ въ городѣ, подъ который іерофантъ взялъ у Евктемона 44 мины, а впослѣдствіи выкупилъ за ту-же сумму". Между тѣмъ, какъ выше было сообщено, что земля была продана нѣкоему Антифану, а баня нѣкоему Аристолоху, человѣкъ, о которомъ здѣсь говорится, называется просто іерефантомъ. Чѣмъ объяснить эту непослѣдовательность?

Іерофантъ, какъ извѣстно, верховный жрецъ изъ рода Евмолпидовъ, объяснявшій посвященнымъ елевсинскія таинства. Объ іерофантахъ Лукіанъ (Lexiph. 10) сообщаетъ слѣдующее: ὅτι ἐξ οὗπερ ὡσιώθησαν ἀνώνυμοι τέ εἰσι καὶ οὐκέτι ὀνομαστοί, ὡς ἂν ἱερώνυμοι ἤδη γεγενημένοι. Изъ этого Латышевъ[1]) заключилъ, что іерофантъ „вступая въ должность, слагалъ свое прежнее имя и получалъ новое священное, которое не могло быть извѣстно непосвященнымъ, такъ что въ свѣтскихъ документахъ онъ назывался просто Ἱεροφάντης". Почему Латышевъ это формулировалъ безъ малѣйшей оговорки, не совсѣмъ понятно, ибо въ другомъ мѣстѣ (стр. 55), гдѣ онъ говоритъ вообще о жрецахъ, онъ счелъ нужнымъ прибавить слѣдующую оговорку: „впрочемъ эта ἱερωνυμία встрѣчается лишь въ позднія времена". Оговорка эта, которая вездѣ повторяется въ литературѣ по этому предмету[2]), почему-то приписывается Диттенбергеру — во всякомъ случаѣ его обыкновенно цитируютъ на первомъ мѣстѣ — между тѣмъ какъ до него уже Шёманнъ, Филіосъ и др. высказали такое-же мнѣніе. Однако и съ этой оговоркой можно согласиться только cum grano salis. Если понимать ее такъ, какъ ее, собственно говоря, и можно только понимать, что іерофанты въ древнія времена не были іеронимными, а сдѣлались таковыми только въ римскія времена, то оговорка эта невѣрна. Что касается, во-первыхъ, древнихъ временъ, то многократное упоминаніе именъ іерофантовъ

---

1) Ср. В. В. Латышевъ, Очеркъ греческихъ древностей, II² СПБ. 1899 стр. 214.

2) Ср. Schoemann, Gr. Alterth. II² стр. 386 сл.; Φίλιος, Ἐφημ. ἀρχ. 1883 стр. 82; Dittenberger, Hermes XX (1885) стр. 13 прим. 1. „Das Verschweigen der Namen beim Hierophanten und anderen Priestern, wovon vor der römischen Zeit keine Spur begegnet". Töpffer, Attische Genealogie, Berlin 1889, стр. 52 сл.; Stengel, Griech. Kultusaltertümer 1898² (= Iw. Müller's Handbuch V 3) стр. 159 прим. 7; Aug. Mommsen, Feste der Stadt Athen, Lpz. 1898 стр. 254 сл.; Ditt. Syll. II² n. 605 прим. 2.

какъ въ литературныхъ, такъ и эпиграфическихъ памятникахъ [1]), совершенно естественно и не находится въ противорѣчіи съ упомянутой оговоркой, ср. нпр. C. I. A. IV 2 n. 597 c (= Ditt. Syll. II² n. 605; Michel n. 964) ὁ ἱεροφάντης Χαιρήτιος и ἐπανέσαι τὸν ἱεροφάντην Χαιρήτιον Προφήτου Ἐλευσίνιον. Но, съ другой стороны, встрѣчаются, разные случаи, гдѣ имя іерофанта не упомянуто и гдѣ онъ просто называется іерофантомъ. Мы не будемъ настаивать на надписи C. I. A. IV 2 n. 597 b. (= Ditt. Syll II² n. 651; Michel n. 963), гдѣ обыкновенно читается Ἱροφάν[της εἶπεν, такъ какъ чтеніе это, хотя и по всей вѣроятности несправедливо, но всетаки оспаривается Диттенбергеромъ [2]) и поэтому и весь примѣръ не можетъ считаться особенно удобнымъ. Но нпр. въ надписи C. I. A. II 948 (= Ditt. Syll. II² n. 613; Michel n. 857) мы читаемъ: τούσδε ἐπιώψ[ατ]ο ὁ ἱεροφάντης [τὴν κλίνην στρῶ]σαι τῷ Πλούτων[ι] κτλ.; въ C. I. A. II 949 (ср. Ditt. Syll. II² стр. 396 прим. 1 къ n. 613) мы, далѣе, читаемъ: [ἱεροφάν]της Νουφράδου Περιθοίδης ἀνέ[γραψεν] τοὺς ἐπιοφθέντας ὑφ' ἑαυτοῦ, и здѣсь, стало-быть, имя іерофанта не упоминается, а только его отчество и δημοτικόν [3]). Итакъ въ древнія времена мы не находимъ никакой послѣдовательности: іерофанты то называются по имени, то просто іерофантами. Что же касается, во-вторыхъ, римскихъ временъ, въ которыя, какъ утверждаютъ упомянутые ученые, была учреждена іеронимія, то въ эти времена дѣйствительно вошло въ обыкновеніе, обозначать іерофанта такъ, какъ мы уже выше видѣли въ C. I. A. II 949, напр. ἱεροφάντης Μενεκλείδου Κυδαθηναιεύς (C. I. A. II 1047) и т. п. Однако одновременно съ этимъ обычаемъ, по прежнему упо-

1) Ср. Списокъ извѣстныхъ іерофантовъ, составленный Тёпферомъ l. c. стр. 55 сл.

2) Диттенбергеръ читаетъ съ Филіемъ и Фукаромъ Πρόφαντος и говоритъ: „Koehler, quod ectypum examinanti (эстампажъ былъ сдѣланъ Лоллингомъ и присланъ въ Берлинъ) satis certum videbatur, primam litteram iota esse, supplevit Ἱροφάν[της. Sed eiusmodi contractionem Ionicam, in hac potissimum voce sollenni et notissima, tam antiquo tempore (приблизительно конецъ IV вѣка до Р. Хр.) Athenis usurpatam esse persuadere mihi nequeo".

3) Töpffer l. c. стр. 56 хотѣлъ читать [ἱεροφάν]της Νουφρά[δης], такъ какъ полагалъ, что добавленіе Кёлера Νουφρά[δου] невѣрное. Однако добавленіе Кёлера было блестящимъ образомъ подтверждено вновь найденнымъ обломкомъ, какъ явствуетъ изъ вышеупомянутаго текста. Ср. также Aug. Mommsen l. c. стр. 254, прим. 3. И та и другая надпись, впрочемъ, вырѣзаны въ IV в. до Р. Хр.

минается также имя іерофанта напр. C. I. A. III 1140, гдѣ говорится о братѣ ἱεροφ[άν]του Κλαυδίου Ἀπο[λλ]ινα[ρίου] Ἀχαρνέως (конецъ II вѣка послѣ Р. Хр.). Итакъ мы видимъ, что какъ въ древнія, такъ и въ римскія времена употреблялось и то и другое, быть можетъ, съ тою лишь разницею, что въ древнія времена преобладало упоминаніе имени, а въ римскія времена — іеронимія. Если, стало-быть, понимать вышеупомянутую оговорку буквально, то она очевидно невѣрна. Отрицать существованіе іерониміи также нельзя, такъ какъ это доказано не только Лукіаномъ, но и другими источниками [1]), на которыхъ здѣсь, впрочемъ, останавливаться не стоитъ. Слѣдовательно, если іеронимія дѣйствительно существовала, но установленные для нея хронологическіе предѣлы фактически, очевидно, не существовали, то ясно, что нельзя утверждать, что до римскихъ временъ не было іерониміи и что, съ другой стороны, впослѣдствіи имена іерофантовъ не упоминались.

Для всѣхъ упомянутыхъ нами фактовъ непремѣнно нужно, значитъ, найти другое, болѣе основательное объясненіе. Новосадскій полагаетъ, что „внѣ отправленія своихъ обязанностей, въ частной жизни, въ кругу своей семьи, іерофанты сохраняли свое прежнее имя. Въ случаѣ надобности они могли употреблять его и въ оффиціальныхъ документахъ“. Тёпферъ выражается болѣе неопредѣленно: „Es scheint vielmehr das Verschweigen des Namens nur innerhalb eines ganz beschränkten Kreises beobachtet worden zu sein, aller Wahrscheinlichkeit nach nur von solchen Leuten, die durch ein cultliches oder persönliches Band mit dem Priester verknüpft, auf diese Weise den höheren Grad ihrer Ehrfurcht und Hochachtung ausdrücken wollten“. „Attische Genealogie“ Тёпфера чисто научное сочиненіе, поэтому можно было, собственно говоря, ожидать болѣе яснаго изложенія. Если мы не ошибаемся, то Тёпферъ полагаетъ, что іерофантомъ его называли только товарищи по службѣ и приближенные. Однако слово „Band (узы)“, въ особенности въ нѣмецкомъ языкѣ, имѣетъ такое широкое значеніе, что выраженія „cultliches oder persönliches Band“ можно было бы относить безусловно ко всѣмъ людямъ. И то, и другое толкованіе, очевидно, неточны. Ибо, если одобрить первое толкованіе, то выходитъ, что частные люди, какъ посвященные въ

1) Ср. Mommsen l. c. стр. 253 сл.; Новосадскій, Елевсинскія мистеріи, С.-Петербургъ 1887 стр. 53 сл.: Töpffer l. c.

мистеріи, но не состоящіе священнослужителями, такъ и непосвященные, когда обращались къ іерофанту, называли его по имени. Если же одобрить второе толкованіе, то выходитъ, что даже родственники и друзья называли его іерофантомъ, чтобы этимъ выразить „den höheren Grad ihrer Ehrfurcht und Hochachtung“! Гораздо правдоподобнѣе толкованіе Новосадскаго, хотя и оно вѣрно только cum grano salis, тѣмъ болѣе, что авторъ упустилъ изъ виду одинъ важный моментъ, на который мы укажемъ нѣсколько ниже.

Вступая въ должность не только іерофанты, но вообще высшіе жрецы слагали свое прежнее свѣтское имя и назывались просто по пожалованному имъ священному сану. Это обстоятельство хорошо извѣстно. Однако не слѣдуетъ забывать, что это, разумѣется, относится только къ его служебной дѣятельности, Новосадскій, стало-быть, правъ, когда говоритъ, что внѣ отправленія своихъ обязанностей онъ сохранялъ свое прежнее имя; равнымъ образомъ и не подлежитъ сомнѣнію, что въ кругу своей семьи онъ назывался просто по имени. Что же касается выраженія „въ частной жизни“, то мы не можемъ признать его вполнѣ точнымъ, такъ какъ друзья несомнѣнно называли его по имени, между тѣмъ какъ люди посторонніе — если даже не всѣ, то по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ —, когда встрѣчались съ нимъ неоффиціально, весьма вѣроятно называли его іерофантомъ, точно также какъ и мы въ подобныхъ случаяхъ говоримъ „Ваше Преосвященство, Ваше Превосходительство“ и т. п. Что значитъ „въ случаѣ надобности они могли употреблять его и въ оффиціальныхъ документахъ“ — не совсѣмъ ясно. Однако это для насъ не важно, такъ какъ, о какихъ бы надобностяхъ здѣсь не думалъ Новосадскій, предположеніе это во всякомъ случаѣ невѣрное. Объясненіе это, очевидно, придумано только ради объясненія того обстоятельства, что имя встрѣчается и въ документахъ, но придумано оно, какъ мы сейчасъ увидимъ, довольно неудачно.

Момзенъ уже совершенно вѣрно замѣтилъ, что іеронимія существовала и прежде, но между тѣмъ какъ прежде было только принято называть іерофанта по сану, въ позднія времена іеронимія была, такъ сказать, узаконена (θεσμός). Въ противномъ случаѣ такія изрѣченія, какъ напр. τοῦ δὲ ἱεροφάντου κατ᾽ ἐκεῖνον τὸν χρόνον ὅστις ἦν τοὔνομα, οὔ μοι θέμις λέγειν или упомянутое Лукіаномъ (l. c.) происшествіе[1]) не поддаются никакому объясненію.

1) Lucian. Lexiph. 10 разсказывается, что елевсинскіе жрецы, между прочими дадухъ и іерофантъ, потащили въ судъ человѣка, осмѣлившагося

Въ томъ-то, именно, и ошиблись остальные ученые, что не установили этого различія. Одни напрасно отрицали существованіе іерониміи до римскихъ временъ, а другіе, напротивъ, столь-же напрасно оспаривали происшедшую въ римскія времена перемѣну. Означенный θεσμός имѣлъ, однако, значеніе только въ оффиціальномъ отношеніи: упомянутыя нами личныя и частныя отношенія отъ этого, конечно, не измѣнились.

Іеронимія, стало-быть, существовала уже давнымъ-давно до римскихъ временъ. Нельзя, однако, съ Тёпферомъ [1]) утверждать, что іеронимія только елевсинское учрежденіе. Обстоятельства, правда, въ Елевсинѣ какъ нельзя больше способствовали возникновенію такого обычая, такъ какъ сами боги тамъ, такъ сказать, іеронимны. Такъ нпр. въ Елевсинѣ нашли надпись, въ которой просто говорится „Θεᾷ“ и „Θεῷ“, въ другой надписи „ἱερεὺς θεοῦ καὶ θεᾶς“, даже имена Деметры и Коры означаютъ просто „мать и дочь“ и т. п. Неудивительно, поэтому, что и священнослужители не назывались по имени. Однако Роде и Момзенъ [2]) справедливо указываютъ на нѣкоторые аналогичные обычаи. Въ Дельфахъ напр., какъ хорошо извѣстно, пророчица не называлась по имени, а просто Пиѳіей (ἡ Πυθία или ἡ Πυθιάς), не смотря на то, что при дельфійскомъ прорицалищѣ состояла не одна Пиѳія, а двѣ или даже три.

До сихъ поръ намъ пришлось разбирать и критиковать мнѣнія, высказанныя другими учеными. Мнѣнія эти, какъ мы видѣли, основывались на литературныхъ и эпиграфическихъ памятникахъ. Фундаментъ, повидимому, весьма надежный и прочный. Тѣмъ не менѣе мы того мнѣнія, что въ этомъ случаѣ изъ этихъ памятниковъ съ одной стороны вычитывали то, чего, собственно говоря, изъ нихъ нельзя было вычитывать, а съ другой стороны оставляли безъ вниманія нѣкоторые документы, которые лучше всякихъ соображеній объясняютъ тѣ обстоятельства, о которыхъ здѣсь говорится.

Ученые эти ссылались на вышеупомянутые документы.

назвать ихъ по имени, а не по сану; ему же должно было быть извѣстно, что ἐξ οὗπερ ὁσιώθησαν (жрецы) ἀνώνυμοί τε εἰσι καὶ οὐκέτι ὀνομαστοί, ὡς ἂν ἱερώνυμοι ἤδη γεγενημένοι.

1) Ср Töpffer, Attische Genealogie, стр. 52 прим. 2 и Beiträge zur griechischen Alterthumswissenschaft, Berlin 1897 стр. 340.

2) Ср. E. Rohde, Psyche II² Freiburg 1898, стр. 64 прим. 1; Mommsen l. c. стр. 255, прим. 1.

Намъ кажется, что въ нашемъ случаѣ на нихъ нельзя ссылаться такъ энергично, какъ это обыкновенно дѣлается. Уже одно то обстоятельство, что документы не подтверждаютъ установленной учеными той или другой теоріи, должно было обратить вниманіе этихъ ученыхъ на то, что документы эти, быть можетъ, совсѣмъ не въ состояніи разъяснить данные обычаи. Гдѣ именно главнымъ образомъ могла обнаруживаться и высказываться іеронимія? При совершеніи богослужебныхъ требъ и въ обиходной жизни при обращеніи къ іерофанту и т. п. Если же это такъ, то какъ можно ожидать отъ обыкновенныхъ литературныхъ памятниковъ или эпиграфическихъ документовъ объясненія или подтвержденія этого обычая? Упомянутый разсказъ Лукіана и неприведенныя нами мистическія надписи — вотъ памятники, которыми они могли воспользоваться; у Лукіана, какъ мы видѣли, разсказывается именно событіе изъ обиходной жизни. Если же въ какой-нибудь рѣчи, въ какомъ-нибудь историческомъ сочиненіи или эпиграфическомъ документѣ упоминается имя какого-нибудь іерофанта, то на какомъ основаніи изъ этого обстоятельства можно заключать, что іеронимія тогда не существовала? Или, наоборотъ, когда въ какомъ-нибудь сочиненіи или какой-нибудь надписи упоминается просто ἱεροφάντης, то что даетъ намъ право утверждать, что имя его только потому пропущено, что іерофанты были іеронимны? Факты эти объясняются совершенно просто: въ одномъ случаѣ было важно сообщить имя іерофанта, въ другомъ имя его не играло никакой роли. Чтобы не быть голословными приведемъ два примѣра. Въ упомянутой нами надписи Dittenberger Sylloge II² n. 605 мы читаемъ ἐπειδὴ ὁ ἱεροφάντης Χαιρήτιος εὔνους ὢν διατελεῖ . . . . . δεδόχθαι . . . . . ἐπαινέσαι τὸν ἱεροφάντην Χαιρήτιον Προφήτου Ἐλευσίνιον καὶ στεφανῶσαι κτλ. тутъ, разумѣется, безъ имени нельзя было обойтись. Напротивъ Dittenberger Sylloge II² n. 613 τούσδε ἐπιώψατο ὁ ἱεροφάντης τὴν κλίνην στρῶσαι τῷ Πλούτωνι κτλ. тутъ было важно не имя іерофанта, а то, что́ онъ предписалъ, поэтому выпущеніе имени нисколько не удивительно. Но, быть можетъ, нѣкоторые найдутъ наше объясненіе черезъ-чуръ простымъ и поэтому невѣроятнымъ. Мы надѣемся, что намъ удастся переубѣдить и этихъ скептиковъ.

Къ числу важнѣйшихъ эпиграфическихъ документовъ несомнѣнно принадлежатъ дельфійскія надписи. Дельфійскихъ надписей сохранилось нѣсколько тысячъ; притомъ „въ Дельфахъ — какъ говоритъ лучшій знатокъ этихъ надписей А. В.

Никитскій [1]) — какъ крупнѣйшемъ общегреческомъ религіозномъ центрѣ, κοινὴ ἑστία τῆς Ἑλλάδος, мы можемъ встрѣтиться съ весьма разнообразнымъ по происхожденію и содержанію эпиграфическимъ матеріаломъ, такъ какъ въ подобныхъ именно центрахъ греки имѣли обыкновеніе выставлять копіи документовъ особенно важныхъ или требовавшихъ по тѣмъ или инымъ соображеніямъ наиболѣе распространенной публикаціи". Къ дельфійскимъ надписямъ, поэтому, не только можно, но даже нужно обращаться по всевозможнымъ эпиграфическимъ вопросамъ, не говоря уже о богослужебныхъ и вообще религіозныхъ вопросахъ, для которыхъ надписи эти имѣютъ первостепенную важность. Мы, конечно, и не думаемъ переносить дельфійскіе обычаи, обряды и учрежденія на аттическую почву — такого рода перенесенія непозволительны и опасны, какъ мы уже неоднократно говорили [2]) —, но сравненіе аналогичныхъ документовъ всегда бываетъ полезно и предотвращаетъ не мало ошибокъ. Если бы вышеупомянутые ученые потрудились перелистовать дельфійскія надписи, то вѣроятно судили бы о вышеизложенныхъ вопросахъ нѣсколько иначе.

Всякому, хоть поверхностно знающему дельфійскія надписи, хорошо извѣстно, что несмѣтное количество этихъ надписей трактуетъ объ отпущеніи рабовъ на волю подъ видомъ продажи оныхъ Аполлону Пиѳійскому (т. н. манумиссіи). Въ этихъ манумиссіяхъ, какъ извѣстно, обязательно приводятся поруки (βεβαιωτῆρες) и свидѣтели (μάρτυρες или μάρτυροι). Среди свидѣтелей на первомъ мѣстѣ фигурируютъ оба жреца Аполлона Пиѳійскаго или иногда — но сравнительно рѣдко — только одинъ изъ нихъ, напр. Wescher-Foucart n. 374 (= Baunack n. 2039) μάρτυρες· τοὶ ἱερεῖς Ξένων, Ἄθαμβος; Wescher-Foucart n. 311 (= Baunack 1976) μάρτυρες· ὁ ἱερεὺς τοῦ Ἀπόλλωνος Ξένων [3]). Однако при ближайшемъ разсмотрѣніи этихъ документовъ оказывается, что имена жрецовъ

1) Ср. Никитскій, Дельфійскіе эпиграфическіе этюды. Одесса 1894/95, стр. 6.

2) Ср. напр. A. Pridik, de Cei insulae rebus, стр. 64: „maxime vero cavendum est, ne Attica instituta in ceteras civitates conferamus". Съ равнымъ правомъ нужно утверждать и противоположное.

3) Другіе примѣры можно легко найти у Никитскаго l. c. по таблицамъ, напечатаннымъ на стр. 214 сл., гдѣ въ рубрикѣ „ἱερεῖς" обозначены первыя буквы именъ жрецовъ или жреца, а слѣва номера документовъ по изданіямъ Вешера и Фукара и другимъ.

не вездѣ упомянуты, т. е. что иногда вмѣсто этого читается просто μάρτυρες· τοὶ ἱερεῖς или ὁ ἱερεύς, напр. W.-F. n. 312 (B. n. 1977) τοὶ ἱερεῖς; W.-F. n. 106 (B. n. 1771) ὁ ἱερεύς; B. n. 2209 οἱ ἱερεῖς τοῦ Ἀπόλλωνος; W.-F. n. 336 (B. n. 2001; Ditt. Syll. II² n. 846) τοὶ ἱερεῖς [1]). То же самое можно сказать и объ архонтахъ, которые также встрѣчаются среди свидѣтелей. Такъ напр. W.-F. n. 396 (B. n. 2061) читается μάρτυρες· ὁ ἱερεὺς τοῦ Ἀπόλλωνος Ἄθαμβος, οἱ ἄρχοντες Πεισίλαος, Κλεόδημος, а B. n. 2209 μάρτυροι· οἱ ἱερεῖς τοῦ Ἀπόλλωνος καὶ οἱ ἄρχοντες; пропущеніе именъ архонтовъ, впрочемъ, не всегда зависитъ отъ пропущенія именъ жрецовъ, ср. напр. B. n. 2166: μάρτυροι· ὁ ἱερεὺς τοῦ Ἀπόλλωνος Ἄρχων καὶ οἱ ἄρχοντες καὶ ἰδιῶται Τιμοκλῆς κτλ. Имена жрецовъ (и тамъ, гдѣ упоминаются архонты — и архонтовъ), стало-быть, обыкновенно сообщаются, но встрѣчаются, какъ мы видѣли, случаи, гдѣ они называются только по сану. Дельфійскихъ надписей такое безсмѣтное количество, что о нихъ можно судить гораздо опредѣленнѣе, нежели о тѣхъ немногихъ аттическихъ надписяхъ, о которыхъ намъ выше пришлось говорить. На основаніи дельфійскихъ надписей можно смѣло утверждать, что имена жрецовъ пропускались нисколько не потому, что жрецы считались іеронимными, а просто потому, что жречество было пожизненно и изъ упомянутой въ началѣ надписи даты явствовало, о какихъ жрецахъ говорилось въ данной надписи [2]); кромѣ того самый фактъ, что жрецы были свидѣтелями, по всей вѣроятности уже самъ по себѣ имѣлъ такое важное значеніе, что имена ихъ при случаѣ могли пропускаться безъ малѣйшаго ущерба. Что-бы случилось, еслибы по этому вопросу въ Дельфахъ сохранилось столь

1) И эти примѣры можно найти по таблицамъ Никитскаго, у котораго въ рубрикѣ „ἱερεῖς“ поставлены слова ἱερεῖς или ἱερεύς „когда имена жрецовъ послѣ титула οἱ ἱερεῖς (или ἱερεύς) не названы“ см. объясненіе сокращеній стр. 249. Мы замѣтили всего одинъ только пробѣлъ, а именно W.-F. n. 336 (B. n. 2001), гдѣ у Никитскаго въ таблицѣ вмѣсто ἱερεῖς поставлена —. Мы, впрочемъ, не привели W.-F. 395 (B. n. 2060), гдѣ также теперь читается οἱ ἱερεῖς τοῦ Ἀπόλλωνος и гдѣ у Никитскаго обозначено ἱερεῖς — не привели потому, что здѣсь, быть можетъ, имена жрецовъ случайно пропущены рѣзчикомъ см. Baunack l. c. стр. 428 прим.; доказать этого, конечно, нельзя, но примѣръ этотъ, поэтому, во всякомъ случаѣ можетъ считаться неудобнымъ.

2) Второе дельфійское жречество (Ξένων Βούλωνος + Ἄθαμβος Ἀγάθωνος) напр. продолжалось 18 лѣтъ (198—181); изъ этихъ 2 жрецовъ Ξένων былъ таковымъ 21 г. (201—181), а Ἄθαμβος даже 28 лѣтъ (198—171). Ἀμύντας Εὐδώρου былъ жрецомъ во время III, IV и V жречествъ (180—155), стало быть всего 26 лѣтъ. Ср. Никитскій l. c.

же мало надписей, сколько въ Аѳинахъ и еслибы Лукіанъ въ упомянутомъ разсказѣ упомянулъ дельфійскихъ, а не елевсинскихъ жрецовъ? Тогда-бы, по всей вѣроятности, нѣкоторые остроумные ученые заключили изъ тѣхъ надписей, въ которыхъ просто говорится οἱ ἱερεῖς или ὁ ἱερεύς, что имена пропущены потому, что жрецы были іеронимны! Подобное заключеніе теперь кажется дикимъ. Но развѣ упомянутые ученые по отношенію къ аттическимъ надписямъ поступаютъ иначе? Какъ можно въ оффиціальныхъ документахъ, частныхъ договорахъ и т. п. искать слѣдовъ іерониміи? Мы еще разъ повторяемъ, что іеронимія могла примѣняться только при совершеніи богослужебныхъ требъ, а въ обиходной жизни при обращеніи къ іерофанту и другимъ іеронимнымъ жрецамъ; въ надписяхъ, поэтому, менѣе всего можно ожидать найти слѣды іерониміи. Это, правда, повидимому, не согласуется съ тѣмъ, что мы выше сообщили объ обычаѣ называть только отчество и δημοτικόν іерофанта, а вмѣсто имени санъ его напр. ἱεροφάντης Νουφράδου Περιθοίδης. Но помимо того, что этотъ обычай, какъ мы видѣли, встрѣчается даже въ тѣ времена, когда еще не было никакого θεσμός, имена іерофантовъ упоминаются въ оффиціальныхъ документахъ и позднѣйшихъ временъ напр. Φλάουιος, Ἰούλιος, Νούμμιος (вторая половина II вѣка послѣ Р. Хр.) ср. Тёпферъ l. c. стр. 57 сл. Если-же въ оффиціальныхъ документахъ іерофанты могли называться по имени, то, кажется, ясно, что въ упоминаніи имени нельзя видѣть ничего предосудительнаго или незаконнаго.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣтокъ обратимся теперь опять къ нашей рѣчи. Мы видѣли, что между тѣмъ какъ ораторъ назвалъ по имени людей, купившихъ землю и баню, имя іерофанта не сообщено, и мы поэтому приступили къ разбору вопроса, чѣмъ объяснить эту непослѣдовательность нашего оратора. Послѣ всего вышеизложеннаго нельзя, конечно, утверждать, что имя іерофанта потому не названо, что было іеронимно. Іеронимія, правда, существовала и въ первой половинѣ IV вѣка, но іеронимія эта была чисто факультативная: никто не былъ обязанъ соблюдать ее. Объ оффиціальномъ документѣ здѣсь, по всей вѣроятности, также думать нельзя. Помимо того, что и въ оффиціальныхъ документахъ упоминались имена іерофантовъ, ораторъ врядъ-ли воспользовался здѣсь какимъ или какими-нибудь оффиціальными документами. Отдѣльные пункты этого списка, правда, написаны какимъ-то канцелярскимъ, документальнымъ слогомъ, но списка такого, разумѣется, не было и быть

не могло. Помимо общихъ соображеній это подтверждается также тѣмъ, что какъ число и цѣна рабовъ-ремесленниковъ, такъ и общій итогъ совершенно неопредѣленны. Авторъ узналъ это отъ разныхъ свидѣтелей, на которыхъ и ссылается въ § 34: καὶ ταῦθ' ὅτι ἀληθῆ λέγω, καθ' ἕκαστον ἡμῖν τῶν εἰρημένων πρῶτον καλῶ τοὺς μάρτυρας. Μάρτυρες. Что же касается упомянутаго слога, то любой Аѳинянинъ, а тѣмъ болѣе ораторъ въ случаѣ надобности былъ въ состояніи придать своимъ словамъ болѣе или менѣе оффиціальный характеръ. Если, стало-быть, ораторъ не назвалъ іерофанта по имени, то это, очевидно, объясняется тѣмъ, что елевсинскаго іерофанта каждый Аѳинянинъ безъ того зналъ очень хорошо, такъ что болѣе точное опредѣленіе могло казаться лишнимъ, тѣмъ болѣе, что должность іерофанта была пожизненная и іерофантъ, выкупившій означенный домъ за нѣсколько лѣтъ до процесса, въ 364 году несомнѣнно былъ еще іерофантомъ т. е. точнѣе — былъ еще въ живыхъ. Этимъ, конечно, еще не сказано, что ораторъ помимо того не смотрѣлъ на этого верховнаго жреца съ чувствомъ глубокаго уваженія и не соблюлъ чисто факультативной іерониміи.

Объясненіе этой мнимой непослѣдовательности нашего оратора, однако, задержало насъ настолько, что придется повторить фразу, въ которой былъ упомянутъ іерофантъ: „οἰκίαν ἐν ἄστει τεττάρων καὶ τετταράκοντα μνῶν ὑποκειμένην ἀπέλυσε τῷ ἱεροφάντῃ; здѣсь говорится, стало-быть, о домѣ въ городѣ, подъ который іерофантъ взялъ у Евктемона 44 мины, а впослѣдствіи выкупилъ за ту-же сумму. Слово ὑποκειμένην[1]) ясно показываетъ, что рѣчь идетъ о залогѣ (ипотекѣ), слово ἀπέλυσε же, очевидно, заставляетъ насъ предположить, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ особымъ родомъ залога, называвшимся πρᾶσις ἐπὶ λύσει (т. е. продажа съ правомъ выкупа). Предположеніе это мимоходомъ было уже высказано Hitzig'омъ. Но такъ какъ математически этого доказать нельзя и притомъ мнѣніе это оспаривается французомъ Beauchet, то намъ придется вкратцѣ остановиться на этомъ вопросѣ, тѣмъ болѣе, что если даже присоединиться ко мнѣнію Гитцига, всетаки еще остается рѣшить нѣсколько вопросовъ, не затронутыхъ ни Гитцигомъ, ни другими учеными;

1) Κεῖμαι, какъ извѣстно, часто — въ особенности въ сложныхъ формахъ — употребляется вмѣсто неупотребительнаго perf. pass. τέθειμαι (отъ глагола τίθημι), такъ что ὑποκειμένην = part. perf. pass. отъ ὑποτίθημι; сущ. = ἡ ὑποθήκη.

послѣднее, однако, невозможно безъ предварительнаго рѣшенія вопроса, въ чемъ именно состояла означенная πρᾶσις ἐπὶ λύσει [1]).

Въ Греціи существовали три формы залога: πρᾶσις ἐπὶ λύσει, ἐνέχυρον и ὑποθήκη [2]). Залогомъ или залоговымъ правомъ, какъ извѣстно, считается право на опредѣленную чужую вещь, служащее обезпеченіемъ обязательственнаго отношенія. Если сравнить исторію правъ различныхъ народовъ, то обнаруживается, что тамъ, гдѣ судопроизводство бывало вполнѣ недостаточнымъ и неразвитымъ, охрана правъ всегда являлась дѣломъ самозащиты, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и самоуправства. Кредиторъ давалъ должнику деньги въ займы съ тѣмъ, чтобы тотъ по истеченіи опредѣленнаго ими срока возвратилъ ему эти деньги. Если существовали особыя законныя постановленія, гарантировавшія кредитору возвращеніе этихъ денегъ или право собственности на опредѣленную вещь въ моментъ просрочки въ исполненіи долговаго обязательства, то кредиторъ могъ, конечно, довольствоваться этой формой залога, называвшейся ипотекой (ὑποθήκη); заложенная вещь, въ такомъ случаѣ, оставалась въ распоряженіи должника и кредиторъ вступалъ во владѣніе ею только тогда, когда должникъ въ опредѣленный срокъ не удовлетворялъ его. Если же судопроизводство оказывалось вполнѣ недостаточнымъ, то кредиторъ нуждался въ болѣе прочной га-

---

1) Ср. въ особенности преважную монографію юриста H. F. Hitzig, Das griechische Pfandrecht, München 1895. Кромѣ того см. также: Meier-Schoemann-Lipsius, Att. Proc. стр. 693 сл. R. Dareste, Nouv. revue historique de droit français et étranger I 1877 стр. 171 сл.; E. Szanto, Hypothek und Scheinkauf im griechischen Recht, въ журналѣ Wiener Studien IX 1887 стр. 279 сл.; P. Guiraud, La propriété foncière en Grèce, Paris 1893, стр. 278 сл.; Hermann-Thalheim, Griechische Rechtsalterthümer 1895⁴ стр. 99 сл.; Beauchet l. c. III стр. 176 сл. Ср. также Dareste, Nouv. revue etc. IX 1885 стр. 1 сл. и Dareste-Haussoullier-Reinach, Recueil d'inscr. jurid. grecques I 1891 стр. 107 сл.

2) Въ римскомъ правѣ встрѣчаются также три формы залога: fiducia (mancipatio fiduciae causa), pignus и hypotheca, которыя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ приблизительно соотвѣтствовали упомянутымъ тремъ греческимъ родамъ. На аналогичныхъ моментахъ мы, однако, останавливаться не будемъ, а ссылаемъ читателей на руководства по римскому праву; филологамъ въ особенности рекомендуемъ сочиненіе R. Sohm'a, „Institutionen" § 72 (Das Pfandrecht), гдѣ вся матерія изложена коротко и ясно. Что же касается нѣкоторыхъ довольно существенныхъ моментовъ, по отношенію къ которымъ греческое и римское права значительно расходятся, то мы ссылаемъ на Hitzig'a стр. 3.

рантіи, онъ долженъ былъ болѣе прочнымъ образомъ обезпечить свои права на случай неисполнительности должника. Полагаться единственно на честность должника было слишкомъ рискованнымъ дѣломъ: дружба дружбой, а денежкамъ счетъ. Естественно, что кредиторы при такихъ обстоятельствахъ выбирали одинъ изъ первыхъ двухъ видовъ залога (πρᾶσις ἐπὶ λύσει и ἐνέχυρον), смотря по тому отдавались ли въ залогъ недвижимыя или движимыя вещи: πρᾶσις ἐπὶ λύσει употреблялась тогда, когда принималась въ залогъ недвижимая вещь, ἐνέχυρον же тогда, когда закладывалась движимая вещь. Такъ какъ въ нашей рѣчи говорится о недвижимой вещи (οἰκίαν), то мы на ἐνέχυρον останавливаться не будемъ, тѣмъ болѣе, что разница между тѣмъ и другимъ способами залога состояла главнымъ образомъ только въ движимости или недвижимости заложенной вещи.

Въ чемъ же состояла πρᾶσις ἐπὶ λύσει и въ чемъ заключались права какъ залогодателя (должника), такъ и залогодержателя (кредитора)? На этихъ трехъ вопросахъ придется теперь остановиться.

Въ чемъ состояла πρᾶσις ἐπὶ λύσει? Для обезпеченія уплаты занятой должникомъ суммы, должникъ продавалъ кредитору изъ своего имущества опредѣленную недвижимую вещь, по цѣнности либо соотвѣтствующую суммѣ долга, либо превышающую ее немного. Продажа эта не фиктивная, а дѣйствительная продажа съ дѣйствительной покупной цѣной, такъ какъ заемныя деньги считались покупной цѣной. Залогодержатель дѣлается собственникомъ заложенной вещи: онъ дѣлается таковымъ уже въ самый моментъ установленія долговаго обязательства, заложенная вещь немедленно дѣлалась его собственностью, а никакъ не впослѣдствіи въ случаѣ неисполнительности должника. Однако до истеченія опредѣленнаго срока залогодержатель всетаки не могъ считаться безусловнымъ собственникомъ заложенной вещи, такъ какъ за залогодателемъ оставалось право выкупить свою вещь своевременнымъ точнымъ исполненіемъ своего обязательства. Если же въ означенный срокъ сумма не была возвращена, то заложенная вещь безвозвратно оставалась полной собственностью залогодержателя. Срокъ обыкновенно точно опредѣлялся напр. Demosth. or. 37 πρὸς Πανταίνετον § 5: „πρατὴρ μὲν δὴ — ὁ Μνησικλῆς ἡμῖν γίγνεται· — καὶ τιθέμεθα συνθήκας, ἐν αἷς ἥ τε μίσθωσις ἦν γεγραμμένη καὶ λύσις τούτῳ παρ' ἡμῶν ἔν τινι ῥητῷ χρόνῳ". Встрѣчаются, однако, случаи, гдѣ срокъ не упоминается, ср. напр. Demosth. or. 33 πρὸς Ἀπατούριον § 8: „ὠνὴν ποιοῦμαι τῆς

νεὼς καὶ τῶν παίδων, ἕως ἀποδοίη τάς τε δέκα μνᾶς — καὶ τὰς τριάκοντα κτλ." и аморгинскую надпись Dittenberger Sylloge II² 831 (= II¹ 438; Michel, Recueil n. 1385), гдѣ читается: Ἐπ' ἄρχοντος Φανοκράτους, μηνὸς Ἀνθεστηριῶνος, ἀπέδοτο Νικήρατος . . . . τὰ χωρία καὶ τὴν οἰκίαν . . . ., ἐπὶ λύσει [1]). Гитцигъ (стр. 10) мотивируетъ это тѣмъ, что при πρᾶσις ἐπὶ λύσει опредѣленіе срока могло считаться вполнѣ излишнимъ, такъ какъ заложенная вещь немедленно дѣлалась собственностью залогопринимателя. Beauchet (III стр. 238) находитъ это невозможнымъ и немыслимымъ: „il est inadmissible que le débiteur ait eu indéfiniment le droit de racheter la chose engagée: en l'absence d'une clause spéciale, le délai pour le rachat doit, à notre avis, se confondre avec le terme fixé pour l'échéance de la dette".

Мы вполнѣ соглашаемся съ Бошэ; но такъ какъ замѣтка его слишкомъ коротка и во второй части не совсѣмъ ясна, то намъ придется точнѣе обосновать это предположеніе. И мы

---

1) Въ какой степени Beauchet зависитъ отъ своихъ предшественниковъ и что онъ самъ не пользовался всею литературою, а просто заимствовалъ свои цитаты у другихъ, явствуетъ также изъ нижеслѣдующаго примѣра. Hitzig на стр. 73 приводитъ упомянутое нами мѣсто изъ Demosth. or. 33, а затѣмъ продолжаетъ: „ebenso wird in der Inschrift von Amorgos (Athen. Mittheilg. I pag. 346) ohne Fixierung eines Termins ἐπὶ λύσει verkauft". Ср. съ этими словами Beauchet l. c. III стр. 238 прим. 2, который также сначала приводитъ Demosth. or. 33 и ровно столько же словъ, какъ и Hitzig (отъ ὠνὴν до μνᾶς), а затѣмъ также продолжаетъ: „Une inscription d' Amorgos (Mittheilungen, I, p. 346), mentionne également une πρᾶσις ἐπὶ λύσει sans fixation de délai pour le rachat". Мы не станемъ настаивать на томъ, что этотъ парафразъ почти равняется переводу, что Hitzig не упомянутъ и т. п. — это, къ сожалѣнію дѣлаютъ и другіе авторы — но мы указываемъ только на то, что Beauchet Athen. Mitth. I въ рукахъ не имѣлъ. Это совершенно очевидно явствуетъ изъ того, что онъ заимствовалъ у Гитцига не совсѣмъ точную цитату (слѣдуетъ читать I стр. 345 и 346 n. 12, или просто 345 сл. n. 12) и что онъ не зналъ, что надпись эта напечатана у Dittenberger'a, Sylloge l. c. Что мы не ошибаемся въ этомъ предположеніи доказывается слѣдующимъ обстоятельствомъ. Приведенныя слова читаются на стр. 238, а не болѣе какъ черезъ двѣ страницы (стр. 240) онъ еще разъ цитируетъ эту надпись, нисколько не подозрѣвая, что это та-же надпись и цитируетъ ее вѣрно, см. прим. 2: „cf. Weil, in Mittheilungen, I, p. 345 et Dittenberger Syll., 438"; ср. также стр. 241 прим. 1, гдѣ онъ ссылаетъ только на послѣднее мѣсто: „Inscription d' Amorgos précitée, p. 240, note 2". Откуда онъ заимствовалъ вѣрную цитату, мы не пытались опредѣлить. Отсутствіе и упоминаніе имени перваго издателя этой надписи (Вейля) также объясняется совершенно просто тѣмъ, что у Hitzig'a имени этого не было названо.

находимъ невозможнымъ предположить, чтобы за залогодателемъ по жизнь оставалось право выкупить свою вещь. Вещь эта, правда, сдѣлалась собственностью залогодержателя. Но такъ какъ онъ до истеченія срока обязанъ былъ возвратить эту вещь, если должникъ своевременно исполнилъ свое обязательство, то при отсутствіи опредѣленнаго срока надъ залогодержателемъ въ продолженіи всей жизни висѣлъ бы Дамокловъ мечъ, что вотъ-вотъ явится должникъ и потребуетъ назадъ свою вещь. Это для кредитора должно было быть тѣмъ болѣе тягостнымъ, что онъ въ такомъ случаѣ, собственно говоря, никогда не имѣлъ возможности свободно распоряжаться этой вещью, измѣнять ее, продавать и т. п., такъ какъ должникъ могъ же сверхъ всякаго ожиданія явиться, возвратить занятыя деньги, а затѣмъ подать на кредитора исковое прошеніе (δίκη παρακαταθήκης или συνθηκῶν παραβάσεως или βλάβης). Такое неопредѣленное положеніе, такая постоянно грозящая опасность, быть выпровоженнымъ изъ этого владѣнія, намъ кажутся немыслимыми.

Можно, правда, указать на то, что залогодержатель имѣлъ двоякую возможность освободиться отъ этого безвыходнаго положенія: онъ могъ, какъ мы ниже увидимъ, 1) либо оставлять залогодателя во владѣніи заложенною вещью, а именно — передать ее ему въ аренду съ тѣмъ, чтобы тотъ платилъ ему арендныя деньги, равняющіяся процентамъ (обыкновенно 10 %) съ покупной цѣны т. е. занятыхъ должникомъ денегъ, 2) либо перепродать заложенную вещь третьему лицу. Однако, на нашъ взглядъ, обстоятельства отъ этого нисколько не измѣнялись. Ибо въ первомъ случаѣ это положеніе дѣлъ могло продолжаться только такъ долго, пока мнимый арендаторъ исправно платилъ проценты: только что онъ переставалъ платить исправно, заложенная вещь немедленно переходила во владѣніе кредитора и мы получаемъ опять вышеупомянутое неопредѣленное положеніе. Что же касается второй возможности, то перепродажа, какъ мы ниже увидимъ, была возможна только съ разрѣшенія и при содѣйствіи залогодателя и притомъ, конечно, обязательно съ тѣмъ, чтобы новый кредиторъ принялъ на себя упомянутое обязательство прежняго кредитора. Послѣдній, конечно, такимъ образомъ вполнѣ освобождался отъ всякихъ хлопотъ, но въ это неопредѣленное положеніе вступалъ же новый кредиторъ, такъ что измѣнялись только лица, а не обстоятельства.

Мы, поэтому, не можемъ себѣ представить, чтобы право на λύσις могло продолжаться in infinitum: или хоть мало-мальски

точно опредѣлялся срокъ, или существовала законная давность. Бошэ утверждаетъ, что при отсутствіи заранѣе опредѣленнаго срока право на выкупъ прекращалось съ наступленіемъ давности, установленной вообще для всякого рода долговыхъ обязательствъ. Онъ, правда, говоритъ: „le terme fixé pour l'échéance de la dette", т. е. онъ какъ будто предполагаетъ, что если и не былъ опредѣленъ срокъ для выкупа, то по крайней мѣрѣ было заранѣе опредѣлено время, когда прекратится долговое обязательство за давностью. Этого онъ не могъ и, очевидно, не хотѣлъ сказать, такъ какъ еслибы была заранѣе опредѣлена означенная давность, то этимъ былъ бы одновременно опредѣленъ и срокъ, назначенный для выкупа заложенной вещи. Бошэ, стало-быть, очевидно думаетъ о законной давности. Существовала ли, однако, такая давность и когда она наступала? Бошэ здѣсь не приводитъ ни малѣйшаго доказательства. На стр. 225 онъ говоритъ, однако, слѣдующее: „Le débiteur condamné doit se libérer dans un certain délai (προθεσμία) fixé soit par la loi, soit par le juge: on ne peut, en l'absence de renseignements, se prononcer à cet égard. En tout cas, ce délai peut être étendu à l'amiable par les parties, et cette convention de prorogation peut se faire simplement devant témoins. Le délai écoulé sans que le créancier ait reçu satisfaction, le perdant devient ὑπερήμερος et le gagnant peut alors procéder à la prise de gage, ἐνεχυρασία".

У Бошэ, какъ видно, все неопредѣленно, онъ не пытается установить, существовалъ ли такой законъ, онъ не старается опредѣлить срока и т. д. Между тѣмъ, на нашъ взглядъ, можно нѣсколько точнѣе рѣшить эти вопросы. Мы не сомнѣваемся, что существовалъ для этого особый законъ. Прямыхъ доказательствъ мы, правда, привести не можемъ, но косвенныя доказательства здѣсь не менѣе важны. Въ III рѣчи περὶ τοῦ Πύρρου κλήρου § 58 Исей говоритъ, что „ὁ νόμος πέντε ἐτῶν κελεύει δικάσασθαι τοῦ κλήρου, ἐπειδὰν τελευτήσῃ ὁ κληρονόμος. Здѣсь не мѣсто подробнѣе останавливаться на вопросѣ, о какого рода искахъ по дѣламъ о наслѣдствѣ здѣсь говорится, для насъ важно то обстоятельство, что тутъ упоминается давность, наступавшая по истеченіи 5 лѣтъ, и что давность эта была предписана закономъ. Мы читаемъ далѣе у Demosth. or. 36 ὑπὲρ Φορμίωνος §§ 26 и 27, что ораторъ, заставивши прочесть „τὸν τῆς προθεσμίας (давность) νόμον" говоритъ: „ὁ μὲν τοίνυν νόμος σαφῶς οὑτωσὶ τὸν χρόνον ὥρισεν" и „τοῖς μὲν γὰρ ἀδικουμένοις τὰ πέντ' ἔτη ἱκανὸν ἡγήσατ' (sc. ὁ Σόλων) εἶναι εἰσπράξασθαι. Въ этой рѣчи говорится

объ искѣ о взысканіи долга. И въ такихъ, стало быть, случаяхъ давность наступала черезъ 5 лѣтъ и давность эта опять была предписана закономъ. Мало того, выраженіе ὁ τῆς προθεσμίας νόμος и дальнѣйшія изложенія оратора заставляютъ насъ предположить, что, быть можетъ, законъ этотъ относился ко всѣмъ искамъ по дѣламъ имущественнымъ [1]). Это подтверждается еще слѣдующимъ доказательствомъ. Въ 38 рѣчи Demosth. πρὸς Ναυσίμαχον говорится объ искѣ по дѣлу объ опекѣ, и опять мы находимъ ту-же законную давность: ср. § 17 „βούλομαι καὶ τοῦτον ὑμῖν τὸν νόμον εἰπεῖν, ὃς διαρρήδην λέγει, ἐὰν πέντ' ἔτη παρέλθῃ καὶ μὴ δικάσωνται, μηκέτ' εἶναι τοῖς ὀρφανοῖς δίκην περὶ τῶν ἐκ τῆς ἐπιτροπῆς ἐγκλημάτων“ и § 27 „τοῦ νόμου πέντ' ἔτη τὴν προθεσμίαν δεδωκότος“. Мы думаемъ, что послѣ этихъ косвенныхъ доказательствъ не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что во всѣхъ такихъ дѣлахъ давность была установлена закономъ и наступала по истеченіи пяти лѣтъ. Почему Бошэ писалъ такъ неопредѣленно — непонятно.

Итакъ мы того мнѣнія, что и по отношенію къ πρᾶσις ἐπὶ λύσει существовала законная давность. Когда она наступала, при молчаніи источниковъ, конечно, точно опредѣлить нельзя, но быть можетъ и здѣсь давность наступала по истеченіи пяти лѣтъ. Что же касается тѣхъ случаевъ, гдѣ срокъ былъ точно опредѣленъ, то это нисколько не въ состояніи опровергнуть наше мнѣніе, такъ какъ ничто не мѣшало въ контрактѣ установлять болѣе или менѣе короткій срокъ [2]).

---

1) Lipsius у Meier-Schömann'a, Att. Process, стр. 838, прим. 203 высказываетъ эту мысль совершенно опредѣленно.

2) Ср. вполнѣ аналогичное постановленіе въ Bürgerliches Gesetzbuch für das deutsche Reich ст. 503: Das Wiederkaufsrecht kann bei Grundstücken nur bis zum Ablaufe von dreissig, bei anderen Gegenständen nur bis zum Ablaufe von drei Jahren nach Vereinbarung des Vorbehalts ausgeübt werden. Ist für die Ausübung eine Frist bestimmt, so tritt diese an die Stelle der gesetzlichen Frist“. Ср. также ст. 801. О давности (10-лѣтней) вообще по отношенію къ договорамъ и о земской давности по долговымъ обязательствамъ безсрочнымъ и выданнымъ срокомъ до востребованія см. Сводъ законовъ т. X часть 1 ст. 1549 и 1259. Мы не хотимъ, впрочемъ, скрыть отъ читателей, что то, что мы въ текстѣ назвали невѣроятнымъ и невозможнымъ, встрѣчается въ одномъ изъ современныхъ правъ, а именно въ Остзейскомъ ср. т. III ст. 3924: „Ist das Wiederkaufsrecht für eine bestimmte Zeit vorbehalten, so erlischt es mit Ablauf derselben. Ist für dasselbe keine Zeit bestimmt, so ist der Vorbehalt keiner Verjährung unterworfen“. Но мы не думаемъ, чтобы это было въ состояніи поколебать то, что нами изложено въ текстѣ. Между

Перейдемъ теперь къ правамъ залогодателя (должника). Права его слѣдуютъ изъ вышесказаннаго. Заложивъ свою вещь, онъ лишался всякаго права на нее, пока не заплатилъ занятыхъ денегъ. Если кредиторъ находилъ возможнымъ или удобнымъ оставлять должника во владѣніи заложенною вещью, передавая ее ему въ аренду, то онъ считался не владѣльцемъ, а только арендаторомъ; условія точно обозначались въ арендномъ договорѣ; если арендаторъ переставалъ платить арендныя деньги, то заложенная вещь немедленно переходила во владѣніе кредитора. По исполненіи своего обязательства т. е. по возвращеніи занятыхъ денегъ въ установленный срокъ, должникъ могъ требовать возвращенія своей вещи и если кредиторъ почему-то отказывался или не могъ возвратить ея, то залогодатель, какъ мы уже видѣли, могъ на него подать исковое прошеніе. Къ этому главнымъ образомъ сводятся права залогодателя. Однако три вопроса требуютъ еще нѣкотораго изъясненія.

Во-первыхъ, Beauchet утверждаетъ, что залогодатель до исполненія своего обязательства имѣлъ право продать заложенную вещь, чтобы удовлетворить залогодержателя [1]). Hitzig [2]), напротивъ, указалъ на то, что это немыслимо, такъ какъ кредиторъ врядъ ли былъ бы доволенъ суммой, не равнявшейся той, за которую онъ самъ купилъ эту вещь у должника. Мы вполнѣ соглашаемся съ Hitzig'омъ. Предположеніе Beauchet довольно странное. Для должника такая манипуляція, конечно, была бы чрезвычайно выгодной. Но не подлежитъ сомнѣнію, что манипуляція эта — явное мошенничество: ни кредиторъ, ни обычное право, ни законы не могли одобрять такого мошенничества. Если же онъ, напротивъ, не продавалъ дешевле прежняго, а за

упомянутымъ „Wiederkaufsrecht“ и греческой „πρᾶσις ἐπὶ λύσει“ чрезвычайно большая разница. Вторая — особая форма залоговаго права, а первое — особый видъ договора купли — продажи. Надѣемся, что уже одно это достаточно изъясняетъ разницу между этими учрежденіями. Здѣсь не мѣсто болѣе подробно останавливаться на этомъ вопросѣ.

1) Ср. Beauchet l. c. III стр. 245 сл.: „le debiteur peut, même avant le rachat, vendre lui-même la chose sur laquelle il a un droit de propriété suspensive. En offrant le prix de la nouvelle vente au créancier, il pourra se faire restituer la chose pour la livrer à l'acheteur“.

2) Ср. Hitzig, Zeitschrift für Rechtsgeschichte, XVIII (31) Romanistische Abtheilung, Weimar 1897, стр. 175: „der Gläubiger muss sich eine Kürzung gefallen lassen, wenn es dem Schuldner einfällt, billiger einem Dritten zu verkaufen?“

ту-же сумму, то предположеніе это дѣлается еще болѣе невѣроятнымъ, ибо непонятно, почему онъ еще разъ продаетъ эту вещь. Предположеніе это было бы мыслимо только тогда, если бы должнику удалось продать свою вещь болѣе выгодно: въ такомъ случаѣ и кредиторъ ничего не могъ имѣть противъ этого. Однако спрашивается[1]), какое же должникъ имѣлъ право еще разъ продавать эту вещь? Мы видѣли уже, что должникъ лишался всякого права на заложенную вещь и что до исполненія обязательства дѣйствительнымъ собственникомъ и владѣльцемъ былъ кредиторъ. Мы не понимаемъ, въ силу какихъ именно соображеній это фактическое положеніе дѣлъ могло сдѣлаться недѣйствительнымъ. Beauchet ссылается на римскую mancipatio sub fiducia, но сравненіе это вполнѣ невозможное, такъ какъ римская fiducia — фиктивная продажа (imaginaria venditio; mancipatio sestertio nummo uno), между тѣмъ какъ πρᾶσις ἐπὶ λύσει — дѣйствительная продажа. Итакъ отъ этой гипотезы нужно вполнѣ отказаться.

Второй вопросъ слѣдующій. По исполненіи обязательства должникъ можетъ требовать возвращенія своей вещи и, получивъ ее, дѣлается опять владѣльцемъ. Однако спрашивается, какимъ же образомъ онъ получаетъ снова право собственности: посредствомъ формальнаго выкупа или просто въ силу того обстоятельства, что долгъ имъ заплоченъ? Hitzig[2]) указываетъ сначала на теносское право, гдѣ выкупъ документально подкрѣпленъ и полагаетъ, что по аналогіи и въ аттическомъ правѣ требовался выкупъ. Ни въ литературѣ, ни въ эпиграфическихъ документахъ нѣтъ ни малѣйшаго указанія ни за, ни противъ этого воззрѣнія. Оно, собственно говоря, само по себѣ и безразлично, такъ какъ результатъ получается одинъ и тотъ-же. Однако такъ какъ въ юридическомъ отношеніи разница эта считается всетаки довольно важной, то посмотримъ, нѣтъ-ли, быть можетъ, косвенныхъ доказательствъ. Изъ однихъ теносскихъ учрежденій еще нисколько не слѣдуетъ, что и въ Аттикѣ практиковалось то-же. Hitzig приводитъ еще нѣсколько другихъ доказательствъ — между прочимъ и наше мѣсто — посмотримъ, каковы эти доказательства.

Онъ ссылается, во-первыхъ, на Demosth. or. 37 πρὸς Πανταίνετον § 30. Означенная рѣчь одинъ изъ важнѣйшихъ доку-

1) Довольно странно, что Hitzig не указалъ на этотъ важный моментъ.
2) Ср. Hitzig, Griech. Pfandrecht, стр. 105 сл.

ментовъ по отношенію къ πρᾶσις ἐπὶ λύσει; но такъ какъ разборъ ея задержалъ бы насъ порядочно, то ссылаемъ читателя на изложенія Hitzig'a и Beauchet[1]). Подъ страхомъ поступить несправедливо по отношенію къ этимъ юристамъ, мы, однако, не можемъ не сознаться, что мѣсто это намъ кажется невѣрно истолкованнымъ ими. Въ упомянутомъ Hitzig'омъ § 30 мы читаемъ слѣдующее[2]): „πρατὴρ μὲν γὰρ ὁ Μνησικλῆς ἡμῖν ἐγεγόνει τούτου παρόντος καὶ κελεύοντος. μετὰ ταῦτα τὸν αὐτὸν τρόπον ἡμεῖς ἑτέροις ἀπεδόμεθα, οὐ μόνον κελεύοντος τούτου, ἀλλὰ καὶ ἱκετεύοντος· οὐδεὶς γὰρ ἤθελεν δέχεσθαι τοῦτον πρατῆρα". Hitzig (стр. 106, прим. 2) полагаетъ, что здѣсь „scheint allerdings gesagt zu sein, dass normal gewesen wäre, wenn die Sprecher an Pantainetos zurück —, und dieser selbst dann weiterverkauft hätte". Beauchet (III стр. 247, прим. 1) присоединяется къ этому мнѣнію и замѣчаетъ: „Il en résulte bien, nous le reconnaissons, que regulièrement le nouvel engagement aurait dù procéder du débiteur même, de Pantènète". Но такъ какъ у Hitzig'a въ текстѣ сказано „ohne sicheren Anhalt in den Quellen", то Beauchet считаетъ себя обязаннымъ прибавить отъ себя слѣдующую оговорку: „mais le texte précité n' indique nullement la manière suivant laquelle il serait redevenu propriétaire de l'immeuble". Намъ эта оговорка кажется нѣсколько странной: тутъ важно не то, какимъ образомъ Пантэнетъ могъ redevenir propriétaire — при такой, разумѣется, фиктивной передачѣ собственности не трудно было придумать какую-нибудь манипуляцію — тутъ важно то, слѣдуетъ-ли предположить, что нормальная процедура въ упомянутомъ случаѣ должна была состоять въ слѣдующемъ: если **a** = кредиторъ, **b** = должникъ, **c** = посторонее лицо, и если **a**, нуждаясь въ деньгахъ, до истеченія срока намѣревается перепродать заложенную вещь, то **a** обязанъ ее продать **b**, который потомъ со своей стороны продаетъ ее **c**. Мы думаемъ, что самъ Hitzig по другому поводу судилъ объ этомъ вопросѣ гораздо правильнѣе на стр. 76, гдѣ мы читаемъ

---

1) Страницъ обозначить нельзя, такъ какъ объ этой рѣчи говорится повсюду у Hitzig'a l. c. и Beauchet l. c. Ср. для краткой оріентировки также Blass Att. Bereds. III[2] стр. 477 сл.

2) Hitzig почему-то выписалъ только нѣкоторыя слова — между прочимъ и заподозрѣнныя Benseler'омъ слова ἐφ' οἷσπερ αὐτοὶ ἐπριάμεθα, которыя въ новѣйшихъ изданіяхъ пропускаются — между тѣмъ какъ важно все мѣсто. Beauchet, конечно, списалъ у Hitzig'a тѣ-же слова — оно, конечно, и легче и проще!

слѣдующее: „Ob dabei die 60 Minen von den neuen Gläubigern direct an Mnesikles gezahlt werden, oder an Pantainetos und von diesem an Mnesikles, ist gleichgiltig". То-же самое можно сказать и о нашемъ случаѣ. Мы, притомъ, не думаемъ, чтобы изъ словъ „οὐδεὶς γὰρ ἤθελεν δέχεσθαι τοῦτον πρατῆρα" непремѣнно слѣдовало то, что изъ нихъ вычитали юристы Hitzig и Beauchet.

Однако еще важнѣе слѣдующее соображеніе, которое къ нашему величайшему удивленію не приводится упомянутыми юристами, а именно: до исполненія обязательства собственникомъ заложенной вещи считался кредиторъ и фактически и былъ таковымъ — какое же право имѣлъ въ такомъ случаѣ должникъ, продавать вещь, не принадлежащую ему до исполненія обязательства? Ничто, конечно, не мѣшало ему возвратить занятыя деньги до истеченія срока; но въ такомъ случаѣ вторичная продажа — новая операція, ничего общаго съ кредиторомъ не имѣющая. Или кредиторъ нуждается въ деньгахъ, а такъ какъ должникъ не въ состояніи возвратить занятыя деньги до истеченія срока, то кредиторъ перепродаетъ заложенную вещь третьему лицу — въ такомъ случаѣ должникъ, конечно, не имѣетъ ни малѣйшаго права самостоятельно приниматься за эту перепродажу. Такъ какъ за должникомъ остается право выкупить свою вещь своевременнымъ исполненіемъ обязательства, т. е. такъ какъ онъ въ такомъ случаѣ имѣетъ полное право требовать возвращенія заложенной имъ вещи, то перепродажа понятнымъ образомъ можетъ состояться съ согласія и при участіи должника (συνεπαινοῦντος καὶ συμπωλοῦντος τοῦ δεῖνος), но изъ этого вѣдь нисколько не слѣдуетъ, что онъ имѣетъ право, самостоятельно перепродавать заложенную имъ вещь. Процедура эта, стало быть, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названа нормальной. Мѣсто это, слѣдовательно, ничего не доказываетъ.

Hitzig приводитъ, далѣе, наше мѣсто: „Bezieht sich der Ausdruck ἐπράθη in c. 34 (т. е. § 34) auch auf dieses Geschäft, so haben wir es hier zweifellos mit einem Wiederverkauf auf Grund einer πρᾶσις ἐπὶ λύσει zu thun". Такъ какъ намъ ниже придется въ связи говорить объ этомъ мѣстѣ, то мы можемъ здѣсь удовольствоваться краткимъ указаніемъ на то, что толкованіе Hitzig'а черезъ-чуръ насильственное. Исей, какъ мы уже выше видѣли, сообщаетъ въ § 34, что „σύμπαντα δὲ πλείονος ἢ τριῶν ταλάντων, ἃ ἐπράθη διὰ ταχέων πάνυ τελευτήσαντος Φιλοκτήμονος", онъ, стало-быть, сообщаетъ въ этомъ предложеніи только общій итогъ вырученныхъ Андрокломъ и Антидоромъ денегъ и къ этому

прибавляетъ, что всѣ эти вещи были проданы ими сломя голову немедленно послѣ смерти Филоктемона. Всѣ остальныя вещи дѣйствительно были проданы; положимъ теперь, что заложенный домъ не былъ проданъ, а только просто возвращенъ, какое общее слово могъ-бы придумать Исей, чтобы включить и этотъ домъ въ число остальныхъ, проданныхъ ими вещей? Изъ этого выраженія еще нисколько не слѣдуетъ, что должникъ долженъ былъ формально выкупить свою вещь: еслибы по возвращеніи занятыхъ денегъ домъ перешелъ въ его владѣніе, то Исей врядъ-ли употребилъ бы здѣсь другое слово. И этотъ примѣръ, слѣдовательно, доказательной силы не имѣетъ.

Hitzig указываетъ также на Isae. or. V περὶ τοῦ Δικαιογένους κλήρου § 21 (τιμὴν ἀποδόντα), но стоитъ только прочесть все мѣсто (οἱ παρὰ τούτου πριάμενοι καὶ θέμενοι, οἷς ἔδει αὐτὸν ἀποδόντα τὴν τιμὴν ἡμῖν τὰ μέρη ἀποδοῦναι), чтобы убѣдиться, что слова ἀποδόντα τὴν τιμὴν — если вообще можно изъ этихъ словъ вычитывать что-либо опредѣленное — скорѣе опровергаютъ, чѣмъ подтверждаютъ мнѣніе Hitzig'a.

Итакъ изъ доводовъ Hitzig'a ни одинъ не оказался основательнымъ. Hitzig самъ какъ будто это чувствовалъ, ибо онъ присовокупилъ слѣдующее: „jedenfalls liegt nichts für die andere — denkbare — Möglichkeit vor, dass der Schuldner durch Bezahlung ipso jure wieder Eigentümer wurde, der Gläubiger also nur unter dieser Resolutivbedingung Eigentümer geworden wäre". Мы, къ сожалѣнію, имѣемъ столь мало источниковъ для изученія аттическаго гражданскаго права, что изъ этого молчанія источниковъ еще ничего бы не слѣдовало, тѣмъ болѣе, что и вышеупомянутыя мнимыя доказательства нисколько не подтверждаютъ мнѣнія, высказаннаго Hitzig'омъ. Но помимо того послѣднее утвержденіе Hitzig'a намъ кажется страннымъ и въ другомъ отношеніи. Онъ отрицаетъ возможность того, чтобы кредиторъ сдѣлался владѣтелемъ только съ тѣмъ, чтобы онъ послѣ точнаго и своевременнаго исполненія обязательства возвратилъ заложенную вещь. Но какъ согласовать это мнѣніе съ тѣмъ, которое слѣдуетъ немедленно послѣ этого: „Die Rückübertragung kann vom Schuldner erzwungen werden"? Вѣдь это противорѣчіе! Если должникъ могъ принудить кредитора возвратить ему заложенную вещь, то на какомъ основаніи кредитора можно называть безусловнымъ собственникомъ и владѣльцемъ заложенной вещью?

При молчаніи и неясности нашихъ источниковъ мы, слѣдовательно, не въ состояніи дать положительнаго отвѣта на вопросъ,

получалъ-ли должникъ снова право собственности на заложенную имъ вещь посредствомъ формальнаго выкупа или просто въ силу того обстоятельства, что долгъ имъ заплаченъ. Но это, на нашъ взглядъ, собственно говоря не особенно важно: мы знаемъ, что должникъ имѣлъ право требовать возвращенія своей вещи, мы знаемъ также, что кредиторъ былъ обязанъ возвратить ее — какъ происходила эта процедура, оффиціально-ли и формально, или совершенно просто, особеннаго значенія не имѣетъ.

Однако есть, на нашъ взглядъ, еще обстоятельство, которое, быть можетъ, въ состояніи подтвердить наше воззрѣніе, заключающееся въ томъ, что возвращеніе не было связано ни съ какой бы то ни было формальной и оффиціальной процедурой. Предшественники наши не обратили, повидимому, должнаго вниманія на выраженія „λύσις, λύειν, λύεσθαι, ἀπολύειν, ἀπολύεσθαι". Характеръ учрежденія явствуетъ обыкновенно или, по крайней мѣрѣ, весьма часто изъ самого названія этого учрежденія. Современныя выраженія „vente à réméré", „Kauf auf Wiederkauf" и т. д. ясно показываютъ, что по современному праву производится формальная обратная покупка; русское слово „выкупъ" нѣсколько неопредѣленно и двусмысленно, такъ какъ оно можетъ обозначать какъ формальную куплю-продажу, такъ и простое погашеніе долга, связанное съ возвращеніемъ заложенной вещи. Въ Греціи, напротивъ, мы находимъ два совершенно различныхъ выраженія: „πρᾶσις ἐπὶ λύσει". Первое слово совершенно ясно обозначаетъ актъ купли-продажи, и когда говорится о такой куплѣ-продажѣ, состоявшейся единственно для того, чтобы обезпечить кредитора залогомъ, то всегда употребляются слова „πρᾶσις, πρατήρ, ὠνέομαι, ἀπεδόμην[1]), ὠνὴν ποιοῦμαι и т. п.". Когда же говорится о выкупѣ, то никогда не употребляется какое-нибудь слово, обозначающее куплю-продажу, а только „λύσις, λύειν, ἀπολύειν и λύεσθαι, ἀπολύεσθαι[2])". Слова же эти, — равно какъ и διαλύω, которое также употребляется — имѣютъ только слѣдующее значеніе: „уплачивать, погашать долгъ; уплата, погашеніе долга". Но это еще не все. Слова эти употребляются

1) Глаголъ ἀποδίδωμι въ среднемъ залогѣ, въ особенности въ aor. ἀπεδόμην, какъ извѣстно, также = „продавать".

2) Λύειν, ἀπολύειν — говорится о кредиторѣ; λύεσθαι, ἀπολύεσθαι — о должникѣ. Ср. Schoemann въ комментаріи къ нашей рѣчи стр. 339 сл.; у него тамъ, впрочемъ, ошибка, исправленная имъ самимъ на стр. 511. См. также Hitzig l. c. стр. 116 и прим. 1.

не только по отношенію къ πρᾶσις ἐπὶ λύσει, но равнымъ образомъ и по отношенію къ ἐνέχυρον (pignus, Faustpfand). Никто, вѣроятно, не станетъ утверждать, что должникъ въ этомъ второмъ случаѣ формально покупаетъ обратно заложенную имъ движимость. Если же термины и въ томъ, и въ другомъ случаѣ одинаковые, то очевидно и процедура была одинаковая т. е. при πρᾶσις ἐπὶ λύσει должникъ, возвративши деньги, въ силу этого именно обстоятельства опять становился законнымъ владѣльцемъ. Вотъ почему у Ps.-Demosth. or. 33 πρὸς Ἀπατούριον § 8 говорится: „ὠνὴν ποιοῦμαι τῆς. . . . ἕως ἀποδοίη τάς τε δέκα μνᾶς, ἃς δι' ἐμοῦ ἔλαβε κτλ.“.

Перейдемъ теперь къ третьему вопросу. Hitzig [1]) полагаетъ, что въ Греціи право на выкупъ не было вещнымъ и по этому не слѣдовало всюду за вещью. Если, поэтому, кредиторъ безъ вѣдома залогодателя т. е. противозаконно продалъ заложенную вещь какому-нибудь другому лицу, то лицо это не обязано возвратить эту вещь залогодателю; греческому праву, говоритъ Hitzig, неизвѣстно jus retroemendi in re — по крайней мѣрѣ нельзя привести ни малѣйшаго доказательства. Мы уже неоднократно говорили, что при скудости источниковъ одно молчаніе послѣднихъ ни въ какомъ случаѣ не въ состояніи ни подтвердить, ни опровергнуть какое бы то ни было мнѣніе. Эта мотивировка Hitzig'a, значитъ, никакого значенія не имѣетъ. На чемъ же помимо того основывается воззрѣніе Hitzig'a? На $2^1/_2$ доказательствахъ. Во-первыхъ, на одной теносской надписи, гдѣ заложенныя вещи дѣйствительно продаются съ вѣдома и при участіи залогодателей — но теносскія учрежденія по отношенію къ Аѳинамъ особенно уважительной доказательной силы не имѣютъ. Во-вторыхъ, онъ ссылается на упомянутую рѣчь Demosth. or. 37 πρὸς Πανταίνετον, гдѣ въ самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли, происходитъ то-же — но одинъ примѣръ еще ровно ничего не доказываетъ, такъ какъ обстоятельства могли въ этомъ случаѣ требовать участія залогодателя. Что же касается третьяго доказательства, то оно самому Hitzig'у кажется нѣсколько сомнительнымъ („wohl“); оно, однако, не только сомнительно, но и прямо невѣрно, такъ какъ Hitzig не имѣлъ права смѣшивать позднѣйшія манипуляціи съ прежними [2]): въ § 10 просто го-

1) Ср. Hitzig, Gr. Pfandrecht, стр. 107 и прим. 3 и 4; ср. также Hitzig l. c. стр. 75 сл. и Zeitschrift für Rechtsgesch. l. c. стр. 175.

2) Ср. Ps. Demosth. or. 33 πρὸς Ἀπατούριον § 10 и § 12; Beauchet l. c. III стр. 244 (ср. вообще Beauchet l. c. стр. 243 сл.). См. также Szanto l. c. стр. 288 сл., гдѣ впервые высказана мысль, одобряемая Beauchet и нами.

ворится „παρέδωκα τὸ ἐνέχυρον“. Доказательства Hitzig'a, какъ видно, довольно неудовлетворительныя.

Намъ кажется, что Beauchet правъ, когда устанавливаетъ слѣдующую разницу: Если начало этой перепродажѣ положено залогодателемъ (нпр. чтобы продлить срокъ или т. п.), если онъ самъ, стало быть, заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ, самъ нашелъ покупателя и т. д., то понятнымъ образомъ перепродажа совершается при его участіи. Если же залогодержатель, нуждаясь въ деньгахъ и не видя никакой возможности до истеченія срока получить ихъ отъ должника, самъ перепродаетъ заложенную вещь третьему лицу, то участіе должника, конечно, не обязательно, но съ другой стороны всѣ права и обязанности кредитора обязательно переходятъ на означенное третье лицо. Hitzig называетъ такую манипуляцію — незаконной, единственно потому, что на основаніи упомянутыхъ неудовлетворительныхъ доказательствъ предполагаетъ, что участіе должника обязательно. Но въ источникахъ объ этомъ нигдѣ не говорится, и нужно откровенно сознаться, что толкованіе Beauchet несравненно правдоподобнѣе теоріи Hitzig'a [1]).

Въ заключеніе позволяемъ себѣ еще обратить вниманіе читателей на слѣдующее обстоятельство. Если вслѣдствіе такой перепродажи, состоявшейся безъ участія должника, послѣдній терялъ всякое право на требованіе возвращенія заложенной имъ вещи, такъ какъ залогое право въ такомъ случаѣ не слѣдовало за вещью, то кредиторъ совершалъ явное преступленіе. Если, далѣе, Hitzig не отрицаетъ, что при перепродажѣ, состоявшейся при участіи должника, права и обязанности кредитора переходили на новаго покупателя, а если это случилось безъ вѣдома должника, то небыло т. н. jus retroemendi in re, то нужно же предположить, что подобное различіе предписывалось законами. Стало быть, законы санкціонировали явное преступленіе? Нѣтъ, это немыслимо. Притомъ, еслибы Hitzig былъ правъ, то должно было въ такомъ случаѣ случаться одно изъ двухъ: или должникъ, (если поступокъ кредитора дѣйствительно незаконный „wiederrechtlich“), немедленно предавалъ его суду (чего, конечно, по возможности избѣгали кредиторы) — или πρᾶσις ἐπὶ λύσει, если могла имѣть такія послѣдствія, должна была со временемъ выйти изъ употребленія. Широкое же распространеніе, которое имѣло

1) Въ Zeitschrift f. Rechtsgesch. Hitzig голословно заявляетъ, что изложенія Beauchet нисколько не переубѣдили его.

это учрежденіе — о чемъ свидѣтельствуютъ и многочисленныя надписи — противится, однако, такому заключенію. Мы думаемъ, что нельзя не согласиться съ воззрѣніемъ Beauchet.

Въ чемъ, далѣе, состояли права залогодержателя (кредитора)? Нѣкоторыя права явствуютъ уже изъ вышесказаннаго. Такъ напр. мы видѣли, что кредиторъ немедленно дѣлается собственникомъ заложенной вещи, но можетъ ее также оставлять въ рукахъ должника, въ каковомъ случаѣ послѣдній считается арендаторомъ, а арендныя деньги равняются процентамъ съ занятаго капитала. Мы видѣли, далѣе, что заложенная вещь, однако, до истеченія срока — срокъ этотъ или заранѣе опредѣлялся въ контрактѣ (συνθήκη) или равнялся установленной закономъ давности — не могла считаться безусловной собственностью кредитора, такъ какъ онъ былъ обязанъ возвратить ее, если должникъ своевременно исполнилъ свое обязательство. Если кредиторъ не отдаетъ залога въ аренду, то разумѣется и въ такомъ случаѣ пользованіе доходами съ заложенной вещи предоставлено ему, а не заложнику. Мы видѣли, далѣе, что залогодержатель могъ перепродать заложенную вещь, при чемъ всѣ права и обязанности кредитора переходили на новаго покупателя; мы видѣли также, при какихъ обстоятельствахъ перепродажа производилась при участіи должника. Мы видѣли, наконецъ, что кредиторъ былъ обязанъ возвратить заложенную вещь въ цѣлости, если должникъ своевременно погасилъ долгъ; если же послѣдній въ срокъ не исполнилъ обязательства, то кредиторъ безъ дальнѣйшихъ околичностей единственно въ силу этого именно обстоятельства дѣлается безусловнымъ и неограниченнымъ собственникомъ всей заложенной вещи, т. е. если заложенная вещь по цѣнности не соотвѣтствовала вполнѣ суммѣ долга, а нѣсколько превышала ее, то кредиторъ не былъ даже обязанъ возвратить разницу между залогомъ и займомъ.

Однако этимъ права и обязанности кредитора еще не исчерпаны. Могло случиться, что залогодержатель какимъ бы то ни было образомъ до наступленія срока утратилъ заложенную вещь. На комъ въ такомъ случаѣ лежала вся тяжесть этой потери? Несомнѣнно на залогодержателѣ. Положеніе это не требуетъ особенныхъ доказательствъ. Должникъ имѣлъ только право на выкупъ заложенной вещи, но онъ не былъ обязанъ выкупить ее; если, стало быть, заложенная вещь была утрачена, то ему, конечно, и въ голову не могло придти возвратить занятыя деньги. Съ другой стороны залогодержатель былъ обязанъ

возвратить залогъ въ цѣльности, притомъ заложенная вещь считалась его собственностью, онъ, слѣдовательно, и долженъ былъ заботиться о томъ, чтобы вещь эта оставалась въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ самъ ее получилъ.

Далѣе, чтобы дѣйствительно обезпечить кредитора, закладываемая вещь должна была, во-первыхъ, быть безусловной собственностью залогодателя, а, во-вторыхъ, не должна была уже состоять въ залогѣ: вещь, заложенная въ разныя руки, не могла считаться достаточной гарантіей. Въ Дельфахъ и разныхъ другихъ греческихъ государствахъ требовалось участіе одного или нѣсколькихъ поручителей (βεβαιωτήρ, auctor secundus). Было ли аѳинскому законодательству также извѣстно это учрежденіе? Нѣкоторые ученые говорятъ — нѣтъ, другіе — да[1]). Кто изъ нихъ правъ? Прямыхъ доказательствъ ни тѣ, ни другіе не приводятъ. При упомянутой скудости нашихъ источниковъ положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, разумѣется, дать нельзя. Мы лично одобряемъ мнѣніе вторыхъ, такъ какъ не можемъ себѣ представить, чтобы въ Аѳинахъ права кредитора въ этомъ отношеніи оставались необезпеченными. Diels и Mitteis полагаютъ, что предположеніе это, очевидно, подтверждается рѣчью Гиперида противъ Аѳеногена (or. V), гдѣ въ § 8 читается слѣдующее: ἦσαν δὲ αὗται συνθῆκαι πρὸς ἐμέ· ὧν ἐγὼ ἀναγιγνωσκομένων μὲν ἤκουον, ἐσπευδον μέντοι ἐφ' ὃ ἦκον τοῦτο διοικήσασθαι. καὶ σημαίνεται τὰς συνθήκας εὐθὺς ἐν τῇ αὐτῇ οἰκίᾳ, ἵνα μηδεὶς τῶν εὖ φρονούντων ἀκούσαι τὰ ἐγγεγραμμένα, προσεγγράψας μετ' ἐμοῦ Νίκωνα τὸν Κηφισιέα". Изъ этого мѣста они заключили, что упомянутый Никонъ несомнѣнно такой βεβαιωτήρ и что въ Аѳинахъ, стало быть, существовало это учрежденіе. Beauchet и Hitzig оспариваютъ это толкованіе, указывая на то, что, во-первыхъ, сказано προσεγγράψας μετ' ἐμοῦ т. е. „le nom de Nikon se trouve placé à côté de celui de l'acheteur, et non à côté de celui du vendeur. Donc, a

1) Существованіе этого учрежденія отрицаютъ нпр. Meier-Schoemann-Lipsius, Att. Process стр. 717 сл.; Hermann-Thalheim, Griech. Rechtsaltertümer[4], стр. 89 прим. 3; Beauchet, l. c. IV стр. 142 сл.; Hitzig, Zeitschrift f. Rechtsgesch. l. c. стр. 187. Противоположнаго мнѣнія — Caillemer, Le contrat de vente въ Revue de legislation 1873 стр. 21 (сочиненія этого, къ сожалѣнію, въ Юрьевѣ нѣтъ, мы заимствовали цитату у Тальгейма и Липсіуса); Beauchet, l. c. III стр. 218; Diels, Sitzber. d. Berl. Acad. 1889 стр. 665 прим. 7. Mitteis, Reichsrecht und Volksrecht, Leipzig 1891 стр. 505 прим. 1; ср. также статьи Кейля и Фукара, цитованныя у Beauchet, IV стр. 145 прим. 1.

priori, Nikon apparaît plutôt comme le garant de l'acheteur que comme celui du vendeur"; а, во-вторыхъ, въ § 20 имя Никона добавляется новѣйшими издателями тамъ, гдѣ говорится о поручителѣ (ἐγγυητής) покупателя [1]). Причины эти, повидимому, весьма уважительныя. Но если внимательно и основательно вдуматься въ описываемыя въ этой рѣчи происшествія, то нельзя не усомниться въ правильности этого предположенія. Mitteis совершенно вѣрно замѣчаетъ: Einen Bürgen des Käufers konnte jener Betrüger doch nicht ohne die Einwilligung dieses Bürgen aufstellen; wohl aber konnte er einen seiner Spiessgesellen, der zu solchen Geschäften immer zu haben war, als seinen eigenen Kaufhelfer verwenden. Da es offenbar im Interesse des Verkäufers lag, den Betrug nicht zu früh entdeckt zu sehen, kann die Zuziehung einer dritten Person hier nur als Erfüllung einer unvermeidlichen Form angesehen werden". Удивительно и даже непростительно, что ни Beauchet, ни Hitzig не обратили вниманія на эти соображенія. Мы вполнѣ соглашаемся съ Миттейсомъ и увѣрены, что продавецъ — отъявленный мошенникъ — врядъ ли привлекъ бы кого-нибудь изъ знакомыхъ покупателя, такъ какъ весь обманъ легко могъ обнаружиться.

Но это еще не все. Мы позволимъ себѣ обратить вниманіе читателя еще на слѣдующее соображеніе. Положимъ, что Beauchet и Hitzig правы, т. е. положимъ, что Никонъ поручился за покупателя — то спрашивается, къ чему вообще покупателю было нужно представить за себя поруку? Говорящій (покупатель) купилъ у этого мошенника трехъ рабовъ и лавку и немедленно же заплатилъ условленную сумму наличными деньгами. Къ чему тутъ нуженъ былъ поручитель?! Другое дѣло — если Никонъ поручился за продавца: продавецъ, получивши деньги, обязывался передать покупателю все купленное имъ и притомъ въ исправномъ видѣ, покупатель могъ, стало быть, справедливо требовать, чтобы Никонъ представилъ поручителя.

Однако — можно возразить — вышеупомянутыя мѣста вѣдь ясно показываютъ, что ораторъ говоритъ о человѣкѣ, поручившемся за покупателя? Мы, со своей стороны, не находимъ, чтобы это было такъ ясно: первое мѣсто черезъ-чуръ неопредѣленно и не даетъ намъ возможности точно утверждать то или

---

1) Ср. Hyper. or. V κατὰ Ἀθηνογένους § 20: καὶ ἐκ τοῦ αἰτεῖν [σε τὸν Νίκωνα ὑπὲρ ἐ]μοῦ ἐγγυητήν (Blass); καὶ ἐκ τοῦ αἰτεῖν [Νίκωνα Κηφισέα μετ' ἐ]μοῦ ἐγγυητὴν ε[ἶναι (Weil).

другое предположеніе, второе-же мѣсто весьма испорчено, и еслибы даже добавленія Бласса могли казаться весьма правдоподобными, то основать какое бы то ни было положеніе на проблематичныхъ конъектурахъ намъ кажется слишкомъ рискованнымъ.

Но какъ же въ такомъ случаѣ тутъ быть? Положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ дать нельзя, да и по всей вѣроятности никогда и не удастся. Однако мы не должны забывать того, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ честнымъ человѣкомъ, а съ отъявленнымъ плутомъ и мошенникомъ, который сейчасъ же понялъ, что имѣетъ дѣло съ неопытнымъ человѣкомъ и поэтому порядкомъ обморочилъ его. Здѣсь, однако, не мѣсто останавливаться на его продѣлкахъ. Мы думаемъ, слѣдовательно, что эта рѣчь — или по крайней мѣрѣ эти мѣста не могутъ служить доказательствами ни за, ни противъ того или другого мнѣнія. Говорящій самъ сознается, что понятія не имѣлъ объ этихъ дѣлахъ, что продавецъ притомъ очень спѣшилъ, что онъ (говорящій) самъ не прочелъ контракта, что продавецъ прочелъ ему этотъ контрактъ (мало ли что продавецъ могъ прочесть, чего въ контрактѣ совсѣмъ не было) и чтобы никто не узналъ содержанія этого контракта, продавецъ немедленно тутъ-же запечаталъ этотъ контрактъ. При такихъ обстоятельствахъ вѣдь также мыслимо, что продавецъ, такъ какъ во всѣхъ контрактахъ требовалось упоминаніе поручителя, а покупатель, какъ человѣкъ неопытный — формальностей этихъ не зналъ, мы говоримъ — мыслимо что продавецъ могъ вообще говорить о поручителѣ какъ простомъ свидѣтелѣ, требуемомъ закономъ, или выдавать его за поручителя, представляемаго имъ за себя, а въ контрактѣ могъ внести его какъ человѣка, поручившагося за покупателя (хотя мы не понимаемъ, къ чему въ такомъ случаѣ былъ нуженъ порука) или просто обозначить его порукой, предоставляя рѣшеніе вопроса, за кого онъ именно поручился, либо судьямъ, либо нашимъ современнымъ филологамъ и юристамъ. Мы утверждаемъ, стало быть, что нужно быть осторожнымъ и не выводить слишкомъ опредѣленныхъ выводовъ изъ этихъ мѣстъ. Мы сами также, въ виду этого, не будемъ настаивать на этомъ доказательствѣ.

Воззрѣнія наши, впрочемъ, отъ этого нисколько не измѣняются. Мы по прежнему увѣрены, что и въ Аттикѣ были такіе поручители, хотя доказать этого не можемъ; назывались ли они βεβαιωτῆρες или какъ нибудь иначе, конечно, также нельзя опредѣлить.

Мы идемъ дальше. Для доказательности договора займа и въ Греціи требовалась письменная форма. Такой актъ о закладѣ какой-нибудь вещи не имѣлъ, однако, особаго названія, а назывался просто, какъ и вообще всѣ греческіе контракты: ἡ συνθήκη. Однако кромѣ этихъ контрактовъ — въ особенности въ тѣ времена, о которыхъ говорится въ нашей рѣчи —, встрѣчаются еще т. н. ὅροι, т. е. закладныя таблицы или столбы. Такъ какъ разница между συνθῆκαι и ὅροι вполнѣ установлена[1]), то мы можемъ ограничиться краткой замѣткой. Ὅροι не равняются контрактамъ, они доказательной силы не имѣютъ; уничтоженіе или устраненіе такого ὅρος до исполненія обязательства нисколько не влечетъ за собою прекращеніе обязательства, равнымъ образомъ какъ изъ существованія такого ὅρος еще нисколько не слѣдуетъ, что обязательство еще не прекратилось или не исполнено. Оно и не удивительно. Уничтожить, устранить или поставить ὅρος было до того легко и дѣйствительно практиковалось такъ часто, что права контрагентовъ не могли бы считаться вполнѣ обезпеченными, если бы одно только существованіе или несуществованіе такой таблицы, выставленной публично на домѣ или землѣ, заложенныхъ должникомъ, само по себѣ доказывало неисполненіе или прекращеніе обязательства. Само содержаніе многихъ ὅροι подтверждаетъ это предположеніе. Во-первыхъ, въ этихъ ὅροι весьма часто указывается на контрактъ: „κατὰ τὰς συνθήκας τὰς κειμένας παρὰ съ дательнымъ падежомъ лица, а во-вторыхъ, содержаніе этихъ ὅροι иногда до того коротко, что ὅροι ни въ какомъ случаѣ нельзя ставить наравнѣ съ контрактами, нпр. ὅρος χωρίου πεπραμένου ἐπὶ λύσει X (= 1000 драхмъ), гдѣ, какъ видно, не обозначены ни дата, ни срокъ, ни имена контрагентовъ. Какое же, стало-быть, значеніе имѣли эти ὅροι? Ὅροι больше ничего какъ краткія, болѣе или менѣе подробныя извлеченія изъ контрактовъ, которыя сами по себѣ доказательной силы не имѣли, а выставлялись главнымъ образомъ только для того, чтобы довести это обязательство до всеобщаго свѣдѣнія, такъ какъ безъ этого легко могло случиться, что должникъ могъ третьему лицу заложить вещь, состоящую уже въ залогѣ и этимъ причинить ущербъ какъ первому, такъ и въ особенности второму кредитору; притомъ ὅροι облегчали и подтверждали доказательства, основанныя на контрактахъ, ср. нпр. Demosth. or. 25 κατ᾽

1) Ср. въ особенности Hitzig, Gr. Pfandrecht, стр. 67 сл.; Beauchet l. c. III стр. 348 сл; Rec. des inscr. jurid. grecques I 107 сл.

Аристогеітонос А § 69: „εἰ μὲν ἐφαίνονθ' αἵ τε συνθῆκαι καθ' ἃς ἐδανείσατο κείμεναι, καὶ οἱ τεθέντες ὅροι ἑστηκότες". Мимоходомъ, кстати, замѣтимъ, что слова αἱ συνθῆκαι καθ' ἃς ἐδανείσατο также показываютъ, что закладнымъ актомъ считался контрактъ (συνθήκη).

Изъ вышеупомянутаго, впрочемъ, нисколько не слѣдуетъ, что второй залогъ былъ запрещенъ и считался недѣйствительнымъ. Залогъ состоящей уже въ залогѣ вещи (ἐπιδανείζεσθαι) практиковался нерѣдко, но только обязательно съ согласія перваго кредитора. Если же второй залогъ послѣдовалъ безъ вѣдома и согласія послѣдняго, то новый залогъ считался недѣйствительнымъ. Вотъ почему и эти ὅροι имѣли громадную важность: второй кредиторъ узнавалъ черезъ нихъ о состоящемъ уже залоговомъ правѣ и могъ отъ должника потребовать либо другого залога, либо выхлопотанія согласія перваго кредитора. Обязательное согласіе перваго кредитора — не простая формальность. Для перваго кредитора такой второй залогъ обыкновенно былъ сопряженъ съ нѣкоторымъ ущербомъ. Какъ первый кредиторъ онъ, конечно, ничѣмъ не рисковалъ, такъ какъ права его были вполнѣ обезпечены. Но заложенная вещь, какъ мы видѣли, не всегда вполнѣ соотвѣтствовала занятой суммѣ, а обыкновенно болѣе или менѣе превышала ее. Если вещь эта была заложена всего только одинъ разъ, то въ случаѣ неуплаты и излишекъ дѣлался его собственностью; если же посредствомъ втораго залога устанавливалось второе залоговое право на ту-же вещь, то первый кредиторъ, разумѣется, получалъ только то, что ему слѣдовало получить.

Обратимся теперь къ содержанію этихъ ὅροι. Нѣтъ, впрочемъ, ни одного документа, въ которомъ были бы упомянуты всѣ нижеслѣдующіе пункты. Фактъ этотъ насъ удивить не можетъ, такъ какъ такіе ὅροι не были предписаны закономъ и поэтому и не имѣли опредѣленной установленной законами формы. Вотъ какіе пункты встрѣчаются въ аттическихъ документахъ:

1. Говорится, что таблица эта — ὅρος.
2. Обозначается заложенная вещь (χωρίον, οἰκία и т. п.).
3. Обозначается форма залога (πρᾶσις ἐπὶ λύσει, ὑποθήκη κτλ.) посредствомъ соотвѣтствующихъ глагольныхъ формъ: πεπραμένου или πεπραμένης ἐπὶ λύσει, ὑποκειμένης и т. п.).
4. Опредѣляется характеръ обязательственнаго отношенія, обезпеченнаго даннымъ залогомъ (нпр. προικός, ἐν προικί κτλ.); при πρᾶσις ἐπὶ λύσει пунктъ этотъ никогда не приводится.

5. Называется имя кредитора въ дательномъ падежѣ; иногда, хотя довольно рѣдко, имя кредитора, однако, также выпускается.
6. Обозначается сумма, занятая должникомъ.

Слѣдующіе затѣмъ 3 пункта встрѣчаются чрезвычайно рѣдко:

7. Называется имя должника.
8. Говорится о срокѣ обязательства, при чемъ указывается на контрактъ.
9. Приводится дата установленія обязательства (нпр. ἐπὶ Νικοκλέους ἄρχοντος или ἐπ' Εὐξενίππου безъ слова ἄρχοντος.

Что кромѣ того часто еще встрѣчаются ссылки на контрактъ — было нами уже замѣчено выше.

Вотъ все, что мы сочли нужнымъ сообщить о πρᾶσις ἐπὶ λύσει. Кромѣ этого, какъ мы видѣли, существовалъ еще другой родъ залога: ὑποθήκη, но такъ какъ въ нашей рѣчи очевидно говорится о πρᾶσις ἐπὶ λύσει, то мы подробнѣе на ипотекѣ не остановимся, а приведемъ только результаты Hitzig'a (стр. 15 сл.), съ которыми мы вполнѣ соглашаемся:

„Bei Immobilien das normale: πρᾶσις ἐπὶ λύσει (pignus mancipatum), daneben, ursprünglich nur für vereinzelte Fälle (Dos, Pacht): Hypothek (pignus conventum).

Bei Mobilien das normale: Faustpfand (pignus traditum), daneben für vereinzelte Fälle (Seedarlehn): Hypothek (pignus conventum).

Die Entwickelung geht wenigstens bei Immobilien dahin, der Hypothek ein grösseres Anwendungsgebiet zu verschaffen".

Объясненіемъ этого развитія мы здѣсь заняться не можемъ и поэтому ссылаемъ читателя на вышеупомянутыя монографіи; краткія замѣтки были и нами сообщены выше (стр. 168 сл.).

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣтокъ перейдемъ теперь къ разбору нашего мѣста, гдѣ, какъ мы видѣли, читается: „οἰκίαν ἐν ἄστει τεττάρων καὶ τετταράκοντα μνῶν ὑποκειμένην ἀπέλυσε τῷ ἱεροφάντῃ". Слова эти нѣсколько напоминаютъ вышеупомянутые пункты, встрѣчающіеся на закладныхъ таблицахъ (ὅροι). Перваго пункта здѣсь, конечно, ожидать нельзя. Здѣсь упомянуты второй пунктъ (οἰκίαν ἐν ἄστει), шестой (τεττάρων καὶ τετταράκοντα μνῶν), третій (ὑποκειμένην) и седьмой (τῷ ἱεροφάντῃ); отсутствіе четвертаго пункта легко объясняется тѣмъ, что здѣсь говорится о πρᾶσις ἐπὶ λύσει, а упоминаніе кредитора (пятый пунктъ) было бы здѣсь совершенно излишнимъ, такъ какъ всѣ упомянутыя въ § 33 имущества принадлежали Евктемону. Изъ этого соотвѣтствія, конечно, еще нисколько не слѣдуетъ, что нашъ ораторъ воспольз-

зовался закладной таблицей, прикрѣпленной до исполненія этого обязательства къ означенному дому; обязательство было теперь исполнено, долгъ былъ погашенъ, слѣдовательно и таблица была уничтожена, къ тому съ тѣхъ поръ прошло уже около десяти лѣтъ, ораторъ, поэтому, врядъ ли имѣлъ возможность воспользоваться этой таблицей. Терминологія этихъ ὅροι — какъ видно, чрезвычайно простая — была притомъ хорошо извѣстна любому Аѳинянину, ораторъ могъ, поэтому, самъ воспользоваться ею тѣмъ болѣе, что это судебная рѣчь. Всѣ остальныя продажи, перечисленныя въ § 33, также выказываютъ особую терминологію, а между тѣмъ нельзя же утверждать, что ораторъ имѣлъ возможность воспользоваться документальнымъ спискомъ проданныхъ тогда вещей. Притомъ слово ὑποκειμένην, какъ мы ниже увидимъ, ясно показываетъ, что онъ таблицы этой не видалъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ употребилъ бы форму πεπραμένην ἐπὶ λύσει.

Гораздо важнѣе слѣдующій вопросъ: о какомъ родѣ залога говорится въ нашемъ параграфѣ? Мы до сихъ поръ голословно и опредѣленно утверждали, что здѣсь говорится о πρᾶσις ἐπὶ λύσει, посмотримъ на чемъ именно основывается такое предположеніе. Такъ какъ здѣсь употреблено слово ὑποκειμένην, то a priori можно было бы предположить, что рѣчь идетъ объ ипотекѣ. Однако въ связи со словомъ ἀπέλυσε — о которомъ намъ выше уже пришлось говорить — не можетъ подлежать сомнѣнію, что это не ипотека, а πρᾶσις ἐπὶ λύσει. На это указываетъ Hitzig (стр. 9, прим. 1): „Fälle, in denen kurzweg von ὑποτίθεσθαι oder von ὅροι ohne nähere Beschreibung des Rechtsverhältnisses die Rede ist, können an und für sich ebensowohl auf πρᾶσις ἐπὶ λύσει als auf Hypothek bezogen werden; doch wird man nach dem im Text gesagten bei Darlehn gewöhnlich πρᾶσις ἐπὶ λύσει annehmen müssen, wofür auch der mehrmals auftretende Ausdruck λύειν hinweist, vergl. z. B. Demosth. G. Polykles 13 und 28; Isaios über die Erbsch. d. Philoktemon 33, 34. Auch der Ausdruck τιμὴν ἀποδόντα bei Isaios über d. Erbsch. d. Dikaiogenes (21) in Verbindung mit dem vorausgehenden θέμενοι weist auf eine Verpfändung im Wege der πρᾶσις ἐπὶ λύσει hin [1])“. Мнѣніе это вполнѣ справедливое. Beauchet l. c., правда,

1) Мы привели слова Hitzig'a, во-первыхъ, потому, что они весьма важны, а во-вторыхъ для того, чтобы еще разъ указать на странные пріемы Beauchet. На стр. 180 прим. 2 мы читаемъ: „Lorsqu'il est question, dans un texte, d'ὑποτίθεσθαι ou d'ὅροι sans autre mention relative à la forme de l'engagement, ces mots peuvent se référer à une vente à réméré aussi bien qu'à une

полагаетъ, что слово ἀπέλυσε этого смысла придать не можетъ, но послѣ того, что выше нами было изложено относительно слова ἀπέλυσε и синонимныхъ словъ, намъ здѣсь не къ чему останавливаться на этомъ возраженіи. Но Beauchet кромѣ того не обратилъ также вниманія на слѣдующее обстоятельство. Такъ какъ это недвижимость, то здѣсь мыслимы исключительно πρᾶσις ἐπὶ λύσει или ὑποθήκη. Положимъ, что это была ипотека, какое значеніе имѣло бы въ такомъ случаѣ слово ἀπέλυσε? При ипотекѣ, какъ извѣстно, заложенная недвижимость оставалась въ рукахъ должника и до истеченія срока она считалась его собственностью; только въ случаѣ неисполненія обязательства кредиторъ посредствомъ т. н. ἐμβάτευσις вступалъ во владѣніе этой вещью. Какимъ же образомъ домъ этотъ очутился въ рукахъ Евктемона? По истеченіи срока? Это довольно странное совпаденіе. Но положимъ, что это было такъ, къ чему же въ такомъ случаѣ говорится ὑποκειμένην и ἀπέλυσε, когда домъ законнымъ образомъ сдѣлался его собственностью и онъ преспокойно могъ продать его кому угодно? Почему въ такомъ случаѣ сказано ἀπέλυσε, а не ἀπέδοτο, какъ о всѣхъ остальныхъ продажахъ? Но, быть можетъ, Beauchet полагаетъ, что срокъ еще не истекъ, а Евктемону удалось получить отъ должника занятыя деньги до истеченія срока. Но въ такомъ случаѣ домъ этотъ

---

hypothèque. Si toutefois l'on rencontre ensuite l'expression λύειν appliquée à l'objet engagé, on doit plutôt présumer qu'on est en présence d'une πρᾶσις ἐπὶ λύσει. V. par exemple, Demosthène, C. Polycl., §§ 13 et 28; Isée, De Philoct. her., §§ 33, 34. Suivant Hitzig (p. 9, note 1) on doit, en cas de prêt, présumer que la garantie donnée au créancier est plutôt une πρᾶσις ἐπὶ λύσει qu'une hypothèque. C'est également la vente à réméré que, d'après le même auteur, vise l'expression τιμὴν ἀποδόντα, rapprochée du mot θέμενοι dans le plaidoyer d'Isée sur l'héritage de Dicéogène, § 21". Если читать эти слова, не имѣя подъ рукой Hitzig'a, то можетъ показаться, что только послѣднія два предложенія заимствованы у послѣдняго, да и то только въ видѣ парафраза. На самомъ же дѣлѣ все заимствовано у Hitzig'a и притомъ, какъ видно, это не парафразъ, а почти дословный переводъ. Единственное отступленіе состоитъ въ томъ, что Beauchet изъ одного предложенія (doch wird man — Darlehn — λύειν) сдѣлалъ два, приписывая первое будто бы себѣ, а второе Hitzig'y. Но это не все. Между тѣмъ, какъ онъ здѣсь одобряетъ мнѣніе Hitzig'a и даже выдаетъ это мнѣніе какъ-бы за свое собственное, на стр. 247 прим. 1 онъ говоритъ совершенно иное: „Ce n'est la toutefois, à notre avis, qu'une simple conjecture, et le mot ἀπέλυσε employé par l'orateur se réfère simplement à la libération de l'immeuble, mais sans préciser la manière dont elle se réalise". Какое, надо признаться, странное противорѣчіе!

вовсе не находился въ рукахъ Евктемона — какое же, стало быть, ораторъ имѣлъ право сказать, что Евктемонъ ἀπέλυσε οἰκίαν ὑποκειμένην? Нѣтъ, тутъ безъ малѣйшаго сомнѣнія говорится только о πρᾶσις ἐπὶ λύσει.

Можно, правда, возразить, что сохранилось не мало надписей, въ которыхъ говорится о πρᾶσις ἐπὶ λύσει, но нигдѣ не встрѣчается форма ὑποκειμένην, а напротивъ обязательно πεπραμένην. Факта этото положимъ, оспаривать нельзя. Однако не слѣдуетъ забывать, что отступленія отъ этой терминологіи встрѣчаются не въ надписяхъ, а въ рѣчахъ ораторовъ. Hitzig привелъ два примѣра: нашу рѣчь и or. 50 Псевдо-Демосѳена πρὸς Πολυκλέα. И въ той и въ другой рѣчи весь контекстъ заставляетъ насъ предположить, что говорится о πρᾶσις ἐπὶ λύσει. Что же изъ этого слѣдуетъ? Что предположеніе это ошибочное? Ничуть нѣтъ. Изъ этого слѣдуетъ, что ораторы въ своихъ рѣчахъ не всегда точно опредѣляли форму залога. Это предположеніе подтверждается напр. слѣдующимъ примѣромъ. Въ Ps. Demosth. or. XXXIII πρὸς Ἀπατούριον говорится, какъ мы выше видѣли, о πρᾶσις ἐπὶ λύσει (ср. § 8: ὠνὴν ποιοῦμαι τῆς νεὼς καὶ τῶν παίδων, ἕως ἀποδοίη τὰς δέκα μνᾶς κτλ.), но не смотря на то въ § 10 употребляется слово ἐνέχυρον, а въ § 12 θέσις. Тутъ, стало быть, перемѣшаны названія всѣхъ формъ залога: въ литературѣ, слѣдовательно, слово ἐνέχυρον могло обозначать любую заложенную вещь, а слова ὑποθήκη, θέσις, θεῖναι, и глаголы ὑποτίθημι и ὑποκεῖμαι обозначаютъ любую форму залога [1]). То же самое можно, по всей вѣроятности, сказать и объ обиходной рѣчи.

Мыслимо еще другое возраженіе. Если тутъ рѣчь идетъ о πρᾶσις ἐπὶ λύσει, то Евктемонъ, какъ кредиторъ, возвратилъ іерофанту, какъ должнику, заложенный послѣднимъ домъ и получилъ отъ него обратно тѣ 44 мины, которыя были заняты іерофантомъ. Фактъ этотъ самъ по себѣ трудностей не представляетъ. Но спрашивается: какимъ же образомъ это случилось? Кредиторъ ни до, ни послѣ истеченія срока не имѣлъ же ни малѣйшаго права требовать отъ должника возвращенія занятыхъ денегъ — а такъ какъ здѣсь говорится ἀπέλυσε, то должникъ непремѣнно исполнилъ обязательство. Нельзя же предположить, чтобы совершенно случайно какъ разъ въ это

1) Ср. также Hitzig l. c. стр. 3 сл. и стр. 4 прим. 1.

время истекъ срокъ и должникъ исправно исполнилъ обязательство или чтобы должникъ случайно даже до истеченія срока по собственной иниціативѣ возвратилъ занятыя деньги? Бываютъ, конечно, всевозможные случаи. Но еслибы здѣсь случилось одно изъ упомянутыхъ нами событій, то домъ былъ бы возвращенъ совершенно нормальнымъ и законнымъ образомъ, и ораторъ не сталъ бы вмѣнять эту продажу въ вину Евктемону и его племянникамъ. Евктемонъ вѣдь въ такомъ случаѣ былъ обязанъ возвратить этотъ домъ.

Но какъ же послѣ этого понимать наше мѣсто? Мы полагаемъ, что это случилось приблизительно такимъ образомъ. Среди недвижимостей, которыя племянники Евктемона, какъ мы видѣли, послѣ смерти Филоктемона старались поскорѣе промѣнять на звонкую монету, находился также этотъ домъ. Сбыть его съ рукъ было, однако, не особенно легко. Можно было перепродать его третьему лицу. Но въ такомъ случаѣ не только всѣ права, но и обязанности переходили на новаго кредитора, а такого, быть можетъ, не особенно легко было найти, тѣмъ болѣе, что продажа всѣхъ этихъ вещей состоялась διὰ ταχέων πάνυ τελευτήσαντος Φιλοκτήμονος. Эта возможность здѣсь, впрочемъ, немыслима, такъ какъ употреблено слово ἀπέλυσε, чѣмъ именно обозначается погашеніе долга. Вторая — на нашъ взглядъ, болѣе вѣроятная — возможность состояла въ томъ, что племянникамъ удалось уговорить должника самому перепродать эту вещь третьему лицу, что, конечно, было возможно только слѣдующимъ образомъ: должникъ занялъ у третьяго лица ту-же сумму, исполнилъ первое обязательство, получилъ обратно заложенную имъ вещь и передалъ ее новому кредитору т. е. упомянутому третьему лицу. Въ этомъ случаѣ поступокъ племянниковъ равнялся мошенничеству, такъ какъ они этимъ похитили у законныхъ наслѣдниковъ не только 44 мины, но по всей вѣроятности нѣсколько болѣе значительную сумму, ибо домъ этотъ несомнѣнно стоилъ болѣе 44 минъ. Залогъ, какъ мы видѣли, обыкновенно хоть нѣсколько превышалъ занятую сумму [1]).

Намъ до сихъ поръ пришлось говорить довольно подробно о первыхъ трехъ пунктахъ, упомянутыхъ въ спискѣ вещей, про-

1) О цѣнахъ Аѳинскихъ домовъ ср. Böckh, Staatshaush. I³ стр. 84 сл.; Büchsenschütz, Besitz und Erwerb, стр. 84 сл. Наименьшая цѣна, насколько намъ извѣстно, равнялась 3 минамъ, наибольшая — 120 минамъ.

данныхъ племянниками Евктемона (§ 33 сл.). Четвертый и пятый пункты за то представляютъ довольно мало интереса.

4. На четвертомъ мѣстѣ, какъ мы видѣли, фигурируетъ „стадо козъ съ пастухомъ, проданныхъ вмѣстѣ за 13 минъ". На наши деньги сумма эта равняется приблизительно 325 рублямъ. Scherling[1]) почему-то полагаетъ, что, Euctemonis Cephisiensis caprae videntur in Pentelico monte pastae esse". Не думаетъ ли онъ, быть можетъ, что каждый Аѳинянинъ обязательно жилъ въ томъ демѣ, къ которому былъ приписанъ? Въ такомъ случаѣ мы ему совѣтуемъ основательнѣе изучить реформы Клисѳена и вообще греческія древности. Гдѣ находилось пастбище, на которомъ паслись эти козы, нигдѣ не говорится и мы, поэтому, должны отказаться отъ всякой попытки опредѣлить это мѣсто, тѣмъ болѣе, что одна земля Евктемона находилась въ демѣ Аѳмонѣ, баня въ мѣстечкѣ Серангіи въ Пиреѣ, другая земля, которая, какъ мы видѣли, была подарена старшему сыну Алки (§ 23 χωρίον), находилась неизвѣстно гдѣ, три дома, какъ мы увидимъ, находились въ Аѳинахъ и въ Пиреѣ, всѣ три въ различныхъ частяхъ города. Такъ какъ въ нашей рѣчи перечислено не все имущество Евктемона, то, быть можетъ, у него были еще другія земли въ другихъ частяхъ Аттики[2]). Какое же мы имѣемъ право предполагать, что козы эти паслись именно на горѣ Пентеликѣ? Конъектура Scherling'a, какъ видно, весьма необдуманная.

Изъ того обстоятельства, что козы были проданы вмѣстѣ съ пастухомъ явствуетъ, что пастухъ этотъ — рабъ, иначе они не могли бы продать его. Сколько стоилъ этотъ рабъ, сколько козы, и сколько было козъ — разумѣется точно опредѣлить нельзя. Böckh и Büchsenschütz[3]) совершенно отказались отъ опредѣленія

---

1) Ср. C. Scherling, Quibus rebus singulorum Atticae pagorum incolae operam dederint, Leipziger Studien XVIII, Leipzig 1897 стр. 23.

2) Ср. выше стр. 149 сл.; B. Haussoullier, La vie municipale en Attique, Paris 1883 стр. 67 сл.; P. Guiraud, La propriété fonçière en Grèce, Paris 1893 стр. 393. Интересно то, на что обращаетъ вниманіе Haussoullier (стр. 68, прим.): „Nous voyons, dans le testament de Platon, qu'il possédait des biens sur le territoire de plusieurs dèmes, à Iphistiadae, à Eirésidae. Comme ce testament nous fait aussi connaître les noms de ses voisins et leur démotique, nous croyons utile de le citer. . . . Des cinq propriétaires que nous fait connaître ce testament, pas un n'appartient au dème sur lequel il possède. On sait que Platon était du dème de Kollytos".

3) Ср. Böckh, Staatshaush. I³ стр. 96 и II стр. 22* прим. 135 (Fränkel); Büchsenschütz, Besitz und Erwerb, стр. 225 сл.

этихъ цифръ, не смотря на то, что они въ другихъ случаяхъ отъ этого не отказывались. Оно и понятно. Во времена Böckh'a и Büchsenschütz'a не было извѣстно, сколько приблизительно стоили козы. Въ XI рѣчи Исея (περὶ τοῦ Ἁγνίου κλήρου § 41) говорится объ имуществѣ равнявшемся $2^1/_2$ талантамъ съ небольшимъ. Такъ какъ земля въ Елевсинѣ стоила 2 таланта, то остальные предметы стоили 30 минъ съ небольшимъ. Но, къ сожалѣнію, цѣны не приведены отдѣльно, а просто сообщено, что столько стоили 60 овецъ, 100 козъ, хорошая верховая лошадь и многое другое. Съ этимъ матеріаломъ далеко не уйдешь. Впослѣдствіи, однако, была найдена надпись (см. Fränckel у Böckh'a l. c.), изъ которой явствуетъ, что государство платило 30 драхмъ за одну жертвенную козу. Изъ этого, конечно, еще нисколько не слѣдуетъ, что козы обыкновенно стоили 30 драхмъ (= 7 рубл. 50 к.). Въ той же самой надписи, напр., государство платитъ столько же за одну жертвенную овцу, между тѣмъ какъ въ другой надписи того же времени (она приблизительно на десять лѣтъ моложе первой) за такую-же овцу платится всего только 12 драхмъ. Если съ этими цифрами сравнить другія цѣны, приведенныя Бёкомъ, то выходитъ, что средняя цѣна овцы равнялась 15—20 драхмамъ. Такъ какъ намъ извѣстна всего только одна цѣна, то мы, конечно, не можемъ съ увѣренностью утверждать того же по отношенію къ козамъ; однако мы полагаемъ, что по всей вѣроятности и козы стоили среднимъ числомъ столько-же. Если поэтому предположить, что пастухъ стоилъ приблизительно 3 мины [1]), то козы стоили 10 минъ (= 1000 драхмъ), такъ что стадо — если за каждую козу заплочено по 20 драхмъ — состояло какъ разъ изъ 50-ти козъ.

Мы себѣ, конечно, нисколько не воображаемъ, чтобы даже хоть одна изъ этихъ цифръ вполнѣ соотвѣтствовала дѣйствительности. Не воображалъ себѣ этого, разумѣется, и Böckh, сочиненіе котораго переполнено такими исчисленіями. Такія исчисленія имѣютъ совершенно другое назначеніе. Много-ли сохранилось вполнѣ точныхъ и опредѣленныхъ датъ! Еслибы наша наука довольствовалась только этими точными датами и отвергала всѣ результаты добытыя путемъ дивинаціи, то она бы не далеко ушла. Нужно только строго различать между точными датами и

1) Ср. Böckh l. c., который по отношенію къ одной Псевдо-Демосѳеновой рѣчи пишетъ: „Rechnen wir den Hirten recht hoch, über drei Minen".

догадками. Если такъ смотрѣть на это дѣло, то мы лично находимъ, что такая догадка, добытая путемъ дивинаціи и предложенная единственно для того, чтобы иллюстрировать и по мѣрѣ силъ и возможности объяснить пустое число, желательнѣе и интереснѣе лаконической и повидимому премудрой замѣтки: non possumus. Въ первомъ случаѣ получается картина полная жизни, во второмъ — безжизненная. Велика ли бѣда, если мы ошиблись? За то читатель хоть мало-мальски можетъ себѣ теперь представить, какъ велико приблизительно было это стадо. Однако изложенія наши требуютъ оговорки. Мы и не думаемъ одобрять всякую пустую, ни на чемъ не основанную конъектуру. Такія конъектуры, къ сожалѣнію, встрѣчаются сплошь да рядомъ и предлагаются весьма часто только для того, чтобы блеснуть остроуміемъ. Мы враги такихъ конъектуръ и требуемъ, чтобы не только доводы и доказательства, но и догадки были достаточно обоснованы. Полагаемъ, что это можно сказать и о нашей догадкѣ.

5. Племянники Евктемона, наконецъ, продали еще „двѣ пары запряженныхъ муловъ, одну за 8 минъ (= 800 драхмъ), другую за 550 драхмъ [1])". Мулы въ Греціи преимущественно служили вьючными животными [2]). Сколько они обыкновенно стоили — неизвѣстно, такъ какъ наше мѣсто единственное, гдѣ обозначена цѣна; притомъ и здѣсь разница между цѣнами, какъ видно, довольно значительная. Böckh по поводу этого мѣста сообщаетъ слѣдующее: „Ein Maulthiergespann, vermuthlich zwei keineswegs vorzügliche, sondern nur zum gewöhnlichen Gebrauch auf dem Lande bestimmte Thiere, wurden zu $5^1/_2$, auch 8 Minen verkauft". Намъ это толкованіе не совсѣмъ понятно. Почему это были именно неважные мулы? Потому что ими, какъ предполагаетъ Бёкъ, пользовались въ деревнѣ? Но вѣдь мулы же служили главнымъ образомъ вьючными животными: еще у Гомера они запрягались въ фуры и плугъ. Изъ этихъ полевыхъ работъ, стало быть, еще нисколько не слѣдуетъ, что это были кляческія животныя. Но, быть можетъ, цѣны смутили Бёка? И это мало вѣроятно, такъ какъ онъ самъ же (l. c. стр. 575), стараясь опре-

1) Въ текстѣ читается: „ζεύγη δύο ὁρικά". Ср. Harpocrat. s. v. Ὁρικὰ ζεύγη· τὰ τῶν ὀρέων, τουτέστι τῶν ἡμιόνων. Ср. также Isae. or. V περὶ τοῦ Δικαιογένους κλήρου § 43: ζεῦγος ὁρικόν и комментарій Шёманна l. c.

2) Ср. въ особенности Büchsenschütz l. c. стр. 216 сл.; относительно цѣны ср. также Böckh l. c. I³ стр. 93.

дѣлить экономическое состояніе Аѳинскаго государства, говоритъ слѣдующее: „dazu nur 1000 Maulthiergespanne zu sechs Minen, zusammen 100 Talente“. Онъ самъ, слѣдовательно, предполагаетъ, что пара муловъ среднимъ числомъ равнялась болѣе дешевой изъ упомянутыхъ Исеемъ паръ. Неужели онъ полагалъ, что въ Аттикѣ главнымъ образомъ только и были клячеватые мулы? Это немыслимо — и поэтому мы еще разъ повторяемъ, что намъ неясно, что именно Бёкъ хотѣлъ сказать этой фразой. Мулы были именно — и это нисколько не удивительно — дешевле лошадей, точно также, какъ и ослы были дешевле муловъ. Изъ этого вѣдь нисколько не слѣдуетъ, что мулы равнялись клячамъ, а ослы просто ничего не стоили.

6. Объ упомянутыхъ въ этомъ спискѣ рабахъ-ремесленникахъ мы говорили уже выше (см. стр. 146 сл.) и сообщили тогда, что ни число ихъ, ни сумма, за которую они были проданы, къ сожалѣнію, не могутъ быть опредѣлены. Къ этому можно развѣ еще прибавить, что у Евктемона, какъ у человѣка богатаго, кромѣ этихъ рабовъ-ремесленниковъ было еще множество всевозможныхъ другихъ рабовъ. Но такъ какъ мы объ этомъ ничего не узнаемъ изъ нашей рѣчи, то на этомъ и останавливаться нельзя.

Перейдемъ теперь къ остальному имуществу Евктемона, не упомянутому въ этомъ спискѣ.

О землѣ, подаренной старшему сыну Алки, мы неоднократно уже говорили. Гдѣ она находилась, сколько она стоила — все это покрыто мракомъ неизвѣстности.

Мы не остановимся также на упомянутомъ въ §§ 36—38 имуществѣ, такъ какъ показанія оратора до того неопредѣленны, что и самая пылкая фантазія ничего не будетъ въ состояніи угадать. Въ §§ 36 сл. разсказывается, какъ эти племянники Евктемона задумали присвоить себѣ нѣкоторыя другія части имущества послѣдняго, а въ § 38 сообщается, что имъ до смерти Евктемона удалось присвоить себѣ болѣе половины его имущества — оставалось, стало-быть, еще около половины. Но такъ какъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ ораторъ употребляетъ только слова ἡ οὐσία, τῆς οὐσίας и т. п., то понятнымъ образомъ ничего нельзя опредѣлить.

Остается, поэтому, еще остановиться на домахъ, принадлежавшихъ Евктемону, о которыхъ мы, къ счастью, имѣемъ немного больше свѣдѣній.

Первый домъ упоминается въ § 19. Мы видѣли уже выше[1]), что у Евктемона былъ въ Пиреѣ наемный домъ, который служилъ борделью, содержательницей же этого заведенія была одна изъ его вольноотпущенницъ (ἀπελευθέρα ἦν αὐτοῦ, ἣ ἐναυκλήρει συνοικίαν ἐν Πειραιεῖ αὐτοῦ καὶ παιδίσκας ἔτρεφε). Мы здѣсь не станемъ повторять того, что мы выше подробно изложили, а обратимъ вниманіе на нѣкоторые другіе моменты.

Домъ этотъ — наемный. Въ Аѳинахъ одни только граждане имѣли право пріобрѣтать дома и поземельную собственность. Метойки же, которыхъ въ Аттикѣ было по крайней мѣрѣ 10,000, и всѣ лица, пріѣзжавшія въ Аѳины на короткое время (союзники и чужестранцы), должны были, поэтому, жить въ наемныхъ домахъ, принадлежавшихъ гражданамъ. Доходы съ наемныхъ домовъ составляли немаловажную статью доходовъ аѳинскихъ гражданъ. При этомъ отдавались въ наемъ не только нижніе этажи тѣхъ домовъ, въ которыхъ жили сами хозяева — въ нижнихъ этажахъ, какъ и у насъ, находились лавки и мастерскія, входъ въ которыя былъ съ улицы —, для этого строились также особые дома (συνοικίαι), которые хозяевамъ приносили довольно значительные доходы, но которыми они обыкновенно сами не управляли. Притомъ въ такихъ домахъ нерѣдко помѣщались не только трактиры и харчевни, но — какъ видно также изъ нашего мѣста — и бордели, содержателями которыхъ номинально считались управляющіе этими домами или этими заведеніями, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ заведенія эти обыкновенно принадлежали самимъ хозяевамъ этихъ домовъ. Сами хозяева не хотѣли, да и не смѣли быть содержателями такихъ харчевенъ или борделей — но доходы, которые получались отъ этихъ заведеній, они загребали съ величайшимъ удовольствіемъ. Это не считалось гнуснымъ и не позорило хозяина! Но не смотря на то, что это было такимъ πολυθρύλητον ἀπόῤῥητον, фактически нельзя было привлечь этихъ хозяевъ къ отвѣтственности, такъ какъ они отдавали такіе дома въ наемъ.

Наемщикъ такого дома назывался ναύκληρος (глаголъ: ναυκληρεῖν); онъ платилъ хозяину плату за весь домъ, а затѣмъ самъ другимъ отдавалъ отдѣльныя квартиры или комнаты въ наймы. Слово ναύκληρος имѣетъ, однако, еще другія значенія: оно можетъ, во-первыхъ, означать также управляющаго этимъ

1) Ср. въ особенности гл. II, стр. 77 сл.

домомъ, жильцы въ такомъ случаѣ нанимали квартиру у самого хозяина, а управляющій этимъ домомъ былъ обязанъ надзирать за жильцами и взымать съ нихъ плату за наёмъ квартиры; слово это, наконецъ, по мнѣнію Поллукса и многихъ новыхъ ученыхъ, можетъ иногда также означать самого хозяина [1]), однако мы присоединяемся ко мнѣнію Бёка и, повидимому, и Шёманна, и находимъ, что это показаніе Поллукса не можетъ считаться не подлежащимъ ни малѣйшему сомнѣнію. Но какъ бы то ни было — въ сохранившейся литературѣ встрѣчаются только первыя два значенія и они, поэтому, и единственно для насъ важны. О томъ, что въ Аѳинахъ управленіе домами обыкновенно поручалось не рабамъ или метойкамъ, а вольноотпущенникамъ, и почему это дѣлалось, — объ этомъ мы уже говорили выше [2]) и поэтому на этомъ болѣе останавливаться не будемъ.

Плата за наёмъ квартиры (μισθός, ἐνοίκιον, ναῦλον), быть можетъ, платилась ежемѣсячно, хотя этого, впрочемъ, доказать нельзя [3]); ежемѣсячная плата, на нашъ взглядъ, была и считалась въ крайнемъ случаѣ только нормальной — если вообще существовала какая-нибудь норма, опредѣленная закономъ или обычнымъ правомъ —, но ничто, разумѣется, не препятствовало хозяину и наемщику въ установленіи другого срока. Столь же мало мы знаемъ о томъ, сколько среднимъ числомъ платили за наёмъ дома или квартиры. У Исея (or. XI περὶ τοῦ Ἀγνίου κλήρου § 42) мы читаемъ, что отъ двухъ домовъ, стоющихъ вмѣстѣ 35 минъ [4]), ежегоднаго дохода получались 3 мины т. е. $8^4/_7$ %. Эта плата — къ сожалѣнію, единственная, которая намъ извѣстна — не можетъ, однако, считаться нормальной, такъ какъ денежные капиталы приносили среднимъ числомъ 12 % ежегоднаго дохода (см. выше стр. 138); съ какой стати Аѳиняне стали бы строить

1) Ср. Büchsenschütz, Besitz und Erwerb, стр. 96 прим. 4; Hermann-Blümner, Gr. Privatalterthümer, стр. 95 прим. 5; Hermann-Thalheim, Gr. Rechtsalterthümer, стр. 98 [4] прим.; Schoemann, Isaei orationes, стр. 333; Böckh, Staatshaush. I [3] стр. 177, 375 сл., 637 прим.; Beauchet l. c. IV стр. 181, прим. 2.

2) Ср. Гл. II стр. 89 и прим. 1.

3) Ср. Böckh l. c. стр. 177 сл.; Büchsenschütz l. c. стр. 97 прим. 2.

4) Ср. Isae. XI l. c. „οἰκίαν δὲ Μελίτῃ τρισχιλίων (sc. 3000 драхмъ = 30 минъ), ἄλλην δὲ Ἐλευσῖνι πεντακοσίων (500 драхмъ = 5 минъ) . . . . ἀφ' ὧν ἡ μίσθωσις . . . . τῶν δὲ οἰκιῶν τρεῖς (sc. μναῖ, такъ какъ предшествуютъ δώδεκα μναῖ).

такіе дома и отдавать ихъ въ наймы, еслибы они съ затраченныхъ на это капиталовъ получали на 3—4 % меньше обыкновеннаго, тѣмъ болѣе, что отданная въ наёмъ недвижимость, разумѣется, теряла со временемъ свою первоначальную стоимость и мало по малу дѣлалась не совсѣмъ годной къ употребленію. Однако такъ какъ мы другого примѣра не имѣемъ, то вопросъ этотъ пока долженъ оставаться открытымъ.

Слова ναύκληρος и ναυκληρεῖν могутъ, стало быть, имѣть двоякое значеніе. Которое изъ этихъ двухъ значеній подразумѣвается въ § 19? Büchsenschütz (l. c. стр. 96 прим. 4) полагаетъ, что здѣсь „jedenfalls nur an ein Beaufsichtigen des Hauses zu denken ist, wie es denn auch § 20 von derselben Person heisst: „τὴν ἄνθρωπον ταύτην καθίστησιν Εὐκτήμων ἐπιμελεῖσθαι τῆς ἐν Κεραμεικῷ συνοικίας“. Это толкованіе цѣликомъ превратно. Во-первыхъ, Büchsenschütz пропустилъ почему-то слова τὴν Ἀλκήν послѣ ταύτην (τὴν δ' ἄνθρωπον ταύτην, τὴν Ἀλκήν, καθίστησιν κτλ.). Если эти слова въ такомъ видѣ, въ какомъ они читаются у Исея, сравнить съ § 19, гдѣ говорится: „ἀπελευθέρα ἦν αὐτοῦ, ἣ ἐνεκλήρει συνοικίαν ἐν Πειραιεῖ αὐτοῦ καὶ παιδίσκας ἔτρεφε. τούτων μίαν ἐκτήσατο ἣ ὄνομα ἦν Ἀλκή“, то непонятно, какимъ образомъ онъ не замѣтилъ, что здѣсь говорится о двухъ совершенно различныхъ особахъ. Если же это, далѣе, двѣ различныя особы, то § 19 ничего общаго съ § 20 не имѣетъ. Наконецъ, мы уже замѣтили, что въ этомъ домѣ, находившемся въ Пиреѣ, помѣщалась бордель. Еслибы вольноотпущенница эта была только управляющей этимъ домомъ, то хозяиномъ этой бордели долженъ былъ считаться самъ Евктемонъ, что, какъ мы видѣли, немыслимо и невозможно. Особа эта, стало быть, оффиціально должна была считаться наемщицей дома и собственницей бордели, между тѣмъ какъ, правда, на самомъ дѣлѣ владѣльцемъ и собственникомъ того и другого былъ самъ Евктемонъ. Между „nur ein Beaufsichtigen des Hauses“ и этимъ толкованіемъ значительная разница.

Теперь намъ можно было бы еще прибавить кое-что и объ аѳинскихъ борделяхъ — однако тутъ не мѣсто подробнѣе останавливаться на этомъ вопросѣ, да и притомъ все болѣе или менѣе важное хорошо уже изложено другими учеными [1]); все что

1) Ср. литературу по этому предмету у Iw. Müller'a, Handbuch d. klass. Altertumswiss. IV 1, 2. Die griech. Privatalterthümer[2] München 1893, стр. 151 прим. 2. Изъ цитированныхъ тамъ многочисленныхъ сочиненій укажемъ

необходимо для вѣрнаго и точнаго пониманія этого мѣста сверхъ того подробно нами изложено во II главѣ [1]).

Наконецъ еще одна замѣтка. Домъ этотъ находился въ Пиреѣ, но гдѣ именно, вообще-ли гдѣ-нибудь въ Пиреѣ, или въ т. н. ἐμπόριον — неизвѣстно [2]). Самъ Ваксмутъ, слова котораго мы привели въ примѣчаніи, считаетъ нужнымъ прибавить слѣдующую оговорку (стр. 112 прим.): „Ebenso bleibt unbestimmbar, ob vielleicht auf das Emporion speciell bezogen werden dürfen einzelne der verschiedenen Angaben über das offenbar wie in allen Seeplätzen besonders entwickelte Hetairen- und Bordellleben im Peiraieus". Что многіе изъ упомянутыхъ имъ заведеній находились въ эмпоріи — не надлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, но мы не думаемъ, чтобы такія заведенія находились исключительно въ эмпоріи. Бордели же, нпр., находились въ самихъ Аѳинахъ, въ Пиреѣ, стало быть, подавно существовали такія заведенія. Оговорка Ваксмута, слѣдовательно, только въ томъ случаѣ уважительна, если мы предположимъ, что для пріѣзжихъ были особыя заведенія въ эмпоріи и что имъ было запрещено посѣщать городскія или пирейскія заведенія. Самъ Ваксмутъ (стр. 112 сл.) высказываетъ приблизительно такое-же предположеніе; но такъ какъ мы не располагаемъ ни малѣйшимъ доказательствомъ, то и этотъ вопросъ долженъ пока оставаться открытымъ. Мы лично не думаемъ, чтобы посѣщеніе по крайней мѣрѣ пирейскихъ заведеній было безусловно запрещено: но такъ какъ это больше ничего какъ чисто субъективное воззрѣніе, то на этомъ здѣсь

только на Becker, Charikles II, Excurs zur zweiten Scene „Die Hetären" и Hermann-Blümer, Griech. Privatalterthümer, стр. 254 сл.

1) См. стр. 77 сл.; тамъ и изложено значеніе словъ συνοικία и οἴκημα.

2) Ἐμπόριον, какъ извѣстно, называлось особое мѣсто въ Пиреѣ, которое служило вольнымъ портомъ, ср. Böckh, Staatshaush. I³ стр. 74 сл. и C. Wachsmuth, Die Stadt Athen im Alterthum, II 1 стр. 96 сл. „Das Emporium des Peiraieus, говоритъ Wachsmuth, war nicht blos der privilegierte Stapelplatz von ganz Attika, sondern in der blühendsten Periode Athens der bedeutendste Seemarkt überhaupt, in welchem sich das Handelsleben der ganzen damaligen Welt concentrierte". На стр. 110 сл. онъ говоритъ, далѣе, слѣдующее: „Sicher befanden sich ferner innerhalb des Emporions noch die zur Aufnahme und Verpflegung der fremden Kaufherrn, Rheder und des gemeinen Schiffsvolks nöthigen und zu ihrem Amüsement erwünschten Anlagen, als Gasthäuser, Herbergen, Garküchen, Schenken, Vergnügungslokale aller Art (стр. 111: Bordelle). Vieles wird hier natürlich dem privaten Unternehmungsgeist überlassen gewesen sein".

останавливаться не стоитъ. Во всякомъ случаѣ нельзя точно опредѣлить, гдѣ находилась бордель, о которой говорится въ § 19.

Перейдемъ теперь ко в т о р о м у д о м у. Объ этомъ домѣ мы въ § 20 читаемъ слѣдующее: „τὴν δ' ἄνθρωπον ταύτην, τὴν Ἀλκήν, καθίστησιν Εὐκτήμων ἐπιμελεῖσθαι τῆς ἐν Κεραμεικῷ συνοικίας, τῆς παρὰ τὴν πυλίδα, οὗ ὁ οἶνος ὤνιος. Что Алка только управляла этимъ домомъ явствуетъ изъ выраженія ἐπιμελεῖσθαι. Однако она не только управляла этимъ домомъ, но — по крайней мѣрѣ, для виду — сама нанимала находившійся въ этомъ домѣ трактиръ (см. объ этомъ ниже). О томъ, какъ Евктемонъ самъ приходилъ сюда, чтобы взымать плату, (ἐπὶ τὸ ἐνοίκιον) и о наемныхъ домахъ вообще мы уже имѣли случай говорить и поэтому здѣсь этого повторять не станемъ. Мы здѣсь остановимся только на двухъ вопросахъ: гдѣ находился этотъ домъ? и каковъ былъ характеръ этого дома?

Исей сообщаетъ, что домъ этотъ находился въ Керамикѣ около тѣхъ небольшихъ воротъ, гдѣ продается вино. Въ Аѳинахъ, какъ извѣстно, были два Керамика, внутренній и внѣшній, какой же это Керамикъ о которомъ здѣсь говорится? И этотъ вопросъ придется оставить открытымъ, такъ какъ мы не имѣемъ ни малѣйшаго критерія для рѣшенія его[1]). Не менѣе трудностей представляетъ другой вопросъ: Какія это ворота, о которыхъ здѣсь говорится? Вопросъ этотъ многими учеными тѣсно связывается съ реконструкціей Аѳинской площади (ἀγορά), реконструкція же агоры, какъ извѣстно, принадлежитъ къ числу самыхъ трудныхъ и запутанныхъ вопросовъ. Здѣсь не мѣсто подробнѣе останавливаться на многочисленныхъ реконструкціяхъ агоры[2]): на всѣхъ этихъ реконструкціяхъ ворота эти находятся приблизительно въ сѣверо-западной части агоры. Schoemann (комм.) не совсѣмъ точно заключаетъ, что они находились въ западной части города (in occidentali urbis parte). Ворота здѣсь называются „πυλίς“ т. е. „небольшія ворота“ или „калитка“;

---

1) Ср. W a c h s m u t h, l. c. стр. 261.

2) Ср. W a c h s m u t h, l. c. Cap. VI Die Agora (стр. 305—527, въ особенности стр. 305, 306 и 443 сл.) и новѣйшее комментированное изданіе Павсанія (Pausaniae Graeciae descriptio edd. H. Hitzig et H. Blümner, vol. I 1: Attica, cap. III, стр. 136 сл.), гдѣ приведены подробныя библіографическія указанія по топографіи агоры. Ср. въ послѣднемъ сочиненіи также таблицы II—VI (реконструкціи агоры, предложенныя Э. Курціусомъ, К. Ланге, П. Вейцзекеромъ, В. Юдейхомъ, и англичанкой Jane Harrison).

такихъ πυλίδες было по всей вѣроятности не мало въ Аѳинахъ [1]), но такъ какъ здѣсь говорится о Керамикѣ, то эта πυλίς могла только находиться въ этой части города т. е. въ сѣверо-западной части. Точнѣе опредѣлить мѣсто, гдѣ находилась эта πυλίς, вполнѣ невозможно. Изъ предложенныхъ до сихъ поръ пріуроченій къ той или другой мѣстности ни одна не можетъ считаться вполнѣ правдоподобной. Milchhöfer и Wachsmuth пишутъ: „lag das Weinhaus der Alke ἐν Κεραμεικῷ παρὰ τὴν πυλίδα etwa bei dem Pförtchen, das neben der „Hiera Pyle" aufgedeckt ist?" Можетъ быть они и правы, но доказать этого они не могутъ и поэтому ихъ догадка пока не правдоподобнѣе остальныхъ. Milchhöfer, правда, указываетъ на то, что возлѣ этой πυλίς сохранились остатки давильни. Это, повидимому, подтверждаетъ ихъ догадку. Но если безпристрастно смотрѣть на эту находку, то слѣдуетъ замѣтить, что давильня не должна же обязательно находиться тамъ, гдѣ продается вино (οὗ ὁ οἶνος ὤνιος) и что, поэтому, отъ этой находки догадка эта въ крайнемъ случаѣ дѣлается только болѣе правдоподобной, но ничуть не убѣдительной. И этотъ вопросъ, стало быть, пока долженъ оставаться открытымъ. Итакъ мы, къ сожалѣнію, ни дома Евктемона, ни этой πυλίς къ вполнѣ опредѣленной мѣстности пріурочить не можемъ.

За то мы, къ счастью, въ состояніи дать болѣе опредѣленный отвѣтъ на второй вопросъ: каковъ былъ характеръ этого дома? У Исея читается: οὗ ὁ οἶνος ὤνιος. Не смотря на то, что мѣсто это, на нашъ взглядъ, вполнѣ ясно, учеными были предложены различныя толкованія. Такъ напр. Шёманнъ (комм.) оставляетъ вопросъ этотъ открытымъ: „utrum in ipsa illa insula (insula = συνοικία), an in eius vicinia prope portulam taberna vinaria fuit, discerni non potest". Forchhammer [2]) утверждаетъ, что слова οὗ ὁ οἶνος ὤνιος не относятся къ πυλίδα, а къ συνοικίας и что, поэтому, въ этомъ домѣ находился трактиръ, принадлежавшій Евктемону и приносившій ему значительные доходы, такъ какъ въ этой городской части понятнымъ образомъ постоянно было много публики; Алку онъ называетъ его экономкой. Becker и Göll [3]) совершенно другого мнѣнія. Они пишутъ: „Der Ort des

1) Ср. Wachsmuth l. c. I 208 сл. и 347; II 224 сл.

2) Ср. Forchhammer, Topographie von Athen, въ Kieler philologische Studien 1841 стр. 333 и прим. 92. H. Weissenborn у Ersch und Gruber, Allg. Encycl. s. v. Isäus, стр. 295 вполнѣ присоединяется къ этому мнѣнію.

3) Ср. Becker-Göll, Charikles, стр. 206 сл.

Weinverkaufs wird von Isaeus Philoct. 20 genannt . . . . von dort liess man den Wein in Amphoren holen. Es versteht sich, dass hier nicht der Einzelverkauf gemeint ist, der dem κάπηλος zugehört, sondern der Verkauf des Weins, der auf Wagen zur Stadt gebracht worden war. Zwei pompejanische Gemälde . . . . stellen solchen Verkauf vor. Der Wein wird aus einem grossen Schlauche auf die Amphoren gefüllt [1]). Wachsmuth [2]) безъ всякой оговорки присоединяется ко мнѣнію Forchhammer'a, котораго, впрочемъ, не называетъ. Переводчики, Moy и Milchhöfer (у Baumeister'a I стр. 167) присоединяются ко мнѣнію Becker'a.

Мы имѣемъ, стало быть, два противорѣчащихъ другъ-другу мнѣнія. Кто правъ? Во-первыхъ, нужно замѣтить, что Forchhammer ошибается утверждая, что οὗ непремѣнно относится къ συνοικίας: οὗ само по себѣ можетъ относиться и къ συνοικίας и къ πυλίδα. Если же, однако, обратить вниманіе не только на οὗ, но на всю фразу „οὗ ὁ οἶνος ὤνιος", то на нашъ взглядъ не можетъ быть сомнительнымъ, что фраза эта относится къ мѣстности, гдѣ находились и домъ и эта πυλίς. Мы не думаемъ, чтобы Исей, если бы ему захотѣлось сообщить, что въ этомъ домѣ находился трактиръ, сказалъ τῆς συνοικίας, οὗ ὁ οἶνος ὤνιος. Мы не станемъ останавливаться на томъ, что эта фраза уже сама по себѣ („гдѣ продается вино") указываетъ на опредѣленное мѣсто въ городѣ, гдѣ обыкновенно продавалось вино. Это подтверждается слѣдующимъ мѣстомъ Аристофана (Ἱππῆς 1245—47), гдѣ мы читаемъ:

Κ. καί μοι τοσοῦτον εἰπέ· πότερον ἐν ἀγορᾷ
ἡλλαντοπώλεις ἐτὸν ἢ 'πὶ ταῖς πύλαις;
Α. ἐπὶ ταῖς πύλαισιν, οὗ τὸ τάριχος ὤνιον.

Мы полагаемъ, что аналогія такая поразительная (у насъ: παρὰ τὴν πυλίδα, οὗ ὁ οἶνος ὤνιον), что никто послѣ этого не станетъ утверждать, что фраза эта относится исключительно къ συνοικίας. Извѣстно — и поэтому мы только мимоходомъ указываемъ на это — что въ Аѳинахъ на агорѣ для каждаго отдѣльнаго рода товаровъ были опредѣленные κύκλοι, которые назы-

1) Ср. Panofka, Bilder ant. Lebens, Taf. XVI 2 и Guhl und Koner, Leben der Griechen und Römer, 6 Aufl. von R. Engelmann, Berlin 1893, стр. 704, Fig. 923.

2) Ср. Wachsmuth, l. c. I стр. 208, 209, 347: die Weinschenke der Alke, II стр. 224 прим. 6: das Weinhaus der Alke, ibid. стр. 261: das Miethshaus mit einer Weinschenke, dem die Alke vorstand.

вались по продававшимся въ предѣлахъ даннаго κύκλος товарамъ напр. εἰς τὸν οἶνον, εἰς τὰς χύτρας, εἰς τοὖψον, εἰς τοὖλαιον, εἰς τὸν χλωρὸν τυρόν и т. п.[1]) Wachsmuth употребляетъ вмѣсто слова κύκλος по-нѣмецки выраженія Kreis, Ring или Marktkreis. Дословно это конечно такъ. Но такъ какъ въ нѣмецкомъ языкѣ слова эти не имѣютъ того значенія, которое имъ придаетъ Ваксмутъ, то мы находимъ, что Ваксмутъ сдѣлалъ бы лучше, еслибы употребилъ слово Abtheilungen, какъ это дѣлаютъ остальные ученые; и сегодня еще слово это употребляется повсюду въ этомъ смыслѣ. Равнымъ образомъ и по-русски нельзя слово κύκλος переводить дословно. То что Аѳиняне называли κύκλος, мы сегодня называемъ „рядомъ“ и говоримъ, слѣдовательно, объ охотномъ, птичьемъ, рыбномъ, кожевенномъ, лоскутномъ, желѣзномъ и др. рядахъ. На аѳинской агорѣ былъ, стало быть, и винный рядъ (εἰς τὸν οἶνον), гдѣ вино продавалось такъ, какъ это описывается Becker'омъ и Göll'омъ[2]). Объ этой мѣстности говорится и у Исея въ нашемъ § 20.

Но если вышеупомянутые ученые полагаютъ, что слова οὐ ὁ οἶνος ὤνιος нисколько не относятся къ τῆς συνοικίας, то и они ошибаются. Если Исей счелъ нужнымъ сообщить, что домъ этотъ находился тамъ, гдѣ продавалось вино, то мы очевидно, имѣемъ право предположить, что и здѣсь продавалось вино; но между тѣмъ, какъ на агорѣ происходила оптовая торговля, въ этомъ домѣ вино, разумѣется, продавалось въ розницу, и притомъ, по всей вѣроятности, не только на выносъ. На нашъ взглядъ не можетъ быть сомнительнымъ, что въ этомъ домѣ находился трактиръ, что Алка, какъ полагаетъ Forchhammer, дѣйствительно была экономкой и что именно поэтому она большинству изъ присутствующихъ была хорошо знакома (ср. § 19 Ἀλκή, ἣν καὶ ὑμῶν οἶμαι πολλοὺς εἰδέναι). Можетъ быть многіе знали ее и съ тѣхъ поръ, когда она еще была въ бордели, но мы не думаемъ, чтобы ораторъ публично заявилъ, что большинство изъ присутствующихъ знали ее поэтому. Мы думаемъ, что гораздо вѣроятнѣе, что весьма многіе знали ее потому, что видѣли ее въ этомъ трактирѣ. А что касается Евктемона, то человѣкъ имѣвшій въ Пиреѣ бордель,

---

1) Ср. Becker-Göll, Charikles II стр. 195 сл.; Büchsenschütz, l. c. стр. 471; Hermann-Blümner, l. c. стр. 420; Iw. Müller, l. c. стр. 253; Wachsmuth l. c. II стр. 461 сл.

2) Ср. приведенное выше мѣсто: стр. 202 прим. 3 и 203 прим. 1 и текстъ къ этимъ примѣчаніямъ.

конечно, могъ имѣть въ городѣ трактиръ. Разумѣется не онъ считался собственникомъ этого трактира: въ Пиреѣ, какъ мы видѣли, содержательницей бордели была одна изъ его вольноотпущенницъ, содержательницей же этого трактира была Алка — какъ мы знаемъ, такая же вольноотпущенница. Такой трактиръ назывался καπηλεῖον[1]). Приведенныя нами въ примѣчаніи мѣста ясно показываютъ, что не только содержаніе, но даже и посѣщеніе такого трактира считалось весьма позорнымъ и постыднымъ. Мало по малу обстоятельства, конечно, измѣнились, молодежь стала шляться по трактирамъ и разнымъ трущобамъ, но если указываютъ на то, что и взрослые люди слѣдовали ихъ примѣру, то это въ первой половинѣ IV стол. — по крайней мѣрѣ по отношенію къ людямъ знатнымъ — во всякомъ случаѣ могло случаться только въ видѣ исключенія, и какъ смотрѣли на это ареопагъ и философы, это явствуетъ изъ приведенныхъ нами мѣстъ[2]). Вотъ почему и въ нашей рѣчи повсюду кажется, что ораторъ самъ не знаетъ какъ приступить къ дѣлу. Въ § 17 онъ самъ говоритъ: ἴσως μέν ἐστιν ἀηδὲς Φανοστράτῳ τὰς Εὐκτήμονος συμφορὰς φανερὰς καθεστάναι· ὀλίγα δ' ἀναγκαῖον ῥηθῆναι, ἵν' ὑμεῖς τὴν ἀλήθειαν εἰδότες ῥᾷον τὰ δίκαια ψηφίσησθε. Не смотря на то, онъ все время выражается совершенно неопредѣленно. Въ § 19 онъ говоритъ о бордели, но говоритъ такъ, что при невнимательномъ слушаніи или чтеніи остается неяснымъ, кто именно купилъ Алку и посѣщалъ ли Евктемонъ эту бордель или нѣтъ. Въ § 20 сл. говорится о трактирѣ, но слово это ни разу не употребляется: постоянно только употребляется слово συνοικία — напр. также въ § 21 гдѣ разсказывается, какъ Евктемонъ φοιτῶν ἐπὶ τὸ ἐνοίκιον

---

1) Ср. подробности у Hermann-Blümner'a, l. c. стр. 498 сл.; Iw. Müller, l. c. 190 и 263. Ср. также Etymol. Magn. 490 κάπηλος ὁ μετάβολος καὶ οἰνοπώλης. Isocr. or. VII Areopag. § 49: ἐν καπηλείῳ δὲ φαγεῖν ἢ πιεῖν οὐδεὶς οὐδ' ἂν οἰκέτης ἐπιεικὴς ἐτόλμησεν. Athen. XIII p. 566 f. (= fragm. 138 Blass[3]; 164 Sauppe): Ὑπερείδης δὲ ἐν τῷ κατὰ Πατροκλέους, εἰ γνήσιος ὁ λόγος, τοὺς Ἀρεοπαγίτας φησὶν ἀριστήσαντά τινα ἐν καπηλείῳ κωλῦσαι ἀνιέναι εἰς Ἄρειον Πάγον. Platon. Νόμοι XI 918 D: διὸ πάντα τὰ περὶ τὴν καπηλείαν καὶ ἐμπορίαν καὶ πανδοκείαν γένη διαβέβληταί τε καὶ ἐν αἰσχροῖς γέγονεν ὀνείδεσιν. 920 A: μέτοικον εἶναι χρεὼν ἢ ξένον, ὃς ἂν μέλλῃ καπηλεύσειν.

2) Если мы выше сказали, что многіе изъ присутствующихъ, по всей вѣроятности, знали ее потому хорошо, что видѣли ее въ этомъ трактирѣ, то не слѣдуетъ забывать, что это были присяжные, присяжными же, какъ извѣстно, могли быть всѣ аѳинскіе граждане всѣхъ сословій и всѣхъ возрастовъ, только не моложе 30-ти лѣтъ.

ἑκάστοτε τὰ πολλὰ διέτριβεν ἐν τῇ συνοικίᾳ, ἐνίοτε δὲ καὶ ἐσιτεῖτο μετὰ τῆς ἀνθρώπου — и выраженія τῆς ἐν Κεραμεικῷ συνοικίας, τῆς παρὰ τὴν πυλίδα, οὗ ὁ οἶνος ὤνιος, какъ мы видѣли, также совершенно неопредѣленны. Ни одну вещь онъ, стало быть, не называетъ ея настоящимъ именемъ. Мы вполнѣ увѣрены, что это ни въ какомъ случаѣ нельзя приписывать случайности: все это Исеемъ сдѣлано намѣренно и умышленно.

Намъ остается теперь еще прибавить нѣсколько словъ по поводу третьяго дома, принадлежавшаго Евктемону. Объ этомъ домѣ говорится въ § 21: καταλιπὼν καὶ τὴν γυναῖκα καὶ τοὺς παῖδας καὶ τὴν οἰκίαν ἣν ᾤκει. Это все, что мы узнаемъ объ этомъ домѣ. Что Евктемонъ со своей законной супругой и съ дѣтьми не жилъ въ одномъ изъ упомянутыхъ наемныхъ домовъ — это мы должны были предполагать и безъ этого. Но онъ могъ жить въ деревнѣ. Наше мѣсто ясно показываетъ, что онъ со всѣмъ семействомъ постоянно проживалъ въ городѣ. Объ этомъ домѣ мы, къ сожалѣнію, никакихъ подробностей не узнаемъ и, поэтому, на немъ и останавливаться нельзя. Одно только не подлежитъ сомнѣнію, что кромѣ нихъ никто въ этомъ домѣ не жилъ: „ὅπου μὲν γὰρ πολλοὶ μισθωσάμενοι μίαν οἴκησιν διελόμενοι ἔχουσι, συνοικίαν καλοῦμεν· ὅπου δ' εἷς ἐνοικεῖ, οἰκίαν“ говоритъ совершенно вѣрно Эсхинъ (or. I κατὰ Τιμάρχου § 124).

Наконецъ можно еще указать на то — хотя этотъ моментъ въ нашей рѣчи никакой роли не играетъ — что у Евктемона было двое дочерей, которыя, какъ мы видѣли, вошли замужъ, одна изъ нихъ за Хэрея, а другая за Фаностратa. Каждая изъ нихъ, несомнѣнно, получила по приличному приданому. Въ чемъ оно состояло — конечно, неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ имущества, входившія въ составъ приданаго, когда-то принадлежали же Евктемону и поэтому нельзя этого обойти молчаніемъ.

Въ заключеніе повторимъ еще разъ вкратцѣ предметы, входившія въ составъ Евктемонова имущества: 1) земля въ демѣ Аѳмонѣ, 2) земля подаренная старшему сыну Алки, 3) домъ въ городѣ, въ которомъ онъ самъ жилъ со своимъ семействомъ, 4) домъ въ городѣ, подъ который іерофантъ занялъ у него 44 мины, 5) συνοικία въ Пиреѣ, 6) συνοικία въ Керамикѣ, 7) баня въ мѣстечкѣ Серангіи, 8) стадо козъ и пастухъ, 9) двѣ пары запряженныхъ муловъ, 10) рабы-ремесленники и разные другіе рабы, [11) приданое вдовы Хэрея, 12) приданое жены Фаностратa].

§ 3.

Вопросы наслѣдственнаго права.

Въ предъидущемъ параграфѣ мы говорили исключительно объ имуществѣ старика Евктемона. Непосвященный читатель, по всей вѣроятности, удивится, что мы до сихъ поръ объ имуществѣ Филоктемона совсѣмъ не говорили и, не удѣливъ этому вопросу особаго параграфа, теперь, повидимому, переходимъ къ совершенно другимъ вопросамъ. Какъ-же, могутъ насъ спросить, рѣчь эта озаглавлена: περὶ τοῦ Φιλοκτήμονος κλήρου, а между тѣмъ, объ имуществѣ Филоктемона до сихъ поръ ни полслова? Возраженіе это вполнѣ справедливое. Вопросъ этотъ былъ уже поднятъ многочисленными учеными, которые всѣ ломали себѣ голову надъ рѣшеніемъ его и предлагали то или другое толкованіе. Но всѣ эти попытки не привели еще къ общепринятому результату — напротивъ, мнѣнія ученыхъ значительно расходятся, нѣкоторыя изъ нихъ даже діаметрально противоположны. Вопросъ этотъ тѣмъ болѣе усложняется, что онъ всѣми учеными тѣсно связывается съ другимъ вопросомъ, а именно; существовало ли въ Аѳинахъ наслѣдованіе въ восходящей линіи, т. е. наслѣдованіе со стороны родителей, другими словами, могъ ли Евктемонъ наслѣдовать имущество отъ своего сына Филоктемона? До чего расходятся мнѣнія ученыхъ будетъ видно изъ слѣдующей таблицы:

1) Bunsen, Platner, Boor, Schelling, Schoemann, Grasshoff, Caillemer, Hermann-Thalheim и др. болѣе или менѣе убѣждены, что въ Аѳинахъ отецъ могъ наслѣдовать отъ сына. Но если они такимъ образомъ въ общемъ согласны, то въ частностяхъ они зато также значительно расходятся. Такъ нпр. они не согласны въ томъ, въ какомъ, именно, порядкѣ призывался къ наслѣдованію отецъ, послѣ ли нисходящей линіи или не считался ли онъ, быть можетъ, ближайшимъ наслѣдникомъ. Далѣе они также значительно расходятся въ доказательствахъ. Укажемъ нпр. только на нашу рѣчь. Между тѣмъ, какъ нѣкоторые ученые смотрятъ на нашу рѣчь какъ на важнѣйшее и лучшее доказательство, другіе, напротивъ, (нпр. Schoemann, Grasshoff, Caillemer) находятъ, что въ VI рѣчи Исея нѣтъ ни малѣйшаго намека на наслѣдственное право отца.

2) Jones, Gans, Meier-Schoemann-Lipsius, Dareste, Guiraud, Seeliger, Friedrich, H. Hitzig, Drerup, Rönnberg, Beauchet и др. утверждаютъ, что отецъ этого права никогда не имѣлъ; и въ нашей рѣчи, слѣдовательно, объ этомъ не говорится.

3) Perrot полагаетъ, что законнымъ образомъ отецъ не могъ сдѣлаться наслѣдникомъ сына, но что de facto ораторамъ посредствомъ разныхъ уловокъ и пристрастнаго толкованія законовъ всетаки удавалось доставлять отцамъ это право.

4) Mitteis и H. F. Hitzig оставляютъ этотъ вопросъ открытымъ. Mitteis даже утверждаетъ, что „bei dem gegenwärtigen Stand der Sache (lässt sich) eine sichere Entscheidung in dem einen oder andern Sinn meines Erachtens nicht fällen und muss daher dieselbe im Schweben belassen werden".

Мы видимъ, стало быть, что́ это за спорный и запутанный вопросъ. Притомъ приверженцами того или другого мнѣнія являются какъ филологи, такъ и юристы, такъ что ни тѣ, ни другіе не могутъ упрекать другъ-друга въ одностороннемъ филологическомъ или юридическомъ толкованіи тѣхъ доказательствъ, на которыя они ссылаются. Не смотря на большой интересъ, который представляетъ этотъ вопросъ, мы здѣсь только мимоходомъ можемъ коснуться его[1]). Насъ, понятнымъ образомъ, болѣе всего интересуетъ VI рѣчь Исея, однако безъ краткаго введенія мы всетаки обойтись не можемъ.

Начнемъ съ заявленія, что мы лично въ аттическомъ

---

1) Мы поэтому и не привели подробныхъ цитатъ. Читатель можетъ все это найти у Beauchet l. c. III стр. 474 прим. 1—3. Здѣсь мы укажемъ только на неточности или пробѣлы. Такъ напр. Schoemann у него фигурируетъ въ числѣ тѣхъ, которые оспариваютъ наслѣдственное право отца. На самомъ же дѣлѣ Schoemann только въ своемъ комментаріи высказалъ это мнѣніе, да и то не совсѣмъ ясно, такъ какъ замѣтка его можетъ также относится исключительно къ VI рѣчи Исея (см. l. c. стр. 321 прим.); въ другихъ же мѣстахъ, напр. въ Opusc. I стр. 273, онъ ясно говоритъ: „admodum probabile ius patris nobis videri dudum publice professi sumus". Hermann-Thalheim, 4-oe изд. стр. 69; Dareste кромѣ упомянутыхъ мѣстъ также въ Les plaidoyers d' Isée стр. 105 сл.; Friedrich, Bemerkungen zu Isaios, Darmstadt 1875 стр. 10 сл.; Hermann Hitzig, Studien zu Isaeus, Bern 1883 стр. 26 сл.; E. Drerup, Ueber die bei den attischen Rednern eingelegten Urkunden (Jahrb. f. klass. Philol. Suppl. XXIV) Lpz. 1898 стр. 281; W. Rönnberg, Das Erbrecht von Gortyna, Berlin 1888 стр. 20; Hermann Ferdinand Hitzig, Zeitschrift für Rechtsgeschichte Band XVIII, Romanist. Abtheilung, Weimar 1897 стр. 178.

правѣ не находимъ ни малѣйшаго слѣда наслѣдованія со стороны отца. Такое наслѣдованіе не только до сихъ поръ еще не доказано, но, на нашъ взглядъ, безъ всякого сомнѣнія, въ Греціи никогда и не существовало. Юристы Миттейсъ и Гитцигъ совершенно напрасно утверждаютъ, что вопросъ этотъ пока еще долженъ оставаться открытымъ.

Защитники теоріи наслѣдственнаго права отца — кромѣ VI рѣчи, на которой мы ниже подробнѣе остановимся — ссылаются на законъ, сохранившійся въ Ps.-Demosth. or. 43 πρὸς Μακάρτατον § 51, гдѣ говорится: ἐὰν ἀδελφοὶ ὦσιν ὁμοπάτορες· καὶ ἐὰν παῖδες ἐξ ἀδελφῶν γνήσιοι, τὴν τοῦ πατρὸς μοῖραν λαγχάνειν. Законъ этотъ, не смотря на нѣкоторыя попытки заподозрить его подлинность, безъ всякого сомнѣнія подлинный. Что же касается наслѣдственнаго права отца, то здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго намека на таковое. Ученые эти, правда, полагаютъ, что изъ этого закона нужно вывести слѣдующее заключеніе: если у наслѣдодателя (A) было два брата (B и C), изъ которыхъ C также умеръ, оставивши по себѣ 2 сыновей, то братъ B (ἀδελφὸς ὁμοπάτωρ) и сыновья умершаго брата C (παῖδες ἐξ ἀδελφοῦ γνήσιοι) получаютъ τὴν τοῦ πατρὸς (sc. A) μοῖραν. Мы не понимаемъ, какъ можно было серьезно выводить такое заключеніе. Seeliger совершенно вѣрно указалъ на то, что по отношенію къ сыновьямъ C наслѣдодатель A не былъ πατήρ, а напротивъ πάππος. Далѣе, законъ этотъ приводится также Исеемъ въ XI рѣчи (περὶ τοῦ Ἁγνίου κλήρου § 1 сл.), гдѣ онъ называется ὁ νόμος περὶ ἀδελφοῦ χρημάτων и гдѣ именно говорится, что πρῶτον ἀδελφοῖς τε καὶ ἀδελφιδοῖς πεποίηκε τὴν κληρονομίαν, ἂν ὦσιν ὁμοπάτορες· τοῦτο γὰρ ἐγγυτάτω τοῦ τελευτήσαντος γένος ἐστίν; затѣмъ упоминаются всевозможные другіе наслѣдники, но „περὶ πατρὸς δ' οὐδεὶς λόγος“ [1]). Шёманнъ, далѣе, уже замѣтилъ, что еслибы здѣсь дѣйствительно было сказано то, что вычитываютъ защитники этой теоріи, то слово μοῖραν было бы вполнѣ немыслимо. Такъ какъ μοῖρα = доля, то, еслибы они были правы, слѣдовало бы предполагать, что отецъ получалъ не все наслѣдство, а только извѣстную долю: это-же, однако, немыслимо и они даже сами этого не стали бы

1) Слова эти, разумѣется, не находятся у Исея, но заимствованы нами у Аристофана, какъ читатели, по всей вѣроятности, сами догадались. Въ комедіи Βάτραχοι (v. 87, 107, 115) Ксантій постоянно перебиваетъ Геракла и Діонисія, говоря: περὶ ἐμοῦ δ' οὐδεὶς λόγος.

утверждать. Наконецъ укажемъ еще на слѣдующее соображеніе. Если предположить, что обстоятельства послѣ смерти A были таковы, какъ выше нами было изложено, то какъ понимать слова τὴν τοῦ πατρὸς μοῖραν λαγχάνειν по отношенію къ сыновьямъ C? Стоитъ только поставить этотъ вопросъ, чтобы убѣдиться, до какой степени безсмысленно толкованіе этого мѣста. Здѣсь просто указывается на то, что въ приведенномъ выше случаѣ по смерти A наслѣдство дѣлится не на 3 части, а только на двѣ, такъ какъ сыновья C получаютъ только ту долю, которую получилъ бы ихъ отецъ C, еслибы былъ еще живъ; точно также и совершенно безразлично, имѣетъ ли B дѣтей или нѣтъ. Наслѣдство, стало быть, распредѣлялось между наслѣдниками не поголовно (successio in capita), а поколѣнно (successio in stirpes). Ни у Демосѳена, ни у Исея, значитъ, не говорится о наслѣдственномъ правѣ отца.

Защитники этой теоріи, далѣе, ссылаются на Ps.-Demosth. or. 44 πρὸς Λεωχάρην. И это доказательство только мнимое, такъ какъ и оно основано на совершенно превратномъ толкованіи этого дѣла о наслѣдствѣ. Подробнѣе мы на этомъ доказательствѣ остановиться не можемъ, такъ какъ оно непонятно безъ подробнаго изложенія сюжета этой рѣчи [1]).

Они ссылаются, кромѣ того, также на то, что было бы несправедливо, еслибы братьямъ и другимъ родственникамъ отдавалось преимущество предъ отцомъ. Было ли это справедливо или нѣтъ — другой вопросъ, ничего общаго съ нашей задачей не имѣющій. Для насъ важно опредѣлить, существовало ли въ Греціи наслѣдственное право отца или нѣтъ; а если окажется, что такого права небыло, то никакія указанія на безусловную неправильность и несправедливость такого устраненія родителей факта этого измѣнить не могутъ.

Они указываютъ, далѣе, на обязанность содержанія т. е. доставленія средствъ къ пропитанію (alimenta, τὰ τροφεῖα ἀποδιδόναι, τρέφειν τοὺς γονέας, γηροτροφεῖν, γηροτροφία), лежавшей на дѣтяхъ по отношенію къ ихъ родителямъ, если послѣдніе находились въ бѣдности или дряхлости, и полагаютъ, что если такимъ образомъ родители и дѣти были обязаны давать другъ другу средства къ пропитанію, то совершенно естественно, что родители и дѣти равнымъ образомъ должны были имѣть взаимное право

1) Ср. Beauchet l. c. стр. 479 сл. и 491 сл.

наслѣдованія. Однако это право — на ихъ взглядъ вполнѣ естественное и послѣдовательное — опять таки только ими же вымышлено и не подтверждается ни малѣйшими доказательствами. Напротивъ, есть нѣкоторые моменты, которые явно опровергаютъ это воззрѣніе [1]).

Наконецъ Caillemer указываетъ еще на древне-индійское право. Еслибы ему, когда онъ писалъ эту статью (1879), было уже извѣстно гортинское право (найденное въ 1884 году), то онъ врядъ ли указалъ бы на древне-индійское право. Гортинское право по отношенію къ наслѣдственнымъ вопросамъ почти во всемъ согласуется съ аттическимъ; а такъ какъ въ гортинскомъ правѣ нѣтъ наслѣдованія въ восходящей линіи, то этимъ обстоятельствомъ подтверждаются наши результаты, добытые путемъ другихъ соображеній. Подтвержденіемъ можетъ также служить то обстоятельство, что Платонъ, который въ своихъ „Законахъ" устанавливаетъ кругъ лицъ, призываемыхъ къ наслѣдованію по закону, также не называетъ отца [2]). Мы однако удивляемся, какъ это юристъ Caillemer не обратилъ вниманія на то, что въ законахъ XII таблицъ также нѣтъ наслѣдованія въ восходящей линіи [3]); равнымъ образомъ и въ древне-германскомъ правѣ установлено: „es stirbet kein Guth zurücke sondern vorwärts".

Итакъ оказывается, что всѣ доводы упомянутыхъ ученыхъ не только никакой доказательной силы не имѣютъ, но, напротивъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже подтверждаютъ наше мнѣніе. Намъ остается теперь еще остановиться на VI рѣчи Исея, которая, какъ мы видѣли, нѣкоторыми учеными считается важнѣйшимъ доказательствомъ, между тѣмъ какъ другіе въ ней не находятъ ни малѣйшаго намека на наслѣдственное право отца. Мы, далѣе, уже указали на тотъ странный фактъ, что даже нѣкоторые защитники этой теоріи (Schoemann, Grasshoff, Caillemer) принадлежатъ къ числу послѣднихъ. Притомъ изъ статей до сихъ поръ написанныхъ по поводу этой рѣчи, статья Шёманна

1) Ср. Beauchet l. c. стр. 481 и 493 сл.

2) При этомъ случаѣ мы позволяемъ себѣ замѣтить, что ошибку, на которую указалъ одинъ изъ рецензентовъ, не трудно исправить: у Beauchet l. c. стр. 499 прим. 1 вмѣсто Platon, Leges, XI p. 475, 2 слѣдуетъ читать p. 931 D.

3) Ср. напр. R. Leonhard, Institutionen des römischen Rechts, Leipzig 1894 стр. 375: „Den zwölf Tafeln ist ein Erbrecht der aufsteigenden Linie gänzlich fremd".

одна изъ важнѣйшихъ [1]). Совѣтуемъ, впрочемъ, читателю внимательно прочесть нашу первую главу, такъ какъ сюжета этой рѣчи мы здѣсь, разумѣется, повторять не станемъ.

Заглавіе нашей рѣчи гласитъ: „περὶ τοῦ Φιλοκτήμονος κλήρου“, во многихъ мѣстахъ ясно говорится, что здѣсь обсуждается дѣло о наслѣдствѣ Филоктемона [2]), характеръ этой рѣчи и заключеніе ея (§§ 62 сл.) — все это, казалось бы, не должно было бы оставлять ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что здѣсь рѣчь идетъ именно о наслѣдствѣ Филоктемона. Однако въ нашей рѣчи встрѣчаются и такія мѣста, гдѣ говорится о наслѣдствѣ Евктемона [3]); притомъ, какъ явствуетъ изъ нашего предъидущаго параграфа, здѣсь весьма подробно говорится объ имуществѣ Евктемона и что съ нимъ сдѣлали Андроклъ и его соучастники въ домогательствѣ этого наслѣдства. Какъ же тутъ быть? О какомъ здѣсь говорится наслѣдствѣ? О наслѣдствѣ ли Филоктемона, или Евктемона, или о томъ и другомъ наслѣдствѣ? Чтобы вполнѣ понять трудность, заключающуюся въ этомъ вопросѣ, нужно еще прибавить, что Хэрестратъ, который былъ усыновленъ Филоктемономъ и поэтому считался его законнымъ наслѣдникомъ, не вступилъ еще во владѣніе имуществомъ Филоктемона не смотря на то, что со времени смерти послѣдняго прошло приблизительно 7—8 лѣтъ. Чѣмъ объяснить этотъ странный фактъ?

Защитники теоріи наслѣдственнаго права отца на основаніи этихъ, именно, обстоятельствъ утверждаютъ, что Хэрестратъ потому не сдѣлалъ этого, что не имѣлъ права на это. Такъ какъ Филоктемонъ умирая не былъ несовершеннолѣтнимъ, то

---

1) Ср. Schoemann, De causa hereditaria in Isaei or. de Philoct. her., Index lect. Gryphisw. 1842/3 = Opusc. Acad. I стр. 272 сл.

2) Ср. § 4: ἀποστερῶν (sc. Ἀνδροκλῆς) . . . . ὑμᾶς τοῦ κυρίους γενέσθαι ὄντινα δεῖ κληρονόμον καταστήσασθαι τῶν Φιλοκτήμονος. § 51: πότερον δεῖ τὸν ἐκ ταύτης (говорится о старшемъ сынѣ Алки) τῶν Φιλοκτήμονος εἶναι κληρονόμον. § 61 τοῦ γὰρ Φιλοκτήμονος κλήρου ἂν μὲν ἐπιδικάσηται ὅδε (sc. Хэрестратъ). § 3: Φιλοκτήμων . . . . φίλος ἦν Χαιρεστράτῳ τουτῳί· δοὺς δὲ τὰ ἑαυτοῦ καὶ υἱὸν αὐτὸν ποιησάμενος ἐτελεύτησεν. λαχόντος δὲ τοῦ Χαιρεστράτου κατὰ τὸν νόμον τοῦ κλήρου κτλ. (λαχεῖν — sc. δίκην vel λῆξιν — τοῦ κλήρου is dicitur, qui in iudicio hereditatem petit).

3) § 17: κληρονόμους ζητοῦσι καταστῆσαι τῶν Εὐκτήμονος (т. е. сыновей Алки). § 26: κληρονόμους τῶν Εὐκτήμονος (говорится о нихъ-же). § 56: πότερον δικαιότερον τῶν Εὐκτήμονος κληρονομεῖν τὰς ἐκείνου θυγατέρας. § 57: Ἀνδροκλῆς . . . . εἵληχε . . τοῦ Εὐκτήμονος κλήρου. § 58: λαγχάνειν τοῦ Εὐκτήμονος κλήρου.

имущество его — еслибы у него было таковое и еслибы противники этой теоріи были правы — досталось бы либо Хэрестрату, либо сестрамъ Филоктемона т. е. сестры получили бы это наслѣдство въ томъ случаѣ, еслибы дѣйствительно Хэрестратъ не былъ усыновленъ Филоктемономъ, какъ это утверждали Андроклъ и его товарищи. У Филоктемона же, говорятъ они, несомнѣнно было свое имущество, такъ какъ въ противномъ случаѣ ораторъ не могъ бы говорить, что Филоктемонъ δοὺς τὰ ἑαυτοῦ ἐτελεύτησεν (§ 3); ἔδοξεν αὐτῷ διαθέσθαι τὰ αὑτοῦ (§ 5); καὶ ἔγραψεν ἐν διαθήκῃ, τοῦτον κληρονομεῖν τῶν ἑαυτοῦ (§ 7); далѣе въ § 38 разсказывается, что Филоктемонъ неоднократно исполнялъ литургіи, что, на ихъ взглядъ, было бы немыслимо безъ собственнаго имущества; въ § 47 ораторъ самъ говоритъ, что противники хотятъ τόν τε Εὐκτήμονος οἶκον καὶ τὸν Φιλοκτήμονος ἔχειν; въ § 44, далѣе, ораторъ разсказываетъ, какъ противники сначала выдавали сыновей Алки за сыновей Гегемона и Ергамена, а впослѣдствіи за сыновей Евктемона, и къ этому присовокупляетъ: ὁ γὰρ νόμος οὐκ ἐᾷ ἐπανιέναι, ἐὰν μὴ υἱὸν καταλίπῃ γνήσιον, онъ, стало быть, отдѣляетъ не только имущество, но и семейство Филоктемона отъ семейства Евктемона; наконецъ они полагаютъ, что еслибы у Филоктемона не было собственнаго имущества, то никакія уловки оратора не могли-бы мотивировать и оправдать этой λῆξις τοῦ κλήρου, которую требовалъ Хэрестратъ. У Филоктемона, стало быть, было собственное имущество, которое, однако, не досталось ни Хэрестрату, ни сестрамъ. Слѣдовательно, заключаютъ они, имущество это досталось другому лицу, а именно — Евктемону. Вотъ почему здѣсь то и дѣло говорится объ Евктемоновомъ имуществѣ. Въ нашей рѣчи на ихъ взглядъ, стало быть, говорится о двухъ наслѣдствахъ или имуществахъ, о собственномъ имуществѣ Евктемона и объ имуществѣ Филоктемона, которое по смерти послѣдняго досталось Евктемону какъ законному наслѣднику. Они даже ссылаются на одно мѣсто, подтверждающее, какъ они полагаютъ, ихъ мнѣніе, а именно на § 56, гдѣ говорится: εἰ γὰρ, ὡς οὗτοι λέγουσιν, τῷ μὲν Φιλοκτήμονι μὴ ἐξῆν διαθέσθαι, τοῦ δ' Εὐκτήμονος ἐστιν ὁ κλῆρος κτλ.

Въ этихъ положеніяхъ столь много ошибокъ, неточныхъ толкованій, извращеній и умалчиваній важныхъ моментовъ, что мы не знаемъ, съ чего, именно, начать. Что тутъ дѣло не совсѣмъ чисто, послѣ всего вышеизложеннаго нужно, конечно, уже a priori предположить. Однако такое предположеніе, разумѣется, еще не въ состояніи опровергнуть доводовъ защитниковъ этой

теоріи: нужно по возможности доказать, что ни одинъ изъ этихъ доводовъ не можетъ считаться основательнымъ. Мы считаемъ болѣе всего удобнымъ немедленно приступить къ изложенію нашего собственнаго мнѣнія; на доводы же противниковъ мы будемъ смотрѣть какъ на возраженія съ ихъ стороны и будемъ опровергать каждое отдѣльно suo loco.

Евктемонъ и Филоктемонъ совсѣмъ не имѣли каждый своего собственнаго имущества. Противники наши крайне старательно собрали всѣ мѣста, гдѣ повидимому говорится о томъ или другомъ имуществѣ въ отдѣльности. Но важнѣйшее мѣсто, которое рѣшаетъ весь этотъ вопросъ, намѣренно оставлено ими безъ вниманія, ибо мы не можемъ себѣ представить, чтобы они этого мѣста не замѣтили. Въ § 38 мы читаемъ слѣдующее: „οὕτω πολλὴν οὐσίαν ἐκέκτητο Εὐκτήμων μετὰ τοῦ υἱέος Φιλοκτήμονος, ὥστε ἅμα τε τὰ μέγιστα ὑμῖν λειτουργεῖν ἀμφοτέρους τῶν τε ἀρχαίων μηδὲν πραθῆναι τῶν τε προσόδων περιποιεῖν, ὥστε ἀεί τι προσκτᾶσθαι· ἐπειδὴ δ' ἐτελεύτησε Φιλοκτήμων, οὕτω διετέθη ἡ οὐσία, ὥστε τῶν ἀρχαίων μηδὲ τὰ ἡμίσεα εἶναι λοιπὰ καὶ τὰς προσόδους ἁπάσας ἠφανίσθαι". Какъ послѣ этого мѣста серьезно можно утверждать, что въ этой рѣчи говорится о двухъ имуществахъ, для насъ рѣшительно непонятно. Тутъ не только все предложеніе въ цѣлости, но почти каждое слово (ср. напр. πολλὴν οὐσίαν ἐκέκτητο μετὰ τοῦ υἱέος или ἡ οὐσία и др.) ясно показываютъ, что у отца и сына было только одно общее, нераздѣльное имущество. Что Филоктемонъ не смотря на это очень хорошо могъ неоднократно исполнять литургіи — не требуетъ ни малѣйшаго доказательства; возраженіе противниковъ болѣе чѣмъ странное.

Если не смотря на то, что у отца и сына было только одно общее имущество, въ нашей рѣчи иногда какъ будто говорится объ имуществѣ Евктемона или Филоктемона въ отдѣльности, то это имѣетъ свои вполнѣ естественныя причины, которыя противниками были оставлены безъ вниманія единственно потому, что они съ предубѣжденіемъ приступили къ толкованію этого мѣста. Причины же тому слѣдующія. Конкуррентами являются здѣсь Хэрестратъ, съ одной стороны, и сыновья Алки, съ другой стороны. Хэрестратъ былъ усыновленъ Филоктемономъ и поэтому требовалъ его наслѣдства, сыновья же Алки, которыхъ выдавали за сыновей Евктемона, понятнымъ образомъ домогались наслѣдства Евктемона. Конкурренты эти, стало быть, на самомъ дѣлѣ домогались одного и того-же наслѣдства, разница только въ томъ, что послѣдніе могли домогаться этого наслѣдства только въ ка-

чествѣ сыновей Евктемона, а Хэрестратъ въ качествѣ сына Филоктемона. Вотъ почему здѣсь говорится то объ одномъ, то о другомъ имуществѣ. Что же касается тѣхъ случаевъ, гдѣ повидимому говорится о двухъ наслѣдствахъ (§§ 47 и 44), то и эти мѣста ими невѣрно истолкованы. Въ § 47 ораторъ указываетъ на то, какова наглость и дерзость этихъ людей: чье бы то ни было это наслѣдство, Евктемона ли или Филоктемона, они во всякомъ случаѣ хотятъ достигнуть того, чтобы оно имъ было присуждено. Вотъ что означаютъ слова Ἀνδροκλῆς δὲ καὶ Ἀντίδωρος οἴονται δεῖν τόν τε Εὐκτήμονος οἶκον καὶ τὸν Φιλοκτήμονος ἔχειν. Частицы τέ-καί насъ смутить не могутъ, такъ какъ извѣстно, что καί-καί и τέ-καί иногда равняются sive-sive [1]). Не лучше толкованіе втораго мѣста (§ 44). Во-первыхъ, въ этомъ параграфѣ совсѣмъ не говорится о Филоктемонѣ. Мы видѣли уже выше (стр. 37), что вмѣсто рукописнаго Φιλοκτήμονος здѣсь слѣдуетъ читать Ἡγήμονος: положеніе противниковъ, стало быть, ни на чемъ не основано. Но даже еслибы здѣсь дѣйствительно было сказано Φιλοκτήμονος, то результатъ нашъ отъ этого нисколько не измѣняется. Ораторъ въ § 44 вѣдь совсѣмъ не описываетъ фактическаго положенія дѣлъ. Онъ только характеризуетъ манипуляціи Андрокла и его товарищей, и указываетъ на то, до какой степени противорѣчивы ихъ утвержденія и поступки. Они сначала утверждаютъ, что мальчики эти были усыновлены сыновьями Евктемона, а затѣмъ утверждаютъ, что это сыновья Евктемона. Да какъ же это возможно, говоритъ онъ? Еслибы они были усыновлены сыновьями Евктемона, то они не могли же сдѣлаться сыновьями Евктемона, такъ какъ законъ запрещаетъ ἐπανιέναι, ἐὰν μὴ υἱὸν καταλίπῃ γνήσιον, у этихъ же мальчиковъ, понятнымъ образомъ, сыновей быть не могло. Поэтому одно утвержденіе исключаетъ другое. Вотъ что хочетъ установить ораторъ. Онъ и не думаетъ утверждать, что мальчики усыновлены сыновьями Евктемона или опять сдѣлались сыновьями послѣдняго, напротивъ — онъ ясно говоритъ, что имъ не удалось доказать упомянутаго усыновленія и что судьи спровадили ихъ безъ дальнѣй-

1) Ср. Schoemann, l. c. стр. 282 прим. 12: „nonnunquam per copulativas particulas componi res, quarum quasi optio permittitur, iam alii notarunt .... qui sive-sive in huiusmodi locis convertendis usurpari posse monent. Id licebit etiam nostro loco: credunt sibi hereditatem sive Eutemonis sive Philoctemonis deberi“. Ср. также Eurip. Hec. v. 751: τολμᾶν ἀνάγκη, κἂν τύχω κἂν μὴ τύχω.

шихъ околичностей, а что касается того, что они ихъ выдавали за сыновей Евктемона, то вѣдь значительная часть нашей рѣчи посвящена опроверженію этого утвержденія, и устраненію этихъ подставныхъ наслѣдниковъ. Этотъ послѣдній моментъ опровергаетъ и послѣдній доводъ нашихъ противниковъ, заключающійся, какъ мы видѣли, въ томъ, что еслибы у Филоктемона не было собственнаго имущества, то весь этотъ процессъ былъ бы немыслимъ. Они были бы правы, еслибы происхожденіе сыновей Алки не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, между тѣмъ какъ оно, напротивъ, весьма спорное. Такимъ образомъ всѣ упомянутые доводы нашихъ противниковъ оказались вполнѣ неосновательными. Итакъ у Евктемона и Филоктемона было только одно общее, нераздѣльное имущество.

Однако установленіемъ этого факта всѣ трудности еще не устранены. Въ §§ 3, 5 и 7, какъ мы видѣли, говорится, что Филоктемонъ завѣщалъ свое имущество (τὰ ἑαυτοῦ) Хэрестрату. Имѣлъ ли онъ право сдѣлать это? Если у него дѣйствительно было собственное имущество, какъ утверждаютъ наши противники, то этотъ вопросъ можно было бы назвать просто наивнымъ. Андроклъ и его товарищи, однако, утверждаютъ, что Филоктемонъ права на это не имѣлъ. Утвержденіе ихъ ложное, какъ остроумно и убѣдительно доказываетъ нашъ ораторъ; но самый фактъ, что они могли выступить съ такимъ утвержденіемъ, ясно показываетъ, что у Филоктемона собственнаго имущества не было [1]). Если же это такъ, то вопросъ, могъ ли онъ до смерти своего отца составить духовное завѣщаніе, нужно признать весьма важнымъ. Мы того мнѣнія, что онъ былъ въ правѣ сдѣлать это. Пока Филоктемонъ былъ живъ, онъ считался единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ Евктемона. Не смотря на то, что онъ

1) При этомъ случаѣ можно и указать на то, что § 56, на который, какъ мы видѣли, также ссылаются наши противники, истолкованъ ими не менѣе превратно. Въ этомъ параграфѣ читается: „εἰ γάρ, ὡς οὗτοι λέγουσι, τῷ μὲν Φιλοκτήμονι μὴ ἐξῆν διαθέσθαι, τοῦ δ' Εὐκτήμονός ἐστιν ὁ κλῆρος, πότερον δικαιότερον τῶν Εὐκτήμονος κληρονομεῖν τὰς ἐκείνου θυγατέρας . . . . ἢ τοὺς οὐδὲν προσήκοντας“. Толкованіе „такъ какъ Филоктемонъ не имѣлъ права составить духовное завѣщаніе, то имущество это должно по наслѣдству достаться Евктемону“ до того дико и превратно (ἐστίν!), что не требуетъ и опроверженія. Ораторъ хочетъ сказать слѣдующее: „Еслибы Филоктемонъ дѣйствительно не имѣлъ права составить завѣщанія, еслибы, стало быть, здѣсь говорилось не о Филоктемоновомъ, а объ Евктемоновомъ имуществѣ, то и т. д.“

былъ женатъ, у него дѣтей не было. Ἐπειδὴ γάρ, говоритъ ораторъ (§§ 5 сл.), τῷ Φιλοκτήμονι ἐκ μὲν τῆς γυναικὸς ᾗ συνῴκει οὐκ ἦν παιδίον οὐδέν, πολέμου δ' ὄντος ἐκινδύνευε καὶ ἱππεὺς στρατευόμενος καὶ τριήραρχος πολλάκις ἐκπλέων, ἔδοξεν αὐτῷ διαθέσθαι τὰ αὑτοῦ, μὴ ἔρημον καταλίπῃ τὸν οἶκον, εἴ τι πάθοι . . . . τουτονὶ Χαιρέστρατον ἐποιήσατο υἱόν· καὶ ἔγραψεν οὕτως ἐν διαθήκῃ, εἰ μὴ γένοιτο αὐτῷ παιδίον ἐκ τῆς γυναικός, τοῦτον κληρονομεῖν τῶν ἑαυτοῦ. Мы уже въ прошломъ параграфѣ имѣли случай замѣтить, какъ старательно Аѳиняне заботились о томъ, чтобы домъ ихъ не осиротѣлъ и имя не вымерло. Филоктемонъ, стало быть, имѣлъ полное право составить завѣщаніе, тѣмъ болѣе, что не могъ же предвидѣть, что не переживетъ отца; притомъ онъ усыновилъ Хэрестрата только условно. Что то, чего онъ не могъ предвидѣть, дѣйствительно сбылось т. е., что смерть его послѣдовала нѣсколькими годами раньше смерти отца и что онъ собственныхъ дѣтей по себѣ не оставилъ — это, конечно, только неожиданный и нечаянный случай. Однако отъ этого случая обстоятельства нисколько не измѣняются: духовное завѣщаніе вслѣдствіе этого не сдѣлалось недѣйствительнымъ. Точно такъ-же, какъ Хэрестратъ сдѣлался бы наслѣдникомъ Филоктемона, еслибы онъ пережилъ отца, онъ долженъ былъ и теперь считаться его законнымъ наслѣдникомъ.

Однако намъ нужно еще оговориться, хотя это, собственно говоря, само собою разумѣется. Филоктемонъ могъ, разумѣется, завѣщать другому лицу только то, что самъ могъ назвать своимъ имуществомъ. Слѣдовательно духовное завѣщаніе его имѣло такое значеніе, что если Филоктемонъ переживетъ отца и такимъ образомъ получитъ все имущество, имущество это послѣ его смерти достанется и Хэрестрату; если же отецъ переживетъ его, то Хэрестратъ непремѣнно долженъ былъ вступить во всѣ отношенія, въ которыхъ состоялъ при жизни наслѣдодатель-Филоктемонъ, т. е. до смерти Евктемона ихъ общее имущество должно было по прежнему оставаться нераздѣльнымъ.

Можно, наконецъ, еще указать на слѣдующее соображеніе. Въ § 38, какъ мы видѣли, сообщается, что Εὐκτήμων μετὰ τοῦ υἱέος Φιλοκτήμονος ἐκέκτητο πολλὴν οὐσίαν . . . . ὥστε ἀεί τι προσκτᾶσθαι. Филоктемонъ, стало быть, — что, конечно, можно было само собою предполагать — не сидѣлъ дома сложа руки и не лодырничалъ: онъ принималъ, напротивъ, дѣятельное участіе въ управленіи отцовскимъ имуществомъ и всячески содѣйствовалъ приращенію капитала. Можно ли послѣ этого утверждать,

что онъ не имѣлъ права завѣщать своему наслѣднику это имущество, съ которымъ былъ такъ тѣсно связанъ, которое росло именно благодаря его трудамъ и которое онъ въ ближайшемъ будущемъ самъ долженъ былъ получить? Нѣтъ — Филоктемонъ совершенно очевидно имѣлъ полное право составить такое завѣщаніе. Возраженія Андрокла и его товарищей столь же неосновательны, какъ и всѣ остальныя возраженія этой лихой компаніи.

Остается еще одинъ вопросъ. Почему Хэрестратъ только теперь (т. е. послѣ смерти Евктемона) требуетъ, чтобы наслѣдство было присуждено ему; со времени смерти Филоктемона прошло вѣдь уже приблизительно 7—8 лѣтъ? Caillemer спрашиваетъ: „Fut-il arrêté par des obstacles de droit ou voulut-il user de ménagements pour son grand-père?“, но отвѣта на этотъ вопросъ не даетъ, а предпочитаетъ оставлять его открытымъ. Beauchet, напротивъ, замѣчаетъ: „Nous serions assez porté à croire que l'indivision en question avait pour cause une sorte de démission de biens partielle opérée par Euctemon en faveur de son fils, démission qui maintenait cependant la possession juridique sur la tête du père tant qu'il vivait, de sorte que Chérestrate se trouvait dans l'impossibilité légale de réclamer le partage[1]). Означенная impossibilité légale de réclamer le partage совсѣмъ не требуетъ такого предположенія. Мы видѣли выше, что Хэрестратъ при жизни Евктемона совершенно естественно могъ вступить только въ тѣ отношенія, въ которыхъ состоялъ самъ Филоктемонъ: Хэрестратъ, стало быть, не могъ требовать либо раздѣла наслѣдства, либо выдачи всего наслѣдства. Но въ какихъ же отношеніяхъ состоялъ Филоктемонъ? Бошэ полагаетъ, что состоялась une sorte de démission de biens partielle, но съ тѣмъ, чтобы имущество это по прежнему считалось собственностью Евктемона покуда онъ будетъ живъ. Намъ эта démission de biens partielle кажется довольно невѣроятною. Въ нашей рѣчи нѣтъ ни малѣйшаго намёка на такое положеніе дѣлъ. Можно, конечно, возразить, что въ нашей рѣчи не мало такихъ недомолвокъ. Но если можно найти другое толкованіе, которое болѣе правдоподобно, то не нужно прибѣгать къ такимъ предположеніямъ. Наше толкованіе слѣдующее. Мы полагаемъ, что какъ вся рѣчь, такъ и въ особенности § 38 ясно показываютъ, что никакого раздѣла, никакого выдѣла небыло. Пока отецъ былъ

1) Ср. Caillemer, l. c., стр. 67; Beauchet, l. c. III стр. 490.

моложе и бодрѣе, онъ очевидно управлялъ ихъ общимъ имуществомъ. Однако со временемъ и онъ состарился и управленіе такимъ большимъ имуществомъ стало свыше его силъ. Въ нашей рѣчи не разъ указывается на то, что это дряхлый старичекъ; въ § 35 даже сообщается, что Евктемонъ не могъ даже вставать съ постели (κομιδῇ ἀπειρηκότα ὑπὸ γήρως καὶ οὐδὲ τῆς κλίνης ἀνίστασθαι δυνάμενον), и если это мѣсто и относится къ событіямъ, случившимся немедленно послѣ смерти Филоктемона, и если въ §§ 21 сл. разсказывается, что Евктемонъ самъ отправлялся къ Алкѣ, чтобы взымать плату за наемъ квартиръ, то этимъ, конечно, еще не сказано, что онъ тогда еще былъ въ полномъ цвѣтѣ духовныхъ и физическихъ силъ, и что силы его пришли въ упадокъ только послѣ смерти Филоктемона. Поэтому мы полагаемъ, что Евктемонъ подъ конецъ жизни передалъ управленіе имуществомъ своему сыну, а самъ началъ шататься по городу и предмѣстьямъ.

Наше толкованіе, какъ намъ кажется, подтверждается двумя обстоятельствами. Во-первыхъ, читателямъ хорошо уже извѣстна та важная роль, которую игралъ Филоктемонъ въ описанныхъ въ §§ 21 сл. происшествіяхъ. Филоктемонъ, какъ мы видѣли, не допустилъ внесенія старшаго сына Алки въ списки фратріи Евктемона, а затѣмъ родственники ἔπειθον τὸν Φιλοκτήμονα ἐᾶσαι εἰσαγαγεῖν τοῦτον τὸν παῖδα ἐφ' οἷς ἐζήτει ὁ Εὐκτήμων, χωρίον ἓν δόντα. καὶ ὁ Φιλοκτήμων αἰσχυνόμενος μὲν ἐπὶ τῇ τοῦ πατρὸς ἀνοίᾳ, ἀπορῶν δ' ὅ τι χρήσαιτο τῷ παρόντι κακῷ, οὐκ ἀντέλεγεν οὐδέν. Во-вторыхъ, мы также уже видѣли, какъ немедленно послѣ смерти Филоктемона Андроклъ и его товарищи поспѣшно продали рядъ недвижимостей Евктемона. При жизни Филоктемона они, стало быть, не могли и не рѣшались сдѣлать этого. Филоктемона имъ больше нечего было бояться, спѣшили же они потому, что дряхлый старичекъ Евктемонъ могъ также умереть, а тогда бы все имущество по всей вѣроятности досталось бы Хэрестрату, чего они, конечно, не желали. Филоктемонъ, стало быть, подъ конецъ жизни управлялъ ихъ общимъ имуществомъ и этимъ легко объясняются событія, описанныя въ вышеупомянутыхъ параграфахъ.

Теперь также ясно, почему Хэрестратъ только послѣ смерти Евктемона требуетъ, чтобы наслѣдство его было присуждено ему. Ни раздѣла, ни выдѣла онъ требовать не могъ, сдѣлаться же управляющимъ этого имущества ему или не хотѣлось или — что еще вѣроятнѣе — обоюдныя отношенія между Евктемономъ и

его семействомъ были такія недружелюбныя и натянутыя (см. нпр. §§ 21 сл.), что Хэрестратъ предпочиталъ преспокойно выжидать предстоящей въ ближайшемъ будущемъ смерти Евктемона, тѣмъ болѣе, что послѣдній былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ упомянутой лихой компаніей. Трудно себѣ представить, какимъ бы образомъ онъ могъ отвратить распродажу недвижимостей Евктемона.

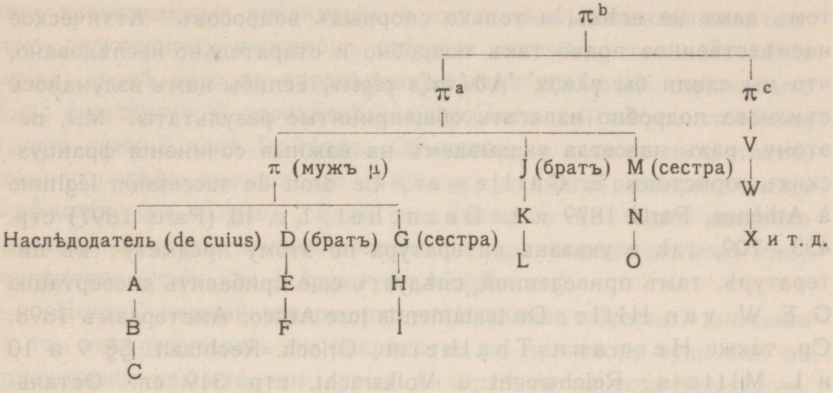
Прежде чѣмъ перейти къ остальнымъ вопросамъ наслѣдственнаго права, мы считаемъ не безполезнымъ сообщить двѣ таблицы, показывающія, какія лица призывались къ наслѣдованію по аѳинскимъ законамъ и въ какомъ, именно, порядкѣ [1]). Обращаемъ вниманіе читателя на то, что мы тѣхъ родственниковъ, которые не призывались къ наслѣдству, обозначаемъ греческими буквами, а именно: буквами π, π^a, π^b и т. д. мужскую линію, такъ какъ слова πατήρ, πάππος, πρόπαππος начинаются съ буквы π; буквой μ мы обозначаемъ мать наслѣдодателя, буквами π^μ ея отца. Латинскія буквы A, B, C и т. д. обозначаютъ порядокъ, въ которомъ родственники призывались къ наслѣдованію.

1) Не смотря на то, что такого рода таблицы обыкновенно полезнѣе всякихъ обстоятельныхъ поясненій, такъ какъ результаты запоминаются несравненно легче, мы такія таблицы нашли только у Guiraud (La proprieté fonçière en Grèce стр. 223), стало быть въ сочиненіи, въ которомъ врядъ ли кто-нибудь станетъ искать такихъ таблицъ; сочиненіе это, притомъ, мало распространено, такъ что наше сопоставленіе почти общепринятыхъ результатовъ не можетъ считаться лишнимъ. Притомъ таблицы наши не совсѣмъ согласуются съ таблицами Guiraud. Результаты, разумѣется — за исключеніемъ лишъ тетокъ и ихъ дѣтей (см. у насъ M, N, O), которыхъ Guiraud почему-то выпустилъ; всѣ знаки, стало быть, передвигаются на 3 буквы — одни и тѣже (иначе и быть не можетъ), но знаки наши въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ другіе. Такъ нпр. Guiraud говоритъ: „Les lettres X, X^a, X^{lb}, etc. se réfèrent aux ascendants qui n'héritent pas“. Мы это обозначеніе не находимъ особенно счастливымъ. Буквой x обыкновенно обозначается то, что неопредѣлимо или осталось неопредѣленнымъ, а во-вторыхъ, буква X принадлежитъ также къ латинскому алфавиту, которымъ у Guiraud обозначаются наслѣдники; такъ какъ Guiraud довелъ свою таблицу до буквы „S etc.“ то и у него нужно же предположить, что очередь дойдетъ и до буквы X, между тѣмъ какъ она у Guiraud имѣетъ совершенно другое значеніе; еслибы Guiraud не пропустилъ тетокъ, то онъ самъ дошелъ бы до буквы X, какъ видно изъ нашей таблицы. Онъ обозначаетъ, далѣе, нпр. буквой X = прадѣда, X^a = дѣда, X^b = дѣда по матери, X^c = отца. И съ этими знаками мы не соглашаемся. Въ такихъ таблицахъ обозначаются родственники по отношенію къ наслѣдодателю, такъ что обратный порядокъ гораздо естественнѣе.

I.

Мужская или отцовская линія.

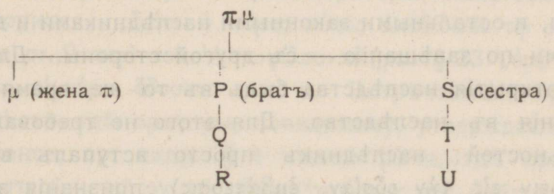
(οἱ πρὸς πατρός).



II.

Женская или матерняя линія.

(οἱ πρὸς μητρός).



Какъ видно изъ нашихъ таблицъ, родители по аѳинскимъ законамъ не призывались къ наслѣдованію. Результатъ этотъ, правда, не можетъ считаться общепринятымъ. Однако мы выше уже доказали, что о наслѣдственномъ правѣ отца и рѣчи быть не можетъ. Что же касается матери, то и она, несомнѣнно, наслѣдственнаго права не имѣла; но такъ какъ въ нашей рѣчи объ этомъ не говорится, то мы на этомъ вопросѣ здѣсь не остановимся [1]).

---

1) Ср. Meier-Schoemann-Lipsius, Att. Process, стр. 580 прим. 266; Beauchet, l. c. III стр. 548 сл. У того и другого указана литература по этому вопросу.

Перейдемъ теперь къ остальнымъ вопросамъ наслѣдственнаго права. Обращаемъ, однако, вниманіе читателя на то, что мы здѣсь не намѣрены подробно изслѣдовать наслѣдственное право. Наша задача состоитъ въ изслѣдованіи только тѣхъ вопросовъ, которые затронуты въ нашей VI рѣчи Исея, да и притомъ даже не всѣхъ, а только спорныхъ вопросовъ. Аттическое наслѣдственное право такъ подробно и старательно изслѣдовано, что мы стали бы γλαῦκ' Ἀθήναζε φέρειν, еслибы намъ вздумалось съизнова подробно излагать общепринятые результаты. Мы, поэтому, разъ навсегда указываемъ на важныя сочиненія французскихъ юристовъ E. Caillemer, Le droit de succession légitime à Athènes, Paris 1879 и L. Beauchet, l. c. III (Paris 1897) стр. 423—709, гдѣ и указана литература по этому предмету; къ литературѣ, тамъ приведенной, слѣдуетъ еще прибавить диссертацію G. E. W. van Hille, De testamentis jure Attico, Амстердамъ 1898. Ср. также Hermann-Thalheim, Griech. Rechtsalt. §§ 9 и 10 и L. Mitteis, Reichsrecht u. Volksrecht, стр. 319 сл. Остальную литературу мы будемъ приводить, смотря по надобности, suo loco.

Начнемъ со вступленія въ наслѣдство (принятіе наслѣдства). Аттическое право строго различаетъ между законными потомками и дѣтьми, усыновленными еще при жизни наслѣдодателя — съ одной стороны, и остальными законными наслѣдниками и дѣтьми, усыновленными по завѣщанію — съ другой стороны. Для первыхъ моментъ открытія наслѣдства былъ въ то-же время и моментомъ вступленія въ наслѣдство. Для этого не требовалось никакихъ формальностей: наслѣдникъ просто вступалъ въ наслѣдство (ἐμβατεύειν εἰς τὴν οὐσίαν, ἐμβάτευσις), признанія за нимъ права наслѣдованія со стороны суда не требовалось, такъ какъ такое наслѣдство κλῆρος считалось безспорнымъ (ἀνεπίδικος, ἀναμφισβήτητος) ср. Isae. or. III περὶ τοῦ Πύρρου κλήρου § 59: ὅτῳ δὲ γόνῳ γεγόνασι γνήσιοι παῖδες, οὐδενὶ ἐπιδικάζεσθαι τῶν πατρῴων προσήκει . . . . ἅπαντες γὰρ . . . ἀνεπίδικα ἔχουσι τὰ ἑαυτῶν ἕκαστοι πατρῷα. Ibid. § 60 сл.: „ὅσοι μὲν (ἂν) καταλίπωσι γνησίους παῖδας ἐξ αὐτῶν, οὐ προσήκει τοῖς παισὶν ἐπιδικάσασθαι τῶν πατρῴων· ὅσοι δὲ διαθῆκαις αὐτοὶ εἰσποιοῦνται, τούτοις ἐπιδικάζεσθαι προσήκει τῶν δοθέντων. τοῖς μὲν γάρ, ὅτι γόνῳ γεγόνασι, οὐδεὶς ἂν δήπου ἀμφισβητήσειε περὶ τῶν πατρῴων· πρὸς δὲ τοὺς εἰσποιήτους ἅπαντες οἱ κατὰ γένος προσήκοντες ἀμφισβητεῖν ἀξιοῦσιν". Ср. также or. VIII περὶ τοῦ Κίρωνος κλήρου § 34. Послѣдніе же безъ выраженія намѣренія вступить въ наслѣдство (λῆξιν λαγχάνειν) и безъ утвержденія въ правахъ

наслѣдованія (ἐπιδικασία) не могли вступать въ обладаніе наслѣдствомъ, такъ какъ оно считалось спорнымъ (ἐπίδικος) ср. Isae. fragm. 6 (Sauppe) οὐ δεῖ τὸν ἐπίδικον κρατεῖσθαι κλῆρον πρὸ δίκης. Эти λήξεις подавались епонимному архонту, которымъ онѣ выставлялись во всеобщее свѣдѣніе на доскѣ, къ которой прикрѣплялись всевозможныя публикаціи, и читались въ ближайшемъ первомъ регулярномъ народномъ собраніи каждой пританіи (ἐκκλησία κυρία); кромѣ того въ опредѣленный день глашатай спрашивалъ εἴ τις ἀμφισβητεῖν ἢ παρακαταβάλλειν βούλεται τοῦ κλήρου τοῦ δεῖνος ἢ κατὰ γένος ἢ κατὰ διαθήκας. Обыкновенно заявлялся протестъ, такъ что дѣло доходило до тяжбы и судебнаго разбирательства (διαδικασία τοῦ κλήρου). Если же никакого не было заявлено протеста, то архонтъ, какъ говорилось, присуждалъ данному лицу наслѣдство (ἐπιδικάζει ὁ ἄρχων τὸν κλῆρόν τινι).

Hruza[1]) первый совершенно справедливо обратилъ вниманіе на то, что получалось ли наслѣдство по приговору суда или по присужденію архонта, ни судьи ни архонтъ не устанавливаютъ и не даруютъ наслѣдственнаго права на данное наслѣдство. Присужденіе это не болѣе какъ оффиціальное удостовѣреніе принадлежности данному лицу наслѣдственныхъ правъ на данное наслѣдство. Даруются же наслѣдственныя права самимъ закономъ, на что неоднократно указываютъ ораторы, напр. въ § 28 нашей рѣчи говорится: „διότι ὁ νόμος αὐτὸς ἀποδίδωσι τῷ υἱεῖ τὰ τοῦ πατρός“; Isae or. 9 περὶ τοῦ Ἀστυφίλου κλήρου § 23 „ἐμὲ . . . . ἀποστερεῖς ἃ μοι οἱ νόμοι ἔδοσαν“ и т. п. Встрѣчаются, правда, нерѣдко такія мѣста, гдѣ ораторы, повидимому, утверждаютъ совершенно противное, ср. напр. § 4 нашей рѣчи, гдѣ ораторъ говоритъ: „ἀποστερῶν τοῦτον τῆς ἀμφισβητήσεως καὶ ὑμᾶς τοῦ κυρίους γενέσθαι ὄντινα δεῖ κληρονόμον καταστήσασθαι τῶν Φιλοκτήμονος“; or. 7 περὶ τοῦ Ἀπολλοδώρου κλήρου § 42 „ὑμεῖς . . . . ἀποδόντες ἡμῖν τοῦτον τὸν κλῆρον“; or. 5 περὶ τοῦ Δικαιογένους κλήρου § 37 „ὑμεῖς ἔδοτε τῇ ψήφῳ; Pseudo-Demosth. or. 43 πρὸς Μακάρτατον §§ 6 и 30 „τὸν κλῆρον, ὃν ὑμεῖς αὐτῇ ἐψηφίσασθε. Hruza полагаетъ, что ораторы въ такихъ случаяхъ намѣренно извращали юридическій характеръ этого учрежденія, чтобы льстить суду присяжныхъ. Въ Аѳинскихъ судилищахъ все было возможно, и такъ какъ извѣстны нѣкоторые случаи несправедливаго и при-

1) Ср. E. Hruza, Beiträge zur Geschichte des griechischen und römischen Familienrechts, I стр. 100 сл. „Der archontische Bescheid und das richterliche Urtheil haben nur deklarative Kraft“.

страстнаго присужденія наслѣдства, то мнѣніе это врядъ ли можно опровергнуть. Однако намъ кажется, что Hruza, быть можетъ, уже черезъ чуръ много вычитываетъ изъ этихъ мѣстъ. Данное лицо, правда, получало наслѣдство въ силу самого закона; но такъ какъ оно могло вступать въ обладаніе наслѣдствомъ не иначе, какъ по подачѣ означенной λῆξις и разсмотрѣнію ея судомъ или архонтомъ, то выходитъ, что ораторы нисколько не льстили народу, когда приписывали ему такое значеніе. Мнимое присужденіе суда или архонта имѣло, разумѣется, только декларативное, а не конститутивное значеніе, и это мнимое утвержденіе на самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли, больше ничего какъ оффиціальное удостовѣреніе: но такъ какъ безъ подачи этой λῆξις и безъ упомянутой провѣрки данное лицо не могло сдѣлаться наслѣдникомъ, то mutatis mutandis можно вѣдь и не льстя говорить о присужденіи судьями или архонтомъ и такъ, несомнѣнно, смотрѣли на это дѣло многіе Аѳиняне.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній обратимся теперь къ нашей рѣчи. Въ §§ 3 сл. разсказывается, что Филоктемонъ усыновилъ своего племянника Хэрестрата и что послѣдній, такъ какъ былъ усыновленъ по духовному завѣщанію, подалъ заявленіе, что намѣренъ вступить въ наслѣдство (λαχόντος τοῦ Χαιρεστράτου κατὰ τὸν νόμον τοῦ κλήρου). О томъ, какія послѣдствія имѣла подача этой λῆξις, мы будемъ говорить ниже. Здѣсь намъ придется сначала сказать нѣсколько словъ по поводу этого усыновленія [1]).

Въ Греціи усыновленіе равнялось назначенію наслѣдника (institutio heredis). По многимъ весьма уважительнымъ причинамъ было крайне желательно, чтобы домъ не осиротѣлъ, имя не вымерло и связанныя съ родомъ sacra не прекратились. Въ Греціи, какъ мы видѣли, наслѣдовать могъ только ближайшій родственникъ. Слѣдовательно, если кому-нибудь хотѣлось завѣщать свое имущество какому-то лицу, то онъ долженъ былъ предварительно превратить его въ своего ближайшаго родственника т. е. усыновить его; усыновляемый, впрочемъ, обыкновенно уже принадлежалъ къ числу близкихъ родственниковъ или приближенныхъ къ нему

1) Объ усыновленіи ср. кромѣ вышеупомянутой литературы: A. H. G. P. van den Es, De iure familiarum apud Athenienses, Лейденъ 1864 стр. 78—101. F. Schulin, Das griechische Testament verglichen mit dem römischen, Basel 1882; Beauchet, l. c. II стр. стр. 1—72. И объ усыновленіи мы здѣсь подробнѣе говорить не будемъ.

особъ. Такимъ образомъ посредствомъ усыновленія достигался двоякій результатъ: наслѣдодатель не оставался ἄπαις и получалъ наслѣдника.

Тутъ нужно вставить маленькій экскурсъ. Нѣкоторые ученые полагаютъ, что слово ἄπαις имѣетъ двоякое значеніе. Первое значеніе, конечно, „бездѣтный, не имѣющій дѣтей“; но слово ἄπαις, на ихъ взглядъ, имѣетъ еще и другое значеніе. Въ нашей рѣчи § 54: „σὺ . . . . μεμαρτύρηκας ὡς οὐ διέθετο Φιλοκτήμων, ἀλλ᾽ ἄπαις ἐτελεύτησε“. Тутъ совершенно очевидно — говорятъ они — ἄπαις = „qui intestatus mortuus est“. Cp. Hille, l. c. стр. 5; Es, l. c. стр. 80; Beauchet, l. c. II стр. 21; Meutzner, въ Acta societatis graecae vol. II Lps. 1840 стр. 141; Schneider, De iure hereditario Atheniensium, Мюнхенъ 1851 стр. 26. Meutzner ссылается также на § 63 нашей рѣчи и § 19 VII рѣчи Исея (περὶ τοῦ Ἀπολλοδώρου κλήρου), остальные основываются единственно на выписанныхъ нами словахъ (§ 54). Мы не знаемъ, постарался ли кто-нибудь опровергнуть это мнѣніе, которое переходило изъ рукъ въ руки; мы, по крайней мѣрѣ, — быть можетъ, случайно — не нашли такого опроверженія. А между тѣмъ мнѣніе это намъ кажется довольно таки страннымъ. Уже одно то подозрительно, что оно основывается на одномъ только мѣстѣ, въ крайнемъ случаѣ на трехъ. Еслибы въ этихъ мѣстахъ совершенно ясно было сказано, что ἄπαις = intestatus, то мы не стали бы придираться къ этимъ ученымъ. Но въ томъ то и дѣло, что мы этого не находимъ. Meutzner ссылается на § 63: τελευτῆσαι ἄπαιδα Φιλοκτήμονα. Но тутъ слово это можетъ только означать „не имѣя дѣтей“. Здѣсь разбираются отдѣльные пункты діамартиріи. Во-первыхъ, говоритъ ораторъ, γέγραπται ὡς οὐκ ἔδωκεν οὔτε διέθετο Φιλοκτήμων· τοῦτο ἐπιδέδεικται ψεῦδος ὄν· καὶ γὰρ ὁ δοὺς καὶ ὁ διαθέμενος (ἐκεῖνος), καὶ μαρτυροῦσιν οἱ παραγενόμενοι. Затѣмъ онъ переходитъ ко второму пункту: τί ἔτι; τελευτῆσαι ἄπαιδα Φιλοκτήμονα. πῶς οὖν ἄπαις ἦν ὅς τις τὸν ἑαυτοῦ ἀδελφιδοῦν υἱὸν ποιησάμενος κατέλιπεν κτλ. Какъ можно утверждать, что во второй части говорится о томъ же, какъ и въ первой части! — а это вѣдь нужно предположить, если ἄπαις = intestatus. Не лучше доказательство, почерпнутое изъ or. VII § 19. Если обратить вниманіе только на слова τοῦ γὰρ Εὐπόλιδος υἱέος ἄπαιδος Ἀπολλοδώρου τελευτήσαντος, то, конечно, ни того ни другого утверждать нельзя. Но въ началѣ этого параграфа вѣдь ясно сказано: ἔστι δὲ νόμος (ὅς), ἐὰν ἀδελφὸς ὁμοπάτωρ ἄπαις τελευτήσῃ καὶ μὴ διαθέμενος. И это мѣсто, стало быть, доказываетъ совершенно про-

тивное. Остается, поэтому, только § 54. Мы не отрицаемъ, что мѣсто это, повидимому, не совсѣмъ ясное. Но если сравнить это мѣсто съ упомянутымъ § 63, если обратить вниманіе на то, что въ нашей рѣчи неоднократно различаются завѣщаніе и усыновленіе, что слово ἄπαις нигдѣ, сколько намъ извѣстно, значенія „intestatus“ не имѣетъ, что, наконецъ, въ нашей рѣчи говорится о совершенно особомъ родѣ завѣщанія, то полагаемъ, что читатель охотно съ нами согласится въ томъ, что упомянутые ученые изъ этого мѣста вычитали то, чего въ немъ совсѣмъ нѣтъ. Исей просто говоритъ слѣдующее: „ты утверждаешь, что Филоктемонъ не составилъ завѣщанія, что Хэрестратъ, стало быть, не былъ усыновленъ и Филоктемонъ, слѣдовательно, умеръ не оставивъ по себѣ дѣтей“. Если такъ понимать это предложеніе, то все ясно. При другомъ же толкованіи выходитъ несносная тавтологія: ибо если ἄπαις = „intestatus, οὐ διαθέμενος“, то выходитъ, что Исей сказалъ „μεμαρτύρηκας ὡς οὐ διέθετο Φιλοκτήμων, ἀλλ᾽ οὐ διαθέμενος ἐτελεύτησε“, что, конечно, немыслимо. Слово „ἄπαις“, стало быть, двоякаго значенія не имѣетъ“.

Итакъ путемъ усыновленія наслѣдодатель не оставался ἄπαις и получалъ наслѣдника. Усыновленіе могло состояться троякимъ образомъ. Во-первыхъ, усыновленіе могло состояться еще при жизни наслѣдодателя: въ такомъ случаѣ усыновляемый вносился въ списки фратріи столь же торжественно, какъ и законнорожденныя дѣти, и вступалъ во всѣ права послѣднихъ. Во-вторыхъ, усыновленіе могло состояться по духовному завѣщанію — въ такомъ случаѣ усыновленный вступалъ во всѣ права только по смерти наслѣдодателя. Наконецъ, усыновленіе могло состояться по смерти наслѣдодателя со стороны родственниковъ, призванныхъ къ наслѣдованію.

Такъ какъ въ нашей рѣчи о первомъ и третьемъ случаяхъ не говорится, то мы на нихъ не остановимся. Достаточно будетъ замѣтить, что въ гортинскомъ правѣ упоминается только первый родъ усыновленія, такъ что мы не ошибемся, если предположимъ, что это древнѣйшая форма усыновленія и что остальныя двѣ были потомъ прибавлены потому, что одинъ первый родъ оказался недостаточнымъ. Что же касается третьей формы, которую французы называютъ „adoption posthume“, а Leist „Suppositiv-adoption“, то Schulin напрасно оспариваетъ существованіе такого учрежденія; подробности насъ здѣсь не интересуютъ [1]).

1) Dareste (trad. стр. 127) полагаетъ, что въ нашей рѣчи также

Въ нашей рѣчи говорится о второй формѣ усыновленія, но это здѣсь не обыкновенное простое усыновленіе по завѣщанію, а совершенно своеобразная форма, которую скорѣе можно назвать субституціей (substitutio). Объ этомъ усыновленіи говорится въ §§ 3 сл., гдѣ мы читаемъ слѣдующее: „ἐπειδὴ γὰρ τῷ Φιλοκτήμονι ἐκ μὲν τῆς γυναικὸς ἦ συνῴκει οὐκ ἦν παιδίον οὐδέν, πολέμου δ' ὄντος ἐκινδίνευε . . . ., ἔδοξεν αὐτῷ διαθέσθαι τὰ αὑτοῦ, μὴ ἔρημον καταλίπῃ τὸν οἶκον, εἴ τι πάθοι . . . . τουτονὶ Χαιρέστρατον ἐποιήσατο υἱόν· καὶ ἔγραψεν οὕτως ἐν διαθήκῃ, εἰ μὴ γένοιτο αὐτῷ παιδίον ἐκ τῆς γυναικός, τοῦτον κληρονομεῖν τῶν ἑαυτοῦ". Нашъ ораторъ въ § 63 самъ заявляетъ, что διαρρήδην ἐν τῷ νόμῳ γέγραπται, ἐὰν ποιησαμένῳ παῖδες ἐπιγένωνται, τὸ μέρος ἑκάτερον ἔχειν τῆς οὐσίας καὶ κληρονομεῖν ὁμοίως ἀμφοτέρους т. е. еслибы даже послѣ усыновленія родились законныя дѣти, то положеніе усыновленнаго отъ этого нисколько бы не измѣнилось и онъ получилъ бы столько же, сколько и эти дѣти. Только обоюдное соглашеніе было бы въ состояніи прекратить отношенія между усыновленнымъ и его усыновителемъ [1]). Какъ же объяснить наше мѣсто, гдѣ ясно говорится, что Хэрестратъ только въ томъ случаѣ можетъ считаться усыновленнымъ, если Филоктемонъ при смерти не оставитъ по себѣ собственныхъ дѣтей? Это вѣдь никакъ не вяжется съ упомянутымъ закономъ? Тутъ очевидно говорится о подназначеніи наслѣдника (substitutio).

Въ римскомъ правѣ существовали три формы субституцій: s. vulgaris, pupillaris и quasi pupillaris [2]). Такъ какъ послѣдняя форма была возможна только въ совершенно исключительныхъ случаяхъ (когда наслѣдникъ вслѣдствіи душевной болѣзни не

такой случай. Андроклъ и Антидоръ, какъ извѣстно, попытались доказать, что сыновья Алки были усыновлены сыновьями Евктемона. Dareste говоритъ: „Il s'agit ici, comme on le voit, d'une adoption posthume. Les plus proches parents du défunt lui créaient un fils adoptif, par autorité de justice". Совѣтуемъ читателю внимательно прочесть нашу рѣчь, въ особенности §§ 36 и 44. Мы тамъ не нашли ничего, что давало бы намъ право вывести такое заключеніе. Они вѣдь утверждали, что мальчики эти были усыновлены, стало быть, по завѣщанію; это была чистѣйшая ложь и судьи, поэтому, отказали имъ въ этомъ. Тутъ и думать нельзя объ adoption posthume. Мнѣніе Дареста тѣмъ болѣе странно, что онъ самъ въ началѣ того же самаго примѣчанія совершенно вѣрно говоритъ: „Pour justifier cette prétention Androclès produisait soit un faux testament, soit de faux témoins". Testament и adoption posthume!

1) Ср. напр. Demosth., or. 41, πρὸς Σπουδίαν §§ 3 и 4.

2) Ср. напр. H. Dernburg, Pandekten III[5], Berlin 1897, стр. 171 сл.

имѣлъ возможности и не смѣлъ составить завѣщанія), то мы на этой формѣ не остановимся. Substitutio vulgaris (обыкновенное или обычное подназначеніе — древнѣйшая форма субституцій) было назначеніе втораго наслѣдника на тотъ случай, что первый (institutus) почему-то не могъ или не хотѣлъ сдѣлаться наслѣдникомъ. „Die Vulgarsubstitution, говоритъ Dernburg, ist bedingte Erbeseinsetzung, abhängig davon, dass der Institut nicht Erbe wird. So lange dies in der Schwebe bleibt, ist der Substitut noch nicht berufen. Er muss daher den Wegfall des Instituten erleben, wenn sich seine Substitution verwirklichen soll. Die Bedingung der Substitution fällt aus, sowie der Institut Erbe wird. Dies ändert sich nicht, wenn derselbe unmittelbar nach dem Erwerbe der Erbschaft verstirbt, ohne einen Erben zu hinterlassen". Substitutio pupillaris примѣнялась тогда, когда подназначался второй наслѣдникъ на тотъ случай, что первый хотя и пережилъ наслѣдодателя, но самъ умеръ, не достигши совершеннолѣтія. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что мы въ нашей VI рѣчи имѣемъ дѣло съ вульгарной субституціей, которая нерѣдко упоминается въ греческихъ источникахъ; все что говоритъ Dernburg цѣликомъ относится и къ нашему случаю[2]).

Остается прибавить еще одно замѣчаніе. Въ нашей рѣчи встрѣчается то διαθέσθαι, то δοῦναι или δοῦναι τὰ ἑαυτοῦ, напр. § 3 δοὺς δὲ τὰ ἑαυτοῦ καὶ υἱὸν αὐτὸν ποιησάμενος, а § 5 διέθετο καὶ ἐποιήσατο υἱὸν τουτονὶ Χαιρέστρατον и т. п. Спрашивается, сино-

1) Ср. Guiraud, l. c. стр. 255 сл.; Recueil des inscr. jur. grecques II стр. 70; Beauchet, l. c. II стр. 70; Dareste, La science du droit en Grèce, Paris 1893 стр. 119 сл.

2) Dareste trad. стр. 126 замѣчаетъ: „Nous avons ici un exemple d'adoption sous condition suspensive. C'est une particularité du droit grec. Elle montre bien, que dans ce droit l'adoption est au fond une institution d'héritier". Можно, конечно, утверждать, что актъ усыновленія ограниченъ суспензивнымъ условіемъ т. е. до наступленія даннаго условія актъ усыновленія еще не имѣетъ предназначеннаго дѣйствія, но mutatis mutandis это вѣдь то-же самое, что и вульгарная субституція. Что же касается дальнѣйшаго утвержденія Дареста, что это une particularité du droit grec, то мы съ нимъ вполнѣ согласиться не можемъ. Въ Римѣ, правда, такого усыновленія не было. Но греческое усыновленіе соотвѣтствовало, какъ извѣстно, римской institutio heredis, и такъ какъ въ римскомъ правѣ также существовали субституціи и суспензивныя условія, то мы не понимаемъ, почему Dareste счелъ нужнымъ указать на это, какъ на особенность греческаго права. Можно даже мимоходомъ указать на то, что εἰσποιέω и instituo (sc. heredem), εἰσποίησις и institutio (sc. heredis) этимологически довольно таки аналогичны.

нимны ли эти выраженія или нѣтъ? Schulin (l. c. стр. 25 сл.) постарался доказать, что кромѣ такихъ завѣщаній, по которымъ усыновляется кто-нибудь, уже во времена ораторовъ встрѣчаются такія завѣщанія, по которымъ никто не усыновляется, а просто завѣщается кому-нибудь либо все имущество, либо опредѣленная часть этого имущества, и что словами δοῦναι или δοῦναι τὰ ἑαυτοῦ обозначается именно такое завѣщаніе. Но такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр. въ нашей рѣчи) встрѣчаются какъ бы смѣшенія этихъ родовъ, то Schulin полагаетъ, что существовалъ еще третій родъ завѣщаній, представлявшій нѣчто среднее (ein Mittelding) между вышеупомянутыми двумя родами [1]).

Что во времена нашего оратора существовала уже возможность завѣщать свое имущество безъ усыновленія — весьма вѣроятно [2]). Даже если исключить многіе случаи, приведенные Шулиномъ, то всетаки остаются нѣкоторые случаи, которые по крайней мѣрѣ показываютъ, что выраженія эти, повидимому, не совсѣмъ синонимны. Обратимъ наше вниманіе, какъ мы это до сихъ поръ дѣлали, опять только на рѣчи Исея. Въ IX рѣчи (περὶ τοῦ Ἀστυφίλου κλήρου, § 1) ораторъ говоритъ: „οὔτε ἐποιήσατο ἐκεῖνος υἱὸν ἑαυτῷ, οὔτ' ἔδωκε τὰ ἑαυτοῦ, οὔτε διαθήκας κατέλιπεν". Въ III рѣчи (περὶ τοῦ Πύρρου κλήρου) мы читаемъ (§ 42): „οὔτε γὰρ διαθέσθαι οὔτε δοῦναι οὐδενὶ οὐδὲν ἔξεστι τῶν ἑαυτοῦ ἄνευ τῶν θυγατέρων". § 68: „ὁ γὰρ νόμος διαρρήδην λέγει ἐξεῖναι διαθέσθαι ὅπως ἄν ἐθέλῃ τις τὰ αὑτοῦ, ἐὰν μὴ παῖδας γνησίους καταλίπῃ ἄρρενας· ἂν δὲ θηλείας καταλίπῃ, σὺν ταύταις. οὐκοῦν μετὰ τῶν θυγατέρων ἔστι δοῦναι καὶ διαθέσθαι τὰ αὑτοῦ· ἄνευ δὲ τῶν γνησίων θυγατέρων οὐχ οἷόν τε οὔτε ποιήσασθαι οὔτε δοῦναι οὐδενὶ οὐδὲν τῶν ἑαυτοῦ". „Il n'est pas dans les habitudes de l'orateur de se livrer à des répétitions inutiles", слѣдовательно, говоритъ Beauchet, выраженіями διαθέσθαι (или ποιήσασθαι) и δοῦναι обозначаются два различныхъ рода завѣщаній. И намъ не вѣрится, чтобы въ упомянутыхъ мѣстахъ приведенныя 3 выраженія были вполнѣ синонимны. Но мы не находимъ, чтобы мѣста эти

1) Ср. Schulin, l. c. стр. 32: „Ein Mittelding zwischen den Testamenten mit εἰσποίησις und denen ohne εἰσποίησις bilden diejenigen Testamente, in welchen verfügt wird: δίδωμι τὰ ἐμαυτοῦ τῷ δεῖνι καὶ υἱὸν αὐτὸν ποιοῦμαι. Ср. по поводу этого вопроса: Meier-Schoemann-Lipsius, l. c. стр. 590 и прим. 287; L. Mitteis, Reichsrecht und Volksrecht, Leipzig 1891 стр. 341; Beauchet, l. c. III стр. 691 сл., въ особ. 696 сл.

2) Ср. напр. завѣщанія, составленныя отцомъ Демосѳена и Пасіономъ.

могли считаться вполнѣ ясными. Διαθέσθαι и ποιήσασθαι, правда, синонимны, и такъ и сказано въ послѣднемъ мѣстѣ (сначала δοῦναι и διαθέσθαι, а затѣмъ δοῦναι и ποιήσασθαι); если въ началѣ этого параграфа сказано просто διαθέσθαι, то это можетъ быть общимъ выраженіемъ = составить завѣщаніе, а затѣмъ спеціализируются двѣ формы δοῦναι и διαθέσθαι (или ποιήσασθαι). Однако развѣ это совсѣмъ ясно? Развѣ можно допустить, чтобы въ томъ же самомъ предложеніи слово διαθέσθαι имѣло двоякое значеніе? Если же нѣтъ, то на какомъ же основаніи говорится въ законѣ просто о διαθέσθαι, а затѣмъ о δοῦναι и διαθέσθαι! Далѣе, если ποιήσασθαι и διαθέσθαι вполнѣ синонимны, то почему-же въ IX рѣчи § 1 читается οὔτε — οὔτε — οὔτε и къ этимъ частицамъ прибавлено ἐποιήσατο — ἔδωκε — διαθήκας κατέλιπεν? Какая же тутъ связь между ἐποιήσατο и διαθήκας κατέλιπεν? Тутъ или всѣ три выраженія тожественны или всѣ три совершенно различны: но утверждать, что первое и третье тожественны и этому противопоставлять второе, на нашъ взглядъ, не позволительно. Къ этому нужно еще прибавить, что и у нашего оратора подчасъ нѣтъ никакого различія между δοῦναι и διαθέσθαι. Такъ напр. въ той-же IX рѣчи, гдѣ въ § 1, повидимому, ἔδωκε противопоставляется выраженію διαθήκας κατέλιπεν, мы говоримъ — въ той-же рѣчи мы читаемъ слѣдующее: § 34: „Κλέων μὲν γάρ φησι τὸν υἱὸν τὸν ἑαυτοῦ Ἀστυφίλῳ εἰσποιηθῆναι, καὶ ταῦτ' ἐκεῖνον διαθέσθαι", между тѣмъ какъ въ слѣдующемъ параграфѣ говорится: „ἀπέδειξα ὑμῖν ὡς οὐδενὶ ἐκεῖνος δέδωκε τὰ ἑαυτοῦ". Далѣе, въ § 60 III-ей рѣчи мы читаемъ: „τῷ μὲν εἰσποιήτῳ οὐκ ἔφασαν ἐπιδικάσασθαι προσήκειν τῶν δοθέντων" и ὅσοι δὲ διαθήκαις αὐτοὶ εἰσποιοῦνται, τούτοις ἐπιδικάζεσθαι προσήκει τῶν δοθέντων, тутъ, стало быть, говорится объ усыновленіи и не смотря на то употребляется δοῦναι (τῶν δοθέντων). Послѣ этого мы не понимаемъ, какъ можно поступать такъ, какъ это дѣлаетъ Шулинъ, который утверждаетъ, что гдѣ употребленъ глаголъ δοῦναι, тамъ, будто-бы, говорится о простомъ завѣщаніи безъ усыновленія. Что теорія его ему самому въ концѣ концовъ показалась не совсѣмъ безупречной, это явствуетъ изъ того обстоятельства, что онъ по отношенію къ нашей рѣчи утверждаетъ, что здѣсь третій родъ завѣщаній — родъ, имъ самимъ придуманный. Мы открыто сознаемся, что не понимаемъ, что̀ это за „Mittelding", что̀ можетъ быть средняго между завѣщаніемъ съ усыновленіемъ и завѣщаніемъ безъ усыновленія! Онъ ссылается напр. на § 3 δοὺς δὲ τὰ ἑαυτοῦ καὶ υἱὸν αὐτὸν ποιησάμενος. Но

вѣдь во всей рѣчи неоднократно говорится, что онъ завѣщалъ ему все имущество и усыновилъ его, въ § 5, какъ мы видѣли, прямо говорится ὡς διέθετο καὶ ἐποιήσατο υἱὸν τουτονί и т. п.

Итакъ мы видимъ, что теорія Шулина, какъ по отношенію къ этому Mittelding, такъ и по отношенію къ слову δοῦναι, оказывается вполнѣ неосновательною. Такой третьей формы завѣщаній никогда не было и выраженія δοῦναι и διαθέσθαι ораторами употребляются столь неопредѣленно и непослѣдовательно, что изъ одного упоминанія и употребленія того или другого слова никакихъ заключеній выводить нельзя. Что же касается упомянутой второй формы завѣщаній, то мы не отрицаемъ, что она вѣроятно уже существовала во времена Исея, Демосѳена и ихъ современниковъ. Мы только утверждаемъ, что мнѣніе тѣхъ ученыхъ, которые полагаютъ, что въ словѣ διδόναι слѣдуетъ видѣть технический терминъ, обозначающій этотъ второй родъ завѣщаній, вполнѣ превратное. Мы не можемъ себѣ представить, чтобы въ первомъ родѣ завѣщаній наслѣдодатель въ своемъ завѣщаніи не употреблялъ глагола δίδωμι. Слово это одно изъ самыхъ употребительныхъ и даже какъ-бы само напрашивается. Притомъ не слѣдуетъ забывать, что Греки не придавали особенно большаго значенія юридической терминологіи: они, повидимому, обходились и безъ этого, а ораторы, быть можетъ, были этимъ весьма довольны; мы же, съ другой стороны, вслѣдствіе этого не въ состояніи точно рѣшать множества весьма интересныхъ вопросовъ. Существовала-ли между δοῦναι τὰ ἑαυτοῦ и διαθέσθαι существенная разница и если да, то какая именно — точно опредѣлить нельзя. Всѣ попытки разъясненія этого вопроса въ крайнемъ случаѣ будутъ только болѣе или менѣе правдоподобными. Въ нашей рѣчи выраженія эти въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вполнѣ синонимны, въ другихъ они какъ будто различны см. § 52: ὡς οὐ δόντος οὐδὲ διαθεμένου и § 62: οὐκ ἔδωκεν οὐδὲ διέθετο.

Хэрестратъ, стало быть, былъ усыновленъ по завѣщанію, онъ принадлежалъ, поэтому, къ той категоріи наслѣдниковъ, которые не могли вступить въ обладаніе наслѣдствомъ безъ выраженія намѣренія вступить въ наслѣдство и безъ утвержденія въ правахъ наслѣдованія. Онъ, поэтому, явился къ архонту и подалъ λῆξιν (§§ 3 сл.). Между тѣмъ какъ любому Аѳинянину, какъ мы видѣли, было позволено протестовать и этимъ довести дѣло до судебнаго разбирательства, Андроклъ, говоритъ Исей, подалъ діамартирію, въ которой утверждалъ, что наслѣдство совсѣмъ не можетъ считаться спорнымъ (διεμαρτύρησεν Ἀνδροκλῆς

οὗτοσὶ μὴ ἐπίδικον εἶναι τὸν κλῆρον), намѣреваясь такимъ образомъ прекратить всякое судебное разбирательство и присвоить себѣ наслѣдство.

Такъ какъ характеръ діамартирій вполнѣ опредѣленъ [1]), то мы въ подробности пускаться не будемъ. Достаточно будетъ замѣтить, что διαμαρτυρία (дословно = подтвержденіе свидѣтельствомъ) встрѣчное требованіе (exceptio), которое должно быть предъявлено до производства дѣла (Bekker, Anecdota 236: ἡ διαμαρτυρία πρὸ δίκης ἢ διαδικασίας ἐγίνετο περὶ τοῦ εἰσαγώγιμον αὐτὴν εἶναι ἢ μὴ εἰσαγώγιμον) и которое, какъ явствуетъ изъ самого названія, должно было быть подтверждено свидѣтельствомъ, при чемъ даже не требовалось, чтобы это было непремѣнно постороннее лицо, не состоящее къ спорному дѣлу или къ данной сторонѣ въ тѣсныхъ отношеніяхъ, такъ что показанія его могли казаться пристрастными: подающій діамартирію могъ самъ быть свидѣтелемъ по собственному дѣлу! Противникъ за то со своей стороны могъ обвинять его въ лжесвидѣтельствѣ (ψευδομαρτυριῶν). Въ этомъ случаѣ производство дѣла обязательно прекращалось до рѣшенія этого новаго вопроса (δίκη ψευδομαρτυριῶν). При этомъ подавшій діамартирію долженъ былъ въ обезпеченіе иска внести денежный залогъ (παρακαταβολή, παρακαταβάλλειν), равняющійся десятой части спорнаго наслѣдства. Если свидѣтельство оказывалось ложнымъ, то онъ терялъ этотъ залогъ въ пользу противника; если же онъ выигрывалъ дѣло, то не только получалъ свои деньги обратно, но противникъ долженъ былъ ему еще заплатить шестую долю наслѣдства (ἐπωβελία), если имѣлъ несчастіе не получить на свою сторону даже пятой части голосовъ своихъ судей. Притомъ — хотя это само собою разумѣется — если подавшій διαμαρτυρίαν μὴ ἐπίδικον εἶναι τὸν κλῆρον выигрывалъ дѣло, то этимъ прекращалось и первое дѣло, такъ какъ онъ же или его кліентъ являлся законнымъ и безспорнымъ наслѣдникомъ; если же онъ проигрывалъ процессъ, то приступали къ разбирательству перваго дѣла (διαδικασία), начавшагося съ подачи упомянутой λῆξις. Вотъ въ краткихъ чертахъ то, что намъ извѣстно о діамартиріи.

Въ нашей рѣчи Андроклъ, стало быть, подалъ такую діамартирію (мы говоримъ — подалъ, ибо διαμαρτυρία подавалась

---

1) Ср. Meier-Schoemann-Lipsius, l. c. стр. 842 сл., 604, 817; Beauchet, l. c. стр. 595 сл.; Caillemer, l. c. стр. 155 сл.

письменно, ср. напр. также § 62 нашей рѣчи, гдѣ говорится: Δέομαι οὖν ὑμῶν τῇ διαμαρτυρίᾳ τὸν νοῦν προσέχειν . . . . γέγραπται ὡς οὐκ ἔδωκεν οὐδὲ διέθετο Φιλοκτήμων) и заплатилъ денежный залогъ (§ 12 παρακατέβαλον). Прежде чѣмъ идти дальше, мы должны остановиться на вопросѣ, который возникъ по поводу этого οὗτοι παρακατέβαλον и другихъ случаевъ, гдѣ также употреблено множественное число. Спрашивается, кто же подалъ эту діамартирію, одинъ ли Андроклъ или нѣсколько лицъ? Мнѣнія ученыхъ нѣсколько расходятся, но большинство всетаки увѣрено, что діамартирію подалъ только Андроклъ; Dareste (trad.), очевидно, полагаетъ, что лучше всего diligere auream mediocritatem и поэтому на стр. 104 и 127 называетъ Андрокла и Антидора, а на стр. 105 одного Андрокла. Исей въ § 4, правда, совершенно точно говоритъ διεμαρτύρησεν Ἀνδροκλῆς οὑτοσὶ μὴ ἐπίδικον εἶναι τὸν κλῆρον, (ср. также § 5 ἃ διαμεμαρτύρηκεν Ἀνδροκλῆς, § 26 σὺ μεμαρτύρηκας, § 28 ὁ Ἀνδροκλῆς μεμαρτύρηκε, § 65 διεμαρτύρησεν), такъ что, собственно говоря, нельзя было бы и сомнѣваться въ томъ, что онъ одинъ ее подалъ. Однако на самомъ дѣлѣ вопросъ этотъ затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что иногда употребляется множественное число (напр. § 12 οὗτοι παρακατέβαλον, § 43 διεμαρτύρουν, § 44 οἵτινες διαμεμαρτυρήκασιν) т. е. говорится объ Андроклѣ и Антидорѣ. Какъ же тутъ быть? Слѣдуетъ ли и здѣсь предположить, что всѣ они подали діамартирію и Андроклъ потому только иногда одинъ упоминается, что былъ главою противной партіи? Buermann [1]) находитъ это вполнѣ невозможнымъ и немыслимымъ: „Eine Mehrzahl von Zeugen widerspricht dem Wesen der Diamartyrie, weil der durch dieselbe erhobene Einwand (μὴ ἐπίδικον εἶναι τὸν κλῆρον παίδων γνησίων ὄντων) unter allen Umständen, ohne dass die Berechtigung desselben vorher geprüft worden wäre, die Durchstreichung der Lexis zur Folge hatte; das Rechtsverfahren begann erst nach Einreichung der Klage wegen falschen Zeugnisses. Es wäre unter diesen Umständen vollkommen widersinnig gewesen, die Diamartyrie von mehreren Personen leisten zu lassen“. Мы, признаться, не одобряемъ этого мнѣнія Бюрманна, а полагаемъ, что Андроклъ и Антидоръ сообща подали діамартирію [2]). Въ VII рѣчи Исея (περὶ τοῦ Ἀπολλοδώρου κλήρου) § 3 совершенно ясно говорится: ἀποδεχομένους τὰς διαμαρτυρίας . . . .,

1) Ср. Hermes XIX 1884, стр. 365.
2) Ср. объ этомъ Гл. II стр. 97 сл.

κἂν μάρτυρας προυβαλόμην μὴ ἐπίδικον εἶναι τὸν κλῆρον. Buermann требуетъ, чтобы μάρτυρας было обязательно превращено въ μάρτυρα, однако съ такимъ насильственнымъ устраненіемъ этого свидѣтельства мы согласиться не можемъ. Притомъ мы не понимаемъ, почему въ нашей VI рѣчи оба брата (Андроклъ и Антидоръ) не могли сообща заявить, что дѣло о спорномъ наслѣдствѣ совсѣмъ не подлежитъ суду. Что въ этомъ страннаго или нелѣпаго? Что же касается упомянутыхъ формъ въ единственномъ числѣ, то этими формами просто обозначается Андроклъ какъ глава противной партіи [1]).

Итакъ Андроклъ и Антидоръ подали діамартирію и заплатили денежный залогъ. Хэрестратъ же со своей стороны обвинилъ ихъ въ лжесвидѣтельствѣ (ψευδομαρτυριῶν). Вслѣдствіи этого главное дѣло пока прекратилось и началась δίκη ψευδομαρτυριῶν. Дѣло, по которому была произнесена наша рѣчь, есть именно эта δίκη ψευδομαρτυριῶν.

Обратимся теперь къ содержанію этой діамартиріи. Возстановить содержаніе не трудно, такъ какъ наша рѣчь именно направлена противъ этой діамартиріи и ораторъ, поэтому, не только неоднократно упоминаетъ ея отдѣльные пункты, но въ заключеніи (§§ 62 сл.) еще разъ резюмируетъ свои результаты и при этомъ еще разъ называетъ эти пункты; только третій пунктъ возстановленъ при помощи § 10, такъ какъ въ § 64 этотъ пунктъ только парафразируется. Ἀνδροκλῆς, стало быть, διεμαρτύρησεν μὴ ἐπίδικον εἶναι τὸν κλῆρον, ссылаясь на то, что

1) οὐκ ἔδωκεν οὐδὲ διέθετο Φιλοκτήμων. τί ἔτι;
2) τελευτῆσαι ἄπαιδα Φιλοκτήμονα. προσδιαμεμαρτύρηκεν
3) υἱοὺς εἶναι γνησίους Εὐκτήμονος τούτους.

Хэрестратъ же обвинялъ его въ лжесвидѣтельствѣ и доказывалъ, что Филоктемонъ составилъ завѣщаніе, что онъ усыновилъ его и, стало быть, не умеръ ἄπαις и что, наконецъ, это не законныя дѣти Евктемона, а напротивъ дѣти публичной женщины Алки и нѣкоего Діона. Но Хэрестратъ — или, точнѣе, его συνήγορος — не удовольствовался этимъ, а сверхъ того еще доказывалъ, что по отношенію къ первымъ пунктамъ Андроклъ не имѣлъ права подать діамартиріи. Онъ былъ бы въ правѣ сдѣлать это, еслибы утверждалъ, что Филоктемонъ по какой-нибудь

1) Ср. напр. также III рѣчь (περὶ τοῦ Πύρρου κλήρου) § 23 сл. гдѣ то упоминается одинъ Ξενοκλῆς, то οὗτοι.

уважительной причинѣ не имѣлъ права составить завѣщаніе. Ораторъ доказываетъ, что не только никакой такой причины не было и быть не могло, но что и самъ Андроклъ на такую причину не сослался. Если же, однако, Филоктемонъ имѣлъ право составить завѣщаніе и Андроклъ, какъ видно, только отрицаетъ составленіе таковаго, то онъ долженъ былъ завести съ нимъ прямую тяжбу (εὐθυδικίᾳ εἰσιέναι), какъ и всякое другое лицо, желающее ἀμφισβητεῖν τοῦ κλήρου, а не подавать діамартиріи, ср. § 52: „εἰ μὲν διέθετο Φιλοκτήμων μὴ ἐξὸν αὐτῷ, τοῦτ' αὐτὸ ἐχρῆν διαμαρτυρεῖν, ὡς οὐ κύριος ἦν υἱὸν τόνδε ποιήσασθαι. εἰ δ' ἐξῆν μὲν διαθέσθαι, ἀμφισβητεῖ δὲ ὡς οὐ δόντος οὐδὲ διαθεμένου, μὴ διαμαρτυρίᾳ κωλύειν ἀλλ' εὐθυδικίᾳ εἰσιέναι". Наконецъ Хэрестратъ указываетъ также на то, что Андроклъ самому себѣ противорѣчитъ, если теперь въ своей діамартиріи утверждаетъ, что наслѣдство не ἐπίδικον. Эта діамартирія, какъ мы видѣли въ I главѣ [1]), представляетъ вторую интригу: первая же состояла въ томъ, что Андроклъ, какъ ближайшій родственникъ, требовалъ руки вдовы Хэрея, какъ дочери — наслѣдницы (ἐπίκληρος), и вмѣстѣ съ нею наслѣдство Евктемона. Хэрестратъ совершенно справедливо указываетъ на то, что Андроклъ этимъ самъ сознался, что наслѣдство это ἐπίδικον — теперь же онъ утверждаетъ, что оно μὴ ἐπίδικον!

На этой первой интригѣ Андрокла намъ придется теперь нѣсколько остановиться. Что вдова Хэрея была одною изъ дочерей Евктемона, что мужъ ея умеръ вскорѣ послѣ смерти Филоктемона, что Андроклъ, по всей вѣроятности, былъ ея двоюроднымъ братомъ и, поэтому, имѣлъ право требовать ея руки — объ этомъ мы уже подробно говорили во второй главѣ [2]). О дочеряхъ-наслѣдницахъ мы здѣсь говорить не будемъ, такъ какъ въ нашей рѣчи только одинъ спорный вопросъ, о которомъ мы сейчасъ будемъ говорить; распространяться же вообще объ епиклерахъ здѣсь не мѣсто [3]). Достаточно будетъ замѣтить, что ближайшій родственникъ могъ жениться на дочери-наслѣдницѣ

1) Ср. Гл. I стр. 38.

2) Ср. Гл. II стр. 49 сл. и 71 сл.

3) Ср. E. Hafter, Die Erbtochter nach attischem Recht, Leipzig 1887; Hermann-Thalheim, l. c.[4] стр. 66 въ прим. 2; Hruza, Beiträge zur Geschichte des griech. u. röm. Familienrechts, I стр. 90—118; Beauchet, l. c. I стр. 398—487, III стр. 465 сл.; Meier-Schoemann-Lipsius, l. c. стр. 575 сл. и 614 сл.; Caillemer, l. c. стр. 36 сл.

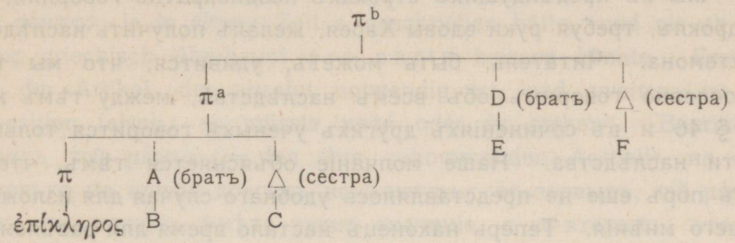
даже тогда, когда она уже была замужемъ; епиклера въ такомъ случаѣ могла выбирать одно изъ двухъ, или развестись съ мужемъ и выйти замужъ за ближайшаго родственника, или же вмѣстѣ съ мужемъ отказаться отъ наслѣдства. Во избѣжаніе этого дочерей-наслѣдницъ обыкновенно выдавали замужъ за такихъ близкихъ родственниковъ, или наслѣдодатель завѣщалъ свое имущество своему зятю, точно также какъ онъ и имѣлъ право завѣщать свое имущество другому лицу съ тѣмъ, чтобы тотъ женился на его дочери. И въ томъ и въ другомъ случаѣ, правда, могло случаться, что завѣщаніе по какой-нибудь причинѣ объявлялось недѣйствительнымъ. Если же такого завѣщанія не было, то ближайшій родственникъ могъ или долженъ былъ на ней жениться. Онъ м о г ъ на ней жениться, если она была состоятельна, но онъ могъ въ такомъ случаѣ также отказаться отъ этого; онъ д о л ж е н ъ былъ на ней жениться, если она была бѣдна и принадлежала къ четвертому классу т. е. къ сословію θῆτες (θῆσσα), или если онъ самъ принадлежалъ къ другому сословію и поэтому не желалъ на ней жениться, то долженъ былъ во всякомъ случаѣ дать ей порядочное приданое [1]). Но какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ ни дочь-наслѣдница, ни тотъ, за котораго она по смерти наслѣдодателя выходила замужъ, не считались законными наслѣдниками. Таковымъ могъ сдѣлаться только ихъ сынъ (θυγατριδούς), которому они по достиженіи совершеннолѣтія должны были передать все имущество. Если же этотъ мужъ оказывался неспособнымъ къ дѣторожденію, то жена покидала его и выходила замужъ за другого близкаго родственника, что совершенно естественно, такъ какъ цѣль этого брака состояла именно въ рожденіи наслѣдника [2]).

---

1) Ср. кстати также E. D r e r u p, Ueber die bei den attischen Rednern eingelegten Urkunden, Jahrbücher f. class. Philologie, Suppl. 24, Lpz. 1898 стр. 295 сл.

2) D a r e s t e, Nouvelle revue historique de droit XIX, 1895 „Une prétendue loi de Solon“ стр. 5 сл. = Revue des études grecques VIII 1895 стр. 1 сл. (статья эта напечатана цѣликомъ и дословно и въ томъ и другомъ журналѣ; голословно это мнѣніе было уже высказано имъ же въ La science du droit en Grèce, Paris 1893 стр. 66) доказалъ, что у Plut. Solon c. 20 ἐπύεσθαι = „nubere, выходить замужъ“. Въ гортинскомъ правѣ глаголъ этотъ встрѣчается неоднократно и всегда имѣетъ это значеніе ср. нпр. VII 15 сл. τὰμ πατροΐϝκον ἐπυίεθαι ἀδελπιδι τᾶ πατρὸς τῶν ἰόντον τᾶι πρειγίστοι. Все, что прежніе ученые сообщали по поводу этого мѣста, оказывается, поэтому, вполнѣ превратнымъ.

Какіе же родственники считались ближайшими по отношенію къ дочери-наслѣдницѣ? Мы вкратцѣ говорили объ этомъ уже во второй главѣ [1]) и здѣсь, поэтому, приведемъ только таблицу [2]).



Есть, правда, по отношенію къ епиклерамъ кое-что, что еще не совсѣмъ точно опредѣлено; но такъ какъ въ нашей рѣчи нѣтъ ничего такого, что бы способствовало разрѣшенію этихъ вопросовъ или по крайней мѣрѣ заставляло насъ остановиться на нихъ, то мы просто укажемъ на нѣкоторые спорные вопросы, пользуясь при этомъ словами Hitzig'a (Zeitschrift f. Rechtsgeschichte, 1897 XVIII Rom. Abth. стр. 158): „Vieles bleibt aber noch unsicher. Die Controversen beziehen sich namentlich auf folgende Punkte: Erforderniss des heirathsfähigen Alters bei der Erbtochter, Bestimmung des Erbtochtermannes bei Mehrheit der Prätendenten, rechtliche Stellung des Erbtochtersohns, Erforderniss einer Nachadoption u. A".

Андроклъ, стало быть, требовалъ руки вдовы Хэрея, желая такимъ образомъ получить наслѣдство Евктемона. Мы только что видѣли, что онъ, какъ ближайшій родственникъ, имѣлъ полное право на это. Однако тутъ намъ слѣдуетъ оговориться. Во-первыхъ, какъ мы уже замѣтили, ни онъ ни будущая жена его не получили бы наслѣдства лично для себя; (этотъ ловкій пройдоха, впрочемъ, съумѣлъ бы уже израсходовать и промотать это имущество своего будущаго сына до наступленія совершеннолѣтія послѣдняго). Во-вторыхъ, вдова Хэрея могла только въ такомъ случаѣ считаться епиклерой, если отецъ ея не оставилъ по себѣ законныхъ сыновей и если изъ послѣднихъ никто не

1) Ср. Гл. II 8 стр. 71.

2) Такую таблицу можно также найти у Guiraud, l. c. стр. 215. И въ этомъ случаѣ результаты уже давнымъ давно опредѣлены, такъ что разногласій быть не можетъ. Что же касается употребленныхъ нами буквъ, то ср. выше стр. 220 сл. и прим. 1; знакомъ △ мы обозначаемъ женщину. У Guiraud другіе знаки.

оставилъ по себѣ ни законныхъ сыновей, ни усыновленныхъ. Такъ какъ Хэрестратъ былъ усыновленъ Филоктемономъ, то вдова Хэрея не могла считаться епиклерой.

Мы въ предъидущихъ строкахъ неоднократно говорили, что Андроклъ, требуя руки вдовы Хэрея, желалъ получить наслѣдство Евктемона. Читатель, быть можетъ, удивится, что мы такъ голословно говоримъ объ всемъ наслѣдствѣ, между тѣмъ какъ въ § 46 и въ сочиненіяхъ другихъ ученыхъ говорится только о части наслѣдства. Наше молчаніе объясняется тѣмъ, что до сихъ поръ еще не представлялось удобнаго случая для изложенія нашего мнѣнія. Теперь наконецъ настало время для разъясненія этой crux philologorum et iuris peritorum. Это именно и есть тотъ спорный вопросъ, на который мы выше указали и который вызвалъ всевозможныя толкованія. Въ § 46 мы читаемъ слѣдующее: „ὅστις εἴληχε μὲν αὐτῷ τῆς θυγατρὸς τῆς Εὐκτήμονος ὡς οὔσης ἐπικλήρου, καὶ αὐτοῦ τοῦ κλήρου τοῦ Εὐκτήμονος πέμπτου μέρους ὡς ἐπιδίκου ὄντος. Если Исей дѣйствительно написалъ эти слова, то выходитъ, что Андроклъ получилъ бы пятую часть наслѣдства. Какъ же это выходитъ? Прежніе ученые ссылались на то, что были же двѣ сестры (вдова Хэрея и жена Фаностратa), у первой была дочь, у второй два сына, такъ что всего было 5 лицъ. Однако мнѣніе это превратно, такъ какъ дѣленія in capita въ Греціи не было: наслѣдство, какъ мы видѣли (стр. 210), распредѣлялось между наслѣдниками не поголовно, а поколѣнно (in stirpes). Такимъ образомъ устраняется всякая возможность объясненія этихъ словъ и обязательно нужно предположить, что Исей этихъ словъ написать не могъ. Что же, однако, было имъ написано? Мнѣнія ученыхъ значительно расходятся [1]). Boor, Scheibe и Lipsius у Meier-Schoemann'a оставляютъ вопросъ открытымъ, какъ исправить эти слова. Hermann предложилъ читать ἐπὶ μέρους и эту конъектуру одобрили Caillemer, Es, Schneider и Beauchet. Keil совершенно вѣрно говоритъ: „die alte Konjektur

1) Ср. Schoemann, edit. стр. 319 сл.; Grasshoff, Symbolae ad doctrinam iuris attici. I: de successione ab intestato, Berlin 1877 стр. 23 сл.; de Boor, Ueber das attische Intestat-Erbrecht, Hamburg 1838 стр. 45; Scheibe, praef. стр. XXX; C. Fr. Hermann, Rec. von Boor, въ Zeitschrift für Alterthumswiss. 1840 стр. 49 сл.; Schneider, de iure hereditario Atheniensium, Мюнхенъ 1851 стр. 20; Caillemer, l. c. стр. 54 сл.: Buermann, Hermes XIX 1884 стр. 364 сл.; Meier-Schoemann-Lipsius, стр. 576; Beauchet, l. c. III 469 сл.; Dareste, trad. стр. 104 и 127; B. Keil, въ Berlin. philol. Wochenschrift 1899 стр. 989 сл.

von C. F. Hermann ἐπὶ (stat πέμπτου) samt dem paläographischen Sande, den Hermann der Kritik in die Augen zu streuen versuchte[1]) (ε$^{\pi}_{-ου}$ = ἐπὶ aus ε$^{-ου}_{\pi}$ = πέμπτου). Als ob man πέμπτου je in älterer Zeit ε$^{-ου}_{\pi}$ geschrieben hätte, und als ob ἐπὶ μέρους griechisch überhaupt pro parte heissen könnte. Erstens fehlt der Artikel, der absolut notwendig ist, und zweitens ist die Präposition falsch; es müsste κατά oder ἐκ stehen". Buermann читаетъ τοῦ μέρους (= den ihm zukommenden Antheil), но это нисколько не лучше другихъ конъектуръ: во-первыхъ, τοῦ μέρους врядъ ли можетъ имѣть такое значеніе, а во-вторыхъ, стоитъ только выписать слова καὶ αὐτοῦ τοῦ κλήρου τοῦ Εὐκτήμονος τοῦ μέρους ὡς ἐπιδίκου ὄντος, чтобы понять, какъ нелѣпа эта конъектура; притомъ, какую бы мы ни придумали конъектуру, безъ исключенія всѣ уничтожаютъ параллелизмъ, заключающійся въ словахъ Исея, у котораго мы читаемъ слѣдующее: ὅστις εἴληχε μὲν

αὐτῷ τῆς θυγατρὸς τῆς Εὐκτήμονος ὡς οὔσης ἐπικλήρου, καὶ αὐτοῦ τοῦ κλήρου τοῦ Εὐκτήμονος ὡς ἐπιδίκου ὄντος.

Наконецъ было бы странно, еслибы только часть наслѣдства была названа ἐπίδικος, тѣмъ болѣе, что въ томъ же параграфѣ говорится οὐδὲ ὁ κλῆρος ἐπίδικος. Dareste на стр. 104 просто пишетъ: „la cinquième partie de la succession", на стр. 127 напротивъ: „Le texte porte πέμπτου μέρους, la cinquième partie, leçon évidemment fautive (!)" .... „Peut-être faut-il lire ἡμισοῦς (sic! должно быть ἡμίσεος; у позднѣйшихъ авторовъ ἡμίσους) μέρους, ou simplement ἐκ μέρους. Dans ce dernier cas le copiste aurait confondu le mot ἐκ avec le signe έ qui veut dire cinq".

Все это такъ искустственно и странно, что на этомъ и останавливаться не стоитъ, тѣмъ болѣе, что всѣ эти попытки вполнѣ напрасны. Grasshoff и Keil совершенно вѣрно замѣтили, что слова πέμπτου μέρους больше ничего какъ нелѣпая интерполяція какого-нибудь читателя. Слова эти уже сами по себѣ тутъ немыслимы, такъ какъ они, какъ вѣрно замѣчаетъ Grasshoff, conturbant concinnitatem этого предложенія: слѣдуетъ просто читать καὶ αὐτοῦ τοῦ κλήρου τοῦ Εὐκτήμονος ὡς ἐπιδίκου ὄντος. Притомъ въ §§ 4, 57 и 58 мы читаемъ то же самое, но безъ упоминанія доли ср. напр. § 57 εἴληχε δ' αὐτὸς [ἐφ'] ἑαυτῷ τοῦ Εὐκτήμονος κλήρου καὶ

1) Обращаемъ вниманіе читателя на своеобразную прелесть (?) этихъ словъ Кейля; эти слова, конечно, подчеркнуты нами.

τῆς θυγατρὸς αὐτοῦ ὡς οὔσης ἐπικλήρου. Однако Grasshoff и Keil, которые по чисто внѣшнимъ причинамъ совершенно справедливо исключили эти слова изъ текста, не смотря на то всетаки увѣрены, что Андроклъ могъ получить только опредѣленную часть наслѣдства. Вотъ какъ напр. Keil толкуетъ это мѣсто: „Der Zweck des Redners ist natürlich, die Unverschämtheit des Androkles so gross wie möglich erscheinen zu lassen; dessen Forderungen werden also womöglich übertrieben: nicht den ihm zukommenden Teil des Erbes beansprucht er, sondern das ganze: § 4 . . . . und ebenso § 57 . . . . Man sieht, in § 46 hat der Redner dasselbe sagen müssen". Такъ ли это? Дѣйствительно ли ораторъ преувеличилъ требованія Андрокла? Мы этого не находимъ и поэтому теперь постараемся обосновать свое мнѣніе.

Интересное и важное сочиненіе L. Mitteis'a „Reichsrecht und Volksrecht in den östlichen Provinzen des römischen Kaiserreichs, mit Beiträgen zur Kenntniss des griechischen Rechts, Leipzig 1891", къ сожалѣнію, многимъ ученымъ, изучающимъ греческое право, еще не служитъ обязательною настольною книгою, а у другихъ эта книга, быть можетъ, и лежитъ на столѣ, только они въ нее не заглядываютъ. Къ числу важнѣйшихъ главъ принадлежитъ и VIII: „Zur Geschichte des Dotalrechts" стр. 230 сл. Mitteis тамъ установилъ три важныя аксіомы:

I. „Die Mitgift ist ein Eigenthum der Frau, an welchem dem Mann — abgesehen von der Nutzungsbefugniss — kein weiteres Recht zusteht.
II. Die vom Vater bestellte Mitgift ist ein Eigenthum der Tochter, welches bei Auflösung der Ehe nicht an den Vater zurückfällt, sondern auf die Kinder der Frau vererbt wird.
III. Die vom Vater bestellte Mitgift enthält eine Erbabfindung der Tochter".

Аксіомы эти затѣмъ доказываются имъ подробно и убѣдительно. Насъ здѣсь интересуетъ главнымъ образомъ третья аксіома, которая обоснована на стр. 236 сл.; ср. также статейку Mitteis'a въ журналѣ Hermes 32 (1897) стр. 654 сл. Мы вполнѣ соглашаемся съ нимъ т. е. и мы увѣрены, что если дочь вышла замужъ и получила отъ отца приданое, то послѣ смерти послѣдняго она не могла быть его наслѣдницей. Изъ дочерей Евктемона и та и другая вышли замужъ, онѣ, стало быть, получили приданое и, слѣдовательно, не могли сдѣлаться его наслѣдницами. Все это, однако, относится только къ тому случаю, если у нихъ были братья или дѣти послѣднихъ (законныя или усыновленныя).

Незамужнія же дочери при братьяхъ также наслѣдственнаго права не имѣли: братья должны были ихъ содержать и, когда онѣ выходили за-мужъ, давать имъ приданое. Такъ какъ усыновленные ни въ чемъ не отличались отъ законныхъ дѣтей, то Хэрестратъ долженъ былъ считаться единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ. Андроклъ, какъ мы видѣли, оспариваетъ самый фактъ усыновленія. Только въ томъ случаѣ, еслибы ему удалось доказать это, дочери Евктемона могли считаться дочерьми-наслѣдницами. Обстоятельство это, впрочемъ, не находится въ противорѣчіи съ вышеупомянутой аксіомой, такъ какъ не онѣ же считались наслѣдницами, а будущіе сыновья ихъ.

Мы въ предъидущихъ строкахъ назвали обѣихъ дочерей, такъ что, повидимому, и мы того мнѣнія, что Андроклу пришлось бы подѣлиться съ женой Фаностратa. Однако это противорѣчіе на самомъ дѣлѣ только мнимое. Мы, конечно, нисколько не отрицаемъ, что фактическими дочерьми-наслѣдницами могли одновременно сдѣлаться обѣ сестры — мы только утверждаемъ, что Исей въ этомъ случаѣ не преувеличиваетъ требованій Андрокла, а что послѣдній дѣйствительно говорилъ только о вдовѣ Хэрея, какъ единственной епиклерѣ, и обо всемъ наслѣдствѣ Евктемона. Мы полагаемъ, что жена Фаностратa, хотя въ вышеупомянутомъ случаѣ имѣла бы полное право на это, не смотря на то всетаки не сдѣлалась бы епиклерой. Такъ какъ мужъ ея Фаностратъ былъ еще живъ, то ей, чтобы сдѣлаться епиклерой, пришлось бы развестись съ мужемъ и выйти за-мужъ за ближайшаго родственника т. е. Антидора, стало быть за человѣка, который вмѣстѣ съ Андрокломъ прилагалъ все стараніе, чтобы лишить ея прежняго сына Хэрестратa завѣщаннаго ему наслѣдства. Этого она, конечно, никогда бы не сдѣлала, тѣмъ болѣе, что она съ мужемъ принадлежала къ числу самыхъ богатыхъ аѳинскихъ гражданъ. Она вѣдь имѣла полное право отказаться отъ наслѣдства и несомнѣнно поступила бы такъ, что, конечно, было хорошо извѣстно всѣмъ участвующимъ въ этомъ процессѣ. Андроклъ, поэтому, совершенно справедливо говорилъ только объ одной епиклерѣ и обо всемъ наслѣдствѣ Евктемона.

Если присоединиться къ этому нашему толкованію этихъ обстоятельствъ, то всѣ эти мѣста объясняются совершенно просто безъ всякой натяжки. Въ доказательство мы выпишемъ здѣсь всѣ мѣста: § 4 οἴεται . . τὸν κλῆρον ἀνεπίδικον ἔξειν αὐτός, καὶ τῆς ἀδελφῆς τῆς ἐκείνου κύριος γενήσεσθαι. § 46: ὅστις εἴληχε μὲν αὐτῷ τῆς θυγατρὸς τῆς Εὐκτήμονος ὡς οὔσης ἐπικλήρου, καὶ αὐτοῦ

τοῦ κλήρου τοῦ Εὐκτήμονος ὡς ἐπιδίκου ὄντος[1]). § 40: οὐ γὰρ δήπου γνησίου ὄντος υἱέος Εὐκτήμονι ἐπίκληρος ἂν ἦν ἡ θυγάτηρ αὐτοῦ, οὐδὲ ὁ κλῆρος ἐπίδικος. § 57 εἵλεχε ὁ αὐτὸς [ἐφ'] ἑαυτῷ τοῦ Εὐκτήμονος κλήρου καὶ τῆς θυγατρὸς αὐτοῦ ὡς οὔσης ἐπικλήρου. § 58 ἑαυτῷ λαγχάνειν τοῦ Εὐκτήμονος κλήρου καὶ τῆς θυγατρὸς αὐτοῦ ὡς οὔσης ἐπιδίκου. Мы полагаемъ, что всѣ эти мѣста до того ясны, что и словъ по пустому тратить не стоитъ; для насъ просто непонятно, какъ можно этимъ словамъ придавать иной смыслъ.

Есть, правда, въ нашей рѣчи три мѣста, которыя, какъ будто, не вяжутся съ нашимъ толкованіемъ, а именно § 30: τῆς γὰρ φανερᾶς οὐσίας οὐδένα κύριον ἔσεσθαι τελευτήσαντος Εὐκτήμονος ἄλλον ἢ τὰς θυγατέρας καὶ τοὺς ἐκ τούτων γεγονότας. § 47: Ἀνδροκλῆς καὶ Ἀντίδωρος οἴονται δεῖν, ἀφελόμενοι τὰς Εὐκτήμονος θυγατέρας τὰς γνησίας καὶ τοὺς ἐκ τούτων γεγονότας, τόν τε Εὐκτήμονος οἶκον καὶ τὸν Φιλοκτήμονος ἔχειν. § 56: πότερον δικαιότερον, τῶν Εὐκτήμονος κληρονομεῖν τὰς ἐκείνου θυγατέρας, ὁμολογουμένως οὔσας γνησίας, καὶ [ἡμᾶς] τοὺς ἐκ τούτων γεγονότας, ἢ τοὺς οὐδὲν προσήκοντας. Однако мѣста эти на самомъ дѣлѣ никакой доказательной силы не имѣютъ. Во-первыхъ, здѣсь вездѣ называются дѣти этихъ дочерей, которыя въ нашемъ случаѣ никакой роли играть не могли; единственное дитя, которое дѣйствительно играло важную роль, это сынъ жены Фанострата — Хэрестратъ, но не потому, что это былъ ея сынъ, а потому, что онъ былъ усыновленъ Филоктемономъ, такъ что и здѣсь онъ упомянутъ совершенно не кстати. Если же такимъ образомъ доказано, что упоминаніе дѣтей тутъ вполнѣ неумѣстно и превратно, то, во-вторыхъ, совершенно ясно, что и къ упоминанію обѣихъ сестеръ слѣдуетъ относиться съ величайшимъ подозрѣніемъ, мало того — если доказано, что ораторъ въ первомъ случаѣ (т. е. по отношенію къ дѣтямъ) не смотрѣлъ серьезно на это дѣло, а умышленно отступилъ отъ правды, то и остальное, что высказывается въ этихъ предложеніяхъ, совершенно очевидно столь же превратно, тѣмъ болѣе, что оно никакъ не вяжется съ вышеприведенными мѣстами. Притомъ мы уже выше замѣтили (стр. 215), что въ § 47 слова

1) Нѣкоторымъ, быть можетъ, покажется страннымъ, что мы выписали и это спорное мѣсто, по поводу котораго и написано все вышеизложенное. Мы, однако, обращаемъ вниманіе на то, что Grasshoff и Keil другого мнѣнія, и всетаки выбросили слова πέμπτου μέρους или замѣняющія ихъ конъектуры. Слова эти, какъ мы видѣли, во всякомъ случаѣ должны быть выброшены, такъ что и это мѣсто можетъ служить доказательствомъ.

τόν τε Εὐκτήμονος οἶκον καὶ τὸν Φιλοκτήμονος также довольно необыкновенныя и особенною ясностью похвастаться не могутъ. Оказывается, стало быть, что всѣ упомянутыя три предложенія весьма подозрительны и мы, поэтому, имъ, въ сравненіи съ вышеприведенными ясными и точными предложеніями, никакой доказательной силы приписывать не можемъ. Надѣемся, что вышеизложенное мнѣніе нами достаточно обосновано.

Перейдемъ теперь къ легатамъ (δωρεαί). Въ § 30 мы читаемъ слѣдующее: τῆς γὰρ φανερᾶς οὐσίας [1]) οὐδένα κύριον ἔσεσθαι τελευτήσαντος Εὐκτήμονος ἄλλον ἢ τὰς θυγατέρας καὶ τοὺς ἐκ τούτων γεγονότας. Изъ этого мѣста прежніе ученые обыкновенно заключали, что въ Аѳинахъ предметомъ легата могла быть исключительно οὐσία ἀφανής. Но такъ какъ послѣ важной и интересной статьи Caillemer'a [2]) никто изъ ученыхъ этого болѣе не утверждаетъ, то на этомъ превратномъ мнѣніи останавливаться не стоитъ. Мы знаемъ теперь, что въ Аѳинахъ было возможно назначать въ легатъ все что угодно и сколько угодно и кому бы то ни было. Никакихъ законныхъ постановленій или ограниченій не было. Это подтверждается духовными завѣщаніями, составленными Пасіономъ, отцомъ Демосѳена, Конономъ и др. „Le père, говоритъ Caillemer, n'avait pas le droit de dépouiller par testament ses enfants de leur qualité d'heritiers; mais, comme cette qualité reste toujours entière, alors même que le patrimoine est diminué par des legs particuliers, rien ne faisait obstacle à ce qu'un père pût avantager l'un de ses enfants, ou gratifier ses amis, pourvu que la disposition ne fût pas à titre universel". Притомъ не слѣдуетъ забывать, что еслибы прежніе ученые были правы, т. е. еслибы дѣйствительно существовалъ законъ, запрещавшій назначать въ легатъ предметъ, принадлежащій къ т. н. οὐσία φανερά, то законные наслѣдники отъ этого ничего бы не выиграли, puisqu'il eût suffi à un testateur de vendre ses immeubles [3]), de les transformer en argent, pour anéantir le droit de ses héritiers réservataires.

---

1) О значеніи выраженія φανερὰ οὐσία ср. гл. III § 2 стр. 142 сл.

2) Ср. E. Caillemer, Le droit de tester à Athènes, въ журналѣ Annuaire de l'association pour l'encouragement des études grecques en France, IV 1870, Paris (стр. 19—39) стр. 34 сл. Ср. также Meier-Schoemann-Lipsius, l. c. стр. 591 сл.; Schulin, l. c. стр. 25 сл.; Beauchet, l. c. III стр. 682 сл.; Hermann-Thalheim, l. c. стр. 73 сл.; Hille, de testamentis iure attico, стр. 28 сл.

3) Мы видѣли l. c., что οὐσία φανερά не соотвѣтствуетъ вполнѣ выраженію „immeuble, недвижимое имущество". Caillemer, впрочемъ, ошибается

Но какъ же объяснить наше мѣсто? Совершенно просто. Мы видѣли выше, что когда Филоктемонъ согласился допустить введеніе старшаго сына Алки, то было составлено особое духовное завѣщаніе. Въ этомъ завѣщаніи — хотя подробности не извѣстны — несомнѣнно было сказано, что Евктемонъ никому ничего больше не подаритъ и не продастъ изъ своего имущества. Вотъ почему Андроклъ и Антидоръ уговорили Евктемона уничтожить это завѣщаніе, и почему Евктемонъ требовалъ но не получилъ этого завѣщанія обратно. Все что сообщается у Исея по поводу уничтоженія этого завѣщанія (смотри объ этомъ ниже) ясно показываетъ, что это не обыкновенное завѣщаніе, а завѣщаніе связанное съ договоромъ: уничтоженіе этого завѣщанія уничтожало и договоръ, а этого, конечно, родственники Евктемона допустить не могли. Въ § 30, стало быть, совершенно своеобразный, единичный случай, изъ котораго нельзя извлекать закона. Объ упомянутомъ въ § 23 χωρίον ἕν, подаренномъ старшему сыну Алки, мы здѣсь говорить не станемъ, такъ какъ объ этомъ все болѣе или менѣе важное сообщили уже выше [1]).

Вотъ все, что мы сочли нужнымъ сообщить о наслѣдникахъ. Обратимся теперь къ краткому разбору того, что намъ извѣстно о духовномъ завѣщаніи; мы будемъ, конечно, опять только говорить о такихъ вопросахъ, которые какъ-нибудь связаны съ нашей рѣчью [2]).

Остановимся сначала на способности къ составленію завѣщанія. Мы читаемъ по поводу этого у Исея въ §§ 9 и 10 слѣдующее: οὗτοσὶ ὁ νόμος κοινὸς ἅπασι κεῖται, ἐξεῖναι τὰ ἑαυτοῦ διαθέσθαι, ἐὰν μὴ παῖδες ὦσι γνήσιοι ἄρρενες, ἐὰν μὴ ἄρα μανεὶς ἢ ὑπὸ γήρως ἢ δι' ἄλλο τι τῶν ἐν τῷ νόμῳ παρανοῶν διαθῆται . . . . ὅτι μὲν οὖν διέθετο καὶ ἐποιήσατο εὖ φρονῶν κτλ. И въ Греціи дѣйствительность завѣщанія находилась въ зависимости отъ двухъ условій: 1) правоспособности и 2) дѣеспособности.

Что касается, во-первыхъ, правоспособности, то аѳинское

также и въ томъ, что утверждаетъ, что легаты не могли превышать половины всего наслѣдства — опредѣленной границы не было.

1) См. Гл. III § 1 стр. 133.

2) О духовныхъ завѣщаніяхъ ср. въ особенности F. Schulin, Das griechische Testament, Basel 1882; Caillemer, Le droit de tester l. c. Beauchet, l. c. III стр. 656—709; Hille, de testamentis iure attico, Amsterdam 1898. Meier-Schoemann-Lipsius, l. c. стр. 592 сл.; Hermann-Thalheim, l. c. стр. 70 сл.

законодательство существенно отличалось отъ нашего. Между тѣмъ какъ въ нашемъ законодательствѣ нѣтъ въ этомъ отношеніи никакихъ ограниченій по національному принципу, въ Аѳинахъ только тѣ завѣщанія считались дѣйствительными, которыя были составлены либо полноправными гражданами, либо такими метойками и чужестранцами, которымъ были дарованы особыя привилегіи, какъ нпр. ἔγκτησις γῆς καὶ οἰκίας и т. п., и которые въ силу этихъ именно привилегій пріобрѣли и означенную правоспособность.

Что же касается втораго пункта т. е. дѣеспособности, то въ Аѳинахъ существовало не мало ограничивающихъ ее постановленій. Дѣеспособность зависѣла отъ пола (женщины могли самостоятельно т. е. безъ посредства своего κύριος завѣщать только такое имущество, стоимость котораго не превышала цѣны медимна ячменя; а такъ какъ медимнъ ячменя стоилъ 3—4 драхмъ, то такое имущество стоило всего только 75 коп. — 1 руб. !), возраста (несовершеннолѣтніе не имѣли права составить завѣщаніе) [1]), нормальнаго состоянія умственныхъ способностей (духовное завѣщаніе, составленное не въ здравомъ умѣ т. е. сумашедшимъ и умалишеннымъ, считалось недѣйствительнымъ) и свободы воли.

На послѣдній пунктъ указывается именно въ упомянутомъ § 9 нашей рѣчи. Законъ, о которомъ здѣсь говорится, былъ данъ Солономъ и нерѣдко, хотя и не всегда цѣликомъ (какъ и

---

1) Ср. Isae. or. X περὶ τοῦ Ἀριστάρχου κλήρου § 10: „παιδὸς γὰρ οὐκ ἔξεστι διαθήκην γενέσθαι· ὁ γὰρ νόμος διαρρήδην κωλύει παιδὶ μὴ ἐξεῖναι συμβάλλειν μηδὲ γυναικὶ πέρα μεδίμνου κριθῶν". O. Schulthess, Vormundschaft nach attischem Recht, Freiburg 1886 стр. 101 сл., совершенно вѣрно замѣтилъ, что женщины по отношенію къ дѣеспособности въ Аѳинахъ не были поставлены вполнѣ наравнѣ съ несовершеннолѣтними, т. е. не были вполнѣ лишены права совершать какія бы то ни было сдѣлки безъ согласія и посредства своего κύριος; къ тому же самому результату пришелъ и Caillemer, между тѣмъ какъ прежніе ученые на основаніи этого мѣста утверждали, что между женщинами и несовершеннолѣтними никакого различія не было. Теоретически, разумѣется, Schulthess и Caillemer правы, такъ какъ Исей этого нисколько не говоритъ. Но de facto, по правдѣ сказать, особенно большой и существенной разницы не было. Мы, конечно, хорошо знаемъ, что цѣны въ Аѳинахъ были несравненно ниже нашихъ и жизнь была гораздо дешевле. Тѣмъ не менѣе мы находимъ, что на привилегію самостоятельно завѣщать имущество равняющееся 75 копѣйкамъ или даже 1 рублю (!) нельзя смотрѣть вполнѣ серьезно. Охота же, нечего сказать, составлять духовное завѣщаніе только чтобы завѣщать эти гроши.

въ нашемъ случаѣ), приводится ораторами, ср. въ особ. Hyper. κατὰ Ἀθηνογένους § 17; Ps.-Demosth. or. XLVI κατὰ Στεφάνου B §§ 14 и 16. Въ § 14 послѣдней рѣчи мы читаемъ: „Σόλων εἰσήγει τὴν ἀρχήν, τὰ ἑαυτοῦ διαθέσθαι εἶναι, ὅπως ἂν ἐθέλῃ, ἂν μὴ παῖδες ὦσι γνήσιοι ἄρρενες, ἂν μὴ μανιῶν ἢ γήρως ἢ φαρμάκων ἢ νόσου ἕνεκα, ἢ γυναικὶ πειθόμενος, ὑπὸ τούτων τοῦ παρανοῶν, ἢ ὑπ' ἀνάγκης ἢ ὑπὸ δεσμοῦ καταληφθείς". У насъ, стало быть, приводится только начало этого закона.

На отдѣльныхъ выраженіяхъ мы здѣсь останавливаться не станемъ, такъ какъ значеніе ихъ общеизвѣстно. Обращаемъ только вниманіе на то, что если въ законѣ встрѣчается выраженіе ἢ νόσου ἕνεκα, то это не слѣдуетъ понимать такъ, какъ будто всякая болѣзнь сама по себѣ лишала больнаго дѣеспособности. Само собою разумѣется, что здѣсь говорится главнымъ образомъ о душевной болѣзни. Если поэтому въ § 21 нашей рѣчи объ Евктемонѣ говорится, что онъ οὕτω διετέθη εἴθ' ὑπὸ φαρμάκων εἴθ' ὑπὸ νόσου κτλ., то и въ этомъ случаѣ обязательно нужно разумѣть душевную болѣзнь. Ораторы, поэтому, вездѣ утверждаютъ, что такое-то лицо составило завѣщаніе νοῶν καὶ φρονῶν, εὖ νοῶν, εὖ φρονῶν и т. п. Что слово νόσος имѣло здѣсь это значеніе, въ этомъ сомнѣваться нельзя.

Можно ли, однако, смѣло утверждать — какъ это обыкновенно дѣлается — что въ этомъ законѣ подъ словомъ νόσος разумѣется исключительно душевная болѣзнь? Мы этого не думаемъ. О простыхъ болѣзняхъ, какъ мы видѣли, здѣсь, разумѣется, думать нельзя. Но мы не можемъ себѣ представить, чтобы люди по разнымъ физическимъ недостаткамъ неспособные къ выраженію своей воли ни письменно, ни устно, какъ нпр. глухонѣмые, могли по аѳинскимъ законамъ считаться способными къ составленію завѣщанія. По нашимъ законамъ завѣщанія, составленныя неграмотными глухонѣмыми, считаются недѣйствительными; Юстиніанъ призналъ недѣеспособными людей, родившихся глухонѣмыми; древнѣйшее же римское право безусловно лишало способности къ составленію завѣщанія всѣхъ глухихъ и нѣмыхъ [1]). Можно ли себѣ представить, чтобы глухонѣмые въ этомъ отношеніи въ Аѳинахъ были поставлены лучше, чѣмъ нпр. въ Римѣ? Въ источникахъ, правда, о глухонѣмыхъ не говорится, и Schulin (стр. 10), поэтому, говоритъ: „Ueber Stumme, Taube und Taub-

1) Ср. нпр. H. Dernburg, Pandekten III[5] Berlin 1897 стр. 129 (§ 67).

stumme scheint die solonische Gesetzgebung keine ausdrücklichen Bestimmungen enthalten zu haben". Мы же со своей стороны того мнѣнія, что въ упомянутомъ законѣ слово νόσος обозначаетъ не только душевно больныхъ, но и глухонѣмыхъ и вообще всѣхъ по физическимъ недостаткамъ неспособныхъ къ составленію завѣщанія. Доказать этого мы, конечно, не можемъ; однако мы полагаемъ, что наше толкованіе этого слова можетъ считаться довольно правдоподобнымъ.

Что касается формальностей, которыя обыкновенно соблюдались въ Аѳинахъ при составленіи духовнаго завѣщанія, то мы можемъ довольствоваться нѣкоторыми краткими замѣтками и ссылкой на другія сочиненія, такъ какъ здѣсь почти нѣтъ никакихъ спорныхъ вопросовъ [1]). Въ нашей рѣчи мы читаемъ по этому поводу слѣдующее: § 7: „καὶ τὴν διαθήκην κατέθετο παρὰ τῷ κηδεστῇ Χαιρέᾳ . . . . καὶ ὑμῖν ἥ τε διαθήκη αὕτη ἀναγνωσθήσεται καὶ οἱ παραγενόμενοι μαρτυρήσουσι. καί μοι ἀνάγνωθι. Διαθήκη. Μάρτυρες". § 27: „ὁ δ' Εὐκτήμων ὕστερον χρόνῳ πρὸς τοὺς κηδεστὰς εἶπεν ὅτι βούλοιτο τὰ πρὸς τὸν υἱὸν οἱ πεπραγμένα γράψας καταθέσθαι". Фанострать и Хэрей находились оба на кораблѣ; Хэрей провожалъ уѣзжающаго Фанострата. ὁ δ' Εὐκτήμων παραλαβών τινας ἦκεν οὗ ἐξώρμει ἡ ναῦς, καὶ γράψας διαθήκην . . . . κατατίθεται μετὰ τούτων παρὰ Πυθοδώρῳ Κηφισιεῖ, προσήκοντι αὐτῷ". § 53: „Ἀνδρόκλεις, πῶς οἶσθα Φιλοκτήμων ὅτι οὔτε διέθετο οὔτε υἱόν Χαιρέστρατον ἐποιήσατο; οἷς μὲν γάρ τις παρεγένετο, δίκαιον μαρτυρεῖν . . . . σὺ δ' οὐ παραγενόμενος διαρρήδην μεμαρτύρηκας ὡς οὐ διέθετο". § 62: „ὁ δοὺς καὶ ὁ διαθέμενος (ἐκεῖνος), καὶ μαρτυροῦσιν οἱ παραγενόμενοι".

Въ Аѳинахъ духовныя завѣщанія обыкновенно составлялись въ присутствіи нѣсколькихъ свидѣтелей, преимущественно родственниковъ или друзей завѣщателя, но и фраторовъ и демотовъ (ср. Isae. or. IX περὶ τοῦ Ἀστυφίλου κλήρου § 8). Свидѣтелями въ нашей рѣчи были зятья; но въ § 27 мы читаемъ παραλαβών τινας, такъ что нужно предположить, что Евктемонъ не совсѣмъ довѣрялъ своимъ зятьямъ и привлекъ еще постороннихъ свидѣтелей. Свидѣтели эти только одинъ разъ называются μάρτυρες,

1) Ср. Meier-Schoemann-Lipsius, l. c. стр. 595 сл.; Hermann-Thalheim, l. c. стр. 72 сл.; Schulin, l. c. стр. 7 сл.; Hille, l. c. стр. 68 сл.; W. Roeder, Beiträge zur Erklärung und Kritik des Isaios, Jena 1880 стр. 3 сл.; Guiraud, l. c. стр. 252 и 292; Beauchet, III стр. 658 сл.

во всѣхъ остальныхъ случаяхъ Исей просто говоритъ οἱ παραγενόμενοι. Выраженіе это какъ нельзя лучше характеризуетъ этихъ свидѣтелей, ибо извѣстно, что единственная задача ихъ заключалась въ слѣдующемъ: они должны были просто присутствовать при составленіи завѣщанія, чтобы потомъ, въ случаѣ надобности, подтвердить своимъ свидѣтельствомъ, что данное лицо дѣйствительно составило завѣщаніе (ср. Isae. or. IV περὶ τοῦ Νικοστράτου κλήρου § 13). Содержаніе завѣщанія имъ обыкновенно не сообщалось (ср. Isae. or. IV § 13) и завѣщаніе ими не подписывалось; мало того, совсѣмъ не требовалось, чтобы завѣщаніе было писано рукою самого завѣщателя и даже въ его собственной подписи не было никакой надобности. Имена свидѣтелей, правда, упоминались въ завѣщаніи, но писались рукою того лица, которое написало данное завѣщаніе. При такихъ обстоятельствахъ слово παραγενόμενοι дѣйствительно весьма подходящее. Намъ эта процедура кажется довольно странною и нецѣлесообразною, такъ какъ свидѣтели, не зная содержанія завѣщанія конечно не могли поручаться за то, что это дѣйствительно то завѣщаніе, при составленіи котораго они присутствовали. Аѳиняне сами сознаются, что подлоги встрѣчались нерѣдко. Во избѣжаніе этого завѣщаніе запечатывалось (σημαίνεσθαι) и отдавалось на сохраненіе либо одному изъ родственниковъ или друзей (ср. §§ 7 и 27 нашей рѣчи), либо одному изъ должностныхъ лицъ (ср. Isae. or. I § 25 τὸ παρὰ τῇ ἀρχῇ κείμενον). Изъ первой рѣчи Исея (περὶ τοῦ Κλεωνύμου κλήρου) хотѣли заключить, что въ послѣднемъ случаѣ завѣщанія отдавались на сохраненіе не любому должностному лицу, а только астиномамъ. Подробнѣе на этомъ вопросѣ, къ сожалѣнію, останавливаться нельзя, такъ какъ для этого пришлось бы обстоятельно разобрать первую рѣчь; мы только замѣтимъ, что и мы принадлежимъ къ числу тѣхъ ученыхъ, которые убѣждены въ томъ, что завѣщанія отдавались на сохраненіе любому магистрату. Съ нашими нотаріальными завѣщаніями это ничего общаго не имѣетъ, такъ какъ въ тѣ времена, насколько намъ извѣстно, въ Греціи не было должности нотаріуса [1]). Завѣщатели могли, конечно, созвать своихъ родственниковъ и имъ прочесть содержаніе завѣщанія, какъ это напр. сдѣлалъ отецъ Демосѳена, онъ могъ, далѣе, составить

1) Кромѣ вышеупомянутой литературы ср. еще L. Mitteis, Reichsrecht und Volksrecht, Leipzig, 1891 стр. 170 сл.; Beauchet l. c. IV стр. 66, III стр. 665.

одну или нѣсколько копій и отдать ихъ на сохраненіе разнымъ людямъ, но и то и другое встрѣчалось довольно рѣдко.

По составленіи духовнаго завѣщанія и въ Аѳинахъ, разумѣется, было возможно по мѣрѣ надобности производить дополненія или измѣненія (προσγράψαι и ἐπανορθῶσαι). Процедура при этомъ могла быть двоякого рода. Во-первыхъ, завѣщатель — если завѣщаніе было имъ отдано кому-нибудь на сохраненіе — могъ отправиться къ данному лицу и тамъ же произвести упомянутыя дополненія или измѣненія. Или завѣщатель, во-вторыхъ, могъ составить особый актъ (γραμματεῖον [2]), который подлежалъ въ составленіи тѣмъ же правиламъ, тѣмъ же формальностямъ, какъ и самое завѣщаніе. Въ нашей рѣчи, впрочемъ, объ этомъ не говорится и поэтому мы дольше на этомъ вопросѣ не остановимся.

За то намъ придется сказать нѣсколько словъ по поводу отмѣны т. е. уничтоженія завѣщанія. Въ §§ 30 сл. мы читаемъ слѣдующее: „πείθουσι τὸν Εὐκτήμονα τὴν μὲν διαθήκην ἀνελεῖν ὡς οὐ χρησίμην οὖσαν τοῖς παισί . . . . ἀκούσας δ' ὁ Εὐκτήμων εὐθὺς ἀπῄτει τὸν Πυθόδωρον τὸ γραμματεῖον, καὶ προσεκαλέσατο εἰς ἐμφανῶν κατάστασιν. καταστάντος δὲ ἐκείνου πρὸς τὸν ἄρχοντα, ἔλεγεν ὅτι βούλοιτ' ἀνελέσθαι τὴν διαθήκην. ἐπειδὴ δ' ὁ Πυθόδωρος ἐκείνῳ μὲν καὶ τῷ Φανοστράτῳ παρόντι ὡμολόγει ἀναιρεῖν, τοῦ δὲ Χαιρέου τοῦ συγκαταθεμένου θυγάτηρ ἦν μία, ἧς ἐπειδὴ κύριος κατασταίη, τότε ἠξίου ἀνελεῖν, καὶ ὁ ἄρχων οὕτως ἐγίγνωσκε, διομολογησάμενος ὁ Εὐκτήμων ἐναντίον τοῦ ἄρχοντος καὶ τῶν παρέδρων καὶ ποιησάμενος πολλοὺς μάρτυρας ὡς οὐκέτ' αὐτῷ κέοιτο ἡ διαθήκη, ᾤχετο ἀπιών".

Какъ видно, въ этихъ параграфахъ множество цѣнныхъ указаній на соблюдаемыя при уничтоженіи формальности. Но прежде чѣмъ приступить къ толкованію этихъ указаній, мы должны указать на разницу, существующую между выраженіями ἀνελεῖν и ἀνελέσθαι. И то и другое встрѣчается въ нашихъ параграфахъ, но они нисколько не синонимны. „Ἀναιρεῖν est λύειν, tollere, rescindere; ἀναιρεῖσθαι autem, de contractuum testa-

2) Словомъ γραμματεῖον, какъ извѣстно, обозначается всякій письменный документъ, такъ что въ греческомъ правѣ для такого акта особаго техническаго термина не было; такъ напр. въ § 31, какъ мы сейчасъ увидимъ, словомъ γραμματεῖον обозначается духовное завѣщаніе (ἀπῄτει τὸ γραμματεῖον). Въ римскомъ правѣ такіе акты назывались кодициллами (codicilli), ср. напр. Dernburg, l. c. стр. 125 сл.

mentorumque tabulis, proprie est repetere ab eo, apud quem depositae fuerunt, quod fit a sublaturo" [1]).

Евктемонъ, стало быть, отправился къ Пиѳодору, у котораго, какъ мы видѣли, хранилось завѣщаніе и требовалъ представленія завѣщанія въ судъ (προσεκαλέσατο εἰς ἐμφανῶν κατάστασιν) [2]). Если тутъ называется архонтъ (т. е. первый или эпонимный архонтъ), то не потому, что всѣ δίκαι εἰς ἐμφανῶν κατάστασιν подлежали вѣдѣнію этого архонта, а потому, что юрисдикція его простиралась на всѣ дѣла, касавшіяся семейнаго и наслѣдственнаго права гражданъ. Изъ этихъ словъ мы узнаемъ, стало быть, то — что подтверждается и другими свидѣтельствами — что въ греческомъ правѣ нельзя было, (какъ напр. въ римскомъ и современныхъ правахъ), посредствомъ новаго завѣщанія отмѣнять прежнее. Поэтому Евктемонъ и обратился къ Пиѳодору. Послѣдній отказался исполнить его желаніе и Евктемонъ, поэтому, προσεκαλέσατο εἰς ἐμφανῶν κατάστασιν. Изъ этого обстоятельства ясно слѣдуетъ, что еслибы Пиѳодоръ исполнилъ его желаніе, то дѣло этимъ бы и кончилось. Судебное разбирательство не предписывалось законами, а было вызвано отказомъ Пиѳодора [3]).

Евктемонъ и Пиѳодоръ, слѣдовательно, явились къ архонту вмѣстѣ съ Фаностратомъ и Евктемонъ здѣсь еще разъ публично заявилъ, что требуетъ возвращенія духовнаго завѣщанія. Пиѳодоръ на это отвѣтилъ, что нисколько не отказывается возвратить завѣщаніе, но такъ какъ Хэрея уже нѣтъ въ живыхъ, а дочь его еще не достигла совершеннолѣтія, то находитъ необходимымъ сначала назначить κύριος'а и если тотъ ничего не будетъ имѣть противъ этого, то онъ немедленно возвратитъ завѣщаніе. Изъ этихъ словъ прежде обыкновенно заключали, что уничтожить

1) Ср. Schoemann, комм. стр. 184 (comm. in orat. I § 14).

2) Въ римскомъ правѣ этому соотвѣтствовала т. н. actio ad exhibendum, ср. Meier-Schoemann-Lipsius, l. c. стр. 51 и 481; Dareste trad. стр. 127.

3) Ср. Schoemann, комм. стр. 337 сл. Meier-Schoemann-Lipsius, l. c. стр. 51 совершенно вѣрно замѣтили, что здѣсь „nicht eine Handlung der freiwilligen, sondern der streitigen Gerichtsbarkeit". Beauchet, l. c. III стр. 670, очевидно, въ комментарій Шёманна не заглянулъ и, хотя и цитируетъ или, точнѣе, переводитъ выписанныя нами слова Мейера, то несомнѣнно не вникъ хорошенько въ смыслъ этихъ словъ, ибо онъ пишетъ слѣдующее: „Euctémon ne se contente pas d'en faire un autre (sc. testament), ni même de demander à Pythodore de lui remettre l'acte de la main à la main; il l'assigne devant l'archonte et le somme de produire la pièce". Толкованіе Beauchet вполнѣ ошибочное.

завѣщаніе можно было только съ согласія тѣхъ наслѣдниковъ, въ пользу которыхъ оно было составлено. Такое предположеніе уже само по себѣ чрезвычайно дико, такъ какъ врядъ ли нашлись бы наслѣдники, которые изъявили бы свое согласіе на это; да и притомъ само собою разумѣется, что если наслѣдодатель имѣетъ право составить завѣщаніе, то онъ же и имѣетъ полное право измѣнить или уничтожить таковое. Лучше всего, однако, то, что въ нашей рѣчи нѣтъ ни малѣйшаго слова, которое хоть маломальски оправдывало бы такое предположеніе. Ораторъ говоритъ, что Пиѳодоръ ссылался на присутствующаго Фаностратa и покойнаго Хэрея τοῦ συγκαταθεμένου κτλ. т. е. потому, что послѣдній вмѣстѣ съ Евктемономъ и Фаностратомъ отдалъ ему это завѣщаніе на сохраненіе [1]). Фаностратъ и Хэрей были, стало быть, свидѣтелями не только при составленіи завѣщанія, но и при врученіи его Пиѳодору. И тотъ и другой приводятся единственно потому, что были свидѣтелями при томъ и другомъ актѣ; въ противномъ случаѣ ораторъ не сказалъ бы τοῦ συγκαταθεμένου. Тутъ, слѣдовательно, говорится не о согласіи свидѣтелей, а только объ ихъ присутствіи, что совершенно естественно: такъ какъ духовное завѣщаніе было составлено въ ихъ присутствіи, что они во всякое время могли подтвердить своимъ свидѣтельствомъ, то оно совершенно послѣдовательно могло быть уничтожено опять только въ ихъ же присутствіи, въ противномъ случаѣ они могли впослѣдствіи утверждать, что оно никогда не было уничтожено.

Однако можно возразить: почему же здѣсь упоминается дочь покойнаго Хэрея и почему Пиѳодоръ требуетъ, чтобы предварительно былъ назначенъ для нея κύριος? Она или ея будущій κύριος не были же свидѣтелями, они, стало быть, могли только изъявить свое согласіе? Возраженіе это, надо сознаться, было бы вполнѣ справедливымъ, еслибы мы здѣсь имѣли дѣло съ простымъ завѣщаніемъ. Но въ томъ то именно и дѣло, что здѣсь рѣчь идетъ о довольно необыкновенномъ завѣщаніи. Въ предъидущихъ главахъ и параграфахъ мы уже неоднократно говорили о томъ, что Евктемонъ хотѣлъ выдать старшаго сына Алки за своего собственнаго и законнорожденнаго и внести его въ списки своей фратріи, что Филоктемонъ воспротивился этому, и что послѣ довольно неделикатной манипуляціи Евктемона отецъ съ сыномъ

1) Ср. § 27, гдѣ ясно говорится: „κατατίθενται μετὰ τούτων παρὰ Πυθοδώρῳ“.

заключили слѣдующую мировую сдѣлку: мальчикъ былъ внесенъ въ списки фратріи, но получилъ изъ всего наслѣдства только χωρίον ἕν. По смерти Филоктемона Евктемонъ началъ опасаться, что остальные родственники, быть можетъ, не станутъ себя считать связанными этой сдѣлкой и лишатъ мальчика этого имѣнья. Онъ явился, поэтому, къ своимъ зятьямъ и εἶπεν ὅτι βούλοιτο τὰ πρὸς τὸν υἱὸν οἱ πεπραγμένα γράψας καταθέσθαι . . . . καὶ γράψας διαθήκην, ἐφ' οἷς εἰσήγαγε τὸν παῖδα, κατατίθεται κτλ. (§ 27). Въ этомъ завѣщаніи, по справедливой догадкѣ Шёманна, было несомнѣнно ясно сказано, что Евктемонъ безъ согласія родственниковъ не имѣетъ права продать что-либо изъ своего имущества; въ противномъ случаѣ Андроклъ и Антидоръ, намѣревавшіеся по возможности продать имущество Евктемона, не посовѣтовали бы ἀνελεῖν τὴν διαθήκην ὡς οὐ χρησίμην οὖσαν τοῖς παισί. Мы выше (стр. 244) уже указали на то, что это, стало быть, не обыкновенное завѣщаніе, а завѣщаніе связанное съ договоромъ, и что вмѣстѣ съ уничтоженіемъ этого завѣщанія былъ бы и уничтоженъ этотъ договоръ. Уничтожить же этотъ договоръ было невозможно безъ согласія родственниковъ. Вотъ почему ораторъ въ нашей рѣчи указываетъ также на дочь Хэрея и на ея κύριος'а.

Фаностратъ и Хэрей — еслибы послѣдній былъ живъ — были въ этомъ случаѣ не только свидѣтелями (о чемъ уже была рѣчь), но и представителями своихъ женъ и дѣтей. Жены ихъ, какъ сестры Филоктемона и дочери Евктемона, были, правда, ближайшими родственниками; но такъ какъ онѣ, какъ женщины, не могли дѣйствовать самостоятельно, то за нихъ должны были заступиться ихъ опекуны т. е. ихъ мужья, что они и сдѣлали при составленіи завѣщанія. Фаностратъ и теперь, стало быть, считался опекуномъ своей жены, Хэрея же не было болѣе въ живыхъ. Спрашивается, поэтому, кто въ этомъ случаѣ долженъ былъ охранять интересы его вдовы. По аѳинскимъ законамъ по смерти мужа опекуномъ вдовы дѣлался ея старшій сынъ; но такъ у нея была всего только одна дочь, то объ этомъ и рѣчи быть не можетъ. Кто же въ этомъ случаѣ считался ея опекуномъ и почему здѣсь говорится не объ ея опекунѣ, а напротивъ объ опекунѣ ея дочери?

Извѣстно, что въ Аѳинахъ, если мужъ умиралъ безъ завѣщанія, къ дѣтямъ назначались законные опекуны (tutores legitimi), вдовы же либо возвращались къ своему прежнему κύριος'у, выдавшему ихъ замужъ, либо оставались съ дѣтьми въ домѣ покойнаго мужа; въ послѣднемъ случаѣ κύριος дѣтей считался

и ихъ κύριος'омъ. Какъ поступила въ нашемъ случаѣ вдова Хэрея? Единственный ученый, который, насколько намъ извѣстно, коснулся этого вопроса, Hille (l. c. стр. 77 сл.) говоритъ: „Ni fallor, Chaereas et Phanostratus olim fuerant testes pro uxoribus suis, Philoctemonis sororibus, qua de re Chaereae vices suscipere debebat κύριος eius filiae, qui, ut supra coniecimus eadem opera κύριος erat uxoris defuncti". Онъ, стало быть, высказывается за вторую возможность, которая намъ кажется весьма невѣроятной или даже немыслимой. Что Хэрей и Фаностратъ были при составленіи завѣщанія представителями своихъ женъ, это не имъ впервые установлено. Но на какомъ основаніи онъ утверждаетъ, что по смерти Хэрея роль его обязательно (debebat) долженъ былъ взять на себя κύριος его дочери? Почему именно — онъ не сообщаетъ, какъ будто это странное положеніе само собою разумѣлось. Мы открыто сознаемся, что этого не понимаемъ, точно также какъ для насъ рѣшительно непонятно, почему здѣсь говорится только о κύριος'ѣ дочери если — какъ утверждаетъ Hille — онъ одновременно былъ и κύριος'омъ матери.

Мы того мнѣнія, что наше мѣсто нужно толковать совершенно иначе. Такъ какъ у вдовы Хэрея сыновей не было, а была всего только одна, да и притомъ малолѣтняя дочь, то она предпочла возвратиться къ своему прежнему κύριος'у т. е. къ своему отцу или, точнѣе, въ домъ Евктемона, въ которомъ жила въ то время только ея мать, такъ какъ Евктемонъ, какъ извѣстно, водворился у Алки; къ дочери же, почему-то, еще не былъ назначенъ опекунъ. Когда же дѣло дошло до упомянутаго судебнаго разбирательства, то интересы ея долженъ былъ охранять ея κύριος, точно также какъ интересы ея сестры охранялъ Фаностратъ. Однако въ этомъ случаѣ это было невозможно, такъ какъ ея опекуномъ былъ Евктемонъ, стало быть, то самое лицо, которое требовало выдачи, чтобы уничтожить послѣднее, и этимъ повредить своимъ законнымъ наслѣдникамъ. Такой опекунъ, понятнымъ образомъ, не могъ охранять ея интересовъ. Поэтому Пиѳодоръ требовалъ, чтобы къ ея дочери, къ которой почему-то еще не было назначено опекуна, былъ назначенъ таковой, полагаясь на то, что послѣдній лучше будетъ охранять интересы этого семейства, нежели теперешній κύριος матери. Мы полагаемъ, что наше толкованіе безусловно вѣрное. Что у дочери еще не было опекуна, явствуетъ изъ того обстоятельства, что въ противномъ случаѣ Пиѳодоръ не могъ бы требовать, чтобы предварительно былъ назначенъ κύριος. Мать же, какъ

мы видѣли, могла выбирать только одно изъ двухъ: или возвратиться къ отцу, или имѣть съ дочерью одного и того-же κύριος'а. Такъ какъ у дочери не было опекуна и такъ какъ, далѣе, мать и дочь не могли же жить безъ опекуна, то она несомнѣнно возвратилась съ дочерью къ отцу. Что здѣсь объ этомъ ничего не сказано, объясняется очень просто тѣмъ, что ораторъ, по его собственнымъ словамъ (§ 17), о весьма многомъ намѣренно умалчиваетъ. Здѣсь говорится о будущемъ наслѣдствѣ Евктемона, а не объ уже открывшемся наслѣдствѣ Хэрея, такъ что первую роль здѣсь могла играть только вдова, какъ дочь Евктемона, а не ея дочь. Если здѣсь говорится о дочери, то единственно потому, что κύριος матери (т. е. Евктемонъ), какъ мы видѣли, являлся слишкомъ заинтересованнымъ лицомъ. При такомъ толкованіи все ясно.

Архонтъ вполнѣ присоединился ко мнѣнію Пиѳодора. Евктемонъ понялъ, что дѣло плохо, и что если будетъ назначенъ къ дочери Хэрея κύριος, то врядъ ли ему удастся уничтожить завѣщаніе. Однако онъ не упалъ духомъ. Призвавъ въ свидѣтели многихъ постороннихъ лицъ (πολλοὺς μάρτυρας ποιησάμενος, на своихъ родственниковъ онъ, разумѣется, полагаться не могъ) онъ въ присутствіи архонта и его товарищей [1]) публично заявилъ, что не признаетъ болѣе своего завѣщанія (ὡς οὐκέτ' αὐτῷ κέοιτο ἡ διαθήκη) и удалился. И теперь началась поспѣшная продажа недвижимостей Евктемона, о которой мы уже неоднократно говорили: Евктемонъ и его честна́я компанія смекнули въ чемъ дѣло, они поняли, что по смерти Евктемона дѣло безъ судебнаго разбирательства не обойдется и что сыновьямъ Алки, а, стало быть, и имъ самимъ ничего не достанется, и поэтому старались, какъ можно скорѣе прибрать все къ рукамъ.

Однако спрашивается, имѣлъ ли Евктемонъ право, не получивши обратно завѣщанія, объявить оное недѣйствительнымъ? Дѣйствительно ли оно въ этомъ случаѣ считалось недѣйствительнымъ? Имѣлъ ли онъ послѣ этого право продавать свои имущества?

Что касается первыхъ двухъ вопросовъ, то образъ дѣйствій Евктемона, повидимому, находится въ противорѣчіи съ тѣмъ, что мы выше сообщили, а именно, что въ греческомъ правѣ соста-

---

1) У каждаго изъ первыхъ трехъ архонтовъ, какъ извѣстно, было по два товарища (πάρεδροι).

вленіемъ новаго завѣщанія еще не уничтожалось прежнее, т. е. что предварительно нужно было уничтожить прежнее. Въ нашемъ же случаѣ завѣщаніе не было уничтожено, такъ какъ оно не было возвращено Пиѳодоромъ. Новѣйшіе ученые всѣ утверждаютъ, что упомянутое заявленіе Евктемона (ὡς οὐκέτ' αὐτῷ κέοιτο ἡ διαθήκη) равнялось уничтоженію, другими словами — они того мнѣнія, что ежели то лицо, которому завѣщаніе было отдано на сохраненіе, отказывалось возвратить таковое, то наслѣдодатель имѣлъ полное право объявить это завѣщаніе недѣйствительнымъ. Мнѣніе это основывается единственно на нашей рѣчи и не подтверждается никакими другими доказательствами. Вслѣдствіе этого возникаетъ вопросъ, можно ли изъ нашей рѣчи выводить такое заключеніе, можно ли обобщать фактъ, разсказанный въ нашей рѣчи? Мы не должны забывать, что, во-первыхъ, здѣсь вполнѣ единичный случай, такъ какъ завѣщаніе, о которомъ здѣсь говорится, не обыкновенное, а связанное съ мировой сдѣлкой, а, во-вторыхъ, архонтъ же самъ высказался за Пиѳодора, стало быть, противъ уничтоженія этого документа. Притомъ архонтъ совершенно справедливо поступилъ такъ. Еслибы этотъ документъ содержалъ простое духовное завѣщаніе, то это былъ бы односторонній актъ, основанный на волѣ одного дарителя — наслѣдодателя. Но документъ этотъ главнымъ образомъ представлялъ мировую сдѣлку т. е. договоръ или соглашеніе двухъ лицъ (контрагентовъ), въ силу котораго эти контрагенты обязывались ко взаимнымъ уступкамъ. Всякое же обязательство прекращается только по взаимному соглашенію, Евктемонъ, стало быть, не имѣлъ ни малѣйшаго права уничтожить этотъ документъ, или объявить его недѣйствительнымъ — что, разумѣется, безразлично — не получивши на это согласія своего контрагента т. е. Филоктемона; а такъ какъ послѣдняго не было болѣе въ живыхъ, упомянутая же мировая сдѣлка была имъ заключена въ интересахъ всѣхъ законныхъ наслѣдниковъ Евктемона, то безъ согласія законныхъ наслѣдниковъ Филоктемона и Евктемона послѣдній, на нашъ взглядъ, не имѣлъ ни малѣйшаго права самоуправнымъ образомъ объявить эту сдѣлку недѣйствительной. Мы, поэтому, полагаемъ, что поступокъ Евктемона не можетъ считаться законнымъ.

Но почему же ни родственники, ни архонтъ не воспротивились этому? Что родственники ничего не сдѣлали — не удивительно, такъ какъ они, всячески, по возможности избѣгали малѣйшаго скандала и сюда же явились единственно потому, что

были призваны самимъ Евктемономъ. Они скорѣе были готовы терпѣть убытокъ и переносить такое несчастіе, нежели разглашать это по всему городу. Что же касается архонта, то извѣстно, что nemo iudex sine actore т. е. если нѣтъ истца, то нѣтъ и суда. Какое ему было дѣло до этого, если сами контрагенты не были намѣрены завести съ Евктемономъ тяжбу.

Третій вопросъ послѣ этого трудностей не представляетъ. Еслибы Евктемонъ имѣлъ право объявить этотъ документъ недѣйствительнымъ, то никто бы не могъ запретить ему распоряжаться со своимъ имуществомъ по собственному усмотрѣнію. Если же, какъ мы видѣли, онъ этого права не имѣлъ, то продажа этихъ недвижимостей является такимъ же незаконнымъ поступкомъ, какъ и самоуправное уничтоженіе этого документа.

На основаніи всего вышесказаннаго мы утверждаемъ, что мы изъ нашей рѣчи ничего положительнаго не узнаемъ. Положеніе было здѣсь вполнѣ единичное и необыкновенное, и поэтому никакихъ общихъ выводовъ изъ этихъ фактовъ выводить нельзя. Мы узнаемъ только то, что и безъ того было извѣстно, что новое завѣщаніе еще не уничтожало прежнее и что, поэтому, лицу, желающему либо назначить другихъ наслѣдниковъ, либо не оставлять по себѣ никакого завѣщанія, необходимо было уничтожить прежнее. Все остальное, что вычитывали изъ нашей рѣчи относительно этого вопроса, слѣдуетъ отнести къ предѣламъ фантазіи.

До сихъ поръ мы говорили о законныхъ наслѣдникахъ. Въ заключеніе скажемъ теперь нѣсколько словъ о т. н. сыновьяхъ Алки. Могли ли они разсчитывать на какую-нибудь, хотя и весьма ограниченную, законную долю? Мы говоримъ — да, они могли получить каждый по 1000 драхмъ, но только въ томъ случаѣ, если Евктемонъ выдавалъ ихъ за своихъ собственныхъ незаконнорожденныхъ сыновей. Доказательства наши слѣдующія:

1) Ораторъ утверждаетъ, что это были сыновья Алки и нѣкоего Діона. Были ли это ея законныя или незаконныя дѣти, совершенно безразлично: если ораторъ правъ, то между ними и Евктемономъ не было никакихъ родственныхъ отношеній, они, слѣдовательно, ничего не могли получить изъ его наслѣдства.

2) Евктемонъ выдавалъ старшаго изъ нихъ за своего законнаго сына, и послѣ разныхъ мытарствъ внесъ его въ списки фратріи. Однако нашъ ораторъ убѣдительно доказываетъ, что никто не могъ назвать имени матери этихъ мальчиковъ и сообщить, кто такое она и куда она дѣлась, и совершенно

справедливо утверждаетъ, что такъ какъ Евктемонъ заключилъ мировую сдѣлку, внесъ мальчика только ἐπὶ ῥητοῖς, предоставивъ ему только χωρίον ἕν, то онъ самъ этой же манипуляціей доказалъ, что это не его законный сынъ: еслибы это былъ его законный сынъ, то онъ никогда бы этого не сдѣлалъ, такъ какъ закономъ предписывалось ἅπαντας τοὺς γνησίους ἰσομοίρους εἶναι τῶν πατρῴων. Все это относится и къ младшему сыну, ибо если старшій сынъ Алки былъ его законнымъ сыномъ, то младшій подавно долженъ былъ быть таковымъ. И въ этомъ случаѣ они, слѣдовательно, ничего не могли получить.

3) Остается, поэтому, только третья возможность, заключающаяся въ томъ, что мальчики эти были или, по крайней мѣрѣ, выдавались за незаконныхъ сыновей Евктемона. Мы того мнѣнія, что въ этомъ случаѣ они могли получить т. н. νοθεῖα. Исей въ § 47, правда, ссылается на извѣстный законъ, приведенный также Псевдо-Демосѳеномъ (or. 43 πρὸς Μακάρτατον § 51), въ которомъ говорилось, что νόθῳ μηδὲ νόθῃ (μὴ) εἶναι ἀγχιστείαν μήθ' ἱερῶν μήθ' ὁσίων ἀπ' Εὐκλείδου ἄρχοντος, но это только повидимому не согласуется съ нашимъ воззрѣніемъ, такъ какъ въ этомъ законѣ указывается на то, что незаконнорожденные не принадлежали къ семьѣ отца, не пользовались, слѣдовательно, правами членовъ его семьи, не могли ему наслѣдовать безъ завѣщанія и не могли по отношенію къ наслѣдству стоять наравнѣ съ законнорожденными, такъ какъ только о послѣднихъ законъ предписываетъ: ἅπαντας τοὺς γνησίους ἰσομοίρους εἶναι τῶν πατρῴων.

Но существовали ли вообще въ Аѳинахъ въ тѣ времена, о которыхъ говорится въ нашей рѣчи (т. е. въ первой половинѣ IV вѣка), т. н. νοθεῖα? До 1899 года всѣ ученые единогласно утверждали, что незаконнорожденныя дѣти получали извѣстную денежную сумму, а именно по Гарпократіону (s. v. νοθεῖα) и Свидѣ (s. v. νοθεῖα) не свыше 1000 драхмъ, по схоліи къ Птицамъ Аристофана (v. 1656) и Свидѣ (s. v. ἐπίκληρος) не свыше 500 драхмъ. Это повторялось до того единогласно, что могло считаться неприкосновеннымъ. Что же касается упомянутыхъ суммъ, то обыкновенно предпочитали сумму сообщенную Гарпократіономъ, какъ основанную на цитированныхъ имъ источникахъ, но не отвергали вполнѣ второй суммы, такъ какъ при молчаніи ораторовъ и другихъ современныхъ имъ авторовъ положительнаго отвѣта, на ихъ взглядъ, дать нельзя. И вотъ въ 1899 году явился ученый, который нисколько не стѣсняясь заявилъ, что все, что

до сихъ поръ преподавалось по поводу этихъ νοθεῖα, вполнѣ превратно[1]). Такъ ли это?

Мюллеръ утверждаетъ, что въ IV вѣкѣ въ Аѳинахъ не было νοθεῖα, такъ какъ ни ораторы, ни другіе авторы ни словомъ не упоминаютъ о нихъ. Гарпократіонъ, правда, ссылается на рѣчи Лисія πρὸς Καλλιφάνη ξενίας (εἰ γνήσιος), Исея πρὸς Λυσίβιον περὶ ἐπικλήρου и Гиперида κατ' Ἀρισταγόρας B, но по мнѣнію Мюллера изъ этого ровно ничего не слѣдуетъ, такъ какъ не смотря на то, что онѣ произнесены въ IV вѣкѣ, рѣчь въ нихъ могла зайти также о происшествіяхъ, случившихся до 403 года (т. е. до Евклида). Наконецъ, у Мюллера еще одинъ аргументъ ex silentio. Онъ указываетъ на III рѣчь Исея (περὶ τοῦ Πύρρου κλήρου), въ которой доказывается, что Фила νόθη и, поэтому, не могла быть епиклерой. Еслибы она, говоритъ Мюллеръ, получила или могла получить νοθεῖα, то ораторъ долженъ былъ упомянуть объ этомъ. Такъ какъ онъ этого не сдѣлалъ, заключаетъ Мюллеръ, то никакихъ νοθεῖα въ IV вѣкѣ не было. Вотъ доказательства Мюллера, которыя, на нашъ взглядъ, однако, никакой доказательной силы не имѣютъ.

Начнемъ съ послѣднихъ доказательствъ. Мюллеръ отвергаетъ прямыя показанія Гарпократіона. Упомянутыя рѣчи, правда, не сохранились и мы, поэтому, не въ состояніи опредѣлить, о чемъ именно тамъ говорилось. Но такъ какъ мы знаемъ, что дѣятельность Лисія, какъ логографа, началась послѣ 403 года и простирается по крайней мѣрѣ до 380 года, что Исей писалъ свои рѣчи приблизительно между 390 и 353 годами, что Гиперидъ жилъ 390—322, то на какомъ основаніи можно утверждать, что

1) Ср. O. Müller, Untersuchungen zur Geschichte des attischen Bürger- und Eherechts, Jahrb. f. klass. Philol. Suppl. XXV 1899, стр. 802 сл. Тутъ можно, кстати, замѣтить, что Müller (стр. 804) по поводу вышеупомянутыхъ максимальныхъ суммъ замѣчаетъ слѣдующее: „Wenn die Summe derselben verschieden angegeben wird (Harpocration bis 1000 Drachmen, der Scholiast resp. Suidas bis 500), so deutet das vielleicht darauf hin, dass dieselben nach dem Vermögen des Erblassers verschieden abgestuft waren". Такое смѣшеніе двухъ противорѣчащихъ показаній, на нашъ взглядъ, въ методическомъ отношеніи непозволительно. Какъ же объяснить то странное обстоятельство, что нѣкоторымъ авторамъ была только извѣстна максимальная сумма людей зажиточныхъ, а другимъ сумма, которую платили люди менѣе богатые? Притомъ Мюллеръ неточно сообщаетъ, что Свида приводитъ только вторую сумму: мы уже указали на то, что Свида s. v. νοθεῖα сообщаетъ первую сумму, а s. v. ἐπίκληρος вторую. Какъ объяснить это разногласіе — мы не въ состояніи сказать, но знаемъ только то, что такое смѣшеніе неметодично.

въ этихъ рѣчахъ говорилось о до-евклидовскихъ временахъ или о внѣаттическомъ правѣ? Какое мы имѣемъ право безъ дальныхъ околичностей вполнѣ игнорировать цѣлыхъ три противорѣчащихъ показанія? Еслибы они подтверждали его теорію, то онъ несомнѣнно на нихъ бы, именно, и сослался; теперь же они въ состояніи изгадить всю остроумно придуманную имъ теорію, такъ нужно же было непремѣнно ихъ устранить.

Однако Мюллеръ, какъ мы видѣли, ссылается не только вообще на молчаніе ораторовъ и остальныхъ авторовъ, но въ особенности и на молчаніе Исея въ III рѣчи. Что касается, во-первыхъ, этой рѣчи Исея, то нужно сознаться, что Мюллеръ ее, очевидно, прочелъ очень поверхностно и съ литературой этого вопроса не ознакомился. Въ противномъ случаѣ онъ не могъ не замѣтить, что § 49 этой рѣчи говоритъ именно противъ него. Исей указываетъ на то, что противники сами обнаружили, что Фила незаконная дочь. Ибо еслибы она была законной дочерью, то она сдѣлалась бы епиклерой и получила бы все наслѣдство. Ее же выдали замужъ за Ксенокла и дали ей приданое, равнявшееся всего только 1000 драхмъ [1]). Изъ этого, говоритъ

---

1) Рукописное чтеніе, правда, слѣдующее: „τῇ δὲ γνησίᾳ οὔσῃ τρισχιλίας δραχμὰς προῖκα ἐπιδούς κτλ.“. Но уже Wesseling и Reiske совершенно вѣрно замѣтили, что здѣсь нужно читать χιλίας, такъ какъ въ § 51 ясно говорится, что она даже не получила десятой части (μηδὲ τὸ δέκατον μέρος). Такъ какъ наслѣдство равнялось 3 талантамъ = 18,000 драхмамъ, то 3000 драхмъ равнялись бы $^1/_6$ части. Чтеніе τρισχιλίας, стало быть, очевидно испорченное. Sauppe предложилъ читать δισχιλίας, что, конечно, также немыслимо, такъ какъ 2000 драхмъ больше десятой части. Остается, поэтому, только одна возможность: нужно читать χιλίας. Что чтеніе это вполнѣ вѣрное къ счастью подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что и возникновеніе этой ошибки ясно. Уже другіе ученые замѣтили, что слова τῇ δὲ γνησίᾳ οὔσῃ также не безупречны: слово οὔσῃ весьма подозрительно. Въ § 51 говорится: „ὥστε μηδὲ τὸ δέκατον μέρος ἐπιδοὺς ἐκδοῦναι τῇ γνησίᾳ θυγατρί“, то же самое несомнѣнно нужно и здѣсь читать, только не τῇ δὲ γνησίᾳ οὔσῃ θυγατρὶ χιλίας δραχμάς, какъ это дѣлаютъ Rauchenstein и Buermann, а по всей вѣроятности τῇ δὲ γνησίᾳ θυγατρὶ χιλίας δραχμάς, см. W. Roeder, Beiträge zur Erklärung und Kritik des Isaios, Jena 1880, стр. 66 (οὔσῃ τρισχιλίας = θυγατρὶ χιλίας, ΘΥΓΑ—ΟΥCΗ). Во всякомъ случаѣ здѣсь слѣдуетъ читать χιλίας, какъ это, кромѣ упомянутыхъ ученыхъ, и дѣлаютъ Schoemann комм. стр. 253 сл.; Caillemer, l. c. стр. 20 прим. 5; van den Es, l. c. стр. 40; Beauchet, l. c. I стр. 269 прим. 3. Мюллеръ здѣсь вполнѣ умалчиваетъ объ этомъ мѣстѣ; на стр. 806 онъ между прочимъ цитируетъ и этотъ параграфъ, но говоритъ совершенно просто о 3000 драхмъ. Изъ этого слѣдуетъ, что онъ или не зналъ,

ораторъ, именно и явствуетъ, что она νόθη. Если сопоставить все то, что о ней здѣсь сообщается (что она νόθη, что она получила только 1000 драхмъ, ὥστε μηδὲ τὸ δέκατον μέρος ἐπιδοὺς ἐκδοῦναι . . . τῶν πατρῴων) съ тѣмъ, что мы читаемъ у Гарпократіона (s. v. νοθεῖα· τὰ τοῖς νόθοις ἐκ τῶν πατρῴων διδόμενα οὕτω καλεῖται, ἦν δὲ μέχρι χιλίων δραχμῶν), то, на нашъ взглядъ, и сомнѣнія быть не можетъ, что деньги, о которыхъ здѣсь говорится, именно такія νοθεῖα. Такимъ образомъ это мнимое доказательство сдѣлалось для Мюллера роковымъ.

Что же касается молчанія авторовъ, то, на нашъ взглядъ, изъ этого ровно ничего не слѣдуетъ. Еслибы онъ былъ правъ, то въ сочиненіяхъ той эпохи, въ продолженіи которой, по его мнѣнію, въ Аѳинахъ существовали νοθεῖα, должны были бы быть упомянуты νοθεῖα. Такихъ мѣстъ онъ, однако, не привелъ, да и не могъ привести, такъ какъ ихъ нѣтъ. Единственное мѣсто, которое можно было привести, это Aristoph. Ὄρνιθες v. 1655 сл.; но чтеніе этого мѣста также спорное [1]). Итакъ авторы — по крайней мѣрѣ въ дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ — не употребляютъ слова νοθεῖα, а что касается цитированныхъ у Гарпократіона рѣчей, то вѣдь неизвѣстно, было ли это слово тамъ употреблено, и если да, то въ соединеніи съ какимъ, именно, другимъ словомъ; быть можетъ и тамъ было сказано что-то въ родѣ τὰ νοθεῖα χρήματα. Читатель вѣроятно уже смекнулъ, къ чему клонится наша аргументація. Мы полагаемъ, что упомянутая сумма до того незначительна и что такіе легаты или такія даренія, совершаемыя въ пользу незаконныхъ дѣтей, играли такую маловажную и второстепенную роль въ Аѳинахъ, что авторы не имѣли никакого повода говорить объ этихъ суммахъ и что, быть можетъ, и не было вполнѣ опредѣленнаго техническаго термина. Но какъ бы то ни было, одно ясно: если авторы вообще не говорятъ объ этихъ νοθεῖα, то молчаніе это не можетъ по отношенію къ IV вѣку служить доказательствомъ того, что не

что всѣ новѣйшіе ученые читаютъ χιλίας и, слѣдовательно, не воспользовался изданіемъ Buermann'a, или что онъ намѣренно не счелъ нужнымъ остановиться на этой емендаціи. И то, и другое непростительно. Авторъ научнаго сочиненія обязательно долженъ 1) воспользоваться всею литературою предмета, насколько она ему доступна и 2) отмѣчать всѣ спорные вопросы.

1) Слово „νοθεῖα“ здѣсь потому немыслимо, что такія νοθεῖα составляли же только незначительную часть наслѣдства, между тѣмъ какъ закономъ запрещалось отказывать незаконнорожденному сыну все наслѣдство (τὰ χρήματα), такъ что здѣсь, очевидно, слѣдуетъ читать νόθῳ, а не νοθεῖα.

было νοθεῖα, а по отношенію къ концу V-го вѣка не имѣть такого рѣшающаго значенія. Какая же тутъ послѣдовательность! И наконецъ, что касается его утвержденія, что νοθεῖα существовали въ Аѳинахъ исключительно между 411—403 годами, то вся аргументація его весьма проблематична и невѣроятна. Однако такъ какъ этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ его страннымъ толкованіемъ слова νόθος и одного документа, то мы здѣсь на немъ подробнѣе не остановимся [1]); вопросъ этотъ ничего общаго съ нашей рѣчью не имѣетъ. Мы полагаемъ, что приведенныя нами доказательства и безъ того уже показали читателю, что эти аргументаціи Мюллера вниманія не заслуживаютъ и что то, что до сихъ поръ преподавалось по поводу этихъ νοθεῖα, было совершенно вѣрно. Въ подтвержденіе нашего воззрѣнія можно развѣ еще привести слѣдующее обстоятельство. Мы выше [2]) уже имѣли случай замѣтить, что слово κούρειον въ греческой литературѣ также впервые встрѣчается только у позднѣйшихъ лексикографовъ и схоліастовъ, между тѣмъ какъ упомянутая аттическая надпись, содержащая постановленія фратріи Демотіонидовъ, ясно показываетъ, что слово это уже существовало въ первой половинѣ IV вѣка до Р. Хр. Мы видимъ, стало быть, что существовали техническіе термины μεῖον и κούρειον, которые употреблялись оффиціально въ законныхъ постановленіяхъ, но въ литературномъ — и по всей вѣроятности и обиходномъ — языкѣ не употреблялись. То же самое, на нашъ взглядъ, нужно установить и по поводу термина νοθεῖα.

Въ заключеніе еще одинъ курьезъ. На стр. 662 прим. 3 Beauchet (l. c. III) мы читаемъ слѣдующее: „Lipsius, sur Meier, Schoemann, p. 596, note 301; Philippi, Symbolae, p. 9. On s'est fondé, pour soutenir le contraire (Schoemann, De lit. Att. p. 661) и т. д.“ Читатель несомнѣнно сейчасъ же догадался, что загадочная послѣдняя цитата больше ничего, какъ цитата изъ сочиненія Meier-Schoemann'a, Der Attische Process. Цитата эта дословно находится у A. Philippi, Symbolae ad doctrinam iuris attici de syngraphis et de οὐσίας notione, Lipsiae 1871. Мы нисколько не одобряемъ странной манеры переводить заглавія книгъ на латинскій языкъ: но въ латинскомъ сочиненіи такая цитата всетаки хоть мало-мальски понятна. Но чтобы французъ въ сочиненіи писанномъ на французскомъ языкѣ цитируя нѣмецкое сочиненіе

1) Ср. H. F. Hitzig, Deutsche Litteraturzeitung, 1900, стр. 928 сл.
2) Ср. Гл. III § 1 стр. 131.

переводилъ заглавіе на латинскій языкъ, уже само по себѣ такъ дико, что этому трудно повѣрить, тѣмъ болѣе, что Beauchet самъ постоянно, и даже въ нашемъ же примѣчаніи, цитируетъ это сочиненіе совершенно вѣрно. Beauchet, стало быть, нашелъ эту цитату у Philippi, не сообразилъ, что это то же сочиненіе, которое онъ только что цитировалъ, не провѣрилъ, стало быть, этой цитаты, а зря списалъ ее у Philippi. Цитата сама по себѣ совершенно вѣрная, такъ какъ извѣстно, что Meier и Schoemann такъ распредѣлили между собою работу, что Schoemann обработалъ введеніе, вторую и четвертую книги, а Meier первую и третью; такъ какъ означенная страница находится въ четвертой книгѣ, то Philippi, конечно, могъ такъ цитировать это сочиненіе, хотя намъ, по правдѣ сказать, этотъ методъ цитированія совсѣмъ не по душѣ. Разъ заглавіе сочиненія Meier-Schoemann „Der Attische Process", то такъ и нужно цитировать это сочиненіе.

§ 4.

Вопросы семейнаго права.

I. Бракъ. Аттическое семейное право заключаетъ въ себѣ такое множество трудныхъ, запутанныхъ и спорныхъ вопросовъ, что еслибы мы стали подробно излагать и разбирать эти проблемы, то могли бы на эту тему написать цѣлую книгу. Матерія эта, однако, до того часто обрабатывалась [1]) и разсматривалась со всевозможныхъ точекъ зрѣнія, что вполнѣ новаго врядъ ли удастся придумать. Но такъ какъ, не смотря на эти столь многочисленные труды, до сихъ поръ нѣтъ еще ни одной теоріи, которую можно было бы цѣликомъ одобрить и къ которой можно было бы вполнѣ присоединиться, то мы безъ краткаго изложенія своихъ собственныхъ воззрѣній обойтись не можемъ. Краткость

1) Ср. напр. van den Es, De iure familiarum apud Athenienses, Лейденъ 1864. H. Buermann, Drei Studien auf dem Gebiete des attischen Rechts, Jahrb. f. class. Philol. Suppl. IX 1877—78 стр. 567—646. E. Hruza, Beiträge zur Geschichte des griechischen und römischen Familienrechts, I: Die Ehebegründung nach attischem Recht, Erlangen 1892, II: Polygamie und Pellikat nach griechischem Recht, ibid. 1894. Th. Thalheim, Zu den griechischen Rechtsalterthümern, II Hirschberg 1894 (1. ἐγγύησις, 2. κύριος, 3. ἐπιδικασία). Beauchet, l. c. I и II. O. Müller, Untersuchungen zur Geschichte des attischen Bürger- und Eherechts, Jahrb. f. class. Philol., Suppl. XXV 1899, стр. 661—865.

нашего изложенія объясняется еще тѣмъ, что въ нашей рѣчи затрагиваются не всѣ проблемы. Шестою рѣчью, какъ извѣстно, пользовались какъ однимъ изъ важнѣйшихъ документовъ защитники теоріи существованія въ Аѳинахъ либо законнаго конкубината, либо бигаміи, а третьи, какъ въ другихъ рѣчахъ, такъ и въ нашей рѣчи употребляли свою чудотворную ѳомку, а именно — разводъ. Наше воззрѣніе, однако, основывается на нашемъ воззрѣніи на характеръ т. н. ἐγγύησις, такъ что намъ предварительно придется вкратцѣ объяснить характеръ этого учрежденія, тѣмъ болѣе, что мы не соглашаемся съ воззрѣніемъ новѣйшихъ ученыхъ, въ особенности юристовъ. Подробности можно найти въ цитированной нами литературѣ.

Прежде обыкновенно полагали, что ἐγγύησις = „помолвка“ или „обрученіе“ (sponsalia). Австрійскій юристъ Hruza первый возсталъ противъ этого толкованія и попытался доказать, что ἐγγύησις не „помолвка“, а „актъ совершенія брачнаго договора (Ehebegründung)“, γάμος же „актъ совершенія брака (Ehevollziehung, domum deductio и copula carnalis)“, обыкновенно непосредственно слѣдующій за ἐγγύησις; ἐγγύησις, на его взглядъ, однако не предшествуетъ совершенію брака, а посредствомъ ἐγγύησις, именно, и совершается бракъ т. е. непосредственно по совершеніи брачнаго договора бракъ уже считается совершеннымъ, женихъ и невѣста считаются супругами, γάμος только формальность, никакого юридическаго значенія не имѣющая, это больше ничего, какъ простое „празднованіе свадьбы (Hochzeitsfeier)“, связанное съ ἄγεσθαι (domum deductio) и copula carnalis (по его мнѣнію это, именно, и есть главное значеніе слова γάμος). Это новое толкованіе произвело баснословное впечатлѣніе на весьма многихъ ученыхъ. Юристы Beauchet и Hitzig сочли „diese Auffassung für eines der sichersten Ergebnisse von Hruzas Arbeiten“, а многіе филологи sive iudicio, sive pudore a dicendo et timiditate ingenua (Cic. de orat. II 3, 10), не рѣшились выступить противъ юристовъ и поэтому также присоединились къ этому мнѣнію; не во всѣхъ отношеніяхъ согласились съ этимъ толкованіемъ филологи V. Thumser (Berl. philol. Wochenschrift 1893 стр. 87 сл.), Th. Thalheim (l. c.), B. Kübler (Zeitschrift f. Rechtsgeschichte XV Rom. Abth., Weimar 1894, стр. 395) и O. Müller (l. c.). Какъ уже было нами замѣчено, мы не станемъ подробно разбирать этихъ отдѣльныхъ мнѣній и толкованій, а просто сообщимъ то, что намъ кажется вѣрнымъ.

Аѳинскую ἐγγύησις дѣйствительно нельзя сравнивать съ нашей помолвкой. Въ современныхъ правахъ помолвка не имѣетъ

оффиціальнаго характера и юридическаго значенія: такое значеніе у насъ придается только акту совершенія брака. Въ Аѳинахъ же ἐγγύησις преважный актъ, а именно актъ совершенія брачнаго договора. Договоръ этотъ заключался между женихомъ, съ одной стороны, и κύριος'омъ невѣсты, съ другой стороны. Безъ этого брачнаго договора законный бракъ былъ невозможенъ и немыслимъ, такъ что бракъ, заключенный безъ ἐγγύησις, считался недѣйствительнымъ. Оба контрагента, т. е. κύριος и женихъ, при заключеніи этого брачнаго договора точно устанавливали всѣ условія и приданое. По окончаніи всѣхъ формальностей κύριος говорилъ: „ἐγγυῶ такую-то дѣвицу такому-то человѣку", а женихъ говорилъ: „ἐγγυῶμαι эту дѣвицу". Послѣ этого дѣвица называлась „ἐγγυητή".

Однако если юристы полагаютъ, что съ наступленіемъ этого момента бракъ считался совершеннымъ и дѣвица эта считалась законной супругой своего жениха, то они сильно ошибаются. Дѣвица эта только ἐγγυητή, а никакъ не γαμετή. Она дѣлалась γαμετή только по совершеніи брака (γάμος). Актъ совершенія брака совершенно особый актъ, который нисколько не совершался непосредственно послѣ брачнаго договора — какъ это голословно утверждаетъ Hruza —, а весьма часто даже значительно позже; иногда онъ совсѣмъ не совершался, бракъ въ такомъ случаѣ считался не состоявшимся. Чтобы доказать, до какой степени странно и немыслимо воззрѣніе юристовъ, достаточно будетъ привести одинъ только примѣръ. Въ 28-ой рѣчи (κατ' Ἀφόβου B § 15 сл.) Демосѳенъ разсказываетъ, какъ отецъ его, ὡς ἤσθετο τὴν νόσον οὐκ ἀποφευξόμενος, обручилъ свою жену съ Афобомъ, а свою пятилѣтнюю дочь съ Демофонтомъ (въ обоихъ случаяхъ говорится ἐγγυῶν). Еслибы юристы были правы, то мать Демосѳена имѣла бы одновременно двоихъ мужей, такъ какъ первый мужъ ея не умеръ же въ самый моментъ этой ἐγγύησις, а пятилѣтняя дѣвочка была бы законной супругой одного изъ опекуновъ! И то и другое, разумѣется, невозможно и немыслимо. Это подтверждается и самимъ Демосѳеномъ, который сообщаетъ, что и тотъ и другой присвоили себѣ приданое, но и не думали жениться на матери и ея дочери; Афобъ женился на дочери Филонида изъ Мелиты. Нигдѣ въ этихъ рѣчахъ ни словомъ не упоминается о томъ, чтобы бракъ, заключенный отцомъ, былъ потомъ расторгнутъ, а объ этомъ Демосѳенъ не могъ умолчать, еслибы они дѣйствительно развелись со своими законными супругами.

Юристы главнымъ образомъ основываются на трехъ моментахъ: „diese Auffassung, говоритъ Hitzig, hat ihre feste Stütze vor Allem in dem Gesetzestext Ps.-Demosth. g. Steph. II 18,1134 v.: ἦν ἂν ἐγγυήσῃ ἐπὶ δικαίοις δάμαρτα εἶναι, in der Gleichstellung von ἐγγύησις und ἐκδιδόναι, und in der Gleichzeitigkeit von ἐγγύησις und Dosbestellung.“ Ни одинъ изъ этихъ доводовъ не можетъ считаться вѣрнымъ. Что касается, во-первыхъ, упомянутаго закона, то словами этими просто обозначается т. н. consensus matrimonialis de futuro, брачный договоръ, именно, съ тѣмъ и заключается, чтобы дѣвица по совершеніи брака сдѣлалась законной супругой. Что касается, далѣе, отожествленія выраженій ἐγγύησις и ἐκδιδόναι, то вышеупомянутые филологи уже доказали, что это воззрѣніе вполнѣ превратное: „ἐκδιδόναι, говоритъ Kübler, passt sowohl auf die ἐγγύησις als auf den γάμος, die Heimführung; er ist der umfassendere, generellere, ἐγγυᾶν der speciellere Ausdruck. Es ist ein Unterschied, ob zwei Ausdrücke identisch sind oder synonym gebraucht werden“. Третій доводъ, наконецъ, основанъ на столь же ложномъ взглядѣ. Нужно, именно, строго различать между установленіемъ и передачей приданаго: приданое устанавливается при заключеніи брачнаго договора, передается же оно только по совершеніи брака. Такъ нпр. въ 41-ой рѣчи Демосѳена (πρὸς Σπουδίαν, §§ 6 и 16) говорится: ἠγγύα μοι Πολύευκτος τὴν θυγατέρ' ἐπὶ τετταράκοντα μναῖς, но затѣмъ вызываются особые свидѣтели въ подтвержденіе того, что ἐγγύησις дѣйствительно состоялась, и особые свидѣтели въ подтвержденіе того, что при передачѣ приданаго ему выдали меньше, чѣмъ было обѣщано. Передача приданаго, стало быть, не состоялась одновременно съ установленіемъ, въ противномъ случаѣ были бы одни и тѣ-же свидѣтели. Равнымъ образомъ Демосѳенъ разсказываетъ въ 28-ой рѣчи (κατ' Ἀφόβου Β § 16), что отецъ его обручилъ съ Афобомъ τὴν μητέρ' ἐγγυῶν ἐπὶ ταῖς ὀγδοήκοντα μναῖς; и здѣсь говорится только объ установленіи приданаго, такъ какъ въ § 13 первой рѣчи противъ Афоба (or. 47) разсказывается, что Афобъ μετὰ τὸν τοῦ πατρὸς θάνατον присвоилъ себѣ разные переименованные тамъ предметы ἕως ἀνεπληρώσατο τὴν προῖκα, τὰς ὀγδοήκοντα μνᾶς. Въ послѣднемъ случаѣ бракъ, правда, не состоялся, Афобъ обманулъ вдову и ея дѣтей и присвоилъ себѣ незаконнымъ образомъ приданое; однако и это мѣсто ясно показываетъ, что передача приданаго не состоялась одновременно съ установленіемъ онаго. Итакъ всѣ доводы юристовъ оказались неосновательными.

Вся процедура, на нашъ взглядъ, была слѣдующая. I актъ:

совершеніе брачнаго договора (ἐγγύησις) съ установленіемъ приданаго. II актъ: совершеніе брака (γάμος) и передача приданаго; что γάμος не есть простое празднованіе свадьбы явствуетъ изъ того обстоятельства, что словомъ γάμος обозначается также законный бракъ. III актъ: γαμηλία (γαμηλίαν εἰσφέρειν ὑπέρ τινος). И относительно этой гамеліи Hruza и Beauchet сильно ошибаются. Гамелія — брачное жертвоприношеніе или пиршество, которое молодой супругъ послѣ свадьбы давалъ членамъ своей фратріи при записываніи жены въ его фратрію. Существовали ли въ Аѳинахъ такія записи браковъ въ соотвѣтствующіе списки — вопросъ весьма спорный. Однако мы думаемъ, что нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ томъ, что кромѣ новорожденныхъ и возмужалыхъ въ списки фратріи записывались и новобрачные, тѣмъ болѣе, что это значительно облегчало наблюденіе за чистотой происхожденія гражданъ. Ἐγγύησις, стало быть, consensus matrimonialis de futuro. Для совершенія брака не требуется согласія κύριος'а, женихъ имѣетъ полное право совершить бракъ и этимъ превратить это de futuro въ de praesenti. Главнѣйшимъ актомъ, слѣдовательно, является ἐγγύησις, такъ какъ безъ нея всякій бракъ недѣйствителенъ. Остальное само по себѣ истекаетъ изъ этого преважнаго акта.

Мы видимъ, слѣдовательно, что ἐγγύησις существенно отличается отъ нашей помолвки. Но съ бракомъ ее также нельзя сравнивать. Поэтому, если кому-либо непремѣнно хочется передавать это слово по-русски, то мы ему совѣтуемъ по прежнему употреблять слово „помолвка", но при этомъ не забывать, что аѳинская помолвка учрежденіе оффиціальное и преважное. Мы сами того мнѣнія, что такіе термины лучше всего не переводить, а просто употреблять данное греческое слово. Мы говоримъ объ аппелляціи, о конкубинатѣ, о προβούλευμα, о моногаміи, бигаміи, полигаміи и т. п., отчего же не говорить просто объ ἐγγύησις или энгіезѣ?

Изъ вышеизложеннаго ясно слѣдуетъ — хотя и это оспаривается многими учеными —, что ἐπιδικασία не отличается отъ ἐγγύησις. Во второмъ случаѣ женихомъ можетъ сдѣлаться любой гражданинъ, въ первомъ случаѣ на епиклерѣ долженъ жениться ближайшій родственникъ (объ этомъ уже была рѣчь[1]); во второмъ случаѣ брачный договоръ заключается между κύριος'омъ

1) Ср. Гл. II 8 стр. 71 и Гл. III § 3 стр. 237.

невѣсты и женихомъ, въ первомъ случаѣ судъ рѣшаетъ, кто имѣетъ большее право на руку этой дѣвицы и присуждаетъ ему эту особу. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ т. е. ни посредствомъ ἐγγύησις, ни путемъ епидикасіи не совершается бракъ, а только брачный договоръ; Ἐγγύησις и ἐπιδικασία только подготовительные акты, самый же бракъ совершается посредствомъ γάμος'α.

Обратимся теперь опять къ нашей рѣчи. Какъ извѣстно, Евктемонъ, послѣ того какъ всю свою жизнь жилъ мирно и дружно со своей семьей и велъ себя прилично, состарившись вдругъ совершенно измѣнился (§§ 19—24). Онъ вошелъ въ связь съ публичной женщиной, проводилъ у нея большую часть своего времени и когда ему, наконецъ, надоѣли увѣщеванія своихъ родственниковъ, онъ совершенно водворился у нея. Черезъ нѣкоторое время этой женщинѣ удалось уговорить Евктемона внести ея старшаго сына въ списки его фратріи. Родственники его, какъ мы видѣли, воспротивились этому и внесеніе не состоялось. Тогда Евктемонъ ὀργιζόμενος τῷ υἱεῖ καὶ ἐπηρεάζειν βουλόμενος ἐγγυᾶται γυναῖκα Δημοκράτους τοῦ Ἀφιδναίου ἀδελφήν, ὡς ἐκ ταύτης παῖδας ἀποφανῶν καὶ εἰσποιήσων εἰς τὸν οἶκον[1]), εἰ μὴ συγ-

1) Обращаемъ вниманіе читателей на то, что выраженіе εἰσποιεῖν εἰς τὸν οἶκον здѣсь ничего общаго съ усыновленіемъ не имѣетъ. Онъ потому только и собирался жениться на сестрѣ Демократа, чтобы такимъ образомъ получить законныхъ дѣтей. Еслибы онъ имѣлъ право усыновить кого бы то ни было, то онъ никогда бы не обручился съ этой особой. Но въ томъ то и дѣло, что при жизни своего законнаго сына Филоктемона онъ не имѣлъ такого права. Слѣдовательно, такъ какъ онъ, во-первыхъ, не имѣлъ права усыновить кого бы то ни было, а во-вторыхъ, такъ какъ законныхъ дѣтей никто же не усыновляетъ, то выраженіе это, какъ уже было нами замѣчено, ничего общаго съ усыновленіемъ не имѣетъ. Оно здѣсь, стало быть, имѣетъ совершенно другое значеніе, но точно перевести это мѣсто довольно трудно. Шёманнъ переводитъ: „in der Absicht, Kinder, als mit ihr erzeugt, aufzustellen und in sein Erbe zu bringen". Dareste: „annonçant l'intention de présenter comme siens et de faire entrer dans la maison les enfants qu'ils aura de cette femme". Моу парафразируетъ эти слова такимъ образомъ: „dans l'intention de présenter comme siens des enfants soi-disant nés de cette femme et qui diminueraient la part d'héritage de Philoctémon". C. Mueller: „hoc agitans ut liberos ab illa muliere procreatos perhiberet et in bona sua immitteret". Какъ видно, дословнаго перевода нѣтъ ни у одного изъ переводчиковъ; по смыслу же всѣ эти переводы приблизительно вѣрны. Исей хочетъ, именно, сказать, что Евктемонъ намѣревался такимъ образомъ увеличить число законныхъ наслѣдниковъ, обогатить свой домъ и родъ, прибавляя къ числу прежнихъ законныхъ потомковъ и наслѣдниковъ новыхъ, не менѣе законныхъ.

χωροίη τοῦτον εἰσαχθῆναι. Чтобы избѣжать бо́льшихъ непріятностей родственники его заключили съ нимъ мировую сдѣлку, мальчика внесли въ списки фратріи, но дали ему всего только χωρίον ἕν. Послѣ этого ἀπηλλάγη τῆς γυναικὸς ὁ Εὐκτήμων, καὶ ἐπεδείξατο ὅτι οὐ παίδων ἕνεκα ἐγάμει, ἀλλ' ἵνα τοῦτον εἰσαγάγοι. Мѣсто это принадлежитъ къ числу самыхъ спорныхъ и вызвало не мало толкованій и догадокъ.

Извѣстно, что Buermann въ своей теоріи о законномъ конкубинатѣ главнымъ образомъ основывался и на нашей рѣчи и находилъ въ ней два случая такого конкубината: конкубинатъ съ сестрой Демократа и конкубинатъ съ упомянутой въ §§ 12 сл. Каллиппой. Теорія эта въ свое время надѣлала столь же много шума, какъ и недавно вышеизложенная теорія юриста Hruza о характерѣ аѳинской ἐγγύησις. Но такъ какъ сегодня теорія Buermann'а уже отжила свой вѣкъ и врядъ ли кѣмъ-либо еще одобряется, то и словъ по пустому тратить не стоитъ [1]). Законнаго конкубината въ Аѳинахъ никогда не было.

Другіе ученые (Hruza, Hitzig) утверждаютъ, что Евктемонъ одновременно имѣлъ 2 законныхъ женъ и заключаютъ какъ изъ этого мѣста, такъ и изъ нѣкоторыхъ другихъ рѣчей (Dem. or. 39 πρὸς Βοιωτὸν περὶ τοῦ ὀνόματος; Ps.-Demosth. or. 40 πρὸς Βοιωτὸν περὶ προικὸς μητρῴας; Andoc. or. 1 περὶ τῶν μυστηρίων), что бигамія въ Аѳинахъ не была запрещена.

Третьи (Beauchet, Müller) опровергаютъ это мнѣніе, утверждаютъ, что бигамія въ Аѳинахъ немыслима, и полагаютъ, что всѣ эти ларчики совершенно просто открываются, если только предположить, что во всѣхъ этихъ случаяхъ новому браку предшествовало расторженіе прежняго, и что только расторженіе предшествующаго брака давало возможность вступить въ новый.

Какъ уже было нами замѣчено, мы здѣсь не станемъ вступать въ подробный разборъ остальныхъ упомянутыхъ нами рѣчей, тѣмъ болѣе, что все, что говоритъ противъ того или другого мнѣнія было уже замѣчено сторонниками противной партіи. Насъ здѣсь интересуетъ исключительно VI рѣчь Исея, въ которой, какъ мы постараемся доказать, не говорится ни о бигаміи, ни о расторженіи брака (разумѣется и не о законномъ конкубинатѣ). Ни одно изъ упомянутыхъ мнѣній не попало въ самую точку.

---

1) Въ § 24 говорится ἐγάμει, а въ § 25 γαμεῖν. Мы просто не понимаемъ, какъ Buermann не смотря на то могъ утверждать, что здѣсь говорится о конкубинатѣ.

Въ нашей рѣчи совершенно опредѣленно говорится, что Евктемонъ ἐγγυᾶται сестру Демократа. Мы выше уже постарались доказать, что ἐγγύησις не есть совершеніе брака, а только совершеніе брачнаго договора. Такъ какъ бракъ (γάμος) еще не былъ совершенъ, то она еще не была его законной супругой и о бигаміи, поэтому, и рѣчи быть не можетъ. Hruza указываетъ на слово ἐγάμει и утверждаетъ, что лучшаго доказательства и не нужно. Однако такой промахъ могъ дать только такой юристъ, какъ Hruza, не знающій хорошо греческаго языка и считающій себя въ правѣ поправлять такого знаменитаго филолога, какъ Шёманна. Для всякаго ученаго, знающаго греческій языкъ, уже само по себѣ ясно, что ἐγάμει не „онъ женился“, а imperfectum de conatu „онъ собирался жениться“ (γαμεῖν ἠβούλετο, Schoemann); еслибы Исею захотѣлось сказать, что онъ женился, то онъ употребилъ бы аористъ. О бигаміи, слѣдовательно, и думать нельзя.

Не менѣе превратна и теорія о расторженіи брака. Въ нашей рѣчи нигдѣ о разводѣ не говорится. Кажется — sapienti sat. Однако защитники этой теоріи не того мнѣнія. Приступивъ къ толкованію этого мѣста съ предвзятымъ мнѣніемъ, что посредствомъ ἐγγύησις сестра Демократа сдѣлалась его законной супругой и основываясь на вѣрномъ воззрѣніи, что бигамія въ Аѳинахъ немыслима, ученые эти волей-неволей должны были утверждать, что новому браку предшествовало расторженіе прежняго. А такъ какъ Исей въ нашей рѣчи о разводѣ не говоритъ, то они положили нашу рѣчь на Прокрустово ложе и до того вывихнули ее, что даже Hitzig, сторонникъ теоріи о бигаміи, по отношенію къ нашей рѣчи началъ сомнѣваться въ правильности своего воззрѣнія и замѣтилъ: „Man kann dies für die Ehe des Euktemon gelten lassen, wiewohl auch hier von einer eigentlichen Scheidung nicht gesprochen wird“. При безпристрастномъ и объективномъ толкованіи нашей рѣчи доводы эти, однако, всѣ безъ исключенія улетучиваются.

До какой степени они извращаютъ показанія нашего оратора, явствуетъ изъ слѣдующаго примѣра. Въ нашей рѣчи законная жена Евктемона называется γυνὴ αὐτοῦ. Въ § 39 разсказывается, какъ послѣ его смерти Андроклъ и Антидоръ позаботились о томъ, ὅπως μηδεὶς ἐξαγγείλειε μήτε τοῖν θυγατέροιν μήτε τῇ γυναικὶ αὐτοῦ μήτε τῶν οἰκείων μηδενί, и тутъ, стало быть, она называется не иначе. Еслибы эти ученые были правы и бракъ ея былъ расторгнутъ, то ее нельзя же было назвать его

женой? Слѣдовательно, нужно заключить, что бракъ не былъ расторгнутъ. Однако такой результатъ въ состояніи изгадить всю теорію этихъ ученыхъ, поэтому нужно было свалить его съ себя. Вотъ какими возраженіями воспользовался Müller: „Der Sprecher sagt ὅπως . . . . μηδενί (см. выше), er nennt sie in absteigender Reihenfolge, die Nächststehenden zuerst — und da kommen die Töchter vor der Frau? War denn nicht die Frau die nächste dazu? Seit wann gehen die Töchter vor? — ja wenn es noch Söhne wären! Sie gehen in diesem Falle vor, denn Töchter bleiben immer Töchter, aus der Frau aber war eine geschiedene Frau geworden. Als Mutter der Töchter kam sie noch in Betracht, in Bezug auf diese war sie γυνή des Vaters derselben. Deshalb steht sie an zweiter Stelle". Своебразныя прелести этой аргументаціи не произвели, однако, на насъ ни малѣйшаго впечатлѣнія. Во-первыхъ, мы не понимаемъ, почему Мюллеръ придаетъ такое большое значеніе порядку, въ которомъ здѣсь перечисляются эти особы? Еслибы это былъ законъ — какъ нпр. въ началѣ XI рѣчи Исея περὶ τοῦ Ἁγνίου κλήρου — то порядокъ, разумѣется, имѣлъ бы важное значеніе. Наше же мѣсто ничего общаго съ закономъ не имѣетъ и поэтому порядокъ самъ по себѣ довольно неваженъ. Во-вторыхъ, если даже допустить, что Мюллеръ правъ и что Исей дѣйствительно намѣренно назвалъ сначала дочерей, а затѣмъ только мать, то и тогда мы въ этомъ порядкѣ не находили бы ничего удивительнаго. Еслибы Мюллеръ обратилъ должное вниманіе на наслѣдственное право, то нашелъ бы, что по аѳинскимъ законамъ вдова усопшаго ни въ какомъ случаѣ не могла ему наслѣдовать. Такъ какъ у Евктемона при смерти не было болѣе ни сыновей, ни сыновнихъ дѣтей, то законными наслѣдницами являлись дочери Евктемона (въ качествѣ епиклеровъ). Мать ихъ совершенно естественно должна была довольствоваться вторымъ мѣстомъ.

Однако Мюллеръ упустилъ изъ виду одинъ весьма существенный моментъ. Еслибы онъ былъ правъ и еслибы бракъ ея былъ расторгнутъ, то черезъ это прекратилась бы всякая связь съ семействомъ Евктемона и ея дѣтьми. Она въ такомъ случаѣ по отношенію къ мужу и къ дѣтямъ стала бы совершенно чужой особой. Нашъ ораторъ въ такомъ случаѣ никогда бы не назвалъ ее супругой Евктемона. Исей, какъ мы видѣли, написалъ эту рѣчь для семейства Фанострата, о которомъ самъ Мюллеръ говоритъ, что это „eine wohlhabende, hochachtbare Familie, die etwas auf sich hält, der es aufs äusserste unangenehm ist, wenn

etwas von ihr in die Oeffentlichkeit dringt, das irgendwie an Skandal erinnert". Такіе люди, разумѣется, по прежнему считали бы ее своей дорогой матерью, но не выдавали бы ее публично за жену Евктемона, если бы она фактически перестала быть таковой. Стоило вѣдь только противникамъ указать на это — и почтенные кліенты Исея находились бы въ весьма незавидномъ положеніи. Далѣе, неужели Мюллеръ полагаетъ, что Андроклъ и остальная честна́я компанія впустили бы вдову Евктемона, еслибы она уже съ нѣкоторыхъ поръ перестала быть его супругой? Мы это считаемъ немыслимымъ.

Мы, далѣе, уже замѣтили, что по расторженіи брака прекращалась также всякая связь съ дѣтьми, которыя обязательно оставались у своего отца (ихъ κύριος'а); къ этому можно еще прибавить, что она также обязательно покидала домъ, въ которомъ до сихъ поръ жила. Такъ какъ въ нашей рѣчи она осталась въ домѣ своего мужа, въ которомъ она все время жила и такъ какъ дѣти остались у нея, то для каждаго безпристрастнаго человѣка вполнѣ ясно, что разводъ не состоялся. Мюллеръ и тутъ другого мнѣнія. Самихъ фактовъ онъ отрицать не можетъ, но онъ старается ихъ иначе объяснить. На стр. 701 онъ сначала утверждаетъ, что, на его взглядъ, почти немыслимо, чтобы Евктемонъ уходя отъ своей жены не сказалъ ей: „Du bist meine Frau nicht mehr". Это фантастическое, субъективное воззрѣніе Мюллера не требуетъ, собственно говоря ни малѣйшаго опроверженія: оно само собою опровергается нашими остальными доводами. Мы поэтому только замѣтимъ, что Евктемонъ, который уже до своего ухода проводилъ не мало времени у Алки, совершенно очевидно однажды просто не вернулся домой. Мюллеръ на стр. 703 самъ сознаетъ, что семейство до послѣдней минуты надѣялось, что Евктемонъ наконецъ очнется и броситъ эту публичную женщину. Что надежда ихъ не осуществилась, отъ этого же сами факты нисколько не измѣняются.

Мюллеръ на стр. 701, далѣе, не отрицаетъ, что она осталась въ прежнемъ домѣ, ибо онъ пишетъ: „Der κύριος, dem sie hätte zugeschickt werden können, lebte wohl nicht mehr, die Geschiedene blieb bei ihren Kindern, die ja bei dem Konflikte auf ihrer Seite standen". Извѣстно, что въ Аѳинахъ женщина, которая почему-то оставляла домъ мужа, возвращалась подъ опеку своего отца или его ближайшихъ родственниковъ. Всякая женщина должна была обязательно находится подъ опекой мужчины. Сынъ ея не могъ сдѣлаться ея опекуномъ, такъ какъ въ случаѣ развода разрыва-

лись всѣ связи съ семьей мужа; она возвращалась въ прежнюю семью. На какомъ основаніи Мюллеръ говоритъ объ одномъ только κύριος'ѣ, для насъ рѣшительно непонятно: по смерти перваго κύριος'а мѣсто его занималось однимъ изъ остальныхъ ближайшихъ родственниковъ. Что же касается того, что она оставалась въ домѣ своего мужа и дѣти оставались у нея, то изъ этого, именно, и явствуетъ, что никакого не было развода. На стр. 704 (прим. 1) онъ смѣло утверждаетъ, что въ нашей рѣчи страннымъ образомъ трудно опредѣлить, о какомъ именно Евктемоновомъ домѣ здѣсь говорится. Мы со своей стороны полагаемъ, что слова καταλιπὼν καὶ τὴν γυναῖκα καὶ τοὺς παῖδας καὶ τὴν οἰκίαν ἣν ᾧκει (съ супругой и дѣтьми) . . . . τελευτῶν παντελῶς διῃτάτο ἐκεῖ (т. е. у Алки) до того ясны, что не нуждаются въ комментаріи. Мюллеръ не смотря на то утверждаетъ, что вполнѣ неясно, гдѣ теперь жила вдова Евктемона; но еслибы она даже жила въ прежнемъ домѣ, то изъ этого, на его взглядъ, еще нисколько не слѣдовало бы, что бракъ не былъ расторгнутъ: „Es konnte die Mitgift der Frau auf dem Gebäude eingetragen sein, und er überliess es ihr. Das „Haus", aus dem die Geschiedene gestossen wird, ist doch nicht ein Gebäude, in dem sie bis dahin mit dem Manne gewohnt hat, sondern der Haushalt des Mannes"! При такомъ способѣ можно, конечно, доказывать все что угодно, но такихъ доводовъ мы опровергать не станемъ.

Мюллеръ указываетъ также на то, что нашъ ораторъ, какъ мы уже видѣли (§ 17), неохотно говоритъ объ этихъ συμφοραί, такъ какъ онѣ крайне непріятны для Фанострата, ὀλίγα δ' ἀναγκαῖον ῥηθῆναι, ἵνα ὑμεῖς τὴν ἀλήθειαν εἰδότες ῥᾷον τὰ δίκαια ψηφίσησθε. Умолчаніе такого важнаго факта, какъ разводъ, ничего общаго съ упомянутой ἀλήθεια не имѣетъ. И если Мюллеръ полагаетъ, что при упоминаніи ἐγγύησις и нѣкоторыхъ другихъ выраженій слушатели сейчасъ же догадались, что здѣсь сначала предшествовало расторженіе брака, то и на этомъ останавливаться не стоитъ, такъ какъ и это мнѣніе опровергается нашими доводами. Мюллеръ даже находитъ, что если Алку называли ἄνθρωπος, то нужно же было какъ нибудь отличить отъ нея прежнюю супругу Евктемона, и поэтому ее назвали γυνή. Но еслибы бракъ былъ расторгнутъ, то ораторъ здѣсь никогда не упомянулъ бы о вдовѣ Евктемона и не назвалъ бы ее его супругой.

Въ заключеніе мы еще разъ вкратцѣ повторимъ наше мнѣніе. Евктемонъ ἐγγυᾶται сестру Демократа, но это только актъ совершенія брачнаго договора, а не совершеніе брака. Особа эта,

стало быть, не была еще его законной супругой, такъ что о бигаміи и рѣчи быть не можетъ. Словомъ ἐγάμει обозначается только намѣреніе Евктемона жениться на этой особѣ. На самомъ дѣлѣ Евктемону нисколько не хотѣлось на ней жениться. Вся эта процедура была больше ничего, какъ довольно гадкая интрига. Евктемонъ былъ увѣренъ, что родственники не захотятъ подѣлиться съ новыми наслѣдниками и, поэтому, дозволятъ ему внести старшаго сына Алки въ списки фратріи. Это была только попытка, не удастся ли ему такимъ образомъ достигнуть своей цѣли. И онъ дѣйствительно достигъ ея: мальчика внесли въ списки фратріи. Такъ какъ Евктемонъ этого только и желалъ, то онъ немедленно ἀπηλλάγη τῆς γυναικός. И эта формула ясно показываетъ, что бракъ еще не состоялся; еслибы Исей хотѣлъ сообщить, что только что совершенный бракъ былъ расторгнутъ, то употребилъ бы техническое выраженіе ἀπέπεμψε τὴν γυναῖκα, которое исключительно употребляется въ такихъ случаяхъ. Съ другой стороны — еслибы онъ ошибся въ своихъ предположеніяхъ и дѣти его ничего бы не сдѣлали, то въ такомъ случаѣ былъ бы совершенъ и γάμος, и особа эта превратилась бы въ законную жену: этому браку, однако, обязательно предшествовало бы расторженіе перваго брака, такъ какъ бигаміи не было въ Аѳинахъ. Разводъ практиковался весьма просто и безъ всякихъ формальностей: мужъ безъ дальныхъ околичностей возвращалъ свою жену ея прежнему κύριος'у, при чемъ единственная обязанность его состояла въ возвращеніи приданаго. Вся эта ἐγγύησις съ сестрой Демократа была, стало быть, совершена только для виду. Намъ эта процедура, разумѣется, кажется нѣсколько странной. Но стоитъ только вспомнить о томъ, что случилось при внесеніи старшаго сына Алки въ списки фратріи Евктемона. Какіе просто неимовѣрные факты пришлось намъ при этомъ случаѣ установить! И Евктемонъ со своей честно́й компаніей, и Филоктемонъ со своими почтенными родственниками, и фраторы — всѣ они знали, кто этотъ мальчикъ, и не смотря на то состоялось внесеніе! Эта ἐγγύησις даже еще невинна въ сравненіи съ упомянутымъ внесеніемъ сына Алки, такъ какъ она могла вѣдь еще кончиться законнымъ бракомъ, и знали ли объ этой махинаціи кое-что Демократъ и его сестра, также неизвѣстно.

Такимъ образомъ ясно, что въ нашей рѣчи не говорится ни о законномъ конкубинатѣ, ни о бигаміи, (которыхъ въ Аѳинахъ совсѣмъ не было), ни о расторженіи брака. Что же касается второго случая (§ 12 сл. Καλλίππη), то объ этомъ мы уже гово-

рили во второй главѣ [1]), и видѣли, что все что сообщается о ней, только придумано противниками Хэрестрата. Нѣкоторые ученые, однако, утверждаютъ, что если и самый фактъ выдуманъ, то ораторъ не пользуется лучшимъ возраженіемъ т. е. онъ не указываетъ на то, что еслибы противники были правы, то это была бы бигамія, а таковая немыслима. Мы полагаемъ, что если ораторъ доказываетъ, что все, что приведено противниками, чистѣйшій вздоръ, то никакихъ другихъ доводовъ не требовалось. И теперь встрѣчаются иногда такіе случаи, что у одного мужчины 2 жены, не смотря на то, что это строго запрещено законами. Указаніе на незаконность такого положенія не доказало бы отсутствія такого положенія. Для этого нужны были доказательства, а приведенныя Исеемъ какъ нельзя лучше удоволетворяютъ цѣли.

II. Опека. Среди греческихъ рѣчей, произнесенныхъ по частнымъ дѣламъ, какъ извѣстно, не мало рѣчей, произнесенныхъ по дѣламъ объ опекѣ. „Die Reden in Vormundschaftssachen nehmen, wenn nicht unter den erhaltenen, so doch unter den angeführten Reden eine bedeutende Stelle ein, was auch einen nicht eben vortheilhaften Einblick in die sittlichen Verhältnisse des damaligen Athen gewährt: denn dies sind lauter Fälle, wo die Habgier auf der einen oder anderen Seite stärker war als alle Verwandschaft und Freundschaft [2])". Наша рѣчь, правда, принадлежитъ къ числу т. н. κληρικοὶ λόγοι. Однако опека играетъ въ ней такую важную роль, что всѣ авторы пользовались ею какъ однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ. Если прочесть важнѣйшія сочиненія, посвященныя этому предмету, то оказывается, что наша рѣчь не только неоднократно цитируется, но что сочиненія эти во многихъ отношеніяхъ просто походятъ на комментарій къ мѣстамъ, гдѣ говорится объ опекѣ. Это обстоятельство даетъ намъ возможность, короче остановиться на этомъ вопросѣ, ибо Schulthess (Beauchet вполнѣ зависитъ отъ него) до того тщательно и

1) Ср. Гл. II 10 стр. 74 сл.

2) Ср. Blass, Attische Beredsamkeit I² стр. 608. Кромѣ литературы, цитированной на стр. 262 прим. 1, ср. въ особенности отличную монографію O. Schulthess'a, Vormundschaft nach attischem Recht, Freiburg 1886, въ которой, однако, говорится только объ опекѣ надъ несовершеннолѣтними. Ср. также Beauchet, l. c. II стр. 147—325 (Tutelle des impubères), стр. 325—392 (Tutelle des femmes).

основательно изучилъ этотъ предметъ, что новаго довольно трудно придумать; въ частностяхъ можно, конечно, не соглашаться съ нимъ, но въ общемъ Schulthess сообщилъ уже все болѣе или менѣе важное, такъ что приходится только дожинать послѣдки.

Опека въ Аѳинахъ устанавливалась надъ двумя разрядами лицъ: надъ несовершеннолѣтними обоего пола (tutela impuberum) и надъ совершеннолѣтними женщинами (tutela mulierum). Опекунъ надъ несовершеннолѣтними обыкновенно назывался ἐπίτροπος, а опекунъ надъ совершеннолѣтними женщинами — κύριος. Но такъ какъ въ Греціи, какъ извѣстно, не такъ строго придерживались юридической терминологіи, то неудивительно, что иногда κύριος употребляется тамъ, гдѣ слѣдовало бы употребить слово ἐπίτροπος, и наоборотъ. Въ большинствѣ случаевъ это отступленіе, однако, не трудно объяснить. Такъ нпр. извѣстно, что κύριος по отношенію къ несовершеннолѣтнимъ употребляется тогда, когда говорится не о личности опекаемаго, а только объ его имуществѣ, что неудивительно, такъ какъ слово κύριος даже въ этимологическомъ отношеніи обозначаетъ человѣка, имѣющаго полное право распоряжаться чѣмъ-либо по своему собственному усмотрѣнію, въ нашемъ случаѣ, стало быть, имуществомъ опекаемаго (administratio bonorum) ср. нпр. Dem. or. 38 πρὸς Ναυσίμαχον § 6 τετελευτηκότων . . . . τῶν ἐπιτρόπων, οἳ μετὰ τὸν ἐκείνου θάνατον τῶν ἡμετέρων ἐγένοντο κύριοι. Dem. or. 36 ὑπὲρ Φορμίωνος § 22 τῶν ὄντων κύριος ἦν, ἐπίτροπος καταλελειμένος. Но это различіе, конечно, не соблюдалось особенно строго: встрѣчаются случаи, гдѣ нпр. говорится καταλειφθεὶς ἐπίτροπος τῶν Ἰσοκράτους χρημάτων и τὰ χρήματα ὧν ἐπίτροπος κατελείφθην (Lysias frg. 124 у Sauppe). Съ другой стороны слово ἐπίτροπος иногда употребляется тамъ, гдѣ говорится объ опекѣ надъ совершеннолѣтними женщинами, но и тутъ отступленіе это вызвано обстоятельствами. У Платона (Νόμοι VI p. 774 E) читается: „τοὺς ἐγγύτατα γένους ἀεὶ κυρίους εἶναι μετὰ τῶν ἐπιτρόπων“, но еслибы онъ вмѣсто ἐπιτρόπων написалъ κυρίων, то выраженіе κυρίους εἶναι μετὰ τῶν κυρίων было бы до того неяснымъ, что онъ предпочелъ лучше употребить слово ἐπίτροπος, тѣмъ болѣе, что и то и другое, когда вмѣсто существительнаго приходится употребить глаголъ, выражаются однимъ глаголомъ ἐπιτροπεύειν. Второй случай встрѣчается въ нашей рѣчи § 14, гдѣ противники утверждаютъ, что мальчики эти родились ἐξ ἐπιτροπευομένης, ораторъ же указываетъ на то, что οὔτε ἐπιτροπεύεσθαι προσῆκε τὴν Καλλίππην

ἔτι, τριακοντοῦντίν γε οὖσαν κτλ., т. е. такъ какъ ей было уже 30 лѣтъ отъ-роду, то она не могла дольше имѣть ἐπίτροπος'а; тутъ, стало-быть, во-первыхъ совсѣмъ не говорится объ опекѣ надъ совершеннолѣтними женщинами, а во-вторыхъ, тутъ употребленъ глаголъ, который, какъ мы только что видѣли, употреблялся по отношенію къ обоимъ видамъ опеки. Другого случая нѣтъ. Слѣдовательно до сихъ поръ нѣтъ ни одного случая, гдѣ словомъ ἐπίτροπος обозначался бы опекунъ взрослой женщины.

Что касается прекращенія опеки, то слѣдуетъ замѣтить, что — за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда опекаемый умиралъ до наступленія совершеннолѣтія или когда онъ усыновлялся кѣмъ-нибудь — опека, несомнѣнно, продолжалась до достиженія подопечнымъ совершеннолѣтія. По отношенію къ мальчикамъ никто этого не отрицаетъ: съ достиженіемъ 18-ти лѣтняго возраста опека надъ мальчиками, стало быть, совершенно прекращалась. Что же касается лицъ женскаго пола, то мнѣнія ученыхъ расходятся[1]). Единственное мѣсто, которымъ они пользуются, упомянутый § 14 нашей рѣчи. На основаніи этого мѣста нѣкоторые ученые (нпр. Es) полагаютъ, что опека надъ женщинами прекращалась со вступленіемъ подопечныхъ въ бракъ. Это немыслимо. Во-первыхъ, въ нашей рѣчи объ этомъ не говорится, здѣсь просто указывается на то, что все сообщенное противниками потому невозможно, что Каллиппѣ уже 30 лѣтъ отъ-роду и что, поэтому, она не могла болѣе имѣть ἐπίτροπος'а и не могла быть безбрачной. Мнѣніе это, стало быть, лишается единственнаго доказательства. Но оно, во-вторыхъ, и само по себѣ невозможно, такъ какъ въ противномъ случаѣ безбрачная въ продолженіе всей своей жизни имѣла бы ἐπίτροπος'а, а не κύριος'а. Что это немыслимо и невѣрно явствуетъ изъ того обстоятельства, что вдова или разведёнка, какъ извѣстно, возвращалась къ своему прежнему κύριος'у, слѣдовательно уже до брака они имѣли κύριος'а. Далѣе не только въ римскомъ правѣ, но и во всѣхъ остальныхъ арійскихъ правахъ tutela mulierum отличается отъ tutela impuberum; tutela mulierum встрѣчается и въ другихъ греческихъ правахъ нпр. въ гортинскомъ правѣ. Наконецъ мы указываемъ еще на то, что несовершеннолѣтніе не были дѣе-

1) Ср. van den Es, l. c. стр. 155 сл.; H. Lewy, De civili condicione mulierum Graecarum, 1885 стр. 5 сл.; Meier-Schoemann-Lipsius, l. c. стр. 561; Schulthess, l. c. стр. 177 сл.; Beauchet, l. c. II стр. 328 сл. и цитированную ими литературу.

способными, между тѣмъ какъ женщины могли самостоятельно заключать сдѣлки, стоимость которыхъ не превышала медимна ячменя (ср. выше стр. 245 прим. 1). Мнѣніе это, поэтому, вполнѣ превратно. Если же бракъ въ этомъ отношеніи никакой роли не играетъ, то остается только одинъ срокъ, который былъ уже установленъ нами по отношенію къ мальчикамъ, а именно — совершеннолѣтіе. Но между тѣмъ какъ опека надъ мальчиками, какъ мы видѣли, съ наступленіемъ этого срока совершенно прекращалась, опека надъ лицами женскаго пола съ достиженіемъ совершеннолѣтія превращалась въ tutela mulierum: опекунъ оставался одинъ и тотъ же, онъ только изъ ἐπίτροπος'а превращался въ κύριος'а. Точно также и въ нашей рѣчи Евктемонъ былъ сначала ἐπίτροπος'омъ несовершеннолѣтней Каллиппы, а затѣмъ просто превратился въ ея κύριος'а. Въ правильности этого результата сомнѣваться нельзя. Одно только неясно, а именно, когда именно въ Аѳинахъ женщины дѣлались совершеннолѣтними? Для рѣшенія этого вопроса нѣтъ, однако, никакихъ данныхъ, такъ что всѣ попытки рѣшить его должны оставаться тщетными. Оно, собственно говоря, и не важно, такъ какъ положеніе женщины отъ этого не особенно измѣнялось.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній перейдемъ теперь къ краткому разбору вышеупомянутыхъ видовъ опеки. Начнемъ противъ обыкновенія со втораго вида, такъ какъ только-что пришлось коснуться этого вида.

1. Опека надъ совершеннолѣтними женщинами (tutela mulierum). Мы только что видѣли, что при этомъ второмъ видѣ опекунъ назывался κύριος'омъ, что женщины получали такого κύριος'а съ достиженіемъ совершеннолѣтія, и что κύριος'омъ обыкновенно дѣлался ихъ прежній ἐπίτροπος. Женщины, такимъ образомъ, въ силу своего пола находились въ опекѣ пожизненно.

Что касается призыва къ опекѣ, то опека надъ женщинами могла быть троякого рода: законная, завѣщательная и дативная [1]). Законными опекунами (tutores legitimi) были прежде всего отецъ,

1) Ср. Ps.-Demosth. or. 46 κατὰ Στεφάνου B § 18; H Lewy, l. c. стр. 6 сл.; Hruza, l. c. I стр. 54 сл.; Thalheim, l. c. II стр. 5 сл.; E. Drerup, Ueber die bei den attischen Rednern eingelegten Urkunden, Jahrb. f. class. Philol. Suppl. XXIV 1898 стр. 290 сл.; Beauchet, l. c. II стр. 335 сл.; Hitzig, Zeitschrift f. Rechtsgeschichte 18 (1897) стр. 166; остальная литература цитирована въ упомянутыхъ сочиненіяхъ.

затѣмъ ἀδελφὸς ὁμοπάτωρ или πάππος ὁ πρὸς πατρός. Если ни того ни другого не было въ живыхъ, то κύριος'омъ дѣлался тотъ, кто былъ назначенъ таковымъ по завѣщанію (tutor testamentarius). Если же такого завѣщанія не оказывалось, то опекунъ несомнѣнно назначался надлежащимъ сановникомъ т. е. архонтомъ. Исключить нужно дочерей-наслѣдницъ, которыя, какъ мы видѣли [1]), выходили замужъ за ближайшихъ родственниковъ или выдавались ими замужъ за другихъ родственниковъ. При такомъ толкованіи цитированный нами законъ вполнѣ ясенъ: ἐὰν δὲ μηδεὶς ᾖ τούτων (sc. ни πατήρ, ни ἀδελφὸς ὁμοπάτωρ, ни πάππος ὁ πρὸς πατρός), ἐὰν μὲν ἐπίκληρός τις ᾖ, τὸν κύριον ἔχειν, ἐὰν δὲ μὴ ᾖ (sc. ἐπίκληρος), ὅτῳ ἂν ἐπιτρέψῃ (sc. прежній опекунъ въ своемъ завѣщаніи или архонтъ), τοῦτον κύριον εἶναι.

Нѣкоторые ученые (Hruza, Beauchet) попытались доказать, что въ Аѳинахъ мужъ не былъ κύριος'омъ своей жены. Такъ какъ въ нашей рѣчи вопросъ этотъ не затрагивается, то достаточно будетъ упомянуть, что мнѣніе это вполнѣ превратно и основано только на невѣрномъ и неточномъ толкованіи нѣкоторыхъ рѣчей. Равнымъ образомъ, какъ мы видѣли, не подлежитъ сомнѣнію, что старшій сынъ по достиженіи совершеннолѣтія дѣлался опекуномъ матери, если та по смерти мужа не возвратилась къ прежнему κύριος'у, а оставалась въ домѣ покойнаго мужа. О странномъ случаѣ (§ 33), что дочь Хэрея черезъ нѣкоторое время послѣ смерти отца еще не имѣла κύριος'а, мы здѣсь говорить не станемъ, такъ какъ объ этомъ уже была рѣчь (стр. 250 сл.).

Относительно правъ и обязанностей опекуновъ мы обратимъ вниманіе опять только на то, о чемъ говорится въ нашей рѣчи. Въ § 14 мы читаемъ: „οὔτε ἐπιτροπεύεσθαι προσῆκε τὴν Καλλίππην ἔτι, τριακοντοῦτίν γε οὖσαν, οὔτε ἀνέκδοτον καὶ ἄπαιδα εἶναι, ἀλλὰ πάνυ πάλαι συνοικεῖν, ἢ ἐγγυηθεῖσαν κατὰ (τὸν) νόμον ἢ ἐπιδικασθεῖσαν“, а въ § 51: „πότερον δεῖ τὴν ἀδελφὴν Φιλοκτήμονος ἢ Χαιρέᾳ συνῴκησε, νῦν δὲ χηρεύει, ἐπὶ τούτοις γενέσθαι ἢ ἐκδοῦναι ὅτῳ βούλονται ἢ ἐᾶν καταγηράσκειν, ἢ γνησίαν οὖσαν ὑφ' ὑμῶν ἐπιδικασθεῖσαν συνοικεῖν ὅτῳ ἂν ὑμῖν δοκῇ“. Въ первомъ мѣстѣ, очевидно, говорится, что Каллиппа не могла болѣе имѣть ἐπίτροπος'а, такъ какъ ей было 30 лѣтъ отъ роду и такъ какъ она при этомъ возрастѣ давнымъ давно вышла бы за-мужъ, здѣсь, стало быть, какъ будто говорится, что опекунъ былъ обязанъ выдать подо-

1) Ср. Гл. II 8 стр. 71 и Гл. III § 3 стр. 237.

печную за-мужъ. Во второмъ же мѣстѣ ясно говорится, что еслибы вдова Хэрея была присуждена Андроклу, то онъ имѣлъ бы полное право или выдать ее за-мужъ или оставить ее безбрачной. Такъ какъ другихъ свидѣтельствъ нѣтъ, а эти мѣста довольно противорѣчивы, то трудно рѣшить, былъ ли опекунъ обязанъ выдать подопечную женщину за-мужъ или нѣтъ. Hruza (l. c. стр. 73) полагаетъ, что опекунъ могъ поступать по своему собственному усмотрѣнію и что не было никакой возможности заставить его выдать подопечную за-мужъ. Beauchet (l. c. I стр. 134 сл.) и Hermann-Thalheim (l. c. стр. 9 прим. 1) находятъ, что опекунъ съ одной стороны, „ayant en principe le droit absolu de disposer de sa pupille, est d'abord maître de lui donner un époux ou de ne pas la marier. Il peut la garder indéfiniment chez lui, sans quelle ait une action pour le contraindre à la marier. Tout ce qu'on peut admettre, c'est qu'il y avait une obligation morale pour le kyrios de donner un epoux à sa pupille". Намъ кажется, что опредѣленныхъ заключеній изъ нашихъ мѣстъ выводить нельзя. Въ первомъ случаѣ ораторъ вѣдь вполнѣ опредѣленно говоритъ, что такъ какъ ей 30 лѣтъ отъ-роду, то она давнымъ давно должна была выйти за-мужъ; во второмъ случаѣ употребляется слово καταγγράσκειν. Это разногласіе довольно удивительно; и такъ какъ на слова аттическихъ ораторовъ нельзя повсюду полагаться, то трудно опредѣлить, гдѣ Исей извратилъ данныя постановленія. Въ первомъ случаѣ говорится о незамужней женщинѣ, во второмъ о вдовѣ; быть можетъ, разница состояла въ томъ, что незамужнюю женщину опекунъ былъ обязанъ пристроить, между тѣмъ какъ вдову съ дѣтьми можно было также ἐᾶν καταγγράσκειν? Но и это больше ничего, какъ вполнѣ субъективная догадка. На нашъ взглядъ вопросъ этотъ долженъ оставаться открытымъ. Какъ видно изъ второго мѣста, самую женщину нисколько не спрашивали, за кого ей хочется выйти за-мужъ, опекунъ могъ ее выдать за-мужъ за кого ему хотѣлось (ἐκδοῦναι ὅτῳ βούλονται и ὅτῳ ἂν ὑμῖν δοκῇ). Beauchet, правда, полагаетъ, что если она была недовольна выборомъ опекуна, то могла посредствомъ т. н. εἰσαγγελία κακώσεως обжаловать его. Что въ формѣ исангеліи подавались такія жалобы на худое обращеніе опекуновъ съ питомцами и подопечными — хорошо извѣстно, но можно ли было воспользоваться этой жалобой въ вышеупомянутомъ случаѣ, сказать нельзя. И этотъ вопросъ придется оставить открытымъ.

2. Опека надъ несовершеннолѣтними обоего пола (tutela impuberum). И тутъ различаются три вида

опеки: завѣщательная (tutela testamentaria), законная (t. legitima) и назначенная (t. dativa).

Начнемъ съ завѣщательной опеки. Отецъ имѣлъ полное право назначить опекуна по завѣщанію. Хотя онъ и имѣлъ право назначить кого-угодно, но обыкновенно онъ назначалъ одного изъ своихъ ближайшихъ родственниковъ или лучшихъ друзей, такъ какъ въ нихъ предполагалось больше любви къ ребенку, чѣмъ въ постороннихъ лицахъ; родственники же или друзья, съ другой стороны, не имѣли права требовать отъ него, чтобы онъ ихъ назначилъ опекунами. Такъ какъ во второй главѣ [1]) мы уже говорили о лицахъ, которые прежде всего призывались къ опекѣ, то мы на этомъ вопросѣ дольше не остановимся. Опека, о которой говорится въ указанномъ тамъ мѣстѣ (§ 36), совершенно очевидно завѣщательная [2]). Андроклъ и Антидоръ, какъ мы видѣли, явились къ архонту и сообщили ему, что сыновья Алки были усыновлены сыновьями Евктемона, и что они назначены ихъ опекунами (ἐπιγράψαντες σφᾶς αὐτοὺς ἐπιπρόπους) и приказали ему приступить къ μίσθωσις οἴκου. Meier думалъ тутъ о законной опекѣ, но этотъ видъ здѣсь немыслимъ, такъ какъ Андроклъ и Антидоръ не могли же безъ всякихъ околичностей отдать такое приказаніе архонту, не предъявивъ предварительно своей вѣрительной грамоты т. е. духовное завѣщаніе. Мы видѣли уже выше, что сыновья Алки не находились ни въ какомъ родствѣ ни съ Евктемономъ ни съ его племянниками Андрокломъ и Антидоромъ, что мальчики эти не были усыновлены сыновьями Евктемона и что завѣщаніе, предъявленное означенными племянниками, было подложное, такъ что они и не могли быть назначены опекунами. Но между тѣмъ, какъ вышеизложенныя обстоятельства исключаютъ всякую мысль о законной опекѣ — о дативной здѣсь также думать нельзя, такъ какъ они же въ качествѣ опекуновъ отдаютъ приказаніе архонту, а не просятъ быть назначенными опекунами — самый фактъ, что они явились съ подложнымъ завѣщаніемъ, не только не исключаетъ этой возможности, но даже прямо таки доказываетъ, что здѣсь рѣчь идетъ именно о завѣщательной опекѣ. Подробнѣе обо всей процедурѣ мы будемъ говорить ниже.

Что касается законной опеки, то въ Аѳинахъ дѣти получали законныхъ опекуновъ (tutores legitimi) въ томъ случаѣ, если отецъ

---

1) Ср. Гл. II 8 стр. 72.

2) Ср. Meier-Schoemann-Lipsius, l. c. стр. 552 прим. 196; Schulthess, l. c. стр. 55 и 73; Beauchet, l. c. II стр. 162 прим. 4.

ихъ умеръ безъ завѣщанія, ср. напр. Isae. or. X περὶ τοῦ Ἀριστάρχου κλήρου, hypoth. v. 9: κατὰ νόμον ἐπίτροπος τῶν τοῦ ἀδελφοῦ γινόμενος παίδων. О лицахъ, призываемыхъ къ отправленію обязанности законнаго опекуна, мы также уже говорили во второй главѣ (l. c.), и тѣмъ болѣе на этой опекѣ не остановимся, что въ нашей рѣчи о ней не говорится. Достаточно будетъ прибавить, что переименованныя тамъ лица не только имѣли право, но даже были обязаны брать на себя отправленіе этой обязанности.

Дативная опека, наконецъ, учреждалась тогда, когда не было духовнаго завѣщанія и когда родственники или отказывались отъ опеки или оказывались неспособными быть опекунами. Тогда архонтъ по своему собственному усмотрѣнію назначалъ опекуна.

Въ общемъ, по отношенію къ установленію опеки, можно еще замѣтить слѣдующее. При законной опекѣ, назначенные по завѣщанію опекуны должны были явиться къ архонту, назвать имена своихъ питомцевъ и предъявить завѣщаніе въ удостовѣреніе того, что они дѣйствительно назначены опекунами. Послѣ этого архонтъ утверждалъ ихъ въ этой должности. Примѣромъ можетъ служить именно наша рѣчь, гдѣ l. c. говорится: ἀπογράφουσι τὼ παῖδε τούτω πρὸς τὸν ἄρχοντα ὡς εἰσποιήτω τοῦ Εὐκτήμονος υἱέσι τοῖς τετελευτηκόσιν, ἐπιγράψαντες σφᾶς αὐτοὺς ἐπιτρόπους. Здѣсь, правда, не говорится, что архонтъ долженъ былъ утвердить такого опекуна въ должности. Но помимо того, что это само собою разумѣется [1]), новонайденный трактатъ Аристотеля Ἀθ. πολ. c. 56 доказалъ правильность этого воззрѣнія. Въ указанной главѣ излагаются права и обязанности эпонимнаго архонта и между прочимъ называются εἰς ἐπι[τρ]οπῆς κατάστασιν, εἰς ἐπιτροπῆς διαδικασίαν, εἰς [ἐμφανῶν κατάστασ]ιν, ἐπίτρ[οπ]ον αὐτὸν ἐγγράψαι κτλ. [2]).

---

1) Ср. Schultheß, l. c. стр. 73 прим. 1, который еще до открытія аѳинской политіи Аристотеля совершенно справедливо утверждалъ это, между тѣмъ какъ Thalheim (въ третьемъ изданіи Rechtsalt.; въ четвертомъ изданіи ошибки этой болѣе нѣтъ) полагалъ, что при законной опекѣ можно было вполнѣ обойти архонта.

2) Ср. между прочимъ G. Kaibel, Stil und Text der πολιτεία Ἀθηναίων des Aristoteles, Berlin 1893 стр. 234 сл. Добавленіе εἰς [ἐμφανῶν κατάστασ]ιν вполнѣ вѣрное, такъ какъ у Harpocr. s. v. читается: ὄνομα δίκης ἐστὶν ὑπὲρ τοῦ τὰ ἀμφισβητήσιμα εἶναι ἐν φανερῷ· Ἰσαῖος ἐν τῷ περὶ τοῦ Φιλοκτήμονος κλήρου (ср. § 31). ὁ δὲ Ἀριστοτέλης ἐν τῇ Ἀθηναίων Πολιτείᾳ πρὸς τὸν ἄρχοντά φησι λαγχάνεσθαι ταύτην τὴν δίκην, τὸν δὲ ἀνακρίνοντα εἰσάγειν εἰς τὸ δικαστήριον. Ср. также его толкованіе послѣднихъ словъ ἐπίτροπον αὐτὸν ἐγγράψαι: правъ

Интересно то, что у Аристотеля l. c. перечисляются всѣ три вида опеки, а именно дативная (εἰς ἐπιτροπῆς κατάστασιν), законная (εἰς ἐπιτροπῆς διαδικασίαν) и завѣщательная (ἐπίτροπον αὐτὸν ἐγγράψαι, ср. нашъ § 36, гдѣ говорится ἐπιγράψαντες σφᾶς αὐτοὺς ἐπιτρόπους). При законной опекѣ опекуны являлись къ архонту, который утверждалъ ихъ въ должности, если они дѣйствительно имѣли право сдѣлаться опекунами. Если желающихъ было множество, то архонтъ рѣшалъ, кто изъ нихъ долженъ принять на себя эту должность, что именно и обозначается у Аристотеля словами εἰς ἐπιτροπῆς διαδικασίαν.

Обратимся теперь къ обязанностямъ опекуна. Обязанности опекуна заключались въ заботѣ о личности и имуществѣ подопечнаго; онъ долженъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ замѣщать отца и заботиться о питомцѣ, какъ о своемъ собственномъ ребенкѣ.

Что касается, во-первыхъ, обязанностей относительно личности подопечнаго, то опекунъ долженъ былъ доставлять средства необходимыя на содержаніе (τροφή) и воспитаніе (παιδεία) малолѣтняго. Средства эти онъ, конечно, доставлялъ не изъ собственнаго имущества, а изъ имущества своего питомца. Обыкновенно подопечный жилъ въ отцовскомъ домѣ. Могло же, однако, случаться, что мать ребенка вторично выходила за-мужъ: въ такомъ случаѣ опекунъ имѣлъ полное право по своему усмотрѣнію опредѣлять мѣсто жительства питомца, онъ могъ, конечно, также взять питомца къ себѣ на квартиру. Такихъ примѣровъ не мало, но мы на нихъ, понятнымъ образомъ, останавливаться не будемъ. Липсіусъ приводитъ также наше мѣсто. Въ §§ 13 сл. какъ мы видѣли, разсказывается, какъ нѣкій Пистоксенъ, отправляясь въ походъ [1]), передалъ Евктемону свою дочь: καταλιπόντα ταύτην θυγατέρα παρὰ τῷ Εὐκτήμονι. Однако изъ этого разсказа, придуманнаго противниками, никакихъ точныхъ выводовъ

ли онъ, мы здѣсь разбирать не станемъ, такъ какъ это отвлекло бы насъ въ сторону. Ср. напротивъ Lipsius, Berichte der sächsischen Gesell. d. Wiss. 1891, philol.-hist. Kl., стр. 50.

1) Почему Schulthess пишетъ „zum Kriege nach Sizilien (?) auszog", рѣшительно непонятно. Въ началѣ рѣчи, правда, ошибочно написано Σικελίαν вмѣсто какого-нибудь другого мѣста, (см. выше Гл. II 7 стр. 55 сл.), но здѣсь въ 13-омъ параграфѣ вся датировка ясно показываетъ, что рѣчь идетъ о знаменитой сицилійской экспедиціи 415 года. Вопросительный знакъ тутъ совершенно не кстати.

дѣлать нельзя. Мы только что видѣли, какъ глупо все придумано противниками и какъ легко было нашему оратору обнаружить эту ложь. Что питомцы могли жить въ домѣ опекуна, мы и безъ того знали — все же остальное болѣе чѣмъ сомнительно. Какой вздоръ вычитывали изъ этого мѣста еще въ древности, явствуетъ изъ одной схоліи, въ которой говорится, что въ Аѳинахъ существовалъ законъ, приказывающій стратегу, отправляющемуся въ походъ, если у него была дочь, назначать опекуномъ послѣдней своего товарища по должности (τῷ συστρατηγῷ). Schulthess [1]) совершенно вѣрно замѣтилъ, что извѣстіе это почерпнуто именно изъ нашего параграфа. Но какъ невнимательно схоліастъ читалъ нашу рѣчь, явствуетъ изъ того обстоятельства, что Пистоксенъ совсѣмъ не былъ стратегомъ (здѣсь сказано στρατευόμενον), что Евктемонъ также не былъ стратегомъ, что въ схоліи сказано τῷ συστρατηγῷ, какъ будто въ Аѳинахъ были всего только два стратега, и одинъ изъ нихъ, по примѣру спартанскихъ царей, оставался дома. Наши §§ 13 и 14, стало быть, какъ въ древности, такъ и въ новѣйшія времена, не разъ подавали поводъ ко всевозможнымъ страннымъ толкованіямъ, но существенной пользы отъ этихъ параграфовъ было весьма мало, ср. напр. также то, что мы выше (стр. 276 сл.) замѣтили по поводу прекращенія опеки.

Однако этимъ трудности, заключающіяся въ этомъ мѣстѣ, еще не исчерпаны. На основаніи § 13 ученые утверждаютъ, что въ Аѳинахъ опекунъ имѣлъ право жениться на своей питомицѣ [2]), ибо противники Хэрестрата говорятъ, что мальчики эти родились ἐξ ἐπιτροπευομένης, Исей же доказываетъ, что это по разнымъ причинамъ немыслимо, но не говоритъ, что такой бракъ недѣйствителенъ, такъ какъ онъ запрещенъ законами. Показанія риторовъ — говорятъ они — стало быть, невѣрны. На нашъ взглядъ мнѣніе Платнера гораздо вѣрнѣе. Мы уже видѣли, что съ наступленіемъ совершеннолѣтія ἐπίτροπος подопечной превращался въ ея κύριος'а, а что κύριος могъ жениться на женщинѣ, находящейся подъ его опекой, извѣстно. Если, поэтому, Платнеръ говоритъ: „Wenn die Gegner vorwenden, dass dem Euctemon ἐξ ἐπιτροπευομένης Kinder geboren worden, so haben sie damit nicht behauptet, die Mündel sey als solche und als unmündige mit Euctemon

1) Ср. Schulthess, l. c. стр. 42 сл.; Beauchet, l. c. II 325.

2) Ср. Meier-Schoemann-Lipsius, l. c. стр. 503 и прим. 69; Schulthess, l. c. стр. 82 сл.; Beauchet, l. c. I стр. 178 сл. Ср. также Platner, Process und Klagen bei den Attikern, II 1825 стр. 247.

verheirathet gewesen", то мы съ нимъ вполнѣ соглашаемся. Мы видѣли, далѣе, что словомъ ἐπιτροπευομένης нисколько не говорится, что онъ былъ въ то время ея ἐπίτροπος'омъ. Наконецъ вся эта исторія больше ничего какъ наглая выдумка противниковъ (πρᾶγμα πλάττοντες ἀναιδείᾳ ὑπερβάλλον καὶ οὐδ' ἐνδεχόμενον κτλ. [1]), ни на чемъ при этомъ не основанная, такъ что мы еще разъ утверждаемъ, что никакихъ заключеній изъ нея выводить нельзя.

Къ заботѣ о личности подопечнаго ребенка относится еще одинъ моментъ, о которомъ говорится въ нашей рѣчи. Опекунъ обязанъ въ интересахъ малолѣтняго совершать всѣ необходимые юридическіе акты (negotiorum gestio), такъ какъ малолѣтніе, какъ мы видѣли, были лишены всякой дѣеспособности. Поэтому все, что сообщается въ этой рѣчи объ Андроклѣ и Антидорѣ, было — по крайней мѣрѣ для виду — совершено ими въ интересахъ этихъ мальчиковъ. Такъ какъ это само собою разумѣется, то на этомъ останавливаться не стоитъ. Изъ нашей рѣчи, однако, Schulthess и вслѣдъ за нимъ Beauchet заключили, что подопечные всегда должны были присутствовать на судѣ и т. д., что, какъ мы видѣли [2]) невѣрно: присутствіе дѣтей не требовалось ни обычаемъ ни законами, а только практиковалось довольно часто, такъ какъ не было запрещено законами. Обо всемъ этомъ мы уже подробно говорили l. c.

Опекунъ долженъ былъ, во-вторыхъ, заботиться объ имуществѣ подопечнаго (administratio bonorum). Такъ какъ въ нашей рѣчи о собственномъ управленіи этимъ имуществомъ не говорится, а только о такъ называемой μίσθωσις οἴκου, то мы на ней только и остановимся. Въ Аѳинахъ отецъ, не довѣряющій вполнѣ будущимъ опекунамъ, могъ требовать въ своемъ духовномъ завѣщаніи, чтобы все имущество его послѣ его смерти было отдано въ наемъ, или онъ могъ, съ другой стороны, запретить такую μίσθωσις οἴκου. Такъ какъ опекунъ вполнѣ замѣщалъ отца, то не удивительно, что и онъ могъ выбирать одно изъ двухъ: или самъ управлять имуществомъ или приступить къ μίσθωσις οἴκου. Такъ какъ то, что мы знаемъ объ этой процедурѣ, основывается главнымъ образомъ на нашей рѣчи, то мы выпишемъ здѣсь все

1) Ср. по поводу этихъ словъ — въ особенности послѣднихъ — ниже наши подстрочныя критическія примѣчанія внизу текста.

2) Ср. Гл. II, 14 II стр. 93 сл.

мѣсто, гдѣ объ этомъ говорится (§§ 36 и 37): „ἀπογράφουσι τὼ παῖδε τούτω πρὸς τὸν ἄρχοντα ὡς εἰσποιήτω τοῖς τοῦ Εὐκτήμονος υἱέσι τοῖς τετελευτηκόσιν, ἐπιγράψαντες σφᾶς αὐτοὺς ἐπιτρόπους, καὶ μισθοῦν ἐκέλευον τὸν ἄρχοντα τοὺς οἴκους ὡς ὀρφανῶν ὄντων, ὅπως ἐπὶ τοῖς τούτων ὀνόμασι τὰ μὲν μισθωθείη τῆς οὐσίας, τὰ δὲ ἀποτιμήματα κατασταθείη καὶ ὅροι τεθεῖεν ζῶντος ἔτι τοῦ Εὐκτήμονος, μισθωταὶ δὲ αὐτοὶ γενόμενοι τὰς προσόδους λαμβάνοιεν. καὶ ἐπειδὴ πρῶτον τὰ δικαστήρια ἐπληρώθη, ὁ μὲν ἄρχων προεκήρυττεν, οἱ δ' ἐμισθοῦντο. παραγενόμενοι δέ τινες ἐξαγγέλλουσι τοῖς οἰκείοις τὴν ἐπιβουλήν, καὶ ἐλθόντες ἐδήλωσαν τὸ πρᾶγμα τοῖς δικασταῖς, καὶ οὕτως ἀπεχειροτόνησαν οἱ δικασταὶ μὴ μισθοῦν τοὺς οἴκους“. Описаніе это до того обстоятельно, что комментируя это мѣсто мы обязательно коснемся всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ моментовъ.

Опекуны за управленіе имуществомъ подопечныхъ обыкновенно ровно ничего не получали, такъ что не удивительно, что они весьма часто старались свалить съ себя тяготу этой повинности, отдавая въ наемъ имущество усопшаго. Отдавать же въ наемъ можно было только все имущество, такъ что съ опредѣленіемъ новѣйшихъ ученыхъ (Schulthess: Verpachtung eines Gesammtvermögens, Beauchet: location en bloc du patrimoine pupillaire) можно вполнѣ согласиться. Оно явствуетъ и изъ самого названія μίσθωσις οἴκου. Что μισθοῦν отдавать въ наемъ — извѣстно. Что же касается слова οἶκος, то оно, какъ извѣстно, вполнѣ равняется слову οὐσία т. е. всему имуществу, какъ φανερά, такъ и ἀφανής. Между тѣмъ какъ обыкновенно употребляется единственное число (μίσθωσις οἴκου, μισθοῦν τὸν οἶκον), въ нашей рѣчи, какъ видно, дважды говорится τοὺς οἴκους. Ошибки здѣсь быть не можетъ, такъ какъ множественное число употреблено не одинъ разъ, а два раза. Но объ ошибкѣ здѣсь и потому думать нельзя, что опекуны этихъ мальчиковъ выдавали ихъ за дѣтей, усыновленныхъ сыновьями Евктемона, Гегемономъ [1]) и Ергаменомъ; Гегемонъ, какъ они утверждаютъ, усыновилъ одного мальчика, а Ергаменъ — другого, такъ что, еслибы они были правы, здѣсь дѣйствительно можно было сказать τοὺς οἴκους.

Итакъ мы узнаемъ изъ нашей рѣчи, что опекуны, желающіе отдать въ наемъ имущество подопечныхъ, не могли этого сдѣлать сами — въ противномъ случаѣ имъ не пришло бы и въ

1) Что здѣсь слѣдуетъ читать Ἡγήμονος, а не Φιλοκτήμονος, объ этомъ мы уже говорили въ I главѣ (стр. 37, прим. 1).

голову обратиться къ архонту —, но обязательно должны были явиться къ эпонимному архонту, подать ему опись всему имуществу (ἀπογραφή, здѣсь сказано ἀπογράφουσι)[1]) и приказать ему μισθοῦν τοὺς οἴκους ὡς ὀρφανῶν ὄντων т. е. отдать означенныя имущества въ наемъ, такъ какъ каждый изъ умершихъ оставилъ по себѣ сироту.

Затѣмъ въ указанномъ мѣстѣ сообщается, въ чемъ, именно, состоялъ планъ Андрокла и Антидора. Они желали присвоить себѣ все наслѣдство Евктемона еще при его жизни и разсчитывали на то, что одна часть (τὰ μέν) будетъ выдѣлена, какъ причитающаяся законнымъ наслѣдникамъ Гегемона и Ергамена, за опекуновъ которыхъ они сами себя выдавали, другая же часть (τὰ δέ) будетъ отдана въ закладъ въ обезпеченіе упомянутыхъ малолѣтнихъ наслѣдниковъ, Андроклъ и Антидоръ же сами сдѣлавшись съемщиками получали бы всѣ доходы.

Эти слова Исея, однако, требуютъ нѣкотораго разъясненія. Опекуны, отдающіе въ наемъ имущество подъопечныхъ, здѣсь сами являются съемщиками этого имущества. Фактъ этотъ, на первый взглядъ, кажется довольно страннымъ. Опекунъ, какъ мы видѣли, имѣлъ полное право самъ управлять имуществомъ подъопечнаго. Къ чему же, спрашивается, было въ такомъ случаѣ нужно отдать это имущество въ наемъ и затѣмъ самому же сдѣлаться съемщикомъ, если означенное имущество безъ того уже находилось въ рукахъ опекуна? Фактъ этотъ, нельзя отрицать, доволько необыкновенный и по всей вѣроятности встрѣчался не особенно часто, такъ какъ то обстоятельство, что опекунъ, отдающій имущество въ наемъ, самъ снималъ это имущество, не могло же считаться обезпеченіемъ малолѣтняго подъопечнаго. Еслибы опекуну вздумалось дѣйствовать въ ущербъ интересамъ подъопечнаго, кто въ такомъ случаѣ сталъ бы охранять интересы послѣдняго? Между тѣмъ Исей ни словомъ не указываетъ на то, что манипуляція эта была противозаконна, такъ что изъ этого нужно заключить, что это могло случаться въ Аѳинахъ и должно было имѣть какіе-нибудь хоть мало-мальски разумные мотивы.

---

1) Что безъ такой описи эта μίσθωσις была бы немыслима, само собою разумѣется; оно, однако, въ добавокъ еще подтверждается XI рѣчью Исея § 34. Ср. Schulthess, l. c. стр. 142 сл. и цитированную тамъ литературу. Ср. кромѣ того также Beauchet, l. c. II стр. 240 сл., гдѣ, впрочемъ, только повторено то, что уже было сказано Schulthess'омъ.

Мы думаемъ, что Schulthess [1]) правъ, когда указываетъ на то, что опекунъ — который, если самъ управлялъ имуществомъ подопечнаго, ничего за это не получалъ — если отдавалъ это имущество въ наемъ и самъ опять снималъ таковое положимъ за 6 %, могъ быть въ выигрышѣ, такъ какъ имущество это легко могло приносить 8 % или даже еще больше. Управляя имуществомъ онъ имѣлъ, правда, ту выгоду, что ему не нужно было отдать въ закладъ другое имущество (ἀποτιμήματα καθιστάναι), либо свое собственное, либо пріобрѣтенное имъ какимъ бы то ни было способомъ; заложенное имущество, разумѣется, должно было по цѣнѣ вполнѣ соотвѣтствовать заарендованному [2]). Но за то сдѣлавшись съемщикомъ онъ до того превращался въ вполнѣ независимаго владѣльца, что могъ даже считаться самимъ хозяиномъ-собственникомъ. Такая манипуляція, поэтому, во всякомъ случаѣ могла быть весьма выгодной для опекуна. Что же касается нашего случая, то не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что болѣе выгодной манипуляціи и придумать нельзя было. Съ одной стороны они, взявъ въ аренду упомянутое имущество, сдѣлались бы какъ-бы собственниками этой части Евктемонова имущества; съ другой стороны, они какъ арендаторы должны были заложить свое собственное имущество въ обезпеченіе подопечныхъ — а такъ какъ у нихъ самихъ не было такого имущества, то они уговорили Евктемона отдать имъ на это остальную часть его имущества. Они совершенно вѣрно разсчитывали на то, что эта вторая часть оффиціально будетъ считаться ихъ имуществомъ, такъ какъ заложить можно было, разумѣется, только свое имущество, а не чужое.

Планъ этотъ, какъ видно, былъ весьма хитро ими придуманъ. Однако шила въ мѣшкѣ не утаишь: когда архонтъ велѣлъ предложить на откупъ это имущество и опекуны уже сами собирались снять оное, нѣкоторые изъ присутствующихъ сообщили объ этомъ родственникамъ Евктемона, которые поспѣшно явились въ судъ и открыли судьямъ глаза, послѣ чего, конечно, изъ всего этого предпріятія ровно ничего не вышло.

И это мѣсто, впрочемъ, требуетъ нѣкотораго разъясненія. Исей разсказываетъ, что архонтъ предложилъ это имущество на откупъ ἐπειδὴ πρῶτον τὰ δικαστήρια ἐπληρώθη. Изъ этого

---

1) Ср. Schulthess, l. c. стр. 146 сл. прим. 2.

2) Что при отдачѣ въ закладъ ставились также закладныя таблицы (ὅροι), само собою разумѣется, см. выше стр. 186 сл.

выраженія явствуетъ, что такая публичная отдача въ откупъ происходила въ ближайшемъ засѣданіи суда присяжныхъ [1]). Прежде обыкновенно толковали слова πληροῦν τὸ δικαστήριον такимъ образомъ, что если, за неявкою установленнаго числа членовъ судебной палаты, засѣданіе не могло состояться, то число не явившихся почему-то судей дополнялось посредствомъ жеребьевки изъ числа запасныхъ судей. Еслибы это воззрѣніе было вѣрно, то и наше мѣсто пришлось бы толковать такимъ образомъ, что упомянутая публичная отдача въ откупъ происходила въ самомъ началѣ засѣданія, немедленно послѣ того, какъ геліасты были всѣ на лицо, и число не явившихся было дополнено изъ числа запасныхъ. Однако мнѣніе это оказалось ложнымъ. Bruck l. c. весьма убѣдительно доказалъ, что 1) δικαστήριον никогда не обозначаетъ отдѣленіе (Richterabtheilung, Section), а всегда судебную палату (Gerichtshof, ср. стр. 405 сл.), а 2) что „Δικαστήριον πληροῦν ist die offizielle und technische Bezeichnung für „einen Gerichtshof besetzen“, bisweilen förmlich für „eine Gerichtssitzung abhalten“, ohne jeden Bezug auf das Zustandekommen des Gerichtshofes“ (ср. стр. 414 сл.). Если же Bruck правъ — а въ правильности этого воззрѣнія сомнѣваться нельзя —, то и наши слова ἐπειδὴ πρῶτον τὰ δικαστήρια ἐπληρώθη могутъ только обозначать слѣдующее: „въ ближайшемъ засѣданіи суда присяжныхъ“. Самый смыслъ, въ добавокъ, обязательно требуетъ такого толкованія. Мы тамъ (въ §§ 36 сл.) читаемъ слѣдующее: ἀπογράφουσι τὼ παῖδε τούτω πρὸς τὸν ἄρχοντα ὡς εἰσποιήτω . . . . ἐπιγράψαντες σφᾶς αὐτοὺς ἐπιτρόπους, καὶ μισθοῦν ἐκέλευον τὸν ἄρχοντα τοὺς οἴκους . . . . καὶ ἐπειδὴ πρῶτον τὰ δικαστήρια ἐπληρώθη κτλ. Еслибы прежнее толкованіе было вѣрно, то слѣдовало бы предположить, что все это произошло не только въ одинъ и тотъ-же день, но даже непосредственно одно за другимъ т. е. въ началѣ засѣданія. И то и другое, разумѣется, не мыслимо. О разныхъ же дняхъ при первомъ толкованіи потому думать нельзя, что въ такомъ случаѣ Исей непремѣнно долженъ былъ сообщить, о какомъ засѣданіи суда присяжныхъ здѣсь говорится. При второмъ же толкованіи все объясняется совершенно просто.

---

1) Для такихъ дѣлъ требовалось судебная палата, состоящая изъ 501 лица (ср. Bruck, Philologus N. F. 6 (52) 1893 стр. 412) т. е. нормальное число судей; болѣе или менѣе важныя дѣла, какъ извѣстно, разрѣшались большимъ или меньшимъ числомъ судей (напр. 1001, 1501, 2001 или 201, 401 и т. п.).

Итакъ архонтъ предлагалъ такія имущества на откупъ въ ближайшемъ засѣданіи суда присяжныхъ. Другого такого случая мы, правда, не знаемъ и, поэтому, могло бы казаться опаснымъ обобщать этотъ единственный примѣръ. Но такъ какъ извѣстно, что въ разныхъ семейныхъ и наслѣдственныхъ дѣлахъ архонтъ дѣйствовалъ сообща съ судомъ присяжныхъ, то такое обобщеніе не можетъ казаться мало вѣроятнымъ. Такое участіе суда доставляло немаловажныя выгоды. Такъ нпр. по всѣмъ этимъ дѣламъ, разумѣется, возникали многочисленныя недоразумѣнія и ссоры, и приходилось бы постоянно откладывать всѣ разбирательства до ближайшаго собранія, еслибы архонтъ не имѣлъ права дѣйствовать въ присутствіи суда. Такъ нпр. и въ нашемъ случаѣ только благодаря этому обстоятельству все дѣло кончилось такъ скоро и такъ благополучно: ἀπεχειροτόνησαν οἱ δικασταὶ μὴ μισθοῦν τοὺς οἴκους и этимъ все дѣло немедленно и кончилось.

Что касается формы ἐμισθοῦντο, то нужно замѣтить то же самое, что было нами замѣчено по поводу формы ἐγάμει въ § 24 (см. стр. 269): это только imperf. de conatu „они собирались снять это имущество“. Далѣе, обращаемъ вниманіе читателей на то обстоятельство, что въ слѣдующемъ предложеніи — „παραγενόμενοι δέ τινες ἐξαγγέλλουσι τοῖς οἰκείοις τὴν ἐπιβουλήν, καὶ ἐλθόντες ἐδήλωσαν τὸ πρᾶγμα τοῖς δικασταῖς“ — ἐλθόντες, очевидно, говорится не о случайно присутствующихъ (παραγενόμενοι δέ τινες), а напротивъ о призванныхъ ими родственникахъ Евктемона[1]). Schulthess, наконецъ, указываетъ еще на то, что такая отдача въ наемъ могла быть выгодной не только для опекуновъ, но и для подопечныхъ; но такъ какъ въ нашей рѣчи объ этомъ не только не говорится, но при вышеизложенныхъ обстоятельствахъ о такого рода выгодѣ и рѣчи быть не могло, то мы на этомъ вопросѣ останавливаться не станемъ.

Въ заключеніе намъ слѣдовало бы еще прибавить нѣсколько словъ о прекращеніи опеки. Но такъ какъ объ этомъ вопросѣ мы уже подробно говорили выше (стр. 276 сл.) то мы здѣсь только замѣтимъ, что опека прекращалась съ достиженіемъ совершеннолѣтія.

---

1) Объ этой перемѣнѣ подлежащаго ср. E. Lincke, De elocutione Isaei, Lipsiae 1884, стр. 33 сл. Въ §§ 36 и 37 также замѣчается весьма необыкновенный переходъ съ настоящаго времени къ прошедшему: ἀπογράφουσι . . . . καὶ ἐκέλευον, ἐξαγγέλλουσι . . . . καὶ ἐδήλωσαν, ср. Lincke, l. c. стр. 21.

ГЛАВА IV.

Экскурсы и приложенія.

Первый экскурсъ.

Къ заглавію шестой рѣчи Исея.

Относительно заглавія шестой рѣчи Исея какъ въ изданіяхъ Исея, такъ и въ спискѣ его рѣчей, составленномъ Блассомъ [1]), нѣтъ никакого разногласія: вездѣ единодушно пишется περὶ τοῦ Φιλοκτήμονος κλήρου. Мы, однако, съ этимъ согласиться не можемъ. Если внимательно просмотрѣть списки рѣчей аттическихъ ораторовъ [2]), то относительно заглавій можно вывести такого рода заключеніе, что заглавія эти состоятъ изъ двухъ частей, а именно — во-первыхъ, обозначается то лицо, за или противъ котораго написана данная рѣчь, а затѣмъ слѣдуетъ, во-вторыхъ, обозначеніе предмета иска, напр. ὑπὲρ Φερενίκου περὶ τοῦ Ἀνδροκλείδου κλήρου; πρὸς Μακάρτατον περὶ τοῦ Ἁγνίου κλήρου; πρὸς Βοιωτὸν περὶ τοῦ ὀνόματος и т. п.

Отъ этого совершенно естественнаго и даже необходимаго обычая не отступаютъ и несохранившіяся рѣчи Исея, напр. πρὸς Λυσίβιον περὶ ἐπικλήρου; πρὸς Σάτυρον περὶ ἐπικλήρου; πρὸς Διοκλέα περὶ χωρίου и т. д. Тѣмъ болѣе поражаетъ насъ то обстоятельство, что если исключить десятую рѣчь, озаглавленную πρὸς

---

1) Ср. Fr. Blass, Attische Beredsamkeit, II [2] Leipzig 1892 стр. 492 сл.

2) См. Blass, l. c. I—III 2, 2-ое изд. 1892—1898. Встрѣчаются, конечно, и исключенія. Однако не слѣдуетъ забывать, что отъ многочисленныхъ рѣчей, помимо нѣсколькихъ жалкихъ отрывковъ, сохранились одни только заглавія, и что заглавія эти притомъ сохранились главнымъ образомъ у лексикографовъ — въ особенности у Гарпократіона, о которомъ намъ сейчасъ придется говорить; исключенія эти, поэтому, теряютъ свою силу.

Ξεναίνετον περὶ τοῦ Ἀριστάρχου κλήρου, всѣ остальныя сохранившіяся рѣчи Исея приводятся безъ первой части заглавія т. е. обозначается только предметъ иска, напр. περὶ τοῦ Κλεωνύμου (или Μενεκλέους, Πύρρου и т. д.) κλήρου. Это странное отступленіе отъ общаго обычая ни въ какомъ случаѣ не допустительно, тѣмъ болѣе, что X рѣчь, какъ мы видѣли, снабжена же полнымъ заглавіемъ, а полное заглавіе III рѣчи (κατὰ Νικοδήμου περὶ τοῦ Πύρρου κλήρου) несомнѣнно можетъ быть возстановлено на основаніи цитатъ Гарпократіона, который эту рѣчь цитируетъ въ одномъ мѣстѣ просто подъ заглавіемъ περὶ τοῦ Πύρρου κλήρου, а въ другомъ просто κατὰ Νικοδήμου. Далѣе, можно указать еще на V рѣчь, гдѣ въ рукописяхъ къ заглавію прибавлены слова πρὸς Λεωχάρην (καὶ Δικαιογένην; послѣднія слова, очевидно, прибавлены по недоразумѣнію), такъ что полнымъ заглавіемъ, слѣдовательно, должно считаться: πρὸς Λεωχάρην περὶ τοῦ Δικαιογένους κλήρου. Изъ всего этого ясно слѣдуетъ, что заглавія περὶ τοῦ NN κλήρου не могутъ считаться полными.

Издатели, однако, не того мнѣнія, такъ какъ они приводятъ эти фрагменты заглавій безъ всякихъ оговорокъ, а Бюрманъ относительно VI рѣчи даже замѣчаетъ: „VI tit. cf. ad § 31“, а въ указанномъ мѣстѣ цитируетъ „Harpocr. v. εἰς ἐμφανῶν κατάστ.: Ἰσ. ἐν τῷ περὶ τοῦ Φιλοκτήμονος κλήρου“. Бюрманъ, очевидно, того мнѣнія, что Гарпократіонъ вполнѣ надежный свидѣтель. Мнѣніе это, однако, вполнѣ ошибочное: Гарпократіонъ цитируетъ заглавія рѣчей совершенно произвольно. Чтобы не быть голословными, приведемъ нѣсколько примѣровъ. Демосѳенову рѣчь πρὸς Λεπτίνην онъ цитируетъ безъ прибавленія словъ περὶ τῆς ἀτελείας; κατὰ Μειδίου безъ περὶ τοῦ κονδύλου; περὶ τοῦ στεφάνου безъ ὑπὲρ Κτησιφῶντος; περὶ τοῦ Ἁγνίου κλήρου безъ πρὸς Μακάρτατον (что совершенно аналогично нашимъ рѣчамъ); рѣчь Лисія πρὸς Διοκλέα ὑπὲρ τοῦ κατὰ τῶν ῥητόρων νόμου безъ словъ πρὸς Διοκλέα; того-же оратора рѣчь πρὸς Γλαύκωνα περὶ τοῦ Δικαιογένους κλήρου просто πρὸς Γλαύκωνα; Гиперидову рѣчь ὑπὲρ Χαιρεφίλου περὶ τοῦ ταρίχους обыкновенно просто περὶ τοῦ ταρίχους; Демосѳенову рѣчь πρὸς Πολυκλέα περὶ τοῦ ἐπιτριηραρχήματος онъ цитируетъ 1 разъ съ полнымъ заглавіемъ, 2 раза просто πρὸς Πολυκλέα, 4 раза просто περὶ τοῦ ἐπιτριηραρχήματος, а 3 раза даже περὶ τοῦ τριηραρχήματος. Наконецъ, можно еще указать на вышеупомянутую III рѣчь Исея. Мы полагаемъ, что приведенныхъ примѣровъ совершенно достаточно, чтобы доказать, что по отношенію къ заглавіямъ рѣчей нельзя исключительно полагаться на цитаты

Гарпократіона. Встрѣчаются, правда, иногда и у Гарпократіона болѣе полныя заглавія [1]), но отъ этого нисколько не измѣняется наша аксіома, что къ цитатамъ Гарпократіона, относительно полноты или точности заглавій, всегда слѣдуетъ относиться съ недовѣріемъ.

На основаніи этихъ соображеній и самой VI рѣчи Исея мы, слѣдовательно, полагаемъ, что полное заглавіе нашей рѣчи слѣдуетъ возстановить слѣдующимъ образомъ: κατὰ [2]) Ἀνδροκλέους (быть можетъ, къ этому было еще прибавлено καὶ Ἀντιδώρου) περὶ τοῦ Φιλοκτήμονος κλήρου.

Что касается самихъ словъ „περὶ τοῦ Φιλοκτήμονος κλήρου“, то не лишнимъ считаемъ замѣтить, что въ такого-рода заглавіяхъ имя, поставленное въ родительномъ падежѣ, никогда не обозначаетъ наслѣдника, а, напротивъ, прежняго владѣльца [3]). Въ данномъ случаѣ мы, стало быть, изъ одного заглавія должны заключить, что въ VI рѣчи говорится объ оставшемся послѣ Филоктемона наслѣдственномъ имуществѣ.

Второй экскурсъ.

Замѣтки къ встрѣчающимся въ рѣчахъ Исея формуламъ ὦ ἄνδρες, ὦ ἄνδρες δικασταί и ἄνδρες δικασταί [4]).

Относительно формулъ, съ которыми аттическіе ораторы обращались къ судьямъ, обыкновенно ссылаются на диссертацію Рокеля и программу Эйбеля [5]). Такъ какъ другихъ монографій,

---

1) Ср. напр. 34-ую рѣчь Демосѳена, которая у Поллукса и въ нѣкоторыхъ рукописяхъ называется πρὸς Φορμίωνα περὶ δανείου, у Гарпократіона же мы читаемъ ὑπὲρ Χρυσίππου πρὸς τὴν Φορμίωνος παραγραφήν и это болѣе полное заглавіе подтверждается демосѳеновскими рукописями Σ и A.

2) Мы назвали эту рѣчь κατὰ Ἀ. на томъ основаніи, что рѣчи ψευδομαρτυριῶν принадлежали къ категоріи „δίκαι κατά τινος“ см. Meier-Schoemann-Lipsius, Att. Process стр. 204.

3) Ср. напр. L. Lange, Leipziger Studien, I 1878 стр. 196, прим. 119.

4) Замѣтки эти были нами уже напечатаны въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Май 1902, отд. классич. филол. стр. 227—233.

5) Ср. C. I. Rockel, De allocutionis usu, qualis sit apud Thucydidem, Xenophontem, oratores atticos, Dionem, Aristidem. Diss. inaug., Regimonti 1884.

посвященныхъ этому предмету, еще не имѣется, то волей-неволей приходится пользоваться этими работами. Ни та, ни другая, однако, не заслуживаютъ полнаго довѣрія. Сужденіе это можетъ показаться нѣсколько суровымъ. Но если тщательно переизслѣдовать весь матеріалъ, то обнаруживаются столь многочисленные пробѣлы и разныя другія упущенія, что нельзя не посовѣтовать читателю каждый разъ самому провѣрять данный матеріалъ, дабы удостовѣриться, нѣтъ ли въ сообщеніяхъ этихъ авторовъ какой нибудь неточности и ошибки. Мы позволили себѣ пересмотрѣть рѣчи Исея и намѣреваемся въ нижеслѣдующихъ замѣткахъ подѣлиться съ читателемъ нѣкоторыми результатами этого переизслѣдованія.

Начнемъ съ Эйбеля. Онъ старается опредѣлить не только quas formulas usurpaverint, но главнымъ образомъ quas normas legesque in iis collocandis adhibendisque sint secuti ораторы, такъ какъ вполнѣ увѣренъ, что haec orationis ornamenta ab iis nunquam inconsulto addita esse. Намъ кажется, что авторъ, какъ говорится, et operam et oleum perdidit. Помимо того, что авторъ, не смотря на упомянутую увѣренность, самъ уныло говоритъ: „multi reperiuntur (sc. vocativi), qui ad certas leges revocari non possunt; saepe enim perdifficile est disquirere, quibus de causis oratores aliquam allocutionem sententiae inseruerint aut postposuerint“, — самый фундаментъ, на которомъ основываются его мелочныя изслѣдованія, намъ кажется не только весьма ненадежнымъ, но даже невѣрнымъ. Авторъ механически подчеркнулъ всѣ звательные падежи и приводитъ ихъ просто такимъ образомъ (стр. 7 сл.): „apud Isaeum in usu sunt ὦ ἄνδρες (144) et ὦ ἄνδρες δικασταί (17)“. „Isocrates usurpat ὦ ἄνδρες δικασταί (27), ὦ ἄνδρες Ἀθηναῖοι (2), ὦ ἄνδρες Αἰγινῆται (4)“ и т. д. Затѣмъ онъ подводитъ общій итогъ (стр. 10): „Demosthenes igitur mille ducentis sexaginta uno (quattuor) aut si eas orationes, quae spuriae aut sunt aut habentur non respicimus, octingentis triginta uno (quattuor) locis et populum Atheniensium et iudices alloquitur, ceteri oratores (excepto Hyperide) octingentis triginta quinque locis“. Вотъ и все. Какое, однако, значеніе имѣютъ такія голыя цифры? Авторъ не потрудился сосчитать числа страницъ, на которыя приходятся эти allocutiones, онъ не различаетъ отдѣльныхъ категорій рѣчей (судебныя, поли-

---

Jac. Eibel, De vocativi usu apud decem oratores atticos, Programm des K. Neuen Gymnasiums zu Würzburg, 1893.

тическія и торжественныя рѣчи), онъ и не подозрѣваетъ, что между первыми и послѣдними произведеніямм любого автора есть великая разница[1]). По отношенію къ рѣчамъ Демосѳена онъ, правда, какъ будто вспоминаетъ объ этихъ требованіяхъ; но показанія его до того неясны, неточны и невѣрны, и приведены имъ въ такой лаконической и аподиктической формѣ, что читателю они пригодиться не могутъ. Онъ говоритъ: „In prioribus orationibus privatis Demosthenes praecipue utitur allocutione ὦ ἄνδρες δικασταί, in posterioribus ὦ ἄνδρες Ἀθηναῖοι; publicis orationibus semper inserit (ὦ) ἄνδρες Ἀθηναῖοι; ceteris (?) plerumque ὦ ἄνδρες Ἀθηναῖοι, multo rarius ὦ ἄνδρες δικασταί". Чтобы не быть голословными, приведемъ нѣсколько примѣровъ. Эйбель утверждаетъ, что in posterioribus orationibus privatis Демосѳенъ употребляетъ формулу ὦ ἄνδρες Ἀθηναῖοι. Къ числу позднѣйшихъ частныхъ рѣчей, несомнѣнно, принадлежатъ, напримѣръ, рѣчи противъ Конона (or. 54, κατὰ Κόνωνος) и противъ Навсимаха (or. 38, παραγραφὴ πρὸς Ναυσίμαχον καὶ Ξενοπείθην): и въ той и другой рѣчи употребляется только ὦ ἄνδρες δικασταί. На Эйбеля въ этомъ отношеніи, стало быть, полагаться нельзя. Но чтобы убѣдиться, правъ ли авторъ или нѣтъ, приходится самому съизнова основательно обрабатывать всѣ эти рѣчи, такъ какъ авторъ почему то не счелъ нужнымъ сдѣлать того, что нужно требовать отъ подобной научной работы, а именно, не сдѣлалъ того, что нами ниже сдѣлано по отношенію къ рѣчамъ Исея. Нужно изслѣдовать каждую рѣчь отдѣльно, нужно сообщить ея длину т. е. не только число параграфовъ — ибо дѣленіе на параграфы есть дѣленіе вполнѣ неопредѣленное, такъ какъ величина параграфовъ, какъ извѣстно, колеблется между тремячетырьмя и 10—12 строками — а также число Тейбнеровскихъ страницъ, далѣе, какъ уже было нами замѣчено, характеръ, т. е. категорію рѣчей и, наконецъ, время происхожденія каждой рѣчи, разумѣется, если датировка еще возможна. Только въ такомъ случаѣ читатель будетъ въ состояніи провѣрить результаты и только тогда результаты будутъ освѣщены со всѣхъ сторонъ. Эйбель на стр. 10 сл., правда, сообщаетъ слѣдующее: „Rarissime autem utitur allocutione Aeschines (1 : $6^1/_7$ §§), paullo frequentius Antiphon, cuius orationes 1, 5, 6 huc pertinent (1 : $5^1/_2$); hunc excipiunt deinceps Lysias (1 : 5), Isaeus (1 : $3^1/_4$), Demosthenes (1 : $3^1/_6$),

1) Ср. напримѣръ ниже наши замѣтки относительно рѣчей Исея.

Andocides (1 : 3), Dinarchus (1 : $2^{3}/_{7}$), Lycurgus (1 : $2^{1}/_{5}$); но, помимо всего вышесказаннаго, эти исчисленія также не безупречны. Мы, напримѣръ, провѣрили эти исчисленія по отношенію къ рѣчамъ Исея и при этомъ оказалось, что у Исея не 1 : $3^{1}/_{4}$, а напротивъ 1 : $3^{1}/_{3}$. Въ силу всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній результаты Эйбеля, строго говоря, почти никакого значенія не имѣютъ.

Но это еще не все. Авторъ, какъ мы видѣли, вполнѣ убѣжденъ, что всѣ эти ornamenta прибавлялись nunquam inconsulto и, поэтому, вездѣ старается опредѣлить normas legesque, вслѣдствіе чего все изслѣдованіе его раздѣлено на совершенно случайныя категоріи и подраздѣленія, при чемъ онъ даже часто довольствуется однимъ только примѣромъ. Что заключеніе, выведенное изъ одного только примѣра, научнаго значенія имѣть не можетъ — до того ясно, что на этомъ и останавливаться не стоитъ. Какъ опасны такая чрезмѣрная наблюдательность и всякія такія искусственныя группировки и раздѣленія на категоріи и рубрики, явствуетъ изъ слѣдующаго примѣра. Въ нашей VI рѣчи Исея § 2 мы читаемъ: δέομαι οὖν ὑμῶν συγγνώμην τε ἔχειν καὶ μετ' εὐνοίας ἀκροάσασθαι и во второй рѣчи (or. II § 2) δέομαι δ' ὑμῶν ἁπάντων καὶ ἀντιβολῶ καὶ ἱκετεύω μετ' εὐνοίας ἀποδέχεσθαί μου τοὺς λόγους; напротивъ, въ or. VII § 4 мы читаемъ: δέομαι δὲ ὑμῶν, ὦ ἄνδρες, πάντων ὁμοίως εὔνοιαν τέ μοι παρασχεῖν и въ or. VIII § 5: δέομαι οὖν ὑμῶν, ὦ ἄνδρες, μετ' εὐνοίας τέ μου ἀκοῦσαι. Случаи эти, какъ видно, вполнѣ аналогичны; не смотря на то ὦ ἄνδρες то прибавлено, то пропущено. Мы полагаемъ, что эти примѣры совершенно очевидно доказываютъ полную неосновательность воззрѣній Эйбеля.

Обратимся теперь къ упомянутой диссертаціи Рокеля. Гюттнеръ, въ своей рецензіи на это сочиненіе [1]), находитъ, что матеріалъ авторомъ собранъ „mit rühmenswerther Sorgfalt". Однако сужденіе это больше ничего какъ пустая фраза, такъ какъ Гюттнеръ самъ же указалъ на нѣкоторые пробѣлы относительно рѣчей Антифонта и Андокида; остальныхъ рѣчей онъ, очевидно, не провѣрялъ, такъ какъ, напримѣръ, не привелъ ни одного пробѣла въ рѣчахъ Исея, а между тѣмъ такихъ пробѣловъ и ошибокъ не мало. Мы потрудились пересмотрѣть всѣ рѣчи Исея и нашли слѣдующее:

1) G. Hüttner, въ Bursian's Jahresberichte, т. 46, 1886 (Берлинъ 1888) стр. 10 сл.

ὦ ἄνδρες встрѣчается 142 раза (у Рокеля всего только 138; онъ пропустилъ I 29, IV 29, V 35 ter (не bis), VI 51, IX 6, X 8 bis (не semel); за то, съ другой стороны, слѣдуетъ вычеркнуть IV 30, а X 25 вмѣсто bis написать semel.

ὦ ἄνδρες δικασταί встрѣчается 18 разъ (у Рокеля только 16 разъ, „deciens sexiens“, между тѣмъ какъ онъ перечисляетъ всего только 14 мѣстъ; онъ пропустилъ IV 30, XII 10 bis и XII 12 bis (не semel).

ἄνδρες δικασταί встрѣчается только 1 разъ (III 1) въ самомъ началѣ рѣчи. Кстати, эта формула, имѣющая большое сходство съ современной манерой обращаться къ слушателямъ, встрѣчается у греческихъ ораторовъ весьма рѣдко, а именно, кромѣ этого мѣста и приведеннаго ниже фрагмента, она встрѣчается только еще въ 2 рѣчахъ Демосѳена (πρὸς Λεπτίνην и πρὸς Ζηνόθεμιν = or. XX и XXXII), начало которыхъ также = ἄνδρες δικασταί. Наконецъ, можно еще привести начало рѣчи Гегесиппа περὶ Ἁλοννήσου (Pseudo-Demosthenes or. VII), гдѣ, впрочемъ, читается ὦ ἄνδρες Ἀθηναῖοι.

Въ фрагментахъ, которые не были просмотрѣны Рокелемъ, мы нашли 3 раза ὦ ἄνδρες δικασταί (frg. 15 Sauppe = III Buermann = 4 Scheibe; frg. 29 Sauppe = II Buermann = 22 Scheibe; frg. 68 Sauppe = 17 Scheibe) и 1 разъ ἄνδρες δικασταί, также въ самомъ началѣ рѣчи (frg. 66 Sauppe = I Buermann = 15 Scheibe). Въ I рѣчи (περὶ τοῦ Κλεωνύμου κλήρου, § 47) чтеніе рукописей ὦ Ἀθηναῖοι Цюрихскими издателями совершенно вѣрно исправлено, такъ какъ здѣсь, конечно, возможна только формула ὦ ἄνδρες, а не Ἀθηναῖοι. За то тѣ же издатели не замѣтили, что въ упомянутомъ 68-мъ фрагментѣ та же ошибка; ее исправилъ Шейбе [1]).

---

1) На дняхъ, просматривая журналъ Woch. f. klass. Philol. за 1885—1890 гг., только что совершенно случайно пріобрѣтенный нашей университетской библіотекой, мы въ IV томѣ (1887) стр. 559 сл. нашли рецензію B. Keil'я на диссертацію Рокеля. Кейль въ этой довольно коротенькой рецензіи (всего только $1^1/_4$ столбца) также находитъ, что можно mit gutem Gewissen die völlige Unzulänglichkeit der Arbeit versichern и что das Resultat der Arbeit gleich Null. Такъ какъ журналъ этотъ весьма мало распространенъ, то мы позволимъ себѣ нѣсколько подробнѣе сообщить единственный моментъ, на который главнымъ образомъ указываетъ Кейль, тѣмъ болѣе, что мы въ своей статьѣ случайно только мимоходомъ коснулись этого пункта. Онъ пишетъ: „Dem Verfasser ist der Gedanke gar nicht gekommen, mit welchem Material er eigentlich arbeitet. Was für eine Gewähr bietet denn die schlechte Ueberlieferung

Такъ какъ и у Рокеля нѣтъ таблицы, о чемъ сожалѣетъ и Гюттнеръ, то мы для большей наглядности прибавили здѣсь составленную нами таблицу:

Рѣчи.	Число §§—овъ.	Число страницъ у Teubner'a.	ὦ ἄνδρες.	ὦ ἄνδρες δικασταί.	ἄνδρες δικασταί.
I	51	$11^1/_2$	18	—	—
II	47	11	12	—	—
III	80	19	3	—	1
IV	31	$7^1/_2$	9	1	—
V	47	$13^1/_2$	21	—	—
VI	65	$15^3/_4$	18	—	—
VII	45	$11^1/_2$	8	—	—
VIII	46	$13^1/_4$	9	—	—
IX	37	$10^1/_2$	17	2	—
X	26	$7^1/_4$	21	1	—
XI	50	$14^1/_2$	6	—	—
XII	12	$3^1/_2$	—	14	—
Всего	537	$138^3/_4$	142	18	1

Точная датировка Исеевыхъ рѣчей, какъ извѣстно, въ большинствѣ случаевъ почти невозможна, такъ что мы, къ сожалѣнію, изъ этой таблицы точныхъ и опредѣленныхъ заключеній вывести не можемъ. Порядокъ рѣчей былъ приблизительно слѣдующій [1]): V, X, IX, VI, VIII, XI, II, VII. Даты I и IV рѣчей неизвѣстны; о III рѣчи Блассъ полагаетъ, что она „keine der frühesten"; о XII

der kleineren Redner dafür, dass ὦ ἄνδρες Ἀθηναῖοι oder ὦ ἄνδρες oder ὦ Ἀθηναῖοι oder was sonst zu lesen sei? Мы также весьма обрадовались, когда замѣтили, что мы совершенно независимо высказали одну и ту же мысль (см. нашу замѣтку на стр. 298), ибо Кейль l. c. пишетъ: „Der Verf. hat nicht überlegt, dass ein Redner auch aus inneren Gründen an bestimmten Stellen, wo ihm Aufmerksamkeit oder Gefühl der Hörer besonders wachzurufen zu sein schienen, sich durch die Anrede ausdrücklich an die Richter wendet; er hat ferner nicht bedacht, dass der junge Demosthenes anders sein Publikum anreden musste, als es der Staatsmann auf seiner Höhe durfte". Какія, право, иногда встрѣчаются странныя и изумительныя совпаденія!

1) Ср. F. Blass, Attische Beredsamkeit II², стр. 528 сл.

рѣчи онъ сообщаетъ, что она, быть можетъ, написана въ 343 году, но что „sehr vieles den entschiedenen Anschein gewährt, als befänden wir uns in einer bedeutend früheren Zeit“. Если сравнить нашу таблицу съ этой приблизительной датировкой, то оказывается, что Исей первоначально чаще употреблялъ эти формулы и что, поэтому, чѣмъ моложе рѣчь, тѣмъ рѣже онѣ встрѣчаются. Если къ этому прибавить, что III рѣчь, которую Блассъ по совершенно другимъ причинамъ назвалъ „keine der frühesten“, въ 80 параграфахъ или на 19 страницахъ представляетъ не болѣе 4 случаевъ, а наоборотъ XII рѣчь, которую онъ, опять на основаніи совершенно другихъ соображеній, приписываетъ „einer bedeutend früheren Zeit“, въ 12 параграфахъ или на $3^1/_2$ страницахъ содержитъ не менѣе 14 случаевъ, то этимъ, очевидно, подтверждаются результаты, добытые совершенно другимъ путемъ. Поэтому, при датировкѣ рѣчей Исея нѣкоторую важность можно приписывать и этимъ формуламъ.

Этимъ результатомъ снова подтверждается старая аксіома, что нѣтъ въ области древне-классической филологіи такой почвы, при новомъ перекапываніи которой не удалось бы найти хоть одну золотинку. Трудно придумать болѣе скучную и, повидимому, болѣе неблагодарную матерію — и не смотря на то эти, на первый взглядъ ничтожныя и пустыя, формулы не только въ состояніи играть немаловажную роль при датировкѣ рѣчей, но нѣкоторымъ образомъ характеризуютъ и самого автора этихъ рѣчей. Формулы эти, именно, показываютъ намъ, что авторъ, когда былъ еще моложе, чаще употреблялъ ихъ, чѣмъ впослѣдствіи. Слава его росла съ каждымъ годомъ и по мѣрѣ того, какъ онъ дѣлался все болѣе и болѣе извѣстнымъ и опытнымъ, такъ что уже одно имя его производило своего рода впечатлѣніе на присяжныхъ, онъ не находилъ болѣе нужнымъ, такъ часто прибѣгать къ этимъ формуламъ вѣжливости и почтительности, которыми пользовались менѣе знаменитые и опытные адвокаты и которыми онъ самъ не пренебрегалъ тогда, когда еще былъ новичкомъ.

Но, быть можетъ, мы ошибаемся, быть можетъ, опасно выводить такія заключенія изъ этихъ двѣнадцати рѣчей Исея? Мы нисколько не отрицаемъ, что утверждать этого нельзя, покуда равнымъ образомъ не будутъ переизслѣдованы всѣ рѣчи остальныхъ ораторовъ. Однако мы полагаемъ, что даже если бы остальныя рѣчи не подтвердили добытыхъ нами результатовъ, то отъ этого наши заключенія не потеряли бы своей силы. Quot capita, tot sensus. Если бы оказалось, что остальные ораторы въ этомъ

отношеніи не измѣнились, то изъ этого, на нашъ взглядъ, еще нисколько не слѣдовало бы, что Исей не измѣнился. Мы, впрочемъ, не имѣли ни времени, ни охоты переизслѣдовать всѣ рѣчи остальныхъ ораторовъ и, поэтому, не въ состояніи сообщить ничего опредѣленнаго. Но чтобы хоть мало-мальски провѣрить добытые нами результаты, мы на угадъ избрали и просмотрѣли 4 рѣчи Демосѳена. Рѣчи эти такія же частныя, какъ и рѣчи Исея; изъ этихъ 4 рѣчей, далѣе, первыя двѣ принадлежатъ къ самымъ раннимъ рѣчамъ Демосѳена, а послѣднія двѣ — къ позднѣйшимъ. И что же оказалось? — у Демосѳена мы нашли точь въ точь то же самое, что и у Исея. Демосѳенъ, правда, написалъ безсмѣтное количество рѣчей; изъ этихъ 4 случайно избранныхъ рѣчей, стало быть, никакихъ опредѣленныхъ заключеній еще выводить нельзя. Но мы даже и не помышляли объ этомъ. Не имѣя теперь возможности просмотрѣть всѣ рѣчи, мы обрадовались и этому поразительному подтвержденію нашихъ результатовъ. Просмотрѣнныя нами рѣчи слѣдующія:

I. Ранній періодъ:

1) Or. 41 (πρὸς Σπουδίαν) = 20 allocutiones на 30 §§-овъ и $8^3/_4$ стр.
2) Or. 55 (πρὸς Καλλικλέα) = 21 „ „ 35 „ „ $9^1/_4$ „

II. Позднѣйшій періодъ:

3) Or. 38 (πρὸς Ναυσίμαχον) = 7 allocutiones на 28 §§-овъ и 8 стр.
4) Or. 54 (κατὰ Κόνωνος) = 10 „ „ 44 „ „ 14 „

Легко возможно, что среди многочисленныхъ Демосѳеновыхъ рѣчей отыщутся и такія, которыя не согласуются съ этими результатами. Если такихъ отступленій отыщется не мало, то придется заключить, что такія формулы у Демосѳена ставятся или пропускаются совершенно произвольно. Если же такихъ отступленій отыщется всего не болѣе какихъ нибудь двухъ-трехъ случаевъ, то не слѣдуетъ забывать, что минутное настроеніе подчасъ также играетъ немаловажную роль. Не будемъ, однако, теперь распространяться объ этомъ предметѣ. Надѣемся, что найдется охотникъ, который возьметъ на себя трудъ просмотрѣть всѣ рѣчи аттическихъ ораторовъ. Тогда настанетъ и пора подробнѣе остановиться на этомъ вопросѣ.

Третій экскурсъ.

Къ вступленію шестой рѣчи Исея (§§ 1—2).

1. Діонисій Галикарнасскій въ своей статьѣ, посвященной характеристикѣ Исея [1]), сравниваетъ рѣчи Исея съ Лисіевыми и между прочимъ находитъ, что вступленія Лисія во многихъ отношеніяхъ несравненно лучше Исеевыхъ. Блассъ во многихъ отношеніяхъ присоединяется къ этому воззрѣнію, мы же, со своей стороны, находимъ это сужденіе весьма одностороннимъ. Здѣсь не мѣсто подробно останавливаться на этомъ вопросѣ. Но чтобы не быть голословными, мы сначала вкратцѣ охарактеризуемъ ихъ масштабъ, а затѣмъ подробнѣе остановимся на одномъ только пунктѣ.

Съ чисто литературно-эстетической точки зрѣнія и мы находимъ, что Діонисій и Блассъ правы; въ этомъ отношеніи Лисій въ самомъ дѣлѣ превосходитъ Исея. Но самый масштабъ этотъ мы не можемъ признать удачнымъ и справедливымъ. Діонисій, во-первыхъ, совершенно упустилъ изъ виду, что при характеристикѣ литературныхъ произведеній нельзя всѣхъ авторовъ стричь подъ одну гребенку. Между Лисіемъ и Исеемъ громадная разница. Если вообще можно однимъ словомъ охарактеризовать автора, то мы назвали бы Лисія — ораторомъ, а Исея — адвокатомъ. Рѣчи Лисія не отличались особенною точностью мысли, послѣдовательностью изложенія и строгостью юридической аргументаціи. Этого не утверждалъ даже его горячій панегиристъ Діонисій. Самъ хорошо сознавая слабую сторону своихъ рѣчей, Лисій пользовался другими пріемами, чтобы увлекать за собою и располагать къ себѣ тѣхъ, къ которымъ обращался со своими рѣчами, а именно — старался говорить просто и соотвѣтственно характеру простого и неопытнаго человѣка. Исей, какъ ловкій и знаменитый адвокатъ, не нуждался въ такихъ пріемахъ. Его — какъ это и совершенно естественно въ судебныхъ рѣчахъ — интересовала только юридическая сторона даннаго дѣла; поэтому онъ пренебрегалъ выгодами подробнаго вступленія и, стремясь по возможности скорѣе приступить къ самому дѣлу, довольствовался нѣкоторыми сжатыми и вызванными необходимостью словами, а иногда даже обходился безъ всякаго всту-

1) Ср. Dionysii Halicarnasei opuscula, edd. H. Usener et. L. Radermacher, vol. I Lipsiae 1899, стр. 93 сл.

пленія. Онъ всецѣло полагался на свою force, состоящую именно въ самомъ изложеніи дѣла и въ юридической аргументаціи. Тутъ, кстати, можно также замѣтить, что все это равнымъ образомъ относится и къ самимъ рѣчамъ. Діонисій нпр., какъ извѣстно, хвалитъ въ рѣчахъ Лисія красоту (χάρις) слога. Однако такая красота слова не можетъ всегда считаться критеріемъ хорошей судебной рѣчи. Даже Блассъ, который въ общемъ одобряетъ воззрѣнія Діонисія, счелъ себя обязаннымъ прибавить слѣдующую оговорку: „Indessen immer zusammengefasst und verbunden zu schreiben, ist für die praktische Beredsamkeit eher ein Fehler als ein Vorzug, und sie gewinnt mit der Zeit auch in dieser Beziehung ihre volle Freiheit. So finden wir bei Isaios schon die Vorbilder zu jenen glänzenden Stellen der demosthenischen Beredsamkeit, wo in höchster Lebendigkeit alles in kurze Sätzchen sich auflöst: Frage und Antwort, Einwurf und Widerlegung, Bedingung und Folge, parallele einander drängende Fragen, alles meist ohne Beihülfe von Conjunctionen, einfach durch Sinn und Betonung in dem gegenseitigen Verhältniss gekennzeichnet“ [1]). Очень жаль, что Блассъ во многихъ другихъ отношеніяхъ не рѣшился столь же безпристрастно судить о рѣчахъ Исея. На одномъ такомъ пристрастномъ сужденіи мы, именно, намѣреваемся нѣсколько подробнѣе остановиться въ этой первой замѣткѣ.

На стр. 507 мы читаемъ слѣдующее: „In der Rede über Philoktemon's Erbschaft, die von einem Fürsprecher gehalten wird, begründet derselbe im Prooemium wie üblich sein Auftreten mit seiner Freundschaft für die von ihm Vertretenen; diese Freundschaft beweist er daran, dass er ihnen zu Liebe an einem gefahrvollen Seezuge mit ihnen theilgenommen. Dann heisst es weiter: ἄτοπον οὖν, εἰ ἐκεῖνα μὲν προδήλων ὄντων τῶν κινδύνων ὅμως — — ὑπέμενον, νῦν δὲ οὐ πειρῶμην συνειπεῖν. Also nicht sein Gefühl bestimmt ihn zur Fürsprache, sondern die vergleichende und folgernde Ueberlegung; mit diesem ἄτοπον geht das ganze Ethos fort. Ganz anders Lysias in einem ähnlichen Falle: αἰσχρὸν οὖν μοι δοκεῖ εἶναι (Ueber Androkleides' Erbschaft, bei Dionys. Isae. 6)“ [2]). Мы съ Блассомъ согласиться не можемъ. Что касается, именно, упомянутаго сходства съ приведеннымъ имъ примѣромъ, то сходство это заключается

1) Ср. Blass, Att. Beredsamkeit, II² стр. 511.

2) Ср. Dionys. Halicarn. edd. Usener et Radermacher, I p. 99 = fragm. CXX—223 Sauppe.

только въ томъ, что оба заступника указываютъ на свою дружбу съ кліентомъ. Но уже описаніе этихъ дружескихъ отношеній не выказываетъ особеннаго сходства. У Исея, какъ мы неоднократно видѣли въ предъидущихъ главахъ, заступникъ важное лицо, которое не находитъ нужнымъ останавливаться на этихъ дружескихъ отношеніяхъ, такъ какъ они всѣмъ хорошо извѣстны; но такъ какъ среди слушателей могли случайно находиться и такія люди, которымъ они неизвѣстны, то онъ на всякій случай приводитъ одно доказательство, а именно — упомянутую морскую экспедицію. У Лисія же, наоборотъ, заступникъ начинаетъ свою рѣчь такимъ образомъ: „Ἀναγκαῖόν μοι δοκεῖ εἶναι περὶ τῆς φιλίας τῆς ἐμῆς καὶ τῆς Φερενίκου πρῶτον εἰπεῖν πρὸς ὑμᾶς, ἵνα μηδεὶς ὑμῶν θαυμάσῃ, ὅτι ὑπὲρ οὐδενὸς ὑμῶν πώποτε εἰρηκὼς πρότερον ὑπὲρ τούτου νυνὶ λέγω“, а затѣмъ слѣдуетъ подробное описаніе этихъ дружескихъ отношеній. Мы полагаемъ, что разница между этими заступниками очевидная. Нашъ заступникъ говоритъ въ полномъ сознаніи своего собственнаго достоинства, у Лисія же заступникъ, повидимому, лицо не важное, чувствующее себя неловко и поэтому извиняющееся передъ судьями; а такъ какъ ни онъ, ни его кліентъ, очевидно, не пользовались широкой извѣстностью, то было необходимо подробнѣе распространяться περὶ τῆς φιλίας. Обстоятельства эти, стало быть, большимъ сходствомъ не отличаются и уже поэтому сравненіе Бласса было бы недопустимо. Но то, что затѣмъ слѣдуетъ и въ томъ и въ другомъ вступленіи, исключаетъ, на нашъ взглядъ, возможность такого сравненія. Нашъ заступникъ на основаніи вышеизложенныхъ обстоятельствъ продолжаетъ такимъ образомъ: такъ какъ я, не смотря на угрожающую мнѣ на войнѣ опасность, всетаки не отказался принять участіе въ морской экспедиціи, то было бы ἄτοπον (т. е. странно, нелѣпо), еслибы я теперь не заступился за своего друга т. е. теперь, гдѣ я лично не подвергаюсь ни малѣйшей опасности, друзья же мои находятся въ весьма критическомъ положеніи [1]). Сомнѣваемся, чтобы кто-нибудь въ этомъ случаѣ одобрилъ мнѣнія Бласса. На нашъ взглядъ, нѣсколько сладковатое указываніе на гнусность и безнравственность противоположнаго образа дѣйствій здѣсь неумѣстно: ἄτοπον какъ нельзя лучше характеризуетъ самоувѣренность и чувство собственнаго превосходства какъ са-

1) Ср. § 2: ὁ γὰρ ἀγὼν οὐ μικρὸς αὐτοῖς, ἀλλὰ περὶ τῶν μεγίστων. О значеніи этихъ словъ мы подробнѣе говорили въ III главѣ § 2 стр. 135 сл.

мого Исея, такъ и заступника, для котораго онъ написалъ данную рѣчь. Напротивъ Лисіевъ заступникъ, сообразно съ вышеизложеннымъ характеромъ, продолжаетъ свою рѣчь совершенно иначе: „οἶδε μὲν οὖν καὶ Φερένικος, ὅτι πολλοὶ λέγειν εἰσὶν ἐμοῦ δεινότεροι καὶ μᾶλλον τοιούτων πραγμάτων ἔμπειροι, ἀλλ' ὅμως ἡγεῖται τὴν ἐμὴν οἰκειότητα πιστοτάτην εἶναι· αἰσχρὸν οὖν μοι δοκεῖ εἶναι κελεύοντος τούτου καὶ δεομένου τὰ δίκαια αὐτῷ βοηθῆσαι περιιδεῖν αὐτόν, καθ' ὅσον οἷός τ' εἰμὶ ἐγώ, τῶν ὑπ' Ἀνδροκλείδου δεδομένων στερηθῆναι". Полагаемъ, что разница между этими двумя вступленіями до того очевидна, что на этомъ и останавливаться не стоитъ. Лисіевъ заступникъ въ виду того, что Ферениқъ его такъ настоятельно просилъ, могъ, конечно, сказать αἰσχρὸν κτλ., да и слово это вполнѣ соотвѣтствуетъ его характеру. Итакъ, Блассъ совершенно напрасно восклицаетъ „mit diesem ἄτοπον geht das ganze Ethos fort"; еслибы онъ основательнѣе вдумался въ т. н. „Ethos" Исеева заступника, то онъ этихъ словъ никогда бы не написалъ.

2. Въ § 2 мы читаемъ: προδήλων ὄντων τῶν κινδύνων. Точное значеніе слова πρόδηλος явствуетъ изъ другого мѣста (or. III περὶ τοῦ Πύρρου κλήρου § 19), гдѣ Исей говоритъ слѣдующее: „ἴστε γὰρ πάντες ὡς ὅταν μὲν ἐπὶ προδήλους πράξεις ἴωμεν, ἃς δεῖ μετὰ μαρτύρων γενέσθαι, τοὺς οἰκειοτάτους καὶ οἷς ἂν τυγχάνωμεν χρώμενοι μάλιστα, τούτους παραλαμβάνειν εἰώθαμεν ἐπὶ τὰς πράξεις τὰς τοιαύτας, τῶν δὲ ἀδήλων καὶ ἐξαίφνης γιγνομένων τοὺς προστυχόντας ἕκαστοι μάρτυρας ποιούμεθα". Вѣрный переводъ этого мѣста у Шёманна: „ihr alle wisst, wenn wir ein Geschäft, welches in Gegenwart von Zeugen vorgenommen werden muss, vorher wissen, so pflegen wir unsere nächsten Freunde und diejenigen, mit denen wir in der nächsten Verbindung stehen, dazu zu ziehen: in unvorhergesehenen und plötzlichen Fällen aber nehmen wir zum Zeugen, wer gerade zur Hand ist". Dareste, напротивъ, переводитъ совершенно невѣрно: „s'agit-il d'actes qui se passent en public — s'agit-il au contraire d'actes qui se passent sans publicité et d'urgence —", какъ будто здѣсь различались дѣла публичныя и частныя. Изъ противопоставленія προδήλους πράξεις и ἀδήλων καὶ ἐξαίφνης γιγνομένων Шёманнъ совершенно вѣрно заключилъ, что πρόδηλοι πράξεις такія дѣла, quae non subito et inexpectatae incidunt, sed quas praevidimus. Ср. также or. VII περὶ τοῦ Ἀπολλοδώρου κλήρου § 31: ἐκείνῳ δὲ πρόδηλον ἦν ὅτι εἰ καταλείψει τὸν κλῆρον ἐπὶ τούτοις, ἔρημον ποιήσει τὸν οἶκον. Demosth. or. XXI κατὰ Μειδίου § 66: εἰ γὰρ ἑκάστῳ τῶν χορηγῶν τοῦτο πρόδηλον

γένοιτο. or. XXIII κατ' Ἀριστοκράτους § 12: ἡ (sc. αἰτία) πρόδηλος ἦν ἐπ' ἐκείνους ἥξουσ', εἴ τι πάθοι Χαρίδημος. ibid. § 42: μὴ προδήλου τῆς ἐπιούσης τύχης οὔσης ἑκάστῳ. Ps.-Demosth. or. 46 κατὰ Διονυσοδώρου § 18: προδήλου ὄντος ὅτι καταγνώσεται αὐτοῦ ἀποτεῖσαι τὰ χρήματα.

3. Въ § 2 ораторъ между прочимъ говоритъ: „ὑμεῖς τὰ εὔορκα ψηφιεῖσθε" т. е. вы подадите голосъ согласно съ вашей присягой. Вопросъ о судейской присягѣ, на которую, какъ извѣстно, ссылаются всѣ ораторы, преимущественно въ первыхъ и послѣднихъ параграфахъ своихъ рѣчей [1]), Дрерупомъ [2]) совершенно вѣрно называется „eine crux philologorum". Въ чемъ, именно, заключалась эта присяга [3])? Здѣсь, конечно, не мѣсто входить въ подробный разборъ сохранившейся въ XXIV рѣчи Демосѳена присяги (κατὰ Τιμοκράτους §§ 149—151, ὅρκος ἡλιαστῶν), тѣмъ болѣе, что въ этой присягѣ упоминаются разные пункты, которые безъ сомнѣнія не входили въ составъ обыкновенной судейской присяги, а употреблялись только въ нѣкоторыхъ экстренныхъ случаяхъ [4]); съ другой стороны не подлежитъ, далѣе, сомнѣнію, что въ сохранившейся у Демосѳена l. c. присягѣ пропущены нѣкоторые пункты, которые несомнѣнно входили въ составъ судейской присяги, такъ какъ на эти пункты неоднократно ссылаются ораторы. Мы здѣсь, разумѣется, не можемъ останавливаться на многочисленныхъ возстановленіяхъ судейской присяги, а удовольствуемся тѣмъ, что сначала приведемъ важнѣйшую литературу этого вопроса, а затѣмъ сообщимъ наше возстановленіе, отсту-

---

1) Ср. хорошее сопоставленіе примѣровъ у L. Ott'a, Beiträge zur Kenntniss des griechischen Eides, Leipzig 1896, стр. 60—71.

2) Ср. E. Drerup, Ueber die bei den attischen Rednern eingelegten Urkunden, Jahrb. f. class. Philol., Suppl. XXIV Leipzig 1898, стр. 256.

3) Прежнихъ ученыхъ интересовалъ также другой вопросъ: когда давалась эта присяга? Многіе прежде полагали, что присяжные давали двойную присягу, а именно — въ началѣ каждаго года и передъ каждымъ засѣданіемъ суда присяжныхъ. Это мнѣніе, однако, оказалось ложнымъ, ибо не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что присяжные клялись всего только одинъ разъ — въ началѣ каждаго года, см. Meier-Schoemann-Lipsius, Att. Process стр. 161 прим. 29.

4) Ср. Drerup, l. c. стр. 264: „Wenn einmal in ausserordentlicher Lage der Gerichtshof nicht bloss auf seine richterlichen Obliegenheiten vereidigt werden sollte, sondern auch auf die Bewahrung der demokratischen Einrichtungen sowohl, wie auf den Schutz des einzelnen, so war der Situation der in der Rede gegen Timokrates überlieferte ὅρκος ἡλιαστῶν in seinem ganzen Umfange durchaus angemessen".

пающее нѣсколько отъ остальныхъ. Подробную мотивировку мы, между прочимъ, считаемъ здѣсь потому излишней, что измѣненія эти касаются только нѣкоторыхъ формулъ и порядка отдѣльныхъ пунктовъ: содержаніе присяги отъ этого нисколько не измѣняется — а здѣсь насъ интересуетъ именно содержаніе ея — кого же интересуетъ сама присяга во всѣхъ ея частностяхъ, тотъ обязательно долженъ воспользоваться нижепоименованной литературой этого вопроса, а изъ нея онъ легко увидитъ, въ чемъ состоятъ наши измѣненія. Не лишнимъ считаемъ, однако, прибавить, что наши измѣненія не конъектуры, а основаны на тщательномъ изслѣдованіи какъ ссылокъ ораторовъ, такъ и сохранившихся въ надписяхъ присягъ.

Важнѣйшая литература этого спорнаго вопроса слѣдующая: A. Westermann, Comm. de iurisiurandi iudicum Atheniensium formula, quae exstat in Dem. or. in Timocrat. 1, 2, 3, Leipzig 1859. M. Fränkel, Der attische Heliasteneid, Hermes XIII 1878 стр. 452 сл. (присяга возстановлена имъ на стр. 464). Meier-Schoemann-Lipsius, Att. Process стр. 153 сл. прим. 17. Guil. Hofmann, De iurandi apud Athenienses formulis, Darmstadt 1886, стр. 3 сл. L. Ott, l. c. стр. 60 сл. и 97 сл. E. Drerup, l. c. стр. 256 сл. Сама же присяга гласила, на нашъ взглядъ, такъ:

Ψηφιοῦμαι κατὰ τοὺς νόμους καὶ τὰ ψηφίσματα τοῦ δήμου τοῦ Ἀθηναίων καὶ τῆς βουλῆς τῶν πεντακοσίων, περὶ δ' ὧν ἂν νόμοι μὴ ὦσι, γνώμῃ τῇ δικαιοτάτῃ.

καὶ ἀκροάσομαι τοῦ τε κατηγόρου καὶ τοῦ ἀπολογουμένου ὁμοίως ἀμφοῖν καὶ διαψηφιοῦμαι περὶ αὐτοῦ οὗ ἂν ἡ δίωξις ᾖ.

καὶ δῶρα οὐ δέξομαι τῆς ἡλιάσεως ἕνεκα οὔτ' αὐτὸς ἐγὼ οὔτ' ἄλλος ἐμοὶ οὔτ' ἄλλη εἰδότος ἐμοῦ, οὔτε τέχνῃ οὔτε μηχανῇ οὐδεμιᾷ.

ὄμνυμι ταῦτα νὴ τὸν Δία νὴ τὸν Ποσειδῶ νὴ τὴν Δήμητρα. εὐορκοῦντι μέν μοι εἶναι πολλὰ καὶ ἀγαθά, εἰ δέ τι τούτων παραβαίνοιμι ἐξώλης εἴην καὶ αὐτὸς καὶ γένος τὸ ἐμόν".

На эту присягу указываетъ l. c. и нашъ ораторъ.

Приложеніе I.

Библіографическій указатель[1]).

1. Изданія.

Aldus Manutius, Orationes horum rhetorum etc. Vol. II, Venetiis 1513 (упомянутый второй томъ озаглавленъ: Orationes infrascriptorum rhetorum, Andocidis Isaei etc.).

Henricus Stephanus, Oratorum veterum orationes, Parisiis 1575.

Jo. Jacobus Reiske, Oratorum Graecorum vol. VII, Lipsiae 1773.

[**Thomas Tyrwhitt,** Isaei oratio de Meneclis hereditate e codice Laurentiano primum edita, London 1785].

[**T. C. Tychsen,** Isaei oratio de Meneclis hereditate, Gottingae 1788].

[**J. C. Orelli,** Isocratis oratio de permutatione, Isaei oratio de Meneclis hereditate, Turici 1814 (съ примѣчаніями Bremi и Orelli)].

Angelo Mai, Isaei oratio de hereditate Cleonymi, nunc primum duplo auctior, inventore et interprete Angelo Maio, Mediolani 1815.

---

1) Въ нижеслѣдующемъ библіографическомъ указателѣ мы намѣреваемся сообщить не только литературу предмета, но вообще всевозможныя сочиненія (изданія, переводы, комментаріи, разныя монографіи и т. д.), касающіяся рѣчей Исея, такъ какъ такого указателя, къ сожалѣнію, еще не имѣется. На абсолютную полноту нашъ указатель, разумѣется, не претендуетъ, тѣмъ болѣе, что мы намѣренно пропустили такія журнальныя статьи или такія сочиненія и брошюры, въ которыхъ Исей упоминается совершенно случайно или гдѣ напечатаны всего только двѣ — три конъектуры. Мы сами, конечно, отмѣтили въ своемъ настольномъ изданіи Бюрмана и всѣ эти случайныя упоминанія и конъектуры, и во всякое время въ случаѣ надобности охотно будемъ сообщать любому читателю литературу по тому или другому параграфу той или другой рѣчи Исея. Обращаемъ еще вниманіе читателей на то, что въ скобкахъ нами приведены такія книги, которыхъ намъ не удалось самимъ видѣть.

[Isaei orationes quae vulgo in editionibus leguntur. Ed. stereot. Tauchnit. Lipsiae 1820. (1829)].

[**God. Henr. Schaefer,** Isaei opera, Leipzig 1822].

Jm. Bekker, Oratores Attici, vol. III, Oxford 1822. Berlin 1823.

[**Guil. Steph. Dobson,** Oratores Attici, vol. IV, London 1828].

Georg Friedrich Schoemann, Isaei orationes XI cum aliquot deperditarum fragmentis. Recognovit annotationem criticam et commentarios adiecit G. F. Schoemann, Gryphiswaldiae 1831.

Rec.: Neue Jahrbücher f. class. Philol., III Jahrgang Band VII 1833, p. 371 ff. (Steigerthal); [Allgemeine Schul-Zeit. 1833, II №№ 53—55 (Meutzner); Hall. Literaturzeitung 1836 № 132 sq. (Meier)].

Jo. Georg Baiter et Hermann Sauppe, Oratores Attici, Turici 1839—43, vol. I p. 325 сл.; vol. II Turici 1850: Fragmenta oratorum Atticorum, collegit, disposuit, adnotavit H. Sauppe, p. 228—244 (Isaeus).

Rec.: Zeitschrift für die Alterthumswissenschaft, 1844, №№ 21—23 (Meutzner).

Carl Müller, Oratores Attici, vol. I, Paris 1847 (. . . . Isaei orationes graece ex recensione Baiteri et Sauppii cum translatione reficta a Carolo Müllero).

Carl Scheibe, Isaei orationes cum aliquot deperditarum fragmentis, Lipsiae 1860.

Rec.: Jahrbücher für class. Philol. Band 83 (1861) p. 460 sq. (Meutzner); ibid. Band 85 (1862) p. 673 sq. Rauchenstein); Heidelberger Jahrbücher 1862 I (Jahrgang 55) p. 193—212 (Kayser).

H. Buermann, Isaei orationes cum fragmentis a Dionysio Halicarnassensi servatis, Berlin 1883.

Rec.: Deutsche Litteraturzeitung, 1883 p. 1001—1002 (Blass): Literar. Centralblatt, 1883, p. 1452—1453 (B.); Bursian's Jahresberichte Band 46 (1886) p. 50 sq. (Hüttner); Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1884, ч. 233 (іюнь) стр. 333.

2. Переводы.

J. J. Reiske, Isaei orationum interpretatio latina, въ вышеупомянутомъ изданіи Lipsiae 1773, стр. 371 сл.

W. Jones, The speeches of Isaeus, with prefatory discourse, notes

crit. and hist. and a commentary, London 1779, (ср. также W. Jones, Works, London 1799, vol. IV).

[**Athan. Auger,** Les orateurs Athéniens ou les Harangues de Lycurgue, d'Andocide, d'Isée etc. Paris 1783 или 1792 (Schoemann praef. p. IX пишетъ Parisiis 1783 oct., Moy p. III и Dareste p. VIII 1792).

G. F. Schoemann, Isaeus der Redner, Stuttgart 1830 (Griechische Prosaiker in neuen Uebersetzungen herausg. von Tafel, Osiander und Schwab, Band 70 u. 71).

E. Caillemer, Le plaidoyer d'Isée sur la succession d'Astyphile (т. е. or. IX) traduit et annoté. Annuaire de l'association pour l'encouragement des études grecques en France, IX 1875 Paris стр. 104—186.

Rodolphe Dareste, Les plaidoyers d'Isée traduits en français avec arguments et notes avec la collaboration de B. Haussoullier, Paris 1898.

[**F. P. Caccialanza,** Le orazioni di Iseo, tradotte con prolegomeni e note, 1901 Torino, (см. ниже наши „Добавленія")].

Rec.: Riv. di Filol. 1902 p. 367—370 (G. Setti).

3. Комментаріи.

Ср. вышеупомянутые переводы **Jones'a, Caillemer'a, Dareste'a, Caccialanza'** и изданіе **Schoemann'a.**

4. Indices.

J. J. Reiske, Index graecitatis Isaeo usurpatae, въ вышеупомянутомъ изданіи Lipsiae 1773, стр. 521 сл.

T. Mitchell, Indices graecitatis, quos in singulos oratores confecit J. J. Reiskius, passim emendati et in unum corpus redacti. Vol. I Oxford 1828.

5. Спеціальная литература.

E. Albrecht, Beiträge zur Texteskritik des Isaios, Hermes XVIII (1883) p. 362—381.

E. Albrecht, Die Gegner in der ersten Rede des Isaeus, Jahrb. f. class. Philol. Band 127, p. 167—168.

G. E. Benseler, De hiatu in scriptoribus graecis, Freiberg 1841, p. 185—192.

F. Blass, Die attische Beredsamkeit, II^2 Leipzig 1892, p. 486—577.

F. Blass, Bursian's Jahresberichte IX 1877 p. 268 sq. (L. Moy; K. Seeliger; E. Caillemer; J. Vahlen, Varia, Hermes X p. 460); XXI 1880 p. 189 (Halbertsma, Otium Harlemense. Mnemosyne N. S. VI 1878; Naber, Adnotationes); XXX 1882 p. 237 sq. (H. Schenkl; H. van Herwerden; W. Roeder, Beiträge; K. Fuhr, Miscellen).

H. Buermann, Zur Textkritik des Isaios, I: Hermes XVII 1882 p. 385—400; II: Hermes XIX 1884 p. 325—368.

H. Buermann, Isaios bei Dionysios von Halikarnass (or. XII; fragmenta), Fleck. Jahrb. Band 129 (1884) p. 361—365.

H. Buermann, Handschriftliches zu den kleineren attischen Rednern, Rhein. Museum XL 1885 p. 387—396.

F. Caccialanza, Per l'eredità di Cleonimo, Rivista di Filologia XXVIII 1900 p. 239—249.

F. Caccialanza, Per l'eredità di Menecle, Rivista di storia antica N. S. V 1900 p. 237—244.

F. Caccialanza, Per l'eredità di Pirro, ibid. p. 245—272.

F. Caccialanza, Per l'eredità di Diceogene, Rivista di Filol. XXIX 1901 p. 59—72.

C. G. Cobet, Variae lectiones, Lugduni-Batavorum 1854 passim; Novae lectiones, ibid. 1858 passim.

C. G. Cobet, Isaei oratio I nonnullis locis emendata, Mnemosyne N. S. IX 1860 p. 438—445.

C. G. Cobet, Isaei locus restitutus (or. VII 35) ibid. p. 396—398.

C. G. Cobet, Ad Isaei orationem II, ibid. XI 1862 p. 113—144.

P. P. Dobree, Adversaria, Vol. I Berlin 1874 (первое изданіе Cantabrigiae 1831) p. 288—315: In Isaeum.

A. Friedrich, Bemerkungen zu Isaios, Gymnasialprogramm, Darmstadt 1875 (praefatio p. 1—7, or. VI p. 7—19, or. XI p. 19—24).

C. Fuhr, Animadversiones in oratores atticos, Diss. Bonn 1877, p. 54—61.

[**C. Fuhr,** Zu Isaios Rede über die Erbschaft des Aristarch (т. е. or. X). Festgabe für W. Crecelius, Elberfeld 1881 p. 30—32].

H. van Herwerden, Ad Isaeum, Mnemosyne N. S. IX 1881 p. 380—399.

H. Hitzig, Studien zu Isaeus, Gymnasialprogramm Bern 1883 (or. I p. 1—11; or. II p. 11—14; or. III p. 14—20; or. IV p. 20—22; or. V p. 22—25; or. VI p. 26—29).

Rec.: Woch. f. class. Philol. II 1885 p. 645—648 (Albrecht).

G. Hüttner, Bursian's Jahresberichte, Band 46 (1886) p. 44 sq. (H. Gölkel, Conj. zu or. XI 47; W. Roeder, Ueber Cobet's

Emendationen etc.; E. Albrecht, H. Hitzig, Lincke, Lugebil, Lunak, Buermann, Vollert).

R. C. Jebb, Selections from the Attic orators, London 1896² (or. V §§ 7—24, 39—47; or. XI §§ 1—19; or. VIII §§ 1—42. p. 166—199 Text, p. 361—406 Notes).

E. Jenicke, Observationes in Isaeum, Lipsiae 1838 (or. I, II, III, IV, VI, VII).

Rec.: Zeit. f. Alterthumswiss. 1839 №№ 12 . 13 (Meutzner).

В. Ернштедтъ, Объ основахъ текста Андокида, Исея и т. д. Журналъ Мин. Народн. Просвѣщенія 1879 т. 202 (апрѣль) стр. 117 сл.; т. 203 (Май) стр. 95 сл.

V. Jernstedt, Antiphontis orationes, Petropoli 1880, praefatio.

[**К. Katabaines,** Κριτικὰ σημειώματα εἰς τὸν Ἰσαῖον. Πλάτων Ε′, η′. ϑ′. p. 303—313. 1883].

H. Knop, De enuntiatorum apud Isaeum condicionalium et finalium formis et usu. Celle 1892.

E. Kirchner, Prosopographiae Atticae specimen, Gymnasialprogramm, Berlin 1890 p. 4—12 (or. VI passim).

E. Kirchner, Beiträge zur attischen Prosopographie, Hermes XXXI 1896 p. 259—260 (or. V).

E. Kirchner, Prosopographia Attica, I Berlin 1901 (см. ниже наши „Добавленія").

Rec.: Hist. Zeit. 1902 (B. 52) p. 483—487 (B. Keil).

A. Laudahn, Welchen Einfluss hat Isaeus auf die Demosthenischen Vormundschaftsreden ausgeübt. I, Programm, Hildesheim 1872.

J. A. Liebmann, De Isaei vita et scriptis, Halle 1831.

E. M. Lincke, De elocutione Isaei, Diss. Lipsiae 1884.

Rec.: Wochenschr. f. klass. Philol. II 1885 p. 643—645 (Landwehr).

K. Lugebil, Zu Isäus, Jahrb. f. class. Philol. Band 129 p. 161—167.

К. Люгебиль, Объясненіе одного мѣста въ первой рѣчи Исея, Журн. Мин. Народн. Просв. 1879 (февраль), [or. I § 33].

J. Lunák, Ueber den Status der ersten Rede des Isaeus über die Erbschaft des Kleonymos, Philologus XLII p. 275—284.

C. F. G. Meutzner, Disputatio de locis nonnullis Isaei. Acta societatis graecae, II Lipsiae 1840 p. 99—142.

L. Moy, Étude sur les plaidoyers d'Isée, Paris 1876.

Rec.: Revue critique 1876 II № 51 p. 385—394 (Perrot).

S. A. Naber, Adnotationes criticae ad Isaei orationes, Mnemosyne N. S. V 1877 p. 385—419.

Papabasileios, Κριτικαὶ παρατηρήσεις εἰς Ἰσαῖον καὶ Αἰσχίνην, Ἀθηνᾶ XI p. 563—566.

A. Philippi, Ueber einige Reden des Isaios und Demosthenes, Jahrb. f. class. Philol. Band 119 (1879) p. 413—419.

[Π. Σ. Φωτιάδης, Kritische Bemerkungen zu Isaios' περὶ τοῦ Κλεωνύμου κλήρου, (griech.) Ἀθηνᾶ IX p. 58—64].

[Π. Σ. Φωτιάδης, Kritische und exegetische Bemerkungen zu Isaeus, (griech.) Ἀθηνᾶ XII p. 447—458].

R. Rauchenstein, Zur Litteratur des Isaios, Jahrb. f. class. Philol. Band 85 (1862) p. 673—679 (Scheibe, Commentatio critica; Scheibe, Isaei orationes).

W. Roeder, Beiträge zur Erklärung und Kritik des Isaios, Jena 1880.

Rec.: Gött. Gel. Anz. 1881 p. 252—256 (Blass); Neue Jahrb. f. Philol. Band 123 p. 105—111 (Hitzig); Revue critique 1881 I p. 127—129 (Ch. Graux); Deutsche Litteraturzeitung 1881 p. 887—888 (Hug); Philol. Rundschau I 1881 p. 758—762 (Fuhr); Litterar. Centralbl. 1881 p. 639 (H.).

W. Roeder, Ueber C. G. Cobets Emendationen der attischen Redner, insbesondere des Isaios, Programm, Gnesen 1882, (or. I; II; VII 35).

Rec.: Philol. Rundschau II 1882 p. 1031—1032 (Zurborg).

E. Rosenberg, Altes und Neues zur Kritik des Isaeos, Jahrb. f. class. Philol. Band 109 (1874) p. 333—338.

H. Sauppe, Ausgewählte Schriften, Berlin 1896, passim (cf. Index p. 853).

C. Scheibe, Commentatio critica de Isaei orationibus, Programm, Dresden 1859.

Rec.: Jahrbücher f. class. Philol. Band 83 (1861) p. 460 sq. (Meutzner); ibid. Band 85 (1862) p. 673 sq. (Rauchenstein).

H. Schenkl, Die Ueberlieferung der Reden des Isaeus im Codex Crippsianus, Wiener Studien III 1881 p. 195—208.

G. F. Schoemann, De causa hereditaria in Isaei or. de Philoct. her., Ind. lect. Greifswald 1842 = Opuscula Academica I Berlin 1856 p. 272—284.

G. F. Schoemann, De orgeonibus apud Isaeum, Greifswald 1829 = Opuscula Acad. I p. 183—189 („De orgeonibus").

K. Seeliger, Zur Charakteristik des Isaios, Jahrb. f. class. Philol. Band 113 (1876) p. 673—679.

G. Sakorraphus, Observationes ad Isaeum, Mnemosyne N. S. XX 1892 p. 400—409.

J. Vollert, Adnotationes criticae ad Isaeum, Programm, Schleiz 1885.

H. Weissenborn, Ersch und Gruber's Encyclopädie, II Sekt. Band 24 s. v. Isäus.

6. Varia [1]).

G. Barrilleau, De la constitution de dot dans l'ancienne Grèce, Nouvelle revue historique de droit français et étranger, VII 1883 p. 145—190.

L. Beauchet, Histoire du droit privé de la republique Athénienne, vol. I—IV Paris 1897.

Rec.: Revue des études grecques 1897 p. 106—108 (T. Reinach); Journal des Savants 1897 p. 338—349, 393—404 (Dareste); Revue critique 1897 II p. 309—311 (Guiraud); Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte XVIII (XXXI Band der Zeitschrift für Rechtsgeschichte) Romanistische Abtheilung, Weimar 1897 p. 146—196 (H. F. Hitzig); Berliner philol. Wochenschrift 1899 p. 979—991 (B. Keil).

A. Böckh, Die Staatshaushaltung der Athener, 3 Aufl. von M. Fränkel, Berlin 1886.

C. de Boor, Ueber das attische Intestat-Erbrecht, Hamburg 1838.

B. Büchsenschütz, Besitz und Erwerb im griechischen Altertume, Halle 1869.

H. Buermann, Drei Studien auf dem Gebiet des attischen Rechts, Jahrb. f. class. Philol. Suppl. IX 1877/78 p. 567—646 (I: Der legitime Concubinat der Athener etc.; II: Die attischen Neu-

1) Въ этой рубрикѣ мы привели такія сочиненія, которыя не посвящены толкованію Исеевыхъ рѣчей, но въ которыхъ, не смотря на то, упомянутыя рѣчи не только цитируются, но и толкуются такъ часто — и иногда даже весьма подробно —, что ихъ въ этомъ библіографическомъ указателѣ нельзя было не отмѣтить. Само собою разумѣется, что эта норма нами не совсѣмъ точно проведена. Такъ нпр. мы намѣренно пропустили извѣстныя руководства Бузольта, Гильберта, Германъ-Тумзера и т. п., не смотря на то, что Исей въ этихъ книгахъ цитируется сплошь да рядомъ; съ другой стороны, мы привели нѣкоторыя сочиненія — преимущественно юридическаго содержанія — въ которыхъ Исей цитируется не особенно часто, но въ которыхъ за то затрагиваются многіе вопросы первостепенной важности, знакомство съ которыми обязательно требуется отъ каждаго ученаго, изучающаго рѣчи Исея.

bürger und die Kleisthenischen Phratrien; III: Die rechtliche Stellung der νόθοι).

H. Buerman, Das attische Intestaterbfolgegesetz, Rhein. Museum XXX 1877 p. 353—385.

C. C. Bunsen, De iure hereditario Atheniensium, Gottingae 1813.

E. Caillemer, Le droit de succession légitime à Athènes, Paris 1879.

E. Caillemer, Les enfants nès hors mariage étaient-ils citoyens? Annuaire pour l'encouragement des études grecques en France, XII 1878 Paris, p 184—200.

E. Caillemer, Le droit de tester à Athènes, ibid. IV 1870 Paris, p. 19—39.

E. Drerup, Ueber die bei den attischen Rednern eingelegten Urkunden, Jahrb. f. class. Philol. Suppl. XXIV 1898 p. 221—366.

Rec.: Berliner philol. Wochenschrift 1898 p. 964—969 (Kirchner); Wochenschrift f. klass. Philol. 1898 p. 1255—1256 (Ziebarth); Literar. Centralbl. 1898 p. 1106—1107 (B.); Deutsche Litteraturz. 1899 p. 181—182 (Thalheim); Revue critique 1899 p. 124—126 (My); Revue des études grecques 1899 p. 250—251 (Gruebler).

A. H. G. P. van den Es, De iure familiarum apud Athenienses, Lugduni 1864.

E. Gans, Das Erbrecht in weltgeschichtlicher Entwickelung, I Berlin 1824 p. 281 sq.

G. Grasshoff, Symbolae ad doctrinam iuris attici de hereditatibus. I: De successione ab intestato, Berlin 1877.

P. Guiraud, La propriété foncière en Grèce jusqu'à la conquête Romaine, Paris 1893.

E. Hafter, Die Erbtochter nach attischem Recht, Leipzig 1887.

Rec.: Berliner philol. Wochenschr. 1888 p. 305—307 (Thalheim); Woch. f. klass. Philol. 1888 p. 483—487, 518—522 (Schulthess); Lit. Centralbl. 1888 p. 445; Deutsche Litteraturz. 1888 p. 1711 (Dittenberger).

K. F. Hermann, Lehrbuch der griechischen Rechtsaltertümer, 4 Aufl. von **Th. Thalheim,** Freiburg & Leipzig 1895.

Rec.: Woch. f. klass. Philol. 1895 p. 561—567 (Ziebarth); Revue critique 1895 p. 404—405 (Martin); Neue philol. Rundschau 1895 p. 203—206 (H. F. Hitzig); Berl. philol. Woch. 1896 p. 15—20 (Schulthess); Zeitschrift f. öst. Gymn. 1896 p. 412—413 (Thumser). Ср. также Berl. philol. Woch. 1885 p. 590 сл. рец. Buermann'a на 3-ье изданіе.

G. E. W. van Hille, De testamentis iure attico, Amsterdam 1898.
Rec.: Berl. philol. Woch. 1898 p. 1620—1621 (Thalheim).

H. F. Hitzig, Das griechische Pfandrecht. Ein Beitrag zur Geschichte des griechischen Rechts. München 1895.
Rec.: Woch. f. klass. Philol. 1895 p. 281—287 (Schulthess); Berl. philol. Woch. 1895 p. 1233—1235 (Thalheim); Lit. Centralbl. 1895 p. 757—758; Neue philol. Rundschau 1896 p. 183—191 (Schulthess); Gött. Gel. Anz. 1898 p. 444—446 (Kohler).

H. F. Hitzig, Zum griechisch-attischen Rechte, Zeitschrift für Rechtsgeschichte XVIII, Romanist. Abth., Weimar 1897 p. 146—196 (рецензія на вышеупомянутое сочиненіе Beauchet).

E. Hruza, Beiträge zur Geschichte des griechischen und römischen Familienrechtes. I: Die Ehebegründung nach attischem Rechte, Erlangen & Leipzig 1892. II: Polygamie und Pellikat nach griechischem Rechte, ibid. 1894.
I. Rec.: Berl. philol. Woch. 1893 p. 84—89, 113—117 (Thumser); Lit. Centralbl. 1893 p. 407—408 (Th. N.); Deutsche Litteraturz. 1894 p. 373 (Höck); Neue philol. Rundschau XII 1892 p. 327—331 (O. Müller); Zeitschrift für Rechtsgeschichte XV, Rom. Abth. 1894 p. 392—407 (Kübler).
II. Rec.: Deutsche Litteraturz. 1894 p. 626—627 (Höck); Lit. Centralbl. 1894 p. 636—637 (Dittenberger); Berl. phil. Woch. 1895 p. 1326—1331 (Thumser); Neue philol. Rundschau XV 1895 p. 412—415 (O. Müller); Zeitschr. f. Rechtsgesch. l. c. (Kübler).

H. Lewy, De civili condicione mulierum graecarum, Breslau 1885.

Meier & Schoemann, Der attische Process, neu bearb. von **Lipsius,** Berlin 1883—1887.

L. Mitteis, Reichsrecht und Volksrecht in den östlichen Provinzen des römischen Kaiserreichs. Mit Beiträgen zur Kenntniss des griechischen Rechts und der spätrömischen Rechtsentwicklung. Leipzig 1891.

O. Müller, Untersuchungen zur Geschichte des attischen Bürger- und Eherechts. Jahrb. f. class. Philol., Suppl. XXV Leipzig 1899 p. 661—865.
Rec.: Deutsche Litteraturzeitung 1900 p. 928—931 (H. F. Hitzig); Literar. Centralbl. 1900 p. 936 (Thalheim); Woch. f. klass. Philol. 1900 p. 566—569 (Szanto); Berl. philol. Wochenschr. 1900 p. 1195—1197 (Bauer); Revue

des études grecques 1900 p. 421—422 (T. Reinach); Neue philol. Rundschau 1901 p. 29—31 (Schulthess).

A. Philippi, Beiträge zu einer Geschichte des attischen Bürgerrechtes, Berlin 1870.

A. Philippi, Symbolae ad doctrinam iuris attici de syngraphis et de οὐσίας notione, Leipzig 1871.

H. Schelling, De Solonis legibus apud oratores atticos, Berlin 1842.

E. Schneider, De iure hereditario Atheniensium, München 1851.

F. Schulin, Das griechische Testament verglichen mit dem römischen, Basel 1882.

O. Schulthess, Vormundschaft nach attischem Recht, Freiburg 1886.
Rec.: Deutsche Litteraturzeitung 1886 p. 1688—1690 (Dittenberger); Lit. Centralbl. 1886 p. 1622 (ἔλ.); Philol. Anzeiger XVII 1887 p. 667—673 (Seeliger); Woch. f. klass. Philol. 1888 p. 1453—1457 (Landwehr).

K. Seeliger, Das Erbschaftsgesetz in Demosthenes Makartatea, Rhein. Museum XXXI 1876 p. 176—182.

K. Seeliger, Zur attischen Gesetzgebung über die Intestaterbfolge, Philol. XLIII 1884 p. 418—428.

O. Staeker, De litis instrumentis quae exstant in Demosthenis quae feruntur posteriore adversus Stephanum et adversus Neaeram orationibus, Halle 1884.

Th. Thalheim, Zu den griechischen Rechtsalterthümern II, Programm, Hirschberg 1894 (1: Die Bedeutung der ἐγγύησις im attischen Recht, p. 3—9; 2: Der κύριος der attischen Frau in der Ehe, p. 10—12; 3: Die ἐπιδικασία als Ehebegründung, p. 13—18).
Rec.: Woch. f. klass. Philol. 1895 p. 173—177 (Thumser).

R. Volkmann, Die Rhetorik der Griechen und Römer, 2 Aufl. Leipzig 1885.

A. Wachholtz, De litis instrumentis in Demosth. quae fertur orat. in Macartatum, Diss. Kiel 1878 (Schriften der Universität Kiel, Band XXV 1878).

R. Zimmermann, De nothorum Athenis condicione, Diss. Berlin (Mederici) 1886.
Rec.: Philol. Anzeiger XVII 1887 p. 403—413 (C. Schaefer); Deutsche Litteraturzeitung 1887 p. 821 f. (Dittenberger); Woch. f. klass. Philol. 1888 p. 449—456 (Schulthess).

Приложеніе II.

Замѣтки къ Cod. Crippsianus A[1]).

Въ введеніи l. c. мы уже имѣли случай замѣтить, что лѣтомъ 1898 года мы съѣздили въ Лондонъ, чтобы провѣрить всѣ мѣста, гдѣ Бюрманъ и Шенкль расходятся въ своихъ чтеніяхъ, и обѣщались въ этомъ II-омъ приложеніи подѣлиться съ читателемъ результатами нашего сличенія. Прежде чѣмъ приступить къ изложенію этихъ результатовъ, мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе читателя на слѣдующіе пункты:

1) Шенкль (l. c. стр. 195 сл.) замѣчаетъ слѣдующее: „Eine nochmalige genaue Collation der Handschrift ist unerlässlich; als Vorarbeit zu einer solchen und, bis diese erscheint, als einstweilige Ergänzung des kritischen Apparates mögen die folgenden Notizen dienen. Sie enthalten ein Verzeichniss derjenigen Stellen, an denen Correcturen vorgenommen worden sind (im Anschlusse an Schömann's Ausgabe), mit möglichst sorgfältiger Unterscheidung der verschiedenen Hände. . . . Dass bei einer blossen Durchsicht der Handschrift eine absolute Vollständigkeit nicht erzielt werden konnte, versteht sich von selbst. Eine Ausnahme macht die siebente Rede, die ich vollständig verglichen habe". За исключеніемъ VII рѣчи Шенкль, стало быть, не провѣрилъ всего Исея. Какъ уже было нами замѣчено, мы провѣрили только такія мѣста, гдѣ Бюрманъ и Шенкль расходятся, наши замѣтки, поэтому, понятнымъ образомъ относятся только къ тѣмъ мѣстамъ, которыя были сличены Шенклемъ. Шенкль, однако, самъ находитъ, что обязательно нужно сличить не избранныя мѣста, а всю рукопись. Когда онъ это писалъ онъ еще не зналъ, что Бюрманъ уже исполнилъ его желаніе, но сли-

1) Совѣтуемъ читателю предварительно прочесть сказанное нами на стр. 14—16; ср. также стр. 12 сл.

ченіе Бюрмана не можетъ быть названо безупречнымъ, что мы и попытаемся доказать въ нижеслѣдующихъ замѣткахъ. Такъ какъ Шенкль, съ другой стороны, какъ мы также увидимъ, равнымъ образомъ нерѣдко ошибался, то собственно говоря нужно сличить не только упомянутыя спорныя мѣста, но вообще всю рукопись. Въ 1898 г. мы, къ сожалѣнію, не имѣли ни времени ни средствъ, чтобы продлить пребываніе въ Лондонѣ и прочесть всю рукопись. При обработываніи рѣчей Исея и собранныхъ нами матеріаловъ для насъ становилось все болѣе и болѣе яснымъ, что новое сличеніе этой рукописи является настоятельною потребностью и мы, поэтому, неоднократно просили денегъ для выполненія этой задачи. Такъ какъ наши старанія оставались тщетными, то волей-неволей пришлось оставить это намѣреніе. Что мы вслѣдствіе этого какъ при изданіи VI рѣчи, такъ и вообще при обработываніи рѣчей Исея неоднократно находились въ крайне непріятномъ положеніи, на этомъ останавливаться не стоитъ: каждому ученому, когда либо находившемуся въ такомъ положеніи, это и безъ того хорошо извѣстно.

2) Всѣ мѣста, гдѣ Бюрманъ и Шенкль прочли одно и то-же, и гдѣ тотъ и другой правы, нами здѣсь оставлены безъ вниманія. Наше молчаніе, стало быть, знакъ согласія.

3) Бюрманъ (praef. p. X 4) пишетъ: „Accentuum, si pauca exceperis, non magis quam spirituum, apostrophorum, signorum interpunctionis rationem habui"; у Шенкля, напротивъ, все это отмѣчено (за исключеніемъ знаковъ препинанія) напр. or. X § 24 v. 5 προ δίκης 1, πρὸ δίκης 3 и т. п. Ср. далѣе разныя другія мелочи, намѣренно пропущенныя Бюрманомъ (l. c. p. VII sq.). И мы не нашли нужнымъ отмѣчать такія ничего не значащія мелочи.

4) Бюрманъ, однако, весьма часто просто сообщаетъ, что pr. (т. е. manus prima = Schenkl 1) написала то-то и то-то, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ въ рукописи нѣкоторыя буквы выскоблены. Если, не смотря на такую разуру, выскобленныя буквы (или знаки) еще читаются вполнѣ ясно, то, разумѣется, можно сомнѣваться, какъ поступать въ такого-рода случаяхъ. Но если первоначальныя буквы больше не видны и, поэтому, могутъ быть возстановляемы только по догадкѣ (напр. по числу выскобленныхъ буквъ или по контуру данной разуры), то методъ Шенкля, на нашъ взглядъ, гораздо болѣе достоинъ подражанія: „Die Rasuren des Codex, говоритъ Шенкль, habe ich durch Sternchen bezeichnet, deren Anzahl der vermuthlichen Zahl der ausradierten Buchstaben

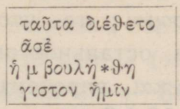
entspricht. Wo sich die Rasur eines Accentes oder Spiritus oder eines übergeschriebenen Buchstaben deutlich unterscheiden liess, habe ich an der betreffenden Stelle ein Sternchen über die Zeile gesetzt (стр. 197)", а въ скобкахъ онъ сообщаетъ то, что, на его взглядъ, выскоблено. Въ критическомъ аппаратѣ подъ текстомъ звѣздочки, правда, не особенно удобны, тамъ и мы по примѣру другихъ ученыхъ употребили точки; но въ такомъ случаѣ нужно совершенно послѣдовательно точками обозначать безусловно всѣ разуры, а не пропускать, по примѣру Бюрмана, ту или другую, какъ мы ниже увидимъ. Въ нижеслѣдующихъ замѣткахъ мы, разумѣется, воспользуемся болѣе цѣлесообразнымъ знакомъ *.

5) Бюрманъ и Шенкль совершенно расходятся и въ системѣ обозначенія отдѣльныхъ рукъ: первую руку, написавшую эту рукопись, Бюрманъ обозначаетъ знакомъ pr., а Шенкль цифрой 1; перваго корректора Б. обозначаетъ цифрой 1, а Ш. цифрой 2; второй корректоръ у Б. обозначенъ цифрой 2, у Ш. цифрой 3. Въ сомнительныхъ случаяхъ, когда нельзя опредѣлить, кто именно исправилъ данную ошибку, Б. пользуется знакомъ corr., а Ш. называетъ и ту и другую руку напр. corrigiert von 2 (oder 1?) или (von 2 Hand?) и т. п. Обращаемъ, далѣе, вниманіе читателя еще на то, что тщательность и акрибія, съ которой Ш. сличилъ эту рукопись, явствуетъ изъ слѣдующаго обстоятельства: въ §§ 39 и 40 V-ой рѣчи онъ по отношенію къ тремъ корректурамъ (см. ниже) установилъ особую руку, ничего общаго не имѣющую съ вышеупомянутыми руками. Бюрманъ и эти корректуры приписываетъ A 1 и мотивируетъ это въ статьѣ, напечатанной въ журналѣ Hermes XVII 1882 стр. 393. Что Шенкль правъ, въ этомъ мы лично убѣдились въ Лондонѣ. Что касается нашей системы обозначенія отдѣльныхъ рукъ, то мы, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, сочли необходимымъ присоединиться къ системѣ Бюрмана, такъ какъ его изданіе болѣе всего распространено; знакомъ pr. у насъ, стало быть, обозначается manus prima, знакомъ 1 = corrector 1, 2 = corrector 2, а знакомъ 3 мы обозначаемъ установленную Шенклемъ вышеупомянутую особую руку, исправившую въ трехъ мѣстахъ §§ 39 и 40 пятой рѣчи.

6) Замѣтки наши будутъ распредѣлены такимъ образомъ, что сначала мы сообщимъ тѣ мѣста, въ которыхъ чтеніе Шенкля оказалось вѣрнымъ (S.), затѣмъ мы приведемъ вѣрнія чтенія Бюрмана (B), а наконецъ мы укажемъ на такія мѣста, гдѣ ошиблись и тотъ и другой (P.). Строки цитированы нами по изданію Бюрмана.

Or. I: περὶ τοῦ Κλεωνύμου κλήρου.

1) S. 10,8 ἠβήσαιμεν, die zweite Hälfte von μ in Rasur (буква μ видна совершенно ясно) — **11,8** κακῶς ποιεῖν|* βουλή* θη pr.; κακῶς ποιεῖν| ἡμᾶς ἐβουλήθη 1. Бурманъ говоритъ ἡμᾶς in mg (т. е. in margine), но это не совсѣмъ точно, какъ явствуетъ изъ слѣ-



дующаго эскиза: мы привели верхнюю и нижнюю строки для того, чтобы указать на начало средней строки. — **27,4** *βουλήθη pr., corr. 1; по контурамъ разуры можно догадаться, что здѣсь первоначально была буква ἡ, но на самомъ дѣлѣ буква эта нисколько не видна. — **27,7** μεταδι**αι pr., corr. 1. — **34,3** Бурманъ невѣрно пишетъ: γε A corr., τε A pr. Шенкль совершенно вѣрно сообщаетъ, что первоначально было написано οἵ γε, затѣмъ γ было выскоблено и вмѣсто этого написано τ, такъ что теперь въ A читается τε, а не γε. — **43,1** ὥσθ' corr. 1, ὥσ*'; выскоблено, разумѣется, τ, но отъ этой буквы не сохранилось ни малѣйшихъ слѣдовъ.

2) B. 1,5 ἀκροασάμενοι pr., corr. 1. Шенкль пишетъ ἀκροασ*μενοι, но α видно еще совершенно ясно, не смотря на то, что оно выскоблено. — **15,1** Шенкль невѣрно пишетъ: „ἡμῖν 1, corr. von 2"; что здѣсь первоначально было написано ἡμῖν вм. ὑμῖν можно установить только по догадкѣ, буква η больше не видна.

Or. II: περὶ τοῦ Μενεκλέους κλήρου.

1) S. 3,4 θυγατέρ*ς pr. — **12,4** θεραπεύσαντος pr., 1 выскоблилъ второе α и написалъ ο. — **46,5** αὐτὸ* pr.

2) B. 38,6 Шенкль прочелъ „καὶ σ** (es scheint καὶ ὦ gestanden zu haben"), Бурманъ „καὶ ο . .". Бурманъ правъ, отъ ο сохранилась половина (Θ), вторая половина выскоблена — быть можетъ, случайно; сколько послѣ этого выскоблено буквъ (у Бурмана двѣ точки) точно опредѣлить нельзя.

3) P. 19,7 Бурманъ (ср. также p. VI): „τὸν ἐτ . . . . . ὑο γαρ; ἐποιήσατ' ἂν om. A pr., in ras. add. 1". Шенкль: τὸν τερον ε ἐπ***** δύο 1, τὸν ἐπ' οἰήσαν' αν δύο 2". И тотъ и другой ошиτν ε блись, въ рукописи читается: ἑ π (т. е. ἕτερον ἐπ) pr., затѣмъ въ

разурѣ ὁίησατ' ἂν δ 1, затѣмъ ύο pr. — **27,3** Шенкль: „διαφ|*** *εταιειε* 1, διαφέρεται| καὶ ἀναίνεταιεἰεγ 2, Бюрманъ: δια| . . . εται ὅ . . ἔσομαι pr., δια|φέρεται καὶ ἀ|ναίνεται, εἰ ἐγ ἔσομαι 1 (ср. Hermes XVII 1882 стр. 397 и прим. 2). На самомъ дѣлѣ читается: „δι|α[φέρεται καὶ ἀ|ναίν]εται' ο| ἐγ ἔσομαι; то, что нами приведено въ скобкахъ, написалъ 1 in rasura, остальное pr.; первое α (δια) находится уже in margine; ρεται и και, впрочемъ, приписаны особыми сокращенными знаками. — **40,1.2** Шенкль: ὁμολογοῦμεν***ν ἐστι, ὁμολογοῦμενόν ἐστι 2 (oder 1?); Бюрманъ: ὁμολογοῦμεν . . ν pr., ὁμολογοῦμενόν corr. 1. Выскоблены ли 2 или 3 буквы — опредѣлить нельзя, но Шенкль совершенно вѣрно отмѣтилъ выскобленное удареніе и вполнѣ справедливо замѣтилъ, что почти невозможно опредѣлить, кѣмъ именно исправлено это мѣсто. — **46,2.3** εἴτ . . . . . λάττων, у Шенкля и Бюрмана 5 точекъ, но числа выскобленныхъ буквъ здѣсь опредѣлить нельзя. —

Or. III: περὶ τοῦ Πύρρου κλήρου.

1) S. 7,1 Бюрманъ невѣрно αὐτο.̃ς pr., Шенкль вѣрно αὐτ*ῖς. — **7,4** Бюрманъ ἐπιδέδεικται . τότε, Шенкль вѣрно ἐπιδέδεικται* τότε. — **13,4** Бюрманъ οἳ μάχας 1, .ʿ. μάχας pr.; Шенкль: *μάχας. И намъ кажется, что здѣсь выскоблена всего только одна буква. — **19,7** Бюрманъ προστυχ . . . τας, Шенкль προστυχ**τας; сколько выскоблено буквъ (2 или 3) опредѣлить нельзя, но удареніе во всякомъ случаѣ выскоблено. — **23,3** Бюрманъ φησι . , Шенкль φησιν (ν ausradiert), послѣдній правъ, такъ какъ ν еще довольно ясно видно. — **34,1** ὠνόμην pr., εν (ὠνόμηνεν) приписано надъ строкой. — **49,3.4** προσήκει αὐτὸς pr., Шенкль вѣрнѣе προσήκει* αὐτὸς (ср. Hermes XVII 1882 стр. 387). — **68,4** Шенкль вѣрно καταλ*ίπη (ε ausradiert) такъ какъ ε еще замѣтно. — **71,2.3** ἐπιμελεῖσθ**** τοῦ pr., ἐπιμελεῖσθαι τούτου τοῦ 1. — **71,3** *ύτως pr. — **78,5** ὄφ*σιν αὐτη* pr. — **80,2** ἦν ** pr.

2) B. 37,3 Бюрманъ το . ούτων pr., Шенкль τοσούτων; по контурамъ можно догадаться, что здѣсь первоначально было σ, но буква эта нисколько не видна. — **65,5** Бюрманъ „καταλειπομένη pr., ε 1 eras.", Шенкль καταλ*ιπομένη; буква ε еще довольно ясно видна. — **72,10** Бюрманъ вѣрно οὐδὲ εἷς pr., οὐδε εἰς corr. 2; Шенкль невѣрно сообщаетъ, что поправлено οὐδεὶς. — **74,5** Бюр-

манъ вѣрно замѣчаетъ, что τούτων in rasura. — **76,1** γαμηλ . ίαν pr. (у Шенкля удареніе невѣрно на άν).

3) P. 32,6 Бюрманъ ὑπὸ τοῦ corr. 1, ... τοῦ pr.; Шенкль τοῦ ****οῦ 1, τοῦ ὑπὸ τοῦ 2. На самомъ дѣлѣ въ рукописи читается τοῦ ****οῦ pr., τοῦθ' ὑπὸ τοῦ 1. — **40,3** Бюрманъ αὐτῶν pr., Шенкль αὐτο** (αὐτῶν); въ рукописи видно только αὐτο** pr., αὐτοῦ 1. — **46,5** Бюрманъ вѣрно прочелъ βοηθο . pr., но Шенкль вѣрно замѣтилъ, что corr. 2 (т. е. у Шенкля 3, но эта рука вѣдь соотвѣтствуетъ нашей 2). — **60,6** Бюрманъ εἶ.ον pr., εἶπον corr. 2; Шенкль: ob π in Rasur oder auf freiem Raume, lässt sich nicht unterscheiden. Что π in rasura, въ этомъ сомнѣнія быть не можетъ. — **66,7** Числа выскобленныхъ буквъ точно опредѣлить нельзя. — **74,3 sq.** Бюрманъ говоритъ, что корректура находится in rasura 13 litt.; Шенкль ** καταλ******. И тотъ и другой ошиблись: числа выскобленныхъ буквъ опредѣлить нельзя, и никакихъ слѣдовъ καταλ не сохранилось, видно только, что выскоблено множество буквъ. — **76,2** Бюрманъ αὐτοῦ supra versum 1, Шенкль αὐτῶ; такъ какъ слово это написано сокращеннымъ образомъ, то нельзя опредѣлить, кто правъ. — **76,3** Бюрманъ ἠξίωσε corr. 1 (?), Шенкль ἠξίωσεν 3; читай: ἠξίωσε 2.

Or. IV: περὶ τοῦ Νικοστράτου κλήρου.

1) S. 1,8 ἂν in rasura Бюрманъ; Шенкль вѣрно ἂν τ in rasura. — **2,6** ἐκείνω*. — **5,6** Бюрманъ in ras. 8 litt.; Шенкль совершенно справедливо не опредѣлилъ величины лакуны, такъ какъ это невозможно. — **7,1** μόνον in ras. add. 1 (Бюрманъ подъ текстомъ); на стр. VI онъ вѣрно говоритъ τού . . . . . γνοίητ', мы поэтому не понимаемъ, отчего онъ не написалъ: των supra versum (compend.) δὲ μόνον in rasura add. 1. — **8,3** что ν выскоблено, видно еще совершенно ясно. — **8,5** Бюрманъ πρὸς|πρὸς pr., Шенкль точнѣе: πρὸς|π*ο* (vermuthlich πρὸς|πρὸς), только вмѣсто vermuthlich онъ могъ написать sicher. — **9,3** ἐκείνο* и δ*δόσθαι pr. — **15,4** ἀμ*ισβητοῦνται pr.

2) B. 4,8 Шенкль невѣрно Θρασιμάχου, читай Θρασυμάχου pr. — **27,4** Бюрманъ αὐτοὶ corr. 1, οὗτοι pr., Шенкль невѣрно сообщилъ совершенно обратное. — **27,5** Шенкль неточно ὅπ*ι (wahrscheinlich ὅπη), ибо нѣтъ никакого сомнѣнія, что выскоблено η.

3) P. 21,4 δὲ in rasura, сколько выскоблено буквъ (1 или 2) опредѣлить нельзя.

Or. V: περὶ τοῦ Δικαιογένους κλήρου.

1) S. 5,6 Шенкль вѣрно *ψηφίσ*ϛθε pr. — **37,7** Бурманъ .πέδωκεν pr., Шенкль вѣрно ἀπέδωκεν. — **39,1** букву κ надъ буквой σ написалъ не 1, а 3. — **39,3** ὁρᾶτε corr. не 1, а 3. — **40,4** Бурманъ невѣрно ἐστὶ corr. 1, ..ι pr.; Шенкль вѣрно *** pr. — **42,3** μακι, κ и σ corr. не 1, а 3.

2) B. Nyr. 4 Бурманъ вѣрно τρίτον, Шенкль невѣрно: „τρίτω, ω ist corrigiert, vielleicht aus ωι", ον видно довольно ясно. — **7,7** Шенкль невѣрно ἐφ' ὅλην (oder ἐφ' ὅλον) 3; 2 (т. е. 3 по Шенклю) написалъ ἐφ' ὅλον. — **10,5** Шенкль невѣрно пишетъ in Rasur von 6 Buchstaben, числа опредѣлить нельзя. — **32,4.5** Шенкль невѣрно πυνθανόμενοι, Бурманъ вѣрнѣе πυ.θα..μενοι pr.; что первая выскобленная буква ν можно еще приблизительно опредѣлить по неяснымъ контурамъ, остальныя буквы вполнѣ уничтожены. — **32,6** Бурманъ вѣрно .θελον pr., ἦ in ras. 1; Шенкль невѣрно *?θελον.

3) P. 6,2 сколько буквъ выскоблено между κ и δ (Бурманъ ., Шенкль **) опредѣлить нельзя. — **9,6** κηφισοφῶντος, сколько выскоблено буквъ (5 Бурманъ, 6 Шенкль) опредѣлить нельзя. — **11,4** *γ*ο** pr. — **21,2** Бурманъ ...ήσαντες pr., νικ in ras. 1; Шенкль ***κήσαντες. Сколько буквъ выскоблено — опредѣлить нельзя; κ по вѣрному замѣчанію Шенкля написано также pr. — **44,2.3** Бурманъ: ποιησάμενος corr. 1, ἐποίησεμενος ut vid. pr.; Шенкль **οιησά*μενοι. На самомъ дѣлѣ: **οιησάμενοι.

Or. VI: περὶ τοῦ Φιλοκτήμονος κλήρου.

См. наши замѣтки подъ текстомъ нижеслѣдующаго изданія этой рѣчи.

Or. VII: περὶ τοῦ Ἀπολλοδώρου κλήρου.

1) S. 2,5 πεπλάσ*θαι, τ in rasura. — **7,5** γενομένω*. — **7,6** κατέλ*ιπεν. — **8,9** Бурманъ οὓς pr., Шенкль вѣрно ου*. — **9,4** Бурманъ ἐμοὶ pr., Шенкль вѣрно ἐμ*. — **29,4** Шенкль вѣрно μηθ**τερον pr. — **38,10.11** αὐτῶνα*ταναγκασαντες pr. (ср. также Бурманъ, Hermes XVII 1882 p. 391). — **40,2** Бурманъ: οὐκ in ras. add. 1 (p. VI: λειτουργί..), Шенкль вѣрно: λειτουργίο* pr., за-

τѣмъ λειτουργίαν. — **44,4** ἐκείνω*, выскобленное ν еще видно. — **45,2** αὐτῶ*, выскобленное ν еще видно.

2) B. 12,4 ἐγχειρίζο.σιν pr. (Бурманъ). — **14,6** .ι pr., Шенкль невѣрно ἐπ**. — **23,7** Бурманъ ....ο pr., Шенкль невѣрно ****. — **44,5** Бурманъ вѣрно ἐξρημωκὼς cum rasura s. ρ pr.

3) P. 4,7 Бурманъ ἐξελέγχομεν pr., Шенкль ἐξελέγχω*** (vermuthlich ἐξελέγχωμαι); 3 буквы выскоблены, а именно μεν (μεν совершенно ясно видно). — **8,6** Бурманъ πέπομφεν pr., corr. 2; Шенкль πέπον**εν 1, πέπονθεν 2. Бурманъ совершенно вѣрно приписываетъ корректуру второму корректору; что первоначально было написано πέπομφεν, объ этомъ можно догадываться только по контурамъ разуры. — **9,1** Бурманъ и Шенкль въ первомъ случаѣ единогласно приводятъ 8 точекъ или звѣздочекъ, во второмъ случаѣ первый 4 точки, второй 3 звѣздочки; и въ томъ и другомъ случаяхъ, однако, числа буквъ опредѣлить нельзя. — **17,7** Бурманъ ἐκεῖνον pr., corr. 1; Шенкль ἐκεῖνου 1, ἐκείνου 2; на самомъ дѣлѣ ἐκεῖ pr., ἐκεῖν 1. — **33,1** сколько буквъ выскоблено — опредѣлить нельзя. — **44,5.6** Бурманъ ἐκποιήσας pr., corr. 2; Шенкль εἰ*ποιήσας. Первоначально было написано κ, затѣмъ выскоблена правая половина этой буквы и in rasura написано σ.

Or. VIII: περὶ τοῦ Κίρωνος κλήρου.

1) S. 1,8 Бурманъ τε in v. add. 2, Шенкль вѣрно τ. — **10,2** Бурманъ εἰς pr., Шенкль вѣрно εἰ*, выскобленная буква болѣе не видна. — **12,8** Бурманъ ἀληθεῖς pr., Шенкль вѣрно ἀληθ*ι* (ἀληθεῖς). — **14,9** Бурманъ ὑμετέροις pr., Шенкль вѣрно *μετέροις. Что υ выскоблено, это конечно само собою разумѣется, но буква эта болѣе не видна. — **16,3** τῶ**. — **19,3** Бурманъ τὰ s. v. 1, Шенкль вѣрно τ. — **20,4** Бурманъ ἀπεκρύψασθε pr., Шенкль вѣрно ἀπ*κρύψασθ*. — **21,5** Бурманъ οἰκεῖον pr., Шенкль вѣрно οἰκεῖοι. — **21,6** Бурманъ εἴσω in v. add. 1, Шенкль вѣрно: „εἴ, was aber an Stelle von ει von erster Hand stand, lässt sich nicht bestimmen. — **31,5** Бурманъ ἐκ corr. 2, οἱ pr., Шенкль вѣрно ο*. — **34,2** Бурманъ ἡμῖν pr., Шенкль *μῖν (ср. нашу замѣтку къ or. VIII 14,9). — **40,6** Бурманъ τινῶν pr., Шенкль вѣрно τι*ῶν (wahrscheinlich τινῶν).

2) B. 29,7 (у Шенкля опечатка, читай μείζ* 1, а не 2).

3) P. Hypoth. 8 ἐπιπλό..αι pr. Бурманъ, ἐπιπλ**εται Шенкль; на самомъ дѣлѣ: ἐπιπλο**ται pr. — **4,8** Бурманъ οὐδέν ἐστ.. pr., Шенкль οὐδενε**, на самомъ дѣлѣ οὐδενες[illegible] pr. — **9,7** сколько выскоблено буквъ — опредѣлить нельзя. — **12,4** χρῆσθαι pr. Бурманъ, χρῆσθ* (χρῆσθαι?) Шенкль; читается же χρῆσθο[illegible], такъ что очевидно выскоблено αι, быть можетъ можно даже еще разобрать слѣды выскобленнаго ι, но точно опредѣлить этого нельзя. — **31,6** διατο.σ pr. Бурманъ, διο*το*ς (διωτως) Шенкль. Шенкль вѣрно прочелъ διο*το*ς, но было ли написано διωτως или что-либо другое — опредѣлить вполнѣ невозможно. — **33,3** Бурманъ πρότερον pr., Шенкль πο*τερον; читается же въ рукописи πο*τερον, что вторая буква ρ а не ο, въ этомъ сомнѣнія быть не можетъ, такъ сохранившееся „ο“ меньще остальныхъ буквъ, выше строки и внизу выскоблено; третьей буквы разобрать нельзя. — **38,10** сколько выскоблено буквъ — опредѣлить нельзя. — **44,10** Бурманъ πεύσεσθαι pr., Шенкль πεύσεσθ*; читай πευσεσθο[illegible]*, такъ что очевидно выскоблено αι. —

Or. IX: περὶ τοῦ Ἀστυφίλου κλήρου.

1) S. 7,8 Бурманъ ἦν pr., Шенкль вѣрно *ν. — **37,8** Бурманъ χαρι.σθε, Шенкль вѣрно χαρι*σθε.

2) B. 2,3 Шенкль εἰσποιει*, Бурманъ εἰσποιεῖν pr.; буква ν выскоблена, но еще совершенно ясно видна.

3) P. Hypoth. 4 сколько выскоблено буквъ — неизвѣстно. — **8,2** Бурманъ ἐμαυτοῦ pr., Шенкль ἐ*αυτοῦ; буква μ не видна, но разура нѣсколько похожа на μ. — **12,3** сколько выскоблено буквъ послѣ ἦν — опредѣлить нельзя. — **18,9** ἐξομό[illegible]σηται pr., и тутъ неизвѣстно, сколько выскоблено буквъ. — **29,8** Бурманъ post δὲ eras. καὶ, Шенкль ***; ничего не видно, но контуры нѣсколько похожи на καὶ.

Or. X: περὶ τοῦ Ἀριστάρχου κλήρου.

1) S. 11,4 Бурманъ ἄντ.|.. αγαγεῖν pr., Шенкль вѣрно ἄντι**|**αγαγεῖν. — **12,6** Бурманъ τ.. pr., Шенкль вѣрно τ**. —

3) P. 8,9 *ἴσεσθε pr., ἔσεσθε 2. — **15,9** Шенкль ἑαυτ**, Бурманъ вѣрнѣе ἑαυτοῦ pr., такъ какъ ου еще совершенно ясно

видно. — **16,2** Бурманъ ὑπέρχρεως pr., Шенкль ὑπέ*χρεως; что ρ выскоблено, видно по контурамъ разуры, но самой буквы больше нѣтъ. — **19,5** Бурманъ αὐτὸν pr., Шенкль αὐτο*; что ν, а не υ выскоблено, видно по контурамъ разуры. —

Or. XI: περὶ τοῦ Ἁγνίου κλήρου.

1) S. 16,5 Бурманъ ο. pr., Шенкль вѣрнѣе ο*. — **20,4** Бурманъ τάχα om. pr., Шенкль вѣрно τ***. — **25,3** Бурманъ πότερον δ.΄κην, Шенкль вѣрно πότερο* δ*κην. — **28,7** Бурманъ οὐδο..ιοῦν pr. (eras. υ et fort. ν), Шенкль вѣрно οὐδο**ιοῦν, что выскоблено, никому не удастся прочесть. — **44,8** Бурманъ τετρακισχῖλια pr., Шенкль вѣрно τετρακισ*χίλια. — **47,10.11** Бурманъ διαβάλλο... (= ωσι?) pr., Шенкль вѣрно διαβάλλο***. — **50,4** Бурманъ ἡμῖν pr., Шенкль вѣрно *μῖν (см. нашу замѣтку къ VIII 14,9).

3) P. 5,8 Бурманъ προσήκη pr., Шенкль προσήκ*ι; первоначально несомнѣнно было η, лѣвая половина этой буквы была, затѣмъ, выскоблена и вставлено ο. — **12,2** числа выскобленныхъ буквъ опредѣлить нельзя, 1 corr. πρ πατρὸσ. — **16,6** Бурманъ: ante δικαίως eras. τῶ; Шенкль: ἐν ὧ oder etwas ähnliches ausradiert. Слово τῶ видно еще довольно ясно. — **18,4** вполнѣ невозможно опредѣлить, сколько выскоблено буквъ. — **19,7** сколько и какія выскоблены буквы — неизвѣстно. — **32,2** Бурманъ οὐτ', Шенкль οὐ*'. И намъ кажется, что τ выскоблено, но совершенно опредѣленно этого утверждать нельзя. — **34,2** сколько выскоблено буквъ (2 или 3) точно опредѣлить нельзя. — **38,3** По Бурману выскоблено 9 буквъ, по Шенклю 10; сколько на самомъ дѣлѣ выскоблено буквъ, на нашъ взглядъ, опредѣлить нельзя.

Предварительная замѣтка.

Прежде нежели приступить къ нижеслѣдующему изданію шестой рѣчи Исея, мы еще разъ (см. стр. 11 сл.) обращаемъ вниманіе читателей на то, что мы нисколько не намѣревались дать новой рецензіи этой рѣчи, а прибавили текстъ этой рѣчи только для того, чтобы всѣ читатели имѣли возможность провѣрять наши показанія. Что касается прибавленнаго нами критическаго аппарата къ этой рѣчи, то нашъ аппаратъ, какъ видно, нѣсколько отличается отъ другихъ критическихъ аппаратовъ. Обыкновенно издатели сообщаютъ не всѣ конъектуры, предложенныя другими учеными, а только тѣ, которыя имъ кажутся болѣе всего правдоподобными. Помимо того, что такой субъективный выборъ нами вообще не особенно одобряется — ибо хорошо извѣстно, что то, что одному ученому кажется весьма правдоподобнымъ, другимъ ученымъ нерѣдко объявляется совершенно невѣроятнымъ или подчасъ даже нелѣпымъ — въ нашемъ случаѣ мы тѣмъ болѣе считали себя обязанными привести по возможности всѣ конъектуры, что публикація этой рѣчи является т. ск. добавленіемъ къ нашему труду, въ которомъ мы по мѣрѣ силъ старались комментировать эту рѣчь. Характеръ нашего изслѣдованія не давалъ намъ возможности говорить обо всѣхъ мѣстахъ нашей рѣчи и обо всѣхъ конъектурахъ: всѣ конъектуры, поэтому, перечислены въ нижеслѣдующемъ критическомъ аппаратѣ, дабы читатель легко могъ составить себѣ понятіе о томъ, какія, именно, поправки и измѣненія были предложены остальными издателями и толкователями.

ΚΑΤΑ ΑΝΔΡΟΚΛΕΟΥΣ

ΠΕΡΙ ΤΟΥ ΦΙΛΟΚΤΗΜΟΝΟΣ ΚΛΗΡΟΥ[1]).

ΥΠΟΘΕΣΙΣ.

Εὐκτήμονος υἱὸς Φιλοκτήμων τὸν τῆς ἑτέρας τῶν ἀδελφῶν καὶ Φανοστράτου υἱὸν Χαιρέστρατον ποιησάμενος κατὰ διαθήκας τὰς τεθείσας[2]) παρὰ Χαιρέᾳ τῷ τῆς ἑτέρας ἀδελφῆς ἀνδρί, ἐτελεύτησε ζῶντος ἔτι τοῦ πατρός. ὕστερον δὲ κἀκείνου ἀποθανόντος ἔλαχεν ὁ Χαιρέστρατος τοῦ κλήρου κατὰ τὸν νόμον· διαμαρτυρήσαντος δὲ Ἀνδροκλέους μὴ εἶναι ἐπίδικον ὄντος Ἀντιδώρου γνησίου παιδὸς Εὐκτήμονι, οἱ περὶ Χαιρέστρατον ἐπεσκήψαντο τῇ διαμαρτυρίᾳ, καὶ τοῦτον καὶ τὴν ἀδελφὴν αὐτοῦ νόθους γεγονέναι φάσκοντες, τὸν δὲ νόμον διαγορεύειν νόθῳ καί νόθῃ μὴ εἶναι ἀγχιστείαν. Ἡ στάσις στοχασμός· ἄδηλον γὰρ εἰ ἐποίησε Φιλοκτήμων Χαιρέστρατον υἱὸν ἑαυτῷ, καὶ πάλιν ἄδηλον εἰ γνήσιοί εἰσιν οἱ περὶ Ἀντίδωρον.

Ὅτι μέν, ὦ ἄνδρες, πάντων οἰκειότατα χρῶμαι Φανοστράτῳ τε 1
καὶ Χαιρεστράτῳ τουτῳί, τοὺς πολλοὺς οἶμαι ὑμῶν εἰδέναι, τοῖς δὲ μὴ εἰδόσιν ἱκανὸν ἐρῶ τεκμήριον· ὅτε γὰρ εἰς ☆ ἐξέπλει τριηραρχῶν Χαιρέστρατος, διὰ τὸ πρότερον αὐτὸς ἐκπεπλευκέναι προῄδειν πάντας τοὺς

---

1) Tit.: κατὰ Ἀνδροκλέους conieci; Ὑπὲρ Χαιρεστράτου συνηγορία, κατ' Ἀνδροκλέους ψευδομαρτυριῶν Dobree.

2) τὰς τεθείσας A; κατατεθείσας Scheibe (cf. § 7); τὰς ft. del. putat Buermann.

§ 1. 1. χρώμ.... pr., corr. 2. — 2. χηρεστράτῳ pr., corr. 1. — τουτῳί Scheibe, cod. τούτῳ. — 3. cod. εἰς Σικελίαν; del. Schoemann eumque secutus Blass; vel Μακεδονίαν vel Ἀμφίπολιν vel Θεσσαλίαν Weissenborn; ἐν ἡλικίᾳ ὤν Buermann; εἰς Κέρκυραν conieci. — 3.4. Χαιρέστρατος, cod. Z L (Ald.) Μενέστρατος; Reiske, Dobree, Scheibe, Kayser Φανόστρατος. — 4. προῄδη μὲν Herwerden.

ἐσομένους κινδύνους, ὅμως δὲ δεομένων τούτων καὶ συνεξέπλευσα καὶ
2 συνεδυστύχησα καὶ ἑάλωμεν εἰς τοὺς πολεμίους. ἄτοπον δὴ εἰ ἐκεῖνα μὲν προδήλων ὄντων τῶν κινδύνων ὅμως διὰ τὸ χρῆσθαι τούτοις καὶ φίλους νομίζειν ὑπέμενον, νῦν δὲ οὐ πειρῶμην συνειπεῖν ἐξ ὧν ὑμεῖς τε τὰ εὔορκα ψηφιεῖσθε καὶ τούτοις τὰ δίκαια γενήσεται. δέομαι οὖν ὑμῶν συγγνώμην τε ἔχειν καὶ μετ' εὐνοίας ἀκροάσασθαι· ὁ γὰρ ἀγὼν οὐ μικρὸς αὐτοῖς, ἀλλὰ περὶ τῶν μεγίστων.

3 Φιλοκτήμων γὰρ ὁ Κηφισιεὺς φίλος ἦν Χαιρεστράτῳ τουτῳί· δοὺς δὲ τὰ ἑαυτοῦ καὶ υἱὸν αὐτὸν ποιησάμενος ἐτελεύτησεν. λαχόντος δὲ τοῦ Χαιρεστράτου κατὰ τὸν νόμον τοῦ κλήρου, ἐξὸν ἀμφισβητῆσαι Ἀθηναίων τῷ βουλομένῳ καὶ εὐθυδικίᾳ εἰσελθόντι εἰς ὑμᾶς, εἰ φαίνοιτο
4 δικαιότερα λέγων, ἔχειν τὸν κλῆρον, διεμαρτύρησεν Ἀνδροκλῆς οὑτοσὶ μὴ ἐπίδικον εἶναι τὸν κλῆρον, ἀποστερῶν τοῦτον τῆς ἀμφισβητήσεως καὶ ὑμᾶς τοῦ κυρίους γενέσθαι ὄντινα δεῖ κληρονόμον καταστήσασθαι τῶν Φιλοκτήμονος· καὶ ἐν μιᾷ ψήφῳ καὶ ἑνὶ ἀγῶνι οἴεται ἀδελφοὺς καταστήσειν ἐκείνῳ τοὺς οὐδὲν προσήκοντας, καὶ τὸν κλῆρον ἀνεπίδικον ἕξειν αὐτός, καὶ τῆς ἀδελφῆς τῆς ἐκείνου κύριος γενήσεσθαι, καὶ τὴν
5 διαθήκην ἄκυρον ποιήσειν. πολλῶν δὲ καὶ δεινῶν ὄντων ἃ διαμεμαρτύρηκεν Ἀνδροκλῆς, τοῦτ' αὐτὸ πρῶτον ἐπιδείξω ὑμῖν, ὡς διέθετο καὶ ἐποιήσατο υἱὸν τουτονὶ Χαιρέστρατον. ἐπειδὴ γὰρ τῷ Φιλοκτήμονι ἐκ μὲν τῆς γυναικὸς ᾗ συνῴκει οὐκ ἦν παιδίον οὐδέν, πολέμου δ' ὄντος ἐκινδύνευε καὶ ἱππεὺς στρατευόμενος καὶ τριήραρχος πολλάκις ἐκπλέων, ἔδοξεν αὐτῷ διαθέσθαι τὰ αὑτοῦ, μὴ ἔρημον καταλίπῃ τὸν οἶκον, εἴ
6 τι πάθοι. τὼ μὲν οὖν ἀδελφώ, ᾧ περ αὐτῷ ἐγενέσθην, ἄμφω ἄπαιδε

---

§ 2. 3.4. τε τὰ coni. Reiske, Bekker, Buermann; cod. τὰ τε, Schoemann, Turr., Scheibe. — 4. ψηφιεῖσθαι pr., corr. 1. — 5. εὐ..νείας pr., εὐνοίας corr. 1, Hitzig male εὐμενείας.

§ 3. 1. post ἦν eras. καὶ. — τουτῳί Scheibe, cod. τούτῳ. — 2. ἐτελεύτησεν Buermann, cod. ἐτελεύτησε. — 4. ὑμᾶς corr. 1, ἡμᾶς pr. — φανοῖτο Sakorraphus. — 5. σχεῖν Lugebil.

§ 4. 3. καταστήσασθαι em. Aldus, cod. καταστήσεσθαι, Sakorraphus καταστῆσαι.

§ 5. 3. Χαιρέστρατον post τουτονὶ del. Naber. — 4. συνῴκει ἦν cod., οὐκ add. 1, spiritum add. 2. — 6. καταλι pr. in fine versus, accentum et πῃ add. 2.

§ 6. 1. τὼ et ἀδελφὼ pr., corr. 2. — αὐτῷ, ὥσπερ cod., αὐτῷ transposuit Buermann Hermes XIX p. 339 (cf. etiam Reiskii notam), ὥπερ emen. Reiske. ἐγεννήθην pr., corr. 1.

ἐτελευτησάτην· τοῖν δὲ ἀδελφαῖν τῇ μὲν ἑτέρᾳ, ᾗ ὁ Χαιρέας συνῴκει, οὐκ ἦν ἄρρεν παιδίον οὐδὲ ἐγένετο πολλὰ ἔτη συνοικούσῃ, ἐκ δὲ τῆς ἑτέρας, ᾗ συνῴκει Φανόστρατος οὑτοσί, ἦστην υἱὼ δύο. τούτων τὸν πρεσβύτερον τουτονὶ Χαιρέστρατον ἐποιήσατο υἱόν· καὶ ἔγραψεν οὕτως 7
ἐν διαθήκῃ, εἰ μὴ γένοιτο αὐτῷ παιδίον ἐκ τῆς γυναικός, τοῦτον κληρονομεῖν τῶν ἑαυτοῦ. καὶ τὴν διαθήκην κατέθετο παρὰ τῷ κηδεστῇ Χαιρέᾳ, τῷ τὴν ἑτέραν αὐτοῦ ἀδελφὴν ἔχοντι. καὶ ὑμῖν ἥ τε διαθήκη αὕτη ἀναγνωσθήσεται καὶ οἱ παραγενόμενοι μαρτυρήσουσι. Καί μοι ἀνάγνωθι.

ΔΙΑΘΗΚΗ. ΜΑΡΤΥΡΕΣ.

Ὡς μὲν διέθετο καὶ ἐφ' οἷς ἐποιήσατο υἱὸν τοῦτον, ἀκηκόατε· 8
ὡς δ' ἐξὸν αὐτῷ ταῦτ' ἔπραξεν, ὅθεν δικαιότατα ἡγοῦμαι τὰ τοιαῦτ' εἶναι μανθάνειν, τοῦτον ὑμῖν αὐτὸν παρέξομαι τὸν νόμον. Καί μοι ἀνάγνωθι.

ΝΟΜΟΣ.

Οὑτοσὶ ὁ νόμος, ὦ ἄνδρες, κοινὸς ἅπασι κεῖται, ἐξεῖναι τὰ ἑαυτοῦ 9
διαθέσθαι, ἐὰν μὴ παῖδες ὦσι γνήσιοι ἄρρενες, ἐὰν μὴ ἄρα μανεὶς ἢ ὑπὸ γήρως ἢ δι' ἄλλο τι τῶν ἐν τῷ νόμῳ παρανοῶν διαθῆται. ὅτι δ' οὐδενὶ τούτων ἔνοχος ἦν Φιλοκτήμων, βραχέα εἰπὼν δηλώσω ὑμῖν. ὅστις γὰρ καὶ ἕως ἔζη τοιοῦτον πολίτην ἑαυτὸν παρεῖχεν, ὥστε διὰ τὸ ὑφ' ὑμῶν τιμᾶσθαι ἄρχειν ἀξιοῦσθαι, καὶ ἐτελεύτησε μαχόμενος τοῖς πολεμίοις, πῶς ἄν τις τοῦτον τολμήσειεν εἰπεῖν ὡς οὐκ εὖ ἐφρόνει;

Ὅτι μὲν οὖν διέθετο καὶ ἐποιήσατο εὖ φρονῶν, ἐξὸν αὐτῷ, ἀπο- 10
δέδεικται ὑμῖν, ὥστε κατὰ μὲν τοῦτο ψευδῆ μεμαρτυρηκὼς Ἀνδροκλῆς ἀποδέδεικται· ἐπειδὴ δὲ προσδιαμεμαρτύρηκεν ὡς υἱὸν εἶναι γνήσιον

---

2. ταῖν cod., τοῖν Naber, Keck, Buermann. — ὁ fort. del. putabat Sauppe. — 4. δύο pr., δύω 2. — 5. Χαιρέστρατον post τουτονὶ del. Naber.

§ 7. 1. οὕτως, cod. οὗτος. — 2. αὐτῷ Schoem, Turicenses, Scheibe, αὐτῷ Reiske, Bekk., Buerm. — 5. ἀναγνώσεται cod. — (με)μαρτυρή(κα)σι pr., μαρτυρήσουσι 1. — 7. ΜΑΡΤΥΡΕΣ inser. Turr. auctore Schoemanno (p. 327).

§ 8. 1. pro ὡς μὲν Reiske mavult ὡς μὲν οὖν. — 2. δικαιότατον malunt Reiske et Scheibe.

§ 10. 3. προσ...μεμαρτύρηκεν pr., δια in ras. 1. — ὡς del. Reiske, Naber, Buerm.

Εὐκτήμονος τοῦτον, καὶ ταῦτ' ἀποδείξω ψευδῆ ὄντα. Εὐκτήμονι γάρ, ὦ ἄνδρες, τῷ Φιλοκτήμονος πατρί, τοὺς μὲν ὄντως γενομένους παῖδας, Φιλοκτήμονα καὶ Ἐργαμένη καὶ Ἡγήμονα καὶ δύο θυγατέρας, καὶ τὴν μητέρα αὐτῶν, ἣν ἔγημεν ὁ Εὐκτήμων, Μειξιάδου Κηφισιῶς θυγατέρα, πάντες οἱ προσήκοντες ἴσασι καὶ οἱ φράτερες καὶ τῶν δημοτῶν οἱ πολ-
11 λοί, καὶ μαρτυρήσουσιν ὑμῖν· ὅτι δ' ἄλλην τινὰ ἔγημε γυναῖκα, ἐξ ἧς τινος οἵδε αὐτῷ ἐγένοντο, οὐδεὶς τὸ παράπαν οἶδεν οὐδ' ἤκουσε πώποτε ζῶντος Εὐκτήμονος. καίτοι τούτους εἰκὸς πιστοτάτους εἶναι νομίζειν μάρτυρας· τοὺς γὰρ οἰκείους εἰδέναι προσήκει τὰ τοιαῦτα. Καί μοι τούτους κάλει πρῶτον, καὶ τὰς μαρτυρίας ἀνάγνωθι.

ΜΑΡΤΥΡΙΑΙ.

12 Ἔτι τοίνυν καὶ τοὺς ἀντιδίκους ἐπιδείξω ἔργῳ ὑμῖν ταῦτα μεμαρτυρηκότας. ὅτε γὰρ αἱ ἀνακρίσεις ἦσαν πρὸς τῷ ἄρχοντι καὶ οὗτοι παρακατέβαλον ὡς ὑπὲρ γνησίων τῶνδ' Εὐκτήμονος ὄντων, ἐρωτώμενοι ὑφ' ἡμῶν τίς εἴη αὐτῶν μήτηρ καὶ ὅτου θυγάτηρ οὐκ εἶχον ἀποδεῖξαι, διαμαρτυρομένων ἡμῶν καὶ τοῦ ἄρχοντος κελεύοντος ἀποκρίνασθαι κατὰ τὸν νόμον. ☆, ὦ ἄνδρες, ἀμφισβητεῖν μὲν ὡς ὑπὲρ γνησίων καὶ διαμαρτυρεῖν, μητέρα δὲ ἥ τις ἦν μὴ ἔχειν ἀποδεῖξαι, μηδὲ προσήκοντα
13 αὐτοῖς μηδένα. ἀλλὰ τότε μὲν Λημνίαν σκηψάμενοι ταύτην ἀναβολὴν ἐποιήσαντο· τὸ δ' ὕστερον ἥκοντες εἰς τὴν ἀνάκρισιν, πρὶν καί τινα ἐρέσθαι, εὐθὺς ἔλεγον ὅτι Καλλίππη μήτηρ, αὕτη δ' εἴη Πιστοξένου

---

6. Ἐργαμένην cod., Ἐργαμένη Buerm. (cf. Keil, Hermes XVII 1882 p. 416; Kühner-Blass I 1³ p. 512). — 7. Μηξιάδου cod., Μιξιάδου edit., Μειξιάδου Dobree, Herwerden, Buerm. — Κηφισέως cod., Κηφισιέως Reiske, Bekk., Schoem., Turr., Κηφισιῶς Dobree, Scheibe, Buerm. — 8. φράτορες cod. et edit., φράτερες emen. Buerm.

§ 11. 1. οὐδ' post ὅτι δ' del. cum Bekkero omnes edit. praeter Schoemannum (p. 329). — 2. οἵδε pr., οἶδεν 2.

§ 12. 1. ἔργῳ fortuito omisit Schoem. — Naber ταὐτά. — 2. οὗτ...τέ.α.ον pr., οι α οὗτ πρακατέβαλον 1. — 4. Dobree ἥ τις εἴη. — 5/6. signum ⸔ in marg. iuxta verba κατὰ τὸν νόμον κτλ. posuit manus recentior, de qua cf. Schenkl p. 107, 6; 201; 202. Lacunam indicavit Reiske. Excidisse coni. Reiske: καίτοι πῶς εἴη κατὰ τὸν νόμον vel καίτοι πῶς οὐκ εἴη παράνομον; Schoem.: καίτοι δεινόν; Turr.: καίτοι πῶς οὐ δεινόν; Scheibe: καίτοι ἄτοπον vel οὐκ οὖν ἄτοπον. — 7. εἴ τις ἦν pr., ἥτις ἦν corr. 2.

§ 13. 1. σκεφάμενοι pr., corr. 2. — 3. ἡ μήτηρ mavult Bekker. —

θυγάτηρ, ὡς ἐξαρκέσον εἰ ὄνομα μόνον πορίσαιντο τὸν Πιστόξενον. ἐρομένων δ' ἡμῶν ὅστις εἴη καὶ εἰ ζῇ ἢ μή, ἐν Σικελίᾳ ἔφασαν ἀποθανεῖν στρατευόμενον, καταλιπόντα ταύτην τὴν θυγατέρα παρὰ τῷ Εὐκτήμονι, ἐξ ἐπιτροπευομένης δὲ τούτῳ γενέσθαι, πρᾶγμα πλάττοντες ἀναιδείᾳ ὑπερβάλλον καὶ οὐδ' ἐνδεχόμενον, ὡς ἐγὼ ὑμῖν ἀποφανῶ ἐκ τούτων πρῶτον ὧν αὐτοὶ ἀπεκρίναντο. τῇ μὲν γὰρ στρατιᾷ, ἀφ' οὗ 14
ἐξέπλευσεν εἰς Σικελίαν, ἤδη ἐστὶ δύο καὶ πεντήκοντα ἔτη, ἀπὸ Ἀριμνήστου ἄρχοντος, τῷ δὲ πρεσβυτέρῳ τούτων, ὃν φασιν ἐκ τῆς Καλλίππης καὶ τοῦ Εὐκτήμονος εἶναι, οὕπω ὑπὲρ εἴκοσιν ἔτη. ἀφελόντι οὖν ταῦτα ἀπὸ τῶν ἐν Σικελίᾳ ὑπολείπεται πλείω ἢ τριάκοντα ἔτη· ὥστ' οὔτ' ἐπιτροπεύεσθαι προσῆκε τὴν Καλλίππην ἔτι, τριακοντοῦτίν γε οὖσαν, οὔτε ἀνέκδοτον καὶ ἄπαιδα εἶναι, ἀλλὰ πάνυ πάλαι συνοικεῖν, ἢ ἐγγυηθεῖσαν κατὰ νόμον ἢ ἐπιδικασθεῖσαν. ἔτι δὲ καὶ γιγνώ- 15
σκεσθαι αὐτὴν ὑπὸ τῶν Εὐκτήμονος οἰκείων ἀναγκαῖον ἦν καὶ ὑπὸ τῶν οἰκετῶν, εἴ πέρ γε συνῴκησεν ἐκείνῳ ἢ διῃτήθη τοσοῦτον χρόνον ἐν τῇ οἰκίᾳ. τὰ γὰρ τοιαῦτα οὐκ εἰς τὴν ἀνάκρισιν μόνον δεῖ πορίζεσθαι [ὀνόματα], ἀλλὰ τῇ ἀληθείᾳ γεγονότα φαίνεσθαι καὶ ὑπὸ τῶν προσηκόντων καταμαρτυρεῖσθαι. ἀποδεῖξαι τοίνυν ἡμῶν κελευόντων ὅστις 16
οἶδε τῶν Εὐκτήμονος οἰκείων συνοικήσασαν ἐκείνῳ τινὰ Καλλίππην

---

4. τὸν Πιστόξενον del. Dobree. — 6. ταύτην θυγατέρα cod., articulum probante Sauppio interposuerunt Aldus, Stephanus, Reiske. — 7. εξεπιτριπευομένης pr., corr. et spirit. add. 2. — τούτῳ Müller, Scheibe. — πράττοντες cod., Reiske, Dobree, emen. Bekker. — 8. οὐδὲ γενόμενον cod., Reiske, Bekker, Schoem., Schulthess p. 84, οὐδ' ἐγγιγνόμενον Dobree, οὐδ' ἐγγενόμενον Sauppe, Turr., Scheibe, οὐδ' ἂν γενόμενον Herwerden, οὐδεπώποτε γενόμενον Buermann, οὐδ' ἐνδεχόμενον conieci (cf. e. g. Lyc. κ. Λεωκρ. § 119 ταῖς ἐνδεχομέναις τιμωρίαις ἐκόλασαν). — 9. πρώτων Reiske, Bekker.

§ 14. 2/3. Ἀριμνήτου pr., corr. 1 in rasura. — 3. ὧν emen. Reiske, cod. ὄν. — 3/4. Καλλίππης. cod. — 4. ὑπερείκοσιν Naber. — 6. οὐδ' — προσήκει cod., emen. Sauppe. — 7. ὥστε pr., οὔτε corr. 1 in rasura. — 8. κατὰ νόμον cod., articulum interposuerunt Z, Schoem., Buerm., Fuhr.

§ 15. 5. ὀνόματα iure del. Buermann cf. Hermes XIX (1884) p. 354. — ἀποφαίνεσθαι coni. Scheibe Comm. crit. p. 32 sq. probante Kayser'o Heidelberger Jahrb. 1862 p. 197.

§ 16. 1. ὑμῶν pr., corr. 2. — 2. Καλλί.πην pr., Καλλίπην 2. τὴν Καλλίππην del. Dobree, Scheibe; τινὰ Καλλίππην ἢ Reiske, Schoemann; ἢ et ἢ τὴν del. Buermann (cf. Hermes XIX 1884 p. 355 sq.), Schulthess Vormund. p. 83; cod.: ἢ συνοικήσασαν ἐκείνῳ τινὰ ἢ τὴν Καλλίππην ἐπιτροπευομένην. —

ἐπιτροπευομένην, καὶ παρὰ τῶν θεραπόντων τὸν ἔλεγχον ποιεῖσθαι, ἢ εἴ τις τῶν παρ' αὐτοῖς οἰκετῶν φάσκοι ταῦτα εἰδέναι, ἡμῖν παραδοῦναι, οὔτε λαβεῖν ἠθέλησαν οὔθ' ἡμῖν παραδοῦναι. Καί μοι λαβὲ τήν τ' ἀπόκρισιν αὐτῶν καὶ τὰς ἡμετέρας μαρτυρίας καὶ προκλήσεις.

ΑΠΟΚΡΙΣΙΣ. ΜΑΡΤΥΡΙΑΙ. ΠΡΟΚΛΗΣΕΙΣ.

17 Οὗτοι μὲν τοίνυν τοιοῦτο πρᾶγμα ἔφυγον· ἐγὼ δ' ὑμῖν ἐπιδείξω καὶ ὅθεν εἰσὶ καὶ οἵτινες οὓς γνησίους διεμαρτύρησαν εἶναι καὶ κληρονόμους ζητοῦσι καταστῆσαι τῶν Εὐκτήμονος. ἴσως μέν ἐστιν ἀηδὲς Φανοστράτῳ, ὦ ἄνδρες, τὰς Εὐκτήμονος συμφορὰς φανερὰς καθεστάναι· ὀλίγα δ' ἀναγκαῖον ῥηθῆναι, ἵν' ὑμεῖς τὴν ἀλήθειαν εἰδότες ῥᾷον τὰ
18 δίκαια ψηφίσησθε. Εὐκτήμων μὲν γὰρ ἐβίω ἔτη ἓξ καὶ ἐνενήκοντα, τούτου δὲ τοῦ χρόνου τὸν μὲν πλεῖστον ἐδόκει εὐδαίμων εἶναι — καὶ γὰρ οὐσία ἦν οὐκ ὀλίγη αὐτῷ καὶ παῖδες καὶ γυνή, καὶ τἄλλ' ἐπιεικῶς εὐτύχει —, ἐπὶ γήρως δὲ αὐτῷ συμφορὰ ἐγένετο οὐ μικρά, ἣ ἐκείνου πᾶσαν τὴν οἰκίαν ἐλυμήνατο καὶ χρήματα πολλὰ διώλεσε καὶ αὐτὸν τοῖς
19 οἰκειοτάτοις εἰς διαφορὰν κατέστησεν. ὅθεν δὲ καὶ ὅπως ταῦτ' ἐγένετο, ὡς ἂν δύνωμαι διὰ βραχυτάτων δηλώσω. ἀπελευθέρα ἦν αὐτοῦ, ὦ ἄνδρες, ἣ ἐναυκλήρει συνοικίαν ἐν Πειραιεῖ αὐτοῦ καὶ παιδίσκας ἔτρεφε. τούτων μίαν ἐκτήσατο ἣ ὄνομα ἦν Ἀλκή, ἣν καὶ ὑμῶν οἶμαι πολλοὺς εἰδέναι. αὕτη δὲ ἡ Ἀλκὴ ὠνηθεῖσα πολλὰ μὲν ἔτη καθῆστο ἐν οἰκή-

---

3. παρὰ τῶν ὄντων θεραπόντων cod. (cf. Reiske, Schoemann, Kühner-Gerth Ausf. Gramm. d. gr. Spr. I 1898 p. 625 not. 7); Kayser Heidelberger Jahrb. 1862 p. 205 inser. παρ' ἡμῖν ante ὄντων probante Rauchenstein'io Jahrb. f. class. Philol. 85 (1862) p. 676; Herwerden inser. ἐκείνῳ ante θεραπόντων; Buermann Hermes l. c p. 351 sq. τῶν ὄντων ἔτι ἐν τῇ οἰκίᾳ; ὄντων expunxi. — 4. αὐτοι. pr., corr. 2 (Buermann perperam αὐτοῦ pr.) — φάσκει cod., edd.; φάσκοι Reiske, Kühner-Blass Ausf. Gramm. d. gr. Spr. II 1892 p. 558 sq. — 6. ἡμερας pr., corr. 1. — 7. μαρτυρία et πρόκλησις cod. Bekker, Schoemann; emend. Reiske.

§ 17. 1. τοιοῦτο πρᾶγμα, Dobree τὸ (vel τοῦτο τὸ) πρᾶγμα. — 2. αὐτοὺς cod., edd.; Reiske maluit οἵτινες οἱ αὐτοὺς; Naber coni. οὓς, prob. Buermann, Blass Burs. Jhb. XXI p. 189, Hüttner ibid. XLVI p. 47; Albrecht, Hermes XVIII 1883 p. 376 sq. οἱοί τινες ὄντες. — 4. Φανοστράτῳ cod.; „fortass. add. καὶ Χαιρεστράτῳ" Schoemann; Χαιρεστράτῳ dubitanter coni. Buermann. — καθεστάναι pr., καθιστᾶναι 2.

§ 18. 1. μὲν secl. Buermann Hermes XIX 1884 p. 348. — ἐννενήκοντα cod., emend. Bekker. — 3. τἀλ' pr., corr. 2.

ματι, [ἤδη δὲ πρεσβυτέρα οὖσα ἀπὸ μὲν τοῦ οἰκήματος ἀνίσταται],
διαιτωμένη δὲ αὐτῇ ἐν τῇ συνοικίᾳ συνῆν ἄνθρωπος ἀπελεύθερος — 20
Δίων ὄνομα αὐτῷ —, ἐξ οὗ ἔφη ἐκείνη τούτους γεγονέναι· καὶ ἔθρε-
ψεν αὐτοὺς ὁ Δίων ὡς ὄντας ἑαυτοῦ. χρόνῳ δὲ ὕστερον ὁ μὲν Δίων
ζημίαν εἰργασμένος καὶ δείσας ὑπὲρ αὐτοῦ ὑπεχώρησεν εἰς Σικυῶνα·
τὴν δ' ἄνθρωπον ταύτην, τὴν Ἀλκήν, καθίστησιν Εὐκτήμων ἐπιμελεῖ-
σθαι τῆς ἐν Κεραμεικῷ συνοικίας, τῆς παρὰ τὴν πυλίδα, οὗ ὁ οἶνος
ὤνιος. κατοικισθεῖσα δ' ἐνταυθοῖ πολλῶν καὶ κακῶν ἤρξεν, ὦ ἄνδρες. 21
φοιτῶν γὰρ ὁ Εὐκτήμων ἐπὶ τὸ ἐνοίκιον ἑκάστοτε τὰ πολλὰ διέτριβεν
ἐν τῇ συνοικίᾳ, ἐνίοτε δὲ καὶ ἐσιτεῖτο μετὰ τῆς ἀνθρώπου, καταλιπὼν
καὶ τὴν γυναῖκα καὶ τοὺς παῖδας καὶ τὴν οἰκίαν ἣν ᾤκει. χαλεπῶς
δὲ φερούσης τῆς γυναικὸς καὶ τῶν υἱέων οὐχ ὅπως ἐπαύσατο, ἀλλὰ
τελευτῶν παντελῶς διῃτᾶτο ἐκεῖ, καὶ οὕτω διετέθη εἴθ' ὑπὸ φαρμάκων
εἴθ' ὑπὸ νόσου εἴθ' ὑπ' ἄλλου τινός, ὥστε ἐπείσθη ὑπ' αὐτῆς τὸν πρε-
σβύτερον τοῖν παίδοιν εἰσαγαγεῖν εἰς τοὺς φράτερας ἐπὶ τῷ αὐτοῦ ὀνό-
ματι. ἐπειδὴ δὲ οὔθ' ὁ υἱὸς αὐτῷ Φιλοκτήμων συνεχώρει οὔθ' οἱ φρά- 22
τερες εἰσεδέξαντο, ἀλλ' ἀπηνέχθη τὸ ἱερεῖον, ὀργιζόμενος ὁ Εὐκτήμων
τῷ υἱεῖ καὶ ἐπηρεάζειν βουλόμενος ἐγγυᾶται γυναῖκα Δημοκράτους τοῦ
Ἀφιδναίου ἀδελφήν, ὡς ἐκ ταύτης παῖδας ἀποφανῶν καὶ εἰσποιήσων
εἰς τὸν οἶκον, εἰ μὴ συγχωροίη τοῦτον εἰσαχθῆναι. εἰδότες δ' οἱ ἀναγ- 23
καῖοι ὅτι ἐξ ἐκείνου μὲν οὐκ ἂν ἔτι γένοιντο παῖδες ταύτην τὴν ἡλικίαν
ἔχοντος, φανήσοιντο δ' ἄλλῳ τινὶ τρόπῳ, καὶ ἐκ τούτων ἔσοιντο ἔτι
μείζους διαφοραί, ἔπειθον, ὦ ἄνδρες, τὸν Φιλοκτήμονα ἐᾶσαι εἰσαγα-
γεῖν τοῦτον τὸν παῖδα ἐφ' οἷς ἐζήτει ὁ Εὐκτήμων, χωρίον ἓν δόντα.

---

§ 19. 6. ἤδη δὲ — ἀνίσταται seclusi cf. p. 80—87.

§ 20. 4. Sakorraphus Mnem. N. S. XX 1892 p. 407 ζημίᾳ κεχρημένος.

§ 21. 2. ἑκάστοτε τὰ πολλὰ alterutrum delendum videbatur Scheibio; sed cf. Hitzig, Studien zu Isaeus, Bern 1883 p. 10 not. 2. — 8. φράτορας cod., edd., φράτερας emen. Buermann.

§ 22. 1. ὁ υἱὸς emend. Bekker; cod. οὗτος, Reiske οὐδ' οὕτως. — φράτορες, φράτερες Buermann. — 2. ἱερεῖον conieci cf. p. 131 sq.; cod. κούριον, edd. κούρειον. — 4. ἀφνιδαίου cod., emend. Stephanus. — 5. ἐᾶν εἰσαχθῆναι cod.; ἐᾶν del. Reiske probantibus omnibus edd. (cod. Vratislav. Z vel casu vel coniectura librarii similiter omisit ἐᾶν); Jenicke, Observationes in Isaeum p. 28 sq. coni. υἱὸν εἰσαχθῆναι.

§ 23. 2. ἔτι in marg. add. 1. — 5. ὁ Εὐκτήμων secl. Dobree. – χωρίον ἓν δόντα codd. A. B. edd. inde a Bekkero, vulg. ἐνδόντα, van Stégeren ἐπιδόντα,

24 καὶ ὁ Φιλοκτήμων αἰσχυνόμενος μὲν ἐπὶ τῇ τοῦ πατρὸς ἀνοίᾳ, ἀπορῶν δ' ὅ τι χρήσαιτο τῷ παρόντι κακῷ, οὐκ ἀντέλεγεν οὐδέν. ὁμολογηθέντων δὲ τούτων, καὶ εἰσαχθέντος τοῦ παιδὸς ἐπὶ τούτοις, ἀπηλλάγη τῆς γυναικὸς ὁ Εὐκτήμων, καὶ ἐπεδείξατο ὅτι οὐ παίδων ἕνεκα ἐγάμει,
25 ἀλλ' ἵνα τοῦτον εἰσαγάγοι. τί γὰρ ἔδει αὐτὸν γαμεῖν, ὦ Ἀνδρόκλεις, εἴ περ οἵδε ἦσαν ἐξ αὐτοῦ καὶ γυναικὸς ἀστῆς, ὡς σύ μεμαρτύρηκας; τίς γὰρ ἂν γνησίους ὄντας οἷός τε ἦν κωλῦσαι εἰσαγαγεῖν; ἢ διὰ τί ἐπὶ ῥητοῖς αὐτὸν εἰσήγαγε, τοῦ νόμου κελεύοντος ἅπαντας τοὺς γνη-
26 σίους ἰσομοίρους εἶναι τῶν πατρῴων; ἢ διὰ τί τὸν μὲν πρεσβύτερον τοῖν παίδοιν ἐπὶ ῥητοῖς εἰσήγαγε, τοῦ δὲ νεωτέρου ἤδη γεγονότος οὐδὲ λόγον ἐποιεῖτο ζῶντος Φιλοκτήμονος οὔτε πρὸς αὐτὸν ἐκεῖνον οὔτε πρὸς τοὺς οἰκείους; οὓς σὺ νῦν διαρρήδην μεμαρτύρηκας γνησίους εἶναι καὶ κληρονόμους τῶν Εὐκτήμονος. Ταῦτα τοίνυν ὡς ἀληθῆ λέγω, ἀναγίγνωσκε τὰς μαρτυρίας.

ΜΑΡΤΥΡΙΑΙ.

27 Μετὰ ταῦτα τοίνυν ὁ Φιλοκτήμων τριηραρχῶν περὶ Χίον ἀποθνήσκει ὑπὸ τῶν πολεμίων· ὁ δ' Εὐκτήμων ὕστερον χρόνῳ πρὸς τοὺς κηδεστὰς εἶπεν ὅτι βούλοιτο τὰ πρὸς τὸν υἱόν οἱ πεπραγμένα γράψας καταθέσθαι. καὶ ὁ μὲν Φανόστρατος ἐκπλεῖν ἔμελλε τριηραρχῶν μετὰ Τιμοθέου, καὶ ἡ ναῦς αὐτῷ ἐξώρμει Μουνυχίασι, καὶ ὁ κηδεστὴς Χαιρέας παρὼν συναπέστελλεν αὐτόν· ὁ δ' Εὐκτήμων παραλαβών τινας ἦκεν οὗ ἐξώρμει ἡ ναῦς, καὶ γράψας διαθήκην, ἐφ' οἷς εἰσήγαγε τὸν παῖδα, κατατίθεται μετὰ τούτων παρὰ Πυθοδώρῳ Κηφισιεῖ, προσή-

---

Valckenaer apud Luzac. κούριον ἐνδόντα cf. Schoemann, Scheibe Comm. crit. p. 34 sq.

§ 24. 2. τῷ παρόντι κακῷ, postremum verbum suspectum censet Sakorraphus Mnem. N. S. XX 1892 p. 407. — 4. ὅτι s. v. add. 1. — ἐγάμει, Naber Mnem. N. S. V 1877 p. 410 ἔγημεν.

§ 25. 1. γὰρ suspectum Hitzig'io (es ist entweder hier eine Lücke, was das Wahrscheinlichere, oder γάρ ist falsch). — 2. ἀστοῦ cod., αὐτοῦ emend. Bekker.

§ 27. 1. ἐπὶ Χίον pr., corr. 1. — 2. ὑστέρῳ χρόνῳ Scheibe praef. probante Kayser'o Heidelberger Jahrb. 1862 p. 198, χρόνῳ ὕστερον Scheibe Comm. crit. p. 35. 3. τὰ πρὸς τὸν υἱόν, Dobree τὰ περὶ τοῖν υἱέοιν. — 5. Μουνυχιάδι cod., Reiske Μουνυχιᾶσι. — 8. Κωφησιεῖ pr. corr. 1. — 9. αὐτῷ; Turicenses, Scheibe αὐτῷ.

κοντι αὐτῷ. καὶ ὅτι μέν, ὦ ἄνδρες, οὐχ ὡς περὶ γνησίων ἔπραττεν 28
Εὐκτήμων, ὃ Ἀνδροκλῆς μεμαρτύρηκε, καὶ αὐτὸ τοῦτο ἱκανὸν τεκμήριον· τοῖς γὰρ φύσει υἱέσιν αὐτοῦ οὐδεὶς οὐδενὶ ἐν διαθήκῃ γράφει δόσιν οὐδεμίαν, διότι ὁ νόμος αὐτὸς ἀποδίδωσι τῷ υἱεῖ τὰ τοῦ πατρὸς καὶ οὐδὲ διαθέσθαι ἐᾷ ὅτῳ ἂν ὦσι παῖδες γνήσιοι.

Κειμένου δὲ τοῦ γραμματείου σχεδὸν δύ' ἔτη καὶ τοῦ Χαιρέου 29
τετελευτηκότος, ὑποπεπτωκότες οἵδε τῇ ἀνθρώπῳ, καὶ ὁρῶντες ἀπολλύμενον τὸν οἶκον καὶ τὸ γῆρας καὶ τὴν ἄνοιαν τοῦ Εὐκτήμονος, ὅτι εἴη αὐτοῖς ἱκανὴ ἀφορμή, συνεπιτίθενται. καὶ πρῶτον μὲν πείθουσι 30
τὸν Εὐκτήμονα τὴν μὲν διαθήκην ἀνελεῖν ὡς οὐ χρησίμην οὖσαν τοῖς παισί· τῆς γὰρ φανερᾶς οὐσίας οὐδένα κύριον ἔσεσθαι τελευτήσαντος Εὐκτήμονος ἄλλον ἢ τὰς θυγατέρας καὶ τοὺς ἐκ τούτων γεγονότας· εἰ δὲ ἀποδόμενός τι τῶν ὄντων ἀργύριον καταλίποι, τοῦτο βεβαίως ἕξειν αὐτούς. ἀκούσας δ' ὁ Εὐκτήμων εὐθὺς ἀπήτει τὸν Πυθόδωρον τὸ γραμ- 31
ματεῖον, καὶ προσεκαλέσατο εἰς ἐμφανῶν κατάστασιν. καταστάντος δὲ ἐκείνου πρὸς τὸν ἄρχοντα, ἔλεγεν ὅτι βούλοιτ' ἀνελέσθαι τὴν διαθήκην. ἐπειδὴ δ' ὁ Πυθόδωρος ἐκείνῳ μὲν καὶ τῷ Φανοστράτῳ παρόντι ὡμο- 32
λόγει ἀναιρεῖν, τοῦ δὲ Χαιρέου τοῦ συγκαταθεμένου θυγάτηρ ἦν μία, ἧς ἐπειδὴ κύριος κατασταίη, τότε ἠξίου ἀνελεῖν, καὶ ὁ ἄρχων οὕτως ἐγίγνωσκε, διομολογησάμενος ὁ Εὐκτήμων ἐναντίον τοῦ ἄρχοντος καὶ τῶν παρέδρων καὶ ποιησάμενος πολλοὺς μάρτυρας ὡς οὐκέτ' αὐτῷ κέοιτο ἡ διαθήκη, ᾤχετο ἀπιών. καὶ ἐν πάνυ ὀλίγῳ χρόνῳ, οὔπερ ἕνεκα οὗτοι 33
λῦσαι αὐτὸν ἔπεισαν, ἀποδίδοται ἀγρὸν μὲν Ἀθμονοῖ πέντε καὶ ἑβδομήκοντα μνῶν Ἀντιφάνει, τὸ δ' ἐν Σηραγγίῳ βαλανεῖον τρισχιλίων

---

§ 28. 1. ὁ cod., ὃ emend. Bekker.

§ 29. 2. ἤδη pr., οἵδε corr. 1.

§ 30. 4. εὐκτήμο[νος] . . . . ὰς pr., εὐκτήμο[νος] ἄλλον ἢ τὰς 1. — 5. καταλ . ίποι pr.

§ 31. 2. προσεκαλέσατο πρὸς τὸν ἄρχοντα εἰς pr.; verba πρὸς τὸν ἄρχοντα punctis supra positis iure expunxit corr., librarius manifesto ad proximum versum aberravit; Reiske, Bekker προεκαλέσατο. — καταστάντος, Bekker: „malim καταστήσαντος".

§ 32. 1. φανοστράτ. pr., corr. 1. — 3. ἐπειδὴ, Reiske ἐπειδὰν. — ὁ κύριος Sauppe. 5. π . οέδρων pr., παρέδρων corr. 1.

§ 33. 2. ἀποδίδονται cod., Reiske, Bekker, Schoemann; ἀποδίδοται Stephanus, Turicenses, Scheibe, Buermann. — ἀθμόνοι pr., ἀθμονοῖ 1. —

Ἀριστολόχῳ· οἰκίαν δὲ ἐν ἄστει τεττάρων καὶ τετταράκοντα μνῶν ὑποκειμένην ἀπέλυσε τῷ ἱεροφάντῃ. ἔτι δὲ αἶγας ἀπέδοτο σὺν τῷ αἰπόλῳ τριῶν καὶ δέκα μνῶν, καὶ ζεύγη δύο ὁρικά, τὸ μὲν ὀκτὼ μνῶν τὸ δὲ πεντήκοντα καὶ πεντακοσίων δραχμῶν, καὶ δημιουργοὺς ὅσοι ἦσαν αὐτῷ.
34 σύμπαντα δὲ πλείονος ἢ τριῶν ταλάντων, ἃ ἐπράθη διὰ ταχέων πάνυ τελευτήσαντος Φιλοκτήμονος. καὶ ταῦθ' ὅτι ἀληθῆ λέγω, καθ' ἕκαστον ὑμῖν τῶν εἰρημένων πρῶτον καλῶ τοὺς μάρτυρας.

ΜΑΡΤΥΡΕΣ.

35 Ταῦτα μὲν δὴ τοῦτον τὸν τρόπον εἶχε· περὶ δὲ τῶν ὑπολοίπων εὐθὺς ἐπεβούλευον, καὶ πάντων δεινότατον πρᾶγμα κατεσκεύασαν, ᾧ ἄξιόν ἐστι προσέχειν τὸν νοῦν. ὁρῶντες γὰρ τὸν Εὐκτήμονα κομιδῇ ἀπειρηκότα ὑπὸ γήρως καὶ οὐδὲ τῆς κλίνης ἀνίστασθαι δυνάμενον, ἐσκόπουν ὅπως καὶ τελευτήσαντος ἐκείνου δι' αὐτῶν ἔσοιτο ἡ οὐσία.
36 καὶ τί ποιοῦσιν; ἀπογράφουσι τὼ παῖδε τούτω πρὸς τὸν ἄρχοντα ὡς εἰσποιήτω τοῖς τοῦ Εὐκτήμονος υἱέσι τοῖς τετελευτηκόσιν, ἐπιγράψαντες σφᾶς αὐτοὺς ἐπιτρόπους, καὶ μισθοῦν ἐκέλευον τὸν ἄρχοντα τοὺς οἴκους ὡς ὀρφανῶν ὄντων, ὅπως ἐπὶ τοῖς τούτων ὀνόμασι τὰ μὲν μισθωθείη τῆς οὐσίας, τὰ δὲ ἀποτιμήματα κατασταθείη καὶ ὅροι τεθεῖεν ζῶντος ἔτι τοῦ Εὐκτήμονος, μισθωταὶ δὲ αὐτοὶ γενόμενοι τὰς προσόδους λαμ-
37 βάνοιεν. καὶ ἐπειδὴ πρῶτον τὰ δικαστήρια ἐπληρώθη, ὁ μὲν ἄρχων προεκήρυττεν, οἱ δ' ἐμισθοῦντο. παραγενόμενοι δέ τινες ἐξαγγέλλουσι τοῖς οἰκείοις τὴν ἐπιβουλήν, καὶ ἐλθόντες ἐδήλωσαν τὸ πρᾶγμα τοῖς

---

4. τετταράκοντα emend. Buermann, cod. τεσσαράκοντα. — 5. αἰπολίῳ pr., corr. 1.

§ 34. 4. ΜΑΡΤΥΡΕΣ add. Reiske.

§ 35. 1. εἶχον Reiske. — 4. οὐδὲ ἐκ τῆς κλίνης Dobree, οὐδ' ἐκ etc. Turicenses. — 5. αὐτῶν, Scheibe αὐτῶν (cf. etiam Schoem. Comm. p. 340 αὐτῶν).

§ 36. 4. μισθω.. pr., corr. 1. — 5. κατασταθεῖ.. pr., corr. 1. — καὶ ante ζῶντος add. Reiske, Bekker, Schoemann. — 6. δὲ αὐτοὶ Meutzner Dobraeum ex parte secutus, qui scripserat αὐτοί; Reiske δὴ vel δῆθεν αὐτοῦ; cod. δι' αὐτοῦ.

§ 37. 1. ἐπληρώθη, Bekker ἐκληρώθη. — 2. προσ. κήρυττεν pr., corr. 1. — ἐμίσθουν Reiske. — 3. καὶ ἐλθόντες, Scheibe: „Quidni οἱ ἐλθόντες vel καὶ οὗτοι ἐλθόντες?“

δικασταῖς, καὶ οὕτως ἀπεχειροτόνησαν οἱ δικασταὶ μὴ μισθοῦν τοὺς οἴκους· εἰ δ' ἔλαθεν, ἀπωλώλει ἂν ἅπασα ἡ οὐσία. Καί μοι κάλει τοὺς παραγενομένους μάρτυρας.

ΜΑΡΤΥΡΕΣ.

Πρὶν μὲν τοίνυν τούτους γνωρίσαι τὴν ἄνθρωπον καὶ μετ' ἐκείνης 38
ἐπιβουλεῦσαι Εὐκτήμονι, οὕτω πολλὴν οὐσίαν ἐκέκτητο Εὐκτήμων μετὰ τοῦ υἱέος Φιλοκτήμονος, ὥστε ἅμα τε τὰ μέγιστα ὑμῖν λειτουργεῖν ἀμφοτέρους τῶν τε ἀρχαίων μηδὲν πραθῆναι τῶν τε προσόδων περιποιεῖν, ὥστε ἀεί τι προσκτᾶσθαι· ἐπειδὴ δ' ἐτελεύτησε Φιλοκτήμων, οὕτω διετέθη ἡ οὐσία, ὥστε τῶν ἀρχαίων μηδὲ τὰ ἡμίσεα εἶναι λοιπὰ καὶ τὰς προσόδους ἁπάσας ἠφανίσθαι. καὶ οὐδὲ ταῦτα ἐξήρκεσεν αὐ- 39
τοῖς διαφορῆσαι, ὦ ἄνδρες, ἀλλ' ἐπειδὴ καὶ ἐτελεύτησεν ὁ Εὐκτήμων, εἰς τοῦτο ἦλθον τόλμης ὥστ' ἐκείνου κειμένου ἔνδον τοὺς μὲν οἰκέτας ἐφύλαττον, ὅπως μηδεὶς ἐξαγγείλειε μήτε τοῖν θυγατέροιν μήτε τῇ γυναικὶ αὐτοῦ μήτε τῶν οἰκείων μηδενί, τὰ δὲ χρήματα ἔνδοθεν ἐξεφορήσαντο μετὰ τῆς ἀνθρώπου εἰς τὴν ὁμότοιχον οἰκίαν, ἣν ὤκει μεμισθωμένος εἰς τούτων, Ἀντίδωρος ἐκεῖνος. καὶ οὐδ' ἐπειδὴ ἑτέρων 40
πυθόμεναι ἦλθον αἱ θυγατέρες αὐτοῦ καὶ ἡ γυνή, οὐδὲ τότε εἴων εἰσιέναι, ἀλλ' ἀπέκλεισαν τῇ θύρᾳ, φάσκοντες οὐ προσήκειν αὐταῖς θάπτειν Εὐκτήμονα· καὶ οὐδ' εἰσελθεῖν ἐδύναντο, εἰ μὴ μόλις καὶ περὶ ἡλίου δυσμάς. εἰσελθοῦσαι δὲ κατέλαβον ἐκεῖνον μὲν ἔνδον κείμενον 41

---

5. ἔλαθον Reiske. — ἀπολώλει, ἀπωλώλει emend. Scheibe Comm. Crit. p. 5. — ἂν s. v. 1, del. Buermann, Hermes XVII 1882 p. 399.

§ 38. 2. οὐσίαν in marg. 1. — 3. τά τε Fuhr Rhein. Mus. XXXIII p. 598. — 4. τε ante ἀρχαίων in v. add. 1. — 5. ὥστε ἀεί τι προσκτᾶσθαι del. Naber Mnem. N. S. V 1877 p. 410. — 7. ἠφανῆσθαι pr.

§ 39. 2. Buermann καὶ ὁ Εὐκτήμων ἐτελεύτησεν vel ἐτελ. καὶ ὁ Εὐκτήμων (Hermes XIX 1884 p. 339). — 4. ταῖν cod., τοῖν emend. Naber Mnem. N. S. V 1877 p. 405. — 5.6. ἐξεφόρησαν Hirschig Philol. V p. 323.

§ 40. 2. ante οὐδὲ tres litt. eras. — ἠφ.ίων (Schenkl non recte ἠφί.ων) cod., Stephanus ἠφίουν (Reiske, Bekker, Schoemann, Turicenses), εἴων Hirschig Philol. V p. 323 = Journal of classical and sacred philology Vol. II 1855 Cambridge p. 218 (Scheibe, Buermann, Kühner-Blass Ausf. Gramm. d. gr. Spr. II 214), ἠξίουν <αὐτὰς> Buermann Hermes XIX 1884 p. 329. — 3. τὴν θύραν cod., emend. Dobree prob. Scheibio et Buermanno.

δευτεραῖον, ὡς ἔφασαν οἱ οἰκέται, τὰ δ' ἐκ τῆς οἰκίας ἅπαντα ἐκπεφορημένα ὑπὸ τούτων. αἱ μὲν οὖν γυναῖκες, οἷον εἰκός, περὶ τὸν τετελευτηκότα ἦσαν· οὗτοι δὲ τοῖς ἀκολουθήσασι παραχρῆμα ἐπεδείκνυσαν τὰ ἔνδον ὡς εἶχε, καὶ τοὺς οἰκέτας πρῶτον ἠρώτων ἐναντίον τούτων
42 ὅποι τετραμμένα εἴη τὰ χρήματα. λεγόντων δὲ ἐκείνων ὅτι οὗτοι ἐξενηνοχότες εἶεν εἰς τὴν πλησίον οἰκίαν, καὶ ἀξιούντων παραχρῆμα τῶνδε φωρᾶν κατὰ τὸν νόμον καὶ τοὺς οἰκέτας ἐξαιτούντων τοὺς ἐκφορήσαντας, οὐκ ἠθέλησαν τῶν δικαίων οὐδὲν ποιῆσαι. Καὶ ὅτι ἀληθῆ λέγω, λαβὲ ταυτὶ καὶ ἀνάγνωθι.

ΜΑΡΤΥΡΙΑΙ.

43 Τοσαῦτα μὲν τοίνυν χρήματα ἐκ τῆς οἰκίας ἐκφορήσαντες, τοσαύτης δ' οὐσίας πεπραμένης τὴν τιμὴν ἔχοντες, ἔτι δὲ τὰς προσόδους τὰς ἐν ἐκείνῳ τῷ χρόνῳ γενομένας διαφορήσαντες, οἴονται καὶ τῶν λοιπῶν κύριοι γενήσεσθαι· καὶ εἰς τοῦτο ἀναιδείας ἥκουσιν, ὥστ' εὐθυδικίᾳ μὲν οὐκ ἐτόλμησαν εἰσελθεῖν, ἀλλὰ διεμαρτύρουν ὡς ὑπὲρ γνη-
44 σίων ἅμα μὲν τὰ ψευδῆ ἅμα δὲ τἀναντία οἷς αὐτοὶ ἔπραξαν· οἵτινες πρὸς μὲν τὸν ἄρχοντα ἀπέγραψαν αὐτοὺς ὡς ὄντας τὸν μὲν Ἡγήμονος τὸν δ' Ἐργαμένους, νῦν δὲ διαμεμαρτυρήκασιν Εὐκτήμονος εἶναι. καίτοι οὐδ' εἰ γνήσιοι ἦσαν, εἰσποίητοι δέ, ὡς οὗτοι ἔφασαν, οὐδ' οὕτω προσῆκεν αὐτοὺς Εὐκτήμονος εἶναι· ὁ γὰρ νόμος οὐκ ἐᾷ ἐπανιέναι, ἐὰν μὴ υἱὸν καταλίπῃ γνήσιον. ὥστε καὶ ἐξ ὧν αὐτοὶ ἔπραξαν ἀνάγκη τὴν
45 μαρτυρίαν ψευδῆ εἶναι. καὶ εἰ μὲν τότε διεπράξαντο μισθωθῆναι τοὺς

---

§ 41. 4. οὗτοι δὲ, Dobree οἵδε δὲ vel οἱδὶ δὲ. — 6. ὅποι, Buermann Hermes XVII 1882 p. 396 ὅπῃ.

§ 42. 1. οὗτο. pr., corr. 1. — 2.3. τῶν δ' ἐφορᾶν cod., τῶνδε φωρᾶν emend. Petitus. — 6. tit. om. in lac. 5 litt., Reiske add. sive μαρτυρία, sive ἀνάγνωσις, sive κατάλογος, sive ἀπογραφή; Turicenses, Buermann μαρτυρίαι; Scheibe μαρτυρίαι. ἀπογραφή. πρόκλησις.

§ 43. 6. τἀναντία. pr., Schenkl minus recte ταναντία..

§ 44. 2. αὐτοὺς corr. 1, ἑαυτοὺς pr. — Ἡγήμονος emend. Sauppe (cf. dissert. nostr. p. 37 et not. 1), cod. et edd. Φιλοκτήμονος; Sauppii coniecturam probaverunt Blass (Burs. Jhber. I 1873 p. 271) et Buermann. — 4. post γνήσιοι Reiske inseruit μὲν. — Dobree: Lucidius esset ἐκποίητοι δὲ ὡς vel εἰσποίητοι δὲ οἷς. — οὕτω, Buermann οὕτως.

§ 45. 1. διεπράξατο cod., emend. Reiske. —

οἴκους, οὐκ ἂν ἔτι ἦν τοῖσδε ἀμφισβητῆσαι· νῦν δὲ ἀποχειροτονησάντων τῶν δικαστῶν ὡς οὐδὲν αὐτοῖς προσῆκεν, οὐδὲ ἀμφισβητῆσαι τετολμήκασιν, ἀλλὰ πρὸς ὑπερβολὴν ἀναισχυντίας διαμεμαρτυρήκασι τούτους εἶναι κληρονόμους, οὓς ὑμεῖς ἀπεχειροτονήσατε.

Ἔτι δὲ καὶ τοῦ μάρτυρος αὐτοῦ σκέψασθε τὴν τόλμαν καὶ ἀναί- 46
δειαν, ὅστις εἴληχε μὲν αὐτῷ τῆς θυγατρὸς τῆς Εὐκτήμονος ὡς οὔσης ἐπικλήρου, καὶ αὐτοῦ τοῦ κλήρου τοῦ Εὐκτήμονος ὡς ἐπιδίκου ὄντος, μεμαρτύρηκε δ' Εὐκτήμονος υἱὸν εἶναι γνήσιον. καίτοι πῶς οὗτος οὐ σαφῶς ἐξελέγχει αὐτὸς αὑτὸν τὰ ψευδῆ μεμαρτυρηκότα; οὐ γὰρ δήπου γνησίου ὄντος υἱέος Εὐκτήμονι ἐπίκληρος ἂν ἦν ἡ θυγάτηρ αὐτοῦ, οὐδὲ ὁ κλῆρος ἐπίδικος. ὡς τοίνυν ἔλαχε ταύτας τὰς λήξεις, ἀναγνώσεται ὑμῖν τὰς μαρτυρίας.

ΜΑΡΤΥΡΙΑΙ.

Τοὐναντίον τοίνυν συμβέβηκεν ἢ ὡς ὁ νόμος γέγραπται· ἐκεῖ μὲν 47
γάρ ἐστι νόθῳ μηδὲ νόθῃ μὴ εἶναι ἀγχιστείαν μήθ' ἱερῶν μήθ' ὁσίων ἀπ' Εὐκλείδου ἄρχοντος, Ἀνδροκλῆς δὲ καὶ Ἀντίδωρος οἴονται δεῖν, ἀφελόμενοι τὰς Εὐκτήμονος θυγατέρας τὰς γνησίας καὶ τοὺς ἐκ τούτων γεγονότας, τόν τε Εὐκτήμονος οἶκον καὶ τὸν Φιλοκτήμονος ἔχειν. καὶ ἡ διαφθείρασα τὴν Εὐκτήμονος γνώμην καὶ πολλῶν ἐγκρατὴς γε- 48
νομένη οὕτως ὑβρίζει σφόδρα πιστεύουσα τούτοις, ὥστε οὐ μόνον τῶν

---

3. ὡς ante οὐδὲν in v. add. 1, del. Buermann Hermes XIX 1884 p. 344. — οὐδὲν, Buermann l. c. οὐδ'. — προσῆκεν, Reiske προσήκει, Dobree προσῆκον. — οὐδὲ, Reiske οὐ μόνον, Dobree [οὐχ ὅπως ἀντιδικῆσαι] οὔτε ἀμφισβητ.; Buermann l. c. igitur sic legendum iudicabat: [ὡς] οὐδ' αὐτοῖς προσῆκεν· οὐδὲ ἀμφ. κτλ. — 4. ἀλλὰ, Reiske ἀλλὰ καί. — ἀναισχυντίας, Reiske: „adde τετραμμένοι". — προσμεμαρτυρήκασι. pr., Buermann l. c. p. 343 sq. διαμεμαρτυρήκασιν.

§ 46. 2. αὐτῷ. pr. — πέμπτου μέρους secl. Grasshoff, Keil; τοῦ πέμπτου μέρους Reiske; ἐπὶ μέρους K. F. Hermann, Caillemer, Es, Schneider, Beauchet; τοῦ μέρους Buermann; Dareste et Haussoullier ἡμισοῦς (sic!) μέρους vel ἐκ μέρους (cf. dissert. nostr. p. 238 sqq.). — 4. Εὐκτήμονος υἱόν, Dobree Εὐκτήμονι υἱόν. — 9. ΜΑΡΤΥΡΙΑΙ add. Ald.

§ 47. 2. γάρ ἐστι, Buermann γὰρ ἔστι. — μὴ ante εἶναι inser. Sauppe coll. Ps.-Demosth. or. 43 § 51. — 3. Ἀνδροκλείδης, emend. Schoemann. — 5. ἔχειν, Lugebil Fleck. Jahrb. 129 (1884) p. 167 σχεῖν.

§ 48. 1. τὴν . . τ . . γνώμην pr., corr. l. —

Εὐκτήμονος οἰκείων καταφρονεῖ, ἀλλὰ καὶ τῆς πόλεως ἁπάσης. ἀκούσαντες δὲ ἓν μόνον σημεῖον ῥᾳδίως γνώσεσθε τὴν ἐκείνης παρανομίαν. Καί μοι λαβὲ τοῦτον τὸν νόμον.

ΝΟΜΟΣ.

49 Ταυτὶ τὰ γράμματα, ὦ ἄνδρες, ὑμεῖς οὕτω σεμνὰ καὶ εὐσεβῆ ἐνομοθετήσατε, περὶ πολλοῦ ποιούμενοι καὶ πρὸς ταύτας καὶ πρὸς τοὺς ἄλλους θεοὺς εὐσεβεῖν· ἡ δὲ τούτων μήτηρ, οὕτως ὁμολογουμένη οὖσα
50 δούλη καὶ ἅπαντα τὸν χρόνον αἰσχρῶς βιοῦσα, ἣν οὔτε παρελθεῖν εἴσω τοῦ ἱεροῦ ἔδει οὔτ' ἰδεῖν τῶν ἔνδον οὐδέν, οὖσης τῆς θυσίας ταύταις ταῖς θεαῖς ἐτόλμησε συμπέμψαι τὴν πομπὴν καὶ εἰσελθεῖν εἰς τὸ ἱερὸν καὶ ἰδεῖν ἃ οὐκ ἐξὸν αὐτῇ. ὡς δὲ ἀληθῆ λέγω, ἐκ τῶν ψηφισμάτων γνώσεσθε ἃ ἐψηφίσατο ἡ βουλὴ περὶ αὐτῆς. Λαβὲ τὸ ψήφισμα.

ΨΗΦΙΣΜΑ.

51 Ἐνθυμεῖσθαι τοίνυν χρή, ὦ ἄνδρες, πότερον δεῖ τὸν ἐκ ταύτης τῶν Φιλοκτήμονος εἶναι κληρονόμον καὶ ἐπὶ τὰ μνήματα ἰέναι χεόμενον καὶ ἐναγιοῦντα, ἢ τὸν ἐκ τῆς ἀδελφῆς τοῦτον, ὃν υἱὸν αὐτὸς ἐποιήσατο· καὶ πότερον δεῖ τὴν ἀδελφὴν Φιλοκτήμονος, ἢ Χαιρέᾳ συνῴκησε, νῦν δὲ χηρεύει, ἐπὶ τούτοις γενέσθαι ἢ ἐκδοῦναι ὅτῳ βούλονται ἢ ἐᾶν καταγηράσκειν, ἢ γνησίαν οὖσαν ὑφ' ὑμῶν ἐπιδικασθεῖσαν συνοικεῖν ὅτῳ

---

6. ΝΟΜΟΣ add. Ald.

§ 49. 2. ταῦτα cod, Schoemann; Reiske ταύτα (acc. dual.; prob. Bekker) vel potius ταύτας, quod iure probav. edd.; Naber Mnem. N. S. V 1877 p. 405 τούτω. — 3. ὁμολογουμένη, emend. Dobree prob. Cobeto (Nov. Lect. p. 576) et Buermanno (cf. § 56).

§ 50. 1. οὐδὲ-οὐδ' cod., οὔτε-οὔτ' emend. Bekker. — π.οσ.λθεῖν pr., παρελθεῖν corr. 1. — 3. τοῖν θεοῖν Naber V 1877 p. 405. — ἐτόλμησεν Buermann. — 4. Buermann: „ἰδεῖν ἃ initio in lacuna omisisse, postea addidisse vid. pr."; ἃ del. Naber l. c. p. 410; ἐξὴν coni. Herwerden. — ψηφισμάτων. pr.

§ 51. 3. ἐναγοῦντα pr., corr. 1. — τοῦτον del. Naber l. c. p. 410. — 4. πρότερον pr., πότερον corr. 1. — δὴ pr., δεῖ corr. 2. — τὴν ἀδελφὴν τὴν Φιλοκτήμονος Dobree. — 5. ante ὅτῳ tres vel quattuor litt. eras. — post ἐᾶν Scheibe add. ἄγαμον vel ἀνέκδοτον probante Kaysero Heidelberg. Jhb. 1862 I p. 198 sq. — 6. ἐφ' ὑμῶν vel potius ὑφ' ἡμῶν Dobree.

ἂν ὑμῖν δοκῇ. ἡ γὰρ ψῆφός ἐστι περὶ τούτων νυνί. τουτὶ γὰρ αὐτοῖς 52
ἡ διαμαρτυρία δύναται, ἵν' ὁ κίνδυνος τοῖσδε μὲν ᾖ περὶ τούτων, οὗτοι
δὲ κἂν νῦν διαμάρτωσι τοῦ ἀγῶνος, δόξῃ δὲ ὁ κλῆρος ἐπίδικος εἶναι,
ἀντιγραψάμενοι δὶς περὶ τῶν αὐτῶν ἀγωνίζωνται. καίτοι εἰ μὲν διέθετο
Φιλοκτήμων μὴ ἐξὸν αὐτῷ, τοῦτ' αὐτὸ ἐχρῆν διαμαρτυρεῖν, ὡς οὐ κύ-
ριος ἦν υἱὸν τόνδε ποιήσασθαι· εἰ δ' ἐξῆν μὲν διαθέσθαι, ἀμφισβητεῖ
δὲ ὡς οὐ δόντος οὐδὲ διαθεμένου, μὴ διαμαρτυρίᾳ κωλύειν ἀλλ' εὐθυ-
δικίᾳ εἰσιέναι. νῦν δὲ πῶς ἄν τις περιφανέστερον ἐξελεγχθείη τὰ ψευδῆ 53
μεμαρτυρηκὼς ἢ εἴ τις αὐτὸν ἔροιτο ,,Ἀνδρόκλεις, πῶς οἶσθα Φιλο-
κτήμων ὅτι οὔτε διέθετο οὔτε υἱὸν Χαιρέστρατον ἐποιήσατο''; οἷς μὲν
γάρ τις παρεγένετο, δίκαιον, ὦ ἄνδρες, μαρτυρεῖν, οἷς δὲ μὴ παρεγένετο
ἀλλ' ἤκουσέ τινος, ἀκοὴν μαρτυρεῖν. σὺ δ' οὐ παραγενόμενος διαρρήδην 54
μεμαρτύρηκας ὡς οὐ διέθετο Φιλοκτήμων, ἀλλ' ἅπαις ἐτελεύτησε.
καίτοι πῶς οἷόν τε εἰδέναι, ὦ ἄνδρες; ὅμοιον γὰρ ὥσπερ ἂν εἰ φαίη
εἰδέναι, καὶ μὴ παραγενόμενος, ὅσα ὑμεῖς πάντες πράττετε. οὐ γὰρ δὴ
τοῦτό γε ἐρεῖ, καίπερ ἀναίσχυντος ὤν, ὡς ἅπασι παρεγένετο καὶ πάντ'
οἶδεν ὅσα Φιλοκτήμων ἐν τῷ βίῳ διεπράξατο. πάντων γὰρ αὐτὸν ἐκεῖ- 55
νος ἔχθιστον ἐνόμιζε διά τε τὴν ἄλλην πονηρίαν, καὶ διότι τῶν συγ-
γενῶν μόνος μετὰ τῆς Ἀλκῆς ἐκείνης τούτῳ καὶ τοῖς ἄλλοις συνεπιβου-
λεύσας τοῖς τοῦ Εὐκτήμονος χρήμασι τοιαῦτα διεπράξατο, οἷά περ ὑμῖν
ἀπέδειξα.

Πάντων δὲ μάλιστα ἀγανακτῆσαί ἐστιν ἄξιον, ὅταν οὗτοι κατα- 56
χρῶνται τῷ Εὐκτήμονος ὀνόματι, τῷ τουδὶ πάππῳ. εἰ γάρ, ὡς οὗτοι

---

§ 52. 2. περὶ τούτων, Naber l. c. p. 410 περὶ πάντων. — 4. ἀγωνίζονται pr., corr. 2. — 6. ἔξεστι cod., ἐξῆν coni. Schoemann prob. Kayser l. c. p. 208 et ... ... Buermanno. — 7. ὡς οὐδ' ὄντος ὡσ οὐ δόντος cf. Buermann, Hermes XVII 1882 p. 392 n. 2.

§ 53. 1. τις del. Scheibe Comm. crit. p. 35 sq., sed cf. Kayser l. c. p. 200. — ἐξελεγχείη cod. — 2.3. Dobree Φιλοκτήμονα, Baiter Φιλοκτήμον' probante Scheibio, Buermann Hermes XIX p. 344 transp. ὅτι οὔτε διέθετο Φιλοκτήμων. — 4. μαρτυρεῖ pr., corr. 2.

§ 55. 2. τε add. Ald. — 3. τούτῳ sc. τῷ Χαιρεστράτῳ; Meutzner Heidelberg. Jahrb. 1862 I p. 130 sq. τούτῳ rettulit ad Antidorum, Buermann ante τούτῳ add. τῷ Ἀντιδώρῳ. — 4. χρήμασι, Reiske παισὶ vel παισὶ καὶ χρήμασι, Schoemann γνησίοις.

§ 56. 2. τῷ Εὐκτήμονος ὀνόματι in marg. inferiore add. 1, del. Buermann Hermes XIX 1884 p. 351 sq. — τοῦ τοῦδε πάππου Reiske, τοῦ τουδὶ πάππου Bekker,

λέγουσι, τῷ μὲν Φιλοκτήμονι μὴ ἐξῆν διαθέσθαι, τοῦ δ' Εὐκτήμονός ἐστιν ὁ κλῆρος, πότερον δικαιότερον τῶν Εὐκτήμονος κληρονομεῖν τὰς ἐκείνου θυγατέρας, ὁμολογουμένως οὔσας γνησίας, καὶ τοὺς ἐκ τούτων
57 γεγονότας, ἢ τοὺς οὐδὲν προσήκοντας; οἳ οὐ μόνον ὑφ' ἡμῶν ἐλέγχονται, ἀλλὰ καὶ ἐξ ὧν αὐτοὶ οἱ ἐπίτροποι διαπεπραγμένοι εἰσί. τοῦτο γὰρ ὑμῶν δέομαι καὶ ἱκετεύω σφόδρα μεμνῆσθαι, ὦ ἄνδρες, ὅπερ ὀλίγῳ πρότερον ἀπέδειξα ὑμῖν, ὅτι Ἀνδροκλῆς οὑτοσὶ φησὶ μὲν εἶναι ἐπίτροπος αὐτῶν ὡς ὄντων γνησίων Εὐκτήμονος, εἴληχε δ' αὐτὸς ἑαυτῷ τοῦ Εὐκτήμονος κλήρου καὶ τῆς θυγατρὸς αὐτοῦ ὡς οὔσης ἐπικλήρου· καὶ
58 ταῦτα μεμαρτύρηται ὑμῖν. καίτοι πῶς οὐ δεινόν, ὦ ἄνδρες, πρὸς θεῶν Ὀλυμπίων, εἰ μὲν οἱ παῖδές εἰσι γνήσιοι, τὸν ἐπίτροπον ἑαυτῷ λαγχάνειν τοῦ Εὐκτήμονος κλήρου καὶ τῆς θυγατρὸς αὐτοῦ ὡς οὔσης ἐπιδίκου, εἰ δὲ μή εἰσι γνήσιοι, νῦν διαμεμαρτυρηκέναι ὡς εἰσὶ γνήσιοι; ταῦτα γὰρ αὐτὰ ἑαυτοῖς ἐναντία ἐστίν. ὥστ' οὐ μόνον ὑφ' ἡμῶν ἐλέγ-
59 χεται τὰ ψευδῆ διαμεμαρτυρηκώς, ἀλλὰ καὶ ἐξ ὧν αὐτὸς πράττει. καὶ τούτῳ μὲν οὐδεὶς διαμαρτυρεῖ μὴ ἐπίδικον εἶναι τὸν κλῆρον, οὗτος δ' ἅπαντας ἀποστερεῖ τῆς ἀμφισβητήσεως. καὶ διαρρήδην μαρτυρήσας γνησίους τοὺς παῖδας εἶναι, οἴεται ἐξαρκέσειν ὑμῖν παρεκβάσεις, ἐὰν δὲ τοῦτο μὲν μηδ' ἐγχειρήσῃ ἐπιδεικνύναι ἢ καὶ κατὰ μικρόν τι ἐπιμνη-

---

Schoemann (Schoemann: „f. l. τῷ τουδὶ παππῴῳ"); cf. Meutzner l. c. p. 131 sq. („quoniam τῷ Εὐκτήμονος ὀνόματι est circumlocutionis instar pro τῷ Εὐκτήμονι, recte etiam τῷ τουδὶ πάππῳ in appositione videtur inferri potuisse"). — 5. ὁμολογουμένας coni. Schoemann. — ἡμᾶς ante τοὺς ἐκ τούτων del. Buermann, Hermes XVII 1882 p. 399 not. 1.

§ 57. 1. ὑφ' emend. Bekker, cod. ἐξ. — 2. οἱ s. v. add. 2; οἱ ἐπίτροποι secl. Dobree. — 4. ·/. οὑτοσὶ in marg. et ·/. ante φήσει add. 1. — φησι emend. Ald., cod. φήσει. — εἶναι corr. 2, οἶμαι pr. — 5. cod. ἐφ' ἑαυτῷ, ἐφ' del. Reiske, Schoemann: „malim ἐφ' ἑαυτοῦ, aut αὐτὸς ἑαυτῷ" probante Dobraeo — τοῦ corr. 1, τῶ ut vid. pr. — 6. ἐπικλήρου, Dobree: „An ἐπιδίκου, ut mox?"

§ 58. 3.4. ἐπιδίκου corr. 1, ἐπι.λή.ου pr. — 5. ἐστίν emend. Bekker, cod. εἰσίν.

§ 59. 2. ἀλλ' εὐθυδικίᾳ εἰσιέναι post κλῆρον secl. Albrecht (Hermes XVIII 1883 p. 372 sq.), Buermann (Hermes XIX 1884 p. 354 sq.), Hüttner (Burs. Jahresber. 46, 1886 p. 46); Reiske aut εἴσεισιν aut addendum ἀξιοῖ; Schoemann add. ἀξιοῖ; Dobree ἀξιοῖ, vel προκαλεῖται, vel ἕτοιμος, vel ἔξεστιν; Herwerden ἐᾷ; Jenicke p. 29 pro οὐδεὶς διαμαρτυρεῖ coniecit οὐ δοκεῖ διαμαρτυρεῖν; Hitzig Studien p. 29 καὶ τοῦτο μὲν οὐκ ἔδει διαμαρτυρεῖν κτλ.; Meutzner l. c. p. 113, Turicenses, Scheibe cod. lectionem probaverunt. — 5. ἦ, Dobree ἦν. —

σθῇ, ἡμῖν δὲ λοιδορήσηται μεγάλῃ τῇ φωνῇ καὶ λέγῃ ὡς εἰσὶν οἵδε μὲν πλούσιοι αὐτὸς δὲ πένης, διὰ ταῦτα δόξειν τοὺς παῖδας εἶναι γνησίους. τῆς δὲ τούτων οὐσίας, ὦ ἄνδρες, εἰς τὴν πόλιν πλείω ἀναλίσκεται ἢ εἰς αὐτοὺς τούτους. καὶ Φανόστρατος μὲν τετριηράρχηκεν ἑπτάκις ἤδη, τὰς δὲ λειτουργίας ἁπάσας λελειτούργηκε καὶ τὰς πλείστας νίκας νενίκηκεν· οὑτοσὶ δὲ Χαιρέστρατος τηλικοῦτος ὢν τετριηράρχηκε, κεχορήγηκε δὲ τραγῳδοῖς, γεγυμνασιάρχηκε δὲ λαμπάδι· καὶ τὰς εἰσφορὰς εἰσενηνόχασιν ἀμφότεροι πάσας ἐν τοῖς τριακοσίοις. καὶ τέως μὲν δύ' ὄντες, νῦν δὲ καὶ ὁ νεώτερος οὑτοσὶ χορηγεῖ μὲν τραγῳδοῖς, εἰς δὲ τοὺς τριακοσίους ἐγγέγραπται καὶ εἰσφέρει τὰς εἰσφοράς. ὥστ' οὐ φθονεῖσθαί εἰσιν ἄξιοι, ἀλλὰ πολὺ μᾶλλον νὴ τὸν Δία καὶ τὸν Ἀπόλλω οὗτοι, εἰ λήψονται ἃ μὴ προσήκει αὐτοῖς. τοῦ γὰρ Φιλοκτήμονος κλήρου ἂν μὲν ἐπιδικάσηται ὅδε, ὑμῖν αὐτὸν ταμιεύσει, τὰ προσταττόμενα λειτουργῶν ὥσπερ καὶ νῦν καὶ ἔτι μᾶλλον. ἐὰν δ' οὗτοι λάβωσι, διαφορήσαντες ἑτέροις ἐπιβουλεύσουσι. 60 61

Δέομαι οὖν ὑμῶν, ὦ ἄνδρες, ἵνα μὴ ἐξαπατηθῆτε, τῇ διαμαρτυρίᾳ τὸν νοῦν προσέχειν περὶ ἧς τὴν ψῆφον οἴσετε· καὶ πρὸς ταύτην αὐτὸν κελεύετε τὴν ἀπολογίαν ποιεῖσθαι, ὥσπερ καὶ ἡμεῖς κατηγορήσαμεν. γέγραπται ὡς οὐκ ἔδωκεν οὐδὲ διέθετο Φιλοκτήμων· τοῦτο ἐπιδέδεικται ψεῦδος ὄν καὶ μαρτυροῦσιν οἱ παραγενόμενοι. τί ἔτι; τελευτῆσαι ἄπαιδα 62 63

---

6. λοιδορήσεται cod. — λέγει cod. — 7. δὲ post διὰ del. Buermann Hermes XIX 1884 p. 359, Stephanus δή, Reiske (post γνησίους) et Dobree (post δόξειν) quaedam excidisse monuerunt.

§ 60. 2. φαν.στρατος pr., corr. 2. — τετριηράρχηκ... pr., corr. 1. — 3. νίκας del. Sauppe. — 4. τετριηράρχηκε, Dobree: „forsan excidit numerus, τετράκις τετριηράρχηκε". — 6. εἰσενήνοχαν cod., emend. Reiske (cf. Schanz, Beiträge z. histor. Syntax d. gr. Spr. I p. 201), Bekker εἰσενηνόχατον.

§ 61. 5. λειτουργο.ν pr., corr. 1. — 6. ἑτέροις corr. 1, .τέροις pr.

§ 62. 2. αὐτὸν corr. 2, αὐτῶν pr. — 4. ante γέγραπται Reiske inser. ἐν ᾗ. — 5. ὄν corr. 2, ὢν pr. — post ὄν in cod. legitur καὶ γὰρ ὁ δοὺς καὶ ὁ διαθέμενος, Reiske cogitatione add. ἐπιδέδεικται, Dobree et Turicenses articulum utrobique deleverunt et similiter ex antecedentibus cogitatione add. ἐπιδέδεικται, Jenicke l. c. p. 29 sq. καὶ γὰρ οὗτος ὁ δοὺς καὶ ὁ διαθέμενος, Kayser Heidelberg. Jhb. 1862 I p. 200 del. artic. inser. ἐπιδέδεικται, Buermann Hermes XIX 1884 p. 329 post διαθέμενος add. ἐκεῖνος; verba illa seclusit Scheibe, cf. etiam Schoemann comm. p. 350 sq.

Φιλοκτήμονα. πῶς οὖν ἅπαις ἦν ὅς τις τὸν ἑαυτοῦ ἀδελφιδοῦν υἱὸν ποιησάμενος κατέλιπεν, ᾧ ὁμοίως ὁ νόμος τὴν κληρονομίαν ἀποδίδωσι καὶ τοῖς ἐξ αὐτοῦ γενομένοις; καὶ διαρρήδην ἐν τῷ νόμῳ γέγραπται, ἐὰν ποιησαμένῳ παῖδες ἐπιγένωνται, τὸ μέρος ἑκάτερον ἔχειν τῆς οὐσίας
64 καὶ κληρονομεῖν ὁμοίως ἀμφοτέρους. ὡς οὖν εἰσὶ γνήσιοι οἱ παῖδες οἵδε, τοῦτ' αὐτὸ ἐπιδεικνύτω, ὥσπερ ἂν ὑμῶν ἕκαστος. οὐ γὰρ ἂν εἴπῃ μητρὸς ὄνομα, γνήσιοί εἰσιν, ἀλλ' ἐὰν ἐπιδεικνύῃ ὡς ἀληθῆ λέγει, τοὺς συγγενεῖς παρεχόμενος τοὺς εἰδότας συνοικοῦσαν τῷ Εὐκτήμονι καὶ τοὺς δημότας καὶ τοὺς φράτερας, εἴ τι ἀκηκόασι πώποτε ἢ ἴσασιν ὑπὲρ αὐτῆς Εὐκτήμονα λειτουργήσαντα, ἔτι δὲ ποῦ τέθαπται, ἐν ποίοις
65 μνήμασι· τίς εἶδε τὰ νομιζόμενα ποιοῦντα Εὐκτήμονα· ποῖ δ' ἔτ' ἰόντες οἱ παῖδες ἐναγίζουσι καὶ χέονται, καὶ τίς εἶδε ταῦτα τῶν πολιτῶν ἢ τῶν οἰκετῶν Εὐκτήμονος. ταῦτα γάρ ἐστιν ἔλεγχος ἅπαντα, καὶ οὐ λοιδορία. καὶ ἐὰν περὶ αὐτοῦ τούτου κελεύητε ἐπιδεικνύναι ὥσπερ καὶ διεμαρτύρησεν, ὑμεῖς τε τὴν ψῆφον ὁσίαν καὶ κατὰ τοὺς νόμους θήσεσθε, τοῖσδέ τε τὰ δίκαια γενήσεται.

---

§ 63. 2. ἅπαις ἦν ὅστις emend. Reiske, cod. ἂν αἴσιμός τις. — τὸν corr. 1, τῶν pr. — 3. Lugebil Fleck. Jahrb. 129 (1884) p. 169 κατέλειπε.

§ 64. 3. γνήσιός ἐστιν cod., emend. Bekker. — ἐπιδεικνύῃ. cod. — 4. μάρτυρας post συγγενεῖς add. Reiske probante Buermanno. — 4.5. καὶ post Εὐκτήμονι add. Scheibe probante Buermanno. — 5. φράτορας, Buermann iure φράτερας.

§ 65. 1. εἶδε corr. 1, οἵδε pr. — ποῖ δ' ἔτ' ἰόντες corr. 2, ποῖ δ' ἔτι ὄντες pr.; Bekker, Schoemann ἔτι ὄντες (= περιόντες), Dobree ποῖ δὲ ἰόντες, Scheibe pro δ' ἔτ' prop. δέ, Buermann Hermes XIX 1884 p. 339 ἔτι δὲ ποῖ ἰόντες. — 3. Dobree τῶν οἰκείων τῶν Εὐκτήμονος, Buermann Hermes l. c. τῶν οἰκετῶν <τῶν> Εὐκτήμονος. — ἔλεγχος Ald., cod. ἔνοχος. — 4. Reiske aut περὶ αὐτοῦ τούτου κ. ε. οὕπερ aut περὶ αὐτῶν τούτων κ. ε. ὥνπερ.

Добавленія.

1. Стр. 308. О появленіи итальянскаго перевода „F. P. Caccialanza, Le orazioni di Iseo, tradotte con prolegomeni e note, 1901“ мы узнали только въ маѣ мѣсяцѣ текущаго года (см. Bibl. philol. class. 1902 I p. 11), когда бо́льшая часть нашей диссертаціи уже была напечатана: мы приступили къ печатанію въ мартѣ мѣсяцѣ т. г. Такъ какъ цитированныя нами статьи того-же ученаго (см. стр. 309), выписанныя нами въ свое время, оказались весьма неважными, и такъ какъ приведенная нами замѣтка къ шестой рѣчи (см. стр. 75 прим. 1) не стоила даже опроверженія, то мы не сочли себя обязанными немедленно выписать эту книгу единственно для того, чтобы сообщить кое-что изъ нея въ добавленіяхъ. Что мы не ошиблись въ своемъ сужденіи, явствуетъ изъ рецензіи G. Setti, напечатанной въ Rivista di Filologia XXX 1902 Fasc. II p. 367—370, на которую мы ссылаемъ читателей. Если даже одинъ изъ соотечественниковъ автора счелъ себя обязаннымъ произнести такой рѣзкій приговоръ, то книга эта совершенно очевидно вниманія не заслуживаетъ. Мы, впрочемъ, уже неоднократно имѣли случай указывать на особенности сочиненій новѣйшихъ итальянскихъ ученыхъ, см. напр. Журн. Мин. Нар. Просв. 1901 т. 333 стр. 222 сл., т. 336 стр. 32 сл. и 37 сл.; ср. также напр. рецензію Schulthess'a на сочиненіе E. Ciccotti, La famiglia nel diritto attico въ Woch. f. klass. Philol. 1888 стр. 1396 сл. (ср. выше стр. 119 прим. 2). Изъ рецензіи Setti мы, впрочемъ, узнали, что въ Италіи уже въ 1844 г. появился итальянскій переводъ G. Spezi.

2. Стр. 310. Когда въ томъ-же маѣ мѣсяцѣ т. г. (см. добавл. 1) мы наконецъ имѣли возможность воспользоваться сочиненіемъ Joh. Kirchner'a Prosopographia Attica Vol. I Berlin

1891, только что пріобрѣтеннымъ нашей университетской библіотекой, то наша вторая глава была уже давнымъ-давно напечатана. При сравненіи этого сочиненія съ неоднократно цитированной нами школьной программой того-же автора (Prosopographiae Atticae specimen, Berlin 1890) мы нашли, что Кирхнеръ просто перепечаталъ все сказанное имъ въ упомянутой программѣ. Мы, поэтому, удовольствуемся простымъ указаніемъ тѣхъ страницъ, гдѣ говорится о встрѣчающихся въ нашей VI рѣчи личностяхъ: Ергаменъ стр. 333 n. 5047, Евктемонъ стр. 375 n. 5798, Гегемонъ стр. 409 n. 6299; остальныя лица попадутъ во второй томъ этого сочиненія, такъ какъ первый доведенъ только до буквы K включ. Единственныя отступленія отъ прежняго изданія состоятъ въ томъ, что Кирхнеръ въ родословной таблицѣ (стр. 375) къ именамъ Филоктемона, Ергамена и Гегемона прибавилъ „ἄπαις“, къ имени Хэрестрата „adoptatus a Philoctemone“, а къ именамъ Евктемона, Филоктемона и Хэрестрата прибавилъ слѣдующія даты: „c. a. 427 (Евктемонъ), 394 (Филоктемонъ), 361 (Хэрестратъ)“. Объ этихъ датахъ онъ сообщаетъ въ предисловіи (praef. p. V sq.) слѣдующее: „singulorum hominum ἀκμῆς numeros adnotamus, tricenos ternos scilicet annos unicuique hominis aetati tribuentes“, онъ, стало быть, того мнѣнія, что Филоктемонъ, сынъ Евктемона, родился тогда, когда Евктемону было 33 года отъ роду, а Хэрестратъ, племянникъ Филоктемона, тогда, когда Филоктемону было 33 года отъ роду (460 — 33 = 427, 427 — 33 = 394, 394 — 33 = 361). На такихъ чисто искусственныхъ датахъ мы, разумѣется, останавливаться не станемъ, а ссылаемъ читателя на нашу вторую главу, гдѣ читатель найдетъ даты, добытыя путемъ совершенно другихъ соображеній. При этомъ случаѣ да будетъ намъ позволено указать на ошибку, совершенно непонятнымъ образомъ вкравшуюся въ нашъ библіографическій указатель: на стр. 310 читай I. E. Kirchner, а не просто E. Kirchner.

Указатели.

I.

Index locorum.

A. Scriptores.

Aeschin. or. I § 124 206
Andocid. or. I § 124 сл. . 111 сл. 112[1]
„ „ § 127 104
Aristoph. Ὄρνιθες v. 1655 sq. . . 260
„ Νεφέλαι v. 991. 1044 sq. 155
Aristot. Ἀθ. πολ. 42 . . 92. 124. 125
„ „ 54,3 66
„ „ 56 . . . . 281 сл.
Athenae. I 32 p. 18 b. . . . 154 сл.
„ VIII p. 351 f. 157
Demosth. or. 21 § 66 303
„ „ 23 § 12 304
„ „ — § 42 304
„ „ 25 § 69 187
„ „ 27 § 13 265
„ „ 28 § 3 . . . 144[2]. 145
„ „ — § 15 264
„ „ — § 16 265
„ „ 33 § 8 . 169 f. 180. 191
„ „ — § 10 . . . 180. 191
„ „ — § 12 . . . 180. 191
„ „ 36 § 22 275
„ „ — § 26 172
„ „ — § 27 172
„ „ 37 180
„ „ — § 5 169
„ „ — § 30 . . . . 175 сл.
„ „ 38 299
„ „ — § 6 275
„ „ — § 7 . . . . . 144[1]
Demosth. or. 38 § 17 173
„ „ — § 27 173
„ „ 39 . . . . 111 сл.
„ „ 40 . . . . 111 сл.
„ „ 41 299
„ „ — § 3 227
„ „ — § 4 227
„ „ — § 6 265
„ „ — § 16 265
„ „ 43 § 6 223
„ „ — § 14 132
„ „ — § 30 223
„ „ — § 44 210
„ „ — § 51 . . . 209. 257
„ „ — § 82 132
„ „ 44 . . . . 117 сл.
„ „ — § 41 118
„ „ 46 § 14 246
„ „ — § 16 246
„ „ — § 18 . . 265. 277. 304
„ „ 48 § 12 . . . . . 144[2]
„ „ 50 191
„ „ — § 13 . . . . 189 сл.
„ „ — § 28 . . . . 189 сл.
„ „ 54 . . . 53 сл. 299
„ „ — § 1 54
„ „ — § 7 . . . . 53 сл.
„ „ — § 44 54
„ „ 55 299
„ „ 57 § 54 104
„ „ 59 § 17 105

Demosth. or. 59 § 18 сл. . . . 85
„ „ — § 20 . . . . 78[1]
„ „ — § 26 83
„ „ — § 29 . . . 78[1]. 83
„ „ — § 60 104
„ „ — § 118 104
Hyper. or. V § 8 . . . . . 183 сл.
„ „ § 17 246
„ „ § 20 184
Isae. or. I § 22 86
„ „ § 25 248
„ „ § 33 86
„ or. II § 2 295
„ or. III . . . . . 258 сл.
„ „ § 15 сл. . . . . 80 сл.
„ „ § 19 . . . . . 303 сл.
„ „ § 33 234
„ „ § 42 229
„ „ § 49 259
„ „ § 51 259
„ „ § 58 174
„ „ § 59 222
„ „ § 60 . . . . . 222. 230
„ „ § 68 229
„ or. IV § 7 30
„ „ § 8 95
„ „ §§ 8—11 30
„ „ § 13 248
„ or. V § 21 . . . . 178. 189 сл.
„ „ § 22 . . . . . 152 сл.
„ „ § 26 154
„ „ § 35 140
„ „ § 37 223
„ „ § 43 195
„ or. VI § 1 . . . 51. 55—63. 101. 135. 300—303
„ „ § 2 . . . 101. 134 сл. 295. 300—305
„ „ § 3 . . . 64. 212 сл. 216. 224. 227 сл. 230. 231 сл.
„ „ § 4 . 64. 90. 98. 212. 223 сл. 227. 231. 233. 239—241
„ „ § 5 . 47—49. 64. 213. 216 сл. 224. 227 сл. 231. 233
„ „ § 6 . . . 46. 50. 64. 217
„ „ § 7 . . . . 48. 64. 213. 216 сл. 247 сл.
„ „ § 9 . . . 47 сл. 244. 245
„ „ § 10 . 43. 94. 98. 116 сл. 244
Isae. or. VI § 11 . . . . . 94. 98
„ „ § 12 . . . 94. 98. 115. 233. 268. 273 сл.
„ „ § 13 . . . 74 сл. 98. 115. 273 сл. 282 сл.
„ „ § 14 . . 41 сл. 56 сл. 74 сл. 91—94. 98. 115. 273 сл. 275 сл. 278 сл. 282 сл.
„ „ § 15 . . 74 сл. 115. 273 сл.
„ „ § 16 . 74 сл. 115. 117. 273 сл.
„ „ § 17 . . . . 98. 141. 205. 212. 254. 272
„ „ § 19 . 77 сл. 82. 105. 197. 199. 201. 204 сл. 267 сл.
„ „ § 20 . . 76 сл. 82 98. 148[2]. 199. 201. 203 сл. 267 сл.
„ „ § 21 . . 77 сл. 98. 205 сл. 219 сл. 246. 267 сл.
„ „ § 22 . 75. 114. 119 сл. 127. 130 сл. 219 сл. 267 сл.
„ „ § 23 . . . . 75. 98. 137. 219 сл. 244. 267 сл.
„ „ § 24 . 75. 98. 219 сл. 267 сл.
„ „ § 25 . . 46. 98. 133. 219 сл.
„ „ § 26 . 90. 93. 98 сл. 212. 233
„ „ § 27 . . . 48—51. 53. 93. 98. 133. 247 сл. 251 сл.
„ „ § 28 . . . . 73. 223. 233
„ „ § 29 . . . . . 50 сл.
„ „ § 30 . . . . . 98. 144 сл. 242 сл. 249 сл.
„ „ § 31 . . . 73. 249 сл. 281.
„ „ § 32 . . . 50. 73. 249 сл.
„ „ § 33 . . 137. 144 сл. 147[1]. 152. 188 сл. 193. 278.
„ „ § 34 . . 167. 177. 189 сл.
„ „ § 35 . . . . . 44. 219
„ „ § 36 . . . 37. 46. 92. 98. 138. 196. 227. 280 сл. 285 сл. 288 сл.
„ „ § 37 . . . 138. 196. 285 сл. 288 сл.
„ „ § 38 . . . 43. 137 сл. 140. 196. 213 сл. 217 сл.
„ „ § 39 . . . . . 72. 269
„ „ § 40 242
„ „ § 43 . . . . . 98. 233
„ „ § 44 . . . . 37. 46. 98 сл. 213. 215. 227. 233.

Isae. or. VI § 45 98
„ „ § 46 . . . . 38 сл. 98. 238 сл. 240 сл.
„ „ § 47 . 213. 215. 242. 257
„ „ § 49 . . . . . 89. 98
„ „ § 50 89
„ „ § 51 . . 98. 212. 278 сл.
„ „ § 52 . . . . 231. 235
„ „ § 53 247
„ „ § 54 . . . . . 225 сл.
„ „ § 55 73
„ „ § 56 . . . . . 39. 98. 212 сл. 216. 242
„ „ § 57 . . . 92. 98. 212. 239 сл. 242
„ „ § 58 . . 92. 98. 212. 239
„ „ § 59 . . . . . 72. 98
„ „ § 60 . . 44. 51. 55. 139
„ „ § 61 212
„ „ § 62 . . . . 212. 231. 233 сл. 247
„ „ § 63 . . 212. 225 сл. 234
„ „ § 64 . . 91. 98. 212. 234
„ „ § 65 . . 91. 98. 212. 233
„ „ Hypoth. . . 90. 96[1]. 212
„ „ Tit. . . . . 290 сл.
„ or. VII § 3 233
„ „ § 4 295
„ „ § 8 . . . . . 64[1]
„ „ § 16 . . . . . 99. 104
„ „ § 19 225
„ „ § 31 303
„ „ § 39 145
„ „ § 42 223
„ or. VIII § 5 295
„ „ § 19 . . . . 104. 113
„ „ § 34 222
„ „ § 35 . . . . 143. 148
„ or. IX § 1 230
„ „ § 8 247
„ „ § 23 223
„ „ § 34 230
„ or. X Hypoth. v. 9 . . . 281
„ „ § 10 245
„ or. XI §§ 1 сл. . . . 209. 229
„ „ § 34 286
„ „ § 39 . . . . . 139 сл.
„ „ § 41 194
„ „ § 42 . . 144. 149. 198 сл.
Isae. or. XI § 44 149
„ Frgm. 6 (Sauppe) 223
Lucian. Lexiph. 10 . . . . 158. 161
Lysias or. XX § 23 145
„ „ XXX § 2 118
„ Frgm. 124 (Sauppe) . . . 275
„ „ 223 „ . . 301 сл.
Plat. Νόμοι VI p. 774 E . . . 275
Plut. Alcib. 1 97
„ Demetr. 24 154
„ Pericl. 30 156
„ „ 37 . . . . . 111 сл.
„ Solon 20 . . . . . 236[2]
Pollux VIII 107 . . . . . 122 сл.
Schol. ad Aeschin. II 31 . . . 59 сл.

B. Inscriptiones.

Baunack, Griech. Dial.-Inschr. II.

n. 1771 165
„ 1976 164
„ 1977 165
„ 2001 . . . . . 165. 165[1]
„ 2039 164
„ 2060 165
„ 2061 165
„ 2166 165
„ 2209 165

C. I. A. II.

n. 794 b 52. 65
„ 800 b . . . . . 61. 64 сл. 73 сл.
„ 811 c . . . . . 68 сл.
„ 841 b . . . . . 104. 118 сл.
„ 948.949 159
„ 959 a 15 . . . . . 60[1] сл
„ 1047 159
„ 1056 156
„ 1177 . . . . . 64. 65—70

C. I. A. III.

n. 1140 160

C. I. A. IV.

n. 53 a 156
2 n. 597 b 159
„ 597 c 159
„ 841 b . . . . . 104. 118 сл.

Dittenberger, Syll. Inscr. Graec.²

n. 86 156
„ 439 . . . . . 104. 118 сл.
„ 550 156
„ 605 . . . . . 159. 163
„ 613 . . . . . 159. 163
„ 613 p. 396 n. 1 159
„ 651 159
„ 653 157
„ 804 157
„ 831 170
„ 846 165

Michel, Rec. d' Inscr. Gr.

n. 77 156
„ 577 156
„ 694 157
n. 857 159
„ 961 . . . . . 104. 118 сл.
„ 963 159
„ 964 159
„ 1030 . . . . . 65[1]
„ 1385 170

Wescher-Foucart, Inscr. rec. à Delphes.

n. 106 165
„ 311 164
„ 312 165
„ 336 . . . . . 165. 165[1]
„ 374 164
„ 395 165
„ 396 165

II.

Index nominum et rerum[1]).

Ἄθμονον, демъ . . 145 сл. 148 сл.
αἶγες . . . . . 193 сл.
αἰπόλος . . . . . 193 сл.
Ἀμφίπολις . . . . . 58 сл.
ἀνελεῖν . . . . . 249 сл.
ἀνελέσθαι . . . . . 249 сл.
Ἀντιφάνης . . . . . 145 сл. 148
ἄπαις . . . . . 225 сл.
Ἀπατούρια . . . . 122 сл. 128 сл.
ἀπελεύθεροι . . . . . 89 сл.
ἀπέπεμψε τὴν γυναῖκα 273
ἀπηλλάγε τῆς γυναικός 273
ἀπογραφή 286
ἀποτίμημα καθιστάναι 287
ἄτοπον . . . . . 301 сл.

βαλανεῖον . . . . . 145 сл. 150 сл.

γαμετή 264
γαμηλία 266
γάμος (cf. ἐγάμει) . . 263 сл. 269. 273
γηροτροφεῖν 210
γηροτροφία 210
γραμματεῖον 249
γραμματεῖς . . . . . 66 сл.
γυνή . . . . . 269 сл. 273

δημιουργοί . . . . . 145 сл. 196
Δημοκράτης Ἀφιδναῖος . . . 75 сл.
διαδικασία . . 118 сл. 121. 124. 232
διαθέσθαι . . . . . 228 сл.
διαθήκη . . . . . 247 сл.
διαμαρτυρία . . 40. 73. 98 сл. 232 сл.
δικαστήριον πληροῦν . . . . 287 сл.
δίκη εἰς ἐμφανῶν κατάστασιν . . 250

1) Имена лицъ, о которыхъ говорится въ нашей VI рѣчи Исея, понятнымъ образомъ не упомянуты въ этомъ указателѣ, ибо нѣкоторыя лица упоминаются въ нашемъ трудѣ такъ часто, что пришлось бы выписать почти всѣ страницы. Ср. впрочемъ „Оглавленіе“ гл. II.

δίκη ἐξούλης 153
δίκη ψευδομαρτυριῶν . . 40. 232. 234
δοῦναι τὰ ἑαυτοῦ . . . . . 228 сл.
δωρεαί . . . . . 243 сл.

ἐγάμει . . . . . 268 сл. 273. 289
ἐγγραφὴ εἰς τοὺς δημότας . . 124 сл.
ἐγγραφὴ εἰς τὸ φρατερικὸν γραμματεῖον 124
ἐγγύησις . . . . 263 сл. 269. 272 сл.
ἐγγυητή 264
ἐγγυῶ, ἐγγυῶμαι 264
εἰσαγγελία κακώσεως 279
εἰσαγωγὴ εἰς τοὺς φράτερας . 103 сл. 124
εἰσποιεῖν εἰς τὸν οἶκον 267
εἰσποίησις . . . . . 224 сл.
ἐκδιδόναι 265
ἐμβατεύειν εἰς τὴν οὐσίαν . . . 222
ἐμβάτευσις 222
ἐμισθοῦντο 289
ἐμπόριον 200
οἱ ἔνδεκα . . . . . 67 сл.
ἐνοίκιον . . . . . 198 сл.
ἐξούλης δίκη 153
ἐπανορθῶσαι 249
ἐπιδανείζεσθαι 187
ἐπιδικασία . . . . . 266 сл.
ἐπίκληρος . . . . . 235 сл.
ἐπίκληρος (таблица) 237
ἐπὶ ῥητοῖς . . . 35. 113. 114. 117. 133. 244. 251 сл. 255. 257
ἐπιτροπεύειν . . . . . 275 сл.
ἐπίτροπος . . . . . 275 сл. 278 сл.
ἐπωβελία 153. 232
εὐθυδικίᾳ εἰσιέναι 235
Εὐκτήμων, ἄρχων . . . . . 41 сл.

ζεύγη ὁρικά . . . . . 195 сл.

ἡλικία . . . . . 126[1]

Θεσμοφόρια 89

ἱερεῖον . . . . . 131 сл.
ἱερεῖς (въ Дельфахъ) . . . . 164 сл.
ἱεροφάντης . . . . 145 сл. 158 сл.
Ἰοφῶν Σοφοκλέους ἐκ Κολονῶν . 65 сл.

κακώσεως εἰσαγγελία 279
καπηλεῖον 205
καταγηράσκειν 279
Κεραμεικός . . . . . 201 сл.
Κέρκυρα 62
κούρειον . . . 120 сл. 128 сл. 130 сл.
κύκλοι . . . . . 203 сл.
κύριος . . . . 71. 251—255. 264. 266. 271 сл. 273. 275 сл. 277 сл.

λῆξιν λαγχάνειν . . . 222 сл., 232

μάρτυρες 247. 265
μάρτυρες, μάρτυροι (въ Дельфахъ) 164 сл.
μεῖον . . . . . 120 сл. 130 сл. 261
μισθοῦν τὸν οἶκον (τοὺς οἴκους §§ 36. 37) 285
cf. ἐμισθοῦντο.
μίσθωσις οἴκου . . . . 280. 284 сл.

ναυκληρεῖν 199
ναύκληρος . . . . . 197 сл.
ναῦλον . . . . . 198 сл.
νοθεῖα 134. 256
νόσος . . . . . 246 сл.

οἴκημα . . . . . 80 сл.
οἰκία . . . . 145. 146. 158. 167 сл.
οἰνιστήρια . . . . . 129 сл.
Οἰνόη . . . . . 149[2]
ὁρικὰ ζεύγη . . . . . 195 сл.
ὅρκος ἡλιαστῶν . . . . . 304 сл.
ὅροι . . . . . 186 сл. 287
οὐσία ἀφανής . . . . . 142 сл.
οὐσία φανερά . . . . . 142 сл.

οἱ παραγενόμενοι . . . . . 247 сл.
παρακαταβάλλειν . . . . . 232 сл.
παρακαταβολή . . . . . 232 сл.
Πειραιεύς . . . . . 150 сл. 200
πληροῦν τὸ δικαστήριον . . . 287 сл.
πρᾶσις ἐπὶ λύσει . . . . . 167 сл.
προίξ . . . . . 240 сл. 265
πρόδηλος . . . . . 303 сл.
προσγράφαι 249
προσκαλεῖσθαι εἰς ἐμφανῶν κατάστασιν 250
Πρωτόμαχος Κηφισιεύς, τριήραρχος 60[1]
τῷ πρώτῳ ἔτει . . . . . 126 сл.
πυλίς 201

ἐπὶ ῥητοῖς . . . 35. 113 сл. 117. 133. 244. 251 сл. 255. 257

Σηράγγιον . . . . . 145 сл. 150 сл.
συνήγοροι . . . . . 40. 101 сл.
συνθήκη . . . . . 186 сл.
συνοικία . . . . 80 сл. 197 сл. 201

ὑπογραμματεῖς . . . . . 66 сл.

Beauchet . . . 115. 143. 170 сл. 172. 189. 250. 261 сл. 268 сл. 279
бигамія . . . . . 268 сл.
Blass . . . . . 50[3]. 300 сл.
Bruck 288
Büchsenschütz 199
Buermann . . . . . 233 сл. 239. 268

Wachsmuth . . . . . 151 сл. 200
вступленія Исея . . . . . 300 сл.
„ Лисія . . . . . 300 сл.

Гарпократіонъ . . . . . 291 сл.
Gilbert 115
Hitzig . . . . . 268 сл.
Hruza . . . . . 268 сл.
Guiraud 220

Dareste . . . 43[1]. 46[2]. 47[1]. 153[1]. 226[1]. 228[2]. 233. 239. 303
дата процесса . . . . . 41 сл.
датировка рѣчей Исея . . . 297 сл.
Dittenberger . . . . . 42[2]. 126[3].
дома Евктемона . . . . . 196 сл.
дѣеспособность женщинъ . . . 245

конкубинатъ (законный) 109 сл. 268

легитимація . . . . . 106 сл.

Milchhöfer 202
Müller . . . 111[1]. 116. 132. 258 сл. 268 сл. 270 сл.
мужъ — κύριος жены 278

наслѣдованіе въ восходящей линіи (т. е. со стороны родителей) . . . . . 207 сл. 221
наслѣдственное право (табл.) 220 сл.
Никитскій . . . . . 164 сл.

опекуны — съемщики имущества подъопечныхъ . . . . . 286 сл.

прекращеніе опеки. . . . . 276 сл.
присутствіе дѣтей на предварительномъ слѣдствіи и на судѣ . . . . . 93 сл. 284

расторженіе брака . . . . 268 сл.
Rockel . . . . . 292 сл.

Sanctis . . . . . 120 сл. 130
Schulthess . . . . . 282[1]
стоимость аттическихъ монетъ 146[1]
составленіе завѣщанія . . . 247 сл.
субституція . . . . . 227 сл.
сынъ — κύριος матери 278

уничтоженіе завѣщанія . . . 249 сл.

Эйбель . . . . . 292 сл.

Цѣны аттическихъ земель . 148 сл.

Оглавленіе.

стр.

Введеніе 5

Глава I: **Содержаніе шестой рѣчи Исея и предметъ даннаго иска** 33

Глава II: **Вопросы аттической прозопографіи** 41

1. Евктемонъ 41
2. Жена Евктемона 44
3. Ергаменъ и Гегемонъ 46
4. Филоктемонъ 46
5. Хэрей и его семейство 49
6. Фанострат̀ъ 51
7. Хэрестратъ 55
8. Андроклъ и Антидоръ 70
9. Пиѳодоръ 73
10. Каллиппа 74
11. Сестра Демократа Афиднейскаго . . 75
12. Діонъ 76
13. Алка 77
14. Сыновья Алки 90
15. Συνήγορος Хэрестратa 101

Глава III: **Изслѣдованія въ области аттическаго гражданскаго права** 103

§ 1. Внесеніе старшаго сына Алки въ списки фратріи Евктемона (мнимая легитимація) 103
§ 2. Имущество Евктемона 134
§ 3. Вопросы наслѣдственнаго права . . 207
§ 4. Вопросы семейнаго права 262
I. Бракъ 262
II. Опека 274

Глава IV: **Экскурсы и приложенія** 290

Первый экскурсъ: Къ заглавію шестой рѣчи Исея 290

Второй экскурсъ: Замѣтки къ встрѣчающимся въ рѣчахъ Исея формуламъ ὦ ἄνδρες, ὦ ἄνδρες δικασταί и ἄνδρες δικασταί 292

Третій экскурсъ: Къ вступленію шестой рѣчи Исея (§§ 1—2) 300
1. ἄτοπον 300
2. πρόδηλος 303
3. ὅρκος ἡλιαστῶν 304

Приложеніе I: Библіографическій указатель 306
1. Изданія 306
2. Переводы 307
3. Комментаріи 308
4. Indices 308
5. Спеціальная литература 308
6. Varia 312

Приложеніе II: Замѣтки къ Cod. Crippsianus A 316

Текстъ шестой рѣчи Исея съ критическимъ аппаратомъ . 327

Добавленія 345

Указатели 347

I. Index locorum 347
A. Scriptores 347
B. Inscriptiones 349

II. Index nominum et rerum 350

Замѣченныя опечатки.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Читай.
42,2	8 сн.	Ἀφίδναῖος	Ἀφιδναῖος
50	1 „	впрочемъ	впрочемъ,
62	7 св.	это	эта
73	3 сн.	80 0 b	800 b
88	11 „	побуждающихъ	побуждавшихъ
181	15 „	залогое	залоговое
191	8 св.	этото	этого
265	9 сн.	47	27
282	2 „	ταύτην	ταύτην τὴν
288,1	1 св.	требовалось	требовалась
310	17. 19. 21 св.	E. Kirchner	I. E. Kirchner

Положенія

къ докторской диссертаціи А. М. Придика

„Шестая рѣчь Исея."

---

1) Фанострата нельзя отожествлять съ упомянутымъ у Dem. or. 54 § 7 Фаностратомъ изъ дема Кефисіи.

2) Упомянутаго въ Schol. ad Aeschin. II 31 Протомаха, стратега 406-го года, мы отожествляемъ съ тріерархомъ Протомахомъ изъ дема Кефисіи (C. I. A. II 2 n. 959 a 15). Означенная надпись, на нашъ взглядъ, вырѣзана до 406 года.

3) Вотивная надпись C. I. A. II 1177 несомнѣнно была посвящена коллегіей одиннадцати (οἱ ἕνδεκα). Секретарь одиннадцати, очевидно, занималъ столь же важную должность, какъ и остальные члены этой коллегіи.

4) Андроклъ и Антидоръ — племянники Евктемона.

5) Въ § 19 слова ἤδη δὲ πρεσβυτέρα οὖσα ἀπὸ μὲν τοῦ οἰκήματος ἀνίσταται — позднѣйшая интерполяція.

6) Старшій сынъ Алки въ 364 г. еще не достигъ 18-ти лѣтняго возраста; § 14 οὔπω ὑπὲρ εἴκοσιν ἔτη = онъ былъ моложе 20-ти лѣтъ.

7) Старшій сынъ Алки былъ внесенъ въ списки фраторовъ незаконнымъ образомъ, но непремѣнно съ вѣдома фраторовъ.

8) Въ греческомъ правѣ объ узаконеніи (legitimatio) и рѣчи быть не можетъ.

9) Въ § 22 вмѣсто κούρειον слѣдуетъ читать ἱερεῖον.

10) Слова ὑπὲρ δὲ τῶν θηλειῶν τὴν γαμηλίαν у Poll. VIII 107, повидимому, прибавлены какъ бы въ скобкахъ либо самимъ Полluксомъ, либо однимъ изъ читателей.

11) Въ оффиціальныхъ документахъ имена іерофантовъ сообщались или пропускались смотря по тому, было ли въ данномъ случаѣ важно сообщить имя іерофанта или нѣтъ.

12) По отношенію къ πρᾶσις ἐπὶ λύσει существовала законная давность, которая, быть можетъ, наступала по истеченіи пяти лѣтъ.

13) Залогодатель до исполненія своего обязательства не имѣлъ права продать заложенную вещь, чтобы удовлетворить залогодержателя.

14) При πρᾶσις ἐπὶ λύσει по исполненіи обязательства возвращеніе заложеннаго предмета не было связано съ какой бы то ни было формальной или оффиціальной процедурой.

15) Въ аттическомъ правѣ не было наслѣдованія въ восходящей линіи, т. е. наслѣдованія со стороны родителей.

16) У Евктемона и Филоктемона было только одно общее, нераздѣльное имущество; Филоктемонъ, не смотря на то, имѣлъ полное право составить завѣщаніе.

17) Толкованіе слова ἄπαις = intestatus невѣрно.

18) Въ VI рѣчи говорится объ особой формѣ усыновленія по завѣщанію, о такъ наз. субституціи (substitutio, подназначеніе наслѣдника).

19) Теорія Schulin'a о такъ наз. „Mittelding" между завѣщаніемъ съ усыновленіемъ и завѣщаніемъ безъ усыновленія — несостоятельна.

20) Въ § 46 слова πέμπτου μέρους — нелѣпая интерполяція.

21) Словомъ νόσος въ упомянутомъ у Ps.-Demosth. or. 46 § 14 законѣ обозначаются не только душевно больные, но и глухонѣмые и вообще всѣ по физическимъ недостаткамъ неспособные къ составленію завѣщанія.

22) Такъ какъ упомянутое въ §§ 27 сл. завѣщаніе есть ничто иное, какъ мировая сдѣлка, т. е. договоръ двухъ контрагентовъ, то Евктемонъ не имѣлъ ни малѣйшаго права самовластно уничтожить этотъ документъ или объявить его недѣйствительнымъ.

23) Мюллеръ ошибается, утверждая, что въ IV в. въ Аѳинахъ не было νοθεῖα.

24) Техническіе термины μεῖον, κούρειον и νοθεῖα употреблялись оффиціально въ законныхъ постановленіяхъ, въ литературномъ же — и по всей вѣроятности, и обиходномъ — языкѣ не употреблялись.

25) Въ Аѳинахъ ἐπίτροπος не имѣлъ права жениться на своей питомицѣ.

26) Въ § 37 слова ἐπειδὴ πρῶτον τὰ δικαστήρια ἐπληρώθη могутъ только обозначать слѣдующее: „въ ближайшемъ засѣданіи суда присяжныхъ."